СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

В журнале «Советская археология» помещаются научно-исследовательские статьи по вопросам археологии и смежных с нею дисциплин, критические статьи и рецензии на вновь вышедшие книги по археологии, публикации новых археологических материалов.

Присланные статьи рецензируются, после чего утверждаются редакционной коллегией.

При подготовке рукописей просим авторов придерживаться следующих правил:

1. Рукописи следует присылать в 2 экземплярах, напечатанных на машинке через два интервала на одной стороне листа стандартного размера с полями с левой стороны листа.

2. Сноски помещаются внизу страницы, а не в конце статьи. Нумерация сносок постатейная.

3. Последовательность цитирования монографий: автор (инициалы перед фамилией), название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

4. Последовательность цитирования журнальных статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала, год, номер, страница.

5. К статье прилагается список употребляемых сокращений в двух экземплярах.

6. Иллюстрации следует давать в пригодном для воспроизведения в печати виде (фото — контрастные на глянцевой бумаге и рисунки — тушью). Фотографии следует представлять в двух экземплярах. Иллюстрации должны быть пронумерованы соответственно порядку их упоминания в тексте статьи, на обороте каждого рисунка следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. К иллюстрациям необходимо приложить список подписей под рисунками в двух экземплярах.

Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского, греческого и арабского алфавитов, должны быть сдублированы на кальку для изготовления клише.

7. Направляемая в редакцию рукопись должна быть подписана автором, текст ее тщательно проверен, все ссылки выверены. Должны быть указаны дата отправления и полный почтовый адрес автора.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1960

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:

Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *М. А. Николаева*

Т-12382 Подписано к печати 29 X 1960 г. Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$ Бум. л. $8^{1}/_{2}$
Печ. л. 23,29 Уч.-изд. л. 26,9 Тираж 1860 экз. Заказ 880

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

Н. Я. МЕРПЕРТ, А. П. СМИРНОВ

АРХЕОЛОГИЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЧВОВЕДЕНИЯ

(В связи с работами Куйбышевской экспедиции)

За последние годы все большее значение приобретают исследования, использующие при решении больших проблем данные и методы нескольких научных дисциплин. Это в полной мере касается и археологии, связи которой с точными и естественными науками становятся все шире и органичнее, способствуя более глубокому и всестороннему раскрытию памятников далекого прошлого. Одни из этих связей явились в результате научных достижений последнего времени, другие имеют уже довольно длинную традицию. К последним следует отнести связи археологии с геологией, почвоведением, палеогеографией.

История этого вопроса уходит к начальному времени развития археологии, когда определение возраста древнейших стоянок могло быть обосновано лишь геологическими данными. Для более поздних периодов археологи пытались — и в отдельных случаях небезуспешно — устанавливать хронологию памятников по росту речных дельт. В этом отношении весьма интересны были работы по хронологии дельты Нила. Однако в целом эта задача не была разрешена ни на Ниле, ни на Миссисипи, ни в других местах.

Значительно бóльших результатов достигли исследователи в установлении хронологии по ленточным глинам. После первых работ Э. Пьетта, опубликованных еще в 1895 г., исследования в этом направлении проводились весьма успешно; они позволили с определенной точностью датировать древнейшие стоянки современного геологического периода на севере Европы.

Для определения возраста как древнейших стоянок, так и поселений более поздних периодов использовались и данные аллювиальных отложений европейских рек. С этой же целью производились наблюдения над черноземом. Еще в первые годы нашего века В. А. Городцов, производя свои широко известные исследования в районе Сев. Донца, обратил внимание на разницу в мощности слоя чернозема под курганной насыпью и на открытой площади. Он установил, что разница эта тем значительнее, чем древнее курган. В. А. Городцовым было установлено также различие в темпе роста чернозема при различных природных условиях. К сожалению, после В. А. Городцова подобные наблюдения производились весьма редко. Между тем они имеют весьма широкое значение и интересны как для археологов, так и для почвоведов.

Наблюдения археологов над темпом роста чернозема на различных конкретных территориях и над историей ландшафтов в связи с деятельностью человека, безусловно, представляют определенный интерес и при разработке современных народнохозяйственных проблем.

* *

В настоящей статье сделана попытка подвести итоги наблюдениям, произведенным археологами при работах в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Наблюдения эти проводились в различных условиях при исследовании памятников разных эпох, главным образом — эпохи бронзы и средневековья. В этой связи мы считаем возможным поставить и некоторые общие вопросы, касающиеся почвоведения и археологии Поволжья.

При изучении эпохи бронзы Поволжья наблюдения над характером почвы крайне важны не только для выяснения стратиграфии и относительной хронологии памятников, но и для воссоздания древнего ландшафта. Характер природного окружения всегда является важнейшим фактором в развитии экономики человеческого общества. Всестороннее изучение конкретных племенных групп во всем своеобразии их хозяйственной деятельности возможно лишь при постоянном учете конкретных условий их существования. Во всей своей деятельности человек «непрерывно опирается на содействие сил природы» [1], на «естественное богатство средствами жизни» [2], которые на низших ступенях развития имели решающее значение. «Всякая историография должна исходить из... природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории» [3]. Поэтому необходимо обратить самое серьезное внимание на выяснение природных условий, в которых жило население Поволжья в эпоху бронзы. Отличались ли условия той эпохи от современных и если отличались, то в какой мере? Каковы были факторы, определявшие их в то время?

При изучении этого вопроса необходим в равной мере учет как археологических, так и палеогеографических данных.

Одна из первых попыток сопоставления этих данных для интересующего нас района была сделана А. П. Кругловым и Г. В. Подгаецким [4]. Приступая к своему исследованию, эти авторы исходили из общего тезиса геологов и палеогеографов об изменении климатических условий в послеледниковый период в сторону засушливости. Характер этого изменения А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий представляли настолько резким, что считали возможным для определенных территорий современных степей и лесостепи ставить вопрос даже о пустыне. Используя общие заключения В. В. Докучаева, Б. Л. Личкова, Б. Б. Полынова, А. Д. Гожева и др. относительно речных террас Донца и Днепра, они пришли к выводу о синхронизации периода сухого климата (так называемого ксеротермического периода) с бронзовым веком и о распространении в это время степей в более северные широты по сравнению с настоящим временем [5]. Указав в качестве дополнительного доказательства на результаты изучения ленточных глин и торфяников Швеции и Финляндии (т. е. на некоторые моменты климатологической схемы Блитта — Сернандерга), авторы заключают, что «время ксеротермического периода, продолжительностью около 3000 л., предшествовавшего современному периоду, длящемуся в течение также около трех тысячелетий, совпадает со временем исследуемого нами этапа общественного развития» [6].

Авторы не останавливаются на вопросах о том, на какую территорию и в какой мере оказал воздействие ксеротермический период. Они оперируют данными из районов, разделенных сотнями и тысячами километров (Сев. Донец — Поднепровье — Финляндия — Швеция). Вся ли территория, разделяющая эти районы, испытала иссушение климата? Был ли это

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1955, стр. 50.
[2] Там же, стр. 516.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, М., 1955, стр. 19.
[4] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Л., 1936, стр. 44 сл.
[5] Там же, стр. 47.
[6] Там же.

единый процесс? В равной ли мере проявлялось иссушение климата во всех областях?

Эти вопросы остались не освещенными. Что касается Поволжья, то авторы не касаются его специально в этой части своего исследования, однако подчеркивают преобладание безлесной полынной степи в восточной части степной зоны и повышение границы степей по мере движения на восток [7]. Для более западных районов (бассейны Донца и Днепра) они признают существование лесной растительности («несомненно, в меньших размерах по сравнению с настоящей»), которую считают (вслед за В. В. Докучаевым) результатом воздействия старого лесного Карпатского кряжа [8]. Наличие деревянных конструкций в погребениях, следов дубовых листьев и костей лесных животных авторы объясняют наличием небольших дубовых лесов в балках, у речных берегов или в песчаных местностях [9]. Однако еще раз подчеркнем, что и эти явления А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий считают характерными для западных районов степной полосы, но не для Поволжья.

Таким образом, уже А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий связывали общий характер природной среды, окружавшей степные племена в эпоху бронзы, с ксеротермическим периодом. Но надо отметить, что делали они это достаточно осторожно, не отводя ксеротермическому периоду решающей роли в процессе расселения этих племен и в других основных исторических явлениях эпохи бронзы.

Однако в дальнейшем ксеротермический период стал играть все большую роль в построениях археологов, некоторые из которых (О. Н. Бадер, В. И. Равдоникас, А. В. Збруева, К. В. Сальников и др.) были в своих утверждениях более категоричными, чем сами палеогеографы. Так, например, О. Н. Бадер считает, что «значительное смещение к северу границы лесных и степных ландшафтов в голоцене по сравнению с их современными границами — факт общепризнанный» [10].

Между тем среди самих палеогеографов, почвоведов, палеозоологов ныне определились значительные расхождения по этой проблеме. Новые научные данные, прежде всего микропалеоботаническое изучение послеледниковых торфяников, обусловили выступления ряда крупных специалистов (К. К. Макаров, Д. А. Герасимов, Г. А. Благовещенский, Ф. Е. Мильков, В. П. Гричук, И. М. Пьявченко, Д. К. Зеров, И. В. Матекин и др.) против отнесения ко II тысячелетию до н. э. засушливого периода с соответствующим ему смещением к северу границы лесных и степных ландшафтов [11]. Более того, новые факты позволили говорить о наличии в ряде районов в послеледниковую эпоху не ксеротермического периода, а так называемого «периода климатического оптимума», теплый и влажный климат которого способствовал значительному увеличению площади лесов, вклинившихся на территорию современных степей [12]. С этими данными согласовывались и некоторые наблюдения археологов. Укажем, например, на весьма интересные результаты пыльцевого анализа почв, произведенного Прикаспийской археологической экспедицией. Результаты эти, опубликованные Е. И. Крупновым [13], подтвердили значительно большее распространение в эпоху бронзы лесов в ныне засушливых районах предкавказских степей.

---

[7] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Ук. соч., стр. 50.

[8] Там же, стр. 48.

[9] Там же, стр. 48—49.

[10] О. Н. Бадер. Палеогеография Урала и Северо-Восточной Европы. Материалы по четвертичному периоду СССР, вып. 2, М., 1950, стр. 142.

[11] См., напр., Ф. Е. Мильков. Взаимоотношения леса и степи и проблема смещения ландшафтных зон на русской равнине. Изв. Всесоюзн. Географ. Об-ва, т. 84, 1952, № 5, стр. 431—447.

[12] Д. К. Зеров. Основные черты послеледниковой истории растительности УССР. Тр. Конференции по спорово-пыльцевому анализу, 1948. М., 1950.

[13] Е. И. Крупнов. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 105.

Между тем палеогеографы, защищавшие существование ксеротермического периода, также включили в арсенал своих доказательств археологический материал. В наиболее развернутом и полном виде теория ксеротермического периода представлена в работах покойного академика Л. С. Берга «Климат и жизнь» (1947 г.) и «Некоторые соображения о послеледниковых изменениях климата и лесостепи» (1950 г.) В них автор использует данные всех наук, касающихся этой проблемы, и с их помощью обосновывает свой главный вывод о ксеротермическом времени, падающем на определенный период суббореальной эпохи [14].

Археологические доказательства, приведенные акад. Л. С. Бергом, сводятся к указанию в Вологодской, Калининской, Московской областях ряда стоянок II тысячелетия до н. э., находящихся на ныне заболоченных или заливаемых во время весенних разливов местах (Погостище I и II, Караваиха, Веретье и др.). Прекращение существования стоянок в связи с изменением водного режима послужило здесь основанием для датировки ксеротермического периода II тысячелетием до н. э.

Это весьма серьезный довод. Однако дальнейшие исследования показали, что вопрос об изменении влажности и причинах прекращения жизни на поселениях должен решаться особо для каждого отдельного случая. В ряде мест изменение водного режима действительно имело место, но процессы заболачивания, торфообразования и т. д. являются закономерным результатом длительного процесса, начавшегося еще в IV тысячелетии до н. э. [15] Кроме того, при изучении явлений подобного рода должны учитываться особенности процесса формирования пойм равнинных рек [16]. Наконец, некоторые исследователи справедливо полагают, что в самом факте существования поселков, расположенных на затопляемых весной участках, нет ничего невероятного [17]. Что же касается пойменных стоянок II тысячелетия до н. э., то большинство их носит временный характер и жители могли оставлять их на время весенних разливов.

Таким образом, даже для этих территорий, памятники которых, казалось бы, наиболее показательны, вопрос о существовании «ксеротермического периода», степени его воздействия на ландшафт и главным образом о дате его не может считаться окончательно разрешенным. Это касается как палеогеографических исследований, использующих археологические данные, так и специальных археологических работ [18].

Что же касается Поволжья, то здесь еще меньше оснований говорить о решающей роли ксеротермического периода, определившего отличия естественной среды эпохи бронзы от современных условий. Данные спорово-пыльцевого анализа, результаты исследований торфяников Среднего Поволжья исключают возможность сколько-нибудь заметных климатических изменений и резкого перемещения растительных зон этой области в течение последних шести тысяч лет [19]. Они явно противоречат представлениям о ксеротермическом периоде во II тысячелетии до н. э. и о заметном повышении в эту эпоху границы степных и лесных ландшафтов.

Определенное значение имеют здесь и наблюдения, сделанные во время работ Куйбышевской экспедиции.

Экспедиция возобновила начатую В. А. Городцовым работу по выяснению по археологическим данным темпа роста чернозема. Соответствующие наблюдения были сделаны в Куйбышевской и Ульяновской областях

---

[14] Л. С. Берг. Некоторые соображения о послеледниковых изменениях климата в лесостепи. М., 1950, стр. 57.

[15] Г. Н. Лисицына. Основные черты палеогеографии Северо-Запада Восточно-Европейской равнины в позднe- и послеледниковое время. Автореферат канд. диссертации. М., 1955.

[16] Там же.

[17] Там же.

[18] О. Н. Бадер. Ук. соч.

[19] Н. И. Пьявченко. Итоги изучения торфяников и история ландшафтов Среднего Поволжья. Тр. Конференции по спорово-пыльцевому анализу, 1948. М., стр. 35.

при раскопках как курганов, так и поселений. Уровень наслоения материкового выкида из могильных ям, четко прослеженный в ряде случаев, позволил определить верхнюю границу слоя погребенного чернозема под несколькими синхронными курганами. Толщина этого слоя измерялась и сравнивалась с толщиной современного слоя чернозема. Для определения последней вблизи курганов закладывались специальные шурфы. При измерениях, естественно, принимались во внимание данные нивелировки местности. Толщина слоя чернозема в шурфах, как правило, заметно превышала толщину слоя погребенного чернозема. Разницу между ними следует относить за счет роста слоя чернозема в период, последовавший за насыпкой курганов.

Такие измерения производились много раз и в различных местах (Хрящевка, Кайбелы). Обилие погребений в курганах и четкость стратиграфии позволили неоднократно проверять полученные данные. Так, в кургане № 5 Хрящевки измерения производились по срезу центральной продольной бровки под выбросами четырех погребений. Контрольные шурфы закладывались вокруг курганов в числе четырех или шести. И во всех случаях опыты дали чрезвычайно близкие результаты: слой чернозема, накопившийся с момента насыпки курганов, равнялся примерно 30 *см*.

Все открытые в материковых ямах под курганами погребения относятся к середине и третьей четверти II тысячелетия до н. э., т. е. отстоят от нас на 3200—3500 лет. Именно за этот период произошло увеличение слоя чернозема на 30 *см*. А если так, то можно полагать, что слой чернозема возрастал в этих районах Среднего Поволжья на 0,8—0,9 *см* в столетие.

Следует особо отметить, что ни в одном случае не было зафиксировано следов какого-либо нарушения процесса образования чернозема в период, последовавший за насыпкой курганов. Между тем предполагаемые сторонниками существования ксеротермического периода новое увлажнение климата, смещение зон к югу и наступление леса на степь должны были бы получить определенное отражение в почвообразовательном процессе.

С другой стороны, представляется весьма показательным тот факт, что под некоторыми курганами слой погребенного чернозема очень невелик — не превышает 5—7 *см*, а иногда и вовсе отсутствует. Под этим слоем, а иногда и непосредственно под насыпью залегают оподзоленные лесные почвы. Особенно это касается курганов, расположенных на второй надпойменной террасе (Хрящевка, курганы № 5, 7, 9, Красная Звезда, Красная Речка). Под курганами, расположенными на третьей надпойменной террасе, слой чернозема несколько толще (Кайбелы, курганы № 23 и 34). Это полностью согласуется с современным распределением растительности на этих террасах: леса, как правило, располагаются ныне на второй террасе или на склоне третьей; сама же третья терраса занята полынной степью и только в отдельных балках можно встретить здесь немногочисленные леса.

На поселении второй половины II тысячелетия до н. э. Сускан I чернозем залегал лишь выше подошвы культурного слоя и составлял те же 30 *см*. Ниже и здесь располагались оподзоленные лесные почвы с многочисленными пятнами от мощных корней, свидетельствующими о том, что обитателям поселка пришлось отвоевывать избранное ими место у леса.

Уже эти данные ни в коей мере не являются подтверждением наличия ксеротермического периода во II тысячелетии до н. э. и смены его впоследствии влажным субатлантическим временем. Напротив, они свидетельствуют о сравнительно позднем установлении в районах Среднего Поволжья степного режима, о равномерном, ничем не нарушенном процессе образования степных почв, протекавшем в основном после создания исследованных нами памятников, т. е. после конца II тысячелетия до н. э.

Почвенные наблюдения не дают, таким образом, никаких оснований утверждать существование для Поволжья в эпоху бронзы климата, более

сухого по сравнению с современным, обусловившего абсолютное господство степи и отсутствие лесной растительности. Более того, наличие значительных участков оподзоленных почв, подстилающих чернозем, позволяет предполагать для этой эпохи даже несколько бо́льшую влажность и большее распространение лесной растительности [20], что согласуется с представлениями о периоде «климатического оптимума».

При рассмотрении этого сложного и, как мы видим, спорного вопроса, должны быть учтены и специфические данные археологии. На территории Саратовского и Куйбышевского Поволжья, т. е. в центре предполагаемой «ксеротермической степи» и очень далеко от «отступившей к северу» границы леса был открыт за последние десятилетия ряд поселений эпохи бронзы. На них исследованы жилища, представляющие собой достаточно единообразный по своей конструкции тип. Во всех случаях это были полуземлянки, иногда весьма значительной площади, с обязательной сложной наземной конструкцией, выполненной из бревен различного диаметра. Достаточно напомнить большие дома Успенского и Мастюгинского поселений, исследованных И. В. Синицыным [21], или дома поселения Сускан I, исследованного одним из авторов настоящей статьи [22]. Здесь мощные бревна составляли ряды опорных столбов, бревна меньшего диаметра, но весьма значительной длины составляли основу крыши и т. д. Бревенчатая конструкция сусканского дома была рассчитана на перекрытие котлована площадью около 300 $м^2$. Выполнение такой конструкции могло явиться лишь результатом широкого распространения деревянного строительства и длительной традиции его развития.

Но не только при строительстве домов широко использовалось дерево. Уже само название «срубная культура» связано со специфическим оформлением погребальных сооружений. К хорошо известным ранее видам таких сооружений — накатникам и срубам — в результате исследований последних лет прибавились более сложные сооружения, такие как обкладка деревом курганной насыпи и целые погребальные дома, имевшие значительные размеры и полностью повторявшие конструкцию домов на поселениях [23]. Накатники иногда состояли из двух рядов бревен, весьма массивных и более чем вдвое превышавших длину могильной ямы. Известно, что деревянные сооружения не являются обязательной принадлежностью всех погребений в курганах срубной культуры, но их все же много, а на определенном этапе ими снабжалось большинство погребений по всему Поволжью, включая чисто степные районы современной Сталинградской области.

Таким образом, можно говорить о широком, даже щедром употреблении дерева племенами срубной культурно-исторической области в Поволжье. Сообразуется ли это с ксеротермическим периодом и чисто степным ландшафтом? Полагаем, что нет. Указанные племена не могли импортировать лес с севера. Каждое племя для строительства жилищ и погребальных сооружений использовало, конечно, местные ресурсы. И среди этих местных ресурсов в Среднем и даже Нижнем Поволжье, безусловно, был лес, причем, очевидно, в достаточно большом количестве.

В этой связи следует обратить внимание на состав кладов бронзовых изделий, относящихся к этой эпохе, и на хорошо известные ныне литейные формы. И там и здесь особое место отведено топорам различных видов — важнейшему орудию борьбы с лесом и обработки дерева. Распространены такие находки по всему Среднему и Нижнему Поволжью, включая Сталинградскую степь. Достаточно показательны здесь формы для отливки

[20] А. А. Чугуряева. Растительность Заволжья эпохи раннего железа. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. III, Саратов, 1960, стр. 188.

[21] И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 209, рис. 15.

[22] Н. Я. Мерперт. Из древнейшей истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, рис. 13.

[23] Там же, стр. 91 сл.

проушных топоров из Калиновского могильника, исследованного В. П. Шиловым [24]. И отнюдь не с «ксеротермической степью» связаны широкое распространение этих орудий и несомненно местное их производство.

Мы уже подчеркивали, что при изучении экономики древних племен необходим постоянный учет особенностей природной среды, в условиях которой протекала их жизнь. Но, с другой стороны, и для истории этой среды, прежде всего для истории ландшафтов, немалое значение имеет правильная характеристика экономики древних племен определенной местности, основанная на данных археологии.

Так, теории «ксеротермического периода» в эпоху бронзы соответствовало представление о чисто скотоводческом хозяйстве степных племен и о расселении степных скотоводов на север в связи с повышением границы «ксеротермических степей». Так, казалось бы, можно было объяснить появление племен срубной культурной области в районах Камы, Оки и т. д. При этом, естественно, следовало предполагать весьма подвижный — кочевой и полукочевой характер скотоводства «срубных» племен. Отметим, что экономике этих племен при подобном построении отведена лишь абсолютно пассивная роль.

Однако исследования последних лет позволили в значительной мере пересмотреть общие представления об экономике степных племен эпохи бронзы. И прежде всего следует отметить, что все основные данные, касающиеся хозяйства и образа жизни «срубных» племен Поволжья, определенно противоречат наличию у них кочевого скотоводства. С ним не вяжутся устройство долговременных поселков, строительство больших и прочных домов, состав стада с явным преобладанием крупного рогатого скота и наличием свиньи [25], наконец, широкое распространение разнообразных земледельческих орудий — серпов, секачей, зернотерок, мотыг.

Раскопки ранее неизвестных энеолитических поселений степной полосы показали, что земледелие было освоено уже племенами древнеямной культуры — прямыми предшественниками «срубных» племен. Что же касается последних, то в их хозяйстве земледелие играло не меньшую роль, чем пастушеское, придомное скотоводство. Более того, именно земледелие представляется, в свете археологических данных, ведущей, основной отраслью хозяйства «срубных» племен, предопределившей оседлый характер их жизни, облик поселений и даже характер скотоводства [26]. Недаром такие характерные земледельческие орудия, как серп, столь высоко ценились и в большом числе входили в состав упоминавшихся уже кладов бронзовых орудий.

С земледелием же следует связывать и широкое продвижение «срубных» племен в глубь лесостепных областей, необъяснимое для чисто скотоводческих племен. Техника земледелия эпохи бронзы в указанных областях обусловила пойменный и подсечно-огневой его характер. Такое хозяйство могло развиваться в условиях лесостепи, близкой современному ландшафту Среднего Поволжья, возможно, отличавшейся даже несколько большим распространением лесной растительности. Подобная лесостепь — дубовые, осиновые, сосновые леса и рощи, чередующиеся с лугами и степными участками, — спускалась в эпоху бронзы несколько южнее современной ее границы, захватывая южную часть Куйбышевской и Саратовскую область. Естественно, что земледельцы тяготели к пойменным участкам и к кромке леса, вырубая и выжигая его при подсечно-огневой системе земледелия.

Значения этой системы нельзя недооценивать, как нельзя недооценивать и воздействия ее на окружающий ландшафт. Этнография знает не-

---

[24] В. П. Шилов. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье. МИА, № 60, 1959, рис. 5.

[25] В. И. Цалкин. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 221 сл.

[26] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 156.

мало примеров широкого распространения подсечно-огневого земледелия и связанного с ним исчезновения значительных лесных участков [27]. Что же касается Поволжья, то, помимо указанных выше общих данных, в пользу распространения здесь подсечно-огневой системы говорят находки секачей — специфического орудия для вырубки кустарника, предназначенного для сожжения. Вырубая и выжигая участки леса, человек активно воздействовал на ландшафт. А весьма большая плотность населения Поволжья в эпоху бронзы обусловила значительную степень этого воздействия. Земледельческие племена срубной культурной области вклинивались все дальше в лесостепные районы, осваивали все новые и новые территории. И если в конце эпохи бронзы и в последующую эпоху площадь лесов в Среднем Поволжье сократилась и граница их отступила к северу, то определенная роль в этом процессе должна была принадлежать самому человеку [28]. Племена эпохи бронзы, в частности «срубные» племена, были уже достаточно технически вооружены для активного воздействия на окружающую их среду. Ведь речь идет об эпохе широкого распространения металлургии и передовых производительных форм экономики, обусловивших значительный общий прогресс в жизни населения южнорусских степей.

Таким образом, характер взаимодействия человека с окружающей его средой в эпоху бронзы был уже весьма сложным. При изучении его необходимо использование данных как археологии, так и палеогеографии, пополняющих и корректирующих друг друга. Результаты же такого изучения важны для работы как над собственно археологическими, так и над палеогеографическими проблемами.

Следует остановиться и на некоторых наблюдениях, произведенных при раскопках средневековых памятников. Наиболее интересны здесь данные, связанные со стратиграфией городища Великие Болгары. Культурный слой этого памятника имеет весьма сложное строение и отражает длительный исторический процесс. Древнейшие напластования здесь относятся к VI—VII вв. н. э.— времени существования на этой территории небольших поселков догородского типа. Естественно, остатки их встречены далеко не на всей площади городища, а лишь на отдельных участках. Далее следуют слои небольшого болгарского города домонгольской эпохи и крупнейшего политического и ремесленно-торгового центра Среднего Поволжья золотоордынской эпохи. Последние два слоя разделены прослойкой, связанной с огромным пожаром, последовавшим за взятием города монгольскими ордами.

Весьма показательно, что культурный слой самого города и всех поселений в его окрестностях подстилался подзолом: все они возникли в лесной зоне. Перекрыт же культурный слой черноземом, над которым залегают слои русской деревни конца XVI или начала XVII в. Конечно, такая последовательность культурных напластований сохранилась не на всей территории городища. В ряде случаев она нарушена активным строительством, особенно золотоордынского периода и периода русской деревни (с последней связано сооружение многочисленных погребов, нарушивших все предшествующие напластования). Но указанные выше наблюдения над характером почвы при этом не изменились: если нижние слои оказываются вычерпанными, то золотоордынский слой залегает на подзоле (или на материковых суглинках) и перекрывается черноземом.

Широкий размах раскопок в различных частях городища позволил исследовать большое число профилей и многократно подтвердить указанную последовательность, доказав тем самым ее закономерность.

Однако такая картина наблюдалась отнюдь не на всей территории Закамья. Несколько восточнее рассмотренного памятника, в 40—50 *км*

[27] Д. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1953.

[28] В. В. Докучаев. Наши степи прежде и теперь. Собр. соч., т. 6, М., 1951, стр. 17.

от берега Волги, культурные напластования городища Сувар подстилал слой чернозема. С тем же фактом археологи столкнулись в пригородах Сувара, на соседних с ним небольших болгарских городищах, на Балымерском городище и на жертвенном месте Шолом. Южнее, в районе р. Майны, наряду с поселениями I тысячелетия н. э. и болгарского периода, основанными в лесной зоне (на что указывает подстилающий подзол), встречены остатки таких же поселений, основанных на слое чернозема. Эти материалы достаточно ярко свидетельствуют о том, что в I тысячелетии н. э. Среднее Поволжье сохраняло лесостепной ландшафт с большими массивами леса.

Раскопки болгарских городов позволяют говорить о широком развитии в них деревянного строительства. Были исследованы многочисленные сооружения из дуба, липы, березы, сосны, ели. Значительное распространение этих видов деревьев в землях Волжской Болгарии подтверждается и палеоботаническими исследованиями, и некоторыми свидетельствами восточных авторов.

Однако к концу болгарского периода ландшафт этой части Поволжья стал изменяться в сторону увеличения степных пространств. Сокращению площади лесов и в эту эпоху содействовало распространение земледелия, уже в домонгольский период получившее широкое развитие. Сведения русской летописи свидетельствуют о вывозе пшеницы из Волжской Болгарии в соседние княжества. Изучение болгарских земледельческих орудий и территории их распространения показывает, что вся закамская часть, а также и Казанское Поволжье были областями развитого земледелия.

А. В. Кирьянов, изучая земледельческие орудия Волжской Болгарии, выделил среди них различные типы, отвечающие различным приемам обработки почвы [29]. Первоначальные рыхлящие орудия раннего типа могли применяться только на рыхлых почвах и не отвечали задаче обработки плотных задернованных почв. Болгарские плуги с тяжелым лемехом, с ножем-чересломом, с отвальной доской и, по-видимому, колесным передком давали возможность разрабатывать свежие, целинные земли. Эти орудия применялись не только для обработки новых земель, но также перелогов и залежей. Они разрешали главную задачу, полностью переворачивали травяной пласт, создавая тем самым оптимальные условия для разложения дерна. Рыхлящие орудия и тяжелые плуги, как показывают раскопки последних лет, а также коллекции крупнейших музеев страны (ГИМ, Гос. музей ТАССР) существовали одновременно на протяжении всего болгарского периода. Если тяжелые плуги служили для разработки целинных земель, то орудия рыхлящего типа употреблялись на старопахотных мягких почвах [30].

Эти факторы свидетельствуют о том, что за время существования Волжской Болгарии земледелие распространилось и охватило большие территории. По-видимому, близ крупных городов уже существовала паровая система восстановления плодородия почвы, а на периферии происходило освоение новых земель и практиковалась залежная система. К началу XV в. большое число земельных участков было распахано, а количество лесных площадей в связи с этим заметно сократилось.

Таковы были факторы, безусловно влиявшие на ландшафт Среднего Поволжья в болгарскую эпоху. Однако после 1431 г. условия изменились. Волжская Болгария, вступившая на путь феодальной борьбы с Москвой, была в этот год разгромлена войсками князя Василия Второго. После этого центры культурной жизни переместились к северу, в районы Приказанья. Территория Закамья долгое время оставалась заброшенной.

---

[29] А. В. Кирьянов. К вопросу о ранне-болгарском земледелии. МИА, № 61, стр. 290.

[30] А. В. Кирьянов. К вопросу о земледелии волжских болгар. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 15.

В этот-то период здесь весьма активно протекал процесс формирования чернозема, слой которого покрыл остатки многих болгарских поселений. На городище Великие Болгары он достигал в среднем 20—30 *см.*

Этот слой накопился за период от 1431 г. до самого конца XVI или начала XVII в. Верхняя грань этого периода датируется монохромными красными рельефными изразцами русской работы, характерной для XVI—XVII вв., и чернолощеной посудой с графитовым оттенком, найденными в основании русского слоя на грани с черноземом. Подстилающий чернозем золотоордынский слой характеризуется находками монет начала XV в. и поливной посуды голубого и зеленого цвета, а также белого цвета с растительным орнаментом.

Таким образом, дата слоя чернозема устанавливается довольно точно, а период его формирования определяется в 150—200 лет. В таких же условиях находился и слой чернозема, перекрывавший культурные напластования болгарского периода в урочище Ага-Базар. Здесь также были найдены хорошо датированные комплексы, включающие золотоордынские монеты начала XV в.

Все приведенные материалы позволяют заключить, что верхний слой чернозема на территории Волжской Болгарии сформировался в эпоху существования Казанского ханства, когда территория Закамья в большей своей части представляла дикое поле. Заселение этого края русскими началось не сразу после взятия Казани, а лишь в самом конце XVI в., с началом строительства русских городов Поволжья. В 1586 г. были основаны Самара и Уфа, в 1589 г.— Царицын, в 1590 г.— Саратов. Пользуясь этими опорными пунктами, в Поволжье стало расселяться и русское сельское население. В ряде мест, в частности в Болгарах, слой чернозема перекрыт культурным слоем русской деревни. Несмотря на это бо́льшая часть Закамья довольно долго оставалась областью ногайских и башкирских кочевий и была заселена земледельческим населением лишь в XVIII в. Таким образом, часть этих земель пустовала около 300 лет. В этот период, наряду с развитием степного ландшафта, шел процесс распространения лесов. В урочище Ага-Базар под слоем чернозема лежит слой подзола (вплоть до почвы современного леса), соответствующий II (русскому) слою Болгарского городища. В. Д. Авдеев в своей работе «К вопросу о происхождении и характере степной растительности Западного Закамья» [31] устанавливает к концу XIV в. минимум в распространении лесов в Закамье, наступивший в результате хозяйственной деятельности человека. Последующее увеличение площади лесов, достигающее максимума в XVII—XVIII вв., он связывает с запустением Закамья. Изучение растительности Закамья и палеоботанического материала этого края позволило В. Д. Авдееву прийти к выводу о том, что «вся растительность Закамья уже много веков находится под усиленным влиянием человека, несколько раз вырубавшего леса и, возможно, не раз распахивавшего участки, занятые теперь степной растительностью, не говоря уже об интенсивном использовании их в качестве сенокосов и пастбищ» [32].

Это положение В. Д. Авдеева находится в полном соответствии с археологическими данными, полученными за последние годы. Мы уже видели, что начиная с эпохи бронзы воздействие человека на окружавшую природу было значительным и достаточно ощутимо влияло на ландшафт. В эпоху Волжской Болгарии такое воздействие было, естественно, еще значительнее. Степной характер ландшафта Закамья явился результатом, с одной стороны, активного земледельческого хозяйства волжских болгар, а с другой — военной катастрофы, создавшей здесь полосу запустения.

---

[31] В. Д. Авдеев. К вопросу о происхождении и характере современной степной растительности Западного Закамья. Автореферат докторской диссертации. М., 1953, стр. 8—9.

[32] Там же, стр. 9.

Что же касается вопроса об истории формирования черноземных почв и о создании натурального масштаба времени по мощности чернозема, то результаты наблюдений, проведенных Куйбышевской экспедицией, свидетельствуют о большой сложности этой проблемы. Можно лишь констатировать, что темп роста слоя чернозема различен и должен рассматриваться особо для конкретных территорий и конкретных условий. Поэтому неудивительно, что полученные нами данные разноречивы, точно так же как и данные, полученные В. А. Городцовым. Этот исследователь установил (опираясь на материалы древнеямных погребений) прирост чернозема в районе рек Сев. Донца и Кальмиуса в 6,18 *мм* в столетие [33], а для юзовского чернозема такой прирост составлял 5,8 *мм* [34]. Мы видели, что исследование курганов эпохи бронзы Поволжья позволило говорить о приросте в 8—9 *мм*, а для городища эта цифра значительно возрастает: даже если иметь в виду минимальную цифру прироста здесь чернозема за 200 лет 10 *см*, то и в этом случае прирост в столетие достигает 5 *см*, а годовой прирост — 5 *мм*. Пока этот вопрос остается открытым; он требует накопления новых данных и наблюдений над стратиграфией многих памятников, расположенных на различных территориях. Своей статьей мы старались обратить внимание на необходимость таких наблюдений, на важность их для решения археологических и почвоведческих проблем. Мы старались показать, что в различные эпохи и в различных условиях история людей и история окружающего их ландшафта находились в самой тесной взаимосвязи, активно влияя друг на друга. В такой же взаимосвязи они должны и изучаться.

---

[33] В. А. Городцов. К вопросу об установлении натурального масштаба времени аллювиальным отложениям в долинах рек Окской системы. Тр. СА РАНИОН, вып. II, М., 1928, стр. 19.

[34] Там же, стр. 20.

П. П. ЕФИМЕНКО

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПАМЯТНИКАХ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

(К происхождению мадленской культуры Восточной Европы)

Палеолитическое население Европы никогда не вело совершенно замкнутого существования в границах своего небольшого континента. Даже на крайнем западе Европы, который в эту эпоху, несомненно, уже был отделен от соседнего Африканского материка Гибралтарским проливом, находки скелетов явно негроидного типа в позднепалеолитических отложениях гротов Гримальди близ Ментоны указывают на наличие каких-то прямых контактов древнего населения нашей части Света с южными соседями. О таких же далеких, несомненно тоже межконтинентальных этнических связях в эпоху позднего палеолита свидетельствует и находка погребения негроида с близкими физическими признаками на одной из позднепалеолитических стоянок костенковской группы.

Широко открытая в сторону Южной, Средней, отчасти и Северной Азии Восточно-Европейская равнина должна была предоставлять позднепалеолитическим племенам обоих материков большие возможности для каких-то, иногда длительных, значительных по масштабу, иногда, вероятно, случайных, эпизодических передвижений через разделяющую их, как мы знаем, совершенно условную границу. Нельзя не считать вполне естественным, что определенное место в процессе формирования подобных исторических взаимосвязей у населения этих двух смежных континентов могла занимать и территория Кавказа.

Проследить историю отдельных групп позднепалеолитического населения на территории Восточной Европы в намеченном выше плане — задача весьма нелегкая. Лишь при наличии вполне определенных, резко выраженных опознавательных признаков, ведущих свое происхождение из каких-то иных ландшафтно-географических и культурно-исторических районов Европы, можно было бы в тех или иных случаях надеяться раскрыть возможные пути (если не причины и обстоятельства) расселения некоторых из подобных позднепалеолитических племен. Такой именно случай, по нашему мнению, представляют собой памятники типа второго горизонта Тельманской стоянки в Костенках, где хорошо выраженные особенности кремневого инвентаря оказываются свойственными в досолютрейское время в основном лишь Западному Средиземноморью [1].

В настоящей статье мы попытаемся разобраться только в одном из ряда подобных вопросов, без учета и правильного решения которых вряд ли вообще можно надеяться восстановить подлинную историю позднепалеолитического общества на территории Восточной Европы.

Чтобы приблизиться к пониманию определенных исторических закономерностей, лежащих в основе процесса формирования позднепалеолитической культуры Европы, объяснить хорошо известное нам многообразие ее проявлений и форм, необходимо в первую очередь учитывать роль природной среды, растительно-ландшафтных зон, их характера и границ,

[1] П. П. Ефименко. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы. СА, XXVI, 1956, стр. 45.

в пределах территории, занятой человеком в позднее ледниковое время. Если говорить о Европе, то здесь, конечно, главную роль должна была играть приледниковая зона — широкая полоса характерного приледникового ландшафта с ее очень суровым полуарктическим климатом и совершенно особым миром животных, сохраняющим явственный облик обитателей тундры. Вряд ли может быть какое-нибудь сомнение в том, что лишь подобной природной обстановкой, сложившейся в областях, прилегающих к обширным пространствам, еще занятым отступающим ледником, можно объяснить тот характерный облик культуры позднего палеолита Европы, который так отличается от позднего палеолита иных материков.

Своей кульминационной точки в смысле приспособления к условиям внешней среды позднепалеолитическая культура приледникового склада (если иметь в виду прежде всего Центральную и Восточную Европу) достигает, как известно, в замечательных памятниках типа Костенок I, Авдеева, Пржедмости и ряда других подобных поселений с их огромными, часто очень сложными по своему устройству, прочными жилищами долговременного типа, с их колоссальными запасами продуктов массовой охоты на мамонтов и других животных, необыкновенно развитым и высоким в техническом отношении инвентарем из камня и кости, не превзойденным в последующие эпохи палеолита изобразительным искусством. Такие достижения культуры на ступени еще вполне примитивного, охотничье-собирательского хозяйства были возможны только в тех исключительно благоприятных условиях, которые создавала здесь охота на мамонтов и некоторых других животных. Нигде вне определенных и довольно ограниченных районов Восточной, Центральной, отчасти Западной Европы позднепалеолитическая культура подобного типа пока вообще не известна.

Если генезис костенковской культуры на территории СССР в настоящее время и нельзя считать вполне выясненным, все же он в какой-то мере все более и более начинает проясняться. Возможность ориентироваться в главнейших этапах развития и становления костенковской культуры дает нам анализ кремневого инвентаря. Особенно наглядно этот процесс прослеживается на территории Центральной Европы, в частности в Чехословакии, где хорошо известный позднесолютрейский обработанный камень закономерно, в соответствующих памятниках, сменяет собой изделия раннесолютрейского типа. Такая трансформация раннего солютрейского набора орудий труда, с его вполне специфическими, позже не повторяющимися приемами обработки камня, в позднесолютрейский, как известно, имела место во всей приледниковой зоне Европы, от Франции до территории СССР. На Дону, в окрестностях Воронежа, ту же характерную последовательность рисуют, с одной стороны, раннесолютрейские стоянки типа верхнего горизонта Тельманской стоянки и нижнего горизонта Костенок I, с другой, позднесолютрейские памятники типа верхнего горизонта Костенок I.

Этого рода наблюдения, в частности в отношении происхождения и ранних этапов селетской (солютрейской) культуры Венгрии и Чехословакии, позволяют расставить достаточно надежные опорные вехи для истории позднепалеолитической культуры приледниковой Европы. Конечно, эти пути развития позднепалеолитической культуры нашего материка намечаются лишь в общих чертах и только на определенном отрезке времени. В свете того, что мы знаем сейчас, приходится признать, что вместе с передовыми племенами, проходившими в своем развитии указанный нами выше путь от ранне- к позднесолютрейским формам культуры, одновременно и по соседству с ними, несомненно, существовали в той же части Европы отдельные группы родовых общин, склад материальной культуры которых носил существенно иной характер. Многочисленные примеры подобного рода дают палеолитические поселения того же Костенко-Боршевского района [2].

[2] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 44.

В последние годы наличие подобных смен населения с различным этнографическим складом культуры в Костенко-Боршевском палеолитическом районе подтверждается всеми компетентными исследователями, в частности не только А. Н. Рогачевым, но и П. И. Борисковским [3]. Несомненно, следует признать, что такие явления, как откочевка одних первобытных общин и появление на их месте других подобных охотничьих коллективов, нельзя не считать вполне естественными в условиях еще очень ненадежного охотничьего хозяйства.

Характерная разнородность, многосоставность позднепалеолитического населения, в частности и для района Костенок, в свете имеющихся в нашем распоряжении фактов не может сейчас вызвать серьезных сомнений.

* * *

Всякому, кто имеет дело с первоисточниками по позднему палеолиту Европейской территории СССР, приходилось сталкиваться с не объясненным до сих пор резким разрывом между восточноевропейскими памятниками эпохи позднего солютре и сменяющими их раннемадленскими памятниками, между высокой культурой стоянок типа Костенок I и Авдеева и следующих за ними по времени поселений типа Костенки II, Костенки III и многих других. Однако такое явление бросается в глаза. Его, очевидно, никак нельзя считать случайным. Действительно, в известных нам стоянках последнего типа как будто сразу исчезает все то, что мы привыкли считать наиболее характерным для позднесолютрейской культуры Восточной Европы — большие жилища, обильный и многообразный инвентарь из кости, предметы искусства. Разительные изменения можно наблюдать и в самом кремневом инвентаре: на месте богатого набора разнообразных орудий труда, главным образом из крупных, хорошо ограненных, достаточно правильных кремневых пластинок и их сечений, появляется совершенно иной обработанный кремень, удивляющий нас не только бедностью видов изделий, но часто и большим их своеобразием, а также значительной грубостью, примитивностью приемов их изготовления.

В самом этом изживании позднесолютрейской культуры раскрывается вместе с тем один из важнейших, в известном смысле определяющих моментов палеолитической истории Европы в позднее ледниковое время — переход от солютрейского времени к эпохе мадлена.

Для того чтобы попытаться разобраться в вопросе о причине столь разительных перемен в культурном облике местных племен на рубеже двух эпох, солютре и мадлена, нам следует обратиться к иной, хотя и близкой территории Восточной Европы.

Мы можем начать свое рассмотрение с Крыма, поскольку палеолитические памятники здесь исследованы значительно лучше, чем в какой-либо иной части Причерноморья. Следует сказать, однако, уже сейчас, что поздний палеолит Крыма, как он известен нам по Сюрени I, мало отличается от соответствующих памятников Советского Закавказья, в частности Грузии, составляя с ними вполне выдержанное единое целое. Значение этого факта нам станет понятным в дальнейшем.

Здесь нет особой нужды останавливаться на верхнем слое Сюрени I, поскольку материал из него с несомненностью свидетельствует о его достаточно позднем возрасте. Нас сейчас будет больше интересовать несколько более раннее время, представленное здесь отчасти нижним, главным же образом средним культурным горизонтом пещеры.

Интересно, что все три горизонта Сюрени I, несмотря на большую разницу во времени, сохраняют при этом все же и некоторые общие, присущие всем им черты главным образом благодаря наличию в них харак-

---

[3] П. И. Борисковский. Некоторые спорные вопросы палеолита Костенок. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 10.

терных нуклевидных форм [4]. Нуклевидные орудия нижнего горизонта пещеры — это «высокие» скребки и нуклевидные резцы, изготовленные из кусков кремня и массивных отщепов. Близкий характер такие орудия сохраняют и в среднем горизонте, с тем лишь различием, что здесь, например, массивные многофасеточные резцы, в противоположность нуклевидным скребкам, изготовлялись главным образом из правильных пластинок [5]. Остальной инвентарь в обоих горизонтах Сюрени I вполне соответствует всем другим памятникам данного типа: это концевые, обычно небольшие скребочки, резцы разных форм и микропластинки с притупленным краем. Три названных вида орудий составляют основной набор изделий из кремня. В обоих горизонтах набор этот сопровождает в единичных находках некоторое количество орудий типа проколок. Заметим, кстати, что среди микропластинок с ретушью в Сюрени I главное место, особенно в нижнем горизонте пещеры, занимают пластинки с «противолежащей ретушью» — то, что в палестинских памятниках несколько более поздней эпохи обычно носит название «гелуанского» типа.

В дополнение к перечисленным видам орудий для нижнего горизонта Сюрени I еще следует отметить в качестве характерной черты, явно говорящей о его более раннем возрасте, присутствие крупных ножевидных пластинок, а также некоторого количества мустьерских остроконечников. В наших поселениях более северной, приледниковой полосы такие признаки отличают обычно памятники собственно уже не очень раннего солютрейского времени. Из тех же хронологических рамок как будто не выходит сколько-нибудь значительно и другая своеобразная форма орудия из нижнего слоя Сюрени I — в виде отщепов и фрагментов пластинок с характерной плоской затеской по концам [6].

Почему при наличии значительного числа памятников более раннего и более позднего времени, эпохи мустье и конца позднего палеолита, в Крыму известен пока только один памятник интересующей нас поры (если не считать еще Аджи-Кобы и Караби-Лейле), сказать трудно.

Судя по спискам животных, составлявших добычу первобытного охотничьего коллектива, характер охоты в Сюрени I был совершенно иным, чем на северных рубежах обитаемых пространств Европейской территории СССР. Ни одно животное не являлось здесь объектом массовой охоты. Остатки зубров, сайги, большерогих и благородных оленей, лошадей, кабанов, зайцев, бобров, не говоря уже о хищниках (волк, лисица, песец, корсак), встречаются здесь всегда более или менее единично, в количестве одной-четырех и до семи особей. Нет никаких указаний, чтобы какое-нибудь одно животное в какое-то время тут могло иметь преобладающее значение. Тем самым охота не могла не быть довольно случайной в отношении своих результатов и во всяком случае требовала от охотничьего коллектива продолжительного и нелегкого выслеживания и преследования встреченного зверя. Уже по такому своему характеру она вряд ли могла быть особенно богатой. Зато в условиях тогдашнего ландшафта Крыма она могла в большой мере дополняться за счет различных иных продуктов собирательства.

Сама планировка культурных отложений Сюрени I, видимо, указывает именно на такой характер охоты. Все три ее позднепалеолитических горизонта состоят из отдельных, обычно небольших и по своей протяженности, и по мощности линзообразных прослоек и свидетельствуют, нужно думать, о частых перерывах в обитании пещеры [7].

---

[4] Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. МИА, № 59 (Палеолит и неолит СССР, т. 3), 1957, стр. 316.

[5] Там же, стр. 274 и рис. 21.

[6] Там же, стр. 268. В труде Е. А. Векиловой можно найти обстоятельную сводку всего имеющегося материала по Сюрени I.

[7] Е. А. Векилова. Ук. соч., стр. 240, рис. 4, 6, 8, 9.

Закавказские пещеры интересующего нас времени исследованы и опубликованы пока совершенно недостаточно. Однако характер представляемой ими культуры не вызывает сомнений. Наиболее полные сведения об этих памятниках можно найти в публикациях С. Н. Замятнина. Как подчеркивает исследователь, во всех известных ему пещерах этого типа их обработанный кремень носит характер, очень близкий к тому, что дает, как мы видели, пещера Сюрень I в Крыму. Если исходить из сведений, сообщаемых С. Н. Замятниным, общую черту всех позднепалеолитических горизонтов пещерных поселений на территории Грузии составляют те же характерные нуклевидные орудия в виде высоких скребков или скобелей (рабо), а также массивные нуклевидные резцы, о которых мы говорили выше. Но и остальной их инвентарь (концевые скребки, резцы, микропластинки с притупленным краем, редкие проколки) оказывается равным образом очень близким к Сюрени I. Как и в этой последней, здесь, в Грузии, в интересующее нас время, по наблюдениям С. Н. Замятнина, можно различить три группы позднепалеолитических поселений, начиная от таких древнейших пещерных убежищ, как Хергулис (Гельгулис)-Клдэ и Таро-Клдэ, где еще присутствуют в некотором числе мустьерские острия и скребла и среди обработанного кремня хорошо представлены крупные кремневые ножевидные пластинки. Их сменяют пещерные стоянки типа Сакажия, пещеры Уварова, Биеле-Клдэ, инвентарь которых очень близок к среднему горизонту Сюрени I. Наконец, в культурных отложениях третьей группы, представленных пещерой Девис-Хврели, появляются первые еще редкие и грубоватые мелкие орудия геометризированных очертаний [8].

Конечно, трудно было бы предположить возможность абсолютного тождества вещественного материала для памятников Северного и Восточного Причерноморья, тем более что и в Сюрени I, и в пещерах бассейна р. Риона в их культурных слоях нашли свое отражение лишь кратковременные более или менее случайно выхваченные моменты многотысячелетней истории позднепалеолитического населения южных районов Европейской территории СССР. Однако замечательная близость культуры племен той и другой территории Причерноморья бросается в глаза. В этом смысле наблюдения С. Н. Замятнина не могут вызвать никаких сомнений.

Животные, являвшиеся предметом охоты позднепалеолитического человека в Закавказье, дают большее многообразие видов, чем в Сюрени I. Это дикий бык (бизон или тур), дикая лошадь, благородный олень, кабан, горный козел, козуля, бобр, из хищников — медведь и многие другие. Даже забредавший сюда обитатель северных лесов, лось, изредка также становился добычей человека [9].

Насколько далеко на восток и юго-восток простирается территория, занятая в позднем палеолите племенами с культурой типа Сюрени I и пещер Грузии, сейчас судить не представляется возможным, поскольку ни у нас в Средней Азии, ни на смежной территории в пределах Турции, Ирака и Ирана позднепалеолитические памятники почти не известны. Только значительно южнее, отчасти в пределах Сирии, главным же образом в гористых северных и восточных районах Палестины, исследован и описан ряд памятников, на инвентаре которых нам следует сейчас несколько остановиться. Территория Палестины с ее многочисленными остатками первобытных поселений эпохи камня выглядит в этом смысле на карте Передней Азии как своего рода «археологический оазис».

В наибольшем числе культурные остатки времени позднего палеолита, как и мезолита и неолита, сосредоточены в пещерах и навесах возвышенных районов Палестины — начиная от берегового массива Кармел на се-

[8] Ср. С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья. Сборник МАЭ АН СССР, т. XVII, 1957.

[9] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. Тр. Института геологических наук АН СССР, вып. 64, 1948, стр. 264.

веро-западе страны, далее в направлении на восток, в сторону Мертвого моря, т. е. в той части Палестины, которая известна под именем горной Иудеи. Эта часть Палестины выглядит в настоящее время как гряда почерневших на солнце голых скалистых холмов; недаром она и носит обычно название Иудейской пустыни. Однако, судя по значительной насыщенности пересекающих ее долин следами древних стойбищ, пустынная и безводная в настоящее время местность в прошлом имела несравненно лучшие условия для заселения ее человеком.

Уже при первом знакомстве нас поражает близкое сходство и, очевидно, историческое родство позднепалеолитической культуры Палестины с соответствующими культурами Советского Причерноморья. Те и другие группы памятников объединяют особенности, придающие им, их кремневому инвентарю, как иногда принято говорить, типично ориньякские, в частности «среднеориньякские» черты. Такой факт не раз отмечался исследователями, но никаких выводов из него никем сделано не было.

Позднепалеолитические памятники Палестины стали известны лишь сравнительно не так давно, главным образом по исследованиям Д. Гаррод (1929—1936 гг.) в районе горы Кармел и раскопкам Р. Нёвилля в горной Иудее. Основываясь на сходстве обработанного кремня пещерных стоянок Палестины с некоторыми характерными комплексами инвентаря французских пещер, Д. Гаррод определила как «ориньякские» основные горизонты исследованной ею пещеры Мугарет эль-Вад и других подобных пещерных поселений. Это ее «нижний» и «средний» ориньяк. Заключительную фазу наслоений Мугарет эль-Вад, где техника нуклевидной обработки кремня достигает особенного расцвета, Д. Гаррод выделяет в качестве самостоятельной «атлитской» культуры, которую она склонна рассматривать как «дегенерирующий пережиток среднего ориньяка». Однако по времени, как признает Д. Гаррод, ее атлитская культура соответствует уже концу позднего палеолита Европы — эпохе мадлена [10].

Пещерные стоянки и скальные убежища Иудейской пустыни, раскопанные Р. Нёвиллем, позднепалеолитические слои которых он, со своей стороны, считает возможным подразделить на шесть последовательных фаз, содержат материал, в общем очень близкий к описанному Гаррод.

Позднепалеолитическая культура Палестины, если иметь в виду обработанный кремень, носит очень характерный облик. Наиболее заметная и своеобразная ее черта — это нуклевидные формы орудий. Как и в некоторых «ориньякских» пещерах Франции, они имеют вид то высоких скребков или скобелей (рабо), то овальных (килевидных или ладьевидных), то округлых или суживающихся к концу. Их сопровождают орудия типа массивных многофасеточных резцов. Наряду с нуклевидными, в стоянках Палестины всегда представлены и обычные орудия — в виде концевых скребков, довольно грубых резцов разных типов, реже проколок, а также острий, близких к типу то «шательперрон», то «граветт».

При несомненном и значительном общем сходстве инвентаря среди позднепалеолитических местонахождений Палестины можно все же различить три сменяющих друг друга типа стоянок. Особенностью более ранних, вроде исследованного Нёвиллем местонахождения Эрк эль-Ахмар (его горизонтов B—F), является присутствие в их инвентаре крупных (до 10—15 *см* в длину), более или менее правильных ножевидных пластинок и изготовленных из них орудий [11], т. е. то, что мы видели и в нижних горизонтах Сюрени I и пещер Грузии. Подобные пластинки использовались для изготовления характерных острий, напоминающих тип «шательперрон» или «граветт», а также не менее характерных позднесолютрейских «атипичных» наконечников, поражающих своей близостью

[10] D. Garrod and D. Bate. The Stone Age of Mount Carmel, т. I, Oxford, 1937, стр. 121.

[11] Ср. R. Neuville. Le paléolitique et le mésolitique du désert de Iudée. Archives de l'Institut de paléontologie humaine. Memoire, 24, Paris, 1951, стр. 86.

к подобным остриям и наконечникам из известного позднепалеолитическо-поселения Пушкари I на Десне [12]. В некоторых из тех же более ранних го поселений Палестины встречаются особые острия типа «эмирех» [13], сохраняющие еще в какой-то мере мустьерский облик (в виде широких треугольных отщепов, подтесанных в основании), а также и настоящие мустьерские формы орудий.

Можно считать, однако, более или менее очевидным, что от эпохи мустье подобные памятники, как и соответствующие культурные горизонты Сюрени I и пещер Грузии, вопреки обычным представлениям, отделяет значительный промежуток времени. Об этом говорит уже то, что мустьерские элементы в этих остатках поселений оказываются почти полностью вытесненными новой позднепалеолитической техникой и новыми видами орудия [14].

В следующей по времени группе поселений, например, в соответствующих слоях пещеры Мугарет эль-Вад, крупных пластинок уже почти нет. Основное место в их инвентаре в качестве материала для изготовления орудий занимают неправильные широкие отщепы кремня.

Наконец, в последней группе (например, горизонт D пещеры Эль-Хиам) к инвентарю, близкому к описанному выше, присоединяются впервые грубоватые орудия трапециевидных и треугольных очертаний [15].

Если сам европейский термин «ориньяк» в приложении к памятникам Палестины нельзя считать удачным, хотя бы уже потому, что названные поселения возникают не в такое уже раннее время позднего палеолита, а затем существуют в течение почти всей этой эпохи, то все же подмеченное Гаррод сходство действительно имеет место. Его трудно объяснить переселением с крайнего запада Европы на восток, в Палестину, каких-то племен, как это, видимо, допускает названный автор. Та же Д. Гаррод справедливо отмечает близость позднепалеолитической культуры пещер Мугарет эль-Вад и Сюрени I в Крыму. Последнюю она вместе с Г. А. Бончем-Осмоловским также определяет как ориньяк [16]. Об ориньякских чертах позднепалеолитических местонахождений Кавказа (и Сюрени I), с одной стороны, и Сирии и Палестины, с другой, говорит и С. Н. Замятнин, который совершенно справедливо подчеркивает вместе с тем и одинаковую для обеих групп памятников характерную последовательность в сменах их обработанного кремня [17].

То, что охота, составлявшая главный источник существования местных племен в эпоху позднего палеолита, носила и в Палестине тот же характер, что и в Крыму и в Закавказье, показывает большое разнообразие видов животных в списках фауны палестинских пещер. Здесь фигурируют дикая лошадь, благородный олень, антилопа, газель, горный козел, бык, кабан, медведь, пещерная гиена и др. [18]. Судя по характеру культурных

---

[12] R. Neuville. Ук. соч., рис. 42, 44, 45, 48. Соответствующие орудия из Пушкарей см. П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, рис. 104—107, 112. Подобные острия и наконечники встречены, как известно, и в палеолитических поселениях на Дону — в Боршеве I и Гагарино. Интересно, что эти три памятника объединяет также ряд других присущих им признаков, которые позволяют их сблизить с восточносредиземноморскими памятниками позднего палеолита в целом.

[13] D. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 50; R. Neuville. Ук. соч., стр. 74, рис. 34.

[14] Замечательно, что в материалах, опубликованных Нёвиллем, все же представлены памятники, которые, очевидно, должны отвечать какой-то начальной поре позднего палеолита Палестины. Нёвилль относит их еще к эпохе мустье. Однако их обработанный камень почти целиком (например, в соответствующих горизонтах грота Абу-Сиф) состоит из ножевидных призматических вытянутых острий до 10—12 *см* в длину, часто обнаруживающих ближайшее сходство, как отмечает сам автор, с ориньякскими остриями типа шательперрон. Ср. R. Neuville. Ук. соч., стр. 55.

[15] R. Neuville. Ук. соч., стр. 149.

[16] D. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 120.

[17] С. Н. Замятнин. Палеолит Западного Закавказья. Сборник МАЭ АН СССР, т. XVII, 1957, стр. 445.

[18] R. Neuville. Ук. соч., стр. 206; D. Garrod and D. Bate. Ук. соч., стр. 151.

отложений, поселения эти также не дают признаков длительного обитания.

Как ни скудны имеющиеся в нашем распоряжении материалы по позднему палеолиту Передней Азии, все же такие памятники, как грот Антелиас на Сирийском побережье, несомненно, содержат культурные остатки, мало отличающиеся от палестинских.

Основной особенностью, придающей описываемой культуре близкое сходство с так называемыми среднеориньякскими горизонтами некоторых пещер Франции, следует считать место, которое занимают в ней нуклевидные орудия, изготовлявшиеся путем снятия мелких пластинчатых сколов из массивных отщепов или кусков кремня. Культуру этого типа условно можно назвать восточносредиземноморский. Знаменательно, что даже на ее заключительном этапе, как, например, в горизонте «D» грота Эль-Хиам в горной Иудее, в его обработанном кремне, как указывает Нёвилль, не наблюдается в сущности ничего общего с капсийской культурой Северной Африки [91]. Замечательной особенностью восточносредиземноморской культуры следует считать также необычайную стойкость технических традиций, проявлявшуюся в ее кремневом инвентаре. Такая культура должна была сложиться в среде большой группы племен, занимавших в позднее ледниковое время своими поселениями обширную территорию на стыке Европы и Азии, находившуюся уже далеко за пределами непосредственного влияния северного ледника. Исторический ареал этих племен в какой-то мере определялся и общими ландшафтно-географическими условиями и одинаковым по своему складу охотничьим хозяйством.

Можно предположить, что культура, охарактеризованная нами выше, в своем распространении на север, в пределах уже собственно Восточной Европы, не ограничивалась узкой территорией Крыма и Кавказа.

К северу от лесистых предгорий Крыма и Северного Кавказа начинается обширная область северочерноморских и прикаспийских степей. Уже присутствие в составе фауны Сюрени I таких типично степных форм, как сайга, зубр, корсак, сурок, суслик, тушканчик и других многочисленных типично степных грызунов [20], указывает на то, что в северной части Крыма уже в позднем палеолите простиралась та же открытая степь с ее особым миром животных, которую мы находим здесь и в близкое к нам историческое время.

Другой интересный факт, который дает нам фауна Сюрени I,— это полное отсутствие в ней остатков мамонта. Ко времени заселения пещеры человеком это животное, столь характерное для ландшафта Европы в ледниковую эпоху, уже, очевидно, перестает водиться по крайней мере в ближайших окрестностях Сюрени, хотя его остатки вполне обычны еще в пещерных поселениях Крыма, относящихся к предшествующему мустьерскому времени (Киик-Коба, Чокурча, Волчий грот и др.). Хорошо представлен мамонт и в таких мустьерских поселениях, как Ильская стоянка на Кубани и Сталинградская на Волге [21].

Однако несколько севернее, уже в пределах приледниковой зоны, как, например, в стоянках Подонья в районе Костенок и в соседних стоянках дальше на запад — по течению Сейма, Десны и в Среднем Поднепровье, мамонт остается постоянной добычей человека и гораздо позднее, почти до конца позднепалеолитического времени.

Не менее интересно, что если в многочисленных позднепалеолитических поселениях всей приледниковой полосы от Костенок на востоке до Радомышля, Киева и Гонцов на западе остатки мамонта составляют всегда

---

[19] R. Neuville. Указ. соч., стр. 153—154.

[20] Е. А. Векилова. Ук. соч., стр. 254.

[21] Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Остатки животных на мустьерской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического слоя. Тр. Зоологического института АН СССР, т. XXII, 1957, стр. 84—85.

основное слагающее в списках их фауны, то южнее, на всем пространстве донецких и причерноморских степей, мы не знаем до сих пор ни одного поселения этого времени, содержащего такого рода остатки. У нас нет никаких доказательств того, что мамонт, бесспорно ранее водившийся здесь в большом числе, надолго пережил в степях Восточной Европы эпоху мустье. Наоборот, известные тут в настоящее время стоянки времени позднего палеолита дают в качестве основной добычи человека совершенно иной мир животных.

Хорошее представление о степных стоянках этого последнего типа можно получить по остаткам поселения, сопровождающим известное «костище» у Амвросиевки в Донбассе. Амвросиевское костище образовалось целиком из остатков дикого быка-зубра. По некоторым подсчетам здесь было примерно до 1000 особей. Кости других животных вообще отсутствовали. На некоторых костях в этом скоплении отмечались следы нарезок, сделанных кремневым орудием. Однако немногочисленность таких костей, с одной стороны, и, с другой, почти полное отсутствие костей, расколотых для добывания мозга, может говорить, очевидно, о том, что люди оставались здесь, на месте охоты, очень недолго. Следует думать, что они ушли, удовольствовавшись лишь наиболее ценными частями туши убитых животных. Что здесь нельзя предполагать просто массовой гибели животных в результате случайных причин, показывают находки обработанных кремней и орудий из кости во всех горизонтах скопления костей. Из этого можно заключить, что данное место использовалось для охоты загоном на стада зубров благодаря наличию здесь, среди открытой степи, недалеко от спуска к водопою, древнего овражка, который и скрыл в себе всю массу костей.

Вещественные остатки, сопровождавшие костище, весьма показательны. Это небольшие кремневые нуклеусы, служившие первобытным охотникам Амвросиевки (так же как в недалеком прошлом бродячим охотникам-бушменам) для получения на месте охоты кремневых ножевидных пластинок — острого режущего орудия. Третий и последний вид представленных здесь кремней — это характерные миниатюрные пластинки с притупленным краем. В эту эпоху они нередко применялись в качестве вставных лезвий для оснащения наконечников дротиков. Пара десятков веретенообразных наконечников из кости была подобрана тут же; три из них имели специальные продольные пазы для закрепления лезвий.

Европейский зубр — животное, имеющее ближайших родственников в бизонах североамериканских прерий, где они еще недавно водились тысячными стадами и являлись основным источником существования для многих туземных охотничьих племен. Известно, что это были бродячие охотники, проводившие всю свою жизнь в преследовании стад названных животных, перекочевывавших в зависимости от времени года то на юг, в области, более облесенные и обеспеченные кормом в зимние месяцы, то обратно, на травянистые равнины. И быт и весь строй существования этих индейских племен были полностью подчинены такому образу жизни. Даже еще в начале XIX в., по имеющимся данным, бизоньи стада в этих местах насчитывались в количестве многих миллионов особей. Вооруженные лишь луками и стрелами индейцы не могли влиять существенно на уменьшение поголовья таких стад. Только ружья европейцев явились причиной их быстрого и окончательного истребления.

У нас имеются все основания думать, что постоянная охота на европейского бизона-зубра, как основной источник существования, должна была оказать в продолжение многих тысячелетий глубокое влияние на образ жизни степных позднепалеолитических племен, населявших в конце ледникового периода равнины Северного Причерноморья. Конечно, при этом должна быть учтена далеко не одинаковая ступень развития, на которой стояли неолитические племена индейцев Северной Америки и позднепалеолитические обитатели наших степей.

Тому, что сказано выше в отношении амвросиевского костища, отвечает и характер поселения, обнаруженного в 200 *м* от скопления костей на том же пологом склоне водораздела, обращенном в сторону реки. В противоположность тому, что обычно дают подобные памятники позднепалеолитического времени, здесь не удалось обнаружить не только каких-либо следов жилых сооружений, но даже просто очагов или постоянных кострищ. Совершенно не прослеживается и «пол» занятого поселением жилого пространства. Культурные остатки в виде мелкораздробленных костей бизона, обработанного кремня, кусочков красной и желтой охры и пр. залегают то рассеянно, то образуя небольшие гнезда, на глубине главным образом от 0,35 до 0,55 *м* от поверхности почвы, но встречаются и выше, и ниже [22].

Поскольку здесь, как особо подчеркивает автор отчета о раскопках П. И. Борисковский, не имело место переотложение культурных остатков, такой характер культурного слоя может говорить лишь о кратковременном обитании, причем, однако, последнее несомненно много раз возобновлялось на протяжении какого-то длительного периода времени [23]. Собранный на Амвросиевском поселении вещественный материал ничем не отличается в смысле типов и форм от того, что дает само костище. Одновременность того и другого не вызывает сомнений. Однако помимо того, что было найдено на костище, здесь было собрано довольно много обработанного кремня иного характера. Кремень этот в целом имеет очень выразительный облик. Он не богат видами изделий и в этом отношении, как и в самом подборе их, обнаруживает замечательную близость к описанным выше стоянкам восточносредиземноморской культуры.

Об обработанном кремне Амвросиевского поселения хорошее представление дает описавший его П. И. Борисковский. Изделия из кремня, по его наблюдениям, представлены здесь немногими типами и поэтому однообразны. Преобладающая группа орудий — резцы. Для амвросиевских резцов характерна атипичность, архаизм. Большинство их изготовлено не из пластинок, а из неправильных отщепов и нуклевидных кусков кремня. В большом количестве имеются также нуклевидные скобели (рабо). Скребков обычных значительно меньше, и они не образуют устойчивых серий. Среди них много атипичных. К числу основных типов орудий в Амвросиевской стоянке, помимо скребков, резцов, нуклевидных форм, относятся также миниатюрные пластинки с притупленным краем, упоминавшиеся выше.

Если сравнить обработанный кремень Амвросиевской стоянки и сопровождающего ее костища с близкими по характеру пещерными поселениями Кавказа и Крыма, то приходишь к выводу, что этот памятник одинаково не может быть отнесен ни к ранней (отсутствие пережиточных мустьерских элементов, отсутствие крупных ножевидных пластинок), ни к их позднейшей поре, для которой особенно показательно появление небольших, хорошо ограненных пластинок и орудий геометрических форм.

Что амвросиевские находки не представляют собой единичного, случайного явления, а говорят о вполне сложившейся и самобытной культуре, подтверждается другим таким же памятником, ставшим известным лишь в самые последние годы. Он открыт В. И. Красковским осенью 1955 г. на юго-юго-западе от Одессы у с. Великодолинского (бывш. Большая Аккаржа) [24] и затем исследован в 1959 г. П. И. Борисковским. По сведениям, сообщаемым П. И. Борисковским [25], и характер культурного слоя, и обработанный кремень Аккаржи близко соответствует тому, что известно нам

---

[22] П. И. Борисковский. Палеолит Украины, стр. 354.

[23] Там же, стр. 362.

[24] В. И. Красковский. Стоянка позднепалеолитического времени вблизи Одессы. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 5.

[25] Сообщение на заседании Сектора палеолита ЛОИА 6 января 1960 г. Пользуюсь случаем поблагодарить П. И. Борисковского за любезное разрешение использовать приведенные им данные.

относительно Амвросиевского поселения. Культурный слой без каких-либо заметных остатков жилых сооружений и здесь оказался переполненным массой раздробленных костей дикого быка (по одним данным, зубра, по другим — тура). Кремневый инвентарь Аккаржи носит тот же характер, что и в Амвросиевке — это небольшие концевые скребки, мало типичные резцы, микропластинки с притупленным краем и в единичных случаях проколки и небольшие острия со скошенным концом, причем для изготовления более крупных орудий, как и в Амвросиевке, широко использовались вместо пластинок отщепы кремня. Все это можно считать характерным для тех же позднепалеолитических поселений причерноморского типа.

В свете всего, что было сказано раньше, представляется весьма вероятным, что южные охотничьи племена эпохи позднего палеолита в своем естественном расселении на север на каком-то этапе достигли степных районов Северного Причерноморья, изобиловавших огромными стадами травоядных, в особенности европейских бизонов-зубров. Уже самый факт появления этого населения в предгорьях Крыма свидетельствует о проникновении на территорию соседних Прикубанских и Приазовских степей охотничьих групп, передвигавшихся со стороны Северного Кавказа. Что зубры уже значительно раньше составляли здесь основное охотничье поголовье степей, показывает то значение, какое это животное играло, например, в позднемустьерской стоянке у ст. Ильской на Кубани, где 60% всех костных остатков (по мнению С. Н. Замятнина, всего свыше двух тысяч особей) принадлежало зубру [26]. На протяжении тысячелетий в позднее ледниковое время здесь должен был сложиться тот особый тип культуры позднепалеолитических степных охотников на зубров, который мы находим в Амвросиевке и Аккарже.

Культура Амвросиевки, происхождение которой в свете сказанного представляется для нас теперь более или менее ясным, обнаруживает вместе с тем значительную близость к стоянкам типа Костенки II — Костенки III, т. е. к тем памятникам, которые в более северных районах Восточной Европы сменяют позднесолютрейскую костенковскую культуру. В эту эпоху подобные поселения, с их характерным и очень выдержанным инвентарем, получают самое широкое распространение на всей территории приледниковой полосы — от среднего течения Днестра (Студеница) до Днепра (Киево-Кирилловская стоянка, ее нижний горизонт), Оки (Карачарово) и Дона. Однако основной добычей первобытных охотников в стоянках этого последнего типа во всей полосе, расположенной к северу от Причерноморской степной зоны, остаются мамонты, которые в условиях приледникового ландшафта сохраняют свое значение и позже, вплоть до эпохи поселений с признаками поздней мадленской культуры.

Нужно думать, что постепенно формирующиеся, очень подвижные южные группы населения степных охотников на зубров и туров в эту эпоху начинают оказывать все более сильное влияние на своих северных соседей. Под этим влиянием и тут начинает намечаться переход от относительно оседлого ко все более кочевому образу жизни, повлекший за собой глубокие изменения во всем строе их культуры. Вполне допустимо, что в условиях Восточной Европы эти бродячие степные племена, очень активные уже в силу своего образа жизни, сыграли ту же роль в распространении новых, мадленских форм культуры, которую на Западе и в Центральной Европе (а у нас, возможно, в Прикарпатье) должны были играть подвижные племена охотников на северного оленя [27].

Реальные исторические связи у подобных полубродячих охотничьих родовых общин, хотя и сходных по материальному строю культуры, очевидно, не имели еще достаточно прочного и длительного характера, чтобы на та-

[26] С. Н. Замятнин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II международной конференции АИЧПЕ, вып. V, Л., 1934, стр. 210.

[27] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 490 сл.

кого рода основе в позднем палеолите могли складываться сколько-нибудь значительные языковые единства. Несколько иначе, судя по всему, обстоит дело с антропологическими особенностями. Если в Восточной Европе среди массы местных племен древний кроманьонский тип прослеживается очень долго, не только в мезолите, но даже в какой-то мере и в неолите и в начальную эпоху металла, то на юге, в странах, расположенных на восток от Средиземного моря, насколько известно, этот тип сравнительно рано дает начало восточной ветви средиземноморской расы. Прямыми потомками протосредиземноморцев здесь являются, как утверждают антропологи, арабы и некоторые другие группы населения Переднего и Среднего Востока. Весьма вероятно, что расселявшиеся на север, в среду восточноевропейских кроманьонцев, охотничьи общины могли уже заключать в своем составе и представителей южных европеоидов-средиземноморцев. К сожалению, почти полное отсутствие антропологических данных для соответствующих памятников Кавказа и Крыма не дает возможности прийти в этом вопросе к определенному заключению. Косвенным же подтверждением этому, помимо изложенных выше археологических наблюдений, может служить находка в одной из пещер Грузии черепа «европеоидного» типа, но в сочетании с определенными негроидными признаками. Сильная минерализация черепа указывает на его древность [28]. Примесь некоторых экваториальных черт у представителей протосредиземноморского расового типа легко объяснить тем, что их формирование происходило на территории, где европеоиды некогда должны были вклиниться в сплошную южную африкано-азиатскую область расселения негроидных рас.

Нам остается отметить еще только одно интересное обстоятельство. Некоторые археологи, например известный датский ученый Софус Мюллер, давно уже обращали внимание на близкое сходство в передаче высоко почитаемого в определенные эпохи образа женщины-матери, с одной стороны, у позднепалеолитических обитателей Европы, с другой, у переднеазиатских (и части европейских) племен эпохи неолита и начала металла.

Что касается последних, т. е. переднеазиатских племен, то в свете открытий, сделанных за последние десятилетия, становится ясным, что такие изображения на всем обширном пространстве Среднего, отчасти и Ближнего Востока, включая также Балканы и прилегающие области Европы (вплоть до нашего триполья), имеют своим первоисточником древних натуфийцев Восточного Средиземноморья. Прямая линия преемственности от натуфийцев через культуру тахуне ведет, например, в неолитическом Иерихоне к очень ранним неолитическим изображениям этого типа.

Скульптурные изображения женщин в искусстве натуфийцев, вырезанные из мягкого камня, отличаются характерной реалистичностью, той типично позднепалеолитической трактовкой женского образа, которую мы знаем, например, по находкам, сделанным в Костенках I или Гагарино. Их сопровождают в поселениях натуфийцев такие же скульптурные изображения диких животных, например, лани, выдержанные в той же живой, реалистической манере, свойственной позднему палеолиту Европы [29].

Натуфийская культура, много тысячелетий удерживавшаяся на территории Передней Азии у племен, стоявших уже на пороге примитивно земледельческого хозяйства, содержит в себе еще очень много древних, мезолитических элементов, отчасти, несомненно, перешедших к ней от предшествующего позднепалеолитического населения данной территории. Если какая-то историческая традиция действительно связывала мезолитические племена Ближнего Востока с позднепалеолитическими племенами Восточной Европы, то такая традиция могла быть передана, как мы постарались показать, только в эпоху позднего палеолита в результате указанного выше расселения к современным границам СССР южных охотничьих общин с культурой восточносредиземноморского склада.

[28] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. М., 1955, стр. 256.
[29] Ср. R. Neuville. Ук. соч., табл. XIV и XV.

С. С. БЕРЕЗАНСКАЯ

ОБ ОДНОЙ ИЗ ГРУПП ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ НА УКРАИНЕ

Еще в конце прошлого столетия внимание археологов, работающих на Украине, привлекала чрезвычайно своеобразная керамика с орнаментацией из тонких налепных валиков, покрывающих сложным узором почти всю поверхность сосуда.

После Великой Октябрьской социалистической революции, когда усилилось внимание к исследованию поселений, в различных районах Украины было обнаружено довольно значительное количество памятников с так называемой многоваликовой керамикой. Однако поскольку на этих поселениях обычно также встречалась уже хорошо в то время известная посуда катакомбного типа, многоваликовая керамика не воспринималась исследователями как что-то самостоятельное, и ее стали считать одной из керамических форм катакомбной культуры. В основном такое понимание сохранилось до самого последнего времени, в частности, оно очень определенно выражено в книге Т. Б. Поповой, посвященной катакомбной культуре [1].

В последние годы в результате широких археологических работ, проведенных на Украине главным образом в связи с новостройками, удалось обнаружить и частично исследовать большое количество памятников с многоваликовой керамикой.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выделить памятники с этой керамикой из среды других памятников эпохи бронзы, в частности из среды катакомбных и срубных, в особую, самостоятельную группу и показать, что, несмотря на широкое распространение, они представляют собой какое-то единое культурное явление и, возможно, характеризуют вполне самостоятельное историческое образование.

Чтобы понять, что они собой представляют, следует обратиться к основному памятнику — поселению Бабино III, Верхне-Рогачикского района Херсонской области, исследованному в 1954 г. А. В. Добровольским [2].

Поселение находится на левом берегу Днепра при впадении р. Конки (рукав Днепра), на прибрежном участке второй надпойменной террасы (рис. 1).

На поселении было вскрыто более 500 *м*², т. е. приблизительно половина всей площади. Полностью исследованы два жилища — одно наземное, другое углубленное. Обнаружено большое количество очагов и хозяйственных ям.

Жилище № 1 располагалось в западной части поселения. На площади около 40 *м*² были прослежены большие глиняные завалы, образовавшиеся от разрушения стен большого наземного жилища. В нижней

---

[1] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

[2] Поселение было открыто и частично исследовано в 1951 г. Д. И. Блифельдом. Раскапывалось оно в 1954 г. А. В. Добровольским. См. А. В. Добровольский. Поселение бронзового века. Бабино III. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 40—45.

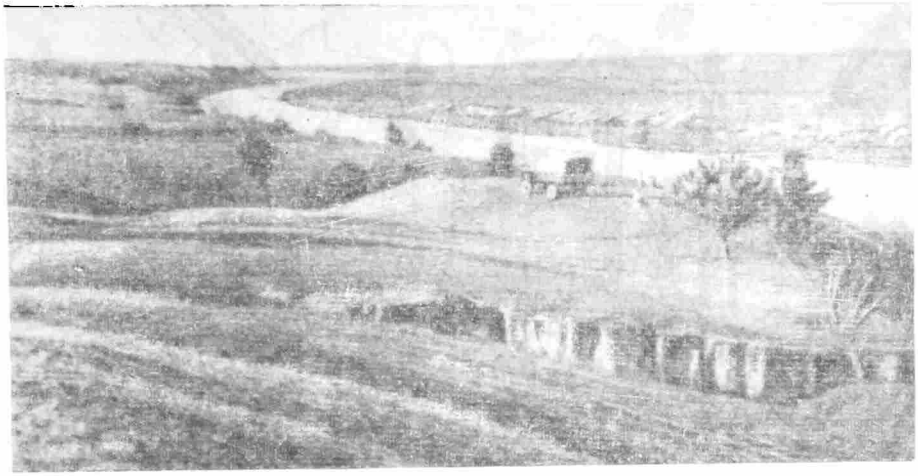


Рис. 1. Общий вид поселения Бабино III с севера

части завала, с его западной и северной сторон, сохранились отдельные глиняные блоки, удлиненной формы, толщиной в 25—30 *см*. По мнению А. В. Добровольского, высота стен жилища достигала 2 *м*. Под юго-восточной частью завала обнаружены ямки от столбов. А. В. Добровольский полагал, что они служили основанием для сооружения глинобитных стен. Однако вероятнее, что это следы столбов, поддерживавших кровлю.

В ряде мест, а особенно в юго-западной части сооружения, непосредственно под завалом, наблюдалась прослойка обгорелого или сильно задымленного грунта, по-видимому, бывшего полом жилища (рис. 2).

По мнению А. В. Добровольского, это было прямоугольное помещение удлиненной формы с коридором, выходящим на юго-восток, общей площадью около 25 $м^2$ (рис. 3). Остатки очагов обнаружены с южной и западной сторон жилища. Возле одного очага стоял раздавленный сосуд, в другом было найдено медное изогнутое шило. Найдены также фрагменты керамики, кости животных, рыб, щитки черепах и т. д.

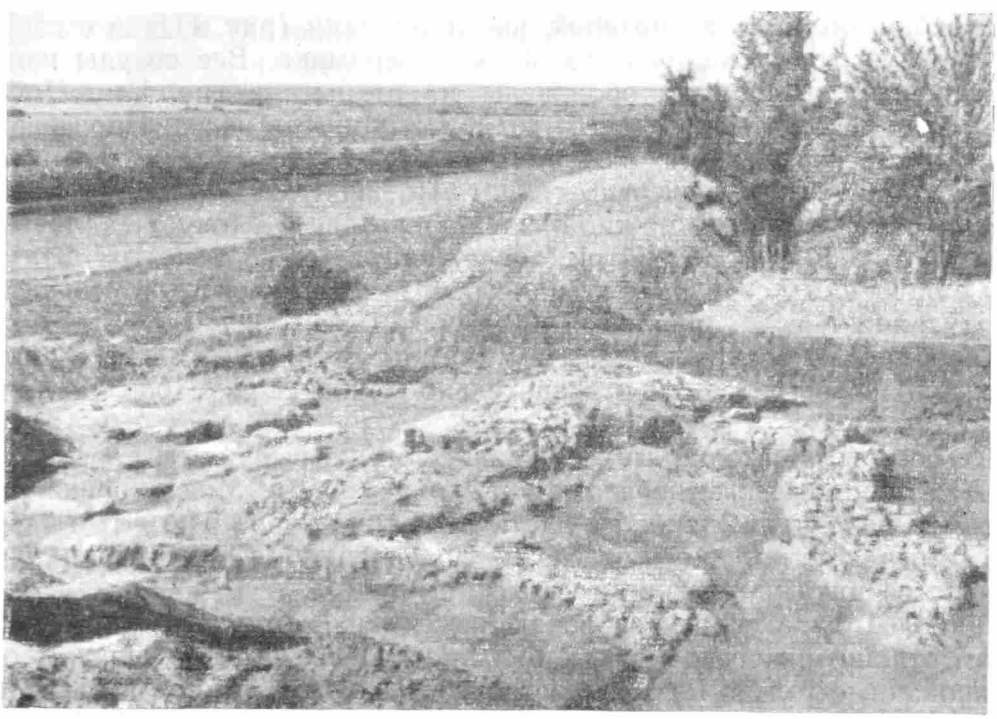


Рис. 2. Развал глинобитного жилища на поселении Бабино III

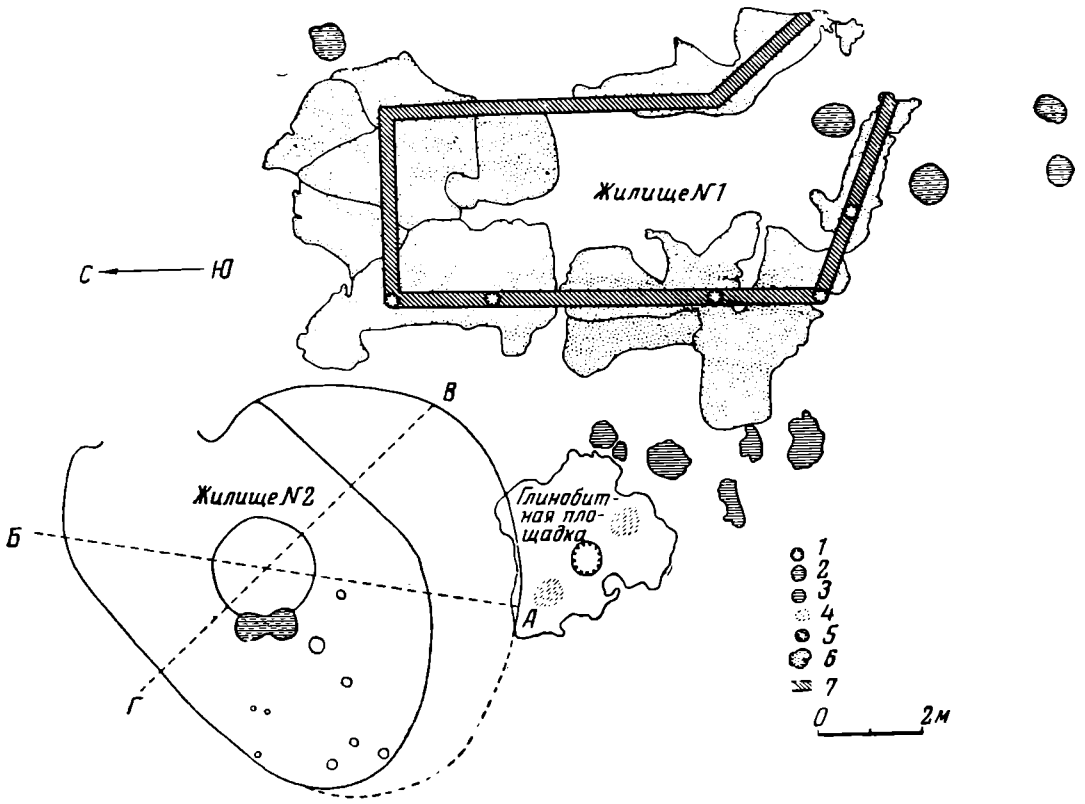


Рис. 3. План поселения и реконструкция жилища Бабино III

1 — ямки от столбов; *2* — очаги; *3* — очаги, перекрытые белым пеплом; *4* — следы кострища; *5* — яма; *6* — развалы глиняных стен; *7* — реконструкция жилища

На полу жилища № 1 и возле него обнаружено три медных острия (два четырехугольных шила, типичных для катакомбной культуры, и одно круглое, изогнутое), изделия из кости — шилья, проколки, рыболовный крючок, кольцо с двумя отверстиями (в центре и сбоку), обломок какого-то тесловидного орудия и два астрагала с зашлифованными поверхностями. В жилище обнаружены также изделия из кремня и камня: скребки, обломки зернотерок, растиральники (рис. 4).

Основную массу находок составляла керамика. Все сосуды изготовлены ручным способом и обожжены на открытом огне. Глина обычно хорошо промешана и чаще всего содержит примесь песка. Иногда в глиняном тесте заметны включения какого-то белесоватого вещества, изредка попадается толченый гранит. По способу обработки внешней поверхности всю посуду можно разделить на две группы — с залощенной поверхностью и с шероховатой, заглаженной мелкозубчатым штампом. Цвет залощенных сосудов — темно-серый и черный, сосудов с шероховатой поверхностью — коричневый или бурый.

Преобладают сосуды со средним диаметром 25—27 *см* при высоте до 30 *см*, однако встречаются и значительно меньших размеров, диаметром 10—12 *см*.

Все сосуды плоскодонные. Туловища обычно выпуклые, плечики либо покатые, либо с резким переломом в верхней части. Моделировка венчиков самая различная: наиболее часты венчики, плавно отогнутые наружу, реже встречаются высокие прямые венчики и еще более редко попадаются сосуды с венчиками, слегка вогнутыми внутрь.

Наиболее характерный признак керамики составляет орнаментация. В этом отношении сосуды могут быть разделены на две группы — орнаментированные только по венчику и шейке и орнаментированные сплошь по всему туловищу, а иногда и по дну сосуда. Наиболее распространенным мотивом являются налепные валики и прочерченные линии. Само-

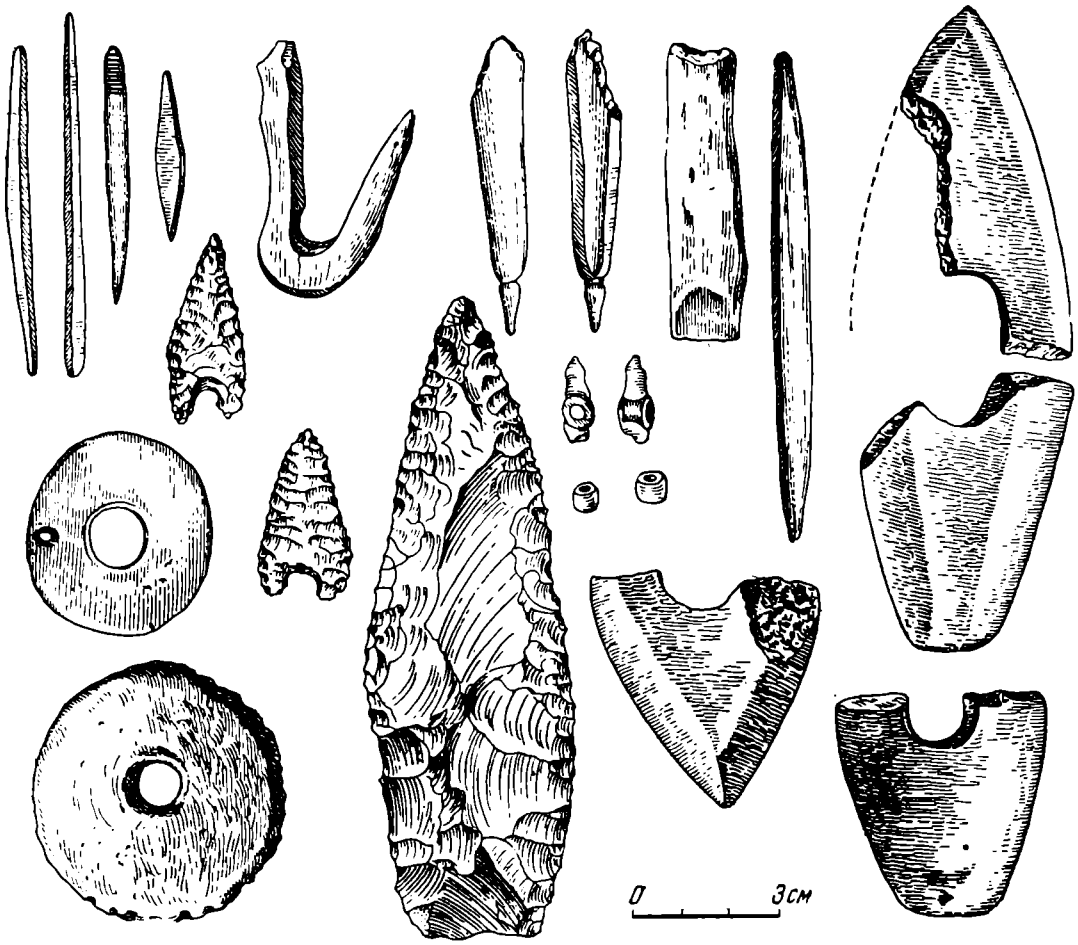


Рис. 4. Изделия из меди, кости и камня на поселении Бабино III

стоятельную группу составляют сосуды, орнаментированные только несколькими поясами пальцевых или ногтевых защипов. Особенно типичен узор из налепных валиков, гладких или расчлененных насечками. Чаще всего валики уложены в виде елочки; один валиковый налеп положен вертикально, а к нему присоединены валики, расположенные наклонно. Нередко валики образуют овалы, полукруги и другие более сложные узоры, обычно расположенные под венчиком. Иногда валики расположены прямолинейно-вертикально или горизонтальными полосами. В основном именно валиковая орнаментация и придает всей керамике поселения особый колорит.

Следует отметить несколько фрагментов плоских мисок с невысокими прямыми или чуть наискось поставленными бортиками с рассеченными насечками краями. Такие миски, только более низкие, часто встречаются на поселениях срубной культуры. К керамическим изделиям относятся также довольно многочисленные находки прясел, обычно изготовленных из стенок сосудов.

Жилище № 2 представляет собой углубление овальной формы, вырытое в суглинке. Его размеры —8×5,6 *м*, глубина —0,5 *м*.

В центре пола землянки имелось углубление диаметром 2 *м*, глубиной 0,2 *м* с остатками кострища. Вход в жилище был с северо-востока. К западу от входа находилась глинобитная выкладка длиной около 2 *м*, дугообразно огибающая часть жилища с наружной стороны. Это возвышение было, по-видимому, сооружено для того, чтобы выравнять высоту стенок жилища, находящегося на склоне.

В полу землянки обнаружено девять ямок от столбов, глубиной около 0,4 *м*, диаметром 0,3—0,2 *м*. Жилище, по-видимому, сгорело, так как пол

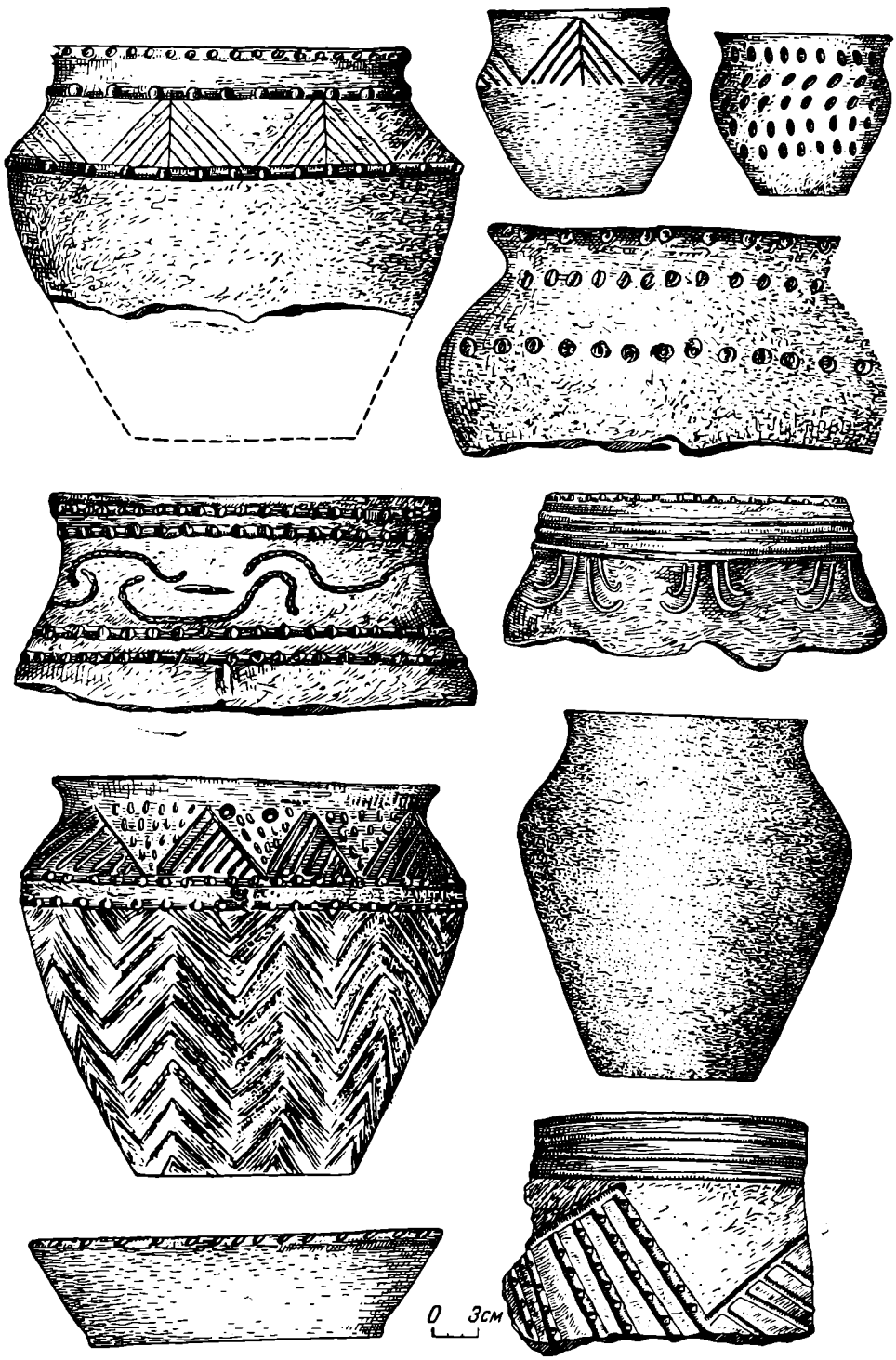


Рис. 5. Керамика из поселения Бабино III

был покрыт слоем золы, а большинство керамических обломков сильно обожжено. На полу и в заполнении этого жилища найдены изделия из меди (два шила круглых и три — четырехгранных, пронизь, несколько шаровидных бус); изделия из кости (долотце, шилья, проколки, астрагал овцы с сильно зашлифованными поверхностями); изделия из камня и кремня (кинжал или нож листовидной формы из серого кремня с двухсторонней обработкой, два обломка топоров-молотков, несколько каменных растиральников и грузил, шарики для пращи).

Там же найдены фаянсовые бусины голубого цвета: одна, имеющая вид птичьей головки с длинным клювом (обломана), два обломка таких же бусин и два экземпляра бусин цилиндрической формы (рис. 4).

Керамика, обнаруженная в землянке № 2, делится на две группы. Одна из них совершенно аналогична той, которая была найдена в наземном жилище. Ко второй группе относятся обломки крупных сосудов, хорошо обожженных, темно-серого или буроватого цвета (емкостью до 4—5 *л*). Приблизительно половина сосудов этой группы вовсе не орнаментирована, другая часть украшена только по венчику и по шейке пальцевыми или ногтевыми вдавлениями (рис. 5). Так же как и в первом жилище, здесь найдено несколько глиняных рыболовных грузил и большое количество пряслиц.

Хотя есть основания предположить, что землянка была сооружена несколько раньше наземного жилища, весь комплекс находок на поселении свидетельствует о том, что оба жилища относятся к одному культурному и хронологическому комплексу.

На поселении найдено большое количество костей домашних животных: быка (32%), козы — овцы (30%), свиньи (12%), лошади (10%), собаки (6%.).

Среди костей диких животных преобладали кости кабана, свиньи, зайца. Определены также кости птиц, рыб и черепах[3].

Как уже отмечалось, на поселении обнаружены бусы из египетской пасты, которые датируются XIV в. до н. э.[4] Находки характерной костяной пряжки и нескольких плоских мисок-жаровень говорят о хронологической близости со срубной культурой. На основании этих находок, а также на основании остального инвентаря поселение может быть датировано серединой II тысячелетия до н. э. Несмотря на то, что поселение Бабино III расположено в окружении памятников катакомбной и срубной культуры, оно не может быть отнесено ни к первой, ни ко второй. По типу наземного глинобитного жилища, не находящего себе аналогий в степных памятниках, и по совершенно своеобразной керамике оно резко от них отличается. Очевидно, в период средней бронзы на территории Нижнего Поднепровья бытовала еще одна группа памятников, устойчиво сохраняющих свою культурную самобытность.

В настоящее время на Нижнем Днепре известно уже более 20 поселений типа Бабино III. Среди них прежде всего следует указать на Днепропетровское поселение, расположенное на территории сада им. Т. Г. Шевченко[5]. Керамика поселения делится на две разновременные группы: одна, состоящая из обломков сосудов остроребериых форм, орнаментированных налепными валиками и прочерченными линиями, совершенно аналогична обнаруженной на поселении Бабино III, вторая группа керамики относится к более раннему времени — по-видимому, к ямной культуре. Особенно много поселений с многоваликовой керамикой обнаружено в районе Днепровских порогов. А. В. Бодянским, обследовавшим эти места, зафиксировано более 20 пунктов. Среди них можно назвать балку Таволжаную, близ хут. Орлова, Красно-Лиманского района, Запорожской области, балку Татарку, близ с. Любимовка, Днепропетровского района и области, балку Лоханскую близ с. Ямбург, балку Тягинку у дер. Васильевки и много других[6].

Работы А. В. Бодянского, хотя и носили в основном разведывательный характер, представляют большой интерес в том смысле, что знакомят с распространением этих памятников, их топографией и расширяют представление об их инвентаре.

---

[3] Определение костного материала сделано В. И. Бибиковой.

[4] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 447.

[5] Н. Е. Макаренко. Археологические исследования 1907—1908 гг. СПб., 1911, стр. 104; А. В. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. АП, т. II, 1949, стр. 191—200.

[6] А. В. Бодянский. Отчеты за 1949—1953 гг. Архив ИА АН УССР. Фонд экспед., №№ 897—900; 1148, 1196, 1873, 1887.

Выше по Днепру следует указать поселение в уроч. «Княжая Гора», расположенное на высоком мысу между г. Каневом и с. Пекари [7]. Поселение дает чистый керамический комплекс и большое количество каменных и костяных орудий (топоров, булав, наконечников стрел и т. д.), которые могут быть связаны с той же эпохой. Керамика Княжей Горы по форме и мотивам орнаментации очень похожа на обнаруженную в Бабино III и в саду им. Т. Г. Шевченко (рис. 6). Несколько памятников с многоваликовой керамикой обнаружено и частично обследовано в окрестностях Киева (уроч. Максимов бугор, сс. Подгорцы, Жеребятин, Староселье, Вишенки и др.).

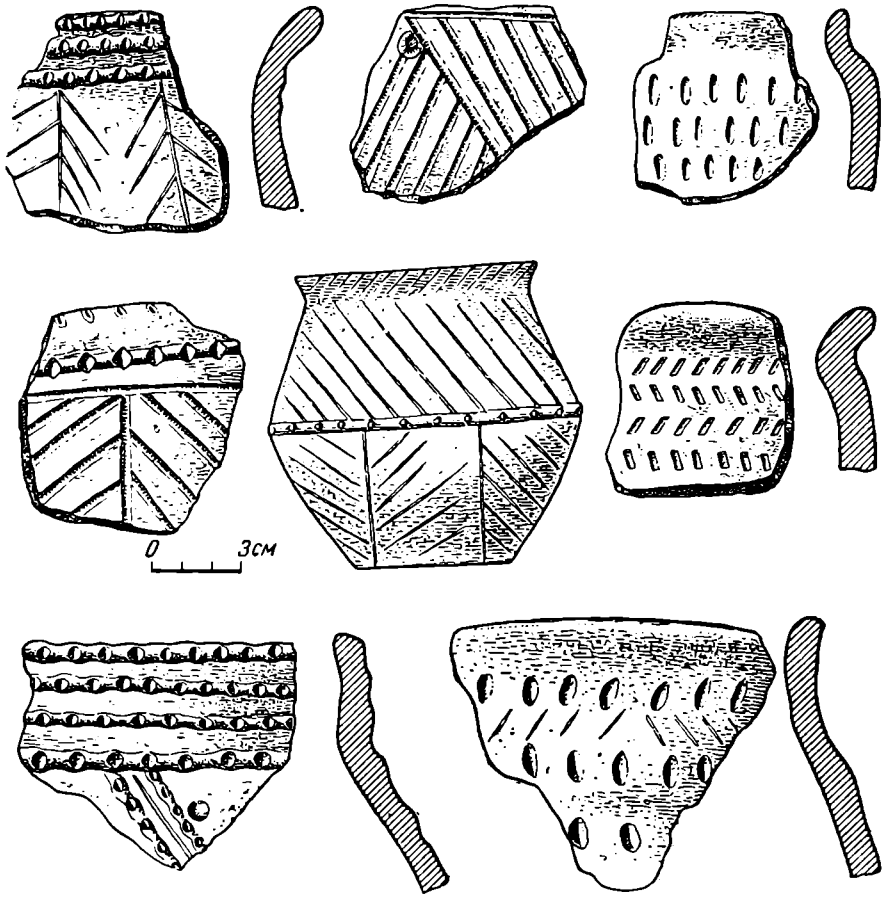


Рис. 6. Керамика из поселения Княжая Гора

Значение указанных памятников заключается также в том, что на многих из них (Староселье, Белогорье, Вишенки) [8] удалось проследить совместное залегание многоваликовой керамики и керамики, характерной для комаровской культуры. Последнее важно для синхронизации выделяемой группы с памятниками этой культуры.

Приблизительно в то же время, когда на юге исследовалось поселение Бабино III, на р. Сейм, в окрестностях с. Волынцево, было найдено и раскопано другое поселение с многоваликовой керамикой, свидетельствующее о существовании таких памятников не только на юге, но и на севере Украины [9].

Поселение находится в уроч. «Городок» на небольшом песчаном всхолмлении, расположенном в пойме реки. Оно оказалось трехслойным. Верх-

[7] М. Ф. Беляшевський. Коротке звідомлення за археологічні досліди 1926 р. Київ, 1926, стр. 94—95.

[8] Н. В. Лінка. Роботи експедиції Великій Київ за 1947. АП, т. III, 1952.

[9] С. С. Березанская. Новые памятники эпохи бронзы и раннего железа в бассейне Сейма. КСИИМК, вып. 67, 1957.

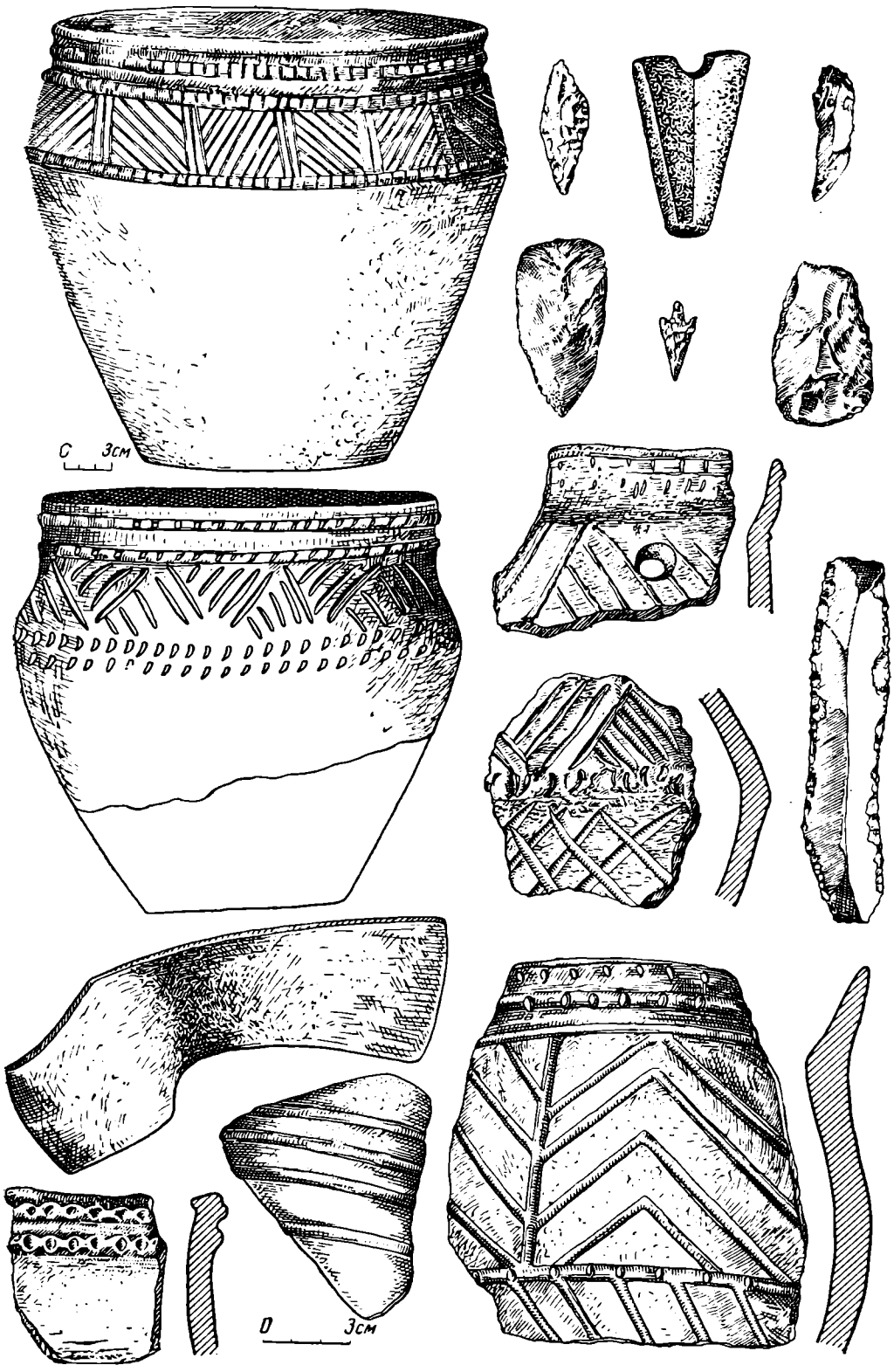


Рис. 7. Керамика из поселения Волынцево на р. Сейм

ний горизонт относился ко времени раннего железа, нижний — к эпохе ранней бронзы. Средний слой сохранил остатки поселения типа Бабино III. Здесь было исследовано четыре углубленных жилища (глубиной 0,5—0,7 *м*, прямоугольных очертаний, размером 4 х 5 *м*) и множество хозяйственных ям, заполненных керамикой и костями животных.

Основная масса керамики, как и на поселении Бабино III, состояла из обломков остроребериых сосудов с высокими прямыми, отогнутыми нару-

жу или слегка вогнутыми внутрь венчиками и характерной орнаментацией из налепных валиков и прочерченных линий. Следует отметить, что ни одного фрагмента керамики со шнуровым орнаментом здесь не найдено. Остальной инвентарь Волынцевского поселения также близок к бабинскому. Найдены обломки каменных просверленных топоров, ножевидные кремневые пластины, наконечники копий и стрел, а также различные костяные проколки (рис. 7).

Поселения Бабино III и Волынцево, разделенные значительным пространством, естественно, не могут быть вполне тождественными. Некоторые

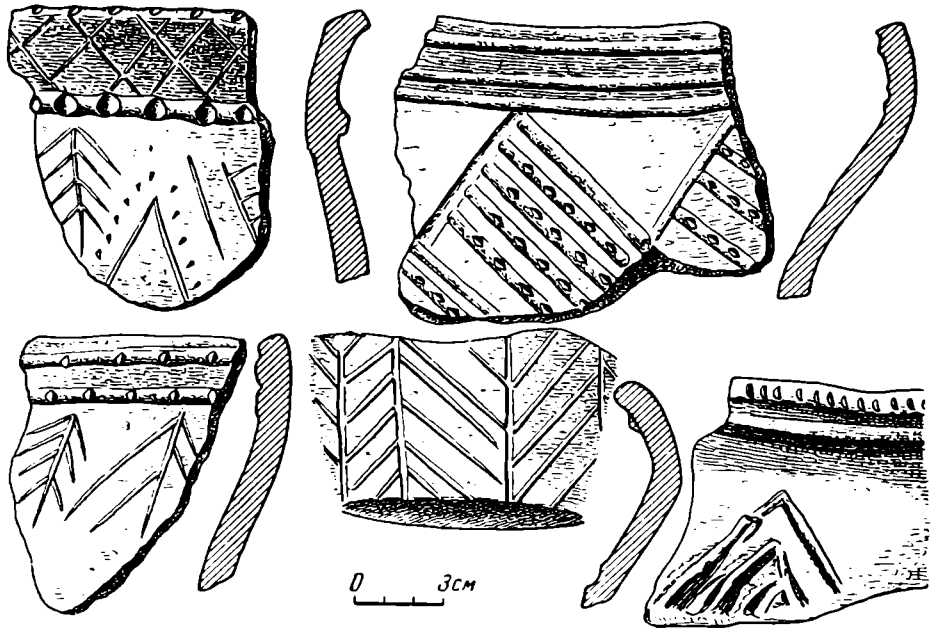


Рис. 8. Керамика из поселения Белоус на р. Десне

различия наблюдаются как в керамике, так и в другом инвентаре. Так, на сосудах Волынцевского поселения преобладает не валиковый, а прочерченный орнамент; отсутствуют миски и лощеная посуда. Однако общий характер посуды настолько типичен, что не оставляет сомнения в принадлежности обоих памятников к одной и той же культурной группе.

Среди других «северных» памятников следует отметить поселение Белоус, Черниговской области [10]. Оно расположено в 300 *м* к востоку от с. Белоус, в пойме реки с тем же названием, на небольшом дюнном всхолмлении. Проведенная здесь шурфовка обнаружила несколько больших ям, возможно, жилого характера и множество кострищ. Керамика на поселении Белоус по формам и орнаментации очень близка к бабинской и волынцевской. Ее особенностью является исключительное богатство и разнообразие орнаментации и часто встречающийся шнуровой орнамент. Так же как и на других поселениях, здесь найдены каменные сверленые топоры, булавы, кремневые стрелы, пращевые камни и другие каменные орудия (рис. 8).

На левобережье отдельные памятники бабинского типа известны не только на Десне и Сейме, но и на других притоках Днепра, в частности на Суле и Псле, где они были обнаружены И. И. Ляпушкиным во время разведки (с. Александровка, Лубенского р-на, с. Суки, Гусаны и др.) [11].

Многоваликовая керамика встречается также на поселениях ката-

---

[10] Поселение обнаружено сотрудниками Черниговского музея; обследовалось А. А. Попко и в 1949 г.— Д. И. Блифельдом.

[11] И. И. Ляпушкин. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции за 1948 г. Архив ИА АН УССР. Фонд эксп. № 1806.

комбного времени Дона, Северного Донца и Оскола. В значительной мере именно этим памятникам была посвящена диссертационная работа Ю. В. Подгаецкого «Предскифский период на Среднем Дону» [12]. Ограниченность территории, на которой рассматривались эти памятники, а также их слабая изученность в то время в других районах явились причиной того, что Ю. Подгаецкий не смог отделить их от пямятников катакомбной культуры. Тем не менее он пишет: «Совершенно ясно, что памятники Поднепровья типа Княжей Горы имеют какое-то отношение к среднедонским памятникам катакомбного времени, и еще не известно, является ли область Среднего Донца основной территорией их распространения, или они пока лучше всего здесь выявлены» [13].

Для выяснения происхождения культуры многоваликовой керамики, а также ее взаимоотношений с катакомбной культурой особый интерес представляют памятники, обнаруженные на Правобережье Днепра. Правда, здесь их известно гораздо меньше, чем на Левобережье, что, по-видимому, следует объяснить слабой исследованностью данного района. Однако даже небольшие разведочные работы, проведенные в бассейне р. Тясьмина, сразу же обнаружили ряд пунктов с многоваликовой керамикой (Новоселица, Черногоровка, Панский остров, Бондаревка и др.) [14].

Наиболее западными поселениями в настоящее время являются Собковка [15], Уманского района, и Сандраки под Винницей [16]. На всех этих поселениях обнаружены типичная многоваликовая керамика, обломки каменных боевых молотов, кремневые стрелы, кости животных. В Сандраках, кроме обломков сосудов, орнаментированных валиковыми налепами, была встречена керамика, украшенная гусеничным орнаментом. Вообще же для правобережных памятников характерно отсутствие шнуровой орнаментации, что, по-видимому, следует объяснять удаленностью от основных районов распространения катакомбной культуры. Кроме того, в Сандраках, по мнению Е. Ф. Лагодовской, удалось установить стратиграфическое соотношение многоваликовой керамики с позднетрипольским культурным слоем, лежащим ниже и, следовательно, предшествовавшим по времени.

Перечисленные выше памятники ни в какой мере не исчерпывают всех известных в настоящее время местонахождений. Сейчас их насчитывается уже более сотни. Слабая изученность отдельных районов Украины не дает возможности определить точно ареал памятников с многоваликовой керамикой и проследить их концентрацию. Поэтому в настоящее время можно отметить в самых общих чертах, что: 1) остатки поселений типа Бабино III встречаются на значительной территории Украины и севернее ее, доходя до района Курска (Шелаево) [17], 2) их наибольшее сосредоточие связано с Поднепровьем, главным образом с его южной частью. Все поселения с многоваликовой керамикой должны быть разделены на две группы. К первой следует отнести поселения, где основным или даже единственным типом керамики является керамика с многоваликовой орнаментацией; во вторую входят поселения, где посуда, украшенная налепными валиками, составляет только одну из керамических групп и где в большом количестве встречается также шнуровая орнаментация.

---

[12] Ю. В. Подгаецкий. Предскифский период на среднем Дону. Канд. диссертация, хранится в Архиве ЛОИА.

[13] Там же.

[14] О. І. Тереножкін. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII, 1952.

[15] С. С. Березанская, Г. Т. Титенко. Поселение предскифского времени в с. Собковка. КСИА, вып. L, 1952, стр. 80.

[16] Е. Ф. Лагодовская. Отчет о раскопках у с. Сандраки Хмельницкого района Винницкой области, 1946. Архив ИА АН УССР. Фонд эксп. № 1133.

[17] М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Оскол. Тр. ГИМ, вып. 12, М., 1941.

* * *

Имеющиеся материалы и наблюдения дают возможность для некоторых обобщений в отношении характера выделяемой группы в целом. Так, например, уже сейчас можно составить достаточно ясное представление о топографии поселений. Большинство из них обнаружено либо в поймах рек, на песчаных возвышенностях, либо на останцах коренного берега. В первом случае культурный слой обычно незначительной мощности и сравнительно слабо насыщен культурными остатками. В целом пойменные поселения всегда производят впечатление временных, сезонных стоянок. Таковы Волынцево, Белоус, Андрусовка и т. д. Другая часть поселений расположена на выступах коренного берега, мысах или участках высоких надпойменных террас (Бабино III, Княжая Гора, сад им. Т. Г. Шевченко, Сандраки). Размеры этих поселений обычно больше пойменных, культурный слой толще; по-видимому, на таких поселениях жили более длительное время.

Несмотря на сравнительно большое количество исследованных поселений, в отношении жилищ пока можно сказать очень немного. В смысле выделения культурных особенностей наибольший интерес вызывает наземное глинобитное жилище, исследованное на поселении Бабино III. Оно указывает на какую-то совершенно особую традицию домостроительства, не находящую себе аналогий среди культур бронзового века юга Украины и ближе стоящую к трипольскому домостроительству.

Раскопки, проведенные на поселениях у с. Костенки под Воронежом и на Сейме, у с. Волынцево, показали, что в северном районе распространения памятников с многоваликовой керамикой жилищами служили довольно глубокие землянки прямоугольных очертаний, средние размеры которых 6 × 8 и 5 × 7 *м*.

На настоящем этапе изучения наиболее ярким определяющим признаком для выделяемой группы памятников является керамика, проявляющая исключительную устойчивость форм и орнаментации на всей территории распространения.

В типичном случае посуда изготовлялась из глины с примесью большого количества песка, отчего она становилась плотной и тяжелой. Сосуды всегда толстостенны (1—1,5 *см*). В большинстве случаев внутренняя поверхность темная, внешняя — розовато-желтого или буро-красного цвета. В изломе обычно черепки черные, что указывает на недостаточно хороший обжиг сосудов, проводившийся на открытом огне. Внешняя поверхность хорошо заглажена, иногда даже немного подлощена. Особенно значительное количество подлощенной посуды встречено на поселениях лесостепной части Украины.

Внутренняя поверхность, как правило, более шероховата, но расчесы, типичные для обработки посуды ямной и катакомбной культур, для многоваликовой керамики в общем не характерны, они встречаются изредка и только на степных поселениях.

Ввиду небольшого количества раскопанных поселений трудно быть уверенным, что удалось выяснить все формы посуды, связанные с этой культурной группой. По-видимому, наиболее характерной формой посуды, распространенной на всей территории, где встречаются поселения типа Бабино III, можно считать реберчатые сосуды средних размеров с высоким прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, орнаментированные по всему тулову налепными валиками в виде елочек или треугольников. Реберчатость бывает различной: острой и едва заметной. На одних сосудах перегиб на тулове выше, на других — ниже (рис. 9).

Второй формой являются сосуды вытянутых пропорций, в виде горшка с более или менее выпуклым туловом, плавно переходящим в шейку со слабо выраженным, отогнутым наружу венчиком. Насколько удалось проследить, такие сосуды чаще бывают орнаментированы прочерченными линиями, чем валиками.

Третья керамическая форма, встречающаяся значительно реже, чем две первые, но распространенная также на широкой территории, представляет собой миску. Миски обнаружены в Надпорожье, в Воронежской области и на правобережье Украины, по Тясьмину. Их можно разделить на две группы: конические миски, орнаментированные по всему тулову валиковыми поясами, насечками по краю венчика или защипами, и миски второй группы, более глубокие, имеющие слегка выпуклые стенки и обычно сбоку маленькую ручку в виде цилиндрического отростка, орнаментированные врезными линиями или валиками. Для северных районов можно выделить еще одну форму сосудов, не встречающихся на юге. Для них характерны очень высокие, всегда прямые венчики, вытянутые тулова, слегка выпуклые в верхней части, плавная линия перехода от тулова к довольно широкому днищу. В частности, такие сосуды известны из могильника у с. Кондрашевка, Воронежской области и Белоуса

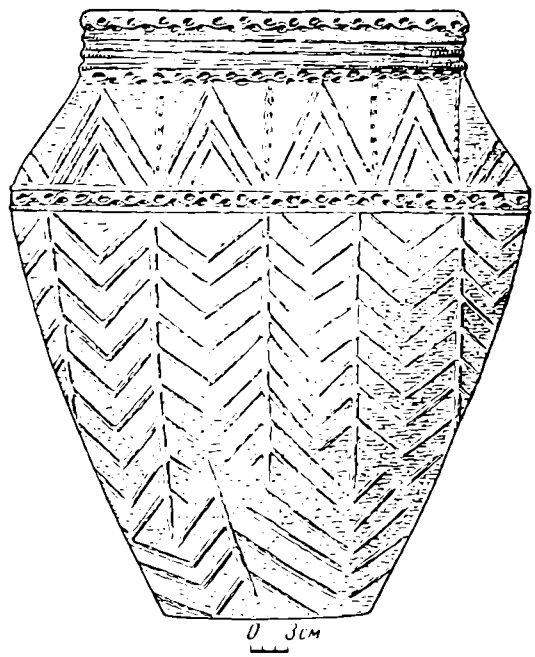


Рис. 9. Сосуд из кургана близ с. Чапаевка на Днепре

Как уже отмечалось, наиболее характерной особенностью выделенной группы керамики является ее орнаментация. Многие сосуды покрыты орнаментом сплошь, от венчика до дна. В таких случаях корпус сосуда обычно разделен на три части: венчик, верхнюю половину до перегиба тулова и нижнюю часть. Каждая из этих частей бывает украшена различным узором. Основными элементами орнаментации являются налепной валик и врезные линии. Валики различаются по форме, толщине и по способу нанесения. В одних случаях валики в виде тонких длинных жгутов накладывались на тулова сосудов и примазывались к ним, в других —из сырой глины самого сосуда оттягивались полосы, имеющие вид широких валиков.

Удалось заметить, что налепные валики, по-видимому, более характерны для лесостепных районов Украины, оттянутые — для степных. Валики бывают тонкими, заостренными и толстыми, закругленными. Различны также и прочерченные линии. В одних случаях это очень тонкие аккуратные и ровные полосы, в других — небрежно нанесенные грубые неровные и глубокие борозды. Особенной небрежностью отличаются сосуды, найденные при погребениях.

Кроме этих двух основных элементов орнаментации, встречаются сосуды, украшенные налепными шишечками, продолговатыми выступами и маленькими ушками. Такой орнамент встречается главным образом в южных районах Украины и чаще всего украшает большие подлощенные сосуды и миски.

Как валиковая, так и линейная орнаментация передают одни и те же мотивы. Чаще всего это елочный узор или узор в виде деревца с поднятыми вверх ветвями. Менее распространенными являются треугольники, которыми покрывались либо только верхняя, либо обе половины сосуда. Еще реже встречаются сосуды, орнаментированные валиками или прочерченными линиями, идущими параллельно днищу сосуда или перпендикулярно к нему. Иногда валиковые налепы образуют овалы, полумесяцы и другие криволинейные фигуры. Последние, так же как орнамент в виде налепов, как будто чаще встречаются в южных районах (рис. 10).

Рис. 10. Многоваликовая керамика из различных погребений

1 — Кондрашевка, кург. № 8; *2* — Воронеж, Краеведческий музей; *3* — там же; *4* — Кичкас, Надпорожье; *5* — Воронцовка, Харьковская область; *6* — там же; *7*, *11* — Мариуполь; *8* — Белогорье, Воронежская область; *9* — Никополь; *10* — Холм

Кроме многоваликовой посуды, составляющей на одних памятниках бабинского типа единственный керамический комплекс, на других основной и количественно доминирующий (Бабино, Волынцево, Собковка, Варенычевка и др.), на многих поселениях встречается посуда, орнаментированная оттисками шнура. Однако эта орнаментация в целом, как уже отмечалось, не свойственна выделяемой группе памятников и является, по-видимому, результатом взаимодействия с катакомбной культурой.

Есть основания полагать, что люди, оставившие поселение с многоваликовой керамикой, пользовались довольно широким ассортиментом металлических изделий и даже сами их изготовляли. Однако незначительное количество исследованных памятников не дает возможности составить яс-

ное представление о характерном инвентаре, как металлическом, так и каменном и костяном.

На юге Украины на поселениях с многоваликовой керамикой встречается металлический инвентарь, в общем обычный для катакомбной культуры. Чаще всего это четырехгранные шилья, проколки, ножи. Из предметов, не встречающихся на катакомбных поселениях, представляет интерес обломок медного ножа, найденного вместе с многоваликовой керамикой на поселении у с. Андрусовка [18]. Черешок ножа обломан, длина сохранившейся части — 5 *см*, спинка имеет небольшую седловину посредине, лезвие тонкое, сильно сработанное, плавно изогнуто вверх к острому окончанию (рис. 11, *5*). Подобные ножи ни в катакомбной, ни в срубной культуре не известны.

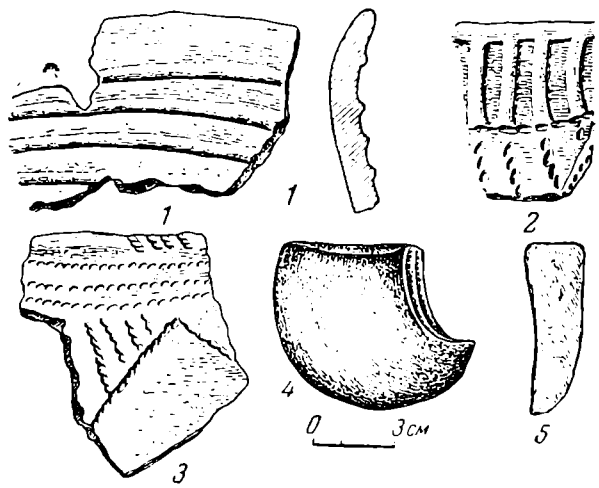


Рис. 11.

1—3 — обломки керамики; *4* — обломок каменного топора; *5* — медный нож из поселения Андрусовка

На всех поселениях с многоваликовой керамикой найдено большое количество изделий из камня и кремня. Это боевые топоры, булавы, метательные камни, наконечники копий и стрел, ножи, кинжалы и т. д. Однако как для металлических, так и для каменных изделий выделение такого комплекса, который был бы характерен только для данной группы, сейчас не представляется возможным. Во всяком случае, в ней, по-видимому, бытовали все те формы каменных топоров, кремневых стрел и других орудий, которые встречаются в окружающих синхронных культурах, в частности в катакомбной. Особо следует отметить два случая, когда вместе с многоваликовой керамикой были найдены топоры характерного «бородинского типа» (Белогорье и Андрусовка [19]).

Среди многочисленных костяных изделий чаще всего встречаются различные шилья и проколки. На поселениях Бабино III и Княжая Гора были найдены костяные долотца, рыболовные крючки и гарпуны. Нередки находки изогнутых костяных бляшек с двумя отверстиями или, как их иначе называют, поясных пряжек. Вот, в сущности, и все, чем в настоящее время можно располагать для характеристики инвентаря поселений с многоваликовой керамикой.

Особенно остро отсутствие фактического материала сказывается при попытке хотя бы в какой-то мере осветить погребальный обряд выделяемой группы.

Небольшое количество погребений, которые на основании инвентаря могут быть связаны с интересующими нас памятниками, обнаружены в курганах. В большинстве случаев это впускные погребения. Костяки лежат в скорченном положении, иногда окрашены. Погребальный инвентарь составляют один или два сосуда, редко кости животных [20].

---

[18] Е. В. Максимов, Е. А. Петровская. Археологические памятники в окрестностях с. Большая Андрусовка на Тясьмине. КСИА, № 8, 1959, стр. 22.

[19] Там же, стр. 23, табл. 1, **4**.

[20] А. А. Спицын. Раскопки, произведенные в 1897 г. у с. Башмачки Екатеринославского уезда. ИАК, № 1, СПб., 1901, стр. 69—70; Д. И. Эварницкий. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губ., тр. XIII АС, т. I, М., 1907, стр. 157; Г. Л. Скадовский. Белозерское городище Херсонского уезда Белозерской волости и соседние городища и курганы между низовьем р. Ингульца и началом Днепровского лимана. Труды VIII АС, т. III, М., 1897, стр. 133.

Несоответствие между количеством обнаруженных погребений и поселениями наводит на мысль, что основной погребальный обряд еще не выяснен и что, возможно, он был бескурганным.

Имеющегося материала, конечно, недостаточно для суждения о сложении интересующей нас группы памятников, о причинах их широкого распространения, а также о дальнейшей судьбе населения, оставившего эти памятники. Поэтому пока можно высказать только самые предварительные соображения по некоторым из этих вопросов.

Для датировки памятников типа Бабино III сейчас уже имеется достаточно данных. Возможность синхронизировать их с такими сравнительно хорошо датируемыми культурами, как катакомбная, комаровская и срубная, является решающей для определения времени их существования. Совместное залегание многоваликовой керамики и посуды со шнуровой орнаментацией катакомбного типа прослежено на очень многих поселениях (Бабино III, Княжая Гора, Белоус, Сандраки и др.). Известны также сосуды, в орнаментации которых сочетаются налепные валики с прочерченными линиями, типичными для комаровской керамики (Белгородка и др.); на Волынцевском поселении комаровская керамика составляет целую отдельную группу.

Все эти факты дают основание полагать, что памятники с многоваликовой керамикой существовали в то же время, когда на юге Украины была распространена катакомбная, а в лесостепных районах комаровская культуры.

На ряде поселений были найдены предметы, подтверждающие такую датировку. Уже упоминалось о находке у с. Андрусовка обломка топора «бородинского» типа и бронзового ножа малоазийской формы. Бородинский клад, как показали исследования О. А. Граковой и М. Гимбутас [21], датируется XIV в. до н. э. Бронзовый нож находит для себя аналогии в ножах V слоя Трои, время которых определено серединой II тысячелетия до н. э. [22].

Встреченные на ряде поселений формочки для отливки вислообушных топоров относятся к сходным типам и наиболее близки к топорам из сейминского могильника, который той же М. Гимбутас датируется XV — XIV вв. до н. э. Кроме того, на поселении Бабино III найдены несколько бус из египетского фаянса. Такие бусы встречены при погребениях в Венгрии, Англии, и датируются они также XIV в. до н. э. [23].

Весь остальной типичный инвентарь (медные четырехгранные шилья, каменные сверленые молотки, кремневые стрелы и т. д.) также не противоречит отнесению памятников с многоваликовой керамикой к середине II тысячелетия до н. э. Конец существования памятников, по-видимому, в основном совпадает с появлением срубной культуры. О хронологическом стыке этих двух культурных групп говорит ряд поселений срубной культуры, расположенных в различных районах Украины, где встречена керамика с многоваликовой орнаментацией (сс. Попова Левада под Путивлем, Рубцы и Янохино на Осколе [24], Челки в Крыму [25]).

Обнаруженные здесь сосуды хотя и орнаментированы характерными валиковыми налепами, но заметно отличаются от типичных сосудов бабинского типа. По форме они ближе к высоким остроребериым сосудам срубной культуры. Грубые толстые валики нанесены небрежно

---

[21] О. А. Гракова. Бессарабский клад. М., 1949; M. Gimbutas. Borodino, Seima and Their Contemporaries..., Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, Cambridge. New Series, т. XXII, № 9, стр. 144.

[22] W. Dörpfeld. Troja und Ilion. Athen, 1902, т. I, стр. 347, рис. 268(*c*).

[23] Г. Чайлд. Ук. соч., стр. 447.

[24] С. С. Березанская. Поселения срубной культуры на р. Осколе. КСИА, вып. 8.

[25] И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в восточном Крыму. СА, XXIV, 1955, стр. 76.

и покрывают обычно только верхнюю часть сосуда. Прочерченные линии асимметричны и также нанесены очень неряшливо. В целом такие сосуды (иногда уже очень отдаленно) напоминают керамику, типичную для таких поселений, как Бабино III, Волынцево, Белоус и др.

Одним из наиболее сложных и пока еще едва ли разрешимых вопросов является вопрос о сложении или происхождении памятников с многоваликовой керамикой. Обращаясь к памятникам, распространенным на Украине в предшествующую пору, можно убедиться в том, что ни с одной из известных в настоящее время культур раннего бронзового века памятники типа Бабино III генетически связаны быть не могут.

Это становится совершенно очевидным при рассмотрении памятников эпохи бронзы северной, полесской части Украины, представленных поселениями марьяновской культуры с керамикой, близкой по формам и орнаментации к неолитическим сосудам ямочногребенчатой культуры [26].

Не менее очевидно отсутствие какой бы то ни было генетической связи между керамикой с многоваликовой орнаментацией и посудой среднеднепровской культуры, характеризующей ранний бронзовый век в лесостепной части Правобережной Украины [27].

Несколько иначе стоит вопрос в отношении Нижнего Днепра и вообще степной части Украины. Хотя и здесь преемственности между керамикой таких поселений раннего бронзового века, как Михайловка, Скеля Каменоломня, проследить не удается, но отдельные черты близости в керамике более позднего времени (поселение Перун) [28] все же имеются.

То обстоятельство, что ни одна из культур ранней бронзы на Украине как будто не может быть связана с памятниками типа Бабино III, заставляет подумать о возможности передвижения этой своеобразной группы памятников откуда-то с соседней территории.

В этой связи определенный интерес представляет группа памятников ранней и средней бронзы типа Глина III, локализованных в бассейне Нижнего Дуная и Среднего Днестра.

Памятники этого типа, генетически связанные с гумельницкой культурой, характеризуются керамикой, в которой имеется много общего с многоваликовой. Близок также и характер остального инвентаря, представленного на памятниках типа Глина III, так же как и на бабинских поселениях, каменными топорами, кремневыми стрелами, булавами, бронзовыми вислообушными топорами и ножами с изогнутым лезвием.

Во всяком случае, если о продвижении памятников типа Бабино III с территории Румынии говорить еще преждевременно, то культурная близость этих двух групп должна найти объяснение.

В отношении дальнейшей судьбы памятников с многоваликовой керамикой также еще много неясного. В Полесье, например, никаких следов влияния этих памятников на культуру более позднего времени обнаружить не удается. Иначе решается вопрос о роли выделяемой группы в сложении позднего бронзового века юга Украины, в частности памятников Нижнего Поднепровья и белогрудовской культуры, в керамике которых явственно прослеживаются черты, сближающие их с культурой поселений типа Бабино III. Таким образом, можно думать, что широкое распространение памятников с многоваликовой керамикой было кратковременным и в основном относилось к начальному периоду их существования. Основная же территория, которую они занимали, была значительно уже и локализовалась где-то в районе Нижнего и Среднего Днепра.

---

[26] М. Рудинський. Марьянівська стація. Антропологія, т. III, Київ, 1930; Я. Морачевський. Керамика Марьянівської стації. Там же, стр. 191.

[27] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 34.

[28] В. А. Гринченко. Раскопки на о-ве Перун. Архив ИА УССР, ф. 12, д. 39—42—59—60.

Т. Б. ПОПОВА

К ВОПРОСУ О МНОГОВАЛИКОВОЙ КЕРАМИКЕ

С. С. Березанская в своей работе «Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине» пишет, что «цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выделить памятники с многоваликовой керамикой из среды других памятников эпохи бронзы, в частности из среды катакомбных и срубных, в особую, самостоятельную группу и показать, что, несмотря на широкое распространение, они представляют какое-то единое культурное явление и, возможно, характеризуют вполне самостоятельное историческое образование»[1]. Еще ранее С. С. Березанская высказалась более ясно: «...Данный тип археологических памятников (с многоваликовой керамикой. — *Т. П.*) едва ли представляет собой поздний этап катакомбной культуры, а, вероятнее, соответствует какой-то особой, совершенно самостоятельной этнической группе»[2]. На эту же тему С. С. Березанской было сделано два доклада[3], после чего представление о том, что якобы многоваликовая керамика является принадлежностью совершенно обособленной культуры, не связанной с памятниками поздней стадии катакомбной культуры, начинает приниматься некоторыми исследователями как нечто уже абсолютно достоверное. А между тем этот вопрос остается до сих пор весьма спорным.

Наиболее слабым и мало аргументированным положением в работе С. С. Березанской является ее утверждение о том, что культура многоваликовой керамики самостоятельна и одновременна катакомбной и срубной культурам.

Для того чтобы ставить вопрос о выделении памятников с многоваликовой керамикой в самостоятельную археологическую культуру, нужно прежде всего ясно представить границы распространения этой культуры. Между тем оказывается, что на территории, занятой этими памятниками, в то же самое время существуют памятники катакомбной и срубной культур. Возникает недоуменный вопрос: в какой же взаимосвязи находятся все эти памятники? С. С. Березанская пытается сгладить это недоразумение положением о том, что существование многоваликовой керамики было «кратковременным». Памятников с многоваликовой керамикой в настоящее время известно уже больше сотни, есть и поселения с довольно мощным культурным слоем, что заставляет предположить, что период существования их не был таким уж коротким.

Мало объяснимым кажется факт появления племен — носителей многоваликовой керамики сразу на такой широкой территории, не связанных в культурном отношении с предшествующим населением этой области.

---

[1] См. в этом номере журнала С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине, стр. 26—41.

[2] С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. СА, 1957, № 2.

[3] С. С. Березанская. О группе памятников эпохи средней бронзы с многоваликовой керамикой (тип Бабино III). Доклад на археологической сессии Ин-та археологии 1958 г. Этот же доклад был прочитан на семинаре по первобытной археологии Молдавии, Румынии и примыкающих районов Украины в мае 1958 г. в г. Кишиневе.

Между тем, если принять существующее положение, что многоваликовая керамика является лишь одним из преобладающих мотивов орнаментации посуды в позднекатакомбной культуре, то вполне объяснимыми являются факты появления позднекатакомбной культуры на Нижнем, Среднем Днепре, в Правобережье и даже в более северных лесостепных и лесных районах. В настоящее время считается совершенно доказанным тот факт, что примерно около середины II тысячелетия до н. э. племена срубной культуры начинают свое продвижение с востока на запад, а теснимые ими племена поздней катакомбной культуры постепенно покидают территории бассейнов Дона и Северного Донца.

Именно в результате этого передвижения появляется особенно много памятников с многоваликовой керамикой (т. е. позднекатакомбного типа) в районе Нижнего и Среднего Днепра, где в предшествующее время раннекатакомбная культура прослеживается слабо. Этим же, по-видимому, объясняется и появление многоваликовой керамики на Правобережье Днепра.

С. С. Березанская утверждает, что многоваликовая керамика на территории Украины представляет собой совершенно новое явление, не связанное с предшествующими и известными до сих пор культурами этой области, и ищет происхождение ее где-то в другом месте, стараясь вывести ее «откуда-то с соседней территории». Оба эти положения легко могут быть опровергнуты.

Прежде всего, с каким кругом памятников автор увязывает памятники с многоваликовой керамикой? Оказывается, с западными памятниками культуры так называемой Глина III. Особенно четко эта мысль была высказана автором статьи в ее докладах. Что это за культура и чем она характеризуется?

Культура Глина III получила свое название по поселению, расположенному под Бухарестом [4]. Холм с тремя разновременными напластованиями содержал остатки трех генетически связанных между собой поселений. Наиболее древний слой — Глина I — относится к культуре Бояна «А», второй слой — Глина II — относится к гумельницкой культуре. Третий культурный слой — Глина III — дал название самостоятельной культуре, которая распространилась почти на всю Румынию и Малую Валахию.

Керамика культуры Глина III делится на три типа [5]. Первые два имеют серо-черную или желто-коричневую лощеную поверхность. Сосуды тонкостенные. Третий тип — так называемая кухонная посуда.

Сосуды двух первых типов украшены небольшими выпуклинами в виде лепешечек или налепами подковообразной формы. Кухонная посуда имеет налеп под горлом, по которому идут вдавления. Румынские археологи, в том числе и Я. Нестор, на которого ссылается С. С. Березанская, указывают, что штриховка, имеющаяся на поверхности некоторых сосудов, а также валики и зарубки по краю сосудов очень близки к бытовой керамике кокутенской культуры. Формы сосудов Глина III совершенно иные, чем у сосудов с многоваликовым узором. Ни лощение, ни штриховка, ни форма валиков и техника их нанесения, ни украшения керамики Глина III ничего общего не имеют со сложными узорами из налепных валиков на керамике, распространенной на нашей территории. Не совпадает и их датировка. Культура Глины III соответствует приамской культуре по Г. Чайлду [6], т. е. III периоду его медного века. В последнее время В. Ми-

---

[4] J. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien, Sonderabdruck aus dem 22. Bericht der romisch-germanichen kommission 1933.

[5] J. Nestor. Zur Chronologie der rumänischen Steinkupferzeit. Prachistorische Zeitschrift т. XIX, Berlin, 1928, тетр. 3/4.

[6] Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

лойчич [7], который особенно скрупулезно исследовал хронологию Балканского п-ова Придунавья, датирует культуру Глина III—2000—1800 гг. до н. э. Таким образом, многоваликовая керамика отличается от культуры Гумельница III орнаментацией и формой сосудов, совершенно иным сопровождающим керамику инвентарем и, наконец, датировкой. С чем же можно связать появление валикового орнамента в середине II тысячелетия до н. э. на довольно обширной территории и, наконец, на какой основе он возникает? Безусловно, на основе ямно-катакомбной культуры.

Как основное доказательство того, что многоваликовая керамика не связана с катакомбной культурой, С. С. Березанская приводит такие поселения, как Бабино III, в которых главным мотивом орнаментации посуды являются узоры из налепных валиков. Рассмотрим и эту посуду. Прежде всего следует отметить, что среди нее есть некоторое количество фрагментов с веревочным орнаментом [8]. Кроме того, ведь не один только веревочный орнамент составляет характерные признаки орнаментации сосудов катакомбного типа. Среди посуды Бабино III есть значительное количество фрагментов с вдавлениями пальцем, с ногтевыми отпечатками и характерными защипами пальцами по плечу сосудов, т. е. те элементы орнамента, которые так часто встречаются на посуде катакомбного типа. Следует упомянуть и сосуд из Бабино III, сплошь покрытый рядами оттисков «гусеничного» штампа, также широко бытовавшего в катакомбной культуре. Кроме того, основным мотивом узоров, сделанных из валиков, являются елочные узоры, т. е. опять-таки чрезвычайно широко известный узор в памятниках катакомбной культуры. Следует сказать и о форме сосудов с многоваликовой орнаментацией. Вытянутость тулова, четко выделанная высокая шейка, выпуклые бока, вертикальное расположение елочных узоров указывают на поразительное сходство этих сосудов с формами катакомбной керамики, происходящей с территории харьковско-воронежского варианта этой культуры. Здесь аналогии многочисленны; следует, например, упомянуть керамику из курганов у с. Кондрашевки, Воронежской области.

При беглом знакомстве с керамикой Бабино III бросается в глаза большое количество сосудов, орнаментированных валиком. Ясно, что посуда Бабино III должна отличаться от керамики любых ранних памятников катакомбной культуры; чем больше хронологический разрыв между ними, тем меньше между ними общего и больше различий. Различия между керамикой ранней и поздней срубной культуры огромны, а между тем никто не сомневается в их генетическом родстве.

Совершенно очевидно, что поселение Бабино III было сооружено племенами катакомбной культуры в наиболее поздний период их существования. Следует обратить внимание и на то, что керамические комплексы из двух исследованных жилищ Бабино III, по словам С. С. Березанской, несколько отличаются друг от друга; они «существовали не совсем одновременно». Керамика из жилища-землянки, которая, как указывает автор, была построена раньше, составляет более древний комплекс и имеет больше общих черт с керамикой ранней и развитой катакомбной культуры, чем керамика более поздняя из другого наземного жилища.

Хотелось бы, кроме того, напомнить, что неслучайно остальной инвентарь — как каменные сверленые топоры, так и бронзовые орудия — является совершенно типичным для катакомбной культуры. Автор раскопок Бабино III А. В. Добровольский относил этот памятник к позднекатакомбной культуре. Выдвинутых С. С. Березанской доказательств слишком мало, чтобы рассматривать памятники с многоваликовой керамикой как самостоятельную культуру, да еще неместного происхождения. Следует

---

[7] Vladimir Milojčič. Chronologie der jüngern Steinzeit Mittel und Südosteuropas, Berlin, 1949.

[8] Коллекция хранится в фондах ИА УССР, №№ 723, 805, 1068 и др.

сказать, что возникновение валиковой орнаментации и ее широкое распространение в середине II тысячелетия до н. э. является не случайным, а, наоборот, вполне закономерным явлением.

Первое появление валика с налепами и пальцевыми защипами на территории Поднепровья относится к очень раннему времени. Впервые его можно наблюдать еще на керамике таких памятников, как Михайловское поселение [9], где он возникает из орнамента в виде ряда глубоких пальцевых защипов, как бы образующих валик.

Наконец, следует упомянуть еще об одном положении С. С. Березанской, приведенном в доказательство несвязанности многоваликовой керамики с памятниками катакомбной культуры. Это то, что многоваликовая керамика была встречена вне территории распространения катакомбной культуры и что памятники ее в «таком классическом районе катакомбной культуры, как Маныч и Астраханские степи..., как будто совсем неизвестны» [10].

Во-первых, керамика, орнаментированная налепными валиками, на территории волго-манычского варианта катакомбной культуры существует (Божеган, Ачикулик [11]), а во-вторых, «классическим районом» катакомбной культуры эту территорию считать совершенно необоснованно. Этот вариант катакомбной культуры теснее всего был связан с Кавказом и развивался под его сильнейшим влиянием, в результате чего целый ряд предметов и даже некоторые элементы орнамента встречаются в памятниках этих двух соседних культур.

Последняя работа в этой области А. А. Иерусалимской [12] ясно показала, что Маныч нельзя рассматривать как центр катакомбной культуры и что нельзя связывать происхождение последней с Кавказом.

Таким образом, в настоящее время нет веских доказательств считать многоваликовую керамику не связанной с поздней стадией катакомбной культуры и, тем более, считать ее пришлой и выводить с юго-запада.

---

[9] Е. Ф. Лагодовская. Михайловское поселение и его историческое значение. КСИА, вып. 4, Киев, 1955. Коллекция хранится в Ин-те археологии АН УССР; например, фрагмент № М. 54 8885/2 и др.

[10] С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Ук. соч., стр. 272.

[11] Коллекция хранится в ГИМ. Инв. № 83 718.

[12] А. А. Иерусалимская. О предкавказском варианте катакомбной культуры, СА, 1958, № 2.

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕСКИФСКИХ КУЛЬТОВ

Религиозные представления причерноморских скифов изучены недостаточно. Данных по истории древнескифских культов не так уже мало, но они еще совершенно не систематизированы и поэтому нет возможности представить их в отчетливо историческом аспекте.

Из числа древних авторов наиболее подробно о религии скифов говорит Геродот. Нельзя не заметить с первого же взгляда, что сообщения его почерпнуты из нескольких и при этом довольно разноречивых источников. Настоящая статья имеет своей целью прокомментировать сведения Геродота, с использованием других письменных и археологических данных, и по возможности определить их историческое значение.

Называя имена скифских божеств, Геродот [1] сопоставляет их с некоторыми греческими божествами. Сомнения в правильности этих сопоставлений были высказаны уже в древности [2]. Некоторые параллели именам и культовым признакам Геродотовых скифских божеств, получаемые из других древних источников и отчасти отмеченные С. А. Жебелевым [3], позволяют иногда установить распространение этих имен (или их близких подобий) и соответствующих культов также и в соседних с Северным Причерноморьем странах: в первую очередь в Малой Азии и на Балканском полуострове.

Рассматривая скифские божества в том порядке, в каком они представлены у Геродота, мы прежде всего должны отметить, что божество, в культовом отношении соответствующее греческому Зевсу, называли Папаем не только Геродотовы скифы, но и малоазийские вифины [4], которые, впрочем, называли его также Аттисом. У Пселла [5] содержится подтверждение того, что у фригийцев Аттис равнозначен Зевсу. П. Кретчмер [6], сопоставляя слова πάππας и ἄττας, показал, что на многих диалектах Малой Азии эти имена равнозначны и соответствуют понятию «папа», «отец».

То обстоятельство, что скифский Папай, видимо, аналогичен божеству, именуемому у некоторых племен Малой Азии «отцом», означает, что дело идет о религиозных представлениях, недалеко еще ушедших от культа родовых предков и племенных вождей.

Отождествление Папая с Аттисом, являвшимся на малоазийской почве паредром богини Кибелы, вводит нас в круг культа Великой матери — древнейшего божества плодородия, о котором применительно к Скифии также будет идти речь в связи с названными далее у Геродота именами скифских богинь.

---

[1] Herod., IV, 59.

[2] Orig., Contra Cels., VI, 39.

[3] С. А. Жебелев. Геродот и скифские божества. ИТОИАЭ, I, 1927, Симферополь, стр. 85 сл.; сб. «Северное Причерноморье». М., 1951, стр. 29 сл.

[4] Арриан у Евстафия ad Hom. Iliad V, 565.

[5] Psell., De act. nom., 51 у Migne, Patr. graeca. P., 1862, 122 стлб. 1021.

[6] P. Kretschmer. Einleitung in d. Geschichte d. griech. Sprache. Göttingen, 1896, стр. 199, 241 сл., 334 сл.

Продолжая последовательное рассмотрение Геродотова скифского пантеона, следует указать на то, что для имени бога Гетосира, сопоставляемого Геродотом с Аполлоном, также имеются фракийские и малоазийские параллели. Прежде всего с именем этого божества должно быть сопоставлено имя фракийского бога (и героя) Сирегета, засвидетельствованное эпиграфически [7]. Это имя, являющееся модификацией имени Гетосир, не должно быть оторвано от скифско-фракийского племенного наименования тирегетов, впервые засвидетельствованного (в форме миргеты) Гекатеем. Вполне вероятно поэтому, что оба имени — Сирегет и Гетосир — представляют собой производные от фракийских и скифских племенных наименований.

Кроме того, имя Гетосир звучит весьма близко к малоазийскому имени Лейкосир, обе составные части которого являются эпитетами Аполлона: имя Сириос как эпитет Аполлона Ликийского засвидетельствовано Плинием [8], а имя Λύκος может быть признано однозначным Σύριος или Σύρος [9]. Все это позволяет усматривать в Гетосире или Лейкосире также племенного бога лейкосирийцев — жителей северо-восточной Каппадокии, насыщенной в VII — VI вв. до н. э. киммерийскими элементами [10].

Таким образом, имя этого племенного солнечного божества может быть названо скифским лишь в самом широком смысле слова, поскольку в глубокой древности восточные пределы Фракии, а также Кавказ и примыкающая к нему северо-восточная часть Каппадокии были не отделимы от Скифии [11].

Имя скифского Посейдона — Тагимасад — сопоставляется с царским скифским именем Октомасад и с другим царским боспорским именем — Перисад. При этом Геродот прямо указывает на фракийское происхождение последнего [12]. Таким образом, Тагимасад, вероятней всего, иранизированная форма фракийского имени, подобно имени фракийца Медосада, упомянутого у Ксенофонта [13].

Посейдон неоднократно упоминается в посвятительных надписях боспорских царей римского времени из династии Тиберием-Юлиев — династии фракийского происхождения, ведшей свой род от Посейдона и Геракла через Эвмолпа [14]. Возможно, что «скифское» имя Посейдона — Тагимасад окажется не скифским, а фракийским. Скифским оно могло бы быть признано лишь в таком же широком смысле, как имя Гетосир, ибо в глубокой древности не существовало строгой границы между фракийскими и скифскими культурными и этническими элементами.

Фракийско-скифское божество Тагимасад могло отождествляться греками с Посейдоном прежде всего потому, что оно было племенным божеством-родоначальником, каким Посейдон преимущественно являлся в Греции: от него вели свое происхождение не только царские или аристократические роды, как, например, беотийско-фессалийские Минии, но и целые эллинские племена. В Аттике, например, богом-родоначальником почитался Посейдон-Эрихтоний [15]. Посейдон-Тагимасад и был, вероятно, тем богом-всадником (Посейдон-Гиппий — в Греции), изображения кото-

---

[7] Θεὸς Σουρεγέθης ἐπήκοος. O. Weinreich. Neue Inschriften aus Bulgarien в Athen. Mitteilungen, XXXVII, 1902, стр. 19, № 88, а также heros Suregethes в латинской надписи из Дуросторума, V. Pârvan. Rivista di Filologia, LII, 1924, стр. 310.

[8] Plin., NH, XXXII, 8; ср. R. Cagnat. Inscr. gr. ad r. rom. pertinentes, III, 1902—06, 711 сл.: Ἀπόλλωνι Σουρίῳ.

[9] Armenian Quarterly, № 1, 1946, стр. 101 сл.

[10] K. F. Lehmann-Haupt. Pauly-Wissova, RE XI [1], стб. 421, § 42.

[11] Aeschyl., Prom. vinct., 427.

[12] U. Vasmer. Untersuhungen über der ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Leipzig, 1923, стр. 13.

[13] Xenoph., Anabas., VII, 1, 5.

[14] IOSPE, II, 1901, №№ 41, 358, 361.

[15] Б. Л. Богаевский. Земледельческая религия Афин. СПб., 1913, стр. 158 сл.

рого мы видим на ритоне из кургана Карагодеуашха и на позднейших вотивах и надгробиях из Керчи, о чем подробно написал М. Ростовцев [16]. Как таковой, бог этот должен быть сопоставлен с фракийским богом-всадником, оставившим по себе память на многочисленных вотивных рельефах (преимущественно римского времени), иногда с греческими надписями.

В качестве бога-родоначальника он фигурирует на монетах фракийских царей классической и эллинистической поры — Севта I, Котиса I и многих других [17]. В этой связи характерны его эпитеты на вотивах: γενικός, πατρῷος, πάτριος. Культ его широко засвидетельствован и в областях, пограничных со скифскими: на автономных монетах Одесса его изображение сопровождается легендой μέγας θεὸς Ὀδησιτῶν, а рог изобилия в правой руке, указывающий на его хтоническое значение, роднит его еще более с богом-всадником на ритоне кургана Карагодеуашх. В римское время изображение Посейдона встречается на монетах Том и Истроса, в связи с чем небезынтересно его отождествление с heros Suregethes [18]. Следует отметить также посвятительные надписи Аполлону на стелах с его изображением [19].

Хотя называемые дальше Геродотом три женские божества скифов, отождествляемые им с греческими Афродитой, Гестией и Геей, не находят себе даже и таких скудных параллелей за пределами скифского мира, какие могли быть привлечены для истолкования имен Папая, Гетосира и Тагимасада, их имена поддаются некоторым объяснениям на основании местных, скифских данных. Так, имя богини Аргимпаса, или Артимпаса, которую Геродот отождествляет с греческой небесной Афродитой, напоминает нам Геродотовых аргиппеев или аримфеев — родственного скифам племени, жившего на востоке (другая форма их имени — оргемпеи, засвидетельствованная Зенобием, V, 25), а также связанного этимологически с этим племенным именем наименования Рипеев или Рипейских гор (Ῥῠπαια ὄρη)[20], отождествляемых с Кавказом. Это сходство дает возможность, с одной стороны, рассматривать имя богини Аргимпасы как местное, скифское, а с другой — полагать, что эта богиня считалась божеством — родоначальницей названного племени, тем более что и использованная Геродотом для характеристики аргиппеев традиция легендарна и обнаруживает культовое происхождение. Если в рассказе Геродота эти культовые черты присутствуют в завуалированном виде и с признаками некоего этнографического колорита (Геродот называет аргиппеев курносыми и лысыми от природы и жилища их в его описании напоминают кочевнические юрты), то Плиний, использовавший ту же традицию, что и Геродот, свидетельствует, что аримфеи (так он называет аргиппеев) считали ношение волос позором и имели, подобно гипербореям, кроткий нрав. Они чинили суд между соседями, и люди, прибегавшие под их защиту, находили у них убежище. Все эти черты сближают аргиппеев со скифскими энареями — жрецами Великой матери. Принесение в жертву богине своих волос — черта очень характерная для жречества многих божеств плодородия, в том числе и для галлов — жрецов Кибелы (она сохранилась до наших дней в католической тонзуре). Творить суд над своими соплеменниками было функцией скифских жрецов-гадателей, а право убежища — одна из характерных особенностей культа Великой богини. Ее святилища повсеместно служили убежищами для рабов, преступников и всякого рода беззащитных людей.

---

[16] М. И. Ростовцев. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК, вып. 49, 1913, стр. 1 сл.

[17] B. V. Head. Historia numorum. Oxford, 1911, стр. 282 сл.

[18] RE, VI A, стб. 483.

[19] G. Kazarow. Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, I, 1938, стр. 11 сл.

[20] М. Будимир. Протословенски и староанадолски индоевропљяни. Зб. филозофск. факултета, кн. II, Београд, 1952, стр. 255 сл.

Культ Афродиты неоднократно засвидетельствован эпиграфически и археологически на северном побережье Черного моря [21]. Так, имя Афродиты Апатуры (или владычицы Апатура) известно эпиграфически в Пантикапее и весьма широко — на азиатской стороне Боспора. Эпитет этой богини — Апатура (равно как ее святилище — Апатур, помещаемое Страбоном на Таманском полуострове) должен быть поэтому признан в основе местным и лишь огреченным по сходству его с названием праздника Апатурий и эпитетом Афины Апатуры, культ которой был известен и в ионийских центрах Малой Азии.

То, что культовый облик (если не само имя Афродиты Апатуры) должен быть близок Афродите-Аргимпасе, заставляет предполагать следующее: рассказывая об ограблении скифами во время их азиатского похода Аскалонского храма местного женского божества, Геродот отождествляет это божество с небесной Афродитой скифов. Между тем Аскалонское святилище принадлежало богине Деркето, которую культовая легенда представляла в виде полуженщины-полурыбы. Это напоминает приводимую Геродотом же легенду о живущем в пещере скифском женском божестве, которое он называет полуехидной-полуженщиной и с которой вступил в связь пришедший в Скифию Геракл. Хотя Геродот не связывает прямо Ехидну с Афродитой, но речь идет, несомненно, о богине плодородия и о богине — родоначальнице скифов. О тождественности этого божества с небесной Афродитой позволяет догадываться другая легенда, связанная с Афродитой Апатурой, которую приводит Страбон [22] в объяснение эпитета богини (от греческого ἀπάτη — обман). В этой легенде опять-таки фигурирует Геракл в качестве паредра богини, а местом действия легендарных событий и обиталищем богини оказывается пещера.

Любопытную параллель к изложенной у Геродота легенде о Геракле [23] и Ехидне находим в перечислении подвигов Геракла на Tabula Albana [24], где Ехидна названа дочерью бога р. Аракса, побежденного Гераклом. Это обстоятельство содействует пониманию ее как богини-родоначальницы, ибо божества этой категории повсеместно связывались с какими-либо реками или источниками. То обстоятельство, что это был Аракс, а не Танаис (фигурирующий у Ямблиха в качестве бога паредра Афродиты), не Борисфен или Истр, свидетельствует о том, что возникновение этой легенды связано с начальной эпохой греческой колонизации, когда Аракс представлялся в такой же степени скифской рекой, как и Борисфен, не отделяясь строго от Танаиса и Фасиса, истоки которых на Кавказе еще долго считались общими.

Тесная связь культа речных божеств с культами духов-родоначальников подчеркивается тем, что в Греции и в Италии речные божества нередко отождествлялись с Зевсом (Юпитером) и что предки-родоначальники нередко считались живущими в реке или в источнике и отождествлялись с богом этой реки или источника.

---

[21] А. Бертье-Делагард. Случайная находка древностей близ Ялты. ЗООИД, т. XXVII, 1907, приложение к 366 заседанию, стр. 19 сл.

[22] Strabo, XI, 2, 10.

[23] Геракл фигурирует у Геродота в качестве скифского божества также и во втором (эллинском) варианте легенды о происхождении скифов. Б. Н. Граков, считающий, что таким скифским богом-героем, которого понтийские греки отождествили с Гераклом, мог быть сын Папая — Таргитай, находит его среди антропоморфных скифских изображений. Это — бронзовые навершия из кургана Слоновской Близницы, где, по его мнению, представлена сцена борьбы Геракла с мифическим чудовищем, пожирающим млекопитающее (см. Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 14, рис. 2). Далее, он находит его на золотом фрагментированном медальоне из Херсонеса, в образе скифа, замахивающегося топором на хищника, напоминающего грифона, и в человеческой фигуре, сражающейся с барсом, изображенной на золотой бляшке из Астраханской области (в Гос. Историческом музее), относящейся уже к рубежу древней и новой эры (см. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 17, рис. 4).

[24] IG, XIV, 1293.

Представления о богине-родоначальнице должны быть привлечены также и при выяснении облика божества, которое Геродот называет Табити и отождествляет с греческой Гестией. Имя ее должно быть признано скифским. Во всяком случае, оно не имеет параллелей в именах античной мифологии и перекликается лишь с племенным и местным наименованием Ταβιηνοί и Ταβιηνή [25], которые Птолемей помещает — первое в Скифии за Имавом, а второе в Прикаспии. Именно ее, а не Аргимпасу отождествляет М. Ростовцев с Геродотовой Ехидной [26].

Это сопоставление могло быть произведено на основании слов Геродота о приоритете Табити перед другими божествами, что позволило бы отождествить ее с верховным женским божеством плодородия; однако ряд замечаний, сделанных Геродотом относительно этой же богини, заставляет думать, что для него образ Табити-Гестии был связан с несколько иным содержанием.

Наименование Гестии «царицей» скифов, с одной стороны (IV, 127), с другой — множественность Гестий царского очага (IV, 68), свидетельствующая о множественности родовых очагов, объединяемых в политическом и религиозном смысле очагом царским, заставляет видеть в Табити хтоническую ипостась богини плодородия, мать и повелительницу духов-предков, Гестию-Весту. Именно в древнеримском культе Весты, сохранившем весьма архаические черты и теснейшим образом связанном с культом ларов (Larunda, Larentia, Mater Larum) и манов (Mania), находим мы ближайшие параллели скифской Табити, характеризуемой своей связью с царским очагом и своей множественностью.

Однако на этом сходство и кончается. То что мы находим у Геродота относительно клятв царскими Гестиями и о значении этих клятв для царского благополучия, сближает скифскую Гестию с образом Τύχη и в особенности с той Τύχη βασιλεία, о которой мы узнаем у Страбона [27], как о божестве, чей культ, связанный с почитанием солярно-лунарного бога Мен Фарнаку (ярко выраженный династический родовой культ), имел место в Северной Каппадокии у царей Понта и Армении. Сходство каппадокийского культа со скифским не может нас удивить, но в то же время заставляет предположить, что и богиня Табити могла быть наделена чертами, заимствованными у малоазийско-кавказского божества. Очевидно, в основе представления о Табити лежало представление о женском племенном божестве, ставшем божеством «царского» племени (каковы геродотовы Σκύθαι βασιλικοί или Σάκαι βασιλικοί Птолемея) и потому, вероятно, и обращенное в «царицу» скифов.

Рассмотрим, наконец, последнее из женских божеств, для которого Геродот сообщает его скифское и греческое имя — Апи-Гея, супруга, т. е. паредр Зевса-Папая. Несомненно, что Апи-Гея — одна из ипостасей известного нам божества плодородия. Ее имя, хотя и не имеющее параллелей среди античных мифологических персонажей, звучит очень близко к наименованию скифского племени абиев, не названного по каким-то причинам Геродотом, но известного уже Гомеру и подтверждаемого топонимически Стефаном Византийским (s. v. Γλαία и Ἄβιοι) и Птолемеем (Ἄκιβοι, III, 5,23). Связь божества Апи с землей и ее хтоническое значение выясняется из глоссы Гесихия: скифское ἀβί, по-гречески ὑπό, sc. χθωνός, т. е. «под землей». Во всяком случае, мы можем, кажется, без особой натяжки отнести к Апи-Гее то святилище Деметры (разночтение — Матери богов), которое Геродот помещает у Гипполаева мыса, рядом с местностью Гилеей, по-скифски называвшейся Абика. Это было то самое место, где Геракл нашел пещеру змееногой богини Ехидны. Все это позволяет толковать Апи-Гею как племен-

---

[25] Ptolem., Geogr., VI, 5, 1.
[26] M. Rostowtzew. Iranians and Greeks in South Russia, Oxford, 1922, стр. 107.
[27] Strabo, Geogr., XII, 3, 31.

ное божество плодородия, одну из ипостасей великого женского божества плодородия, известного у малоазийских племен и у греков под именем Великой матери (Кибелы).

Изображения скифской змееногой богини имеются на золотых бляшках из курганов Куль-Оба и у ст. Усть-Лабинский [28], на которых она представлена с крыльями и змееобразными ногами, заканчивающимися грифоньими головами. На бляшке из Куль-Обы богиня держит в левой руке маску сатирообразного божества типа, близкого к изображаемым на скифских же золотых бляшках и на монетах эллинистического Пантикапея. Выяснение этих последних обстоятельств послужило темой интересной статьи Д. Б. Шелова [29], подчеркнувшего связь между змееногой богиней, сатирообразным божеством и грифонами. Такая же богиня с калафом на голове, стоящая между двумя геральдически расположенными грифонами [30], представлена на фрагментированном изображении из Херсонеса [31]. Связь змееногой богини с сатирообразным божеством свидетельствует о том, что в число ее паредров входило местное божество дионисийского круга, а изображение при ней грифонов или изображение ее самой с грифоньими головами на змееобразных ногах говорит за связь ее с культом гиперборейского Аполлона-Гетосира, очень часто символизировавшегося грифонами.

Суммируя результаты наших попыток осмыслить те скифские божества, для которых Геродот сообщает параллельные греческие имена, сближая их тем самым функционально с соответствующими представителями греческого пантеона, мы должны подчеркнуть широту понятия «скифский» применительно к божествам, чьи имена обнаруживают ближайшие связи во Фракии и в Малой Азии. Тот географический ареал, который должен быть покрыт понятием «скифский», соответственно распространению имен этих божеств, не согласуется с представлениями самого Геродота; однако для VII—VI вв. до н. э. он отвечает географическим понятием Гесиода, Гекатея, Эсхила и Пиндара [32]. Второе обстоятельство заключается в том, что все эти божества хотя, быть может, и являлись до какой-то степени общескифскими, еще очень отчетливо обнаруживают свою узкоплеменную природу, сами же их имена в ряде случаев не могут быть оторваны от наименований скифских, фракийских или малоазийских племен, в среде которых они возникли.

Перед нами, несомненно, зачаточный пантеон скифских божеств, т. е. далеко не завершенное еще объединение разноплеменных богов в общескифское общество божеств под эгидой царской Гестии, скрывающей в себе множественность племенных и родовых Гестий. Так же как скифской государственности не суждено было возвыситься до прочной политической организации, опирающейся на определенную и постоянную территорию с развитыми органами управления, так и скифскому пантеону не удалось сложиться в развитую иерархию функционально разграниченных божеств.

---

[28] ДБК, СПб., 1864, табл. XX, 8; 80.

[29] Д. Б. Шелов. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 62 сл.

[30] В калафе же змееногая богиня изображена на золотом женском налобнике из Цимбалки, а змееобразные ноги ее заканчиваются львиными и птичьими головами. См. E. Minns. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 166, рис. 54.

[31] Д. Б. Шелов. Ук. соч., рис. 18, *6*.

[32] Необходимо подчеркнуть искусственность понятия Скифии и скифских племен у Геродота. В то время как у других древних авторов, начиная с Гекатея, мы не найдем сколько-нибудь определенных пределов Скифии ни на западе, ни на востоке, Геродот явно, хотя и непоследовательно, ограничивает ее территорией племен, принявших участие в войне с Дарием (Herod., VII, 120 сл.). Подобные представления могли возникнуть скорее всего в среде самих скифов-царских, по свидетельству того же Геродота (IV, 20), считавших всех прочих скифов своими рабами и, следовательно, нескифами.

Стараясь представить этот пантеон в его общескифском значении, Геродот явно заблуждается, уверяя, что названные им божества и именно под приведенными у него именами почитались всеми скифами. Прав он, вероятно, лишь в том, что в его время среди скифов, пришедших в соприкосновение с греческой культурой, существовали уже представления о божествах, в некотором смысле аналогичных названным им греческим богам. Вообще антропоморфизация скифской религии шла, несомненно, в ногу с ее эллинизацией. Антропоморфные изображения в скифском искусстве отчетливо эллинизированы, тогда как звериный стиль отличается яркими самобытными чертами. Этим подтверждаются слова Геродота об отсутствии у скифов статуй, алтарей и храмов богов в греческом смысле этих понятий. Что все это, однако, существовало в других формах, можно заключить из противоречивого сообщения Геродота об упомянутом выше храме женского божества на мысе Гипполая. О том, какие это были формы (помимо параллелей, которые могут быть получены для культа великого женского божества на минойском Крите и в Малой Азии), позволяют судить найденные неоднократно в Скифии изображения змееногой богини, отождествляемой с геродотовой Ехидной, Апи и Аргимпасой [33].

То, что Геродот сообщает о культе Ареса, не называя его скифского имени (вероятно, не решаясь принять скифское наименования меча — акинак за собственное имя божества) и несмотря на его замечание об исключительном характере культа Ареса среди других скифских культов, кажется весьма типичным для скифского быта. Следует лишь оговориться, что обстоятельства жертвоприношений мечу вряд ли можно признать соответствующими условиям безлесной европейской Скифии. Что речь идет о восточных скифах, нужно, мне кажется, признать по таким соображениям: непосредственно за рассказом о жертвоприношении мечу находится указание об отсутствии у скифов свиней, что вполне соответствует обычаям азиатских племен (на скифских поселениях Причерноморья кости свиньи обнаружены при раскопках). Кроме того, в более позднее время культ меча отмечается у гуннских и аварских племен, передвинувшихся в Европу с востока [34].

И если в рассказе Геродота обращает на себя внимание факт множественности скифских «аресов», деревянные алтари которых устанавливались на родовых территориях, то из рассказа Приска Панийского явствует, что меч Ареса является принадлежностью лишь царя в качестве символа его верховной военной власти [35]. В этом и заключается, вероятно, политический смысл религиозной эволюции, происшедшей за тысячелетие, истекшее со времени скифских царей, современников Дария, и до эпохи Аттилы.

Названными именами божеств скифского пантеона Геродот, видимо, не исчерпал даже перечень скифских богов, какие были известны грекам. Так, мы узнаем из Лукиана о божественных братьях Кораках, которых греки отождествляли с Орестом и Пиладом. Лукиан утверждает (Toxar., 7), что в переводе на греческий язык имя Кораков означает «дружественные божества». Это имя связывается с наименованием племени кораксов, называемых на Кавказе Гекатеем, а также с именем таманской реки Кораканды и населенного пункта Коракондамы. Весьма вероятно, что эти же самые божества были известны грекам под именем Диоску-

[33] M. Rostowtzew. Iranians and Greeks in South Russia, табл. XVIII, 4; E. Minns. Ук. соч., рис. 54.

[34] По свидетельству Аммиана Марцеллина, аланы почитали обнаженный и воткнутый в землю меч в качестве бога войны (Amm. Marc., XXXI, 2, 24). Тот же Аммиан Марцеллин замечает, что мечи почитались в качестве богов у племени квадов, под именем которых фигурировали, несомненно, и восточные этнические элементы. «Когда квады были в 358 г. побеждены римлянами, они поклялись в верности Риму, обнажив свои мечи» (Amm. Marc., XVII, 12, 21).

[35] Prisc. Pan., IV, 10; ср. ВДИ, 1948, № 4, стр. 262, комментарий.

ров — более популярных, чем Орест и Пилад (имя их звучит в названии одной из древнейших кавказских колоний — Диоскуриады [36]).

К числу божеств, может быть и не скифских по происхождению, но известных черноморским скифам еще до прихода в Скифию греков, необходимо причислить также и Ахилла Понтарха, чей культ на Белом острове засвидетельствован еще Арктином, милетским поэтом, время жизни которого традиция относит к VIII в. до н. э., т. е. к периоду, предшествующему началу греческой колонизации северных берегов Понта. На рубеже VII—VI вв. до н. э. Алкей называет Ахилла «владыкой скифской земли» (фр. 48). Подтверждением этого, так же как и указанием на черноморское происхождение имени и культа Ахилла («наиболее эллинского из всех эллинских богов и героев») являются данные хеттских текстов из Богазкёя, называющие еще для XIII—XII вв. до н. э. божество морских волн из берегового прибоя по имени A = hil = aš [37]. Косвенным подтверждением местного, северного происхождения культа морского бога Ахилла на Белом острове служит также наличие в его ритуале [38] черт, чуждых ритуалу греческих культов и находящих себе объяснение в религиозных обрядах восточноевропейских народов. Эти особенности, заключающиеся в способе приобретения жертвенных животных посредством «покупки» их у бога и в легендах о самовольном принесении себя в жертву Ахиллу, по замечанию И. И. Толстого, имеют параллели в культовых легендах, связанных с почитанием одного из фракийских богов-родоначальников — Реза в Родопе, а также и в севернорусских обычаях, связанных с обрядами поминовения предков [39]. Паредром этого древнего черноморского бога прибрежных жителей и мореплавателей была богиня-дева крымских тавров, которую Геродот отождествляет с Ифигенией, а Эврипид — с Артемидой Таврополой и которую мы могли бы сопоставить еще с Медеей. Ее можно сопоставить также с фасианской богиней колхов, которую греки отождествляли то с Кибелой (Реей), то с Артемидой, перенося на кавказское побережье легенды, связанные с таврами (об убиении местными жителями иностранцев и о принесении их в жертву богине). Подтверждением этих древних отождествлений может служить вотивная надпись Аполлону Гегемону, найденная на Кавказе, а также весьма интересная надпись из Эритр, содержащая посвящение Артемиде Кавказской и Кавказскому Аполлону, в котором, вероятно, следует видеть упомянутого выше Гетосира [40].

Образ этой скифской или таврической Артемиды (Ταυρώ или Ταυρική; ср. распространенный эпитет Артемиды Ταυροπόλος — укротительница быков) должен быть поставлен в связь с образом змееногой Аргимпасы, поскольку местная изобразительная традиция знает змеено-

---

[36] Имя Савромат, широко известное на Босфоре в качестве царского, следует, может быть, считать теофорным: в древней Иберии это же царское имя засвидетельствовано Аммианом Марцеллином в форме Sauromaces (Amm. Marc., XXVII, 12, 4, 16; XXX, 2, 2). Тот же иберийский царь под именем Saurmag упоминается в Картлис Цховреба в связи с семью языческими божествами, почитавшимися в древности во Мцхета (O. G. Wesendonk. Nachträge zum Georgischen Heidentums. «Caucasica», 2, 1924, стр. 86; ср. T. Marquart. Die Bekehrung Iberiens. Там же, 7, 1931, стр. 133). О родстве и культурной близости сармат и горных иберов отчетливо заявляет Страбон (Georg., XI, 3, 3), что находит свое подтверждение в языковых данных (И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии. ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.). Таким образом, имя Саурмаг, или Савромат, может быть признано именем племенного вождя — эпонима савроматов, воспоминание о котором дольше всего удержалось в древней Иберии.

[37] R. Eisler. Bagazhzköj-Studien zu Homer und Hesiod. Antiquité Classique, VIII, 1939, стр. 41 сл.

[38] Arrian. P. P. Eux., 33, Ps. Philostr. Heroic., XIX, 17.

[39] И. И. Толстой. Чудо у жертвенника Ахилла на Белом острове. ИТОИАЭ, Симферополь, 1927, 1, стр. 154 сл.

[40] Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях. ВДИ, 1939, № 3, стр. 263 (№ 33).

гое женское божество с бычьей головой[41], возникшее, вероятней всего, из совмещения представлений о змееногой Афродите и бычьей Артемиде.

Известное влияние культа черноморского женского божества плодородия на культ греческой Артемиды отразилось, несомненно, на культовых легендах святилищ Артемиды в Бравроне, близ Афин, и Артемиды Ортигии в Спарте, утверждавших таврическое происхождение культовых ξόανα, похищенных якобы Орестом и Ифигенией у скифов.

Картина, полученная нами, была бы далеко неполной, если бы мы оставили в стороне изобразительную традицию, наличествующую в скифском и вообще северочерноморском грецизированном искусстве, имеющую дело с объектами культового характера. Можно сказать без преувеличения, что весь так называемый скифский звериный стиль представляет собой изобразительную систему магического характера. Украшение скифскими художниками предметов военного и бытового обихода условными изображениями реальных или фантастических животных с подчеркнуто гипертрофированными клювами, клыками, когтями и т. п., изображение сцен охоты и борьбы диких зверей было призвано усилить соответствующие функции предметов и сообщить им магическую мощь.

Нельзя не обратить внимание еще и на то, что в скифском искусстве особенно распространены изображения оленя, хищника кошачьей породы, хищной птицы соколиной породы и фантастического грифона. О культе оленя у скифов (хотя древние писатели ничего не сообщают о них как об оленеводах) свидетельствуют ономатологические данные, из которых на первое место должно быть поставлено племенное наименование восточных скифов (у иранцев) Σάκαι, производимое от древнеперсидского sāka — олень, а также целый ряд производных. В. И. Абаев склонен возводить к основе sāka — также и племенные наименования, Μασσαγέται, Θυσσαγέται, Σαγάδαρες и целый ряд скифских и сарматских собственных имен[42]. Следует думать, что эти племенные наименования — тотемического происхождения. Быть может, к этого же рода явлениям относится и заимствованное иранцами у восточных скифов празднество Σακαία, имевшее «сатурнические» черты. Весьма возможно также, что и наименование скифского племени миргетов, засвидетельствованное Гекатеем (фр. 155), восходит к североиранской основе mrga — птица и также имеет тотемическое происхождение[43]. Может быть также, что к этой основе восходит и засвидетельствованное Геродотом наименование «амиргских» (ἀμύργιοι) скифов или саков.

живается начиная с его древнейших образцов вплоть до римского времени. Культ оленя у сарматских и готских племен засвидетельствован сообщением Флавия Вописка[44] о триумфе императора Аврелиана над готами, в котором фигурировала священная колесница, запряженная четырьмя оленями. Об этом же должны свидетельствовать и изображения оленя на культовых предметах сарматской эпохи — в частности на известной золотой диадеме Новочеркасского клада[45]. Что же касается грифона, изображения которого с глубокой древности присутствуют в вавилоно-ассирийском (львиный грифон) и египетском (птицеголовый грифон) искусстве, то представления о нем уже в архаическую эпоху оказываются прочно связанными с легендами о северных народах —

---

[41] Н. В. Пятышева. Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 213 сл. (Речь идет о фрагментированной терракотовой пластине для подвешивания с изображением женской фигуры с бычьей головой, крыльями и змееобразными ногами, заканчивающимися растительными мотивами, найденной при раскопках Херсонеса в 1946 г.).

[42] В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949, стр. 179.

[43] Там же, стр. 173.

[44] SHA, Aurel., 33, ВДИ, № 3, стр. 266.

[45] E. Minns. Ук. соч., стр. 233, рис. 138.

гиперборeях и аримаспах; в них видели священных зверей Аполлона, летящего к гипербореям на упряжке грифонов [46]. Львиный грифон, изображенный на пантикапейских монетах, несет в пасти стрелу — символ Аполлона, фигурирующий также в мифе о легендарном жреце (и двойнике) Аполлона — фракийце Абарисе.

Образ грифона, представляющий собой как бы некое соединение частей различных хищных животных, может быть понят как результат синтетической работы примитивной религиозной мысли, стремившейся к объединению (в эпоху сложения племенных групп) отдельных племенных тотемических символов. Тенденция эта очень характерна для скифского искусства, которое знает целый ряд подобных синтетических изображений. Назовем золотую аппликацию из кургана Аксютинцы с изображением оленя, запрокинутые рога которого оканчиваются птичьими клювами; птичьи же клювы образуют изгибы мышц и конечностей оленя [47]. Близкие изображения находим на золотой бляшке из Куль-Обы, где, помимо птичьих клювов, на ответвлениях рогов представлена голова быка, а на туловище — грифон, заяц, лев и у шеи — собака (?) [48]. На золотой бляшке из Семибратнего кургана представлен грифон с головой дракона и хвостом в виде птичьей головы.

Подобные же изображения в большом числе имеются и в скифском искусстве Алтая. Известны они и за пределами скифского мира, в искусстве ананьинской культуры.

Выражая тенденцию объединения в культовых изображениях религиозных символов отдельных племен, скифское искусство приходит и к антропоморфизации этих символов. Таковы сфинксы и грифоны с человеческими головами на известных ножнах из Мельгуновского кургана, алтайский сфинкс, изображенный на войлочном ковре из пятого Пазырыкского кургана [49] (грифон с человеческим лицом, оленьими рогами и ушами, со своеобразной прической с косичкой), в отношении которого речь может идти если не о портретности, то, во всяком случае, об этнической типичности черт человеческого лица — быть может, племенного вождя или жреца. Сюда же относятся и рассмотренные выше изображения змееногой богини и борющегося с фантастическими или реальными животными скифского Геракла. Подобные синтетические изображения свидетельствуют об определенном процессе в области религиозных представлений скифов, вызванном объединением племен и распространением культа умерших вождей и царей.

Итак, рассмотрение письменных свидетельств о скифских божествах и религиозной изобразительной традиции, представленной в памятниках скифского искусства и культа, свидетельствует о характерном для скифской религии эпохи племенных объединений явлении — процессе консолидации родо-племенных культов и выделении пантеона, в котором главенствуют божества «царского» племени. Это племя, очевидно, занимало положение официальной верхушки в скифском обществе, распадавшемся на классы.

Эти же тенденции могут быть прослежены в организации скифского жречества и его официальной идеологии, нашедшей выражение в легендах о происхождении скифов. Эти явления требуют, однако, специального рассмотрения и не могут стать предметом настоящей статьи.

---

[46] Appoll. Sydon., Carm., II, 307; Epist., VIII, 9.
[47] E. Minns. Ук. соч., стр. 181.
[48] Там же, стр. 203, рис. 98.
[49] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифскую эпоху. М., 1953, табл. CXIV.

В. П. ДАРКЕВИЧ

СИМВОЛЫ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В ОРНАМЕНТЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Обоготворение и почитание неба и небесных светил занимает огромное место в системе религиозных верований древности. Эти культы в той или иной степени свойственны всем без исключения земледельческим, скотоводческим и охотничье-рыболовческим племенам, конвергентно возникая на определенной стадии общественно-экономического развития. В Западной Европе, на Кавказе, в Передней Азии развитие «небесных» культов в основном совпадает с началом разложения родового общества, что соответствует бронзовому веку [1]. Правда, четкие следы их в материальной культуре, в том числе и на территории СССР [2], прослеживаются уже в неолите, но только в бронзовом веке они распространяются повсеместно, зачастую принимая очень сложные и локально различающиеся формы. Вместе с тем единообразие религиозных воззрений, связанных с небесными светилами, приводило к сходным материальным воплощениям этих верований (сходство знаков-идеограмм, сходные формы почитания) независимо от этнической принадлежности носителей этих верований, независимо от территориальных и хронологических границ.

Это обстоятельство помогает глубже понять общие черты и специфику космических культов языческих славян, в среде которых они получили широкое распространение.

«Небесные» верования восточных славян, среди которых выделяется аграрный культ солнца, воплотились в символических знаках, своеобразных идеограммах, которые занимают видное место среди других мотивов древнерусской орнаментики. Зародившись в глубокой древности, они постепенно с изменением религиозных представлений претерпевали изменения как со стороны формы, так и содержания. Тем не менее основные формы этих знаков и смысл, в них заключавшийся, были одинаковы везде, где важную роль в религии играли астральные верования. Так, уже в бронзовом веке колеса, круги, звезды, свастики употреблялись как изображение солнца [3] (рис. 1).

Все эти символы оказались настолько устойчивыми, что в качестве декоративных элементов сохранились в народных узорах (резьба по дереву, вышивка) до наших дней, что было отмечено многими исследователями [4]. Однако сам по себе археологический материал не служил пред-

---

[1] А. А. Миллер. Элементы «неба» на вещественных памятниках. ИГАИМК, вып. 100, Л., 1933, стр. 131.

[2] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, № 43, 1955, стр. 343; В. И. Равдоникас. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. СА, IV, 1937.

[3] J. Déchelette. Le culte du soleil aux temps préhistoriques. RA, 4-я серия, т. XIII, Paris, 1909, стр. 314.

[4] Е. Н. Клетнова. Символика народных украс Смоленского края. Тр. Смоленского гос. музея, вып. 1, Смоленск, 1924; В. С. Воронов. Народная резьба. М., 1925; В. А. Городцов. Дакосарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Тр. ГИМ, вып. 1, 1926; Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. Л., 1936; его же. Древние черты в русском народном искусстве. В кн. «История культуры древней Руси», т. II, М., 1951; Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. СЭ, 1948, № 1.

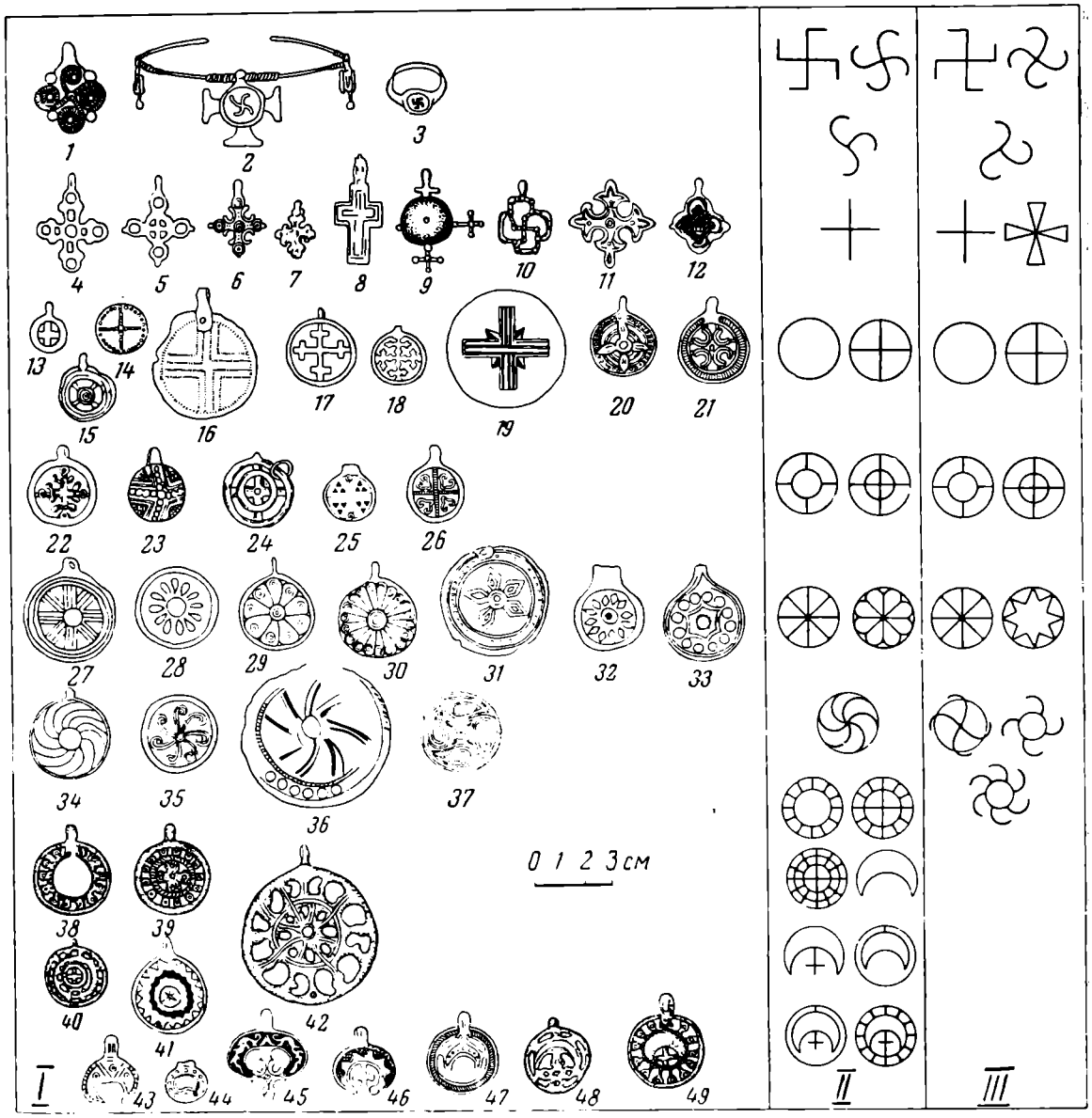


Рис. 1. Языческие символы небесных светил в древнерусских украшениях. *I* — общий вид украшений, *II*— схема орнамента на них, *III* — знаки, употреблявшиеся как солнечные символы в бронзовом и железном веке (по Ж. Дешелетту)

метом исследования. Отчасти этот пробел был заполнен Б. А. Рыбаковым, который на основе сопоставления археологических и этнографических данных исследовал ряд древнерусских орнаментальных мотивов, объяснил их языческое содержание и магические функции[5]. Те же задачи поставил перед собой автор настоящей статьи, ограничившись изучением лишь тех знаков, которые относятся к культам небесных тел.

В восточнославянских археологических материалах, относящихся главным образом к X—XIII вв., мы находим много вариантов этих знаков, которые воплощают целый комплекс космических верований языческих славян. Большинство их связано с украшениями женского костюма (подвески к ожерельям, бляшки, височные кольца), где они играли магическую роль оберегов. На рис. 1 дан генеалогический ряд этих знаков по степени усложнения форм, хотя как простые, так и сложные формы зачастую синхронны.

Крест — древний магический символ, существовавший задолго до христианства у самых различных народов. Первоначально форма креста

[5] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн. «История культуры древней Руси», т. II, стр. 399—404.

имитировала древнейшее орудие для добывания огня, поэтому он стал универсальной религиозной эмблемой огня, а затем солнца как огня небесного. Как и огонь, солнце умирает и возрождается в процессе движения по небу. Крест как эмблема солнечного божества становится языческим очистительным символом воскресения и бессмертия задолго до христианства [6].

У языческих славян крест был также символом огня. Огонь, по языческим поверьям, был очистительной, целебной стихией, способной отпугивать нечистую силу. Поэтому графический символ этой стихии — крест играет аналогичную роль. Его широкое распространение в народной среде говорит о древних корнях этого символа. В пережиточных народных обычаях связь огня с фигурой креста выступает достаточно четко. Например, на Украине в Великий Четверг приносили из церкви страстную свечу, огнем которой выжигали кресты на сволоках хат [7]. Кресты ставили в избах, над окнами, воротами, дверями, на разных местах: около дорог, по краям улиц, на перекрестках, на пожнях, на высоких берегах, над могилами. Крест носят на шее, помещают на свадебном пироге и т. д. [8]. В некоторые праздничные дни (например, в Коляды) был широко распространен обычай чертить мелом кресты не только на домах и хозяйственных постройках, но на всех земледельческих орудиях, на мебели, посуде и т. д. [9]. Этот обряд совершался для изгнания злых духов. Иногда хозяин, рисуя кресты, держал в руках блин [10], который некоторые исследователи считают символом солнца [11].

В древнерусских курганных древностях X—XIII вв. повсеместно распространены подвески-крестики разнообразных форм (рис. 1, *4—12*), многие из которых не имеют никакого отношения к христианству. Подвески-крестики XI в. найдены в земле радимичей [12], в костромских курганах XI—XII вв.[13], где язычество было еще в то время очень сильно. Иногда они встречаются на одной цепочке с другими амулетами (конька-ми, ложечками, зубами зверя) [14]. Некоторые экземпляры имеют аналогии в древностях финно-угорских племен.

Крест являлся одновременно и символом солнца. В древности были широко распространены представления о небесном происхождении земного огня. Огонь считался посланцем небес, даром неба, низведенным на землю. В свою очередь небесные светила считались средоточием небесного огня [15]. У татранских словаков существовали предания о том, что огонь породил и солнце, и месяц, и звезды. У других славян существовали подобные же поверья [16].

Связь небесного (солнце) и земного огня явственно выступает в праздничной народной обрядности. Так, Коляды — праздник зимнего солнца —

---

[6] Сб. «Происхождение креста». М., 1927.

[7] Н. А. Маркевич. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860, стр. 4.

[8] П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, ч. 1—2. Тр. ОЛЕАЭ, кн. 5, вып. 1, М., 1877, стр. 163.

[9] П. М. Сухов. Несколько данных по народному календарю и о свадебных обычаях крестьян Саратовской губ. «Этнографическое обозрение», 1892, кн. 13—14, № 2, 3, стр. 240.

[10] А. Петропавловский. Коляды и «купало» в Белоруссии. «Этнографическое обозрение», 1908, кн. 76—77, № 1, 2, стр. 161.

[11] Е. Каганов. Религия древних славян. М., 1918, стр. 46.

[12] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы Археолёгічнай Камисии, т. III, Минск, 1932, табл. VI,

[13] Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГР, т. III, 1899, стр. 257.

[14] Отчет о раскопках Н. И. Репникова в Бежецком, Весьегонском и Делянском уездах в 1902 году. ИАК, вып. 6, СПб., 1904, табл. III, *23*.

[15] М. Никифоровский. Русское язычество. СПб., 1875, стр. 34.

[16] И. И. Срезневский. Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб., 1848, стр. 24.

повсюду сопровождались возжением огней. Это было или бревно-бадняк, с особыми обрядами сжигавшееся в печи, или огонь свечей [17]. Первоначально эти огни зажигались, по-видимому, с магическими целями заклинания солнца. Они являются необходимой принадлежностью и праздника Ивана Купалы в честь летнего солнца. Иногда эти огни в народе прямо назывались «огнями неба», и их получали посредством вращения колеса (символ солнца) вокруг оси [18]. Живой огонь, добытый таким путем, считался священным, обеззараживающим, способным давать обильный урожай именно благодаря тому, что был призван подражать теплу и свету солнца.

Вследствие связи почитания солнца и огня они обозначались единым символом — фигурой креста. В то же время крестообразные фигуры заключали в себе и более сложную символику.

Крест — фигура, образованная четырьмя лучами. Число 4 у многих народов, в том числе и у славян, было магическим, священным (понятие о четырех стихиях, четыре времени года, четыре страны света). Два последних значения тесно связывали число 4 с культом солнца. Так, бог Святовит имел четыре головы, Збручский идол имеет четыре лика, обращенные к четырем сторонам горизонта [19]. Святилище, открытое В. В. Хвойкой в Киеве, имело четыре выступа, ориентированные по странам света. Подобно этому, на шаманских бубнах у саамов солнце изображалось кружком с четырьмя лучами ⊹, которые называются «четыре возжи солнца». Это обозначало, что власть солнца распространяется на всю землю [20].

Можно предположить, что у языческих славян крест, являясь священным символом солнца-огня, служил также амулетом, оберегавшим его владельца со всех четырех сторон.

К кругу тождественных представлений, по-видимому, относятся подвески, где орнаментируемая плоскость делится на четыре части с заполнением узором каждой из них (рис. 1, *25, 26*). К схеме креста восходит и так называемая «четырехчастная композиция» [21], известная по орнаменту дробниц поясных наборов X—XI вв. Растительный узор восточного происхождения играет здесь, вероятно, только декоративную роль.

В народном искусстве до сих пор можно найти отголоски древних представлений, связанных с описанными четырьмя элементами.

Свастика — повсеместно распространенный древний символ огня и солнца. По происхождению и содержанию близка кресту. По внешнему виду отличается от него отростками, оканчивающими каждый луч, которые первоначально символизировали вращательное движение древнего приспособления для добывания огня, а затем, когда свастика стала символом солнца, обозначали его движение по небу [22].

В качестве солярных эмблем известны прямолинейная и криволинейная свастика. Древней Руси известны оба вида свастики, однако этот знак и его разновидности встречаются сравнительно редко, обычно в виде единичных изображений (рис. *1*, *1—3*). В народной вышивке [23], на писанках [24] свастика сохранялась до недавнего времени.

Из свастики посредством уничтожения одной ветви образуется триквестр — знак огня, домашнего очага, три изогнутые отростка которого напоминают трепетные языки пламени. Триквестр присутствует

---

[17] Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890, стр. 131.
[18] Д. Фрэзер. Золотая ветвь. Вып. IV, М., 1928, стр. 171.
[19] К. Болсуновский. Жертвенник Гермеса-Световида. Киев, 1909, стр. 12.
[20] В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 12.
[21] Б. А. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура, стр. 406—409, рис. 197.
[22] Происхождение креста..., стр. 4.
[23] Е. Н. Клетнова. Ук. соч., стр. 118.
[24] Н. Ф. Сумцов. Писанки. Киев, 1891, стр. 33.

в составе символической композиции на серебряном браслете XII в. из Чернигова [25]. Пережиточно сохранился в орнаментации писанок [26].

Форма круга издавна связывалась с постоянно наблюдаемой формой солнечного диска. В восточнославянских курганных древностях известны круглые подвески без орнамента, возможно имитирующие солнце. Аналогичную роль могли играть серебряные монеты, употреблявшиеся в качестве подвесок. Известно, что у прибайкальских народов серебряные монеты иногда относятся к числу культовых принадлежностей, связанных с солнцем [27].

Крест и круг — два основных элемента, из которых посредством их сочетания и видоизменений образуются остальные солнечные символы.

Крест в круге (рис. 1, *13—24*). Этот древний знак, возможно, вначале воплощал идею о неразрывной связи небесного (солнце) и земного огня, затем — повсеместно распространенная идеограмма солнца. Иногда такой крест видоизменяется в четырехлепестковый цветок (рис. 1, *20*). Подобные формы непосредственно переходят в розетку.

Колесо — один из самых употребительных солярных символов (рис. 1, *27*). Уже не четыре, а много лучей (спиц) исходит из одной точки. Уподобление колеса солнцу было повсеместно распространено в Восточной и Западной Европе. Эта ассоциация с огненным колесом основана на том, что, по древним представлениям, солнце «вертится», «катится» по небу. В солнечные праздники оно «играет». Купальский огонь, символизирующий солнце, иногда зажигался посредством вращения колеса [28]. Колесо, облитое дегтем, зажигалось на масленицу, когда оно символизировало возрождающееся после зимней спячки солнце, и на Ивана Купалу, когда солнце поворачивает на зиму [29]. Во время солнечных праздников существовал обычай катания горящего колеса с холма — очевидное подражание движению солнца на небе [30]. Следы суеверного отношения к колесу сохранялись до недавнего времени. В бывшем Ишимском уезде существовала поговорка: «Жили в лесу, молились колесу». В бывшей Смоленской губ. еще в конце XIX в. нельзя было жечь в печи старые изломанные колеса, чтобы овцы не страдали головокружением. Заболевших «куриной слепотой» заставляли смотреть в ступицу старого колеса, надеясь, что таким путем восстановится сила зрения [31].

Розетка (рис. 1, *28—30*) уже в древнейших культурах Востока была эмблемой солнечных богов. Фигура розетки оказалась наиболее устойчивой, и в декоративной народной резьбе по дереву является одним из основных элементов узора. По своему начертанию она близка к цветку (рис. 1, *31*). В розетке как бы воплотилась идея о связи животворящих солнечных лучей и обильного произрастания цветов и трав на земле. Интересно, что в Литве некоторые цветы (например, маргаритки и розы) [32] считались цветами солнца.

Круг с вращающимся расчленением (так называемое «сегнерово колесо») является графическим изображением вращающегося колеса-солнца (рис. 1, *34—37*). Загнутые в одном направлении спицы символизируют движение. Фигура близка криволинейной свастике. Эта форма обычна в современной резьбе по дереву.

---

[25] История культуры древней Руси, т. II, М., 1951, рис. 211, *2*.

[26] Н. Ф. Сумцов. Писанки, стр. 33.

[27] А. П. Окладников. Ук соч., стр. 341.

[28] А. А. Потебня. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914, стр. 166—167.

[29] А. Богданович. Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895, стр. 115.

[30] Д. Фрэзер. Ук. соч., стр. 171.

[31] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, М., 1865, стр. 213.

[32] Marija Gimbutas. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958, стр. 12.

В восточнославянских древностях X—XIII вв. повсеместно распространены подвески-лунницы, в которых нашло отражение древнее почитание луны. Некоторые из них покрыты растительным орнаментом (рис. 1, *45*). В связи с этим интересно вспомнить народные поверья, по которым луна влияет на рост растений и развитие цветов и трав [33]. Лунницам приписывались священные свойства. А. Фаминцын приводит слова

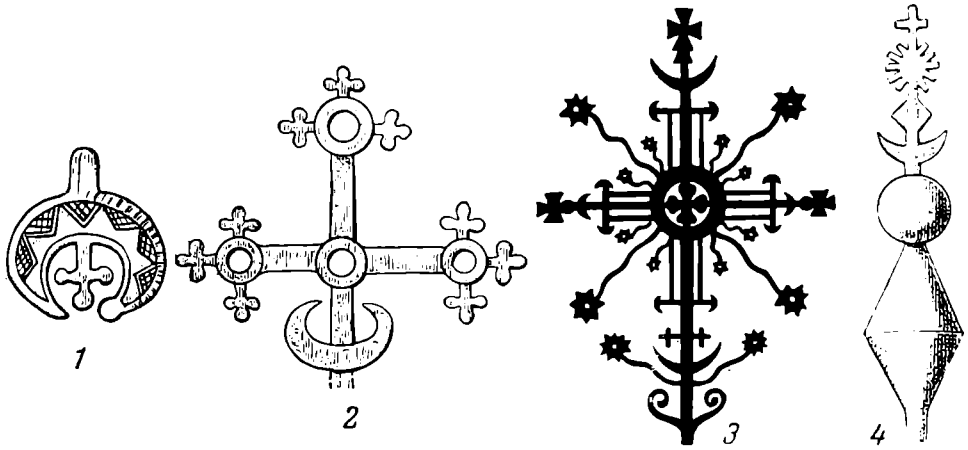


Рис. 2. Луна с крестом в древнем и современном народном искусстве

1 — подвеска-лунница XII в.; *2*— железный крест церкви Спаса-Нередицы (Новгород); *3, 4* — наконечники современных литовских крытых столбов и крестов

«Заповеди» Георгия Митрополита: «аще кто целует месяц, да будет проклят» [34]. До последнего времени в бывш. Калужской губ. сохранялась лунница с крестом, которую мужчины носили в виде серьги для предохранения от заболеваний [35].

Иногда между рогов лунницы помещается крест — символ солнца (рис. 1, *45, 46*). Вся композиция воспринимается как единый солярно-лунарный символ. Вместе с тем она могла иметь более широкий смысл, нести двоякую символику. В языческих религиях почитание солнца и месяца как божеств — покровителей брака, представляет очень распространенное явление. Месяц обычно является началом мужским, женихом, солнце — невестой. Эти небесные светила являются божественной брачной парой, брак которых служит прототипом человеческих браков. Как божествам, живущим в браке, земные браки отдавались под покровительство солнца и месяца. В славянской народной поэзии женский облик солнца обычнее, чем мужской, причем солнце и месяц также часто являются супружеской парой. В белорусской свадебной поэзии месяц — неизменно мужское начало, солнце — женское [36]. В славянских колядных песнях хозяин сравнивается с месяцем, а его жена — с солнышком [37]. В свадебном хлебе также иногда заключается мысль о браке солнца и месяца и самому хлебу придается форма солнца или месяца, а иногда он представляет все небесное семейство: в углублении каравая помещают сделанные из теста изображения солнца и луны [38].

Таким образом, композиция из луны с крестом могла обозначать неразрывность, единство мужского (месяц) и женского (солнце) начал, быть символом супружества. Быть может, такие подвески носили только

---

[33] М. Забылин. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880, стр. 270.

[34] А. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 31.

[35] Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 254.

[36] М. В. Довнар-Запольский. Солнышко и месяц в белорусской свадебной поэзии. Исследования и статьи, т. I. Киев, 1909, стр. 346—347.

[37] А. Богданович. Ук. соч., стр. 96.

[38] Н. Ф. Сумцов. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.

замужние женщины, хотя это еще предстоит доказать. Этот древний языческий символ дожил до последнего времени в крестах с полумесяцем под ним на куполах русских церквей (рис. 2). Позднее такая композиция воспринималась как символ победы христианства над магометанством.

Дальнейшее усложнение этого мотива представляют собой подвески, где луна с крестом заключается в ободок (рис. 1, *48*). Особенно интересна подвеска (рис. 1, *49*), воплощающая целый комплекс космических верований древних славян, соединяющая в одном символе все «небесные» элементы. Она представляет собой крест внутри лунницы, от которой расходятся 12 лучей. Вся композиция помещена в круглый ободок. Семантика луны с крестом выявлена выше. Что же означают остальные элементы композиции?

Очень часто количество повторяющихся элементов в орнаменте рассматриваемых подвесок равно 12 (12 лепестков розетки, 12 лучей, 12 шариков, идущих по кругу и т. д.) — рис. 1, *28, 32, 33, 38, 40, 42, 49*. Священное число 12 у славян было связано с небесными верованиями. Оно постоянно фигурирует в мифологических сказаниях, где представления о небе и солнце выступают в аллегорической форме. У всех славян сохранились предания о царе-солнце и его золотых чертогах; у него 12 сыновей и 12 солнечных дев [39]. У солнца 12 царств, каждым из которых владеет один из его сыновей, которые живут в звездах [40]. Того же происхождения загадка: «Рассыпался горох на двенадцать лугов» — звезды (бывшая Ярославская губ.) [41]. Число 12 выступает иногда в обрядовых действиях, связанных с почитанием солнца. В Германии существовал обычай сжигать на Пасху 12 бочонков смолы, расположенных вокруг двух воткнутых в землю деревьев [42]. В некоторых местностях России на масленицу на санях, запряженных 12 лошадьми, возили наряженного мужика, который сидел на колесе наверху столба, поставленного посередине саней [43]. Во всех этих преданиях и обрядах нашло отражение деление года на 12 месяцев. Итак, рассматриваемая композиция представляет собой символическое изображение солнца с его 12 чертогами (месяцами) и луны (т. е. всего небесного семейства), заключенных в круглый ободок, вероятно, символизирующий небо, небесный круг, по которому совершают свой путь солнце и луна.

Иногда из этой композиции выпадают отдельные элементы; например, у подвески, изображенной на рис. 1, *38*, сохранились лишь два ободка с 12 маленькими лучами между ними. Иногда во внутренний ободок вписывается крест (рис. 1, *39*). На рис. 1, *40, 41* представлены три концентрических ободка с 12 лучами между ними и с крестом внутри. Это как бы две небесные сферы с солнцем в центре. Возможно, подобные подвески отражали более сложные представления о небе. Так, в ряде народных сказаний небесный круг делится на две части: летнюю и зимнюю. Возможно, средневековые схоластические сказания о многочисленности небес имели древнюю языческую основу, что и нашло отражение в данной композиции.

Таковы основные «небесные» символы, известные в древней Руси. Их магические функции закономерны, так как солнце и луна представлялись добрыми божествами, карателями всякой нечистой силы и зла; их появление приносило жизнь, здоровье, благополучие. Эти свойства были перенесены на условные изображения этих светил, игравшие роль чудесных оберегов.

---

[39] Д. О. Шеппинг. Символика драгоценных камней. Древности. Тр. МАО, т. I. М., 1865—1867, стр. 143.

[40] И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 3—4.

[41] Этнографический сборник. Вып. II, СПб., 1854, стр. 75.

[42] Д. Фрэзер. Ук. соч., стр. 146.

[43] И. М. Снегирев. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. II, М., 1838, стр. 127.

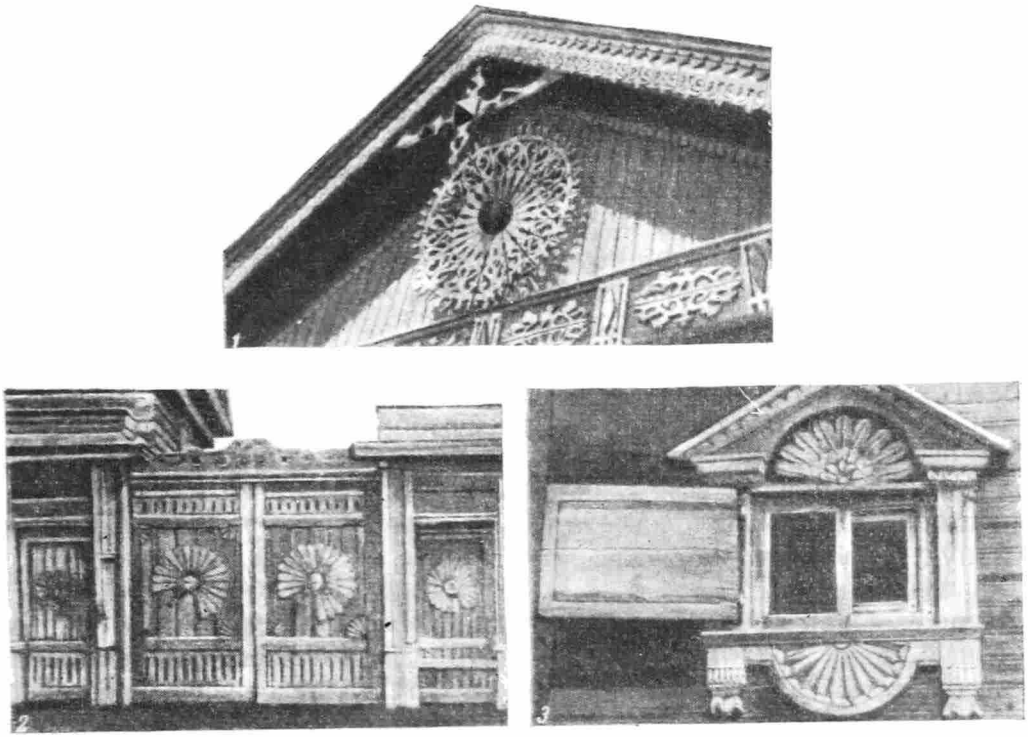


Рис. 3. Солярная символика в домовой резьбе

1 — фронтон дома (Куйбышевская обл.); *2* — ворота с накладными розетками; *3*—наличник волокового окна (Горьковская обл.)

Этнографические данные позволяют расширить круг предметов, на которые наносился этот узор в древности. Известно, что орнаментация народной одежды и тканей изобилует солярными символами. «Розетки, крестообразные фигуры, круги, иногда со вписанной в них розеткой в шестиугольнике, ромбы и части их явились основой геометрического восточнославянского узора, одинаково выполняемого от Белого моря до Карпат разнообразными техническими приемами» [44]. В орнаменте восточнославянской женской рубахи преобладают мотивы ромба, розетки, восьмиконечной звезды [45]. Солярные мотивы обычны в орнаментации полотенец, с языческих времен являвшихся ритуальной принадлежностью, в вышитых поясах и т. д. Иногда отдельные элементы орнамента называются «солнышки» [46].

Солнечный культ нашел отражение и в резьбе на различных частях крестьянских домов.

В современной домовой резьбе русского Севера, Среднего и Верхнего Поволжья, Сибири солярная розетка или полурозетка — необходимый элемент орнаментации, вокруг которого зачастую сосредоточиваются все остальные. Традиционная связь этих солярных эмблем со строго определенными частями зданий указывает на их первоначальный характер. Основная часть резных украшений (на юге — росписей хат) сосредоточивается на внешних стенах домов, особенно на фронтальной. По месту солярные знаки совпадают с крестами, которые с магической целью чертились мелом или выжигались на различных частях здания в определенные праздничные дни. Они украшают крыльцо, двери, углы дома,

---

[44] Л. А. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. Сб. «Советская этнография», т. V, 1941, стр. 28.

[45] Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—нач. XX в. Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, т. 31, 1956, стр. 615.

[46] П. П. Стаханов и Н. П. Стаханова. «Сапожковское городище» писцовых книг 1627—1628 со стороны историко-этнографической с приложением очерка развития орнамента одежды. Сапожок, 1927, стр. 8.

обрамляют окна («и в мое оконце засветит солнце» — пословица) [47], ставятся на калитках, воротах двора или усадьбы («и на моих воротах солнце засвитае») [48], на фронтонах, иногда солнечные знаки заменяют коньки на крышах изб и т. д. (рис. 3).

Внутри избы солярные знаки вырезались на сволоках (матицах) — толстом брусе, который служит опорой для потолка. Со сволоком были связаны различные обычаи и поверья. Например, если приснится, что падает сволок, в доме кто-нибудь умрет. В «Слове о полку Игореве» князь Святослав видит «мутен сон», что в его тереме доски без кнеса, т. е. без сволока [49].

Солнечные символы покрывают и обиходные деревянные изделия (рис. 4). Древность этого обычая доказывается находкой частей деревянной спинки из Новгорода (конец XI в.) с изображениями солнца [50] (рис. 5).

На основании этнографических материалов отчасти можно судить о том, на какие предметы наносился этот узор в древней Руси, причем его связь с определенными предметами указывает на первоначальную охранительную роль этих знаков, которые и теперь иногда называются «солнце», «звезды» и т. д. [51]

На посуде они оберегали пищу. На мебели (скамьи, кровати, столы) солнечные знаки должны были охранять ее владельцев при пользовании ею; на сундуках, ларях для зерна, муки и т. д. они берегли крестьянское добро от порчи. На светцах эти символы были связаны с их непосредственным назначением источника света, подобно тому как на античных светильниках часто встречаются изображения солнца и луны. Они покрывают сани, которые часто выступают в народной обрядности при праздниках солнца.

Особенно богата орнаментация орудий и принадлежностей для прядения и ткачества. Это прялки, донца, ткацкие станки и их детали и пр. Здесь нашел отражение миф об уподоблении солнца колесу прялки, причем солнечные лучи являются нитями, наматываемыми на веретено. Народная загадка уподобляет солнечный луч веретену: «Из окна в окно готово веретено». В славянских сказках сохранилось воспоминание о чудесной самопрялке, прядущей чистое золото, о золотых нитях, спускающихся с неба [52]. С бронзового века распространены пряслица с солярной орнаментацией. Подобные пряслица найдены в нижних слоях Псковского городища [53].

В заключение несколько слов о территориальном распространении и хронологии памятников со следами космических культов древних славян.

Говоря о хронологии, необходимо учитывать пережиточность религиозных верований, сохраняющихся сотни лет, постепенность их исчезновения. Поэтому возможна лишь очень приближенная хронология. Основным, что должно интересовать исследователя, является вопрос — отражают ли «небесные» символы, широко распространенные в древнерусской орнаментации, в каждом данном случае современные им представления, сохраняют ли они свою семантику и магические функции или утратили их.

Основная масса предметов с «небесными» символами (главным образом подвесок к ожерельям) бытует в границах X—XIII вв. Она найдена в составе деревенских курганных инвентарей в землях, наиболее замкнутых

---

[47] И. И. Срезневский. Ук. соч., стр. 4.

[48] Там же.

[49] Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания, стр. 103.

[50] Материал из Новгорода был мне любезно предоставлен Б. А. Колчиным, за что приношу ему глубокую благодарность.

[51] Л. Суха. Художественные металлические изделия украинцев Восточных Карпат. Киев, 1955, стр. 12.

[52] А. Н. Афанасьев. Ук. соч., стр. 222.

[53] С. А. Тараканова. Раскопки древнего Пскова. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, рис. 39а, *8*; ее же. Новые материалы по археологии Пскова. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 25.

Рис. 4. Солярная символика в народных деревянных изделиях

1 — стол; *2* — детский стульчик; *3, 4* — прялки; *5* — донце; *6* — светец; *7* — санки; *8* — расписная чашка; *9* — ковш

в культурном отношении племен — вятичей, радимичей, а также кривичей, новгородских словен, где и после проникновения христианства язычество в деревне оставалось слабо затронутым. Эти подвески бывают одиночными и занимают центральное положение в ожерелье, но могут чередоваться с другими или повторяться. Эта множественность не может указывать на утрату ими апотропейного значения, так как увеличение числа одинаковых амулетов в представлении язычника только усиливало их эффективность.

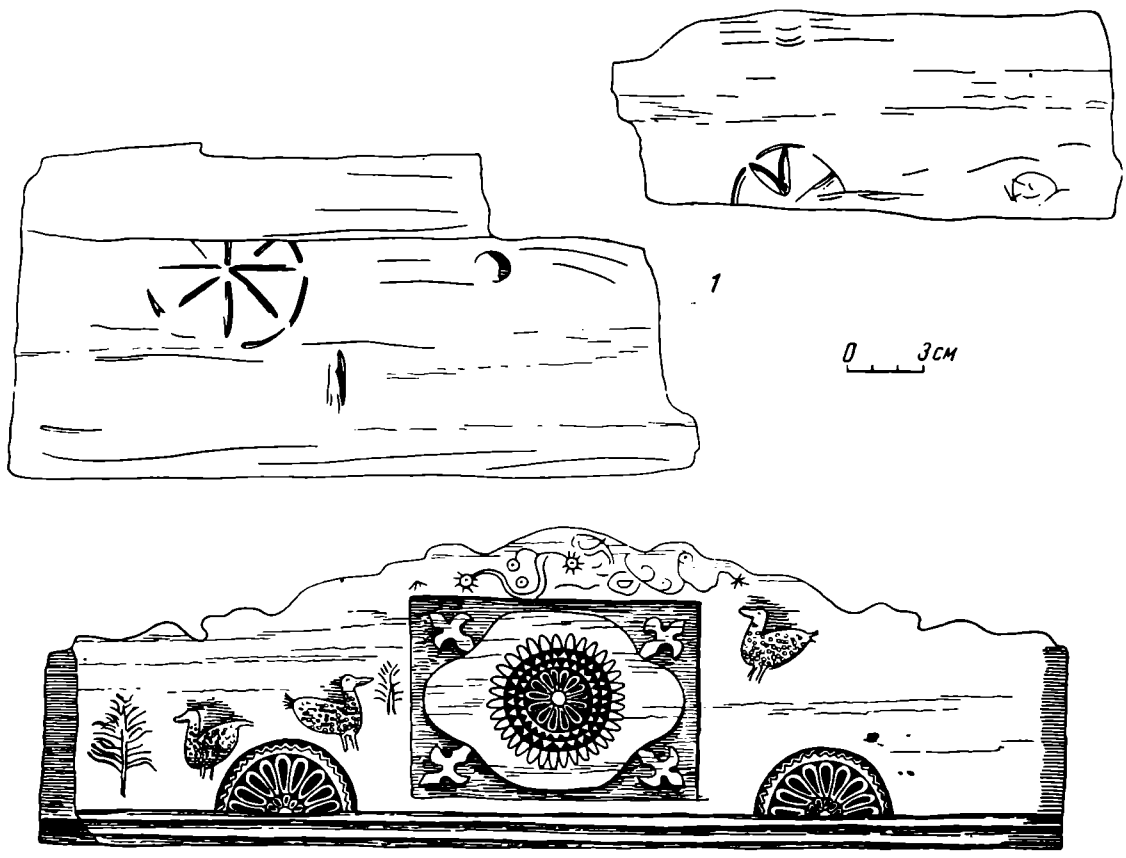


Рис. 5

1 — часть деревянной спинки XI в. (Новгород); *2* — резная спинка кровати XIX в.

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что символические начертания, относящиеся к циклу космических верований, сохраняли свою значимость и магические функции на протяжении всего домонгольского периода, а возможно, и позже. На городище Камно найдены каменные плитки с рисунками, в том числе две с солярными знаками. Одна из них относится к нижнему слою (III—IX вв.), вторая — к верхнему горизонту верхнего слоя (XI — начало XII в.) [54]. Ритуальный характер изображений очевиден. Концом XI в. датируются части деревянной спинки из Новгорода с солнечными знаками (рис. 5), XII в.— серебряный браслет из Чернигова, где в числе других символов присутствуют и солярные, концом XII в. — маска скомороха из Новгорода, на лбу которой красной краской нарисовано солнце, желтой — месяц [55]. К середине XIV в. относится накладная пластинка из Новгорода с изображением дракона, возле морды которого — изображение солнца в виде колеса [56]. Это иллюстрация к повсеместно распространенной на Руси легенде о пожирании драконом солнца. Началом XV в. датируется подвеска из Новгорода (рис. 1, *42*), воспроизводящая солнце с 12 лучами и являющаяся отзвуком древних форм, хотя и здесь нельзя утверждать с уверенностью, что она являлась только украшением.

С упрочением христианства происходил постепенный длительный процесс отмирания языческих культов небесных светил, забвение семантики

---

[54] С. А. Тараканова. Каменные плитки с рисунками с городища Камно. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 152—153, рис. 56.

[55] А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, рис. 3.

[56] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, рис. 17, *1*.

их идеограмм, утрата ими функций магических оберегов. Некоторые знаки переосмысливаются, получая новое содержание (крест, луна с крестом). Остальные приобретают чисто декоративный характер, сочетаясь с другими орнаментальными мотивами позднейшего происхождения. Уже в искусстве древней Руси один и тот же мотив мог восприниматься современниками как солнечный символ и просто как узор (например, пластинка от церковной алтарной преграды, найденная в Гродно, украшенная фигурой розетки [57]).

Постепенно первоначальный смысл древних символов был забыт, хотя они и дошли в народном искусстве до наших дней, передаваясь по традиции от поколения к поколению.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К рис. 1. *1* — Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности Приднепровья. Киев, 1899—1907, вып. V, табл. XVII, *372; 2* — Л. Н. Кудь. Костюм и украшения древнерусской женщины. В кн. «Высшие женские курсы». Киев, Археологический музей, 1914, табл. I; *3* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, табл. XIII, *31*; *4* — его же. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, № 206; *5* — там же, № 208; *6* — там же, № 225; *7* — там же, стр. 143, № 4; *8* — Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, 1895, табл. VII, *2*; *9* — ГИМ, № 76119; *10* — ГИМ, № 63889; *11* — Н. И. Булычев. Раскопки по верхнему течению реки Угры. Зап. Московского археологического института. М., 1913, т. XXXI, стр. 33; *12* — Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. МАВГР, т. III, М., 1889, табл. 6, № 12; *13* — Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. VI, табл. XXXVII, *548*; *14* — Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы Археалёгічнай Камисии, т. III, Менск, 1932, табл. VI, *1*; *15* — Ф. Д. Нефедов. Ук. соч., табл. 6, № 18; *16* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. II, *5*; *17* — ГИМ, № 42436; *18* — Б. А. Рыбаков. Ук. соч., табл. VI, *7*; *19* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. XII, *19*; *20* — его же. Владимирские курганы, № 191; *21* — там же, № 199; *22* — там же, № 190; *23* — Н. И. Булычев. Ук. соч., стр. 33; *24* — А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872, табл. XXVIII, *24*; *25* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 184; *26* — там же, № 219; *27* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии, табл. II, *3*; *28* — его же. Владимирские курганы, № 188; *29* — Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XVII, № 369; *30* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 186; *31* — там же, № 165; *32* — там же, № 186; *33* — Б. И. и В. Н. Ханенко. Ук. соч., вып. V, табл. XVII, № 371; *34* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 185; *35* — там же, № 187; *36* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губ..., табл. VI, *18*; *37* — А. С. Уваров. Ук. соч., табл. XXXII, *37*; *38* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 189; *39* — там же, № 192; *40* — Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, табл. XXX, *1*; *41* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 178; *42* — Новгород, 6—9 — 1234; *43* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 15; *44* — Б. А. Рыбаков. Радзімічы, табл. VI, *5*; *45* — А. А. Спицын. Владимирские курганы, № 228; *46* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии..., табл. V, *9*; *47* — ГИМ, № 50020; *48* — ИАК, вып. 6, СПб., 1904, табл. V, *5*; *49* — ГИМ, № 69592

К рис. 2. *1* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20 (СПб., 1896, табл. V, *9*); 2 — П. А. Гусев. О луне под крестом на куполах русских церквей. Сборник Новгородского Общества любителей древностей, т. II, 1909, стр. 11, рис. 4; *3* — Marija Gimbutas. Ancient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958, рис. 17 и 4.

К рис. 3. *1* — И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Среднего Поволжья. М., 1954, рис. 107; *2* — Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Тр. Института этнографии, т. 31, 1956, рис. 102, *3*; *3* — И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья. М., 1952, рис. 49.

К рис. 4. *1* — А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1910—1914, вып. 1—12, табл. 5, *1*; *2* — там же, табл. 20, *8*; *3* — там же, табл. 15, *3*; *4* — Н. Н. Соболев. Русский орнамент. М., 1948; *5* — А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 3, *6*; *6* — Н. Н. Соболев. Ук. соч., табл. 66; *7* — А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 27, *2*; *8* — В. М. Вишневская. Русская народная резьба и роспись по дереву. М., 1956, рис. 98; *9* — А. А. Бобринский. Ук. соч., табл. 102, *28*

К рис. 5. *1* — Новгород, 20/21—26—1134; *2* — А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия. М., 1910—1914, вып. 1—12, табл. 13, *8*

[57] Н. Н. Воронин. Древнее Гродно, т. III. МИА, № 41, 1954, рис. 64, *6*.

ПУБЛИКАЦИИ

Дж. А. ХАЛИЛОВ

ПОСЕЛЕНИЕ НА ХОЛМЕ САРЫ-ТЕПЕ

В 1955 г. группа сотрудников Института истории АН Азербайджанской ССР при обследовании Акстафинского и Казахского районов обратила внимание на полуразрушенный холм, расположенный во дворе кирпичного завода на западной окраине г. Казаха, Азербайджанской ССР. Местное название холма «Сары-Тепе», т. е. «желтый холм». На нем имеется культурный слой, достигающий в некоторых местах 3 *м* толщины.

В 1956 г. для исследования этого памятника Институтом истории АН Азербайджанской ССР была направлена археологическая экспедиция [1].

Прежде холм имел диаметр свыше 100 *м* и был почти круглым; высота холма достигала 10 *м*. По сообщениям местных жителей, уже около 50 лет из этого холма добывается глина для производства кирпича и черепицы, в результате чего вся восточная половина и бо́льшая часть юго-западного сектора холма срыта. Теперь на этом месте расположены постройки кирпичного завода. При добыче глины рабочие этого завода неоднократно обнаруживали каменные и керамические изделия, часть которых поступила в Музей истории Азербайджана.

Большой интерес представляют выявленные раскопками остатки построек, сооруженных из речных камней, скрепленных глиняным раствором в смеси с соломой. Встречаются также следы плетеных, обмазанных глиной стен. На полу почти всех домов имеется слой обожженной земли, углей и обуглившейся соломы.

От одного дома сохранились остатки южной стены и бо́льшая часть пола. Деревянная крыша во время пожара упала на пол и образовала там слой угля и золы толщиной около 0,1 *м*. Над этим слоем, наряду с керамическими обломками, встречались обожженные куски глиняной обмазки. У стены, на полу помещения, стояла глиняная маслобойка, нижняя часть которой раздавлена обвалившейся стеной. На плечах маслобойки расположена горизонтальная ручка и около нее круглый выступ с отверстием в середине. Характерно, что внутренняя поверхность сосуда местами имеет неровности в виде налепов, что, по-видимому, связано с процессом изготовления масла. Аналогичные маслобойки из серой глины, изготовленные из грубого теста и снабженные выпуклыми налепами на внутренней поверхности, были обнаружены при раскопках Урартского города Тейшебаини в 1949 г. [2]. На полу раскопанного нами помещения лежала зернотерка с приподнятыми концами, разбитая на две части.

---

[1] Руководил экспедицией И. Г. Нариманов, участвовал Дж. А. Халилов.

[2] А. А. Мартиросян. К характеристике урартского города Тейшебаини. ИАН АрмССР, № 8, 1957, стр. 88—89.

В юго-восточном углу помещения, на полу, был обнаружен большой хозяйственный кувшин — кюп. При очистке кюпа оказалось, что он установлен в заброшенной хозяйственной яме, глубиной в 3,2 *м*. Диаметр отверстия ямы соответствует диаметру корпуса кюпа и равен 1,1 *м*. Книзу яма расширяется. Диаметр дна достигает 2,25 *м*. В стенке ямы было прослежено несколько нор грызунов, закупоренных глиной с примесью соломы. Это показывает, что яма была предназначена для хранения продуктов питания. Об этом свидетельствуют также остатки отрубей на дне ямы.

От второго дома сохранились две продольные стены длиной около 7 *м*, сложенные из речных камней. Они ориентированы с востока на запад. Расстояние между стенами 5 *м*. Внутри стены и пол помещения обмазаны глиной с примесью соломы. Под действием сильного огня во время пожара обмазка стен приобрела кирпичный цвет, а на полу дома образовался обожженный слой. Участок, примыкающий к северной стене, был занят 14 большими хозяйственными кюпами двух форм. К первой форме относятся широкогорлые кюпы с круглыми прямыми венчиками и вертикальными ушками. Кюпы второй группы — узкогорлые, с широкими венчиками. На плечиках кюпов имеется налепная полоса, по которой нанесены косые резные линии. Благодаря пожару в некоторых кюпах сохранились обуглившиеся косточки винограда, зерна и остатки (по-видимому, от вина) в виде затвердевшей массы [3]. Подобные остатки вина с виноградными косточками раньше были найдены в Мингечауре, Ханларе [4] и т. д.

Вокруг кюпов стены обнаружены не были; только с северной стороны сохранилось несколько камней, возможно представляющих собой остатки стен, разрушенных работами кирпичного завода. Наличие на небольшом участке 14 огромных кюпов (возможно, их было больше), по-видимому, указывает на общественное назначение этого помещения. Для индивидуальной семьи того времени такой запас продуктов слишком велик. Поэтому можно предположить, что здесь помещалось какое-то общественное хранилище.

Среди выявленных остатков помещений большой интерес представляет сооружение, имевшее, вероятно, культовое назначение. Оно занимает площадь $9 \times 4{,}6$ *м*^{2}. Вход был с западной стороны. По середине помещения обнаружены три большие ямы для столбов; в верхней части одной из них сохранились остатки обуглившегося толстого столба (предположительно — дубового). На обрубленной части столба заметны следы острого орудия, вероятно, металлического топора. Вдоль стен помещения расположено 25 ям для сравнительно тонких столбов, на которые опирались концы бревен крыши.

Такая планировка столбов дает возможность предполагать наличие двускатной крыши дома. Стены этого помещения, очевидно, были плетеные, обмазанные глиной. Здесь обнаружены куски обмазки с отпечатками плетения.

Большой интерес представляет внутреннее оформление этого помещения. На расстоянии 2 *м* от восточной стены имеется специальное сооружение с глинобитными низкими стенами (рис. 1). С восточной стороны стена этого сооружения низкая, а противоположная — сравнительно высокая, с тремя низкими «колоннами», в середине которых вставлены шесты, обмазанные глиной. Снаружи западная стена и «колонны» покрыты лепными узорами (рис. 2). В результате действия огня все они обожжены и приобрели кирпичный цвет. Поблизости обнаружены две грубые лепные из глины головы животных. В нижней обломанной части этих голов имеются гнезда для насадки на шест. Вероятно,

---

[3] Органические остатки пока не подвергались анализу.

[4] Г. Е п и с к о п о с я н. Кувшин бронзового века. Журн. «Огонек», № 49, декабрь, 1954.

Рис. 1. Культовое сооружение. Вид с юга

они помещались на «колоннах». Одна из этих фигур двуголовая. С одной стороны вылеплена голова барана с закрученными рогами, а с другой — кабана, клыки которого переданы выпуклостями (рис. 3). Другая скульптура, разрушенная, напоминает голову барана, но без рогов.

Вокруг этого центрального сооружения и вдоль северной и южной стен имеются полукруглые углубления, из которых северные соединяются канавкой с такими же углублениями в центральной постройке. На западе около входа северные углубления завершаются другой глинобитной постройкой с низкими стенами.

В некоторых из этих углублений стояли различные глиняные сосуды с органическими остатками [5]. В одном горшке сохранились обуглившиеся ягоды винограда, почти натурального размера.

Рис. 2. Культовое сооружение. Вид с запада

На полу обнаружены различные глиняные сосуды и их обломки (горшки, миски, хозяйственные кувшины — кюпы, глиняная модель колеса, ступка и пр.). Среди них обращает на себя особое внимание сосуд в виде сообщающихся двух кувшинов, вероятно имевший культовое назначение. На ручке сосуда помещено лепное изображение змеи, плечики сосу-

[5] Органические остатки не определены.

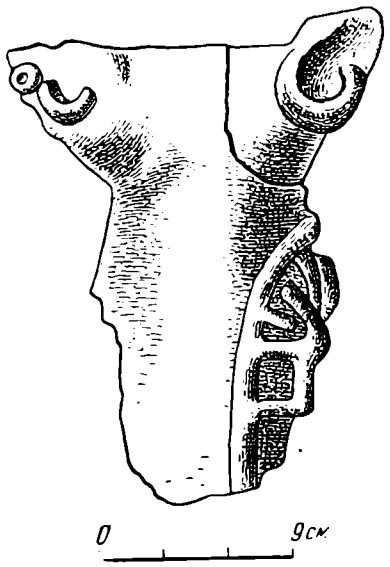


Рис. 3. Лепное украшение в виде голов барана и кабана из культового сооружения

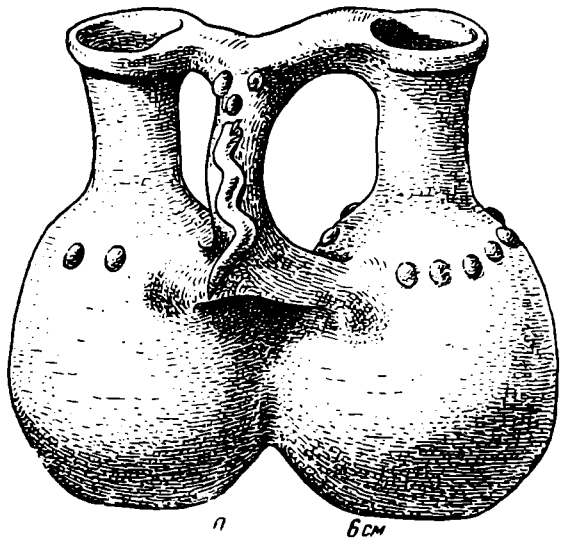


Рис. 4. Кувшин из культового сооружения

Рис. 5. Керамика из Сары-Тепе

да украшены налепными «пуговками» (рис. 4). Внутренние сооружения и обнаруженные там предметы позволяют считать это помещение культовым. Подобные культовые сооружения на Кавказе и в других местах нам неизвестны.

Раскопки холма Сары-Тепе дали комплекс материалов, изучение которого позволяет судить о жизни и занятиях населения древнего поселения на холме Сары-Тепе.

Среди предметов бытового и хозяйственного назначения основное место занимают изделия гончарного производства. Это различные сосуды (лепные или сделанные на кругу), очажные подставки и штампы.

Среди найденной посуды можно выделить основные формы сосудов: горшки, кувшины, миски, чаши.

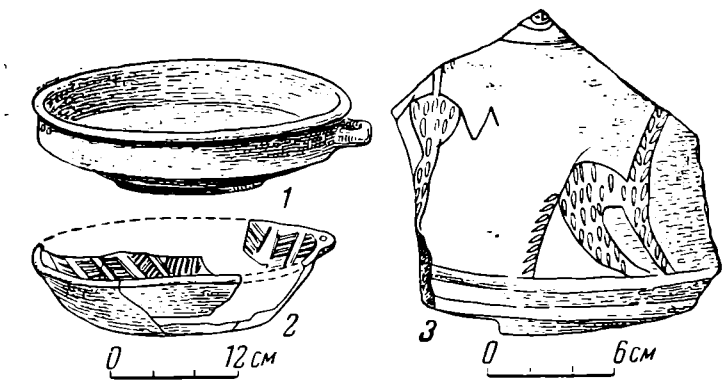


Рис. 6. Керамика из Сары-Тепе

Большинство горшков (рис. 5, *1, 3*) имеют ручки; в основном сосуды сделаны из глины серого и черного цвета. Орнамент состоит из насечек и врезных параллельных и волнистых линий. Иногда орнамент в виде сетки из врезных линий покрывает весь горшок. Иногда такой же орнамент нанесен на дне горшков.

Следующей, преобладающей формой глиняных сосудов являются кувшины (рис. 5, *4*). По сравнению с горшками они сделаны тщательнее и поверхность их в большинстве случаев сглажена и залощена. Они имеют узкую горловину, круглый гладкий венчик и шарообразное тулово. Кувшины имеют одну ручку, часто в виде стилизованной фигурки животного (рис. 5, *5*). Орнамент кувшинов состоит из налепных «пуговок», вертикальных линий, нанесенных путем лощения. Подобные кувшины известны и из других районов Закавказья [6].

Миски круглые разных размеров (рис. 6, *1*). Среди них только одна имеет овальную форму [7]; она внутри орнаментирована лощеными линиями (рис. 6, *2*).

Чаши похожи на миски, но они меньше диаметром и глубже.

В верхних слоях холма обнаружены круглые чаши, дно которых вдавлено во внутрь; они напоминают бронзовые урартские чаши из Кармир-Блура [8]. Такие чаши известны в двух разновременных памятниках Мингечаура: из грунтовых погребений так называемого скифского периода и из кувшинных погребений. Дно последних плоское, без вдавления.

Кроме перечисленных основных форм сосудов, имеются сосуды и других форм; в их число входят большие толстостенные сосуды. Они

[6] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, табл. XXIX; А. А. Мартиросян. Раскопки в Головино. Ереван, 1950, табл. XI, *5, 6, 7* и *8*.

[7] Миска обнаружена в культовом сооружении, около центральной постройки.

[8] Б. Б. Пиотровский. Кармир-блур, I. Ереван, 1950, стр. 59—60, табл. 9; его же. Кармир-блур, II. Ереван, 1952, стр. 54, табл. 18.

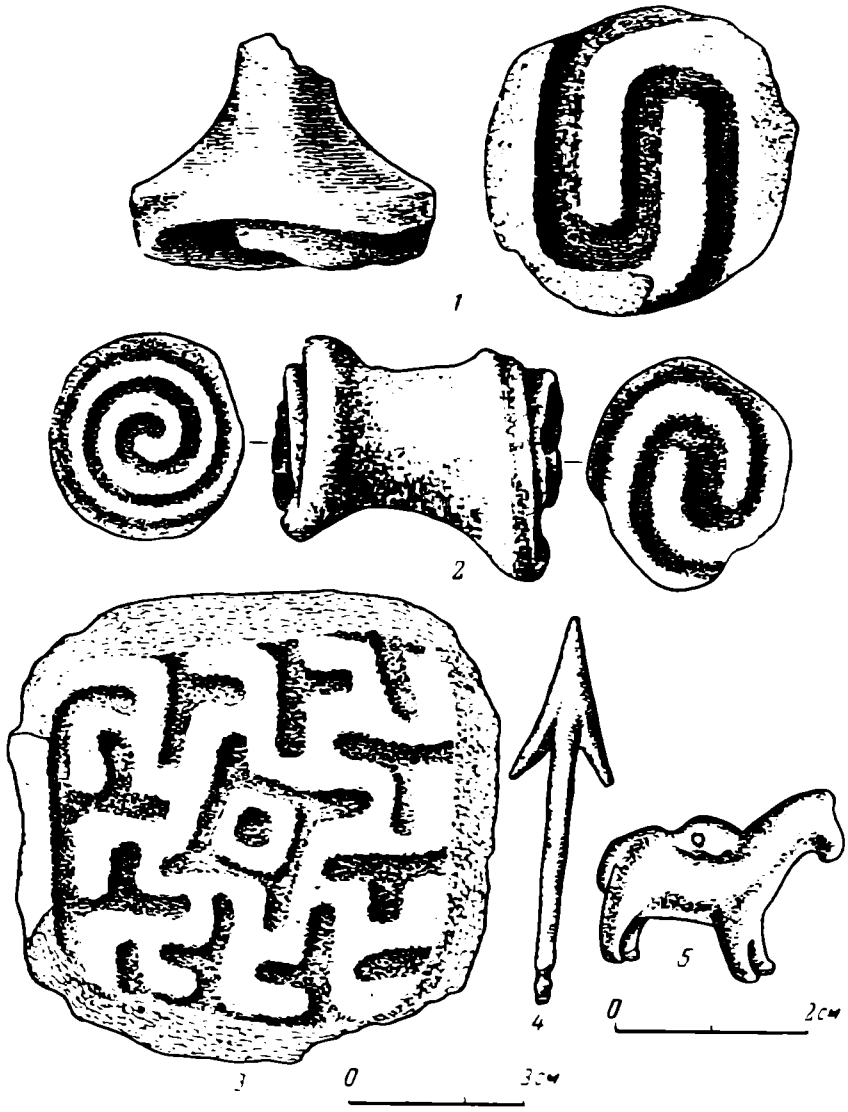


Рис. 7.

1—3 глиняные штампы; *4* — бронзовая стрела; *5* — привеска в виде лошади

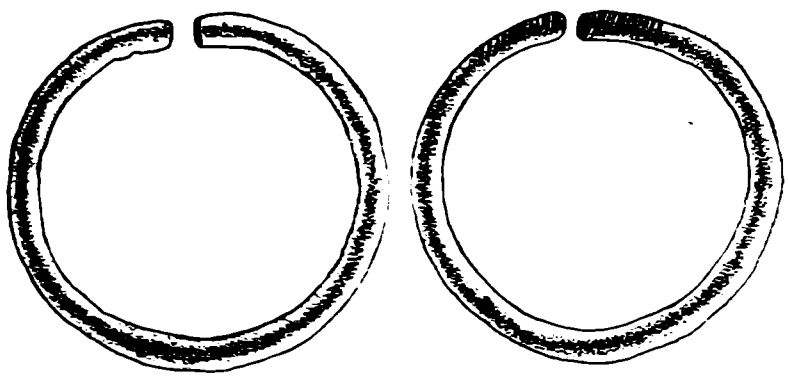


Рис. 8. Бронзовые браслеты

часто имеют лощеную поверхность, орнаментированы налепными «пуговками» и ребристыми линиями.

Среди обломков имеется часть бока сероглиняного сосуда со сглаженной поверхностью. На нем резными линиями нанесены фигуры человека и животного (рис. 6, *3*). Кроме того, обнаружены еще сосуды в виде кубков, цилиндров и разные мелкие сосуды.

Рис. 9. Бусы и привески

Многочисленные обломки так называемых «очажных подставок» также являются продукцией гончарного производства; в большинстве случаев они полые, четырехугольные со скругленными углами. Встречаются очажные подставки, состоящие из двух половин, плитообразные и др.

Керамические изделия дополняются многочисленными глиняными штампами. На поселении Сары-Тепе их найдено около 20 штук разных размеров; некоторые из них обнаружены случайно, до раскопок поселения [9]. Они представлены двумя формами: четырехугольные и круглые

[9] И. Г. Нариманов. Некоторые данные о древнем поселении в окрестностях г Казаха (Азербайджанская ССР). КСИИМК, вып. 70, 1957, стр. 138—141.

(рис. 7, *1—3*). Имеется один двухсторонний круглый штамп (рис. 7, *2*). На рабочей части штампов часто встречаются изображения свастики, Г-образные знаки, концентрические линии, лучеобразные линии и т. д. Подобные глиняные печати обнаружены в Мингечауре и на Северном Кавказе [10].

В данной статье мы не имеем возможности остановиться на вопросе о назначении этих предметов, но отметим, что по этому вопросу в археологической литературе высказан ряд предположений [11].

Не малое место среди находок занимают орудия из камня. Это различные по форме и размеру зернотерки, ступки, песты, круглые камни, вероятно употреблявшиеся как крышки, и пр. В процессе раскопок попадались обсидиановые отщепы, некоторые из них со следами сработанности.

Кроме нескольких экземпляров пряслиц, сделанных из эпифиза животных, других изделий из кости не обнаружено.

Металлических (бронзовых) предметов на поселении найдено очень мало. Это объясняется тем, что, как и в других поселениях этого времени [12], население ценило их дорого и, когда оставляло поселения, уносило их с собой. Обнаружены два крылатых наконечника стрел закавказского типа (рис. 7, *4*), пять браслетов (рис. 8), миниатюрная подвеска, изображающая лошадь (рис. 7, *5*), очковидная подвеска.

Особо можно отметить обнаруженный в верхнем слое клад, состоящий из украшений (рис. 9), вышеупомянутых браслетов, бус, раковин и т. д. Все они находились в маленьком раздавленном горшке, закрытом сверху плоским круглым камнем. Бусы различные, сделаны из сердолика, пасты и т. д. Подобные бусы известны из памятников раннежелезной эпохи Грузии и датируются VII—VI вв. до н. э. [13].

Наряду с предметами бытового и хозяйственного назначения раскопки поселения дали значительный органический и остеологический материал.

Из органических остатков были обнаружены обуглившиеся ягоды винограда, косточки сливы, злаки, затвердевшие остатки на дне сосудов.

Объем раскопок пока не дает возможность судить об экономической и социальной структуре древнего поселения на холме Сары-Тепе. Можно предположить, что в первый раз поселение было оставлено вследствие внезапного и сильного пожара. Жители могли взять с собою только самые необходимые предметы. Пожар был настолько сильный, что даже обмазка стен прокалилась до структуры кирпича. В некоторых местах толщина обожженного слоя достигает до 0,7 *м*. Вероятно, пожар не был случайным, он возник вследствие нападения какого-то врага.

На основе анализа обнаруженных археологических материалов и сравнения их с аналогичными памятниками Закавказья, поселение на холме Сары -Тепе можно предварительно датировать началом I тысячелетия до н. э.

---

[10] Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 18; Г. М. Асланов. Об одной печати, найденной в Мингечауре. ДАН АзССР, № 9, т. IX, 1953, стр. 561 (на азерб. яз.).

[11] Г. М. Асланов. Ук. соч.; Е. И. Крупнов. Ук. соч.

[12] А. А. Мартиросян. К характеристике урартского города Тейшебаини.

[13] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 299—300, табл. XXXII, XXXIII.

Н. Н. ПОГРЕБОВА

ПЕРЕСАДОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА ИНГУЛЕ

В 1956 г. Скифская Степная экспедиция ИИМК АН СССР произвела разведочные раскопки поселения Пересадовка-1, открытого разведкой в том же году [1]. Поселение находится в 3 *км* к югу от с. Пересадовки, Октябрьского района, Николаевской области, и расположено на пологом склоне берегового плато над правобережной поймой р. Ингула, между абрикосовым садом и птицефермой колхоза им. Сталина. Западной границей поселения, поверхность которого в 1956 г. оставалась нераспаханной, является край невысокого берегового обрыва, возвышающегося над поймой Ингула на высоту 5—6 *м*. К востоку поселение продолжается за пересадовскую дорогу на территорию старого виноградника. С северо-запада и юго-востока поселение ограничивают неглубокие балки, возможно, позднейшего происхождения (рис. 1). Общая площадь поселения достигает около 24 350 $м^2$, но очень возможно, что в древности оно распространялось и на северо-запад, где среди подъемного материала соседнего поселения II—IV вв. н. э. Пересадовка-5 (рис. 1) попадаются более ранние находки типа Пересадовка-1, и на восток, поскольку за абрикосовым садом, в пункте Пересадовка-1а, находящемся всего в 150—200 *м* от нашего поселения, на поверхности виноградника было собрано много обломков керамики, идентичной находкам на поселении Пересадовка-1 [2]. Однако, поскольку непрерывность обоих поселений не может быть доказана, мы предпочитаем ограничивать территорию Пересадовки-1 описанными выше пределами.

Раскопками на поселении был определен древний культурный слой толщиной 0,4—0,8 *м* с остатками каменного домостроительства. Подстилающей породой является известняковая скала, прослеженная в береговой полосе на глубине 0,35—0,45 *м*, а по склону — на глубине 1,06 *м*. Культурный слой начинался непосредственно с задернованной поверхности. Его верхняя гумированная прослойка, пронизанная корнями растений, на глубине 0,1—0,2 *м* переходила в рыхлый суглинок с большим количеством культурных остатков, а в местах развала жилых строений имелся слой, сильно насыщенный золой. В местах, свободных от строительных остатков, культурный слой прекращался на глубине 0,5—0,6 *м*, переходя в предскальную корку или в темноватый, довольно плотный суглинистый предматериковый слой. На раскопе III, где были открыты слегка углубленные в землю жилища, слой их заполнения, сильно насыщенный золой, продолжался до глубины 0,7—0,8 *м*. Стратиграфия раскопа III более сложная, так как культурный слой в связи с перестройками жилого комплекса подвергался перекопам.

В культурном слое Пересадовского поселения преобладают находки предскифского времени с керамикой сабатиновско-обиточненского типа [3],

---

[1] См. Н. Г. Елагина и Н. Н. Погребова. Археологическая разведка по берегам Ингула. КСИИМК, вып. 77, 1959.

[2] Там же.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 122—155.

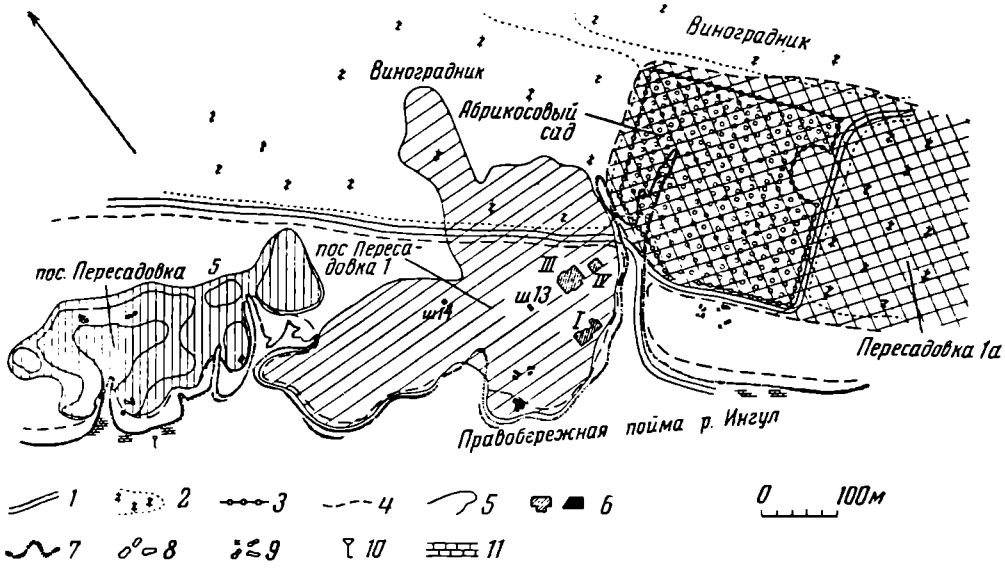


Рис. 1. План древних поселений в районе с. Пересадовка

1 — дороги; *2* — граница виноградника; *3* — граница сада; *4* — граница распаханного участка; *5* — граница распространения культурного слоя; *6* — раскопы, шурфы; *7* — обрыв коренного берега р. Ингула; *8* — строительные остатки; *9* — погребения; *10* — береговой знак; *11* — место выборки камня

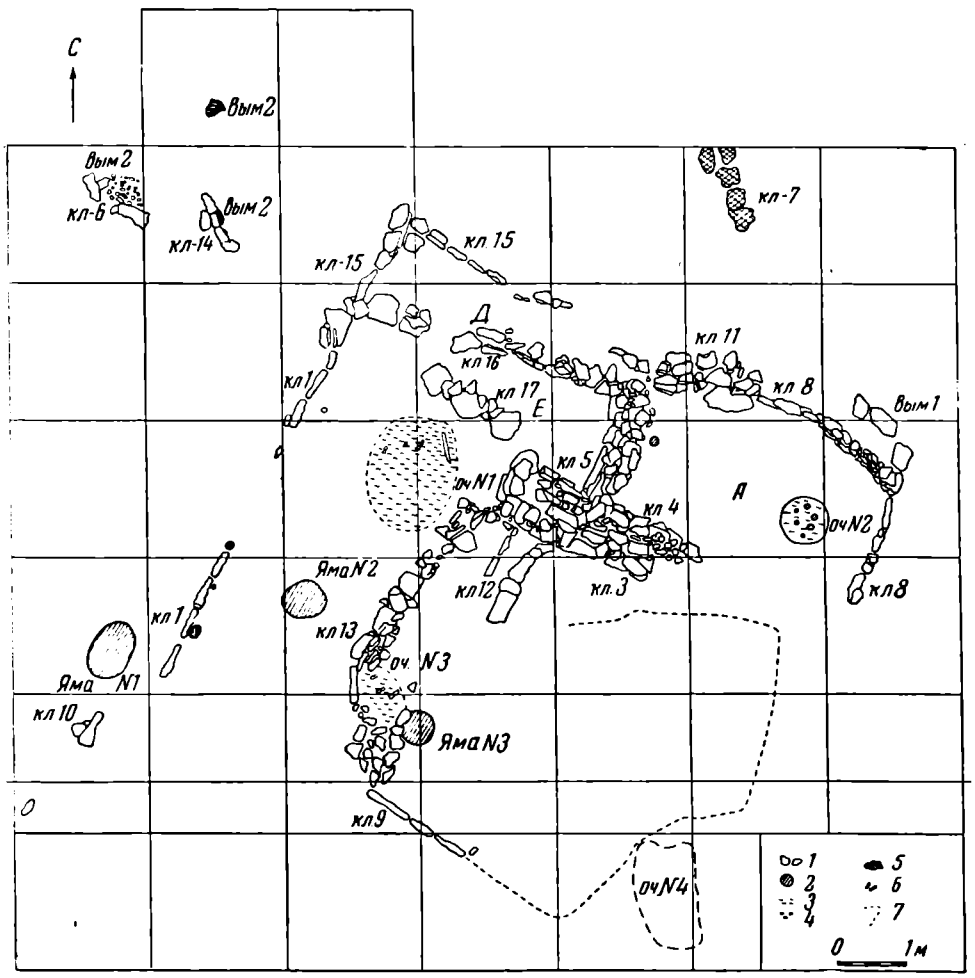


Рис. 2. Поселение Пересадовка-1. План строительных остатков на раскопе III

1 — камни; *2* — ямы; *3* — зола; *4* — обожженная глина; *5* — камни позднего строительного периода; *6* — кости; *7* — граница каменного завала; *кл.* — кладка; *вым.* — вымостка; *оч.* — очаг

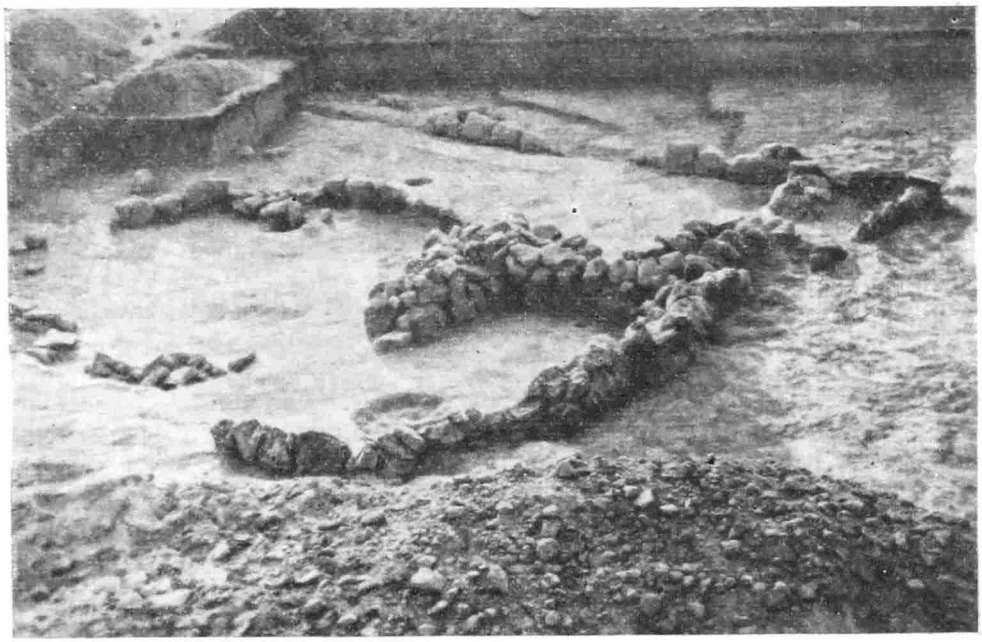


Рис. 3. Поселение Пересадовка-1. Жилой комплекс на раскопе III. (Вид с юго-востока)

но в верхних двух штыках к ним примешиваются фрагменты амфор, в подавляющем большинстве — III—I вв. до н. э.

Из строительных остатков наибольший интерес представляет жилой комплекс предскифского времени, раскрытый на раскопе III в 1956 г. Завершение этих раскопок, намеченное на 1957 г., к сожалению, не осуществилось, так как в марте 1957 г. вся территория поселения, включая раскопы экспедиции, была распахана под виноградник на глубину 0,7 *м* и, таким образом, весь культурный слой был начисто уничтожен.

Жилой комплекс раскопа III в раскрытой части состоял из пяти помещений с каменными стенами, местами сохранившимися на высоту до 0,7 *м* (рис. 2 и 3). Жилища, по-видимому, неоднократно подвергались пере-

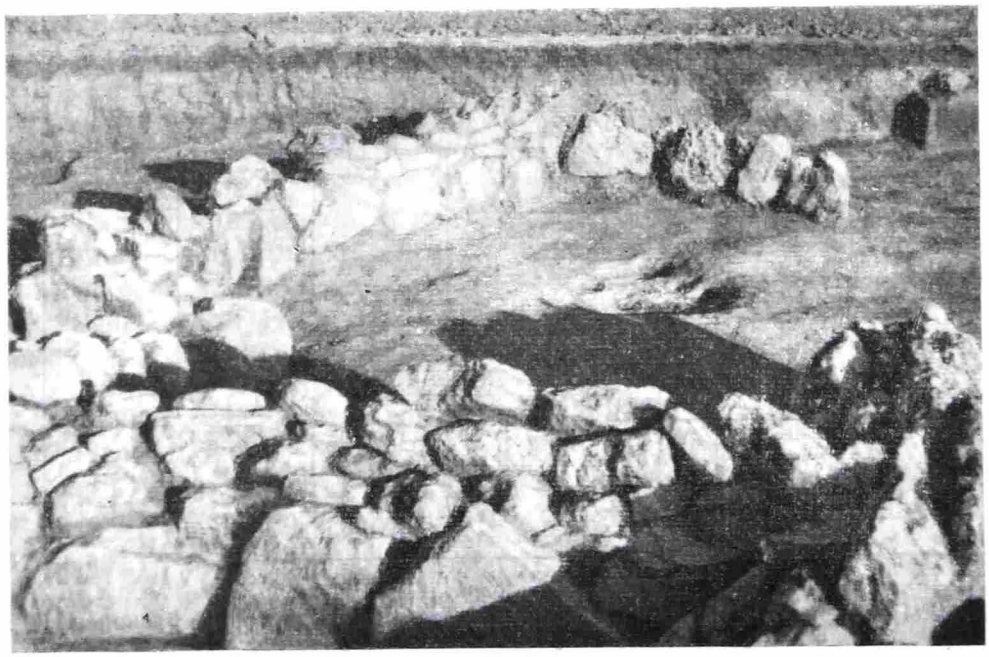


Рис. 4. Поселение Пересадовка-1. Жилой комплекс на раскопе III. (Вид на помещение «А» с юго-запада)

стройке. В целом все сооружение имело вид неправильного прямоугольника, вытянутого с северо-востока на юго-запад.

Лучше всего сохранилась кладка стен в помещениях «А» и «Е», углубленных в материк на 0,2—0,3 *м*, на высоту каменного цоколя стен. Цоколь был сложен из громадных необработанных камней, в большинстве случаев поставленных на ребро. С обеих сторон подошвы камней прослежена зольная подсыпка. Щели между плитами цоколя были заполнены более мелкими камнями, причем в ряде случаев форма последних была

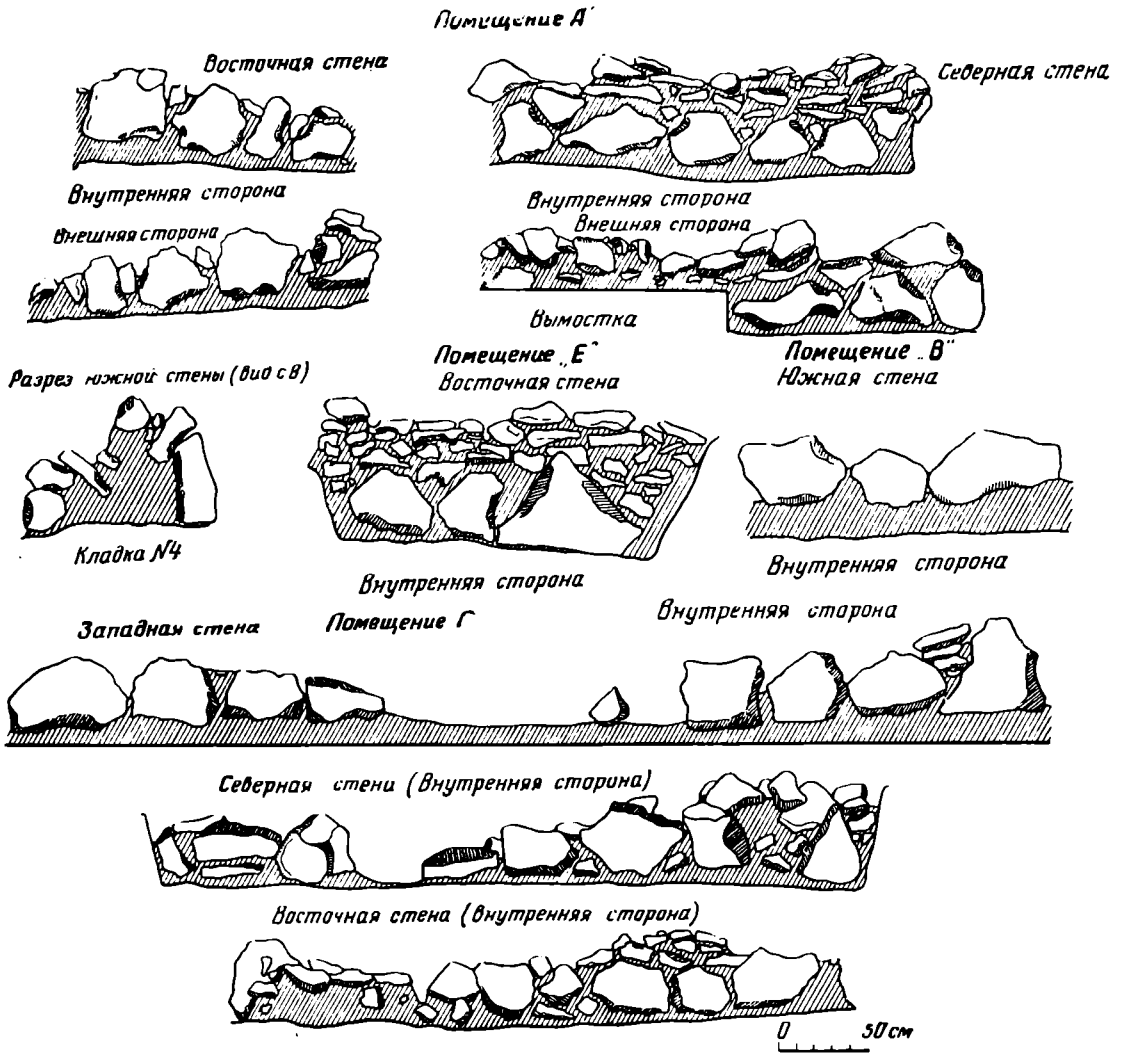


Рис. 5. Поселение Пересадовка-1. Фасировка стен жилого комплекса на раскопе III

подогнана к контурам промежутков между большими плитами, что придало кладке полигональный характер. На цоколе плашмя лежали ряды плиток среднего размера, сохранившиеся местами на высоту до трех-пяти рядов (северо-восточная стена помещения «А» — кладка № 8; юго-восточная стена помещения «Е» — кладка № 5; юго-западная общая стена обоих помещений — кладка № 4; рис. 4 и 5).

Помещения «А» и «Е» первоначально, вероятно, были отдельными, не сообщающимися между собой (рис. 2; северо-восточные стены обоих помещений, кладки №№ 8 и 16, представляют собой каждая самостоятельное целое), которые впоследствии были объединены одной общей, юго-западной, стеной (кладка № 4). Максимальная высота сохранившихся частей стен обоих помещений достигает 0,58—0,62 *м*, но нужно думать, что абсолютная высота каменных стен была больше, так как камни верхних рядов сильно завалились назад или вообще рухнули, образовав значи-

тельный развал. Верхняя часть северо-восточной стены помещения «Е» (кладка № 16) была, по-видимому, уничтожена при позднейшей перестройке здания. Цоколь юго-западной стены помещения «Е» рухнул внутрь помещения, и плиты его в момент раскрытия комплекса лежали плашмя на земле (кладка № 17; рис. 2). От юго-восточной стены помещения «А» сохранился только цоколь, а стык между юго-западной и юго-восточной стенами не сохранился совсем. Пол в обоих помещениях был земляной.

В восточной части помещения «А» находилось круглое очажное углубление (очаг № 2) диаметром 0,7 *м* и глубиной 0,07—0,08 *м*. Оно было заполнено золой с кусочками обожженной глины, мелкими камнями, большим количеством костей животных и обломками лепной керамики (рис. 6, *3—5*). После расчистки на дне углубления было выявлено шесть круглых ямок диаметром от 0,07 до 0,18 *м* и глубиной от 0,7 до 0,20 *м* (может быть вырыты для установки сосудов?) [4]. Еще одна ямка, диаметром 0,1 *м*, была обнаружена перед северо-западной стеной помещения и, возможно, предназначалась для столба, поддерживавшего перекрытие.

В восточной части помещения «Е» было также прослежено небольшое очажное углубление неправильной формы, глубиной 0,07—0,08 *м* и размером 0,42 × 0,23 *м*. На полу помещения найден обломок венчика лепного сосуда (рис. 6, *2*).

Примыкавшее с юга к помещениям «А» и «Е» помещение «В» было также первоначально, по-видимому, отдельным от них жилищем, северо-восточная стена которого (кладка № 3) была углублена в землю на 0,2 *м* и отстояла от юго-западной стены помещений «Е» и «А» (кладка № 4) на 0,5 *м* (рис. 5). Впоследствии в результате перестройки северо-восточная стена помещения «В» (кладка № 3) и юго-западная стена помещений «А» и «Е» (кладка № 4) были объединены мощным торцом из крупных камней, сохранившимся на три ряда в высоту (рис. 2). Северо-западной стеной помещения «В» является кладка № 13, смежная с соседним помещением «Г». От юго-западной стены сохранились только три плиты, поставленные на ребро (кладка № 9), а от юго-восточной не осталось никаких следов, но контуры несохранившихся стен прослеживаются по границе каменного развала, который лежал внутри помещения «В» довольно плотной массой (рис. 2). В южном углу помещения находилась хозяйственная яма (№ 3), размером 0,53×0,45 *м* и глубиной 0,36 *м*, дном которой являлась скала. Яма была заполнена перекопанным суглинком, в котором найдены кости животных и обломки лепной керамики (рис. 6, *1*). Сверху яма была закрыта плитой неправильной округлой формы.

Впоследствии угол помещения, между кладками №№ 9 и 13, был укреплен своеобразным «контрфорсом» из камней среднего размера (рис. 2), и, вероятно, тогда же кладка № 13 была частично разобрана и между ее наружным краем и описанным выше «контрфорсом» был устроен очаг, о котором свидетельствуют обнаруженный здесь на площади 0,5×0,8 *м* слой золы с обгорелыми костями животных, обломками лепной керамики сабатиновского типа и силикатного шлака, а также остатки каменной обкладки очага в виде плит, поставленных на ребро (рис. 2); при этом восточная плита обкладки очага перекрыла край ямы № 3 и осела в нее. Может быть, с этим же позднейшим периодом, который все же, судя по керамике на очаге № 3, не выходит из сабатиновского времени, связано и устройство узкого и длинного хозяйственного помещения вдоль северо-западной стены путем отделения его от основного помещения каменной перегородкой, от которой остались только два камня, поставленные на ребро (кладка № 12). Такие закрома известны в поздней-

---

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у сс. Мокшан и Пустынь. Тр. ГИМ, т. XII, 1941, стр. 90.

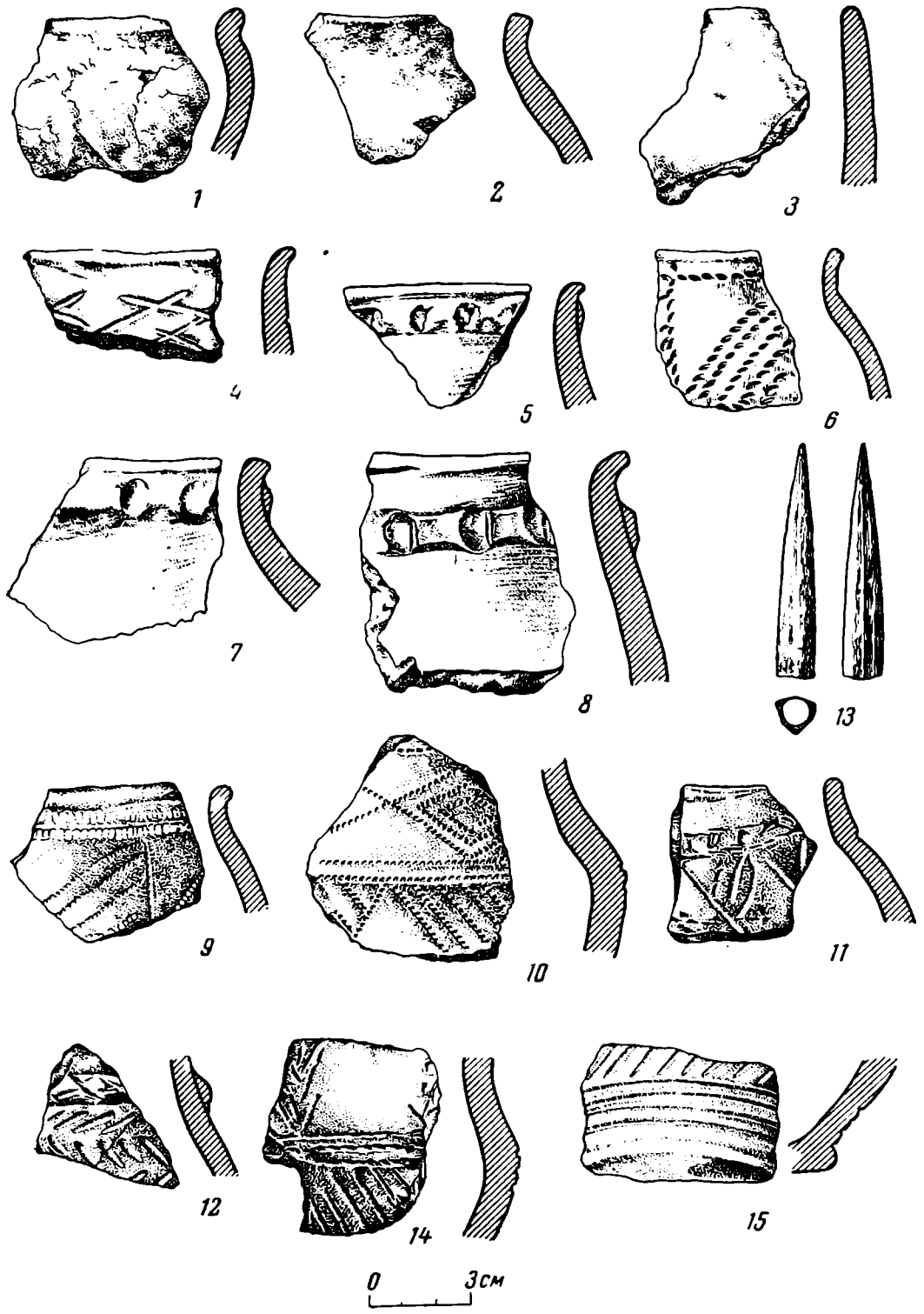


Рис. 6. Находки на поселении Пересадовка-1

ших скифских домах на Бугском лимане и Нижнем Днепре[5]. Может быть, остатком внутренней перегородки является полоса положенных плашмя крупных камней (отходящих от кладки № 3 к юго-западу).

С северо-запада к помещению «В» примыкало помещение «Г», имевшее форму вытянутого прямоугольника. Северо-западную его стену составляет прямолинейная кладка № 1, а северо-восточной является клад-

[5] Ф. М. Штительман. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана. МИА, № 50, 1956, стр. 259, рис. 2; Н. Н. Погребова. Позднескифские городища на нижнем Днепре. МИА, № 64, 1958, стр. 122, 123, 194, 195.

ка № 13, смежная с помещением «В». От этих кладок сохранился почти везде только цоколь, выложенный из плоских плит, довольно правильной формы, особенно кладка № 1 (рис. 3). Подошва цоколя была укреплена мелкими камнями. На цоколе залегали, по-видимому, такие же ряды мелких плиток, положенных плашмя, как и в помещениях «А» и «Е». На это указывают остатки верхней кладки, прослеженные в центре кладки № 13 и в северном конце кладки № 1 (рис. 5, *2*). В середине кладки № 1 имеется перерыв шириной около 2 *м*. Здесь, по-видимому, был дверной проем, что подтверждается наличием внутри проема на оси кладки круглой ямки (диаметром 0,1 *м* и глубиной 0,18 *м*), служившей, вероятно, для закрепления дверного косяка. Однако вряд ли дверной проем был столь широким; по-видимому, часть стены в этом месте была разрушена.

Другой вход прослежен в северо-восточной стене помещения «Г», общей с помещением «Е» (кладка № 16). Это узкий проем, шириной всего около 0,4 *м*, служивший для входа в соседнее хозяйственное помещение «Д». Кладка № 16, видимо, строилась в два приема. Первоначально, когда она замыкала только помещение «Е», она кончалась у дверного проема и имела цоколь из плит, поставленных на ребро. Позднее, в связи с пристройкой помещений «Г» и «Д», была сооружена восточная часть кладки № 16, вплоть до стыка с кладкой № 1, причем эта последняя часть была сложена из камней, лежавших плашмя.

От юго-западной стены помещения «Г» не сохранилось ничего.

Кладка № 1 была опущена в материк на 0,1 *м*; таким образом, помещение «Г» было наземным.

Внутри помещения «Г», на уровне 0,7 *м* от поверхности, сохранились следы глинобитного пола в виде светлой глинистой промазки толщиной в 2 *см* и золистой подсыпки под ней толщиной около 5 *см*.

В северной части помещения «Г» был обнаружен очаг (№ 1), перестраивавшийся, по крайней мере, два раза. На уровне пола обнаружено пятно золы, угля и обожженной докрасна керамики (0,7 × 1,5 *м*), а на нем, в густом слое золы, лежал развал камней среднего размера, возможно, от рухнувшего каменного свода. Над этим развалом, на высоте 0,35 *м*, на площади 0,6 × 0,7 *м* прослежены остатки глинобитного пода верхнего очага, покрытые золой с пережженными камнями, кусками обожженной глины, обгорелыми костями животных и кусками силикатного шлака. Сверху под и этого очага был засыпан другим развалом камней, который тоже, может быть, является остатками рухнувшего свода.

К югу от очага открыта хозяйственная яма (№ 2) глубиной 0,2 *м* и диаметром около 0,5 *м*. Она была заполнена перекопанным суглинком без находок. На поверхности ее заполнения лежало несколько мелких камней.

Вдоль юго-западной стены помещения «Г» (кладка № 1) прослежены три небольшие ямки, возможно, от столбов перекрытия. Все они разных размеров: глубиной от 0,07 до 0,18 *м* и диаметром от 0,06 до 0,2 *м*.

Помещения «В» и «Г», начиная со второго штыка, были заполнены рыхлым золистым слоем толщиной в среднем 0,4—0,5 *м*; нижняя часть его была особенно насыщена золой. В этом золистом слое найдено около 600 костей животных (частично обгорелых), 80 обломков лепной керамики сабатиновско-обиточненского типа, сабатиновские костяные орудия с зубчатой нарезкой (рис. 7, *5*). Единичные фрагменты посуды, сделанной на гончарном круге (три обломка стенок амфор, один фрагмент буролакового эллинистического сосуда), так же как и обломок лепной лощеной миски «корчеватовского» типа, попали сюда, по-видимому, во время строительных работ эллинистического времени в северной части раскопа.

Самое северное помещение — «Д» было, вероятно, пристроено одновременно с помещением «Г», так как его северо-западная стена представляет

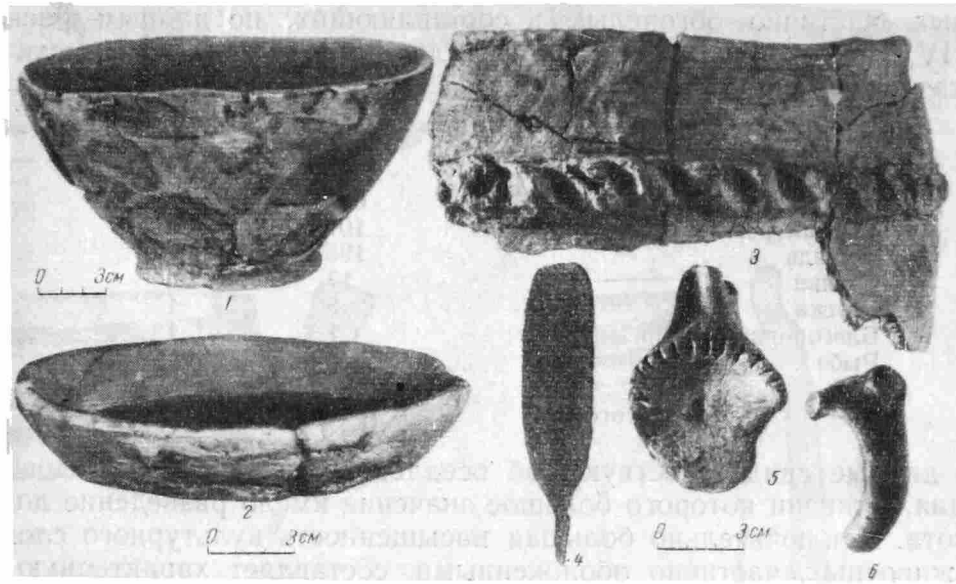


Рис. 7. Поселение Пересадовка-1. Находки из культурного слоя

собой прямое продолжение кладки № 1, а юго-западной стеной является кладка № 16, замыкающая помещения «Е» и «Г». Северо-восточная стена помещения «Д» (кладка № 15) соединяет северный конец кладки № 1 с концом кладки № 16, вследствие чего помещение «Д» получилось в виде вытянутого треугольника (рис. 2).

Эта стена не имеет крупных цокольных плит, как кладки других помещений, а состоит из некрупных камней поставленных на ребро. Помещение имело, по-видимому, хозяйственное назначение. Основание его стен было закрыто сверху поздней кладкой № 2, сложенной из крупных и мелких камней неправильной формы, лежавших плашмя в один-два ряда. Кладка лежала в черном перекопанном слое, насыщенном мелким строительным камнем; позднейшие находки этого слоя датируются эллинистическим временем [6]. По-видимому, к этому времени и нужно относить последний этап строительной деятельности на данном участке.

Площадь, примыкавшая к описанному жилому комплексу с севера, была вымощена. Следы вымостки (№ 1) в виде четырех довольно крупных плит, лежавших на уровне верхней поверхности цоколя, сохранились снаружи северо-восточного угла помещения «А» (рис. 2). На этом же уровне в северо-западном углу раскопа отмечены следы вымостки № 2 из мелких камней, на которую выходили стены каменных построек (остатки кладок №№ 6 и 14), по-видимому синхронных открытому жилому комплексу, так же как и строительные остатки, отмеченные в южной части раскопа (кладка № 10, очаг № 4, яма № 1). К позднему же строительному периоду эллинистического времени, помимо кладки № 2, следует относить еще кладку № 7, лежавшую на уровне кладки № 2 и уходившую в северный борт раскопа.

На других раскопах пересадовского поселения строительные остатки сохранились главным образом в виде бесформенного развала камней, среди которых (на раскопах I и V) выявлены участки каменных кладок и очагов, лежавших в слое с преобладающими находками сабатиновско-обиточненского типа.

Характернейшей особенностью культурного слоя поселения Пересадовка-1 в целом является его сильная насыщенность обломками костей

[6] Фрагменты горла гераклейской амфоры III в. до н. э. и двуствольной ручки псевдокосской амфоры I в. до н. э.— I в. н. э.; обломок лощеной миски «корчеватовского» типа.

животных, частично обгорелых и составляющих, по данным раскопов I, II и IV, 81% всех находок. По определению В. И. Цалкина, кости принадлежат следующим животным:

Наименование животных	Кол-во костей	Кол-во особей
Крупный рогатый скот	682	28
Мелкий рогатый скот	107	22
Лошадь	195	9
Свинья	17	4
Собака	5	1
Благородный олень	1	1
Рыба	1	1
Итого	1008	66

Эти данные свидетельствуют об оседлом характере Пересадовского поселения, в жизни которого большое значение имело разведение домашнего скота. Исключительно большая насыщенность культурного слоя костями животных, частично обожженными, составляет характерную особенность поселений предскифского времени в Северном Причерноморье[7].

В культурном слое Пересадовки-1 преобладает лепная посуда, основным видом которой (75—80%) являются сосуды баночной формы в разных ее вариантах (размеры устья — от 10 до 32 *см*).

К первой группе сосудов относятся баночные сосуды со слегка выпуклыми плечиками или без венчика, или с очень слабым утолщением края снаружи (рис. 8, *1*, *2*); они или гладкие, или орнаментированы валиком, опоясывающим сосуд немного ниже венчика (рис. 7, *3*; 8, *1*, *2*).

Другая группа баночных сосудов отличается отогнутым наружу венчиком, иногда нависающим в виде козырька, отчего получается впечатление несколько выгнутой шейки (рис. 8, *3*, *4*). Край бортика часто плоско срезан. Большинство этих сосудов орнаментировано валиками под венчиками, но есть и гладкие.

Сосуды третьей группы имеют слегка отогнутый венчик, не образующий козырька. Край — округлый или уплощенный или даже слегка скошен внутрь (рис. 8, *10*). Встречается валиковая орнаментация. Некоторые сосуды отличаются очень короткой шейкой и почти сферическим туловом (обломок сосуда из ямы № 3 раскопа III; рис. 6, *1*), напоминая сосуды предскифского времени в Молдавии[8]. Глина баночных сосудов грубая, плотная с примесью песка, иногда шамота, в изломе темно-серая или черная; поверхность сосудов — желтоватая или сероватая, хорошо заглаженная, иногда залощенная. Залощенность встречается главным образом в первой группе.

Валики в большинстве случаев расположены непосредственно под самым венчиком или немного (на 0,5—1,5 *см*) ниже него. Лишь иногда они опускаются на 2,5—3,5 *см* ниже венчика — главным образом на сосудах первой группы (рис. 7, *3*, *8*, *6*). Особенно характерны для пересадовской керамики массивные валики, рельеф которых у крупных сосудов иногда достигает 2 *см*. Они орнаментированы частыми, иногда сплошными пальцевыми вдавлениями с отпечатком ногтя (рис. 7, *3*; 8, *1*, *3*). Реже встречаются валики, расчлененные насечками, обычно неглубокими (рис. 8, *4*, *7*, *10*). Насечки — чаще всего косы, в единичных случаях прямые или перекрещенные. Сравнительно редко попадаются в Пересадовке гладкие валики, без орнамента — тоже невысокие, островатые (рис. 8, *8*),

---

[7] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 152; М. С. Синицын. Карта поселень і городищ між гірлами Дністра й південного Бугу скіфсько-сарматського часу. Одеський державний педагогічний Інститут им. К. Д. Ушинського. Наукові Записки, т. X.

[8] А. И. Мелюкова. Отчет о раскопках зольников в Гиндешти в 1956 г. Архив ИА АН СССР, р. 1, 1377, табл. XIII, *1—4*.

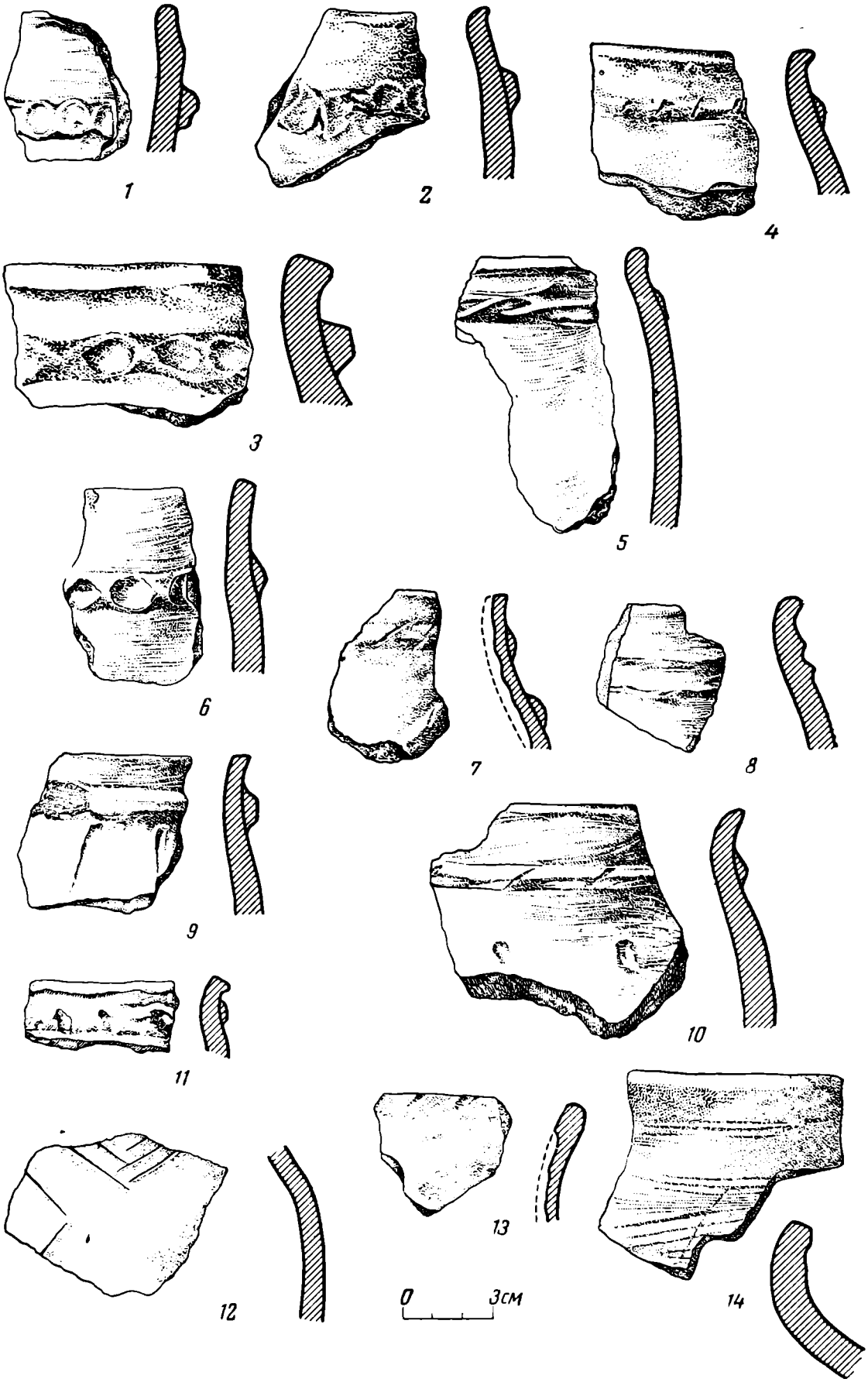


Рис. 8. Поселение Пересадовка-1. Образцы лепной керамики из культурного слоя

иногда уплощенные (рис. 8, *9*). Встречаются также двойные или даже тройные валики (рис. 8, *8*), иногда второй валик расположен наклонно (рис. 8, *7*).

На одном обломке стенки пересадовского баночного сосуда сохранились следы отломанной петельчатой ручки. Баночные сосуды с ручками известны на поселениях предскифского времени в Молдавии [9]. Поэтому можно думать, что лощеная петельчатая ручка, найденная на очаге № 3 в помещении «В» раскопа III, принадлежала сосуду баночной формы.

Помимо баночных, в пересадовской лепной керамике в меньшем количестве встречаются сосуды горшковидного типа, среди которых можно выделить в основном две группы.

1. Сосуды с отогнутым краем и очень прямыми и пологими стенками, расходящимися в стороны (рис. 6, *2*). Диаметр их устья в среднем 16 *см*. Поверхность часто залощена. Встречаются сосуды с валиками и без них. Сосуды такого профиля характерны для керамики Сабатиновки [10].

2. Сосуды второй группы имеют отогнутый венчик, хорошо выраженную шейку и округло-выпуклые бока. Такие сосуды на Нижнем Днепре появляются на позднесабатиновских поселениях типа Бабино-IV [11]. На Пересадовском поселении обломки таких сосудов немногочисленны (диаметр устья их достигает в среднем 16—18 *см*, на поверхности иногда встречаются следы горизонтальных расчесов; рис. 8, *14*). Валиков на таких сосудах не встречено.

Помимо валиков, на баночных и горшковидных сосудах Пересадовки встречается изредка орнаментация пальцевыми вдавлениями и насечками, нанесенная непосредственно на стенки сосудов (рис. 8, *10*). В одном случае на округлые плечики небольшого сосуда были нанесены треугольные вдавления. Изредка встречается глубоко прочерченный орнамент в виде наклонных или прямых полос (рис. 8, *9*) или резной — в виде заштрихованных треугольников (рис. 8, *12*).

Интересную группу пересадовских сосудов составляют немногочисленные обломки лощеных тонкостенных черпаков с прямым горлом и ручками с уплощенным выступом в верхней части (рис. 8, *6*). Подобные сосуды являются характерной особенностью керамики поселений сабатиновского типа в Северном Причерноморье [12] и близких им в Советской и Румынской Молдавии [13].

Среди керамики Пересадовки были найдены также миски. В зольном заполнении помещения «В» раскопа III найдена часть лощеной миски с косыми стенками (рис. 7, *1*) и обломок низкой (2,5 *см* высоты) миски (или сковородки) с залощенным нечетко срезанным краем и неровной, бугристой поверхностью (рис. 7, *2*).

Во всех слоях Пересадовского поселения (начиная с дернового слоя) присутствует керамика, по типу орнамента, иногда и по формам сосудов (остроребериых) близкая керамике эпохи средней бронзы. Сюда относится разного рода орнамент, оттиснутый веревочным или зубчатым штампом (рис. 6, *6, 9, 10, 11, 14*), а также углубленный в виде насечек, расположенных елочкой или в виде параллельных прямых линий (рис. 6, *12, 15*). Древняя традиция сказывается также в обработке поверхности сосудов гребенчатыми расчесами. Описанная керамика, по-видимому, сосуществовала с керамикой сабатиновского типа. Так, обломок края

---

[9] А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. XIII, *16—22*.

[10] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 28.

[11] В. А. Ильинская. Поселение эпохи поздней бронзы у с. Бабино. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 19 сл., табл. 1, *4, 13*.

[12] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 29, *13*.

[13] M. Petrescu-Dâmboviţa. Contributii la problema sfârşitului epocii bronzului şi inceputului berului în Moldowa. SCIV, т. IV, 1953, № 3—4, стр. 459, рис. 7, *3*; стр. 482; А. И. Мелюкова. Ук. соч., табл. XIV, *4, 6*.

сосуда с резко прочерченным орнаментом в виде косого креста срубного типа (рис. 6, *4*) найден в золе очага в помещении «А» раскопа III вместе с обломками гладкого баночного сосуда (рис. 5, *3*) и сосуда с валиком под венчиком (рис. 6, *5*). В этом же помещении найден обломок лощеного сосуда с веревочным орнаментом (рис. 6, *6*). Такое переживание керамики срубного типа в сабатиновское время было отмечено О. А. Кривцовой-Граковой [14].

Обломки лепной посуды, которую можно датировать эллинистическим периодом, немногочисленны. Сюда можно отнести два обломка горшков с отогнутым венчиком и с орнаментом из пальцевых вдавлений или насечек, нанесенных непосредственно на край сосуда (рис. 8, *13*), как это типично для скифских горшков IV—I вв. до н. э. С этим же временем нужно связывать также два обломка лощеных мисок «корчеватовского» типа из раскопа III.

Обломки амфор и других сосудов, изготовленных на гончарном круге, составляют в пересадовском культурном слое около 7% всей керамики. Встречены они в подавляющем большинстве на первых двух штыках и ниже попадаются, видимо, в перекопах. Подавляющее большинство фрагментов амфор относится к эллинистическому времени [15], лишь два фрагмента, по определению И. Б. Зеест, могут быть датированы концом VI — началом V в. до н. э. [16].

Среди находок наиболее обильно представлены костяные изделия. Мясо домашних животных, широко разводившихся населением Пересадовки, служило основой пищи, а кости широко использовались для изготовления орудий и вещей повседневного обихода. На многих костях заметны следы обработки: заполированная поверхность, следы спилов и срезов. Неоднократно встречены орудия, сделанные из коровьих лопаток, на остром крае которых нарезаны крупные зубцы (рис. 7, *5*). Такие орудия очень характерны для поселений сабатиновского типа в Северном Причерноморье [17] и встречаются в сопровождении керамики культуры Ноа, распространенной на территории Румынии [18]. Назначение этих орудий до сих пор окончательно не выяснено. Они могли употребляться в кожевенном деле для обдирания шкур [19] или в текстильном — для трепания растительных волокон. Одно из пересадовских орудий подобного рода сделано не из лопаточной, а из глазничной кости коровы.

На поверхности гумуса раскопа III найден костяной втульчатый наконечник стрелы трехгранной формы, но каждая из трех граней менее четко подразделена еще на две грани (рис. 6, *13*). По большому количеству граней наконечник сходен с костяным наконечником стрелы из нижнего слоя Ушколки, имеющим ромбическое сечение [20].

Из каменных изделий в Пересадовке-1 следует отметить растиральники, а также каменные кружки неясного назначения, толщиной в 2 *см* и диаметром от 4,5 до 7 *см*. Много таких кружков встречено на поселениях предскифского времени в лесостепной Молдавии [21].

---

[14] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 124.

[15] Горло гераклейской амфоры IV—III вв. до н. э., двуствольные ручки псевдокосских амфор рубежа нашей эры.

[16] Фрагмент ножки (1957 г.) из подъемного материала и фрагмент ручки (1956 г.) с раскопа IV от амфоры со стаканообразной ножкой.

[17] А. В. Добровольский. Перше Сабатинівське поселення. АП, т. IV, 1954, стр. 86, табл. 1, *1*; О. Б. Бодянський. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. АП, т. IV, стр. 174, табл. III, *14*; И. Т. Круглікова. Исследование сельской территории европейского Боспора. СА, 1958, № 1, стр. 22, рис. 4.

[18] H. Petrescu-Dâmboviţa. Ук. соч., стр. 455, рис. 4.

[19] О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч., стр. 455, рис. 4.

[20] Коллекция из раскопок Д. Я. Телегина на поселении у с. Ушколки. Хранится в Институте археологии АН УССР в Киеве.

[21] А. И. Мелюкова. Ук. соч.

Металл в Пересадовке представлен только одним бронзовым листовидным ножом с узким черенком, той простейшей формы, которая была распространена в степях нашего Юга в течение всего бронзового века [22] (рис. 7, *4*). Нож был найден на поверхности гумуса в раскопе I.

Следует также отметить глиняный шарик со сквозным отверстием и со следами лощения на поверхности (из раскопа IV).

* * *

Из рассмотрения строительных остатков и вещевого комплекса Пересадовского поселения вытекает заключение, что в жизни этого поселения можно выделить два основных периода: предскифский, с керамикой сабатиновско-обиточненского типа, и позднескифский или эллинистический. К первому периоду относится большая часть находок во всем слое и строительные остатки в нижней части культурного слоя. Ко второму периоду относится большая часть фрагментов амфор и немногочисленные обломки лепной посуды скифского типа, встреченные главным образом в верхних двух штыках, а также некоторые строительные остатки верхнего горизонта. Стратиграфически верхний период не выделяется, за исключением черного перекопанного слоя, связанного с перестройкой северной части жилого комплекса раскопа III. Судя по немногочисленным фрагментам амфор VI—V вв. до н. э., мало интенсивная жизнь продолжалась на поселении еще и в это время, и, может быть, между двумя основными периодами существенного перерыва и не было.

Второй период на основании фрагментов греческих амфор датируется III в. до н. э. — I в. н. э. Сложнее обстоит дело с абсолютной датировкой первого периода.

В целом Пересадовское поселение по общему характеру керамики, широко развитой костяной индустрии и специфическим формам костяных орудий должно быть введено в круг поселений сабатиновского типа, имеющих сходные черты с поселениями культуры Ноа на территории румынской Молдавии и предскифскими поселениями Советской Молдавии [23]. В Северном Причерноморье поселения сабатиновского круга открыты за последнее время не только в Молдавии и на Южном Буге (Сабатиновка) [24], но и на Нижнем Днепре (Волошское [25], Ушколка [26] и пр.) и в Крыму (Сазоновка) [27], отчасти Киммерик [28]. В то же время детальное изучение пересадовской керамики показывает, что в ней больше черт, отмеченных в свое время О. А. Кривцовой-Граковой как характерных для поселения в Обиточной (Западное Приазовье) [29]. Валиковая орнаментация на посуде в Пересадовке выражена значительно ярче, чем в Сабатиновке. По наблюдению О. А. Кривцовой-Граковой, валиковый орнамент в Сабатиновке покрывает 60% керамики, в Обиточной он появляется уже на 75% сосудов, в Пересадовке этот же процент повышается до 80. Расположение валиков под самым венчиком, как на огромном большинстве пересадовских сосудов, тоже более характерно для Обиточной, в то время как в Сабатиновке валики в большинстве случаев опущены на 3—5 *см* ниже края сосуда. Характерной обиточненской чертой являются плоско срезанные и выступающие наружу бортики, которых также очень много в

---

[22] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., рис. 12, *2, 9;* Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. Тр. ГИМ, вып. XXIV, 1955, табл. VIII, *1.*

[23] А. И. Мелюкова. Ук. соч.

[24] А. В. Добровольский. Ук. соч.; О. А. Кривцова-Гракова. Ук. соч.

[25] О. В. Бодяньский. Ук. соч.

[26] Д. Я. Телегин. Отчет о раскопках поселения у с. Ушколки Верхнерогачицкого района Херсонской обл. в 1954 г. Рукопись хранится в архиве Ин-та археологии АН УССР в Киеве.

[27] И. Т. Кругликова. Ук. соч.

[28] Ее же. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. 43, 1954, стр. 111, рис. 37.

[29] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 151 сл.

Пересадовке. Наконец, в Пересадовке сравнительно много нелощеных сосудов, что также более характерно для Обиточной.

Керамику Сабатиновки и Обиточной О. А. Кривцова-Гракова в свое время рассматривала как два последовательных этапа предскифской и раннескифской культуры Северного Причерноморья [30]. В последнее время на основании открытий новых памятников этого же круга и времени на Нижнем Днепре и в Крыму указанный автор приходит к заключению, что культурно и хронологически Сабатиновка и Обиточная не очень далеко отстоят друг от друга. В целом пересадовский материал подтверждает это заключение, поскольку типологические признаки керамики того и другого типа в Пересадовке сосуществуют. В то же время пересадовский материал, как нам кажется, дает основание предполагать, что обиточненский вариант сабатиновской культуры в степях Приингулья существовал дольше, чем собственно Сабатиновка. Некоторые элементы пересадовской керамики находят себе соответствие в таких поселениях на Нижнем Днепре, которые их исследователи склонны относить к позднему этапу сабатиновской культуры (верхний слой Ушколки, Бабино IV, в абсолютной датировке — конец IX—VIII в. до н. э. [31]). К числу таких поздних элементов можно отнести появление в Пересадовке горшковидных сосудов с отогнутыми венчиками и выпуклыми стенками, которые, судя по стратиграфии и по гребенчатым расчесам поверхности на некоторых из них (рис. 8, *14*), нельзя еще датировать скифским временем. Низкие миски (рис. 7, *2*) также отмечаются чаще в позднесабатиновских поселениях. С другой стороны, характерной чертой пересадовской керамики, отличающей ее от керамики и сабатиновского, и обиточненского типа, являются высокие толстые налепные валики со сплошными и частыми пальцевыми вдавлениями (рис. 7, *3*). В Сабатиновке и на ранних поселениях сабатиновского типа на Нижнем Днепре (Волошское, нижний слой Ушколки) преобладают гладкие валики; обиточненские же валики обычно невысоки, имеют остроугольное сечение и орнаментированы большей частью косыми насечками. Особая массивность пересадовских валиков и стремление к частой или сплошной пальцевой орнаментации непосредственно доводит пересадовскую керамику до раннескифской посуды VI—V вв. до н. э. (Широкая Балка под Ольвией [32] и архаические слои самой Ольвии [33]). Однако в Широкой Балке и в ранней Ольвии такие валики проходят главным образом по краю венчика или по плечикам сосудов, приобретающих характер классических скифских горшков, и сосуды баночной формы там сравнительно редки; это позволяет считать, что в целом пересадовская керамика более архаична.

Генетическая близость с раннескифскими поселениями сказывается также в пересадовском домостроительстве, отличном от Сабатиновки и Обиточной, где пока что обнаружены только глинобитные наземные жилища [34] или землянки [35]. Для Пересадовки характерно каменное домостроительство со слегка углубленными в землю или наземными жилищами. Каменное домостроительство имеет глубокие корни в местной культуре степного Причерноморья. Еще в конце III — начале II тысячелетия до н. э. на поселении Михайловка на Нижнем Днепре строили наземные многокамерные прямоугольные жилища с глинобитными стенами на каменных основаниях [36]. Такие же жилища с прямыми или закругленными стенами

---

[30] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 152.

[31] В. А. Ильинская. Ук. соч., стр. 22.

[32] Б. М. Рабичкин. Поселение у Широкой Балки. КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 121, рис. 33.

[33] С. И. Капошина. О скифских элементах в культуре Ольвии. МИА, № 50, 1956, стр. 161, рис. 6.

[34] А. В. Добровольский. Ук. соч., стр. 84, 87.

[35] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье..., стр. 151.

[36] О. Г. Шапошникова. Раскопки второго Михайловского поселения. КСИА, вып. 4, 1955.

открыты в предскифских поселениях порожистой части Днепра [37] и Нижнего Поднепровья [38]. Каменное домостроительство в то же время процветало в степях между Южным Бугом и Днестром [39]. Однако ближайшие аналогии строительной технике Пересадовки мы найдем в поселении у Широкой Балки, где было открыто несколько полуземлянок, углубленных в материк на 0,65—0,9 *м*, причем некоторые стены в этих жилищах оказались выложенными из камня. При этом особенность каменной кладки в жилищах Широкой Балки — цоколь полигонального характера или просто из очень крупных плит с покоящимися на нем горизонтальными рядами плиток, уложенных плашмя [40],— близко напоминает кладки стен пересадовского жилого комплекса (рис. 4). Судя по публикации Б. М. Рабичкина, кладка широкобалковских жилищ более регулярна, чем в Пересадовке, камни плотно пригнаны друг к другу, щели между ними невелики [41]. Пересадовские кладки с их широкими швами и неровными рядами камней имеют более варварский или более архаический характер. По-видимому, имело место и то и другое, т. е., с одной стороны, на архитектуре Широкой Балки отразилось влияние греческой культуры строительства в соседней Ольвии, с другой стороны, и по времени Широкая Балка должна быть позднее Пересадовки, что подтверждает сравнение их керамики. Культурный слой Широкобалковского поселения датируется греческой керамикой, среди которой преобладают образцы VI—V вв. до н. э., при наличии некоторого количества фрагментов конца VII в. до н. э. [42]. В лепной керамике, как мы видели, также преобладают типы, более близкие скифским формам посуды. Однако традиции домостроительства в Широкой Балке, по-видимому, коренятся в более ранней местной культуре пересадовского типа. Эта культура дает о себе знать в слое Широкой Балки некоторыми обломками лепных сосудов пересадовского типа [43] и такой характерной для Сабатиновки деталью, как ручка чернолощеного черпака с цилиндрическим выступом в верхней части (из шурфа 21) [44]. Все это дает основание думать, что разрыв времени между Пересадовкой и Широкой Балкой не должен быть слишком велик.

Таким образом, на основании рассмотрения строительных остатков и вещевых находок поселения Пересадовка-1 можно думать, что ранняя Пересадовка существовала длительное время, по крайней мере, с IX и по VII вв. до н. э., доживая, как показывают фрагменты амфор, до VI—V вв. до н. э. Длительный срок, включая эллинистическое время, существовал и жилой комплекс на раскопе III, подвергавшийся неоднократным перестройкам; датировать его более узко не представляется возможным.

Отсутствие в пересадовском слое тех гальштатоидно-чернолесских форм сосудов, которые исследователи нижнеднепровских поселений считают одним из признаков позднесабатиновской керамики VIII в. до н. э., мне кажется, можно объяснить локальным своеобразием ингульского варианта сабатиновской культуры. Более детально изучение этого вопроса не осуществилось из-за преждевременной гибели Пересадовского поселения, распаханного под виноградник.

---

[37] А. В. Бодянський. Ук. соч., стр. 173, рис. 3.

[38] А. В. Добровольский. Кам'яні спорудження в Надпоріжжі. АП, т. II, 1949, стр. 191, рис. 1, 2, 4.

[39] А. В. Бураков. Раскопки в с. Змеевке Херсонской обл. КСИА, вып. 4, 1955.

[40] М. С. Синицын. Карта поселень і городищ між гирлами Дністра й південного Бугу скіфсько-сарматського часу. Одеський Держ. Педагог. институт ім. К. Д. Ушинського. Наукові Записки, т. X, Одесса; Н. Н. Погребова. Отчет о работах западноскифской экспедиции ИИМК в Николаевской обл. в 1957 г. (Рукопись хранится в архиве Ин-та археологии АН УССР).

[41] Б. М. Рабичкин. Ук. соч., стр. 115, рис. 31; стр. 117, рис. 32, *1*.

[42] Там же, стр. 122.

[43] Там же, стр. 121, рис. 33, *5*.

[44] Коллекция из раскопок Широкой Балки в Ольвийском заповеднике АН УССР.

И. В. ЯЦЕНКО

ДЕКОРАТИВНАЯ РОСПИСЬ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДАНИЯ В НЕАПОЛЕ СКИФСКОМ

1. Описание и анализ росписи

Раскопками последних лет (1955—1958 гг.) Неаполя скифского, производившимися на участке «Д» под руководством А. Н. Карасева [1], было открыто общественное здание (здание «А»). Оно состояло из двух помещений: входного — типа сеней и большого — главного зала. Главный зал имел в плане форму не совсем правильного прямоугольника, стороны которого следующих размеров: восточная — 13,3 *м*, южная — 7 *м*, северная — 6,41 *м* и западная — 12,75 *м*. Стены обоих помещений здания «А» были оштукатурены, причем в главном зале (помещение № 2) на них была декоративная полихромная роспись, выполненная в фресковой технике [2].

Только самая нижняя часть росписи (цокольный пояс) сохранилась in situ, по упавшим на пол здания фрагментам штукатурки с росписью удалось восстановить ее основную схему для всей высоты стен.

Декоративная роспись стен главного зала здания «А» относится ко второму периоду его существования. Она была сделана после больших строительных работ, проводившихся по реконструкции данного здания в связи с его расширением в конце I в. н. э. или в начале II в. н. э. [3].

Штукатурка с росписью была положена на глиняный слой, которым были обмазаны стены помещения. Толщина этой обмазки составляла 5—7 *см*. Возможно, что верхние части стен не имели глиняной обмазки и что штукатурка накладывалась здесь непосредственно на камни кладки. Так, один из фрагментов штукатурки с изображением края коринфской капители колонны был найден вместе с камнем, с которым он был связан.

Штукатурка имеет среднюю крепость, состоит из песка и извести, с примесью соломы. Изредка попадаются такие включения, как обломки черепицы и амфор. Толщина штукатурки от 0,4 до 7 *см*. Штукатурка имеет довольно однородное и аморфное строение. Однако на некоторых

---

[1] А. Н. Карасев. Отчеты о работах скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ за 1955—1958 гг. Архив ИА АН СССР, №№ 1182, 1364, 1667, 1797.

[2] Реконструкция росписи сделана автором статьи под руководством ст. научного сотрудника ИА АН УССР О. И. Домбровского. Лаборант ИА АН УССР П. А. Шохин провел работу по снятию и закреплению на материи штукатурки с росписью, сохранившейся in situ на стенах здания, и части фрагментов, упавших на пол. Дальнейшая обработка материала (гипсовка, очистка и укрепление красочного слоя) была выполнена П. А. Шохиным и художником О. И. Гущиным. Большое количество мелких фрагментов (920) было обработано в реставрационной мастерской ГИМ В. М. Марголиным (очистка, укрепление тела штукатурки и красочного слоя). Весь материал хранится в ГИМ, за исключением двух больших фрагментов росписи цоколя, переданных в Крымский областной краеведческий музей (г. Симферополь).

[3] А. Н. Карасев. Отчет о работе Скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ за 1958 г. Архив ИА АН СССР, № 1797.

обломках можно различить два слоя. Верхний слой, довольно тонкий, 0,2—0,3 *см*, на нем имеется роспись, сделанная в основной своей части в фресковой технике. Нижний слой составляет основную массу штукатурки, положенной на глиняный слой, и имеет различную толщину. Верхний слой отличается от нижнего большей плотностью.

Декоративная роспись главного зала здания «А» состояла из трех горизонтальных поясов (рис. 1), что с первого же взгляда заставляет сопоставлять ее с античными росписями домов и склепов Северного Причерноморья и античного мира вообще: нижний пояс (цоколь); средний пояс, разделенный вертикалями в виде колонн, и верхний пояс, украшенный нарисованным сухарным карнизом, завершающийся лепным карнизом.

Нижний пояс. Роспись цоколя по всему периметру стен помещения имела совершенно одинаковый характер. Она была построена на чередовании узких и широких прямоугольников, расписанных под мрамор и очерченных сверху и с боковых сторон черными линиями (см. рис. 1). Все широкие прямоугольники разделаны наклонными коричневатыми полосами, написанными по фону побеленной штукатурки (рис. 2 и 3). По-видимому, эти прямоугольники имитируют плиты полосатого мрамора. Между широкими прямоугольниками помещены узкие. Они также расписаны под пестрый мрамор двух разных видов. На одних по желтому фону нанесены красные зигзагообразные мазки, на других — по темно-серому фону черные зигзагообразные мазки. Серо-черные и красно-желтые прямоугольники, вставленные между светлыми, строго чередовались с таким расчетом, чтобы во всех четырех углах и по бокам дверного проема находились красно-желтые прямоугольники (рис. 4). Коричневатые полосы светлых прямоугольников всегда имеют наклон в сторону желто-красных. В целом роспись цоколя имитировала облицовку низа стены мраморными плитами. Выше этой облицовки на фоне побеленной штукатурки проведена красная линия, идущая по всей длине стен [4].

Промежуток между красной линией и средним поясом, к сожалению, не мог быть совершенно точно реконструирован. Но ряд наблюдений, о которых говорится во втором разделе нашей статьи, позволяет предполагать, что он имел неодинаковое по всему периметру оформление. Большая часть этого промежутка имела натуральный цвет побеленной штукатурки. В южной части восточной стены пространство между цокольной облицовкой и средним поясом было разбито на прямоугольники, разделанные под мрамор. Удалось реконструировать три прямоугольника. Ритм чередования этих фигур повторяет ритм членения нижней части цоколя. Возможно, что в этих местах находились какие-то каменные или деревянные алтарики, которые закрывали роспись цоколя, и поэтому она была воспроизведена выше там, где могла быть видна, но в несколько ином варианте [5].

Этот новый вариант мотива росписи цоколя состоял из трех прямоугольников, двух узких и одного широкого, расположенного между ними (рис. 5). Один из узких прямоугольников был раскрашен совершенно так же, как серо-черные прямоугольники цоколя. Другой — по характеру

---

[4] Высота нарисованных облицовочных плит, включая черную верхнюю линию, составляет 45 *см*. Ширина узких красно-желтых и серо-черных плит — от 25 до 35 *см*. Интервалы между ними, занятые имитацией плит полосатого мрамора, неравномерны: от 90 до 130 *см*. Ширина черной линии, оконтуривающей плиты,— около 3 *см*. Коричневатые наклонные полосы имеют ширину от 2,2 до 4 *см*. Расстояние между полосами от 2 до 4 *см*. Красная линия проведена на высоте 52 *см* и имеет ширину около 2 *см*.

[5] Основанием для такого предположения может служить нахождение расписного глиняного алтаря в юго-восточном углу здания, исследованного П. Н. Шульцем на пригородном участке около стен Неаполя. Пригородный дом имел точно такую же планировку, как и дом с фресками.

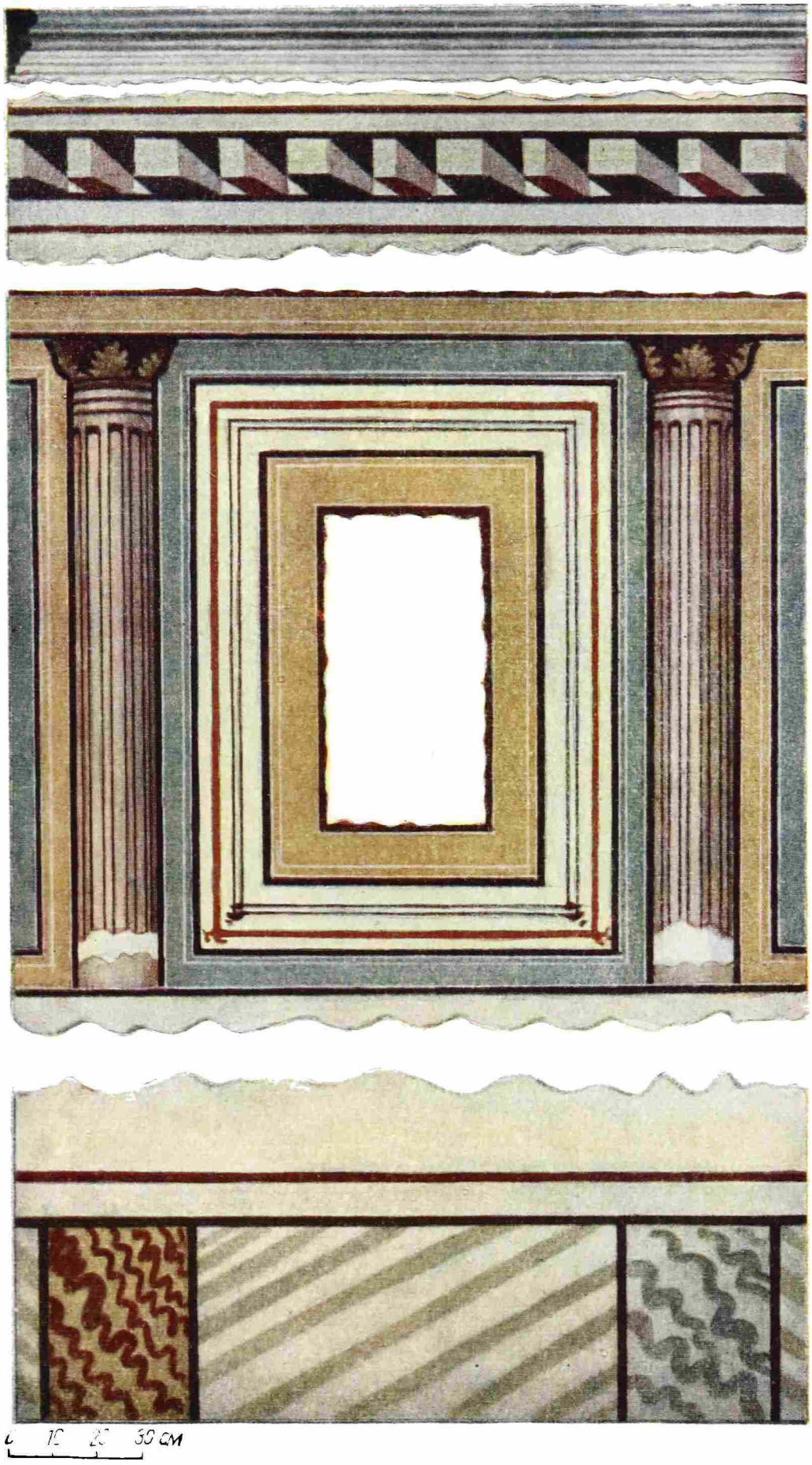


Рис. 1. Реконструкция основной схемы росписи зала

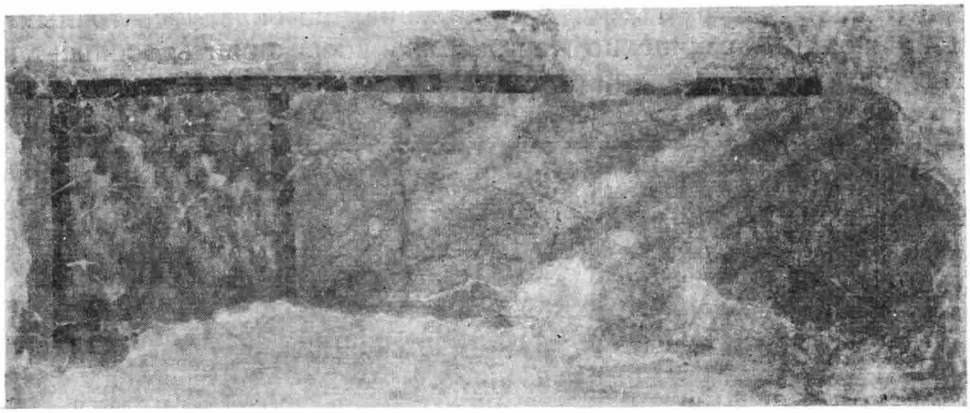


Рис. 2. Фрагмент росписи цоколя. Красно-желтый прямоугольник, с примыкающим к нему прямоугольником, разделанным под полосатый мрамор. (Фрагмент положен на гипс)

раскраски близок к желто-красным прямоугольникам цоколя, но имеет несколько иную тональность: по желтому фону нанесены коричневые мазки. Прямоугольник, расположенный между ними, имел светлый фон побеленной штукатурки, по которому были нанесены оранжеватые пятна — крапинки или брызги. В прямоугольник вписан ромб. Это обстоятельство позволяет предполагать, что данный прямоугольник был разделан в обычном инкрустационном стиле, чрезвычайно характерном для росписей склепов Северного Причерноморья (Стасовский склеп, склеп 1875 г. и др.[6]). Прямоугольники и ромб обведены черным контуром [7].

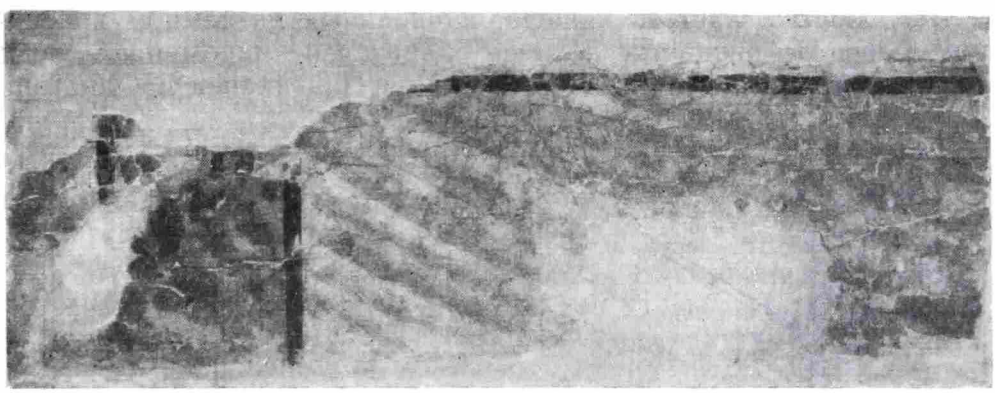


Рис. 3. Фрагмент росписи цоколя. Серо-черный прямоугольник с примыкающим к нему полосатым. (Фрагмент положен на гипс).

Средний пояс. Наиболее интересная и сложная роспись была на средней части стены. Весь средний пояс был расчленен вертикалями в виде каннелированных полуколонн с коринфскими капителями. Его вертикальное членение должно было соответствовать членению облицовки цоколя узкими прямоугольниками — серо-черными и желто-красными. Каждому такому прямоугольнику цоколя соответствует каннелированная полуколонна среднего пояса. Цветные прямоугольники цоколя являлись как бы подставками для колонн. Подобный характер членения стены

[6] АДЖ, табл. LXXIV, *1*, *2*; табл. XXV, *4*; табл. LXXIX; табл. LXXII, *3*; табл. LXIX.
[7] Размеры: высота этого пояса 60 *см*, ширина узких прямоугольников около 30 *см*, ширина прямоугольника с ромбом около 1 *м*. Ширина контурных линий около 2 *см*.

можно проследить в помпеянских росписях II стиля [8]. Интерколумнии обрамлены сложными рамками. К сожалению, не оказалось точных данных, позволяющих совершенно достоверно восстановить роспись, находившуюся внутри обрамлений интерколумниев. Нижней горизонтальной

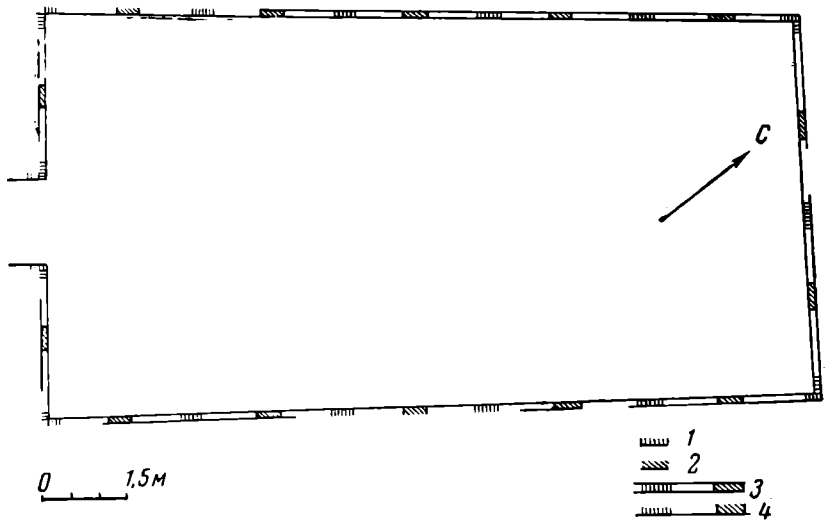


Рис. 4. Схема распределения серо-черных и красно-желтых прямоугольников по периметру зала

1 — красно-желтые прямоугольники; *2*—серо-черные прямоугольники; *3* — прямоугольники, сохранившиеся in situ; *4* — восстанавливаемые цветные прямоугольники

линией этого пояса является узкая черная полоса, на которую опираются колонны. Сверху же пояс очерчивался широкой желтой полосой, к которой примыкала красная линия.

Полуколонны оконтурены черными линиями. Их капители оформлены в виде трех желтых листьев аканфа, написанных на темном красно-коричневом фоне. По расцветке роспись капителей напоминает роспись растительных фризов эллинистических домов Пантикапея и Фанагории [9].

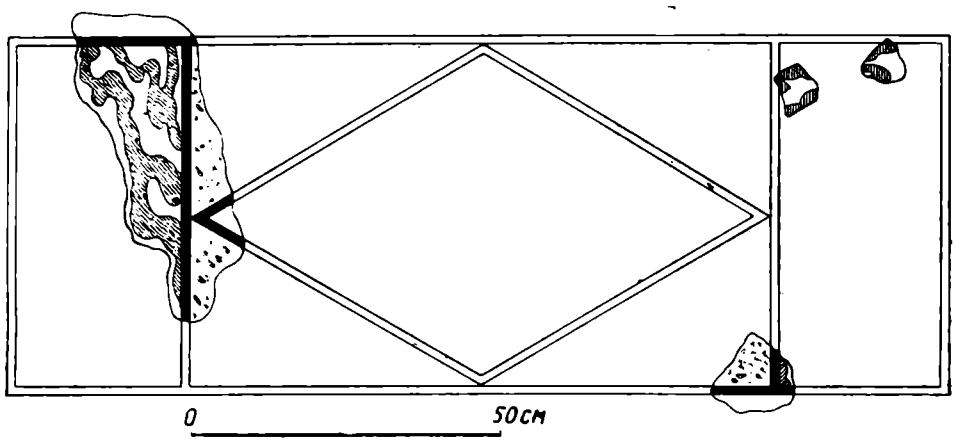


Рис. 5. Реконструкция участка росписи над цоколем в южной части восточной стены

Стволы полуколонн — белые. Шейка полуколонн подчеркнута двумя коричневато-красными, слегка дуговидными параллельными линиями. Линиями такого же цвета очерчены и границы каннелюр полуколонн. На каждой полуколонне изображено по пять каннелюр. Из них обычно три

[8] A. Mau. Geschichte der decorativen Wandmalereien in Pompeji. Berlin, 1882, табл. III.

[9] АДЖ, табл. XXXVIII; В. Д. Блаватский. Фанагорийская стенная роспись. МИА, № 57, 1956, стр. 168.

даются полностью и две обрезаются линиями, ограничивающими ствол полуколонны. Для того чтобы придать выпуклость полуколонне, мастер оттенил ее ствол по бокам буровато-розоватым цветом, с правой стороны — более широкой полосой, с левой — более узкой. Для того чтобы полуколонне придать объемность, ее шейка обведена слегка выгнутой линией. Для реконструкции оформления низа полуколонны не сохранилось никаких данных [10].

Пространство между колоннами было заключено в рамки, состоящие из полос разной ширины и различных цветов. Удалось проследить два типа обрамлений интерколумниев (см. рис. 1). Одно обрамление начинается широкой зеленой рамкой, очерченной черной полосой. Затем вписана яркая оранжевато-красная рамка. Нижние или верхние углы этой рамки имеют отростки, которые, по-видимому, должны были передать выпуклость или углубленность зеркала стены. В эту рамку вписаны еще две узенькие рамочки, составленные из филенок красновато-коричневатого цвета. Эти рамочки также имели по углам подобные же отростки. Затем следует широкая желтая рамка, ограниченная с внешней стороны черной полоской. Внутренний ее периметр соприкасается с красной раскраской. Другое обрамление начинается желтой рамкой, ограниченной также черной полосой. В эту рамку вплотную вписана также широкая зеленая рамка. По широким рамкам обрамлений этих двух типов, поверх желтой и зеленой краски проведены узкие параллельные полоски, нанесенные белилами. К сожалению, не удалось точно восстановить дальнейшее заполнение этих обрамлений. Можно только предполагать, что интерколумнии первого типа были заполнены разделкой под мрамор. Очень возможно, что обрамления интерколумниев второго типа заканчивались красными рамками, вплотную примыкавшими к зеленым, и что в эту красную рамку был вписан такого же цвета контур ромба. В ромбе же на фоне штукатурки натурального цвета находилось изображение растения или растительного канделябра зеленого цвета (рис. 6) [11].

Верхний пояс. Основным украшением верхней части стены был написанный сухарный карниз. Сухарики карниза окрашены в два цвета: красные, чередующиеся с бело-серыми. Над карнизом и под карнизом проведены горизонтальные красные полосы.

Завершалась стена белым рельефным лепным карнизом, под которым была проведена полоса коричневатого оттенка (рис. 1 и 7).

Стены дома имели и ниши; они были обведены черной линией с черными отростками подтреугольной формы (рис. 8). Ни количество ниш, ни места расположения установить не удалось. Возможно лишь, что одна из них находилась в северной части западной стены.

Общая композиция росписи (структурный характер ее горизонтального членения) и основные ее элементы (коринфские колонны, мрамировка цоколя и целого ряда интерколумниев среднего пояса, гирлянды, сухарный карниз) совершенно определенно связывают нашу роспись с античной декоровкой стен склепов и домов как Северного Причерноморья, так и средиземноморского мира и европейских римских провинций. Тесные торговые и политические связи Неаполя скифского с античными городами Северного Причерноморья и расположение последних на приморских окраинах территории скифского государства заставляют

---

[10] Ширина полуколонны 17 *см*. Ширина черных полос, оконтуривающих полуколонны, 1,5—2 *см*. Ширина каннелюр 2—2,4 *см*. Ширина границ каннелюр 0,4—0,5 *см*. Ширина затемнений полуколонны: узкого — около 2,5 *см;* широкого — около 8 *см*.

[11] О высоте среднего пояса будет сказано ниже, во втором разделе. Расстояние между колоннами пропорционально соответствует расстоянию между цветными прямоугольниками цоколя и составляет от 1,04 до 1,44 *м*. Ширина зеленой рамки 6—7 *см;* ширина желтой рамки в интерколумнии первого типа — 10 *см;* в интерколумнии второго типа — 6 *см*. Ширина оранжевато-красной рамки 1,5 *см*; ширина филенок красновато-коричневого цвета 0,4—0,5 *см*. Ширина черных оконтуривающих полос 1,5—2 *см*. Ширина белых линий, положенных поверх желтых и зеленых рамок, 0,3—0,4 *см*.

прежде всего сравнить декоровку стен здания «А» с росписями домов и склепов именно этих городов.

Имитация мраморной облицовки цоколя стены, мрамированные прямоугольники со вписанными ромбами, возможная мрамировка некоторых интерколумниев среднего пояса позволяют сопоставить роспись

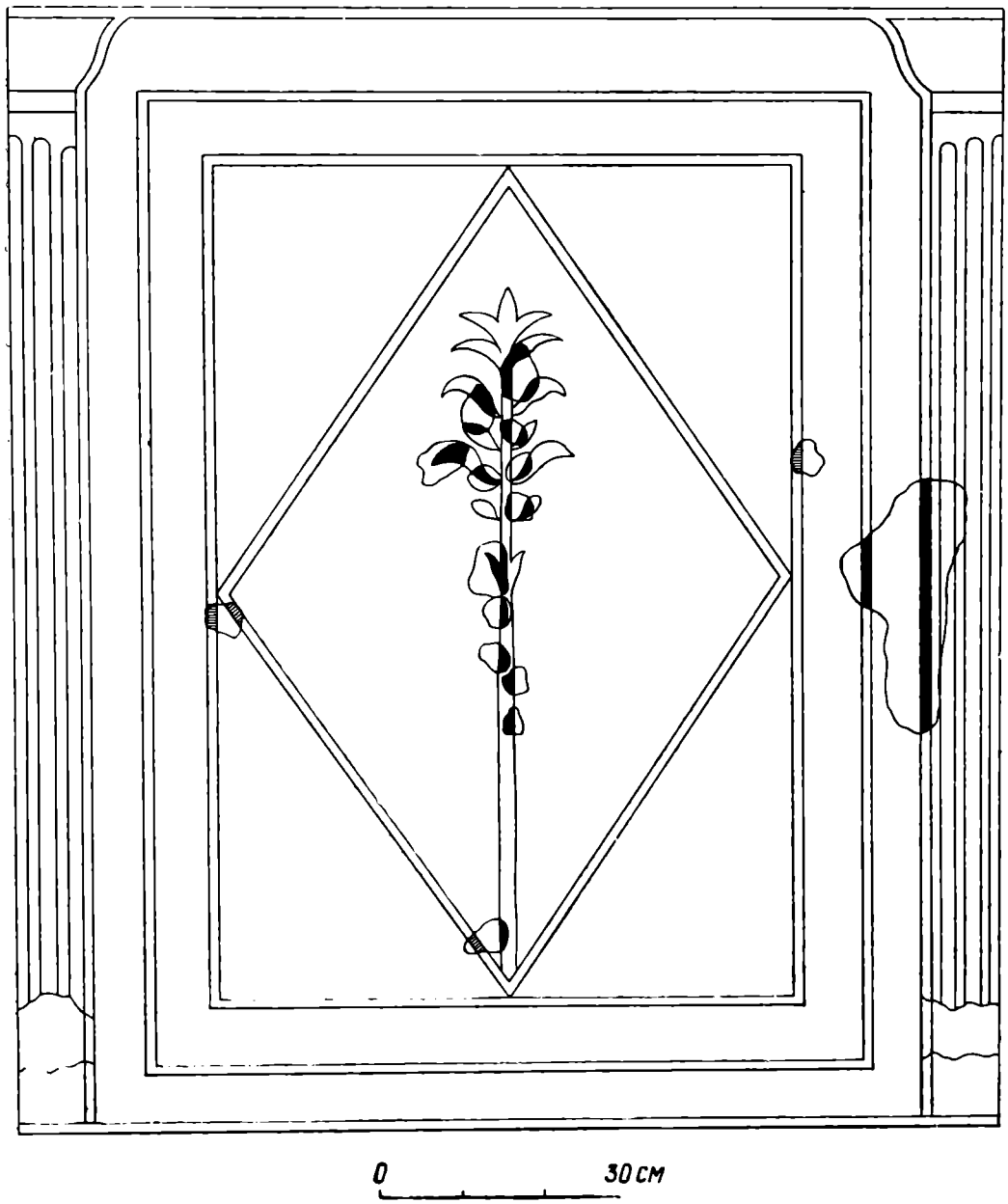


Рис. 6. Реконструкция заполнения обрамления интерколумния второго типа. (Наружная рамка желтого цвета. В нее вписана зеленая. Между ними — узкая черная. В зеленую рамку вписана узкая красная. В последнюю вписан красный контур ромба. В ромбе дана очень приблизительная реконструкция растительного канделябра.)

здания «А» с росписями боспорских склепов так называемого инкрустационного стиля [12] и смешанного цветочно-инкрустационного стиля [13]. С некоторыми склепами этой же группы связывают декоровку из Неаполя и членение колоннами среднего пояса, которое можно видеть и в Стасов-

[12] АДЖ, стр. 260—282; Е. В. Ернштедт. Монументальная живопись Северного Причерноморья. Сб. «Античные города Северного Причерноморья», т. I, М.—Л., 1955, стр. 272—275.

[13] АДЖ, стр. 283—375; Е. В. Ернштедт. Ук. соч., стр. 275 сл.

ском склепе [14], и в склепе 1875 г. [15], и в склепе Ашика [16], и, наконец, в склепе, открытом В. Д. Блаватским в 1954 г. [17]. Такое же членение стены можно наблюдать и в росписи саркофага, открытого в 1900 г. [18] В последнем случае росписи чрезвычайно близки к неапольскому изображению колонн. Одинаково оформлены коринфские капители в виде трех листьев аканфа. Стволы колонн, так же как и в декоровке здания «А», имеют каннелюры. В росписях склепов Стасова и 1875 г. колонны ионийские, но зато эти декоровки ближе стоят к нашей росписи по оформлению интерколумниев. Их интерколумнии также заключены в рамки

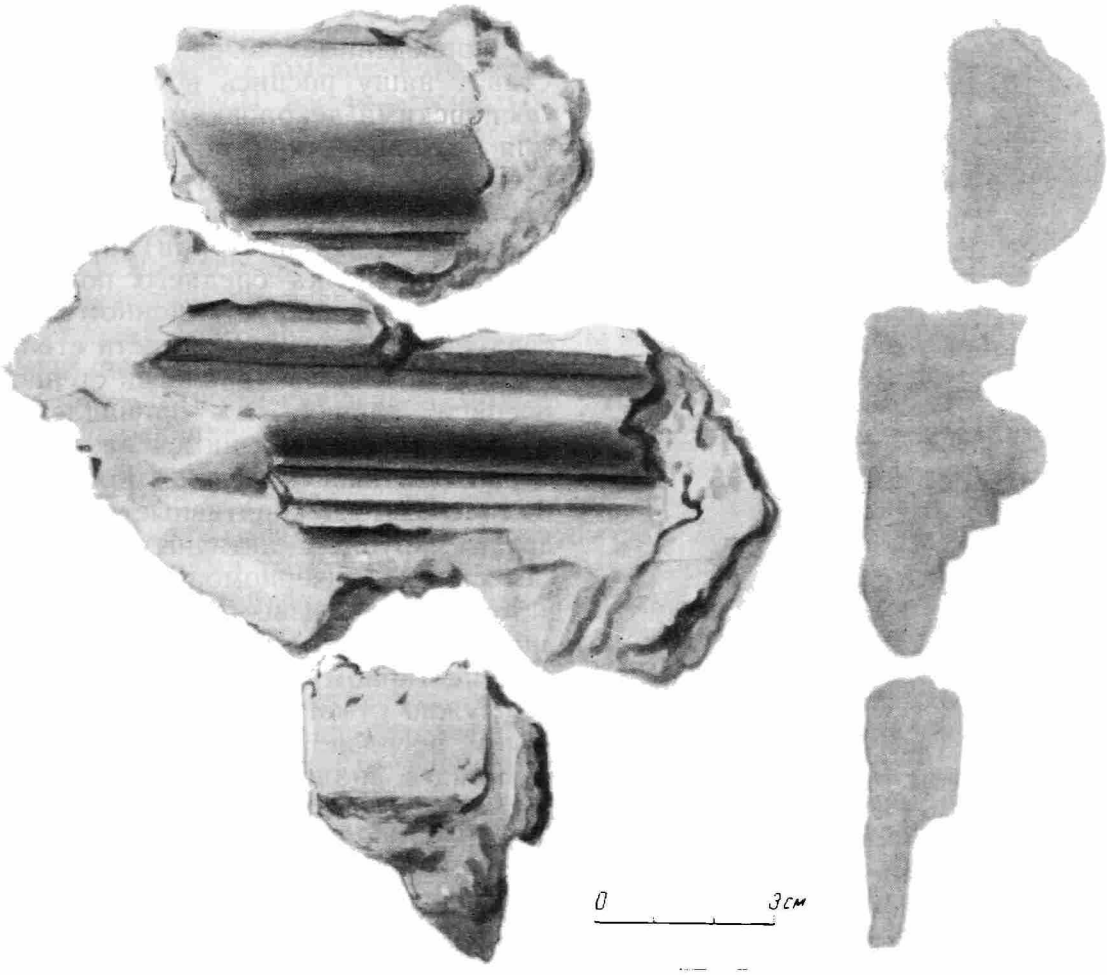


Рис. 7. Фрагменты лепного карниза

(правда, значительно менее сложные, чем в декоровке здания «А») и дополнены инкрустацией под мрамор. (Уже говорилось, что в интерколумниях первого типа неапольской декоровки также можно предполагать мраморную инкрустацию.) Нарисованные колонны здания «А», всех трех склепов и саркофага имеют еще одну общую черту — тяжеловесность их пропорций. Для боспорских декоровок (склепов и саркофага) эта черта была отмечена М. И. Ростовцевым [19].

Мотив сухарного фриза является очень распространенным в декоративных росписях. Особенно близок к сухарному карнизу здания «А» кар-

[14] АДЖ, стр. 293—345, табл. LXXIX; В. Стасов. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. ОАК за 1872 г., стр. 237 сл., табл. XII.
[15] АДЖ, стр. 283—292, табл. LXXIV—LXXV.
[16] Там же, стр. 346—375, табл. LXXXIX—XCI.
[17] В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг. СА, 1960, № 2.
[18] АДЖ, стр. 376—389, табл. XCII—XCIV.
[19] АДЖ, стр. 382—383.

низ Стасовского склепа, где также нарисованы очень сильно выступающие сухарики [20]. За пределами Северного Причерноморья близкие сухарные карнизы можно отметить в знаменитой Пальмирской гробнице и в Силистровском склепе в Болгарии [21].

Аналогию оформления угла рамки отростком можно найти в росписи пантикапейского дома римского времени [22]. Такие отростки выражают стремление изобразить выступающим или углубленным участок стены, заключенный в рамку. Подобные приемы можно видеть в росписях домов и склепов на территории римских провинций [23].

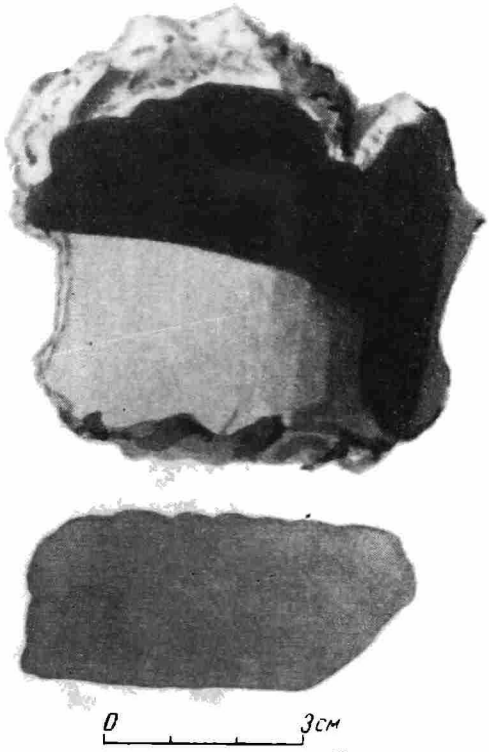


Рис. 8. Фрагмент от предполагаемой ниши или окна

Приведенные выше параллели ставят нашу роспись в один ряд с боспорскими декоровками II в. н. э., для которых характерны членение стены по горизонталям (восходящее еще к росписям эллинистического периода на этой территории), архитектурная разделка среднего пояса и оформление в инкрустационном стиле средней и иногда нижней части стены.

Все отмеченные аналогии стенной росписи здания «А» принадлежат памятникам, находящимся на территории Пантикапея (главным образом в склепах). Декоративные росписи других крупных античных центров Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонеса — известны в очень незначительном количестве и в крайне фрагментарном состоянии.

Нужно отметить, что не всем деталям росписи здания «А» удается подыскать аналогии в декоративной живописи Боспора. Так, например, в боспорских росписях склепов нет ритмичного членения имитированной мраморной облицовки цоколя. В этих склепах преобладает нерасчлененный цоколь, обычно однотонный. Также в росписях склепов Боспора нет таких сложных многослойных рамок, в которые заключены интерколумнии здания «А». Нельзя найти здесь и параллелей расположению растения или растительного канделябра в ромбе, вписанном в интерколумний. Близкий мотив можно видеть в росписи херсонесского склепа 1903 г., относящейся уже к первой половине IV в. н. э. [24]. Вероятнее всего, это объясняется тем, что на Боспоре, как и в остальных центрах Северного Причерноморья, почти не сохранилось росписей зданий первых веков нашей эры и представление о характере настенных декоративных росписей складывается лишь на основании изучения росписей склепов. Поэтому было бы слишком поспешным и неправильным считать эти элементы, не имеющие аналогий на Боспоре, отличающими неапольскую роспись от канонов боспорских декоровок. Расчлененные цоколи, подражающие облицовке из мраморных плит разных цветов и

[20] АДЖ, табл. LXXVIII—LXXIX.

[21] Б. В. Фармаковский. Живопись в Пальмире. Зап. Русского археологического об-ва в Константинополе, т. VIII, вып. 3, София, 1903, стр. 79, табл. XXVI; A. Frova. La pittura romana in Bulgaria. Roma, 1943, рис. 1.

[22] АДЖ, табл. XLIV, 7.

[23] H. Kenner. Antike römische Wandmalerei in Kärnten. Carinthia I, 1950, стр. 169, рис. 3; A. Frova. Ук. соч., рис. 1.

[24] АДЖ, табл. CXII.

разного рисунка, имели широкое распространение в античных памятниках Средизимноморского бассейна (где они появляются в довольно раннее время, например, расписной цоколь дома Веттия в Помпеях[25]) и в европейских римских провинциях (например, росписи стен домов Аквинкума) [26]. Сложные рамки интерколумниев среднего пояса неапольской росписи также могут быть сопоставлены с довольно сложными рамками прямоугольников среднего пояса из Феры [27] и Аквинкума [28].

Для европейских римских провинций очень обычно украшение делений среднего пояса стен растительными мотивами или растительными канделябрами[29], характерными для римской росписи в Италии первых веков нашей эры. Но нужно отметить, что во всех этих росписях растительные мотивы не имеют ромбического обрамления.

Таким образом, все те элементы росписи здания «А», которые не находят аналогий на Боспоре, оказываются широко распространенными среди росписей зданий античного мира. Поэтому трудно предполагать, что декоративная настенная роспись домов Боспора, развитие которой было тесно связано с развитием декоровок античного мира, не знала этих мотивов. Роспись склепов и в силу некоторых особенностей их архитектуры, и, возможно, вследствие более консервативных традиций (так как она связана с погребальным культом) не могла включить в себя все новшества декоровок домов первых веков нашей эры. Поэтому роспись здания «А» Неаполя скифского может рассматриваться как интересный образец, дающий представление о декоровках зданий Северного Причерноморья вообще и городов Боспора в частности.

Несколько слов можно сказать о мастере и манере его письма. Роспись, безусловно, была сделана мастером-профессионалом, хорошо знакомым с приемами и мотивами античных декоровок. О том, что это был не местный мастер, может свидетельствовать то, что он не внес в роспись почти никаких своеобразных элементов, которые бы отличали эту декоровку от античных росписей Боспора или других центров Северного Причерноморья. Нужно отметить, что к этому времени мастера Неаполя скифского создали ряд интересных и своеобразных образцов росписей стен склепов. Мастер для росписи здания «А» был приглашен, скорее всего, с Боспора. В пользу такого предположения говорит возникший к этому времени в Неаполе обычай расписывать стены склепов[30]. Представляется, что именно под влиянием сильной традиции росписи склепов на Боспоре мог возникнуть у населения Неаполя этот обычай, так как другие центры такой сильной традиции не имели. Да и некоторые мотивы этих неапольских росписей перекликаются также с боспорскими[31]. Конечно, не исключена возможность приглашения мастера и из других античных центров Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонеса. Осо-

[25] R. G. Carrington. Pompeii. Oxford, 1936, стр. 144, табл. XIX.

[26] Nagy Tybor. Az Aquincumi úri festölakás. Budapest régiségei, т. XVIII, Budapest, 1958, стр. 167, рис. 24, 25, 28; Sz. Póczy Klára. Az Aquincumi helytartói palota falfestészete. Там же, стр. 117, рис. 5.

[27] Hiller von Gaertingen. Thera. Berlin, 1904, т. III, табл. I, *2*.

[28] Sz. Póczy Klára. Ук. соч., стр. 117, рис. 19; Ludwig Nagy. Die römisch-pannomische decorative Malerei. Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts, Roemische Abteilung, т. XLI, 1926, стр. 99, рис. 5.

[29] Как пример могут быть приведены росписи из Аквинкума и Аугсбурга. См. Nagy Tybor. Ук. соч., стр. 177, рис. 37; стр. 170, рис. 29; стр. 172, рис. 31; Sz. Póczy Klára. Ук. соч., стр. 118, рис. 22; K. Parlasca. Römische Wandmalereien in Augsburg; Materialhefte zur bayerischen Vorgeschichte, кн. 7, Kallmünz — Opf, 1956, табл. 1 и 2.

[30] П. Н. Шульц. Работы Тавро-скифской экспедиции 1945—1946 гг. Бюллетень ГМИИ, «Памятники искусства», № 2, М., 1947.

[31] В. Д. Блаватский. Искусство Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1947, стр. 111; А. П. Иванова. Боспорская живопись. Сб. «Археология и история Боспора». Симферополь, 1952, стр. 203; ее же. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953, стр. 115—117. Нужно отметить, что В. П. Бабенчиков совершенно отрицает влияние боспорской живописи на росписи склепов Неаполя скифского. (В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 112—118).

бенно это относится к Ольвии. Скифские цари Фарзой и Инисмей чеканили свои монеты в Ольвии. Связи с Ольвией в этот период должны были быть очень тесными, так как она находилась в политической зависимости от скифов, и поэтому оттуда легко было привезти мастера. Следует отметить, что это — не единственный и не первый случай в Неаполе, когда для росписи общественного сооружения приглашается мастер из античного города Северного Причерноморья. Так, роспись помещения длинного здания II в. до н. э., повторяющая боспорские декоровки домов эллинистического периода, также была выполнена приезжим мастером [32].

Строгий расчет деления росписи цоколя свидетельствует о предварительной разметке основных частей росписи. Детали же расписывались без предварительной разметки и без шаблонов. Это хорошо видно на примере росписи колонн. Ширина каннелюр и расстояния между ними на всех колоннах близки, но точно не совпадают. Также отлично и распределение каннелюр по стволу колонны. Иногда крайняя каннелюра срезается линией контура колонны, иногда же почти вплотную подходит к ней.

Итак, роспись здания «А» выполнена в канонах боспорских декоровок конца I в. и первой половины II в. н. э. Особенно много общих черт она имеет с росписями склепов, открытых В. В. Стасовым, А. Б. Ашиком, склепа 1875 г. и склепа, открытого В. Д. Блаватским в 1954 г. Близка роспись здания «А» и к росписи саркофага, открытого в 1900 г. Перечисленные декоровки датируются следующим образом: расписной саркофаг — конец I — начало II в. н. э.; склеп Ашика — конец I — начало II в. н. э.; склеп 1954 г.— конец I — начало II в. н. э.; Стасовский склеп — около середины II в. н. э. [33]. В декоровках Боспора этого периода сосуществуют два стиля — инкрустационный и цветочный. Кроме того, для этого периода характерно и введение в роспись вертикального членения стены пилястрами или колоннами — появление архитектурного элемента. О первых двух стилях и их восточном происхождении много говорилось в литературе [34]. Вопрос же о появлении в росписях Северного Причерноморья архитектурного элемента еще не ставился. Во II в. н. э. в европейских римских провинциях распространяются декоровки с плоскими архитектурными изображениями. Они возникают под влиянием декоровок Италии [35], которые в конце I в. начинают вытеснять росписи помпеянского стиля. Лучшие образцы этого нового помпеянского стиля представлены росписями виллы Адриана [36]. Как уже говорилось, влияние этого стиля в европейских римских провинциях было значительным. По видимому, и архитектурные элементы боспорских росписей, возрождающие традиции ранних декоровок II помпеянского стиля, являются также как бы откликом на эту новую, так широко распространенную моду. Предполагаемое помещение в некоторых интерколумниях среднего пояса здания «А» вытянутых растений или растительных канделябров также сближает роспись с декоровками адриановского типа. Таким образом, если развитые архитектурные помпеянские стили не получили отражения на Боспоре [37], то роспись здания «А» позволяет говорить, что в Северном Причерноморье в памятниках инкрустационного и цветочного стиля появляются некоторые черты линейного адриановского стиля.

---

[32] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1943—1950 гг.). Сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 70, 71, рис. 5.

[33] Даты перечисленных склепов даны по работам М. И. Ростовцева, Е. В. Ернштедта, В. Д. Блаватского, на которые неоднократно делались ссылки в данном тексте.

[34] АДЖ; M. Rostovtzeff. Ancient Decorative Wall-Painting. IHS, XXXIX, 1919, стр. 144; M. Swindler. Ancient Painting. New-Haven, 1929; Е. В. Ернштедт. Ук. соч.

[35] K. Parlasca. Ук. соч., стр. 27.

[36] F. Wirth. Römische Wandmalerei vom Untergang Pompejis bis Hadrian Mitteilungen des Deutschen archaeologischen Instituts. Roemische Abteilung, т. XLIV, 1929, стр. 91.

[37] АДЖ, стр. 292.

Выше было показано, что на Боспоре наиболее близкие к декоровке здания «А» росписи датируются в пределах конца I в. н. э. и первой половины II в. н. э. Некоторое сходство рассматриваемой росписи с росписями зданий римских провинций II — III вв. н. э. как будто указывает на то, что декоровка здания «А» не могла возникнуть ранее начала II в. н. э. или, может быть, даже второго-третьего десятилетий II в. н. э. Известные аналогии к сухарному фризу как в Северном Причерноморье, так и за его пределами также принадлежат памятникам, которые не могут быть датированы ранее первой половины II в. н. э. (Стасовский склеп, гробница Пальмиры, Силистровский склеп в Болгарии), а некоторые из них датируются и более поздним временем. Таким образом, рассматриваемая роспись может быть датирована первой половиной II в. н. э.

Найденный под полом здания «А» материал, на основании которого устанавливается дата ремонта здания, оказался маловыразительным и очень фрагментарным. Но все же по этому материалу создается впечатление, что здание было реконструировано и отремонтировано в конце I в. н. э. (комплекс не содержит характерных для II в. н. э. форм керамики). Это заставляет предполагать, что роспись здания была сделана не сразу после реставрации здания, а через какой-то промежуток времени.

2. Обоснование реконструкции декоративной росписи

Реконструкция росписи стен помещения № 2 здания «А» сделана на основании изучения обломков штукатурки, упавших со стен здания в период его разрушения. Исключение составляет роспись цокольного пояса, которая сохранилась in situ и поэтому в реконструкции почти не нуждалась (рис. 4).

Сохранившаяся in situ роспись свидетельствует о том, что над расписанным под мраморные плиты цоколем (точнее, над красной линией, параллельной ему) на 21 *см* вверх шла штукатурка натурального белого цвета. Это — самый высокий уровень сохранившейся in situ штукатурки. Обнаружен он был на кладке южной стены.

Бо́льшая часть упавших фрагментов находилась в черепичном завале обрушившейся кровли и над ним. Небольшое количество обломков было найдено на полу здания. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что здание разрушалось постепенно и что значительная часть штукатурки осыпалась со стен, по-видимому, раньше, чем стены его стали выбираться на камень. Благодаря этому она сохранилась в большом количестве в пределах здания. Черепичный завал и каменные завалы на большей части площади помещения № 2 здания «А» в дальнейшем нарушены не были. Они сохранились в неприкосновенности у открытой кладки западной стены, в юго-восточной части здания и у северного конца восточной стены. Естественно, что на этих участках не была потревожена и упавшая штукатурка. Поэтому здесь удалось зачистить и несколько групп фрагментов, образовавшихся при падении крупных кусков штукатурки, сохранивших значительные участки с различными элементами росписи. Группы фрагментов штукатурки с рисунками сначала нами заклеивались папиросной бумагой и материей, а потом вместе с последней снимались с земли. Места находок таких групп тщательно фиксировались. Основная масса штукатурки при падении разбивалась на мелкие куски, разлетавшиеся в разные стороны, из-за чего падавшие с разных мест куски смешивались между собой, и в таких случаях зачистка не позволяла выявить каких-либо групп фрагментов, составляющих один рисунок. Такие фрагменты собирались по мере расчистки площади помещения № 2, с тщательной фиксацией их местонахождения и расположения. При обработке материала удалось подобрать из этих фрагментов несколько кусков большей или меньшей величины; эти фрагменты и фрагменты, снятые на материю, дали представление об отдельных мотивах росписи и связи между

ними. Разрозненные фрагменты, которые и составили основную массу собранного во время раскопок материала, позволили сделать ряд дополнений. Они были прежде всего расклассифицированы по известным уже мотивам первых двух групп фрагментов. Это позволило, с одной стороны, дополнить и уточнить те мотивы, какие сохранили первые две группы; с другой стороны, это дало возможность выделить целый ряд новых мотивов, которые не сохранились в первых двух группах.

Для распределения этих мотивов по горизонтам стены и составления общей композиции росписи стен были использованы известные закономерности в близких по характеру росписях Боспора и античного мира вообще.

При изучении и классификации фрагментов штукатурки с росписью удалось выделить несколько их групп, каждая из которых оказалась связанной с росписью отдельных горизонтов стен.

Прежде всего была выделена группа фрагментов (рис. 9, 10 и 11), дающая отдельные элементы рисунка полуколонн и обрамлений интерколумниев. Эта группа оказалась очень многочисленной. К сожалению, в этом поясе не удалось реконструировать заполнения интерколумниев.

Затем была выделена группа фрагментов, принадлежащая расписному карнизу из сухариков с двумя ограничивающими его линиями красного цвета.

Эти два элемента росписи не удалось связать между собой при изучении фрагментов. Но совершенно закономерно предполагать, что указанные два элемента могли быть помещены на разных уровнях стены и, естественно, выше цоколя, роспись которого сохранилась in situ и представляла собой нижний ярус общей композиции.

Крупный рисунок написанного карниза свидетельствует о том, что он должен был помещаться в верхней части стены. Об этом же говорит и размещение аналогичных карнизов в боспорских склепах и домах[38]. Такое же расположение написанного сухарного карниза можно наблюдать на стенах гробницы Пальмиры и в Силистровском склепе в Болгарии[39].

В боспорских расписных склепах пояс с колоннами находится всегда над цокольным и занимает среднюю, основную часть стены. Значительный диаметр полуколонн нашей росписи также заставляет помещать их в этот пояс стены, так как для верхнего пояса они были бы слишком тяжелы. Росписи с членением среднего пояса вертикальными колоннами появляются еще в I помпеянском стиле и оказываются очень характерными для II стиля. Затем этот прием вновь возрождается после исчезновения IV стиля. Его можно видеть и в линейных декоровках траяно-адриановского стиля Италии[40], и в росписях домов римских провинций[41]. Все эти соображения позволили при реконструкции росписи здания «А» поместить пояс с колоннами в среднюю часть стены, а нарисованный сухарный карниз — над колоннами.

Третья группа фрагментов является самой сложной. В нее входят обломки штукатурки с такими мотивами росписи, которые не удалось связать с уже известными основными элементами реконструируемой схемы. Таким образом, не оказалось объективных данных для помещения их в то или иное место восстанавливаемой росписи. Но совершенно очевидно, что эти фрагменты должны были заполнять оставшиеся лакуны в реконструкции росписи, лакуны в интерколумниях между цоколем

---

[38] Например, склеп Васюринской горы (АДЖ, табл. XIII и XIV), склеп 1872 г. (АДЖ, табл. XXIX), склеп около Анапы (АДЖ, табл. XXXX и XXXI), склеп 1895 г. (АДЖ, табл. VI) и дома в Керчи (АДЖ, табл. XXXVIII и XXXIX).

[39] Б. В. Фармаковский. Ук. соч., стр. 79, табл. XXVI; A. Frova. Ук. соч., рис. 1.

[40] F. Wirth. Ук. соч., стр. 91.

[41] K. Parlasca. Ук. соч., стр. 25.

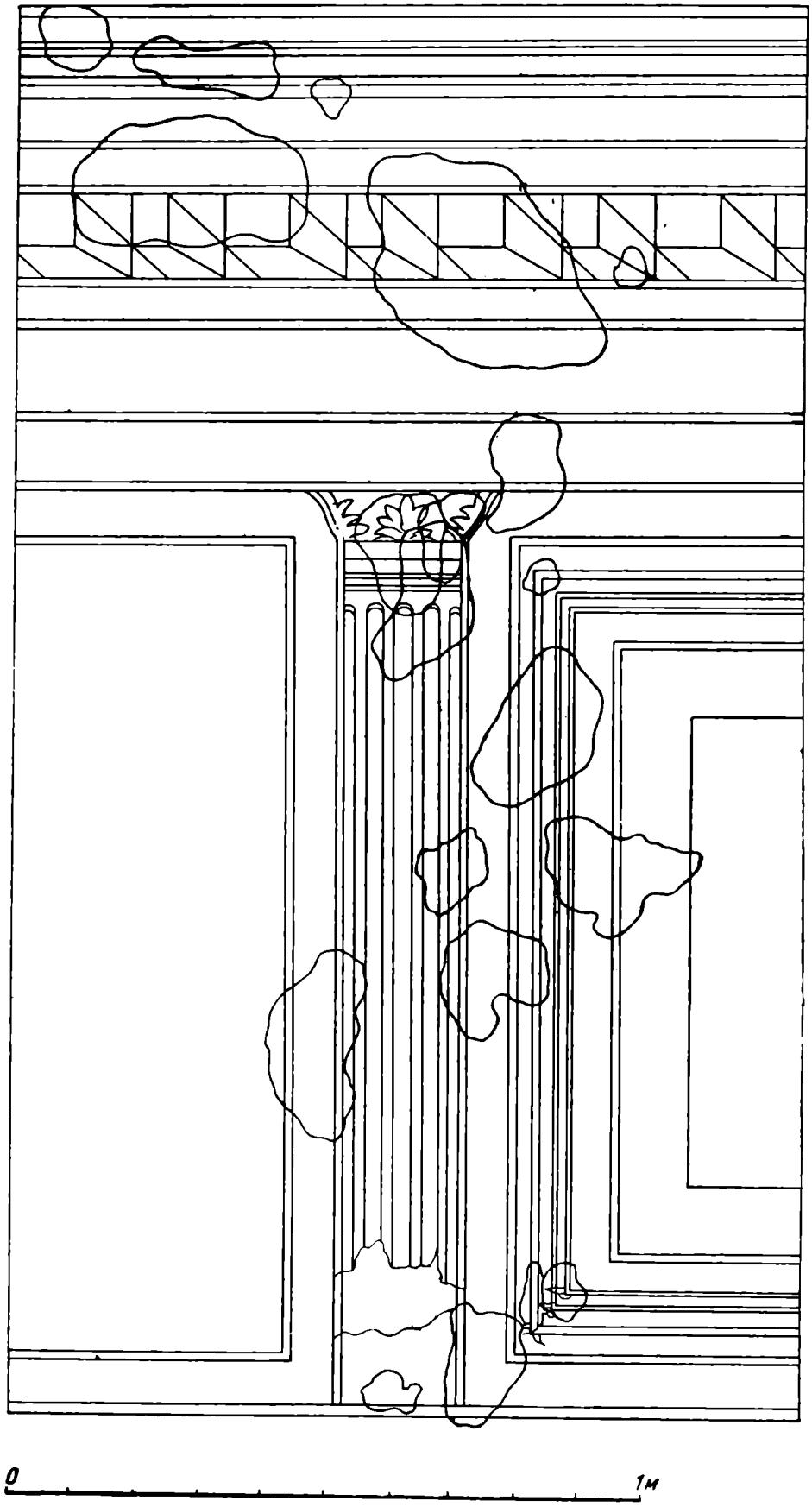


Рис. 9. Схема росписи среднего и верхнего поясов стены. (Контурами показаны наиболее важные фрагменты, давшие основание для реконструкции)

и поясом с полуколоннами, между последним и написанным карнизом, и, наконец, между написанным и лепным карнизами.

Для обоснования реконструкции росписи среднего и верхнего поясов в иллюстрациях дается схема этих частей росписи с обозначением наиболее важных фрагментов, давших материал для восстановления росписи (рис. 9). И все же, чтобы с большей убедительностью доказать объективность предлагаемой схемы восстанавливаемой росписи, следует остановиться на некоторых ее деталях более подробно и рассмотреть наиболее интересные фрагменты, давшие материал для ее реконструкции.

В росписи здания «А» самыми сложными по рисунку и изобразительным приемам являются изображения полуколонн. На рис. 10 и 11 представлены основные материалы, позволившие реконструировать полуколонны.

На рис. 10 помещены прорисовки двух фрагментов, сохранивших наиболее выразительные рисунки частей капителей. На одном из них (рис. 10, *1*) центральная часть капители со средним листом аканфа, на на другом (рис. 10, *2*) хорошо сохранилось изображение бокового листа аканфа капители, который снаружи подчеркнут черным завитком.

На первом фрагменте (рис. 10, *1*) сохранились и детали росписи шейки колонны, подчеркнутой двумя линиями красно-коричневого цвета, верхний край одной из каннелюр и еле уловимый намек на вторую.

Не сохранилось ни одного обломка, который бы дал роспись колонны во всю ее ширину. И все же ширину колонны можно восстановить довольно точно (с точностью до 0,5—1 *см*). В этом отношении большое значение имеет фрагмент, представленный на рис. 11, *1*. К сожалению, красочный слой на этом фрагменте плохо сохранился, но тем не менее сохранилась роспись капители. Более или менее ясно виден центральный лист аканфа и справа от него — начало бокового листа. Ниже капители начинается шейка колонны. С левой стороны сохранился ее край, отмеченный черной линией. Расстояние от левого края колонны до середины среднего листа капители составляет 8,5 *см*. Следовательно, ширина колонны должна была составлять 17 *см*.

На рассматриваемом фрагменте можно заметить еще одну очень важную деталь: под капителью, на шейке полуколонны, положены две тени — одна узкая (у левого края), другая широкая (у правого). Эти тени придают объемность полуколонне. Подобные тени повторяются на ряде фрагментов со стволом полуколонны (см. рис. 10, *1*; рис. 11, *2, 3*). Рассматриваемый рисунок интересен тем, что на нем сохранились обе тени. На обломках штукатурки, представленных на рис. 10, *1* и рис. 11, *1, 2*, широкая тень находится с правой стороны стволов полуколонн. Фрагменты, изображенные на рис. 11, *1, 2*, найдены у восточной стены и позволяют говорить о том, что полуколонны восточной стены имели широкие тени с правой стороны и узкие — с левой. Фрагмент с центральным аканфовым листом капители (рис. 10, *1*) имеет также на стволе колонны начало широкой тени с правой стороны. Этот фрагмент был найден у западной стены. Таким образом, можно утверждать, что все полуколонны дома были оттенены одинаково: справа они имели широкую тень, слева — узкую.

Совершенно ясно, что полуколонны изображались полукруглыми; об этом свидетельствует и характер светотени, и плавные, слегка округлые линии, подчеркивающие шейки полуколонн (рис. 11, *2*).

Кроме ширины полуколонны, нужно было восстановить и число нанесенных на ней каннелюр. Если фрагмент с изображением трех каннелюр, принадлежащий к правому краю полуколонны (рис. 11, *2*), дополнить до ширины полуколонны, то на дополненном пространстве может поместиться еще одна целая каннелюра и часть следующей. Таким образом, получается, что полуколонна имела пять каннелюр, из которых три были полные, а две крайние как бы обрезались краями полуколонны.

Остается не выясненным, на каком уровне заканчивались каннелюры.

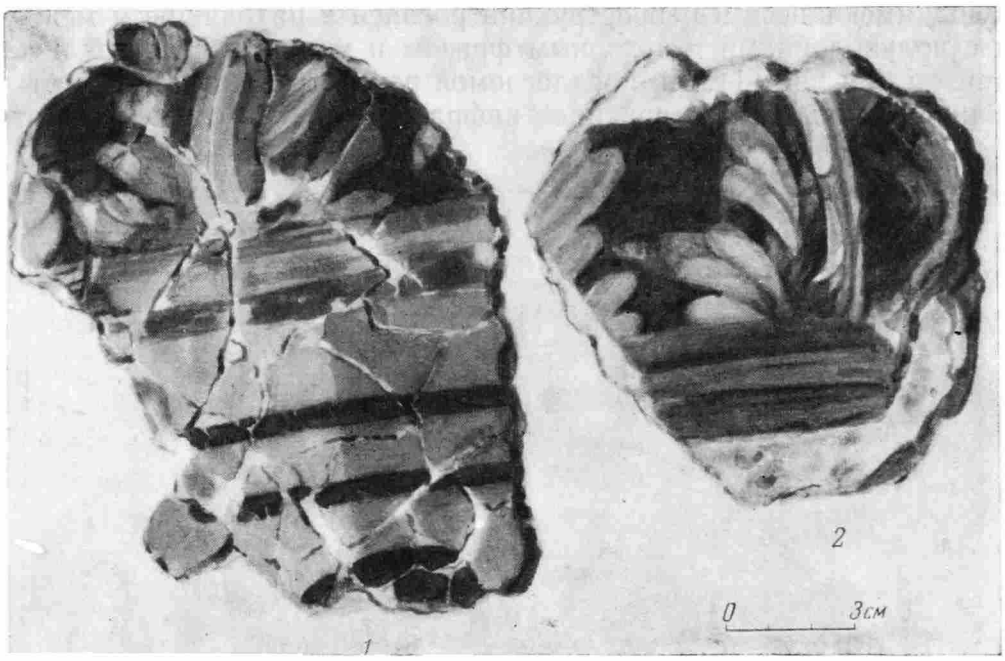


Рис. 10. Фрагменты штукатурки с изображением отдельных деталей капителей полуколонн

1 — фрагмент с изображением среднего листа коринфской капители (в нижней части фрагмента две линии, отделяющие шейку от ствола полуколонны, в самом низу — верхняя граница одной из каннелюр полуколонны; фрагмент положен на гипс); *2* — фрагмент с изображением бокового листа коринфской капители

Вероятнее всего, что они покрывали весь ствол полуколонны. Изображения подобных колонн, разделанных каннелюрами до самого низа, можно указать в росписи керченского саркофага, открытого в 1900 г.[42]. Но вместе с тем нельзя и отвергать предположение, что полуколонны нашей росписи имели каннелюры, доходившие до половины ствола, как это иногда встречается в памятниках архитектуры древнего Рима.

По всей вероятности, полуколонны имели профилированные базы, подобные пилястрам росписей из Стасовского склепа и склепа 1875 г.[43]. Для восстановления их вида у нас не сохранилось никакого материала. На рис. 11, *3* изображен фрагмент, на котором имеется черная полоса, по краю которой проведена узкая белая полоска. Перпендикулярно к этой полосе спускаются буровато-розовые полосы, цвет которых точно совпадает с цветом затемнений полуколонн. Вполне возможно, что этот фрагмент принадлежит низу базы полуколонны.

Точных данных для определения высоты полуколонн не оказалось. Однако можно привести некоторые соображения, позволяющие предположительно установить высоту. Архитектурные остатки здания «А» позволили А. Н. Карасеву говорить о том, что высота помещений этого дома должна была составлять 3—3,5 *м*. Высота росписи цоколя (от пола до красной горизонтальной линии) составляет 0,52 *м*; высота промежутка между цоколем и поясом с полуколоннами — не менее 0,6—0,7 *м;* высота желтой полосы над полуколоннами 0,1 *м;* высота сухарного фриза с двумя красными линиями — около 0,3 *м;* лепного карниза — около 0,15 *м*. Таким образом, если сложить эти данные, то окажется, что общая высота этих элементов будет составлять 0,52 *м* + 0,70 *м* + 0,10 *м* + 0,30 *м* + + 0,15 *м* = 1,77 *м*. Следовательно, если принять во внимание возможную высоту здания, для высоты среднего пояса остается от 1,20 до 1,70 *м*. Безусловно, этот подсчет сделан очень грубо, так как в нем не учитываются

---

[42] АДЖ, табл. XCII, XCIII, XCIV.
[43] Там же, табл. LXXIV, LXXV, LXXIX.

лакуны, имеющиеся в реконструкции росписи и находящиеся между поясом с полуколоннами и сухарным фризом и между последним и лепным карнизом (см. рис. 1). На предлагаемой реконструкции для высоты полуколонн условно взята средняя цифра — 1,4 *м*. Не следует думать, что

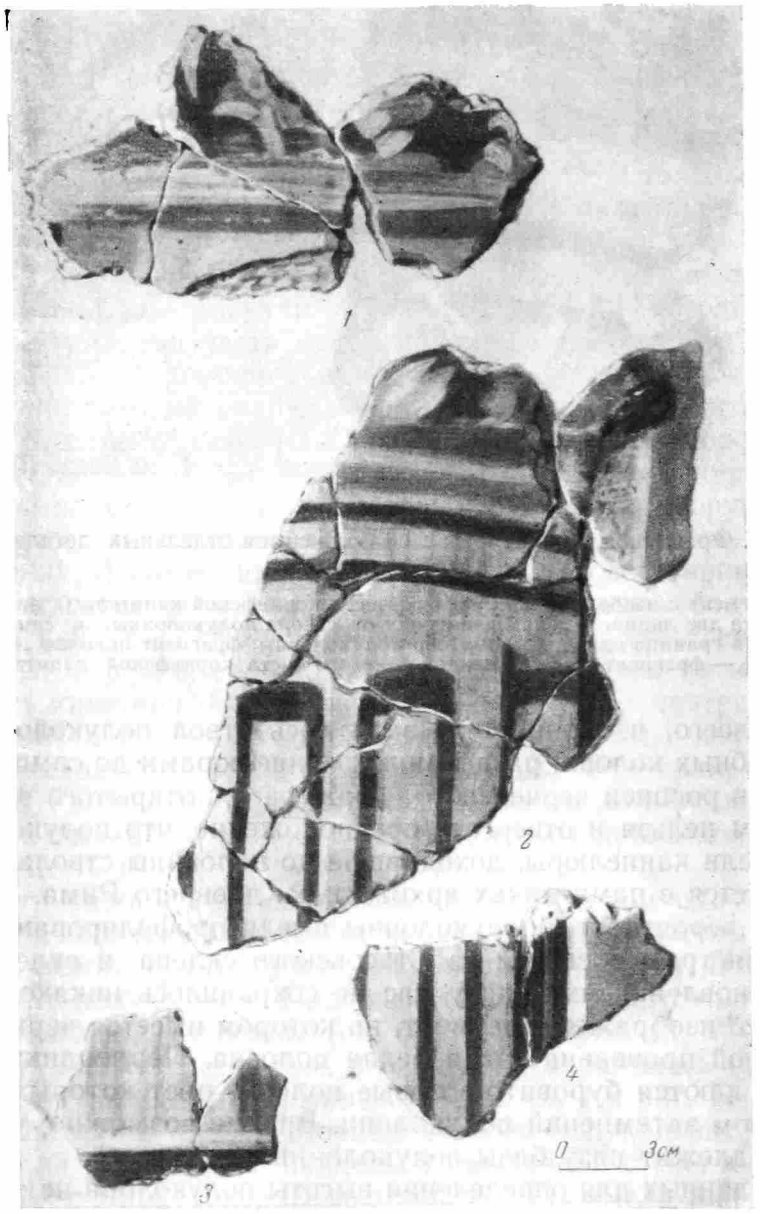


Рис. 11. Фрагменты штукатурки с изображением некоторых деталей капителей и стволов полуколонн

1 — фрагмент с нижней частью капители и шейкой полуколонны (слева снизу черной линией отмечен край полуколонны, под капителью справа и слева — тени, придающие объемность); *2* — фрагмент с изображением нижней части капители, шейки и каннелированного ствола полуколонны (справа — черная линия, отчеркивающая край полуколонны; фрагмент положен на гипс); *3* — фрагмент низа полуколонны; *4* — фрагмент с изображением части ствола полуколонны (справа — черная полоса, оттененная белой линией, за которой начинается зеленая полоса обрамления интерколумния)

столь большой диаметр полуколонн (0,17 *м*) обязательно должен требовать значительно большей их высоты. Так, пилястры Стасовского склепа имеют точно такую же ширину при высоте всего около 1 *м*. Такой расчет высоты колонн и вообще среднего пояса росписи стен может быть подтвержден и аналогиями из других мест. Например, в близких по времени

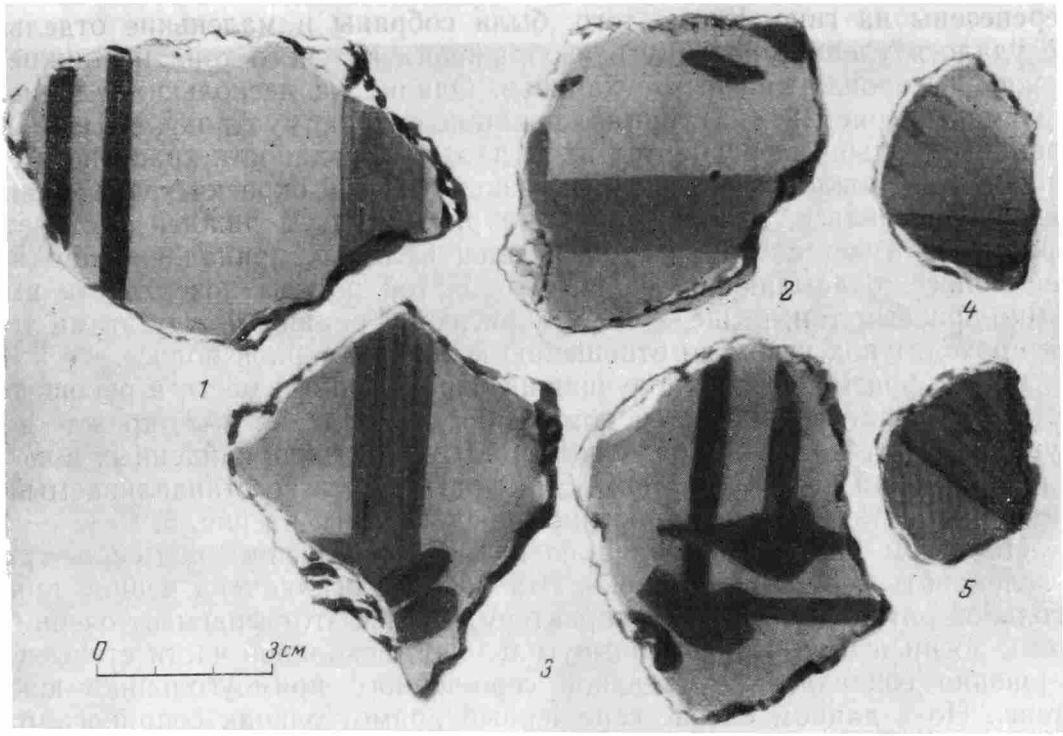


Рис. 12. Обломки штукатурки с сохранившимися деталями оформления углов рамок, обрамляющих интерколумнии

1, 2 — обломки от углов красно-оранжевой рамки; *3* — фрагмент с оформлением угла вписанных друг в друга красновато-коричневых рамок; *4* — фрагмент нижней части красного сухарика от написанного карниза; *5* — верхняя часть красного сухарика

росписях зданий из Аугсбурга средние пояса имеют следующие высоты: 1,40 *м*, 1,95 *м*, 1,32 *м* [44]. Близкую высоту — 1,43 *м* — имеет средний пояс росписи одной из комнат дома живописца из Аквинкума [45].

Фрагменты штукатурки с росписью полуколонн найдены в очень большом количестве у всех стен помещения. Это обстоятельство и, как уже говорилось, строгий ритм членения цоколя заставляют предполагать, что полуколонны находились над разделанными под цветной мрамор красно-желтыми и серо-черными прямоугольниками. Такое соответствие в ритме деления нижней и средней частей стен можно наблюдать в росписях зданий, близких по времени к рассматриваемой декоровке [46].

Интересную деталь в оформлении рамок, обрамляющих интерколумнии первого типа, позволяют проследить фрагменты, изображенные на рис. 12. Имеются два фрагмента (рис. 12, *1*) от угла ярко-красной рамки. Красная полоса рамки заканчивается отростками, но, к сожалению, фрагмент на этом месте обломан, нельзя с точностью восстановить форму отростков углов этой рамки. Вероятнее всего, здесь имело место оформление угла, близкое к тому, какое можно видеть на одном обломке штукатурки с росписью из Керчи [47].

Два следующих фрагмента (рис. 12, *2, 3*) показывают, что аналогичное оформление имели и углы тонких красновато-коричневых рамок, вписанных в ярко-красную. На одном из этих фрагментов (рис. 12, *2*) хорошо виден угол ярко-красной рамки и начало отростков, относящихся уже к узким коричневым рамкам.

При реконструкции сухарного фриза росписи основное значение имели две большие группы фрагментов, которые нанесены на схеме (рис. 9). Эти две группы после расчистки были закреплены на материи и затем

[44] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 1, 6, 17 (Высоты подсчитаны по таблицам).
[45] Nagy Tibor. Ук. соч., стр. 170, рис. 29.
[46] K. Parlasca. Ук. соч., табл. 6; Sz. Póczy Klára. Ук соч., стр. 117, рис. 19.
[47] АДЖ, табл. XLIV, 7.

перенесены на гипс. Кроме того, были собраны и маленькие отдельные не удалось уловить разницу в изображении красного тона на нижней и боковой сторонах красных сухариков. Однако на нескольких маленьких фрагменты (рис. 12, *4, 5*), принадлежащие сухарному фризу. Но на загипсованных больших фрагментах из-за плохой сохранности красочного слоя фрагментах можно легко уловить разницу в тоне окраски граней, например на фрагменте, изображенном на рис. 12, *4*. В нижней части этого фрагмента имеется черная горизонтальная линия, принадлежащая нижней полосе, окаймляющей фриз. Около этой полосы поверхность имеет темно-красный тон, выше — светло-красный. Граница между этими тонами проходит под углом по отношению к нижней черной полосе.

Среди фрагментов, не получивших определенного места в реконструированной схеме росписи стен помещения № 2 здания «А», прежде всего нужно указать на группу больших и малых обломков, найденных в кв. 13, у южной части восточной стены. Эти фрагменты и восстанавливаемый по ним орнаментальный мотив росписи представлены на рис. 5.

На одном фрагменте (рис. 5, слева) имеется роспись под серо-черный с зеленоватым оттенком камень. Эта роспись ограничена черной прямоугольной рамкой. По цвету и характеру росписи этот фрагмент очень близок к росписи серо-черных прямоугольников цокольной части стены и совершенно совпадает с разделкой серо-черного прямоугольника южной стены. Но в данном случае серо-черный прямоугольник соприкасается с прямоугольником, разделанным не под полосатый мрамор, а с мрамировкой, выполненной оранжеватыми брызгами или крапинками. В это поле прямоугольника был вписан ромб, от которого сохранился угол в 60°, примыкающий к стороне серо-черного прямоугольника (рис. 5, слева). Кроме того, сохранился угол прямоугольника (рис. 5, справа внизу), близкого по расцветке к красно-желтым прямоугольникам цоколя, но несколько иной тональности: по более темному желтому фону написаны коричневатые разводы с черными вкраплениями. Имеется и ряд мелких фрагментов штукатурки с такой же раскраской (рис. 5, справа вверху); такой прямоугольник также примыкает к полю с оранжеватыми крапинками (рис. 5, справа внизу). Проделанная нами подборка фрагментов позволила примерно реконструировать пояс, составленный из этих мотивов.

Высота этого пояса определяется довольно точно, так как угол вписанного в прямоугольник ромба должен был находиться на середине его высоты. Расстояние от угла до верха рамки известно — оно составляет 0,3 *м*. Следовательно, высота всего прямоугольника составляет 0,6 *м*. Длина прямоугольника с вписанным ромбом определяется знанием его высоты и соприкасающегося с ней угла ромба. Подсчет показывает, что прямоугольник имел длину 1,04 *м*, т. е., другими словами, он соответствует расстоянию между узкими цветными прямоугольниками цоколя. Поэтому скорее всего можно предположить, что ширина узких прямоугольников рассматриваемого пояса должна соответствовать ширине цветных узких прямоугольников цоколя. Весьма вероятно, что в ромб вписывался разделанный под цветной мрамор круг, окаймленный зубцами, как это встречается в ряде росписей боспорских склепов. Но, к сожалению, среди исследуемых обломков не оказалось сколько-нибудь выразительных частей живописи, которые позволили бы это определить.

Очень сложен вопрос определения местоположения этого реконструированного пояса в системе нашей росписи. Фрагмент с серо-черным прямоугольником был найден слегка прислоненным к восточной стене. Он стоял на невысоком завале из глины, обломков черепицы и камня (рис. 13), лежащем на полу помещения (высота завала от пола — около 0,2 *м*), причем оказалось, что он стоял на боковой стороне, к которой примыкает ромб. На фотографии видна одна сторона ромба (левая черная наклонная линия — след от корня). После того как этот фрагмент был закреплен на материи и снят со своего места, на этом участке стены in situ были об-

Рис. 13. Фотография, фиксирующая место находки фрагмента с серо-черным прямоугольником и примыкающим к нему ромбом

наружены остатки обычной росписи цоколя. Самым вероятным представляется предположение, что рассматриваемый фрагмент соскользнул с несколько более высокой части стены, чем цоколь. Но вряд ли можно говорить о том, что эта роспись находилась очень высоко, так как при падении с большой высоты такой значительный по размерам фрагмент должен был разбиться. Нужно заметить, что почти все фрагменты, принадлежащие к этой группе, концентрировались у южного участка восточной стены. Небольшое их количество было найдено и у южного участка западной стены. Это наблюдение заставляет сделать вывод о том, что рассматриваемый мотив занимал только отдельные участки стен. Кроме того, нужно отметить, что данный мотив не мог заменять на отдельных участках роспись пояса с полуколоннами. Фрагменты этой группы были найдены вместе с росписью колонн и обрамлений интерколумниев. Остается предположить, что реконструированный мотив мог находиться на отдельных участках восточной стены (и, может быть, западной) между цоколем и поясом с колоннами. Следовательно, местами пространство между цоколем стены и поясом с колоннами было заполнено росписью в обычном для Северного Причерноморья так называемом инкрустационном стиле. Высота этого пояса и должна определять расстояние между расписным цоколем стены и поясом с колоннами (высота — 0,6 *м*).

Большое внимание обращает на себя группа фрагментов штукатурки натурального цвета с остатками рисунков растений. Среди этой группы можно выделить фрагменты с рисунками зеленых стеблей (рис. 14, *2—9*). Кроме того, на некоторых из них сохранились частички отходящих от стеблей листочков или побегов (рис. 14, *2, 5, 7, 9*). На других фрагментах (рис. 14, *1, 10*) видны остатки отдельных листиков. Значительная толщина сохранившихся частей стеблей заставляет предполагать, что изображенные растения были высокими. Восстановить точно их вид по имеющимся обломкам, к сожалению, невозможно. В какой-то степени их рисунок может быть сопоставлен с изображениями растений или растительных канделябров на стенах дома живописца и других домов Аквинку-

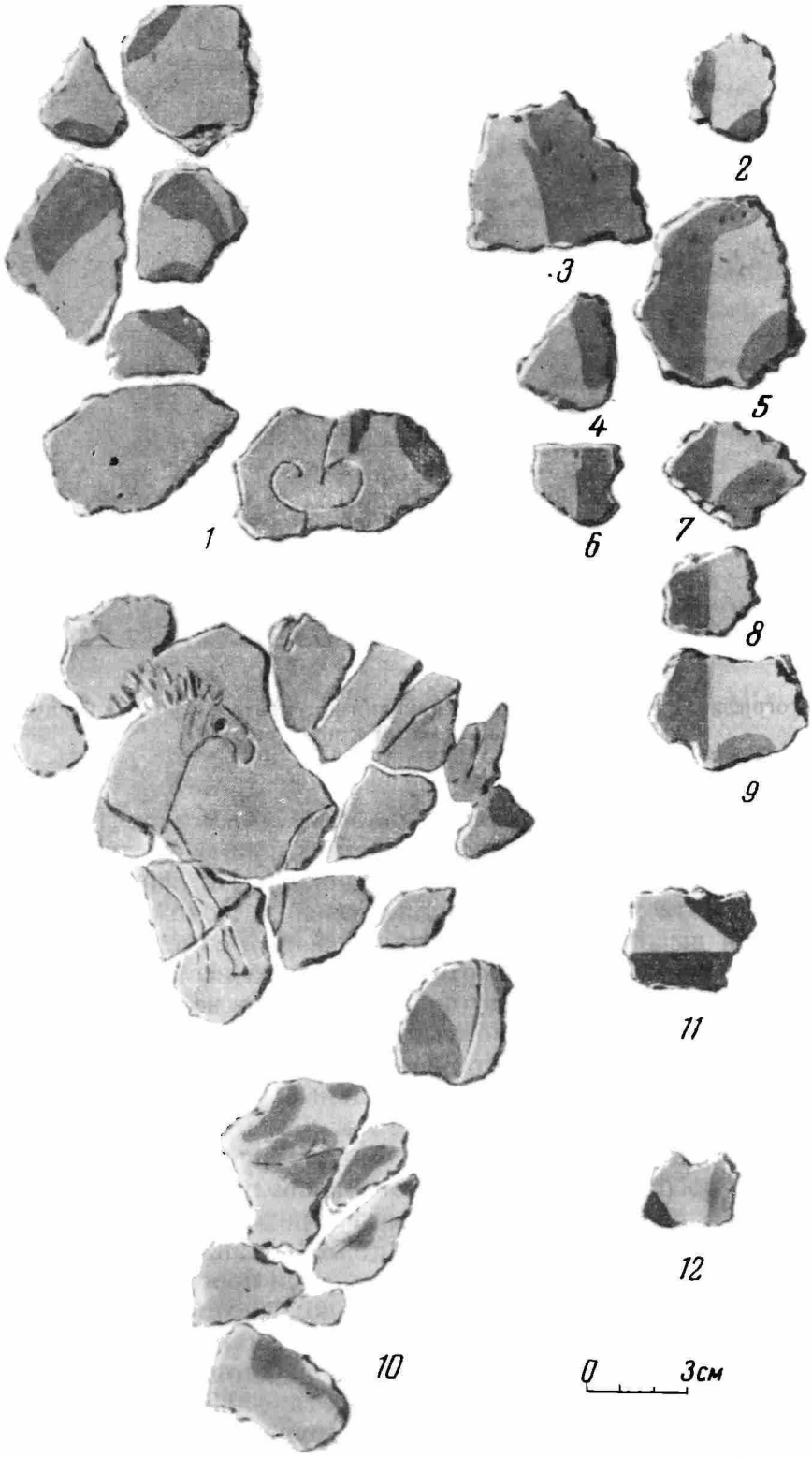


Рис. 14. Фрагменты штукатурки с остатками изображений растительного мотива

1 — группа обломков штукатурки с изображением фрагментов зеленых листочков (фрагменты закреплены на гипсе в том положении, в каком они найдены); *2—9* — фрагменты белой штукатурки с изображениями светло-зеленого стебля растения; *10* — группа фрагментов с изображением зеленых листочков (фрагменты закреплены на гипсе в том положении, в каком они найдены); *11* — обломок штукатурки с фрагментами красной рамки и красного контура ромба, вписанного в эту рамку; *12* — обломок штукатурки с зеленым стеблем (в вертикальном положении) и фрагментом от красного ромба

Рис. 15. Обломки штукатурки с росписью, не нашедшие точного места в схеме реконструкции

1, *2* — с изображением гирлянды; *3*, *4*, *6*, *7* — с белыми прожилками по цветному фону; *5*, *8*, *11* — с поверхностью, разделенной мягкими полосами; *10* — с фрагментом красной ленты с темно-красными пятнами; *9*, *12*, *13* — с фрагментами окружностей или овалов

ма [48]. Различные растительные мотивы можно указать в живописи и других мест римских провинций, например, в Вирунуме [49].На одном из фрагментов кусочек зеленого стебля сочетается с красной линией, расположенной под углом по отношению к стеблю (рис. 14, *12*). Это сочетание позволяет предполагать, что растение было вписано в четырехугольник (возможно, ромб). Следующий фрагмент (рис. 14, *11*) позволяет предполагать, что красный контур ромба был вписан в такого же цвета рамку.

Очень сложен вопрос о помещении этого восстановленного мотива в имеющихся лакунах сделанной реконструкции росписи. В античных росписях аналогичные мотивы встречаются большей частью в среднем поясе декоровок стен. Украшается ими также и верхняя часть цоколя или нижняя. Но в таких случаях растения изображаются не вытянутыми, а в виде кустов или густой травы. Поэтому вернее всего предположить, что в нашей росписи эти растения были помещены в интерколумниях. Выше было установлено, что рамки интерколумниев были двух типов. Наличие растений в обрамлении интерколумний I типа должно быть исключено вследствие того, что обрамление этого типа очень сложное и многослойное; внутреннее их пространство очень невелико (70 × 40 *см*). Высота стебля при имеющейся у него толщине вряд ли могла быть менее 50—60 *см*. При такой высоте растение было бы очень тесно вписано в ромб, заключенный в это обрамление. Зеленые же листочки на сохранившихся фрагментах (рис. 14, *1*, *10*) связываются с довольно значительными фрагментами белой штукатурки, на которых имеются и граффити, перерезающие зеленые листочки. Нужно отметить, что только на цоколе граффити встречаются на росписи. Выше цоколя граффити преимущественно наносились на белую штукатурку. Ни обломки с росписью колонн, ни обломки обрамлений интерколумниев граффити не имеют. Обломков белой штукатурки с граффити очень много. Все это заставляет предполагать, что выше цоколя граффити наносились преимущественно по белой штукатурке. Таким образом, наличие граффити на наших обломках заставляет предполагать, что они были вписаны довольно свободно и поэтому не могли находиться в интерколумниях I типа. На одном из загипсованных фрагментов сохранился кусочек зеленой рамки, край которой соприкасается с красным цветом. Это дает некоторые основания для предположения, что обрамление интерколумниев второго типа заканчивалось рамкой красного цвета. С этой рамкой тогда можно будет увязать и красный ромб с нарисованным в нем растением (см. рис. 6). Нужно отметить, что при построении ромба в этом обрамлении интерколумния углы его получаются довольно близкие к тем, которые дают фрагменты с их остатками. Граффити на фрагментах с листочками показывают, что эти растительные мотивы не должны были находиться очень высоко. Предельная высота нанесения человеком граффити на стене составляет около двух метров (1,8—2 *м*). Так что вполне возможно помещение этих мотивов в обрамлениях интерколумниев II типа, которые ограничивали пространство на высоте 1,3—2,4 *м*. Растительные канделябры из-за небольшого количества сохранившихся фрагментов восстановлены очень приблизительно. Возможно, что они были более сложными и имели боковые ветви, например, как в доме живописца из Аквинкума [50]. Но возможно также помещение этого мотива в ромбах и красных рамках между поясами цокольным и средним с колоннами.

Очень интересны фрагменты штукатурки с рисунком гирлянды. К сожалению, они найдены в очень небольшом количестве с плохо сохранившимся красочным слоем и не дают достаточных данных для реконструк-

---

[48] Nagy Tibor. Ук. соч., стр. 170, рис. 29; стр. 172, рис. 31; стр. 177, рис. 37; Sz. Póczy Klára. Ук. соч., стр. 118, рис. 22.

[49] H. Kenner. Ук. соч., рис. 11.

[50] Nagy Tibor. Ук. соч., стр. 176—177, рис. 34, 37.

ции полного вида гирлянды. На рис. 15, *1, 2* изображены два наилучших фрагмента с рисунком гирлянд, но у нас нет никаких данных для определения, в каком месте реконструированной росписи она помещалась. Гирлянда могла находиться и в верхней части стены (между написанным карнизом и рельефным или между средней частью росписи стены и сухарным фризом). Подобное помещение гирлянды в верхней части стены можно видеть в некоторых боспорских склепах [51]. Могла также гирлянда быть помещена и в среднем поясе с полуколоннами. Примеры такого размещения гирлянды известны еще со времени II помпеянского стиля [52]. Аналогичное расположение гирлянды можно встретить и в росписях Аквинкума [53].

Можно выделить целый ряд фрагментов штукатурки, расписанной под мрамор или цветной камень. Здесь прежде всего обращает на себя внимание цветной фон с белыми прожилками (рис. 15, *3, 4, 6, 7*). В одних случаях эти белые прожилки проходят по красному фону (рис. 15, *3, 4*), в других — по голубому (рис. 15, *6*). На одном фрагменте белые прожилки нанесены на желтый фон, на этот же фон нанесены еще и коричневатые мазки (рис. 15, *7*). К сожалению, нет никаких данных для определения места и связи этих мотивов росписи с другими.

Вторая группа фрагментов с разделкой поверхности под цветной камень или мрамор резко отличается по характеру тонов и раскраске. В этой группе преобладают довольно мягкие тона — сероватый, зеленоватый, светло-коричневый, желтый, бежевый. Только голубой цвет здесь бывает довольно ярким. Все эти тона сочетаются в самых различных вариантах друг с другом, создавая поверхность, составленную из узеньких, параллельных друг другу полос (рис. 15, *5, 8, 11*). Иногда эти полосы пересекаются с перпендикулярными (рис. 15, *5*). По такой полосатой поверхности в каких-то определенных местах проходили красные ленты с темными пятнами (рис. 15, *10*).

Фрагменты с росписью под мрамор или цветной камень могут быть связаны с разделкой предполагаемых кругов в ромбах, находившихся между цоколем и средним поясом и в заполнениях интерколумниев первого типа.

Возможно, что круг из красного мрамора с белыми прожилками был обрамлен черными зубцами, так как этот тип мрамировки на фрагментах встречается вместе с черной отделкой, очень нерегулярно расположенной. Вероятнее всего предполагать, что этот круг находился в ромбах прямоугольников, расположенных между цоколем и средним поясом. Разделка голубого мрамора с белыми прожилками должна была служить как бы контрастом для красного и, возможно, применялась где-то в этой же зоне.

Полосатая разделка могла принадлежать некоторым интерколумниям первого типа или, может быть, даже второго. Очень вероятно, что простенки интерколумниев оформлялись не по двум, а по нескольким образцам. Вполне возможно, что в интерколумниях с тем или иным обрамлением были вписаны круги и какие-то овалы, фрагменты, изображенные на рис. 15, *9, 12, 13,* позволяют делать такое предположение.

---

[51] АДЖ, табл. XLIX, LII, LXVIII.
[52] A. Mau. Ук. соч., табл. III и IV.
[53] Nagy Tybor. Ук. соч., стр. 170, рис. 29.

Б. Я. СТАВИСКИЙ

РАСКОПКИ ГОРОДИЩА КУЛДОР-ТЕПЕ в 1956—1957 гг.

В 1956—1957 гг. совместная экспедиция Гос. Эрмитажа и Республиканского музея культуры и искусства УзССР (г. Самарканд) продолжала раскопки на городище Кулдор-Тепе, которое предположительно может быть отождествлено со столицей согдийского владения Маймург — городом Босиде [1]. Работы 1956—1957 гг. велись при поддержке Института истории и археологии АН УзССР [2].

Работы в 1956 и 1957 гг. велись в основном на двух участках: на центральном холме цитадели (раскоп I) и на одном из всхолмлений в северо-западной части собственно городища (раскоп III). Кроме того, в 1956 г. были завершены работы по исследованию крепостной стены в северо-восточной части древнего города (раскоп II).

Раскоп I был начат в 1955 г., когда здесь под тонким поверхностным слоем с материалами IX—XII вв. были открыты остатки четырех последовательно сменявших друг друга сооружений; зданий «А» и «Б» (VII—VIII вв.), «В» и «Г» (примерно V—VI вв.).

В 1956 г. ниже остатков здания «Г» были зачищены на небольшой площади стена и пол пятой (сверху) постройки — здания «Д». Это здание было искусственно забутовано при возведении сооружения «Г», подобно тому как позднее были забутованы здания «Г», «В» и «Б». Однако забутовка здания «Д» отличалась особой тщательностью: раскапываемое помещение было заложено ровными слоями плотно утрамбованной пахсы, причем каждый такой слой имел гладкую поверхность, испещренную лишь глубокими трещинами. Среди керамики из забутовки отмечены формы, характерные для третьего слоя Тали-Барзу (чашевидные кубки со слабо выделенным поддоном, фрагмент слива в виде так называемого «смятого рожка») [3], что позволяет предположительно относить здание «Д» к IV—V вв. [4].

Исследование здания «Д» и дальнейшее углубление в основную толщу напластований центрального холма цитадели пришлось временно прекратить в связи с необходимостью предварительно зачистить восточный склон холма (во внешней части раскопа). При расширении же раскопа на восток мы вышли за линию наружной стены древней цитадели, зачистив ее на протяжении более 15 *м*. При этом в двух местах стены были открыты участки канализационной линии, связанной со зданием «Г» [5].

---

[1] См. Б. Я. Ставиский и М. Х. Урманова. Городище Кулдор-Тепе (работы 1955 г.). СА, 1958, № 1, стр. 231—235.

[2] В работах 1956 г., помимо автора, участвовали зав. отд. археологии Самаркандского музея М. Х. Урманова и студенты-практиканты В. В. Минаева и Ю. Н. Полев, в работах 1957 г.— научн. сотр. Гос. Эрмитажа В. Г. Луконин и лаборант Л. К. Сергеева.

[3] Ср. Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II, 1940, стр. 92—102 и рис. 3, *3* (на стр. 93) и 6, *б* (на стр. 101).

[4] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 153, 160 и рис. 69, VIII.

[5] Б. Я. Ставиский и М. Х. Урманова. Ук. соч., стр. 234.

При дальнейшем углублении раскопа по склону холма было обнаружено несколько приставных стенок, пристроенных к внешней стене древней цитадели в конце VIII—IX вв. В кладке одной из таких стенок найдена бронзовая монета с погрудным изображением правителя на лицевой стороне, а на оборотной — варианта тамги согдийских ихшидов. Подобные монеты, хранящиеся в коллекции Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа и в Самаркандском музее, описаны О. И. Смирновой как принадлежащие неизвестному правителю Согда VIII в.[6]. Интересно отметить, что из пяти таких монет, происхождение которых известно, четыре найдены на Кафыр-Кале и одна — на Афрасиабе. Монета с Кулдор-Тепе дает новый пункт таких находок в районе Самарканда и еще раз подтверждает вывод О. И. Смирновой о том, что владетель, выпускавший монеты этого типа, правил в Самарканде или в его ближайших окрестностях (возможно, в Маймурге).

Здесь же были вскрыты остатки двух помещений и связанных с ними дворика и поглотительной ямы (бадраба) диаметром в 1,2 *м* и глубиной около 7 *м*.

Многочисленные находки во дворе и в заполнении помещений, равно как и в завалах вдоль склона холма, оказались разновременными. Больше всего здесь встречено фрагментов поливной и неполивной керамики, находящей себе аналогии в материалах Пайкенда, Мунчак-Тепе и других памятников XI—XII вв.[7]. Это — фрагменты блюд и чаш с белым ангобом под свинцовой поливой без орнамента или с разбросанным полихромным орнаментом, керамика с коричневато-красным ангобом под свинцовой поливой с орнаментом из белых точек, стилизованных изображений птиц и геометрических узоров и, наконец, монохромная бирюзовая и зеленая керамика.

Кроме поливной керамики XI—XII вв., вперемежку с нею найдены также фрагменты сосудов с поташной поливой и голубовато-зеленоватым расплывчатым орнаментом по серовато-белому фону (рис. 1). Керамика такого типа датируется, скорее всего, концом VIII—IX в. Она встречается на огромной территории (так, она найдена, помимо центральных районов Среднеазиатского Междуречья, в Южной Туркмении и даже на городище Орен-Кала в Азербайджане) и является одним из интересных памятников, свидетельствующих о культурном сближении различных областей, которое имело место в конце VIII—IX в. в рамках арабского халифата; интересно отметить, что в Семиречье, которое не вошло в состав халифата, керамика такого типа широкого распространения не получила.

Ко времени X— начала XI в. вполне определенно может быть отнесен лишь один фрагмент — обломок чаши с частью белой арабской надписи по черному фону (под прозрачной свинцовой поливой).

Из находок неполивной средневековой керамики следует упомянуть одноручные кувшины, один из которых (рис. 2, *2*) находит себе ближайшую аналогию в материалах из Пайкенда[8].

В перемешанных слоях за внешней стеной центрального здания цитадели встречались и отдельные находки, относящиеся к более раннему времени. Так, здесь были найдены глиняная головка животного и половинка удлиненной игральной кости, относящиеся, судя по аналогиям, к VII—VIII вв.; игральная кость совершенно аналогична подобным

---

[6] О. И. Смирнова. Согдийские монеты собрания Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. ЭВ, IV, 1951, стр. 17 (группа IIIа, №№ 32—35) и табл. II, рис. 3; ее же. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. ЭВ, VI, 1952, стр. 37 (группа Г, 1, №№ 1—12).

[7] Сводка этих материалов дана в диссертации О. Г. Большакова (см. О. Г. Большаков. Поливная керамика Мавераннахра VIII—XII вв. как историко-культурный памятник. Автореферат канд. диссертации. Л., 1954).

[8] Хранится в отделении Средней Азии Государственного Эрмитажа. Ср. М. М. Дьяконов. Керамика Пайкенда. КСИИМК, вып. XXVIII, 1949, стр. 89—93.

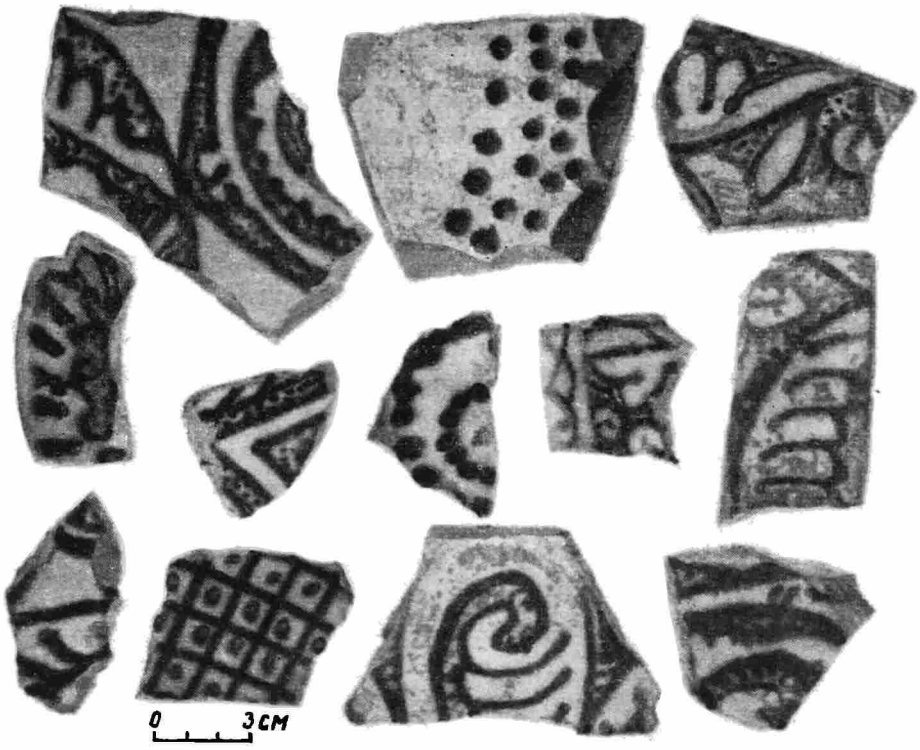


Рис. 1. Керамика с поташной поливой и зелеными узорами (конец VIII—IX в.). Раскоп I

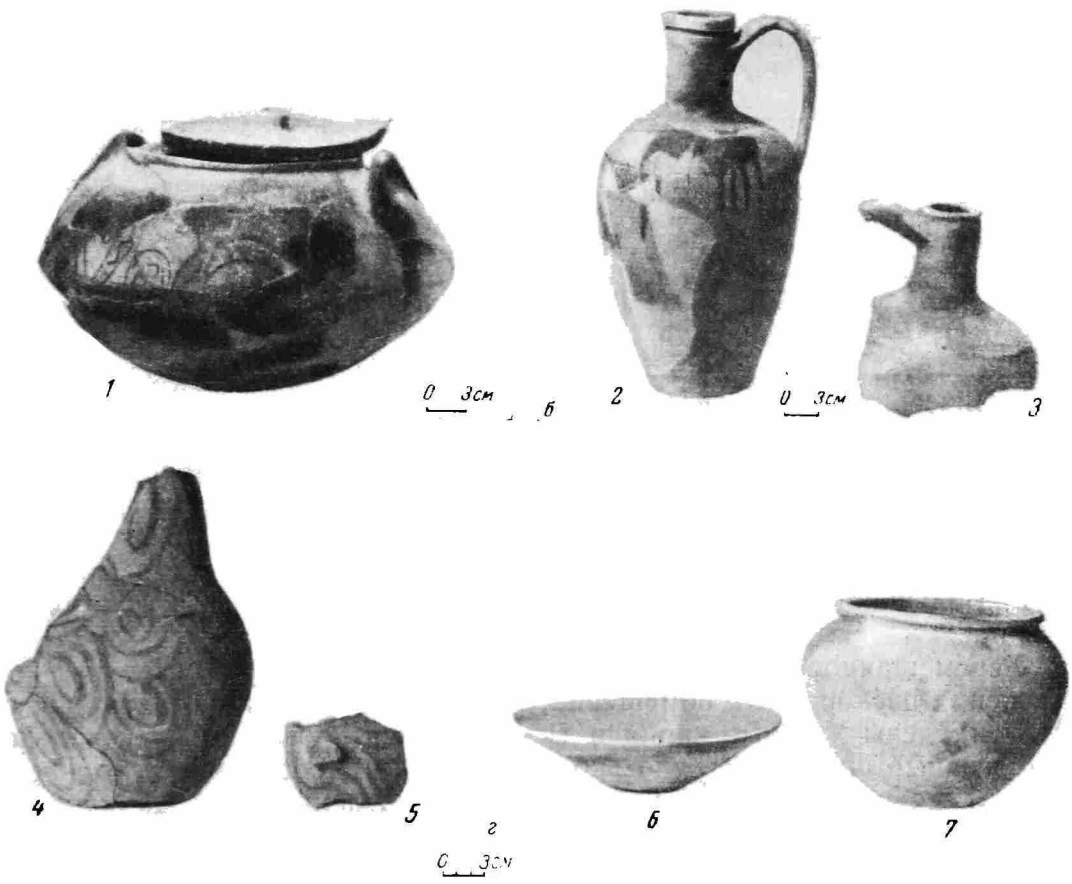


Рис. 2. Керамика

1—5 — раскоп I (XI—XII вв.); *6, 7* — раскоп III (IV—V вв.)

предметам из Чилека и Пенджикента и сходна с деревянной игральной палочкой из замка на горе Муг [9], а головка фигурки животного близка терракотам Кафыр-Калы и Тали-Барзу [10]. Здесь же, помимо чашевидных кубков типа ТБ-IV, встречены фрагменты «кушанской» керамики: бокалов на ножке, тонкостенных сосудов с темно-коричневым и красным ангобом и с лощением полосами. В этих же слоях найдено 12 медных монет: 3 — согдийские, с квадратным отверстием в центре, выпуска самаркандских царей Согда VII—VIII вв. (две — ихшида Укара, третья — ихшида Тургара), 1 — осрушанская (?) того же времени [11], 8 — раннеаббасидских от 151 до 170 г. хиджры (768—786/787 гг. н. э.) [12] и большое число металлических предметов. Среди последних — железные ножи, наконечники стрел, скоба, гвозди, крючок (от колчана?), серебряное кольцо (рис. 3, *2*) и, наконец, два ключа (медный и железный) от цилиндрических замков с пружинным устройством, действовавшим без поворота ключа — первые находки такого рода в Средней Азии. На медном ключе (рис. 3,*1*) после чистки обнаружена куфическая, выполненная точками надпись, которую О. Г. Большаков и Л. Т. Гюзальян читают как «сделал Усман».

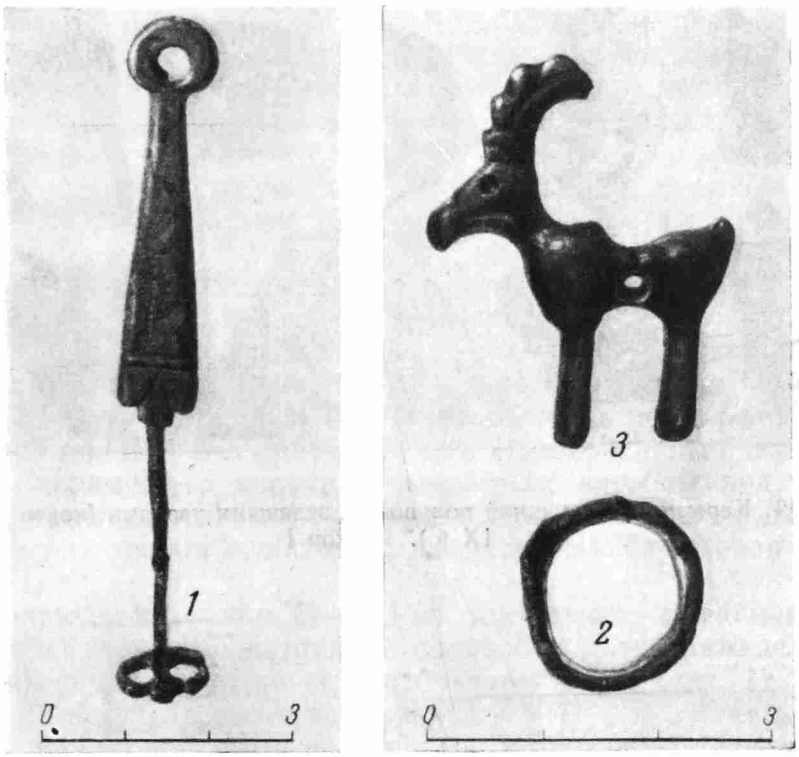


Рис. 3. Находки из раскопа I (*1*, *3*) и раскопа III (*2*)

1 — медный ключ; *2* — серебряное кольцо; *3* — бронзовая фигурка козла

Перемешанность слоев не помешала, однако, установить время сооружения раскопанных помещений, так как в заполнении бадрабной ямы были найдены жженые кирпичи (как фрагментированные, так и целые), аналогичные кирпичам, употребленным при сооружении помещений. Бадраб же удается датировать вполне определенно благодаря находке

[9] Находки не опубликованы; чилекская и мугская хранятся в среднеазиатском отделении Эрмитажа, пенджикентские — в АН Таджикской ССР.

[10] Г. В. Григорьев. Ук. соч., стр. 101, рис. 6, *3*; его же. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 98, рис. 46.

[11] Определение О. И. Смирновой.

[12] Определены И. Г. Добровольским.

в его заполнении двух столбиков окислившихся медных монет, которые после очистки оказались раннесаманидскими фельсами: 16 экз.— чекана 256 г. х. (=869—870 гг. н. э.) и 1 экз. — 245 г. х. (=859—860 гг. н. э.); отдельно от них в бадрабе найдена также «бухархудатская» монета позднего типа [13]. Таким образом, сооружение бадраба, помещений и двора, раскрытых возле внешней стены центрального здания цитадели, следует относить к третьей четверти IX в. Находки в помещениях и во дворе отдельных более ранних вещей объясняются, вероятно, нарушением ранних слоев цитадели, а обилие керамики конца XI—XII в.— возобновлением жизни на цитадели в это время.

Рис. 4. Стеклянные изделия второй половины IX в. Раскоп I (бадраб)

Помимо определения даты функционирования бадраба, двора и открытых помещений, находки раннесаманидских монет оказались чрезвычайно ценными в связи с тем, что они позволяют датировать найденные также в заполнении бадраба фрагментированные стеклянные сосуды, многие из которых удалось восстановить полностью. Это — сделанные из прозрачного зеленоватого стекла кружки с петлеобразной ручкой, пришедшие на смену глиняным кружкам VII—VIII вв. [14], кувшины с высоким горлом раструбом и с вертикальной ручкой, небольшие мисочки, двуручный флакончик, большая круглая крышка и т. п. (рис. 4). Эти, равно как и другие, обнаруженные в перемешанных слоях образцы средневекового стекла (всего за 1956—1957 гг. найдено более 500 фрагментов стеклянных изделий) являются важным материалом для изучения стекла и стекольного производства в районе Самарканда. Анализы пяти образцов кулдор-тепинского стекла, произведенные А. П. Крановой в Лаборатории силикатов и стекла Белорусского Политехнического института под руководством действительного члена АН БССР профессора М. А. Безбородова, показали, что они натриево-кальциево-кремнеземные, изготовленные по античному рецепту [15].

Построек последнего периода жизни на цитадели (XI—XII вв.) пока обнаружить не удалось. Однако в 1955—1956 гг. на склоне холма,

[13] Определены И. Г. Добровольским.

[14] См., например, Б. Я. Ставиский и М. Х. Урманова. Ук соч., стр. 233; ср. А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 154, рис. 69, X, *1, 5, 6* и XI, *1, 3, 4*.

[15] Ср. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 79—82, 238—294.

возле внешней стены цитадели, над одной из приставных стен конца VIII—IX в., были зачищены три круглые хозяйственные ямы диаметром в 1,1—1,2 *м*, где найдены фрагменты поливной (подставка светильника — чирога с гладкой зеленой поливой, обломки чаш с бирюзовой поливой) и расписной посудой (рис. 2, *4, 5*) конца XI—XII в. Вблизи ям найден и интересный глиняный двуручный с плоской крышкой котел, украшенный сложным расписным узором (рис. 2, *1*).

Помимо раскопок на центральном холме цитадели, в 1956 г. был начат новый раскоп на территории собственно городища. Этот раскоп (рас-

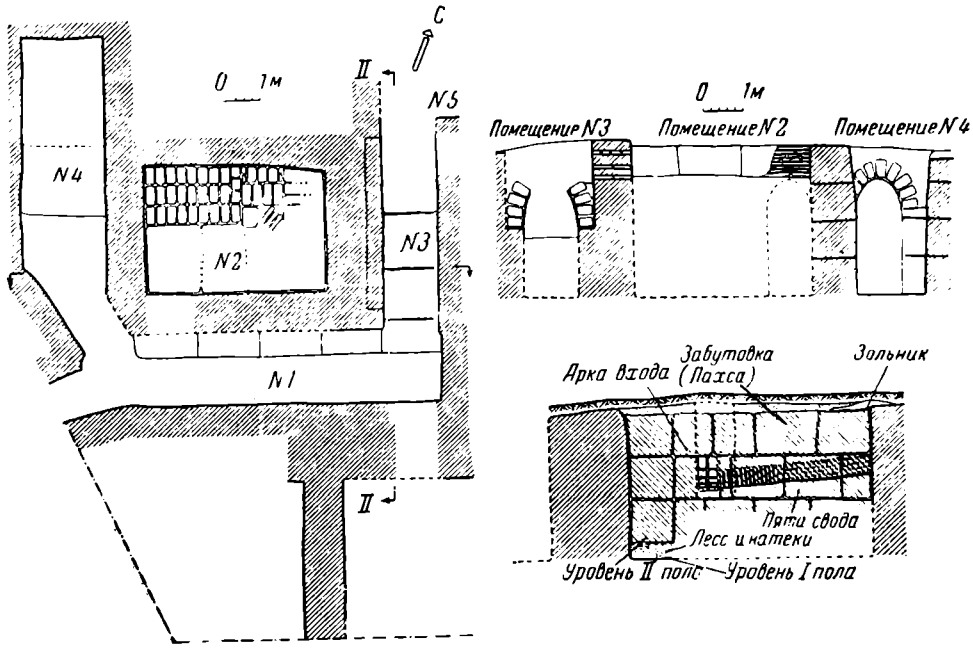


Рис. 5. План (по уровню первого этажа) и разрезы раскопа III

коп III) был заложен на большом всхолмлении, которое предположительно рассматривалось нами как остатки монументального архитектурного сооружения. Отсутствие же в собранном здесь подъемном материале средневековой керамики давало основание предполагать, что этот архитектурный комплекс относится к одному из ранних этапов жизни городища. Целью раскопа III являлось, таким образом, исследование одной из ранних построек Кулдор-Тепе.

В результате работ 1956—1957 гг. здесь действительно были обнаружены и оконтурены четыре помещения огромного здания с толстыми стенами, сложенными из пахсы, нарезанной на крупные блоки (до 1 *м* в высоту и ширину) и прямоугольного кирпича — сырца (размером 46 × 24 × 8 *см*) (рис. 5).

Первое из помещений (№ 1) — коридор длиною более чем в 9 *м*, при ширине около 1,85 *м* — имел пять входных проемов, три из которых вели в расположенные к северу от него помещения № 2 (прямоугольную в плане комнату размером примерно 4,6 × 3 *м*), № 3 (узкий коридор шириною в 1 *м*) и № 4 (вытянутую комнату длиною около 6 *м* и шириною около 2,1 *м*). Интересной деталью плана являются коленчатые изгибы стен при переходе к входным проемам в западной части помещения № 1.

Стены вскрытых помещений сохранились, как правило, на высоту до 3—4 *м*, а в помещении № 3 четко прослеживаются остатки сводчатого перекрытия и покоящегося на нем второго этажа. В проеме, ведущем из помещения № 1 в помещение № 4, сохранилась арка свода, в проходе из помещения № 1 в помещение № 3 — пята подобной же арки.

Все помещения раскопа III оказались заложенными аккуратными пластами пахсы и сырцовыми кладками. Забутованное таким образом здание должно было, вероятно, служить платформой для какой-то новой монументальной постройки, которую, по-видимому, не успели соорудить. Во всяком случае никаких следов ее над забутовкой обнаружено не было. Напротив, открытое в северо-восточной части раскопа над забутованным помещением № 3 кострище с небольшим зольным пятном свидетельствует, очевидно, о том, что подготовленная платформа была заброшена. Найденные же в связи с кострищем две бронзовые согдийские монеты с квадратным отверстием в центре позволяют датировать его VII—VIII вв.

К несколько более раннему времени следует, вероятно, относить сооружение к югу от помещения № 1 треугольной в плане комнаты, пол которой находился более чем на 1,5 *м* выше пола забутованного здания, а северная стена частично лежала на остатках стены помещения № 1. В юго-восточном углу комнаты помещался проход, ведущий, по-видимому, наружу, на улицу. И небрежно сложенные пахсовые стены этой комнаты, и необычная планировка, и изолированное её положение с отдельным выходом наружу,— все это свидетельствует о том, что перед нами в данном случае, скорее всего, какое-то недолговечное сооружение, пристроенное к остаткам более раннего монументального здания. Для датировки этой поздней постройки интересны два глиняных сосуда, найденные на полу, возле возвышения в северо-восточном углу комнаты. Это — плоскодонный горшок с широким устьем (напоминает сосуд из Дагай-Тепе III—IV вв.) [16] и широкая чаша с маленьким плоским донцем (рис. 2, *б*). Возможно, таким образом, что эта комната была сооружена (а монументальное здание забутовано) в конце первой половины I тысячелетия н. э.

На ту же дату указывают и находки керамики, обнаруженной в забутовке монументального здания. Бóльшую часть этих находок составляют мелкие фрагменты ранней ангобированной керамики: бокалов на ножках (рис. 6, *г*, *1—5*), тонкостенных тарелок с сильно отогнутым краем, часто украшенных полосчатым или даже сетчатым лощением (рис. 6, *б*, *5*) и т. п. Однако для определения даты забутовки помещений особенно важны находки керамики типа ТБШ-IV: сосудов со «смятым рожком» (рис. 6 *а*, *2*), чашевидных кубков (рис. 6, *а*, *3*, *4*, *6*) и красноангобированных кружек (рис. 6, *а*, *5*). Находки фрагментов этих видов керамики так же, как и прямых краев котлов с небольшой роговидной ручкой (рис. 6, *в*, *8*), аналогичных материалам из здания «Д» раскопа I, позволяют поставить вопрос, не приходится ли забутовка этих зданий (монументального сооружения в северо-западной части городища и постройки «Д» на цитадели) на один и тот же период в жизни древнего города. На возможность такой постановки вопроса указывает и отмеченная в обоих случаях необычная тщательность забутовки. Из отдельных находок в забутовке следует упомянуть бронзовую фигурку козлика, интересный памятник изобразительного искусства (рис. 3, *3*).

Работы на раскопе II (на крепостной стене в северо-восточном углу городища) велись в значительно меньших масштабах, чем на раскопах I и III. Здесь в 1955 г. был получен разрез городской стены от вершины до глубины 6 *м*, причем в нижней части раскопа, под сырцовыми и глинобитными кладками появился слой чистого песка. В 1956 г. раскоп был углублен (до материковой лёссовой почвы), в результате чего удалось установить, что в основании стены находилась платформа, включающая мощный слой песка, ограниченный с наружной (и, вероятно, с внутренней) стороны толстым пахсовым панцирем.

---

[16] С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—V веках. ВДИ, 1956, № 2, стр. 167, рис. 7. Датировка основана на монетных находках.

С внутренней стороны стены, в напластованиях юго-восточной площади (или пустыря) найдены фрагменты ранней неангобированной керамики, в том числе часть бокала на невысокой ножке и широкая ножка от вазы. Известные аналогии этой керамике в Согде [17] позволяют датировать ее примерно рубежом нашей эры.

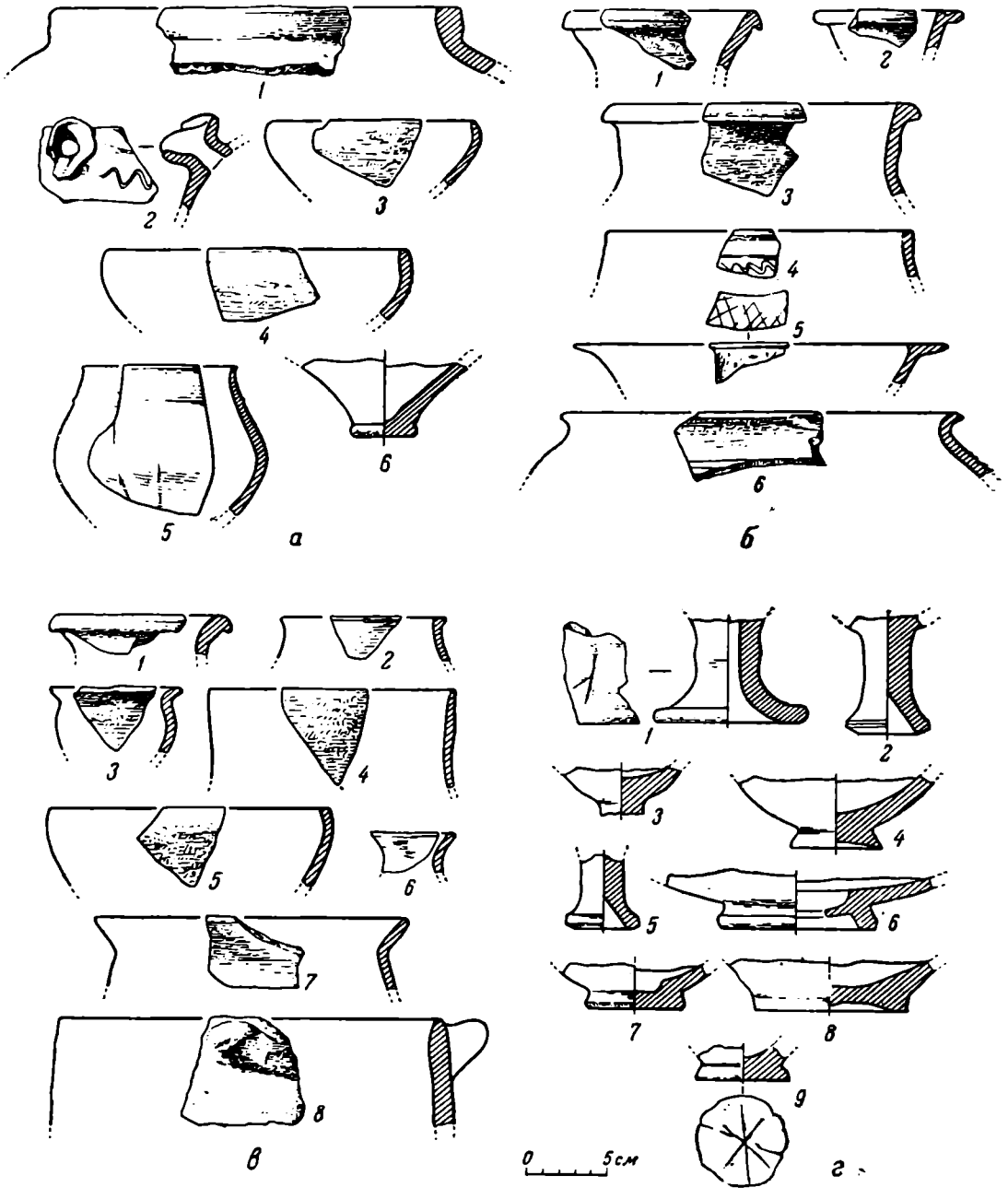


Рис. 6. Керамика из раскопа III (1957 г.)

Работы 1956—1957 гг. на Кулдор-Тепе уточняют наши представления о жизни этого древнего города. Работы на раскопе I проливают новый свет на последний этап жизни кулдор-тепинской цитадели. Выясняется, что после разрушения в VIII в. монументального здания на центральном холме цитадели, уже в IX в. на склоне этого холма были возведены новые

[17] Г. В. Григорьев. Городище Тали-Барзу, стр. 93, рис. 3, *а*; А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 154 и рис. 69, VI, *1* и *4*.

сооружения. Почти полное отсутствие среди находок 1955—1957 гг. на раскопе I так называемой «саманидской» керамики X — начала XI в. свидетельствует, вероятно, о том, что в течение этого времени цитадель или, во всяком случае, значительная ее часть, была заброшена. В конце же XI—XII в. жизнь здесь временно возобновилась. Находки трех хозяйственных ям и большого числа фрагментов глиняной посуды указывают, что где-то поблизости могут быть открыты и постройки этого времени. Следует также отметить, что часть находок (фрагменты бокалов на высокой ножке, лощеная ангобированная керамика высокого качества) подтверждает вывод о ранней дате возникновения кулдор-тепинской цитадели и позволяет надеяться на обнаружение под остатками здания «Д» более ранних слоев кушанского времени.

Результаты работ на раскопе III позволяют утверждать, что ко времени арабского завоевания северо-западная часть Кулдор-Тепе была уже заброшена и что жизнь здесь, таким образом, прекратилась задолго до полного запустения городища.

Раскопки 1956—1957 гг. дали также интересные археологические находки, ценные для характеристики некоторых этапов развития культуры района Самарканда.

Но особо важное значение имеет обнаружение архитектурного комплекса, относящегося к первой половине I тысячелетия н. э., т. е. к тому историческому периоду, изучение которого в центральных областях Среднеазиатского Междуречья ранее задерживалось из-за скудости имевшихся у нас археологических данных.

Г. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

БОЛГАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ-СВЯТИЛИЩЕ X—XI вв.

Небольшое городище на западной окраине дер. Тигашево, Батыревского района, Чувашской АССР, известно в литературе как Тигашевское городище [1]. В течение трех лет оно было объектом работ 1-го отряда Чувашской археологической экспедиции [2], вскрывшей на городище 5568 *м*^{2}.

Как показали раскопки, в первой половине II тысячелетия до н. э. на месте городища существовала стоянка срубной культуры [3]. После длительного запустения это место вновь было освоено человеком уже в X в. н. э., когда здесь возникает памятник болгарской культуры.

Культурный слой городища, мощностью около 0,6 *м*, по цвету и структуре близок к чернозему. Никаких прослоек и членений на горизонты в культурном слое не прослеживается. Но все же при раскопках удалось выделить три строительных периода.

1. Сооружение I болгарского святилища, окруженного рвом.
2. Сооружение оборонительной системы городища и постройка на месте разрушенного I болгарского святилища нового, II болгарского святилища с идолом.
3. Уничтожение II болгарского святилища. Застройка внутренней площадки городища хозяйственными, производственными и жилыми сооружениями. Расширение внутреннего пространства городища.

1

I болгарское святилище представляло собой прямоугольную площадь, окруженную деревянным забором (рис. 1). От этого забора сохранились лишь канавки, забитые глиной в смеси с черноземом. Эти канавки, шириной 0,3—0,4 *см*, доходят до глинистого материка.

В этих канавках стояли вертикальные доски, вплотную друг к другу, наподобие современных заборов в Южной Чувашии. В канавках I святилища следов от досок не найдено, так как доски забора были вытащены, а канавки засыпаны, но в канавке II святилища на всем ее протяжении прослежен древесный тлен и остатки нижних частей досок от забора.

Канавки очерчивают неправильный четырехугольник, приблизительные размеры которого 49 × 60 *м*. На западе и северо-западе прослеживаются лишь отдельные участки канавки вдоль рва.

---

[1] П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 61; А. П. Смирнов. Чувашская археологическая экспедиция 1956 г. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, вып. XVI, Чебоксары, 1958; Г. А. Федоров-Давыдов, Булгарский феодальный замок X—XII веков. Там же; Н. Ф. Каховский. Памятники материальной культуры ЧАССР. Чебоксары, 1957, стр. 78—79.

[2] Экспедиция была организована Научно-исследовательским институтом языка, истории, литературы и экономики при Совете Министров ЧАССР.

[3] От срубной стоянки остались фрагменты культурного слоя и множество находок во вторичном залегании в болгарском слое (керамика и бронзовый нож).

В середине юго-восточной стены святилища был вход шириной 2,4 *м*, по бокам которого стояли два столба, вкопанные в четырехугольные ямы. Далее, на северо-запад шла вторая стена, также с проходом. Второй проход не имел столбов. Пройдя второй проход, человек попадал, видимо, в основное пространство святилища. В этой части святилища были открыты три ямы прямоугольной формы, глубиной от 0,3 до 0,8 *м*. В яме у юго-западной стены святилища найдено множество обломков керамики и костей. Среди них череп коровы. В яме

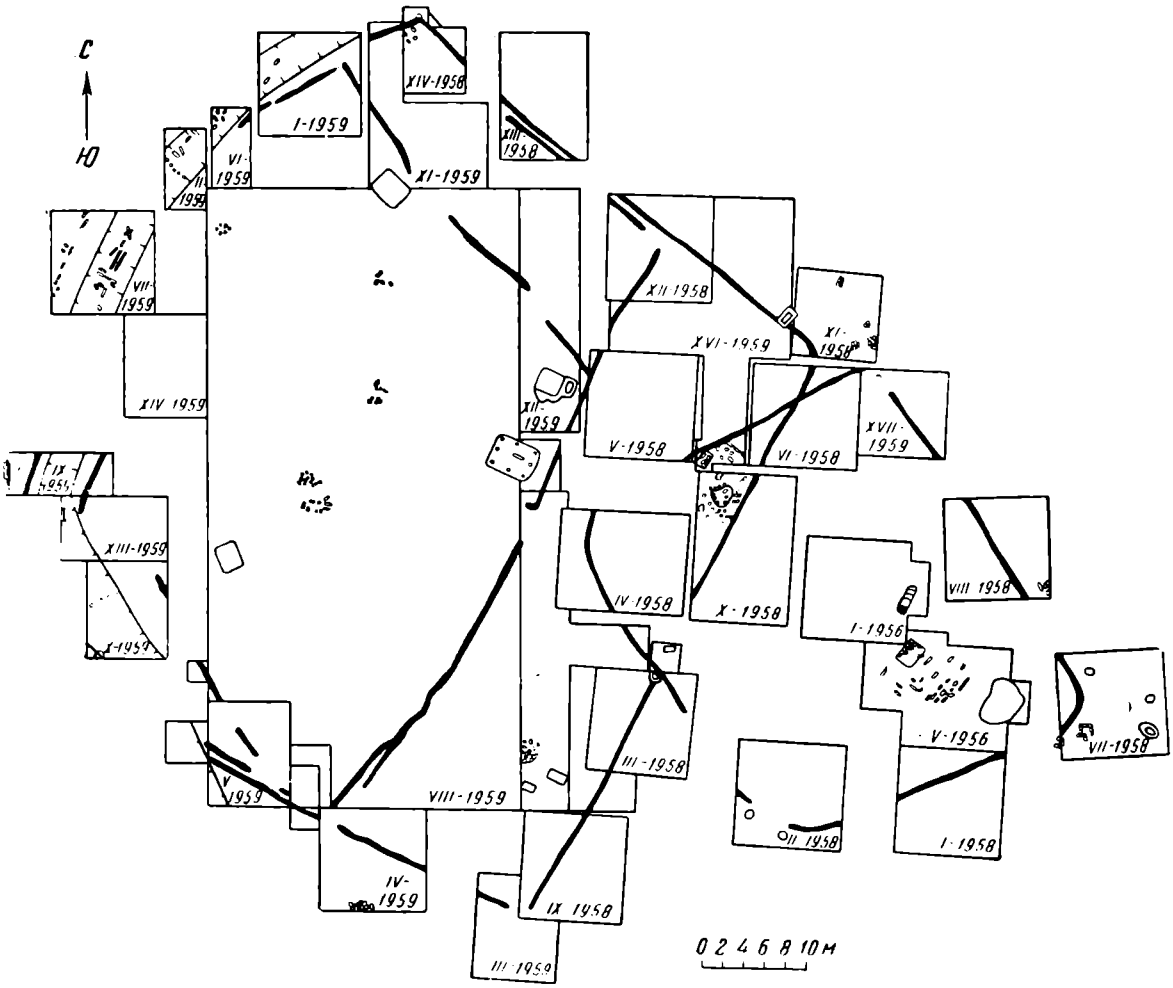


Рис. 1. План западной раскопанной части городища

у северо-восточной стены святилища, среди столь же обильного количества костей и керамики найден череп лошади. В яме у западного угла святилища (двойной, состоящей из двух ям: западной, малой, и восточной, большой) было сравнительно мало находок. Показательно, что по характеру заполнения эта яма резко отличалась от двух вышеописанных. Если там был черный грунт, образовавшийся при медленном заполнении ямы в процессе функционирования святилища, то в третьей яме был желто-черный пестроцвет, образовавшийся при искусственной засыпке ямы во время выравнивания места.

Справа от прохода обнаружена большая полуземлянка. В раскопанном виде она представляет собой прямоугольную яму (3,6 × 4,4 *м*; глубина — 0,7 *м*) с восемью ямками от столбов (четыре — по углам и четыре — в середине каждой стороны прямоугольника; рис. 2). В ямах стояли деревянные столбы (от которых сохранился коричневый тлен). Между столбами, вероятно, были сооружены деревянные стены из горизонтальных досок, концы которых были зажаты в пазах столбов. Отпечатки

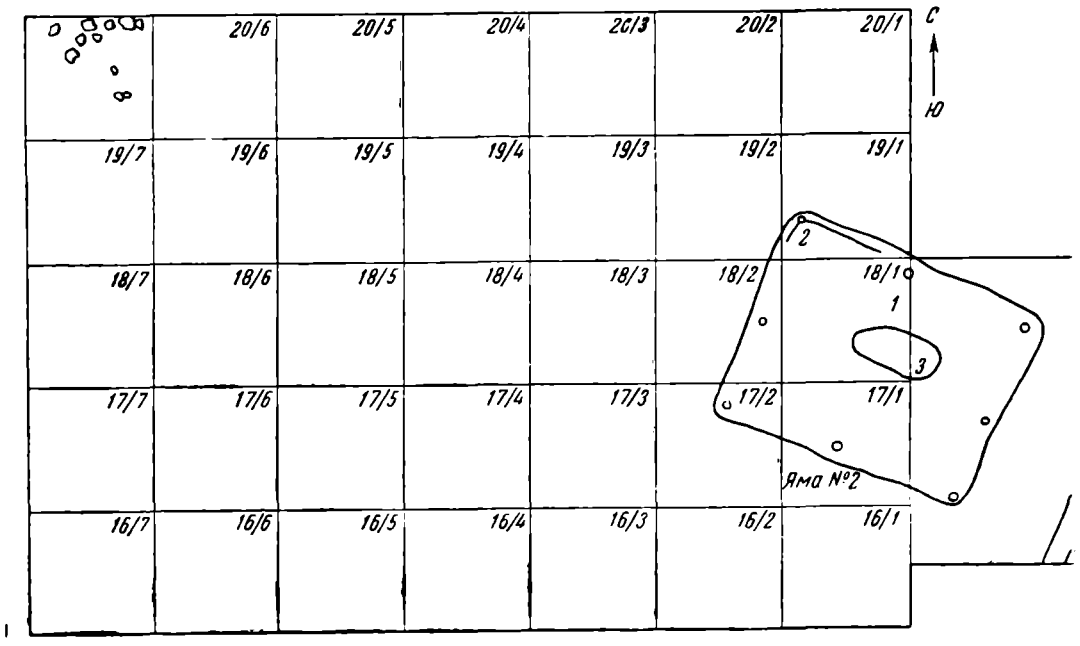


Рис. 2. План полуземлянки

1 — кости ног лошади; *2* — следы дерева; *3* — слой золы и угля

этих досок были видны при зачистке дна полуземлянки. На полу найдены кости ноги лошади. В противоположность первым двум ямам, находок в этой яме сделано очень мало. Интересно проследить дальнейшую судьбу этого сооружения. Оно было сломано и засыпано плотной глиной. Поверх этой глины был разведен огонь, который горел очень долго, судя по пятну белой золы и сильному прокалу (рис. 3).

Из главной внутренней площадки через проемы в северо-восточной стене можно было проникнуть в следующее отделение святилища. В этой части не было обнаружено никаких объектов. Следует отметить еще одну деталь, связанную с I святилищем: яму, вырытую по линии внешнего забора у западного угла святилища. Эта яма (2 × 1,6 *м;* глубина — 0,9 *м*) была конструктивно связана с забором и засыпана одновременно с разрушением ограды, т. е. во время гибели святилища; в заполнившем ее черно-желтом пестроцвете обнаружен череп овцы.

Все описанные сооружения одновременны. Дневные поверхности ям полуземлянки и канавки находятся приблизительно на одном уровне — на глубине 0,4 *м* от современной дерновой поверхности. Выкиды из ямы от столбов первого входа залегают на глубине 0,5—0,55 *м,* почти на уровне материка. Стратиграфические наблюдения показывают, что время сооружения святилища относится к началу образования болгарского культурного слоя, а время разрушения святилища приблизительно относится к тому периоду, когда отложился уже нижний, 3-й пласт культур-

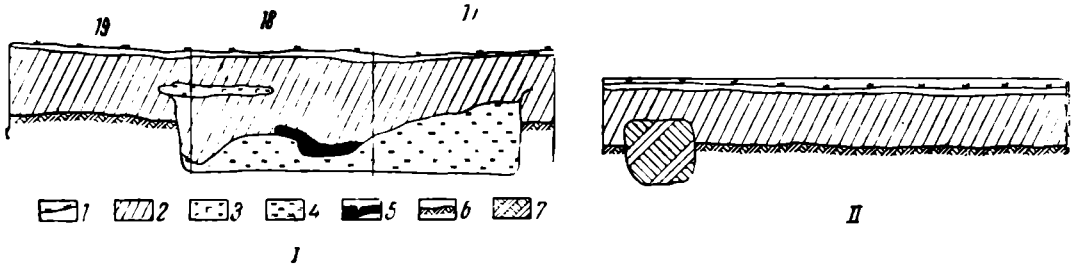


Рис. 3. Профиль полуземлянки: I — восточная стенка раскопа VIII; II — восточная стенка восточной прирезки раскопа VIII

1 — дерн; *2* — черный культурный слой; *3* — глина с включениями черной земли; *4* — глина; *5* — угольный слой; *6* — материк; *7* — пестроцвет

ного слоя, толщиной около 0,2 *м*. Именно на уровне верхней границы 3-го пласта культурного слоя залегает дневная поверхность, с которой были заполнены канавки святилища пестроцветной смесью глины и чернозема.

Святилище было окружено кольцом рва [4]. Этот ров, глубиной приблизительно 1—1,4 *м*, был устлан слоем рубленой соломы толщиной 5—7 *см*. Местами под этим слоем находились деревянные палки

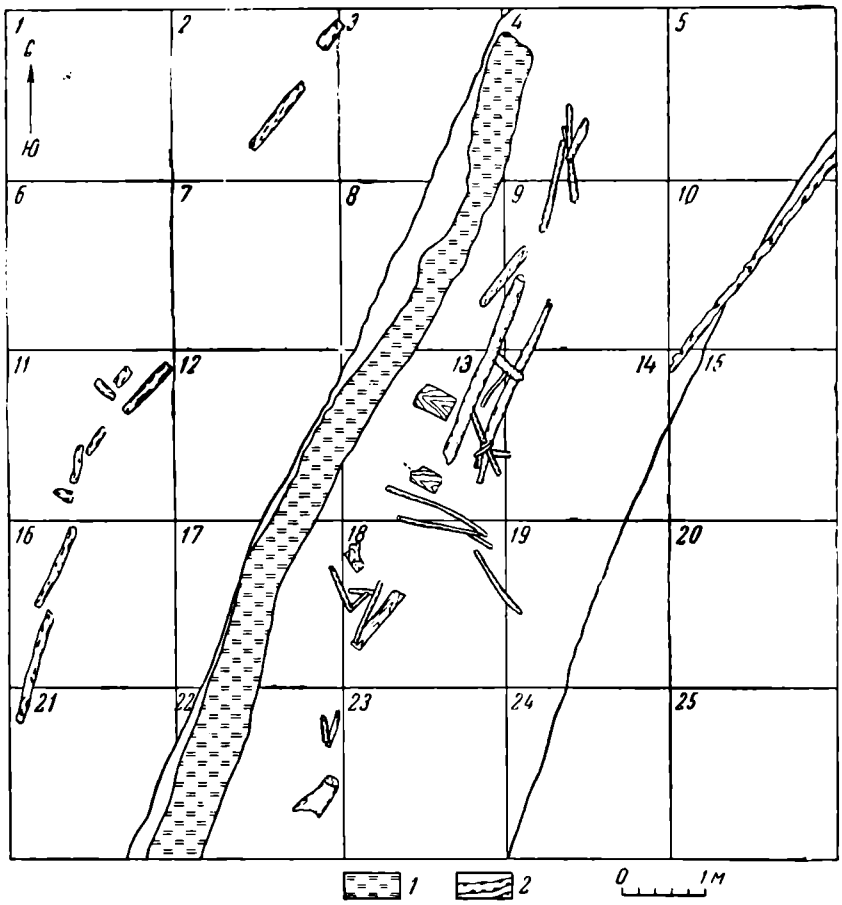


Рис. 4. План раскопа VII-1959
1 — глина; *2* — обугленное дерево

и доски. На раскопах I-1959, II-1959, VI-1959, VII-1959 ров был заполнен сплошной черной массой, в которой найдено довольно много досок и бревен. Сохранность дерева объясняется проникновением сюда почвенных вод.

На раскопе VII-1959 были найдены две доски с прямыми концами, одинаково обструганные, длиной каждая 1,65 *м* (рис. 4). Возможно, это доски от забора, который проходил совсем рядом. Если это так, то можно реконструировать высоту забора. Доски 1,65 *м* длиной стояли в канавках, имевших глубину около 0,2—0,3 *м*. Следовательно, забор имел высоту 1,35—1,45 *м*.

В двух местах, на раскопах II-1959 и X-1959, открыты ряды колышков, вбитых в дно рва. Назначение их не выяснено.

[4] Ров, быть может, так же как само святилище, играл магическую роль. Вспомним ров с жертвенными огнями в святилище Перуна (см. В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 101); у мордвы ров вырывали специально при празднике в новолуние (см. А. Н. Минх. Моляны и обряды мордвы Саратовской губернии. Этнографическое обозрение, кн. XV, М., 1892, № 4, стр. 18). На городище Большая Тояба (Чувашская АССР) в 1957 г. были открыты жертвоприношения жеребят и лошадей XVIII—XIX вв. в древнем рву. (Отчет Чувашской археологической экспедиции 1957 г. Архив ИА АН СССР, р-1, 1462).

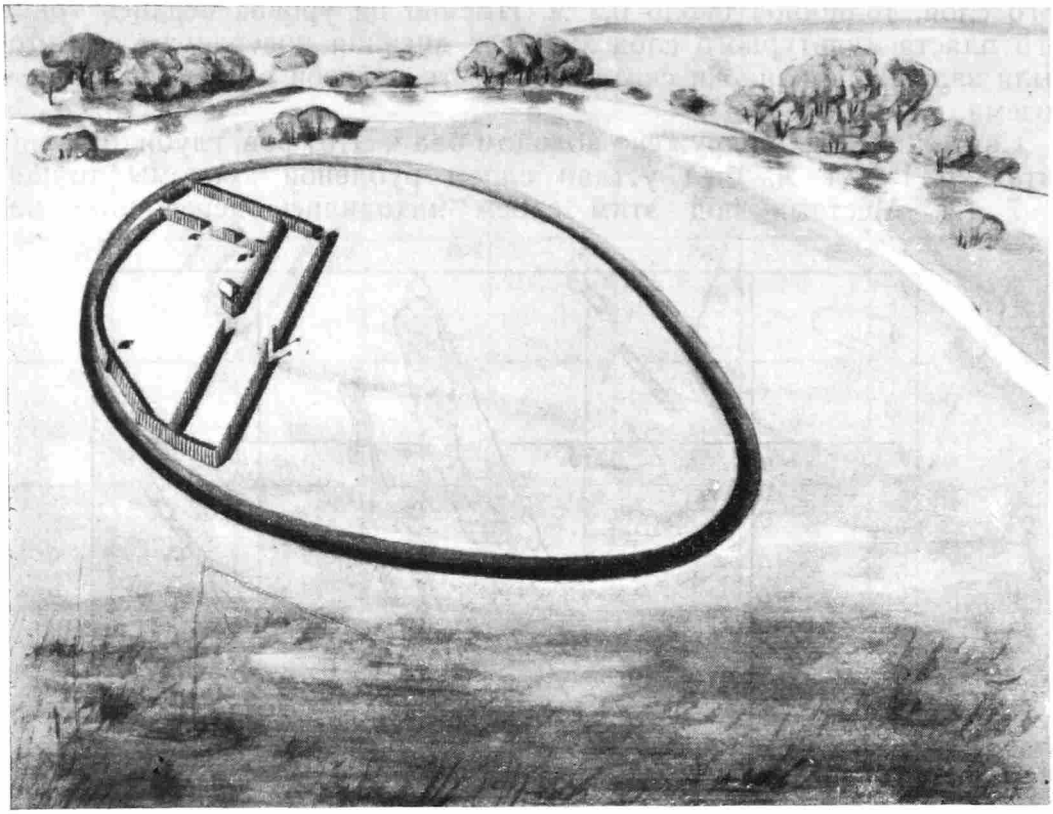


Рис. 5. Реконструкция I святилища

В этнографической литературе о чувашах мы имеем описание одной керемети, которая может быть привлечена в качестве параллели открытому нами комплексу. Автор XVIII в. К. Мелькович описал чувашскую кереметь, или ирзам. Это четырехугольная площадь, обнесенная забором высотой в человеческий рост. В длину кереметь была 50—60 саженей, в ширину —30—50 саженей (размеры похожи на размеры нашего святилища). Кереметь, описанная К. Мельковичем, имела трое ворот в восточной, западной и северной стенах. Внутри ограды имелся жертвенник в виде стола, а на запад от него — дом с тремя стенами (не было восточной стены). В этом доме устраивались культовые трапезы. Здесь, сидя на лавках, поедали мясо заколотых жертвенных животных. Когда кереметь приходила в негодность, ее сжигали и строили рядом новую. «В рассуждении чего,— пишет К. Мелькович,— оным благотворным своим божеством обряды жертвоприношения совершают они не в кереметях (загородке или мольбище), но на особом месте, или в своих домах, а для принесения жертвы злым духам посвящают леса, при начале же их делают подобные квадратной или параллелограмной деревянные загородки, именуя их кереметями и каждую загородку того самого кереметя именем, которому она посвящена» [5].

Никаких прямых археологических аналогий привести пока нельзя. Но указанная этнографическая параллель довольно убедительна. На Тигашевском городище, так же как и в керемети Мельковича, имеются четырехугольная площадь, окруженная забором, и дом (рис. 5). В деталях есть различие, но оно не настолько велико, чтобы усомниться в культовом назначении всего комплекса, в котором мы можем усматривать святилище типа керемети поздних чувашей. В открытой нами полуземлянке, видимо,

[5] В. К. Магницкий. О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII столетия. Казань, 1906, стр. 56; В. Сбоев. Чуваши в бытовом, историческом и религиозном отношениях. СПб., 1865, стр. 88—91.

совершались какие-то главные обряды; очевидно, здесь поедали мясо жертвенных животных. Быть может, остатки от этих жертвоприношений заполнили ямы, раскопанные на основной территории святилища.

В связи с этим нам кажется возможным поставить вопрос о роли болгарских доисламских культов в сложении языческой религии чувашей. Именно у чувашей могли сохраниться эти религиозные пережитки от древних болгар. Большая роль болгар в чувашском, как и в татарском этногенезе не подлежит сомнению. Но если татары были сильно исламизированы и к нашему времени пришли как мусульмане (обстоятельство, кото-

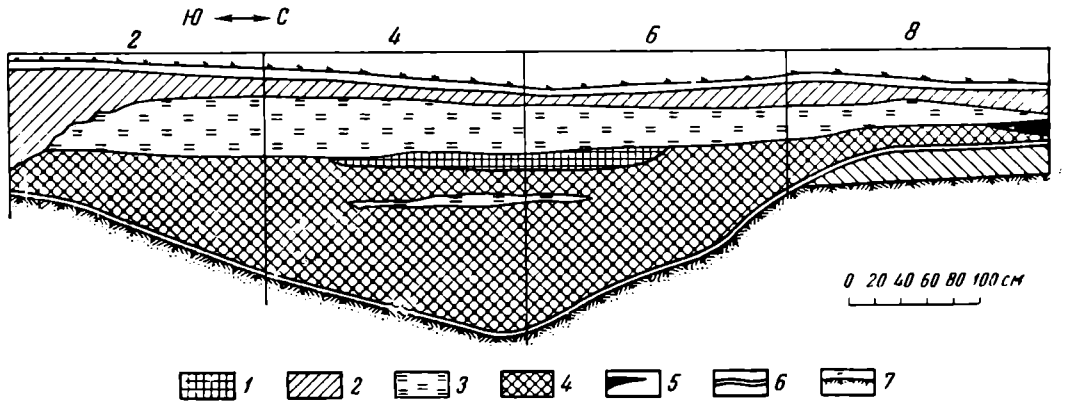


Рис. 6. Профиль западной стенки раскопа II-1959

1 — погребенная почва; *2* — черный культурный слой; *3* — глина; *4* — черное заполнение рва; *5* — уголь; *6* — прослойка облицовки рва; *7* — материк

рое сильно стерло пережитки древних культов), то чуваши вплоть до XIX в. в основном были язычниками и культы древних болгар могли быть ими легко усвоены и сохранены. Но пока имеется слишком мало материала для какого-либо позитивного решения этой проблемы.

О продолжительности существования I болгарского святилища говорят следующие наблюдения.

Во-первых, за время его существования успело отложиться приблизительно 0,2 *м* культурного слоя (нижний 3-й пласт).

Во-вторых, святилище существовало настолько долго, что за это время ров, глубиной около полутора метров, успел почти доверху затянуться землей. Если бы он был специально засыпан, то характер его заполнения был бы иной (пестроцвет).

Предположению, что вал затянулся черной землей после гибели святилища, противоречит тот факт, что заполнение рва на раскопах I, II, VI, VII, IX-1959 перекрыто насыпью вала, сооруженного (как будет показано ниже) сразу же после разрушения I святилища (рис. 6).

2

На месте разрушенного святилища были возведены мощные укрепления. Оборонительная система городища включает в себя три линии валов и рвов с востока, юга и юго-востока (рис. 7). С севера и северо-запада городище хорошо защищено болотом и рекой. Здесь оно имеет только один вал без рва.

Внутренняя линия укреплений включала в себя древний ров I святилища. Он был вычищен и углублен. По обе стороны от него были насыпаны валы. Валы эти очень плохо сохранились и при визуальном наблюдении едва заметны. Но все же на раскопе II-1956 была прослежена прослойка погребенного дерна, сохранившаяся под уничтоженной насыпью внутреннего вала, а на раскопе X-1956— слой глинистой насыпи

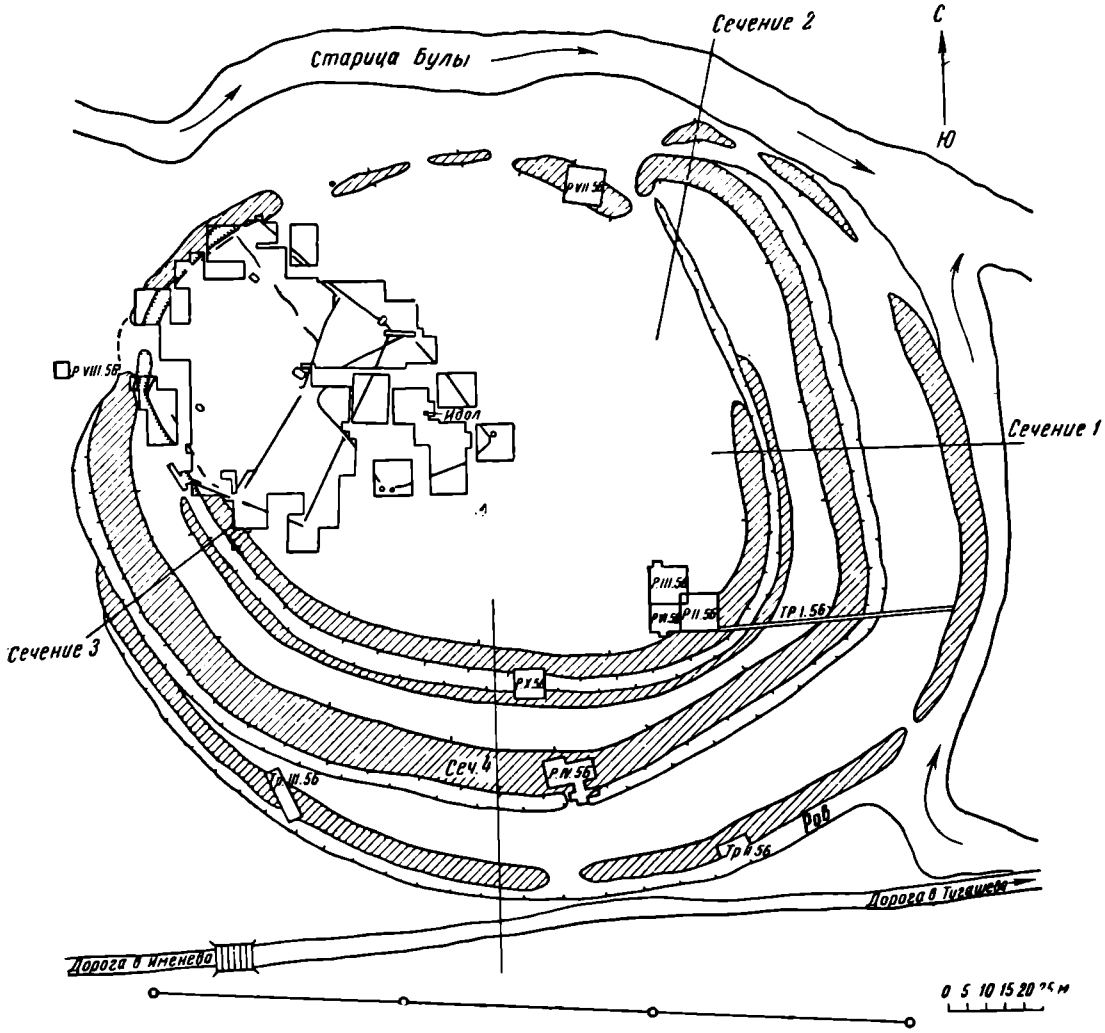


Рис. 7. План городища (заштрихованы валы)

внешнего (по отношению к рву) вала. На севере и северо-западе (раскопы I, II, VI, VII-1959) на древний ров (на его черное заполнение) легла насыпь вала.

Вторая линия укреплений сохранилась наиболее хорошо. Она представлена валом и рвом перед ним. В валу в двух местах на поперечных разрезах прослежены деревянные конструкции, похожие на срубы, заключенные внутри вала. Перед этими конструкциями был обнаружен массив обожженной глины, придававший, видимо, внешней стороне вала необходимую прочность и крутизну [6]. Наземных конструкций на оборонительной стене не обнаружено. При реконструкции (рис. 8) мы показали обычную для русских домонгольских укреплений стену из бревен, характерную для валов с внутренними срубами [7].

Весьма интересно расположение ворот. Их местонахождение удалось определить по ряду археологических признаков. Ворота по второй линии укреплений были обнаружены на раскопе IV-1956. Здесь под слоем дерна залегает насыпь вала. На участках 10—12, там, где предполагалось су-

[6] Такой же прием укрепления внешней поверхности вала обожженной глиной отмечает А. П. Смирнов на болгарском городище III в. Большая Тояба. Исследователь приводит аналогии этому строительному приему в русских памятниках: Звенигород, Тверь, Верея (А. П. Смирнов. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у с. Большая Тояба Чувашской АССР. Зап. ЧНИИЯЛИЭ, вып. IV, 1950, Чебоксары, стр. 137—138).

[7] П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, стр. 122.

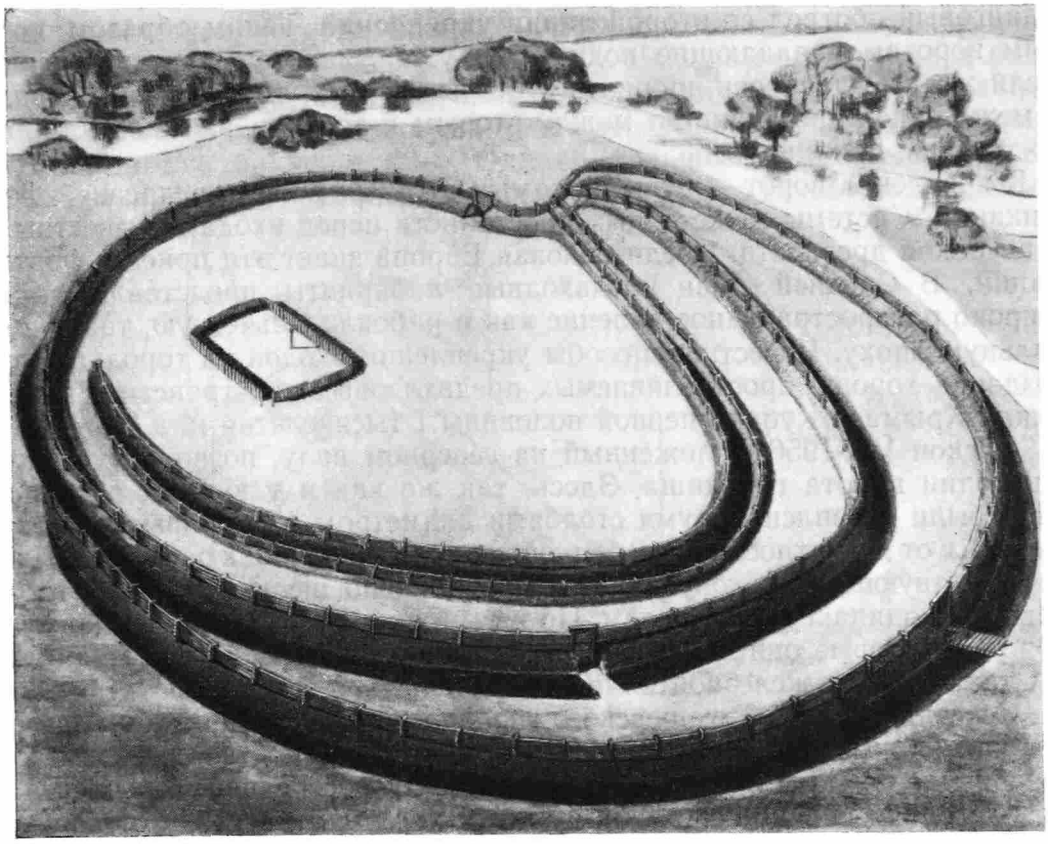


Рис. 8. Реконструкция укреплений и II святилища

ществование прежде прохода, эта насыпь отсутствует. На этих же участках не прослеживается и слой погребенного под насыпью дерна. На этих участках особенно много находок костей и керамики, в то время как в насыпи вала они попадаются единицами. На границах насыпи вала открыто два деревянных столба диаметром по 20 *см*, стоящих по бокам предполагаемого прохода. И, наконец, в пользу существования ворот говорит тот факт, что перед этими участками с внешней стороны вала обнаружена материковая перемычка во рву, игравшая роль мостика. Понятно, что такая перемычка-мостик могла быть оставлена только перед входом.

Ворота во внешнем кольце обороны могли быть только в юго-восточной части, там, где единственный проем в этой линии вала.

Ворота во внутренней линии обороны могут быть предположительно отнесены к тому месту, где на раскопе X-1959 была обнаружена забутовка рва, образующая своего рода мостик через ров. Как мы говорили, ров этот относится к первому периоду (I святилище). Во время сооружения укреплений он вошел в систему обороны. Для прохода через этот ров была сделана перемычка-мостик, подобно мостику перед воротами во втором кольце укреплений. Отличие состояло лишь в том, что во второй линии обороны перед воротами при рытье рва была оставлена материковая перемычка, а во внутренней линии для сооружения перемычки-мостика была устроена забутовка в более раннем рве.

Точно установив места ворот городища, мы смогли понять сложную систему фортификации этого памятника. Противник, прорвав первые ворота внешнего оборонительного кольца, попадал в межстенное пространство между первым и вторым валами. Это межстенное пространство заставляло осаждающих развернуть свои ряды. Чтобы штурмовать ворота второй фортификационной линии городища, нападающие должны были развернуться так, что подставляли свой не защищенный щитом правый бок под

фланговый обстрел со второй линии укреплений. Таким образом, ко вторым воротам нападающие подходили уже значительно ослабленными. Если же им удавалось прорвать и вторые ворота, то опять они попадали в межстенное пространство между вторым и третьим валом, построенное по тому же принципу.

Укрепление ворот — один из самых важных вопросов древней фортификации. Системы межстенных пространств перед входами известны еще в глубокой древности. Средневековая Европа знает эти приемы фортификации. В Средней Азии предвходные лабиринты представляют собой широко распространенное явление как в рабовладельческую, так и в феодальную эпоху. Известны способы укрепления входов на городища путем создания хорошо простреливаемых предвходовых пространств и в памятниках Крыма и Кубани первой половины I тысячелетия н. э.[8].

Раскоп VII-1956, заложенный на северном валу, позволил установить еще одни ворота городища. Здесь, так же как и у южных ворот, края вала были укреплены двумя столбами диаметром 45 *см*, врытыми на глубину 1 *м* от поверхности погребенной почвы. На участках раскопа VII-1956, соответствующих проходу ворот, было найдено шесть железных гвоздей, загнутых одинаковым образом. По ним можно определить толщину досок ворот, в которые они были забиты,— 9,5 *см*. На этих же участках найдены также части железной обивки деревянных створок ворот.

Северные ворота Тигашевского городища не были укреплены так сильно, как южные. Это объясняется условиями местности. Однако и перед северными воротами было создано хорошо простреливаемое пространство благодаря сильно вынесенному повороту вала к востоку от ворот.

Все укрепления Тигашевского городища были построены по единой системе, одновременно, за исключением более древнего внутреннего рва. Об этом лучше всего говорят мостики-перемычки перед въездами на городище, которые были бы недопустимы и очень сильно ослабляли бы оборону, не будь перед ними хорошо простреливаемых межстенных пространств.

Чем же было это укрепление, где хорошо продуманная, построенная по единому замыслу фортификационная система сочеталась со сравнительно малой внутренней площадью? Вопрос о том, было ли это укрепление феодальным замком, административно-военной резиденцией представителя центральной власти или же узлом какой-то заградительной линии Болгарского государства, в котором размещался гарнизон,— вопрос общеисторический и связан с пониманием феодальных отношений, сложившихся в Волжской Болгарии. Нам представляется более вероятным видеть в Тигашевском городище замок феодала. Характерно, что вокруг Тигашевского городища размещались четыре болгарские селища, составлявшие крестьянскую, деревенскую округу замка. На одном из этих селищ, близ озера, был найден мельничный жернов. Подобно Хулашскому болгарскому городищу X—XII вв., расположенному у р. Свияги и являвшемся, по мнению исследователей, центром феодального княжества, в которое входили 12 селищ, окружавших замок[9], Тигашевское городище также, видимо, являлось центром какого-то феодального владения.

Археологические данные не дают нам возможности осветить социальную структуру этого замка. На основании добытого археологического материала мы можем лишь поставить вопрос о возникновении феодализма на юге Чувашии уже в X в.

Трактуя раскопанное нами городище как феодальный замок, мы не можем пройти мимо вопроса о самом доме феодала. Каких-либо архи-

---

[8] Н. И. Репников. Остатки укреплений Эски-Кермен. Готский сборник Л., 1932, стр. 181 сл.; Е. В. Веймарн. Оборонительные сооружения Эски-Кермена. История и археология средневекового Крыма. М., 1958, стр. 10 сл.

[9] Н. Ф. Калинин, А. Х. Халиков. Итоги археологических работ 1945—1952. Казань, 1954, стр. 89.

тектурных остатков, которые можно было бы связывать с домом феодала, не обнаружено. Но на раскопах II, III и IV-1956 был вскрыт особо богатый комплекс находок, который привлек наше внимание. На указанных раскопах имелись только несколько ям от деревянных столбов различных диаметров и две большие ямы. Однако большое количество находок обломков плинф дает возможность предполагать, что здесь было какое-то

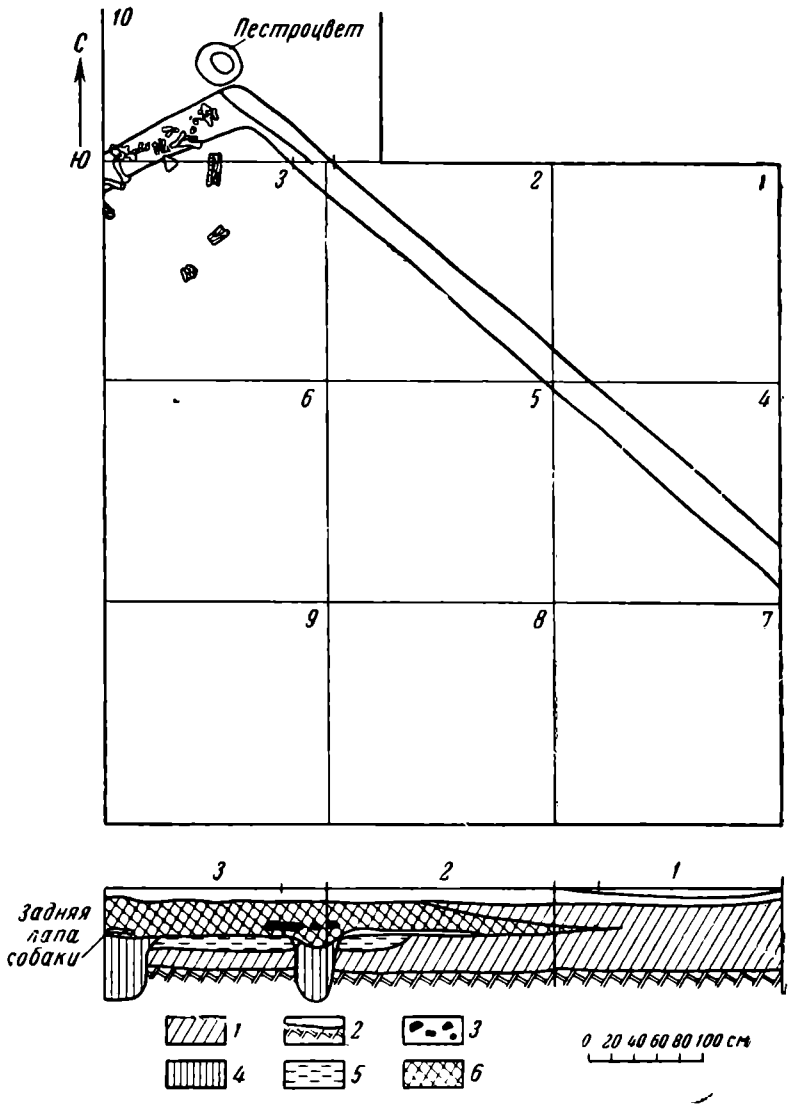


Рис. 9. План раскопа XIV-1958 и профиль северной стенки

1 — черный культурный слой; *2* — материк; *3* — угли; *4* — пестроцвет; *5* — погребенная почва; *6* — насыпь вала

сооружение, при возведении которого были использованы эти плинфы. На три раскопа (общей площадью 268 $м^2$) приходится 168 обломков плинф. А на все остальные раскопы на городище (общей площадью 5300 $м^2$) приходится только 25 обломков плинф. Кроме того, раскопы II, III и VI-1956 выделяются необычным для всего памятника обилием костей и керамики.

Вряд ли это был дом, построенный целиком из кирпича: тогда обломков плинф было бы несравненно больше, да и следы строительного мусора были бы видны четко. Скорее всего из плинфы были выложены опоры для сруба, который до нас не сохранился. Плинфа была положена без известкового раствора, видимо, на земляном растворе (быть может, с примесью глины). Комплекс находок из II, III и VI-1956 раскопов выделяется

находками некоторых довольно богатых вещей: обломков белоглиняного (видимо, среднеазиатского) сосуда с поддоном, керамической фигуры птицы и богато орнаментированной костяной накладки. Эти находки позволяют нам говорить о том, что это сооружение с плинфами было каким-то выдающимся жилым комплексом, быть может, домом самого феодала или представителя его администрации.

Болгарский феодальный замок — Тигашевское городище — был сооружен на месте разрушенного святилища [10]. Но внутри своего замка, рядом с местом старой керемети, болгарский князек ставит новое святилище, меньшее по размерам.

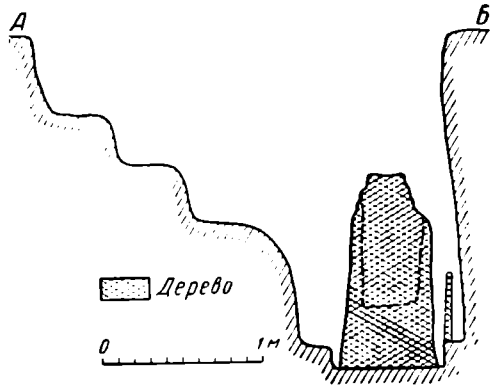


Рис. 10. Разрез ямы с основанием столба идола

Это второе болгарское святилище окружено прямоугольной оградой (40 × 34 *м*) такого же типа, как и ограда I святилища (рис. 1). Вертикальные доски с плоско обрубленным нижним концом ставились в канавку, которая в среднем имеет ширину 0,35 *м* и глубину 0,4 *м*, а иногда и большую.

Вход в святилище был расположен в южном углу ограды. По обеим сторонам входа с внешней стороны ограды расположены две круглые ямы. В восточной яме (диаметр — 1,25 *м*, глубина — 1 *м*) расчищено обгорелое бревно, ниже обнаружен слой камней, а под ним — черная, углистая прослойка. На самом дне найдены кости коровы (челюсть, ребра и ноги). В западной яме (диаметр — 1,8 *м*, глубина — 0,85 *м*) найдено очень много костей и керамики. Яма эта, видимо, использовалась впоследствии как мусорная свалка.

Внутри прямоугольной ограды, в середине, ближе к северо-восточной стене, против входа стоял столб-идол (рис. 10). На раскопе I-1956 обнаружена прямоугольная яма (1,6 × 0,75 *м*), ориентированная с севера на юг. В северной части ямы были сделаны три ступени, в южной части находилось основание соснового столба, врытого в материк на глубину 2,25 *м*. В сырой глине дерево прекрасно сохранилось. Это нижняя часть деревянного столба, обработанного топором (диаметр в нижней части — 65 *см*, в верхней — 50 *см*). Бревно сохранилось на высоту 1,26 *м*, в верхней части имеет глубокий клиновидный вырез — видимо, для соединения с верхней частью столба. Для более устойчивого крепления столба в яме между ним и южной стенкой ямы была забита деревянная доска. Верхняя часть ямы, выше деревянного столба, была заполнена всяким мусором: обломками керамики, костями, медными и бронзовыми шлаками, обрезками медных пластин, обломками сосудов со следами плавки меди и бронзы и др.

Со II святилищем связаны две интересные детали культа древних болгар — принесение в жертву собак и зарывание в яме у забора святилища ног и черепа лошади.

---

[10] Оборонительные сооружения городища были построены, когда I болгарское святилище было уже разрушено. Это следует из наблюдений над стратиграфией раскопа XIV-1958, где на профиле северной стенки (рис. 9) мы можем сопоставить дневной уровень засыпки канавки и уровень погребенной под насыпью вала почвы. Насыпь вала перекрывает пестроцветное заполнение канавки; следовательно, она позднее святилища. Но канавка прорезает слой погребенной почвы; следовательно, ее дневной уровень совпадает с уровнем погребенного дерна. Иными словами, насыпь вала была насыпана вскоре после засыпки канавки святилища, тогда, когда на месте канавки еще не образовался дерновый слой. Дополнительные стратиграфические факты дает наблюдение над положением костяка собаки у северного угла святилища. Передняя часть костяка лежит на погребенной почве, а задняя — на засыпке канавки.

На городище найдены три костяка собак. Две собаки были положены под насыпью вала, когда строили оборонительную систему. Третья собака найдена в канаве II святилища, куда была положена в момент сооружения забора. Несомненно, эти захоронения собак имели какой-то неясный нам магический смысл. Известно, что у народов Поволжья, в том числе и у чувашей, собаке часто придавался мистический смысл [11]. Более древней аналогией являются захоронения собак (видимо, также магические по своему характеру), вскрытые в одной из ям в 1955 г. на Балымерском городище.

Вторая деталь — находка в яме у восточного угла забора нижних костей четырех ног, крестца и черепа лошади — сразу же наводит на мысль о жертвоприношениях лошадей, хорошо известных в этнографии чувашей [12]. Мясо коня, принесенного в жертву керемети, поедали, а шкуру с костями ног, хвоста и черепа оставляли висеть на столбах, на заборе или на дереве [13]. Потом ее убирали и закапывали. Характерно, что чуваши оставляли висеть шкуры убитых лошадей в восточной части керемети (на ограде или на деревьях) [14]. Именно близ восточного угла II Тигашевского святилища найдена яма с костями лошади. Естественно, что от такой шкуры могли сохраниться только кости, и именно те, которые нами найдены в яме при исследовании II святилища.

В археологии подобные жертвоприношения коней, зафиксированные находками именно ног и головы животного, широко известны [15].

[11] Г. Комиссаров сообщает, что, по представлениям чувашей, услышать лай собак при поминовении усопших означало, что покойник чем-то недоволен (Г. Комиссаров. Чуваши Казанского Заволжья. ИОАИЭ, вып. 27, 1911, стр. 380). Собакам дают при поминках пожирать пищу, приносимую для умерших, так как верят, что в них переселяются души покойников. Чуваши считают, что собака является защитником лешего (Ар-сюри) (см. В. Сбоев. Ук. соч., стр. 137). В древности существовал обряд «собачьей клятвы», при котором важнейшим моментом обрядового действия было принесение в жертву собаки. Этот обряд известен был у дунайских болгар (см. G. Fehéz. Les foilles des Zalavar (1951—1954). Acta Archaeologica, Budapest, 1954, т. IV, стр. 227).

[12] Н. В. Никольский пишет, что при общественных жертвоприношениях в поле закалывали белую лошадь, при семейных — жеребенка (Н. В. Никольский. Краткий конспект по этнографии Чувашии, ИОАИЭ, т. 26, 1916, стр. 581). Внутренний ров городища Большая Тояба оставался в XIX в. еще не затянутым. При его раскопках в 1957 г. нами были открыты следы жертвоприношений жеребят (черепа и ноги) вместе с монетами XVIII—XIX вв. При поминках на могиле закалывалась любимая лошадь покойника (см. В. Сбоев. Ук. соч., стр. 76). Г. Миллер сообщает, что в жертву чаще всего приносится лошадь, по большим праздникам — белая лошадь (Г. Миллер. Ук. соч., стр. 54). Он же повествует о жертвоприношениях лошадей при поминках на кладбище (там же, стр. 79). Об этом же сообщает и А. Мелькович (см. В. К. Магницкий. Ук. соч., стр. 49). О заклании жеребенка для керемети пишет Н. Иванов (Н. Иванов. Из языческого религиозного культа чуваш д. Ходяковой, Ядринского у. Изв. по Казанской епархии, Казань, 1905, стр. 1034). В. Сбоев пишет, что каждый чувашин один раз в пять лет должен принести в жертву жеребенка керемети Херла-Сырь, чтобы предотвратить ее вредное влияние на плодородие земли (В. Сбоев. Ук. соч., стр. 113). Н. В. Никольский сообщает, что жеребенка и белого коня приносят в жертву всевышнему богу Тура-Тала (Н. В. Никольский. Ук. соч., стр. 581). О жертвоприношениях лошадей и гусей на кереметях у татар-язычников пишет Я. Д. Коблов (Я. Д. Коблов. Мифология казанских татар. ИОАИЭ, вып. 26, 1916, стр. 457).

[13] В. Сбоев пишет: «Страленберг пишет, что чуваши на деревьях керемети вместе с кожами вешают и кости жертвенных животных. Миллер, напротив, утверждает, что все кости жертвенных животных, а по показанию г-жи Фукс, даже и шкуры их, всегда и непременно сжигались. Оказывается, что Страленберг прав, а Миллер и г-жа Фукс — не совсем. Чуваши точно вешали на деревьях кереметей кожи, снятые с лошадей, принесенных в жертву; при коже оставались непременно все головные кости, грива, хвост и ноги лошади» (В. Сбоев. Ук. соч., стр. 64). Кожи быков, коров, овец и других жертвенных животных, сообщает далее В. Сбоев, чуваши продавали. Г. Миллер зафиксировал этот обряд у черемисов еще в XVIII в. (см. Г. Миллер. Ук. соч., стр. 65—57). Этот обряд существовал также на Алтае (см. В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 50).

[14] Об этом сообщает К. Мелькович (см. В. К. Магницкий. Ук. соч., стр. 56).

[15] O. Klindt-Jensen. Scandinavian Community in Peace and War. Archaeology, т. II, № 2, 1958; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 153 сл.

I болгарское святилище мы сопоставляли с чувашской кереметью — местом жертвоприношений и культовых трапез. II болгарское святилище отражает какие-то другие религиозные представления. Главное здесь — идол, и все подчинено ему.

Большие святилища Восточной Европы I — начала II тысячелетия, бывшие центром религиозной жизни племени, союза племен, области или же общегосударственным центром какого-либо культа, обычно имеют идола в виде центрального столба или статуи. Таковы святилища Святовита в Арконе (XI—XII вв.) [16], Радогоста в Ретре [17], Триглава в Щецине [18], Геровита в Вольгаете [19], идол Перуна и других богов на Киевском холме у терема князей [20], Перынь [21], святилище Велеса в Киеве [22] и в Ростове [23], идолы в святилище на Волге, описанном Ибн-Фадланом [24].

У многих племен первобытный шаманизм, вера в демонов, духов, населяющих всю природу, живущих и в роще, и в воде, и под печью, и на гумне, и в скотном дворе, сменяется с течением времени культом более или менее персонифицированных божеств. Так, у славян на место русалок и вурдалаков, рожаниц и леших приходят Перун и Даждбог, Велес и Хорс, Святовит и Стрибог, оттесняя на задний план первобытную демонологию.

Культ персонифицированных богов связан, видимо, с большими святилищами, центром которых является идол — изображение этого бога.

Характерно в этой связи, что I Тигашевское святилище дает аналогию этнографически зафиксированным святилищам чувашей — кереметям. Культ кереметей является выражением пережитков древних шаманийских культов у народов Поволжья.

Сооружение Тигашевского городища, одновременного со II святилищем [25], совпадает с эпохой сложения феодальных отношений. Постройка Тигашевского замка знаменует возникновение феодализма у болгар, переселившихся в этот район. Это было время острых социальных конфликтов, когда верхушка феодализирующегося общества захватывает и подчиняет общинное сельскохозяйственное население. Мы знаем болгар-

---

[16] C. Schuchart. Arkona, Kethra, Vineta. Berlin, 1926, стр. 1—22.

[17] Там же, стр. 22 сл.

[18] Там же, стр. 62.

[19] Там же, стр. 63.

[20] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 319—323.

[21] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни, КСИИМК, вып. L, 1953, стр. 92 сл.

[22] А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906, стр. 115—116.

[23] Житие Авраамия Ростовского. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Кушелевым-Безбородко, т. I, СПб., 1893, стр. 222.

[24] А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 142.

[25] Канавка II болгарского святилища была сооружена тогда, когда канавка I святилища была уже засыпана. На раскопе VI-1958 мы могли видеть, как канавка II святилища, заполненная черной землей, прорезает пестроцветное заполнение канавки I святилища. Видимый дневной уровень канавок I святилища, чаще всего устанавливаемый по верхней границе пестроцветной засыпки канавки, должен быть принят за дневной уровень разрушения (засыпки) ограды. При расчистке канавок II святилища мы встречали все время древесный тлен, а иногда и остатки нижних частей досок от забора. При разрушении этого святилища доски были не вынуты, а сломаны, так что нижние части их оставались в канавках. Верхний уровень следов деревянных досок забора показывает уровень разрушения канавки II святилища. Расположенные ниже этого уровня края канавки показывают дневной уровень постройки забора (т. е. рытья канавки). Дневной уровень разрушения канавки I святилища совпадает с дневным уровнем постройки канавок II святилища. При нетронутом состоянии слоя это говорит о том, что II святилище было построено вскоре после гибели I святилища. Вспомним, что оборонительная система городища также была сооружена сразу же после разрушения I святилища. Следовательно, II святилище приблизительно одновременно оборонительным линиям городища.

ские памятники, бывшие до X в. общинными убежищами и ставшие при феодализации феодальными замками, как, например, Чертово городище.

Уничтожение племенного религиозного центра, захват феодалом священного места и устройство на нем феодального замка — все это события, достаточно красноречиво свидетельствующие об этой полной драматизма эпохе.

Соединение феодального, княжеского замка с культовым местом, святилищем, примером чего может служить II строительный период Тигашевского городища,— явление не единичное. На Екимауцком городище, которое Г. Б. Федоров трактует как феодальный замок, были прослежены остатки какого-то культового сооружения [26]. Святилище Радогоста, как сообщает Титмар Мерзебургский, находилось в замке князя редарей [27]. В Гуцкове, замке западнославянского князька Мицлава, стоял языческий храм [28]. Известно, что в Киеве идол Перуна стоял сначала во дворце Игоревичей или в каком-то другом месте, где Игоревичи владели своей рощей [29]. В одном из древлянских городищ, являвшихся, как считает П. Н. Третьяков, феодальным замком X—XII вв., было открыто языческое культовое сооружение [30].

Языческий, домусульманский характер Тигашевского святилища с идолом бесспорны. Однако полное отсутствие костей свиньи на городище свидетельствует о мусульманстве. Возможно, что уничтожение II святилища следует связывать с распространением мусульманства, с его победой над древним культом. Однако не исключено, что языческое святилище продолжало существовать тогда, когда феодальная верхушка уже приняла мусульманство. В руках феодала святилище продолжало оставаться орудием идеологического закрепощения и подчинения населения.

3

Третий строительный период начался с разрушения святилища и застройки внутренней территории городища различными хозяйственными, ремесленными и жилыми постройками. Прослойки обожженной глины от печей этих домов все располагаются в верхнем штыке культурного слоя, перекрывая канавки II святилища.

На раскопе V-1956 найдены остатки обгорелого сруба и пола. Прослежены две стены, сложенные из бревен по 20 *см* толщиной. Между стенами находились деревянные бревна-переводины, на которых лежал дощатый настил пола. В северо-восточном углу сруба обнаружен под печи в виде прямоугольной глинобитной площадки ($2 \times 2{,}5$ *м*). На этой площадке лежал развал свода печи-каменки в виде кусков обожженной глиняной обмазки и камней со следами огня. Каменные стенки печи опирались на деревянные, прямоугольные в сечении брусья (рис. 11).

К востоку от описанного дома было обнаружено подполье от другого дома. Большая яма неправильных очертаний с неровным дном была вырыта с самой поверхности глинистого материка на глубину около 0,7 *м*. В подполье обнаружены следы рухнувшего обгорелого настила пола. Некоторые доски лежали на краю ямы и под обожженным подом печи. К северу от подполья, также на материке, прослежена прослойка, насыщенная кусочками глинистых обожженных обмазок от печи, и пятно обожженной, прокаленной на толщину в 10 *см* глины — видимо, под разрушенной печи. Описанные объекты являются остатками дома ремеслен-

[26] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, вып. L.
[27] C. Schuchardt. Ук. соч., стр. 34.
[28] Там же, стр. 60—62.
[29] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 23, 319—323.
[30] А. Дмитревська. Звит городскоі експедиції 1946 р. АП, т. I, Київ, 1949, П. Н. Третьяков. Древлянские грады. Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». М., 1952, стр. 66—68.

ника — кузнеца и бронзолитейщика. В верхней части подполья, выше рухнувшего перегорелого настила пола, было найдено 162 обломка криц. На глубине 2-го и 3-го штыков, на участках, непосредственно прилегавших к подполью, было найдено еще 35 обломков криц и около 40 обломков бронзовых и медных шлаков и неопределенных бронзовых поделок. Уже отмечалось, что в верхней части ямы, где было обнаружено основание идола, найдено много остатков бронзолитейного производства. Видимо, мусор и отходы производства ремесленника, обитавшего в этом доме,

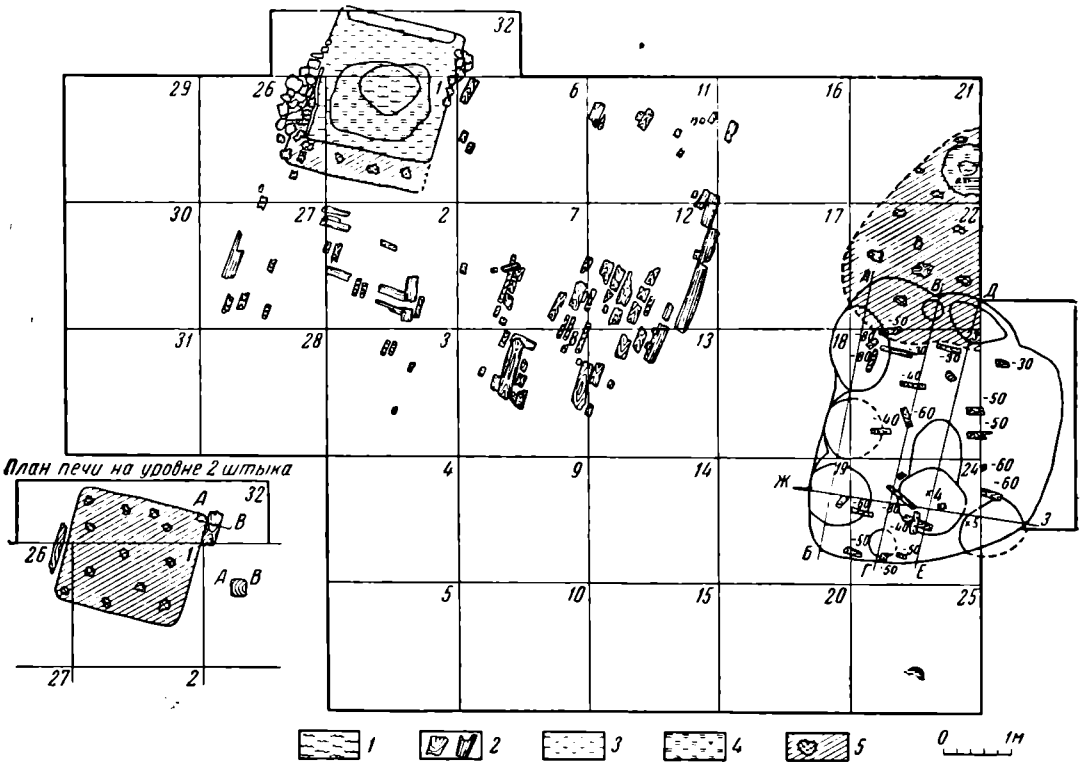


Рис. 11. План раскопа V-1956

1 — зола; *2* — дерево; *3* — желтая глина; *4* — красная прокаленная глина; *5* — желтая глина со следами обжига

заполнили верхнюю часть ямы, где раньше стоял идол: среди керамики и костей там было найдено 59 обломков плавильных тиглей, 5 обломков медных или бронзовых пластин, бронзовые гвозди, 28 мелких кусков и 15 крупных кусков бронзового и медного шлака.

На раскопах X-1958 и XVI-1959, на уровне 1-го штыка были расчищены остатки еще одного дома: следы обугленного настила пола, большой развал каменной печи со множеством обожженных обмазок и небольшая подпольная прямоугольная яма.

Остатки домов и развалы печей, залегавшие в верхнем пласте культурного слоя, были открыты на раскопах XI-1958, IV-1959, XV-1959, в центральной части раскопа VIII-1959.

Территория городища в этот период становится слишком тесной, и ее расширяют. Расширение было сделано за счет уничтожения внутренней линии обороны замка. Валы были срыты, а ров засыпан.

Малая высота валов внутреннего оборонительного кольца городища и малая глубина рва при сравнительно большой высоте второго вала и при большой глубине второго рва наводили на мысль о том, что в какой-то момент жизни городища вал был срыт, а ров засыпан. Когда же на раскопе X-1956 был обнаружен сруб (10-й по счету жилой комплекс, открытый на городище), стоящий на искусственной засыпке рва, это предположение превратилось в уверенность.

В доме на раскопе X-1956 был хорошо прослежен пол из обгорелых досок, лежащих на поперечных переводинах. Обнаружены южная и западная стены сруба, причем южная стена сохранилась на высоту двух венцов. Сруб немного опущен в засыпку рва и представляет собой жилище типа полуземлянки. Здесь же расчищена нижняя часть печи-каменки с глинобитным, сильно прожженным подом. На поверхности пестроцветной засыпки рва (эта поверхность является дневной поверхностью полуземлянки) лежит прослойка, насыщенная медными и бронзовыми шлаками, обрезками меди и обломками тигельков. Все говорит о том, что здесь была мастерская бронзолитейщика. Эта прослойка связана с меднолитейным горном, от которого осталась нижняя часть большого коричневого глиняного сосуда, забитого золой. Земля вокруг этого сосуда очень сильно обожжена.

Работа меднолитейщика была связана с постоянным взвешиванием. Судя по готовому обрубленному слитку, ремесленник был связан с рынком. Он получал на рынке часть сырья в виде слитков металла. В комплексе мастерской найдены стрелка от весов и две гирьки: одна бочонковидная, сильно поврежденная, другая — кубическая, 27,5 *г* весом, с ребром 15 *см*. Такая же гирька найдена и на раскопе II-1956; она весит 55,9 *г*, т. е. вдвое больше.

Расширение территории городища в ущерб обороноспособности замка было сделано для того, чтобы дать место теснившимся один к другому домам бронзолитейщиков, кузнецов и т. п. Превращение разбойничье-феодального гнезда в хозяйственную усадьбу — характерное явление для феодализма.

4

Керамический комплекс болгарского слоя Тигашевского городища представлен большим количеством обломков посуды. Табл. I дает представление о составе керамики по обжигу, цвету и лощению. Наибольшее количество приходится на желтую нелощеную керамику плохого обжига. Намного меньше фрагментов приходится на группу серой и коричневой керамики и совсем мало — красной керамики. Лепная керамика составляет 6—17%.

Керамический комплекс и его состав дают нам прочное основание для датировки городища. По аналогии с другими болгарскими памятниками — селище Криуши [31], верхний слой Балымерского городища [32], Больше-Пальцинское селище [33], Андреевское городище XI в. в Ульяновской области, слой X—XI вв. Болгарского городища [34] — мы можем отнести керамический комплекс Тигашевского городища к X—XI вв. А. П. Смирнов, подведя итоги огромной статистической работы по болгарской керамике, дал приблизительные соотношения типов керамики для различных периодов Болгарского государства [35]. Сходный состав керамики Тигашев-

[31] А. П. Смирнов. Археологические исследования Ульяновского музея в 1957 г. Ульяновск, 1958, стр. 16—19.

[32] А. М. Ефимова. Отчет о работе в 1955 г. I отряда Куйбышевской экспедиции — раскопки болгарского городища в с. Балымеры. ТАССР. Архив ИА АН СССР, д. 1118, ф. 1, л. 6.

[33] Т. А. Хлебникова. Пальцинские селища X—XIII вв. МИА, № 61, 1958, стр. 218—219. Нам кажется, что датировку Пальцинских селищ следует удревнить. Подвески, найденные на Мало-Пальцинском селище, дают дату VIII—XI и X—XI вв. Ту же дату дает состав керамики Больше-Пальцинского селища. Но состав керамики Мало-Пальцинского селища архаичнее (54—60% лепной керамики). Видимо, Мало-Пальцинское селище относится приблизительно к VIII—X вв. а Больше-Пальцинское — к X—XI вв.

[34] Фрагменты слоя X—XI вв. у «Четырехугольника». Эти слои датируются желтолимонными бусами IX—XI вв., шиферными пряслицами, стеклянными браслетами. (См. А. М. Ефимова. К вопросу о происхождении городов Волжской Болгарии. Казань, 1957, стр. 9—10).

[35] А. П. Смирнов. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС в 1955 г. Казань, 1956, стр. 4.

ского городища заставляет датировать его примерно тем же временем (см. табл. 1). Процент лепной керамики соответствует обычной для X—XI вв. доле лепной посуды в общем количестве черепков. Соотношение лепной и гончарной керамики — наиболее важный хронологический признак болгарского керамического комплекса. Показателен большой процент желтой керамики при очень низком проценте красной, характерной для поздних памятников. Типичен для X—XI вв. также сравнительно высокий процент коричневой керамики, обычный для ранних болгарских слоев (табл. 1).

Но на нашем памятнике коричневой керамики все же меньше: не 35%, а 10—12%. Зато желтой — больше. Видимо, на периферийных болгарских памятниках (таблица А. П. Смирнова составлена по центральным болгарским городищам) доля желтой посуды выше за счет более дорогой и требовавшей более тщательной обработки коричневой посуды.

Таблица 1

Название памятника	Гончарная				Лепная	Дата памятника
	красная	коричневая	желтая	серая		
Криушинское селище	2,0	21—24	11—42	19—29	10—50	IX—X вв.
Слои X—XI вв. Болгарах	4,3	45,0		14,3	36,3	X—XI вв.
Слои X—XI вв. в Болгарах	28,0	40,0		12,0	20,0	X—XI вв.
Верхний слой Балымерского городища, 1-й штык	17,0	6,9	38,8	30,3	6,0	IX—XI вв.
Верхний слой Балымерского городища, 2-й штык	12,6	5,0	33,5	43,7	5,3	IX—XI вв.
Больше-Пальцинское селище, 1-й слой	31	31	17	—	21	VIII—IX вв.
Больше-Пальцинское селище, 2-й слой	27	51,5	13	—	8,7	IX—XI вв.
Андреевское городище	5,1	16,4	57,9	18,5	2,1	XI в.
Городище Большая Тояба	6,4	14,6	50,6	16,6	10,8	XI—XIII вв.
Тигашевское городище, 1-й штык	3,6	12,5	58,7	11,6	13,6	X—XI вв.
Тигашевское городище, 2-й штык	1,4	10,2	64,3	7,0	17,1	
Тигашевское городище, 3-й штык	0,7	9,7	67,4	10,2	12,0	

Данные А. П. Смирнова, подытоживающие огромный керамический материал болгарских памятников, свидетельствуют о том, что по прошествии приблизительно двух столетий мы имеем уже ощутимые изменения в процентных соотношениях различных групп керамики. Однообразие керамического материала во всех трех строительных периодах на нашем памятнике может свидетельствовать только об одном: жизнь на Тигашевском городище, начиная с момента сооружения I святилища и кончая запустением замка, продолжалась не более 200 лет.

Это соображение вполне соответствует датировке по составу керамики X—XI вв. и не дает нам права расширять эту дату, заходя в IX или XII в.

Обратимся теперь к находкам различных предметов, имеющих более или менее определенную дату.

На Тигашевском городище найдено 13 наконечников стрел (рис. 12, *1—6, 8—13*). Среди них ромбовидные, пирамидальные квадратные в сечении, и узкие клиновидные наконечники, характерные главным образом для памятников X—XII вв.[36]. Стрелы вполне укладываются в хронологи-

[36] Такие стрелы встречаются на городище Екимауцы (см. Г. Б. Федоров. Ук. соч., стр. 106), в Гнездовских курганах (см. В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии, вып. I, Гнездовский могильник близ Смоленска, МАР, № 28, 1902, стр. 72, 73, т. IX, стр. 2, 3, 6, 7, 8, 9), в Старой Рязани (А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 185, рис. 143, № 28), в Новгороде (см. А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 165) и в др.

ческие рамки, установленные нами на основании статистического изучения керамики.

Пряжек найдено три: одна — железная (рис. 12, *7*). Вторая (рис. 12, *17*) — биллоновая, с тремя выступами на рамке, с неясным изображением каких-то грифонов на обойме, имеет аналогии в памятниках IX—XI вв.[37]. Третья (рис. 12, *16*) — плоская железная, с овальной рамкой, похожа на некоторые пряжки из финно-угорских древностей IX—XI вв.[38]. Биллоновая пряжка найдена в яме № 1 среди прочих многочисленных находок.

Обнаружен топор, имеющий прямое лезвие без бородки. Такие топоры известны в финно-угорских и болгарских памятниках IX—XI вв.[39].

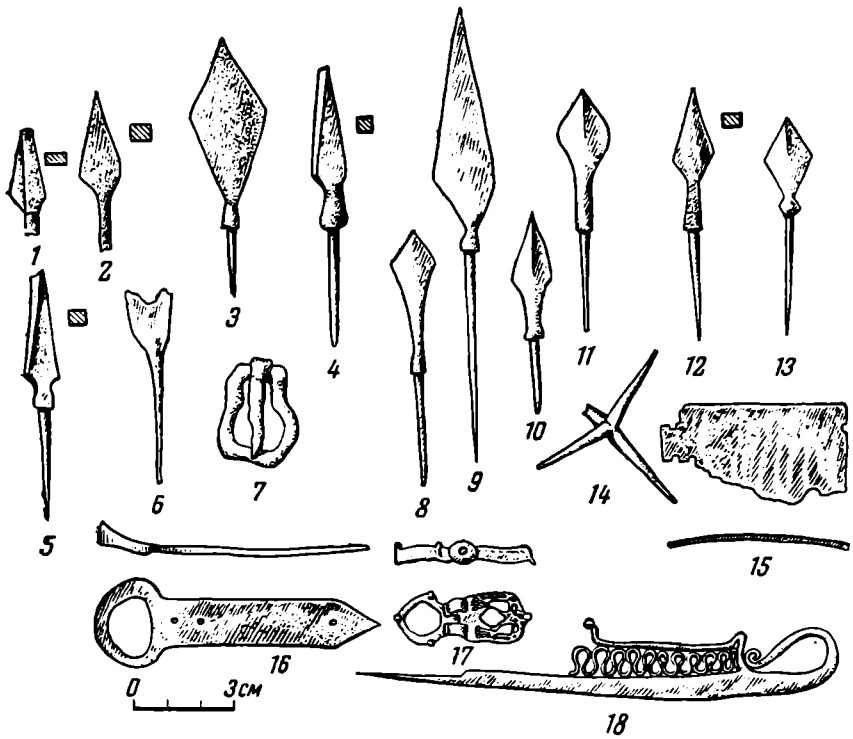


Рис. 12

1—6, 8—13 — стрелы; *7, 16, 17* — пряжки; *14* — «чеснок»; *15* — пластинки от панциря; *18* — кресало

Найдены три бусины: бочонковидная черная, стеклянная, сердоликовая бипирамидальная и сердоликовая призматическая. Последняя бусина имеет ранние аналогии и может быть датирована X—XI вв.

Обломки кирпичей, найденных на раскопах, по фактуре и толщине (2.5—2,7 *см*) совершенно аналогичны русской плинфе, из которой в X—XI вв. шло широкое строительство в древнерусских городах[40]. Плинфа, найденная на Тигашевском городище, настолько похожа на русскую,

---

[37] Ср. пряжки из Киевского некрополя, из погребения X в. (см. М. К. Каргер. Древний Киев. М.— Л., 1958, стр. 125), фрагмент пряжки из хазарского слоя Саркела (см. М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, стр. 44, рис. 30)

[38] Ср. бронзовую пряжку из Крюковско-Куженовского могильника VIII—XI вв. См. П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952. табл. XXXI, *1*.

[39] Ср. топоры в мордовских могильниках IX—XI вв., например, в Лядинском, Томниковском, Крюковско-Кужовском и т. п. (см. МАР, вып. 10, СПб., 1893, табл. X, 3; П. П. Иванов. Ук. соч., табл. XI, 2; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 123); на Шоломе в слое XI в. (см. Б. Б. Жиромский. Древнеродовое святилище Шолом. МИА, № 61, 1958, стр. 440).

[40] Толщины плинфы вместе с ее размерами являются датирующим признаком. Так, в Киеве в X в. известна была плинфа толщиной в 1,5 *см* (при размерах 31 × 31 *см*). В эпоху Ярослава толщина кирпича увеличивается до 3,5 *см*, к началу XII в.— до 4—5 *см* (см. М. К. Каргер. Древний Киев, стр. 456). Надо отметить, что в XII в. во мно-

что мы вправе сделать предположение, что в замке жили (или его строили) русские мастера, быть может попавшие в плен во время одной из русско-болгарских войн.

Среди находок на городище следует отметить шиферные пряслица. Шиферные пряслица имеют в древнерусских областях широкий хронологический диапазон (с конца X и до середины XIII в.), но массовое проникновение овручских пряслиц в районы Волжской Болгарии могло иметь место во времена максимального их распространения, которое относится ко второй половине XI или рубежу XI—XII вв. Наибольшее количество пряслиц найдено в верхнем штыке, соответствующем III строительному периоду. Это вполне соответствует датировке этого периода концом XI в.

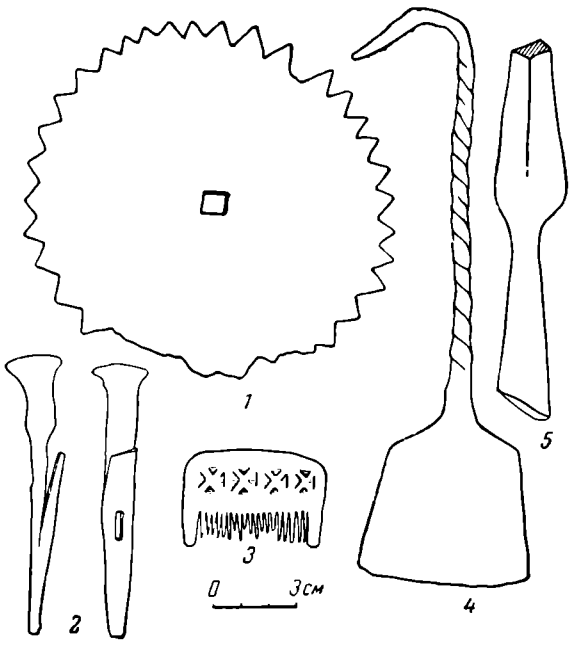


Рис. 13

1 — зубчатое колесо; *2* — стержень с пружиной; *3* — гребень; *4* — лопаточка; *5* — наконечник копья

Подведя итоги анализу различных фактов, которые могут быть использованы для датировки памятника, мы можем сказать, что весь памятник датируется приблизительно X—XI вв. [41]. Видимо, I строительный период, с которым связано I болгарское святилище, относится к X в. На рубеже X—XI вв. строится замок и II святилище (II период), а в конце XI в. наступает II период жизни городища, связанный с расширением внутренней территории замка и его застройкой.

Наибольшее количество продуктов железоделательного, бронзолитейного и ткацкого ремесел найдено в верхнем пласте культурного слоя, связанного с третьим периодом, периодом, когда внутренняя территория городища была застроена различными хозяйственными, жилыми и ремесленными постройками. Мы уже описывали мастерские кузнеца и бронзолитейщика.

О развитии костерезного ремесла говорят довольно многочисленные обрезки костей и рогов, заготовленные для дальнейшей обработки. Следует особо отметить костяную пластину, покрытую резным витым узором. Подобный мотив сохранился в чувашском и татарском народном искусстве, в частности в деревянной резьбе. Найдена рукоятка ножа из кости, покрытая характерным циркульным орнаментом, и орнаментированный гребень (рис. 13, *3*).

О технике обработки железа говорят фрагменты больших сосудов с наварившимся на них с внутренней стороны железом. В средние века был известен способ варки стали путем нагревания железа вместе с углем в сосудах.

О ткацком производстве свидетельствуют упоминавшиеся выше шиферные пряслица. Найдено также несколько простых глиняных пряслиц.

О сельском хозяйстве дает представление плужный нож, свидетельствующий о плужной обработке земли в X—XI вв. Этот факт подтвержда-

---

гих городах употреблялся кирпич 3,5—4 *см* толщиной (ср. Н. Н. Воронин. Раскопки в Переславле-Залесском. МИА, № 11. 1949, стр. 197 (собр. 1152 г.)); Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 69 (Благовещенский собор, 1186 г. и др.).

[41] В комплексах I святилища найдены вещи, имеющие наиболее ранние аналогии: биллоновая пряжка и призматическая бусина.

ет давно археологически установленное наличие плужной обработки полей в Болгарском государстве с X в.[42]. Следует отметить находки косы, жернова с плоской рабочей поверхностью, древолазного шипа, рыболовного крючка и грузила.

О высоком уровне обработки дерева свидетельствует фрагмент широкой поперечной пилы. Пила XI в.— большая редкость среди археологического материала[43]. В районе Болгарского государства для столь раннего времени она была неизвестна.

Из оружия найдены, кроме описанных выше железных наконечников стрел, один трехгранный костяной наконечник стрелы, железный трехгранный дротик с втулкой (рис. 13, *5*) в каком-то железном плоском «футляре», обломок боевого топорика, «чеснок» (рис. 12, *14*) и панцирные пластины (рис. 12, *15*). Найдены два зубчатых колесика. Колесики совершенно однотипные. Они имеют квадратные отверстия в центре для прочного соединения с осью (рис. 13, *1*). Эти колесики, быть может, служили деталями коловоротного самострела. Но, может быть, они выполняли какие-либо другие функции (например, были дверными личинами).

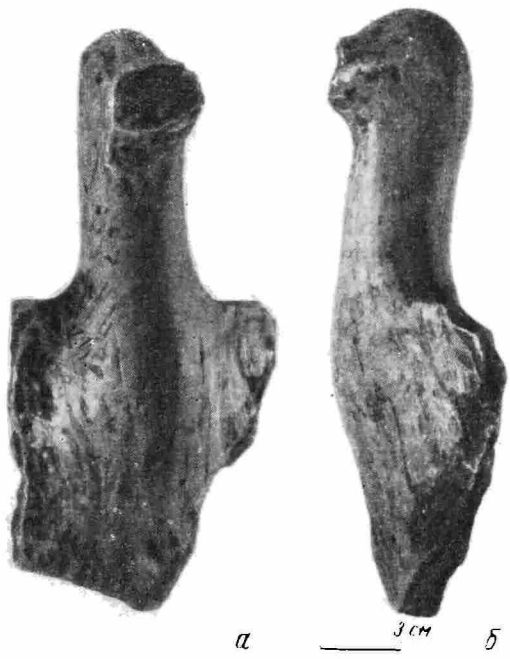


Рис. 14. Керамическая фигурка птицы

Среди бытовых предметов найдено много железных ножей обычного для болгарских памятников типа, кольчатые, с подвижными кольцами удила, цепь, много замков, все одного типа, не встречающегося в русских памятниках и обычного для болгарских (русские замки имеют дужку, болгарские — пластину с отверстием, надеваемую на длинный стержень, припаянный к цилиндрическому корпусу замка)[44], и ключи. Найдено два каменных точила в виде дисков с четырехугольным отверстием для оси, с хорошо отполированными и сработанными краями, имеющими следы точки на нем каких-то орудий.

Собрано довольно много гвоздей и железных кованых скоб. Детскими игрушками, видимо, являлись небольшие глиняные, слабо обожженные шарики. Найдена железная лопаточка с ручкой в виде перекрученного железного жгута (рис. 13, *4*), Найдено железное массивное кресало сложной формы с орнаментальной пружиной (рис. 12, *18*), стержень с пружиной от замка (рис. 13, *2*).

Необходимо особо остановиться на ритуальных вещах, связанных с культовыми местами, открытыми на городище. К таким предметам следует отнести глиняную фигурку птицы с распластанными крыльями и с глазами, трактованными в виде точек (рис. 14). Сходная фигурка

---

[42] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 17; А. В. Кирьянов. К вопросу о раннеболгарском земледелии. МИА, № 61, стр. 290.

[43] Подобные пилы XI—XII вв. известны в Новгороде (см. А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, стр. 369); Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 35—36.

[44] Такой же тип замка известен из Венгрии (хранится в Будапештском музее). Его изображение см. Б. Я. Ставиский. Медный ключ из Кулдор-Тепа. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 90, рис. 3.

птицы была найдена в 1960 г. во время раскопок А. П. Смирнова на Андреевском городище XI в. в Ульяновской обл. Кроме того, найдены три небольшие глиняные, грубо вылепленные и слабо обожженые фигурки: медведь с отбитой головой, голова овцы и круп лошади с задними ногами. Эти изображения напоминают глиняные фигурки животных из святилища Шолом, Куйбышевского района, ТАССР [45]. Несомненно связана с каким-то культом глиняная плакетка с дырками по краям. Подобные глиняные плакетки с продавленными палочкой отверстиями встречаются на дьяковских городищах [46].

* * *

Тигашевское святилище датируется по археологическому материалу X в. В связи с этой датой необходимо вспомнить, что в X в. произошло отделение части болгарских племен и их откочевка на новые места. Отделившиеся племена не приняли власти болгарского царя и отреклись от навязываемого им мусульманства. Эти события описаны у Ибн-Фадлана и представляют, видимо, один из эпизодов процесса феодализации и исламизации Волжской Болгарии. Для эпохи феодализма Волжской Болгарии характерно было распространение мусульманства. К этому времени относится запустение святилища Шолома, сохранившегося в более позднее время как малозначительное, заурядное культовое место.

Не все болгарские племена были охвачены исламом. Во время пребывания в Болгарии Ибн-Фадлана болгарские племена разделились на две партии. Одна из этих партий, в которой, видимо, значительную роль играли некие сувазы [47], отказалась подчиняться болгарскому царю Алмушу, сторонника исламизации страны [48]. Было бы преждевременным сопоставлять это свидельство Ибн-Фадлана с археологически установленным фактом переселения части болгарских племен в X в. на Правобережье Волги и с пережитками язычества. Однако совпадение по времени этих свидельств само по себе знаменательно.

По своим размерам I болгарское святилище не может быть рядовым культовым местом. Очевидно, это было святилище племени или группы племен. Святилище Шолом, которое обычно принимают за племенной культовый центр, по размерам было меньше древнейшего Тигашевского святилища. Видимо, Тигашевское святилище являлось религиозным центром какой-то группы населения, переселившегося на территорию юга современной Чувашской АССР в X в. [49].

---

[45] Б. Б. Жиромский. Ук. соч., стр. 441. Б. Б. Жиромский приводит аналогии этим статуэткам среди материала из Именьковского селища, Лаишевского района, ТАССР, Ош-Панда на р. Суре, в Бельском городище и на городище у с. Островерхи на С. Донце (см. там же, стр. 446).

[46] В. И. Качанова. О заселении Московского края в эпоху дьяковской культуры. Мамонтово городище. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1954, стр. 34—36.

[47] А. П. Ковалевский довольно убедительно доказывает, что «сувазы» Ибн-Фадлана — это чуваши. См. А. П. Ковалевский. Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.

[48] А. П. Ковалевский. Книга..., стр. 139.

[49] Следует пересмотреть высказанное Н. И. Воробьевым и Н. Ф. Калининым (Н. Ф. Калинин и А. Х. Халиков. Ук. соч., стр. 106—107) мнение о позднем появлении в Чувашии болгар. Н. Ф. Калинин относит появление болгар в Чувашии к XIII в., связывая эту миграцию с походами монголов и бегством населения от губительных татарских погромов. Археологические памятники (и в первую очередь Тигашевское племенное святилище X в.) убедительно говорят о раннем появлении больших масс болгар на территории Чувашии в значительно более раннюю эпоху, а наличие болгарского населения в Чувашии в домонгольскую эпоху зафиксировано рядом других памятников (см. А. П. Смирнов. Чувашская археологическая экспедиция, стр. 42—43; Н. В. Трубникова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года. Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ, вып. XVI, Чебоксары, 1958. стр. 248).

А. Д. ВАРГАНОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ СУЗДАЛЬСКОГО СОБОРА XI—XIII вв.

Суздальский собор Рождества богородицы — один из интереснейших и вместе с тем сложнейших памятников владимиро-суздальского зодчества. Впервые он был построен на рубеже XI—XII вв. Владимиром Мономахом [1]. Как показали археологические исследования 1938—1939 гг., здание было сложено из плинфы на известковом растворе с примесью кирпича (цемянке) [2]. Сын Всеволода III Юрий II разрушил этот кирпичный собор и построил на его месте новый белокаменный (1222 — 1225 гг.) [3]. В 1230—1233 гг. собор был расписан и вымощен «мрамором красным разноличным», т. е. поливными квадратными и мозаичными плитками [4]. В 1445 г. собор рухнул [5]. От него уцелела нижняя часть, включая аркатурно-колончатый пояс, лопатки с грифонами и масками, притворы с перспективными порталами. Выше собор был надстроен из кирпича в 1528—1530 гг. [6]. В 1635 г. была сделана новая фресковая роспись, а к северному и южному притворам пристроены кирпичные апсиды [7]. В конце XVII в. уничтожены хоры и второй этаж западного притвора, растесаны оконные проемы, позакомарное покрытие заменено четырехскатным. В XVIII в. менялась форма покрытия глав, начиная от высоких фигурных, типа Успенской лаврской церкви или Софийского собора в Киеве, до существующих — луковичных.

* * *

В настоящее время Владимирской научно-реставрационной мастерской проводятся реставрационные работы по восстановлению притворов: кроме разборки поздних кирпичных абсид, закрывающих восточные стены притворов, намечено восстановление некоторых декоративных элементов.

Наблюдениями при работах по южному притвору установлен ряд новых своеобразных архитектурных деталей и форм, представляющих большой интерес.

Так, открыт неизвестный до сих пор неожиданный прием «навесного поребрика», завершающего карнизы боковых фасадов южного притвора. Фрагменты вытесанного из белокаменной плиты поребрика находили в раскопках около собора (рис. 1), однако определить их место в декоре здания не удавалось.

---

[1] ПСРЛ, т. I, 1926, стб. 445.

[2] А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора. КСИИМК, вып. XI, 1945.

[3] ПСРЛ, т. I, стб. 445.

[4] ПСРЛ, т. I, стб. 455, 459—460.

[5] ПСРЛ, т. IV, Птгр., 1925, стр. 124.

[6] Анания Федоров. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. ВРОИДР, кн. 22, 1852, стр. 30—31.

[7] Там же, стр. 34.

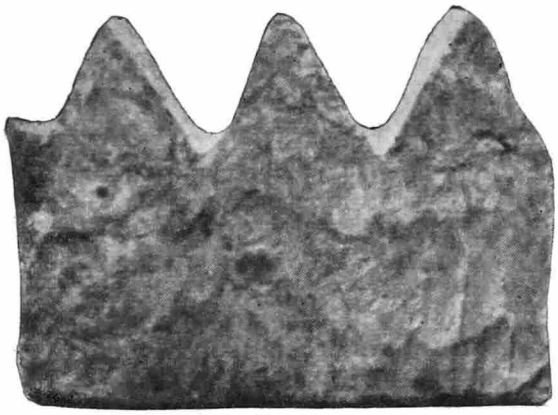


Рис. 1. Белый камень с поребриком

При осмотре карниза западной стены притвора, который состоял из двух напускных полочек — нижней, кирпичной и верхней, белокаменной,— выявилось, что белокаменные плиты имеют следы сбитых зубцов поребрика, перевернутого внутрь кладки стены. Кирпичный ряд под этими плитами оказался также положенным на «плашку» поребриком, зубцы которого, стесанные и оштукатуренные, выдавались из плоскости стены. Размер кирпича соответствует кирпичам абсиды. Следовательно, карниз из кирпичного навесного поребрика сделан одновременно с пристройкой абсиды и сооружением кирпичного фронтона, объединившего с фасада абсиду и старый белокаменный притвор, т. е. в 1635 г. При этом из плит старого белокаменного поребрика выложили верхнюю полочку, перевернув его зубцы внутрь кладки. Можно было думать, что камни с поребриком принадлежат карнизной части стены. Однако установка их на толщу стены показала, что плиты полностью не укладываются: зубцы поребрика свисали над стеной. Такой прием первоначально показался странным и не убедительным, так как камни здесь все же были сняты с первоначального места.

Восточная стена притвора оказалась более сохранившейся, так как была закрыта абсидой 1635 г. После разборки абсиды открылись хорошо сохранившийся пилястр, цоколь, местами первоначальная промазка стен. От карнизной части у южного угла уцелели две белокаменные плиты со следами сбитых зубцов нависающего поребрика. Обследование показало,

Рис. 2. Сохранившийся зубец поребрика на стене южного притвора

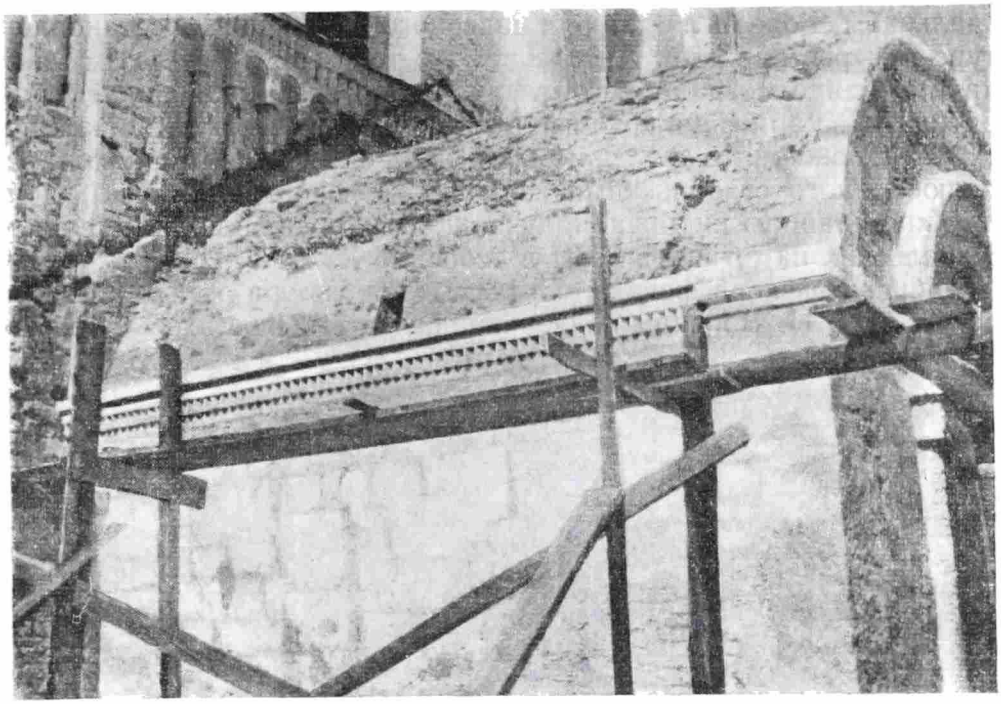


Рис. 3. Западный фасад южного притвора с восстановленным карнизом (на своде видна плинфяная облицовка и гнезда подкровельных кружал)

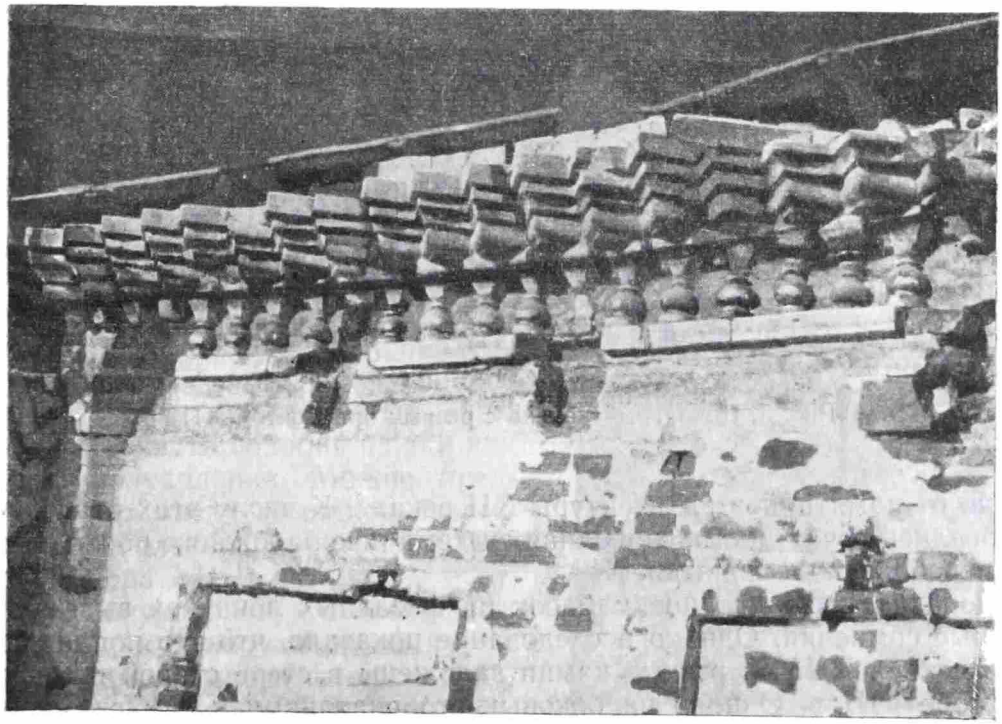


Рис. 4. Карниз Воскресенской церкви (1719)

что плиты находятся на первоначальных местах, что их зубцы были стесаны, чтобы выровнять плоскость стены под живопись, но один зубец сохранился, так как был закрыт примкнувшей стеной абсиды (рис 2).

Пример завершения карниза нависающим поребриком находим в базилике X—XII вв. Санагире (Кахетия), где карниз стены главного нефа состоит из рядов нависающих, поставленных углом вперед кирпичей[8].

[8] Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, т. I. Тбилиси, 1959, стр. 127; т. II, Тбилиси, 1956, табл. 67. Аналогия указана нам Н. Н. Ворониным.

В Суздальском сборе был один ряд навесного поребрика, восстановленный в натуре при реставрации. Интересно, что тени, образуемые им на стене при ярком солнце, создают впечатление двух рядов поребрика, усиливая декоративность карниза, в который введен как бы широкий зубчатый пояс (рис. 3). Возможно, что этот прием XIII в. послужил образцом для развития излюбленного суздальскими зодчими навесного поребрика из положенного «на плашку» кирпича, получившего широкое применение в карнизах суздальских памятников XVII и особенно XVIII в. (рис. 4).

Своеобразие декора фасадов Суздальского собора отмечалось в литературе. Так, Н. Н. Воронин подчеркивал, что «многое здесь глубоко от-

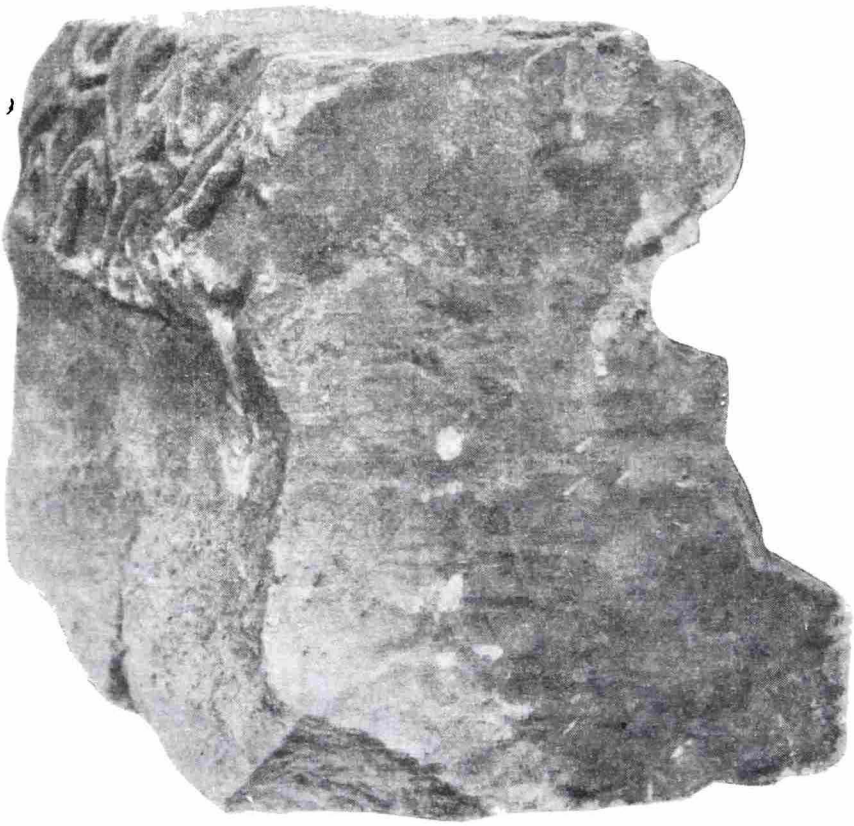


Рис. 5. Цокольный камень с резным орнаментом XIII в.

лично от памятников архитектуры XII века»[9]. К числу этих особенностей относились, в частности, свободная система декора южного портала и маски, перебивающие лопатки.

Изначальность установки масок на фасадных лопатках вызывала известные сомнения. Однако исследование показало, что это подлинная деталь декора XIII в.: резные камни заложены в стене старой плинфой на растворе XIII в. Однако на боковых сторонах камней с масками, скрытых кладкой кирпичной стены XVI в., находятся также резные маски[10]. Боковые маски наполовину стесаны, они плоскостны и как бы более архаичны; фасадные же — более рельефны и сложны: они обрамлены декоративными резными «киотами», состоящими из орнаментированной арочки, опирающейся на капители полуколонок с базами. Все это вытесано за счет частичной срубки старых боковых изображений. К какому времени относятся эти последние — сказать трудно, но что фасадные маски сделаны

[9] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 181.

[10] Установлено впервые П. Д. Барановским.

Рис. 6. Орнамент на цокольном камне

для фасадов собора 1222—1225 гг.— бесспорно. Они связываются с изначальной перебивкой лопаток орнаментальной лентой, которая как бы объединяла отрезки аркатурного пояса. «Киоты», подобные обрамлениям масок, есть во фресках собора 1230—1233 гг., где они также обрамляют фигуры святых на лопатках. И в живописи, и в резьбе киоты пышно орнаментированы, перекликаясь с узорчатостью «златых врат» собора.

Обследование нескольких масок показало, что они имеют округленное утолщение кверху, вызванное устройством в верхней части подобия чашки для установки полуколонки. Можно предположить, что маски являлись базами полуколонок, членивших второй ярус фасадов собора XIII в.

Рис. 7. Фрагмент полуколонны с птицей

Части полуколонок, относящиеся, по-видимому, к декору второго яруса, есть среди камней, примененных в поздних облицовках здания. Так, при перестановке цокольных камней выяснилось, что на обратной стороне одного из них есть полуколонка (диам.— 19 *см*) с резным орнаментом, более крупным и размашистым, чем резьба сохранившегося нижнего яруса здания XIII в. (рис. 5 и 6). Особенно интересен фрагмент резной полуколонки с изображением птицы в плетеном узоре (рис. 7). Это также деталь убора второго яруса, так как полуколонок такого диаметра (30 *см*) в нижней части нет.

Для ремонта этого же цоколя был использован белый камень, сохранивший часть древней резной шестистрочной надписи (рис. 8), относя-

щейся, по определению М. В. Щепкиной, к XIV в.[11]. Следовательно, ремонт цоколя камнем собора XIII в. произведен в позднее время. Это могло произойти только при восстановлении собора в 1528—1530 гг., когда строители использовали белокаменные детали его обрушившихся верхних частей. Оказалось, что профиль цоколя, выполненный в XVI в. из древних деталей, при сходстве рисунка имеет шаблон иного размера. Это позволило заключить, что значительная часть цоколя заменена в 1528—1530 гг.

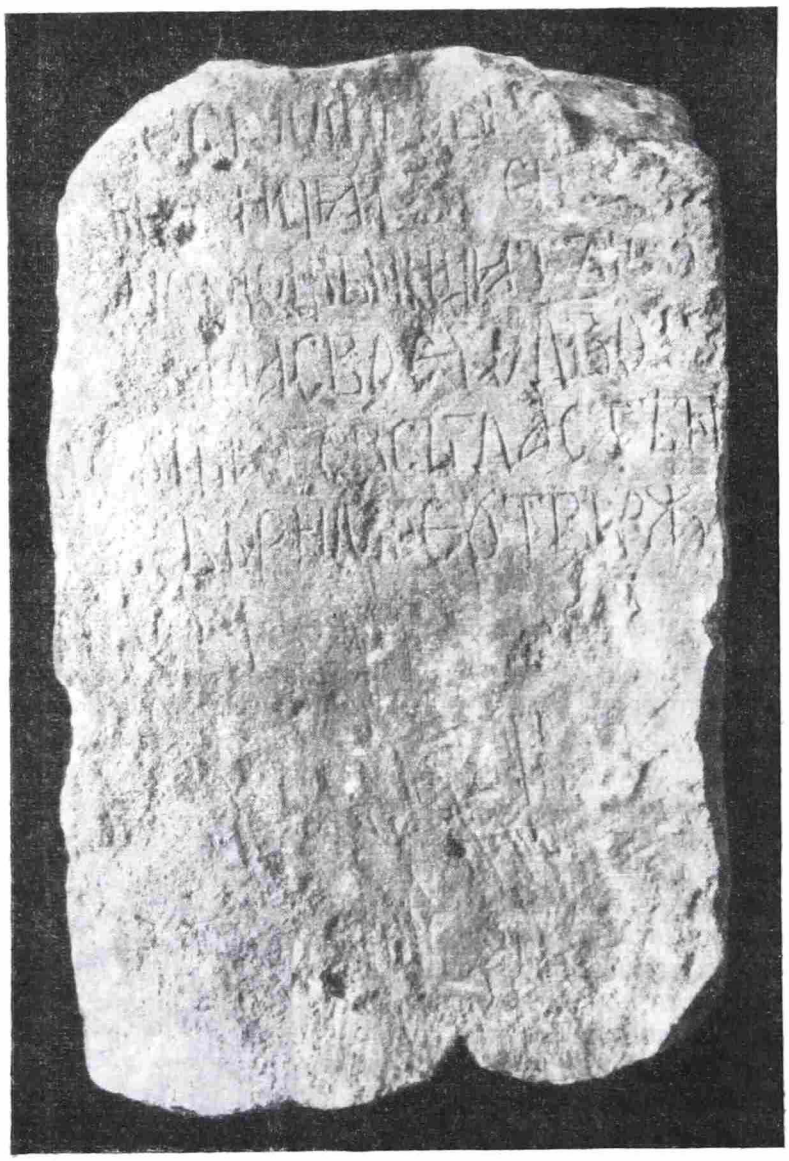


Рис. 8. Цокольный камень с надписью XIV в.

В Атласе к «Трудам I археологического съезда» был опубликован рисунок окна южной абсиды собора, обрамленного двумя колонками с базами и капителями (рис. 9). Он вызывал сомнения, так как в натуре этот «наличник» не сохранился; не было никаких следов его и у других

[11] Приносим М. В. Щепкиной сердечную благодарность за ее консультацию по датировке надписи. Это второй эпиграфический памятник, связанный с собором. Первый — часть резной надписи «похвалы кресту» XII в.— издан Н. Н. Ворониным (Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в. СА, VI, 1940). Прочтенные им строки публикуемой надписи представляют часть какой-то молитвы богородице. Надпись, очевидно, распространялась и на смежные камни, следовательно, была высечена по готовой стенной кладке.

окон — все они были расширены. После разборки кирпичной абсиды южного притвора на южной стене собора открылась часть арочной перемычки старого окна. Расчистка косяков проема от поздних кирпичных вставок открыла прямоугольное углубление от подоконника до пяты пе-

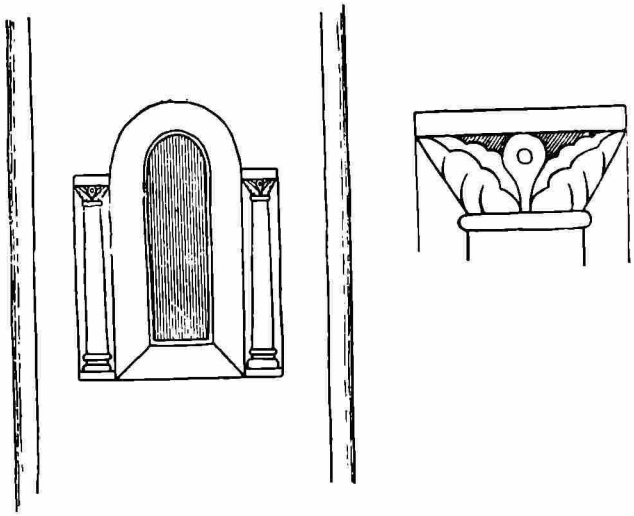


Рис. 9. Наличник окна алтарной абсиды (по рис. XIX в.)

ремычки (рис. 10). В его нижней части сохранился фрагмент камня-базы с резным узором-пальметтой и чашкой для установки колонки (рис. 11). Камень близок по размерам и рисунку орнамента к опорам колонок аркатурного пояса. Найдена и капитель, имеющая иные размеры, чем капители аркатуры и портала. Таким образом, обрамление окна состояло из колонок на резных базах, поставленных в углубленные ниши; на капители колонок опирались пяты свода оконного проема. На основе этих данных и рисунка окна абсиды нами и реконструировано оформление окна с выложенной из плинфы арочной перемычкой (рис. 12).

В процессе реставрационных работ удалось уточнить прежние и сделать новые наблюдения над строительной техникой собора XIII в.

Подтвердилось, что строительный материал разрушенного в 1222 г. собора Мономаха — плинфа и даже раствор — были довольно экономично и рационально использованы при строительстве в 1222—1225 гг. Так, вся старая плинфа была полностью употреблена на кладку стен, причем не только для забутовки плинфой и щебнем внутренней полосы стены, но и путем рядовой кладки или выкладки. Если бы не типичный раствор, характерный для здания

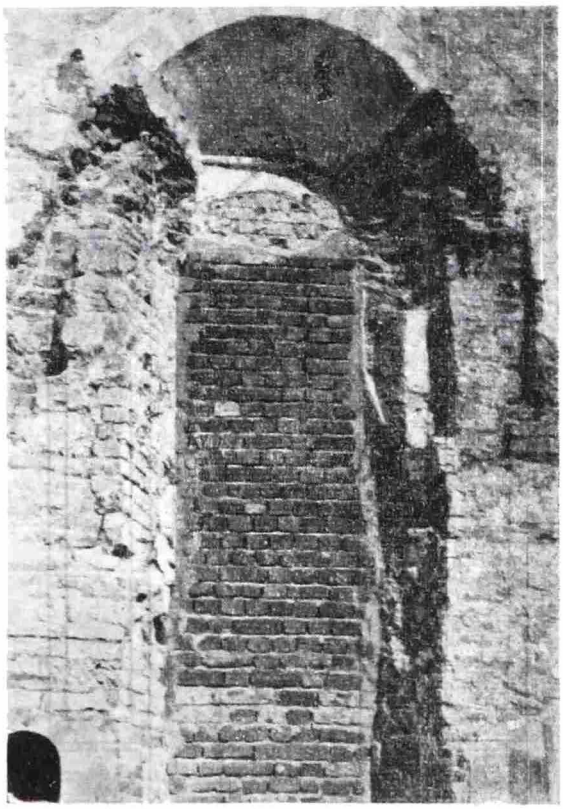


Рис. 10. Следы наличника окна южной стены

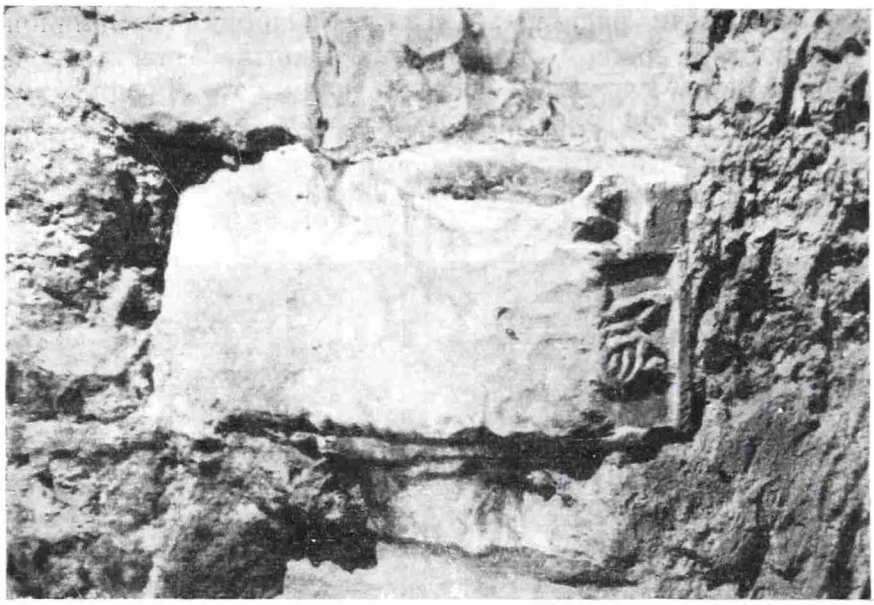


Рис. 11. Опорная база под колонку наличника южной стены

XIII в., можно было бы принять внутреннюю часть его стен за кладку стен XI в., лишь облицованную в XII в. белым камнем.

Строители XIII в. использовали также и целые большие блоки кладки собора XI в. Блоки достигают 1,5—2 *м* и заложены в основании стен. Один такой блок, обнаруженный при смене цоколя в южной стене собора, сохранил на пять рядов свою лицевую, фасадную поверхность. Это типичная «полосатая» кладка («с утопленным рядом»), представляющая чередование рядов тонких плинф (3 *см*) с широкой (6 *см*) полосой затертой цемянки с подрезкой под верхний ряд плинфы — кладка, характерная для построек Поднепровья XI в. и, в частности, Мономахова храма Спаса на Берестове. Это наблюдение подтвердило предположение о кладке Мономахова собора, высказанное нами после раскопок 1938—1939 гг., и сделало бесспорным факт работы в Суздале пришлых южных мастеров.

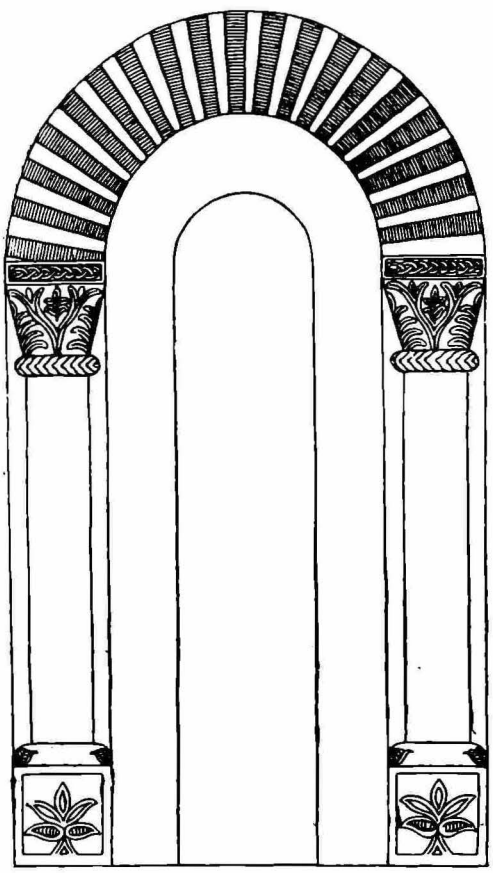


Рис. 12. Реконструкция окна

Известковый раствор здания (цемянка) XI в. также был использован в раздробленном виде как добавка в раствор собора XIII в.: в проливке, забутовке, а также кладке стен есть вкрапления больших кусков розоватой цемянки, а иногда и целые кирпичи XI в. с приставшим к ним раствором, который резко отличен от белого раствора XIII в.

Таким образом, основная конструкция собора XIII в. состоит из стен, выложенных плинфой XI в., об-

лицованных белым разномерным туфовым камнем, плотно промазанным с фасада чистым известковым раствором.

Наконец, интересны наблюдения относительно способа покрытия южного притвора. При работе над проектом его реставрации возникали вопросы о системе устройства и крепления кружал и покрытия притвора. После снятия кровли и разработки поздних кирпичных закладок и накладок открылся старый, сложенный из известкового туфа свод, облицованный в нижней части плинфой XI в., промазанной с поверхности известковым раствором. Эта облицовка, начиная от карниза, шла до высоты 1 *м*. Выше — облицовка кончается, образуя как бы уступ с промазкой верха обреза вдоль всего свода. Тоже наблюдалось в центре, по шелыге и на восточном склоне свода. Существенно, что в описанной кладке из плинфы есть поперечные борозды шириной в 0,2 *м*, заложенные поздним (XVII в.) кирпичом (рис. 3). Оказалось, что в них первоначально были вложены деревянные кружала, закрепленные плинфяной облицовкой. Кружала устанавливались в одном уровне с верхним архивольтом фасада притвора и обрешечивались тесом, по которому и производилось его покрытие. Такой прием установки кружал ранее не был известен и являлся техническим новшеством XIII в. Эта система и использована нами при восстановлении покрытия притвора.

Изложенные наблюдения лишний раз показывают сложность изучения архитектурной истории Суздальского собора, самобытность и оригинальность техники форм этого представителя последнего периода владимиро-суздальской архитектуры.

ЗАМЕТКИ

Н. М. ШМАГЛИЙ

НАХОДКИ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ У с. ТРОЯНОВА ПОД ЖИТОМИРОМ

При раскопках позднетрипольского поселения у с. Троянова, Житомирского района (урочище «Орехова гора»), в 1956 г. были встречены единичные находки, датируемые раннескифским временам (VII—VI вв. до н. э.): сосуд тюльпановидной формы (рис. 1, *1*), кремневые вкладыши для серпов белогрудовского типа и черепки от сосудов, украшенные треугольным в сечении гладким валиком.

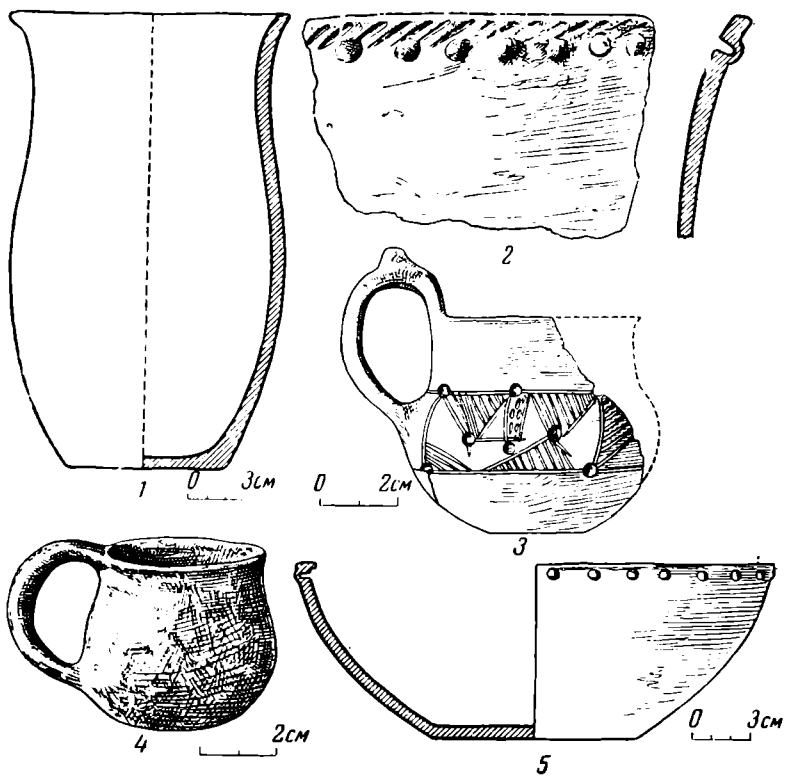


Рис. 1. Керамика с поселения у с. Троянова

Эти находки считались случайными и связывались с поселением раннескифского времени, расположенным напротив позднетрипольского поселения, на левом берегу р. Гнилопяти. Но раскопки последующих лет показали, что Орехова гора была заселена как в позднетрипольское, так и в раннескифское время. Доказательством этому явились сопровождав-

шиеся керамикой раннескифского времени остатки сооружения, открытые в 1957 г. на северном склоне Ореховой горы.

Остатки этого сооружения залегали на глубине 0,2—0,4 *м* от современной поверхности, в слое гумусированного суглинка. Они представляли собой вымостку неправильной формы, выложенную из гранитных камней. Средние размеры камней 0,3 × 0,2 × 0,1 *м*. В нескольких местах вымостка была разрушена в результате выборки. Наибольшая длина вымостки — 10 *м*, ширина — 3 *м*. Под вымосткой, на глубине 1 *м* от современной поверхности, после прослойки суглинка, не содержащей находок, встречены остатки позднетрипольского жилища. Непосредственно на камнях и между ними на вымостке были найдены многочисленные обломки сосудов и три целых экземпляра. Наибольшая концентрация обломков керамики отмечена в средней части вымостки. Судя по обломкам, всего на вымостке было около 20 сосудов трех типов.

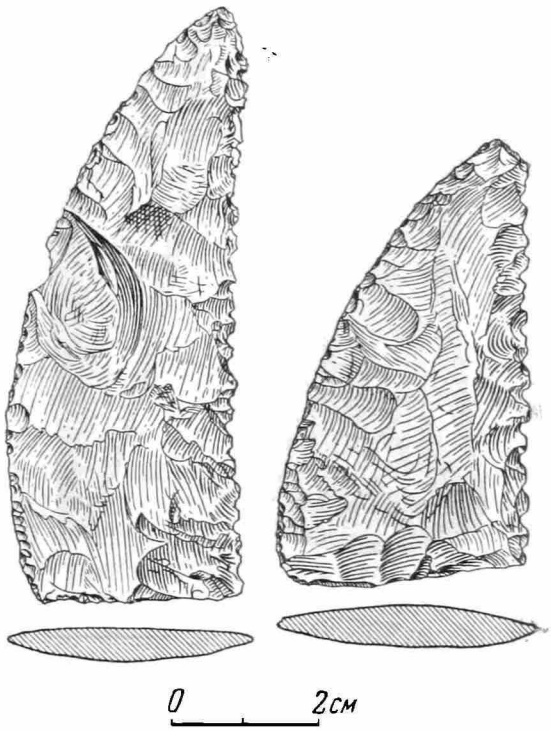


Рис. 2. Кремневые вкладыши для серпов

Первая группа, представленная наибольшим количеством экземпляров, включает в себя горшки тюльпановидной формы (рис. 1, *1*). Глина, из которой сделаны сосуды, отличается плотностью и имеет примеси в виде мелко истолченного кварца и слюды. Обжиг сосудов хороший. Поверхность слегка шероховатая, реже — заглаженная; цвет поверхности серый, светло-коричневый или желто-серый. Черепок тонкий, в изломе черного или серого цвета. Горшки имеют различные размеры: высота от 10 до 30—40 *см*, диаметр венчика — от 10 до 30 *см*. Сосуды тюльпановидной формы иногда украшены на плечиках налепным валиком, треугольным в сечении. Валик встречается двух видов: гладкий и расчлененный редкими пальцевыми вдавлениями. В некоторых случаях валик опоясывает сосуд по венчику и расчленен частыми косыми насечками. Следует также отметить наличие на горшках по венчику орнамента в виде «горошин», образованного наколами с внутренней стороны (рис. 1, *2*). Наряду с наколами встречаются и сквозные проколы.

Вторая группа сосудов представлена полусферическими мисками (рис. 1, *5*). Они изготовлены из глины более высокого качества, не содержащей заметных примесей кварца и иногда имеющей в своем составе серебристые блестки слюды. Внешняя поверхность мисок серая, внутренняя — черная. Миски имели резко загнутый под углом внутрь край, под которым был нанесен орнамент в виде «горошин». Дно мисок уплощено и имеет сглаженные края. Встречены обломки мисок со слегка закругленным краем.

Третью группу сосудов составляют черпаки (рис. 1, *3, 4*). Они сделаны из хорошей глины, содержащей незначительные примеси толченого кварца и слюды. Поверхность черпаков хорошо заглажена и, в зависимости от обжига, имеет темно-серый, светло-коричневый или желтоватый цвет. Сосуд формы черпака имел вид глубокой кружечки со слегка отогнутым краем, хорошо выраженной шейкой и маленьким донцем с лункой. К венчику и нижней части тулова кружечки прикреплялась петельчатая ручка, иногда выступающая над краем сосуда и заканчивающаяся кони-

ческим выступом. Размеры черпаков различны: высота — от 5 до 10 *см*, диаметр устья — от 4 до 8 *см*. Черпаки украшены резным геометрическим и штампованным орнаментом в виде круглых вдавлений. Орнаментальный пояс, опоясывающий плечики и тулово черпака, обычно заполняется равнобедренными и прямоугольными треугольниками, заштрихованными косыми линиями. В одном случае ручка черпака на месте верхнего изгиба была украшена резным орнаментом из нескольких линий, сходящихся под углом.

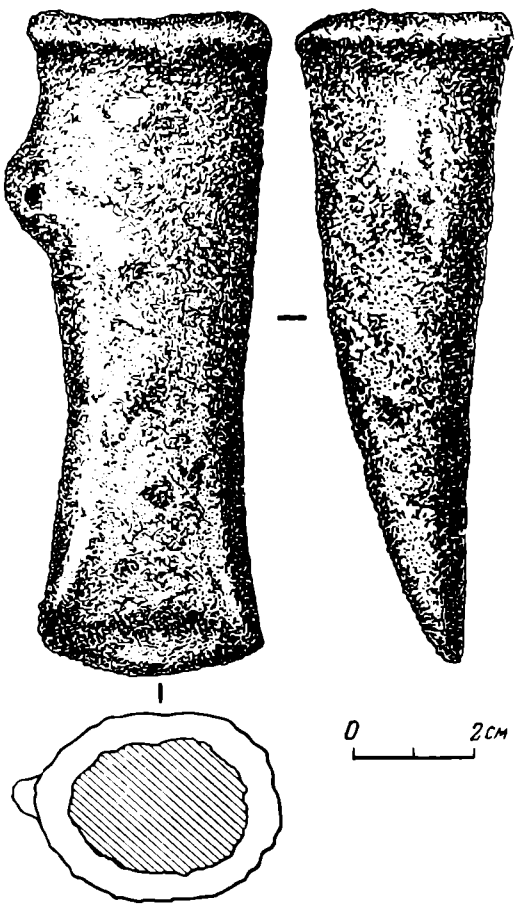


Рис. 3. Железный кельт

Кроме керамики, на вымостке были найдены и изделия из кремня (рис. 2). Они представлены здесь четырьмя вкладышами для серпов и двумя скребками. Все они сделаны из кремня серого цвета с белыми вкраплениями. Вкладыши изготовлены из кремневых пластин подпрямоугольной формы (высота — 6 *см*, ширина — 3 *см*, толщина — 0,5 *см*), бо́льшая сторона которых имеет выпуклый край с зубчатой ретушью. Вся поверхность вкладыша покрыта ретушью, а основание заострено подтеской. Рабочий край вкладыша, как правило, имеет сильную полировку.

Скребки сделаны из массивных отщепов округлой формы, плоских в разрезе и со следами естественной корки валуна. Оба скребка имели обработанный ретушью рабочий край.

Комплекс вещей, найденных при раскопках каменной вымостки на Ореховой горе, очень близок по своему составу и типам к материалам с поселения у хут. Ворошиловки, относящегося к предскифскому периоду чернолесского этапа (конец IX — первая половина VII в. до н. э.) [1]. Но наш комплекс имеет и свои особенности. Сильнее всего он отличается от комплекса Ворошиловского поселения наличием характерных черпаков с довольно богатой и устойчивой орнаментацией. Эти черпаки, несмотря на некоторые отличия по форме, ближе всего могут быть сопоставлены с черпаками памятников раннего скифского времени (конец VII—VI в. до н. э.) в области днепровского лесостепного Правобережья, и прежде всего — с черпаками с поселения у с. Жаботина [2].

На черпаках из Троянова повторяется та же орнаментация, которая составляет характерную особенность лощеной керамики Жаботинского поселения. От последней керамика из Троянова более всего отличается и отсутствием лощения. Приведенное сопоставление позволяет нам уверенно датировать ее тем же временем, каким датируется Жаботинское поселение, т. е. второй половиной VII — VI в. до н. э.

У нас нет твердых оснований считать каменную вымостку остатками жилища. Отсутствуют следы очага. Возможно, данное сооружение выполняло функции хозяйственной постройки типа кладовой.

[1] С. С. Березанська. Поселення раннього залізного віку в Житомирській обл. АП, т. VI, 1956, стр. 48—51.

[2] М. І. Вязьмітіна, Е. Ф. Покровська. Поселення VII—VII ст. до н. е. в околицях с. Жаботина. АП, т. VI, 1956, стр. 44.

Большой интерес представляет находка на Ореховой горе при раскопках 1958 г. железного кельта (рис. 3). Кельт изготовлен в технике ковки. На одной из широких сторон его отчетливо прослеживается вертикальный шов, по которому была склепана втулка. Втулка овальная, по краю имеет ободок. В 2 *см* ниже ободка по узкой стороне кельта имеется ушко. Клин расширяется к лезвию, имеющему слегка выгнутый край. Длина кельта — 11 *см*, наибольшая ширина у втулки — 4 *см*, ширина лезвия — 3,5 *см*. Следует заметить, что в профиле рабочая часть кельта не является симметричной, а слегка отогнута в одну сторону. Это обстоятельство заставляет предполагать, что кельт был использован в качестве тесла или кирки.

Железный кельт из Троянова принадлежит к числу редких находок на территории Украины. Он подражает по своей форме бронзовым кельтам конца бронзового века. Аналогичный трояновскому кельту по форме железный кельт происходит из с. Зарубинцы, Переяслав-Хмельницкого района, Киевской области. А. И. Тереножкин относит его к чернолесскому времени, т. е. к концу IX — первой половине VII в. до н. э.[3]. По-видимому, так можно датировать и кельт, найденный у Троянова на Ореховой горе, хотя не исключена и несколько более поздняя его датировка, если судить по комплексу керамики с каменной вымостки на той же горе.

Новые находки раннего скифского времени у с. Троянова, в юго-восточной части Волыни, представляют значительный научный интерес. Они обнаруживают органическую связь по своим основным особенностям с культурой племен той же поры днепровского лесостепного Правобережья. Эти находки потверждают правильность взглядов тех археологов, которые включают если не всю Волынь, то, по крайней мере, ее южную часть в пределы территории оседлых земледельческо-скотоводческих племен лесостепного Правобережья со скифской культурой.

Вместе с рядом других памятников предскифского и раннескифского времени, которые в настоящее время стали известны на Волыни, находки у с. Троянова свидетельствуют о том, что сюда не проникала лужицкая культура, как это предполагают некоторые польские археологи и историки[4].

---

[3] А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века. СА, 1957, № 2, стр. 55, рис. 3, *11*.

[4] А. И. Тереножкин. Лужицкая культура и культуры Среднего Поднепровья. КСИИМК, вып. 67, 1957, стр. 3—16; его же. Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье. Автореферат докторской диссертации. М., 1958, стр. 24.

В. В. ВОЛКОВ, Э. А. НОВГОРОДОВА

КАРАСУКСКИЕ ПРИВЕСКИ ИЗ МОНГОЛИИ

Эпоха бронзы — наиболее слабо изученный период в археологии Монголии. До сих пор нет сколько-нибудь достоверных сведений ни о могильниках, ни о поселениях ранней и развитой бронзы. Тем не менее в экспозиции Центрального улан-баторского музея и некоторых областных, например Среднегобийского, Южногобийского и Архангайского краеведческих музеев, имеются большие коллекции случайно найденных бронзовых предметов, среди которых значительное место занимают изделия карасукского времени. Это ножи и кинжалы классических карасукских

форм, целая серия бронзовых привесок, несколько своеобразных, но все же близких к минусинским трехлапчатым привескам. Кроме того, имеется и ряд других украшений, аналогичных карасукским украшениям Южной Сибири и северокитайским — того же времени. Сравнительно большое количество этих бронзовых изделий и разнообразие их форм дают возможность предполагать, что территория Монгольской Народной Республики в эпоху бронзы была районом распространения одного из вариантов карасукской культуры [1].

Целью настоящей статьи является публикация серии бронзовых лапчатых привесок из МНР, очень интересных, на наш взгляд.

До сих пор лапчатые привески в Южной Сибири неоднократно встречались в погребениях карасукского времени и в виде случайных находок. Эта типичная карасукская форма украшений долгое время считалась характерной только для данного района [2]. Местное происхождение лапчатых привесок не вызывало сомнений, несмотря на то, что в погребениях предшествующего времени в Южной Сибири подобных украшений найдено не было.

Из погребений бронзового века Казахстана в настоящее время известно несколько лапчатых привесок. Прежде всего, это позолоченная привеска из Малого Кайтаса, оканчивающаяся четырьмя зубцами, с рельефными треугольниками и кругами на щитке. С. А. Теплоухов связывает ее с лапчатыми карасукскими привесками, а М. П. Грязнов считает ее прототипом последних [3]. Однако из известных нам 64 карасукских привесок с Енисея лишь одна, из улуса Федорова, несколько напоминает по форме кайтасскую [4], но даже она не имеет орнамента и этим значительно отличается от роскошной андроновской из Малого Кайтаса, сплошь покрытой рисунком.

В последнее время в Центральном Казахстане, в Былкылдаке (группа 2, оградка 1, погр. № 3) обнаружены три карасукские лапчатые привески вместе с баночными сосудами андроновского типа. Там же, в Аксу-Аюлы (группа 1, оградка 2, погр. № 3) найдены еще три карасукские лапчатые привески вместе с керамикой карасукского типа. Обе последние находки, хранящиеся в Алма-Ате, свидетельствуют, очевидно, лишь о том, что в позднеандроновское время карасукские привески, равно как и формы керамики, проникали в Казахстан.

На некоторую близость лапчатых привесок с суйюаньскими еще в 1937 г. обратил внимание А. М. Тальгрен [5]. Тем не менее некоторые археологи, даже отстаивающие юго-восточное происхождение карасукской культуры, все же высказывают сомнение в родстве карасукских лапчатых привесок с северокитайскими [6]. И это понятно: слишком большая разница существует между минусинскими лапчатыми привесками и привесками из Северного Китая (Суйюани, Ордоса, Внутренней Монголии).

Более близкую восточную аналогию южносибирским лапчатым привескам указал С. В. Киселев, который опубликовал бронзовую привеску

---

[1] Характерны в этом отношении находки фрагментов карасукской керамики на территории МНР. См. С. В. Киселев. Монголия в древности. Изв. АН СССР, серия истории и философии, № 4, 1947, стр. 359. Один из фрагментов керамики с орнаментом, часто встречающимся на карасукских бронзах, опубликован Р. Эндрюсом. См. R. C. Andrews. The New Conquest of Central Asia. New York, 1932, табл. LXVIII B стр. 261.

[2] Г. П. Сосновский. Забайкальский карасук. Архив ЛОИА, № 172, стр. 20.

[3] М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Л., 1927, стр. 204, рис. 25, *3*.

[4] Раскопки А. Н. Липского. Хранится в Абаканском краеведческом музее.

[5] A. M. Tallgren. The South Siberian Cemetry of Oglakly from the Han Period. ESA, XI, 1937, стр. 88.

[6] K. Jettmar. The Karasuk Culture and Its South-Eastern Affinities. BMFEA, № 22, 1950, стр. 93.

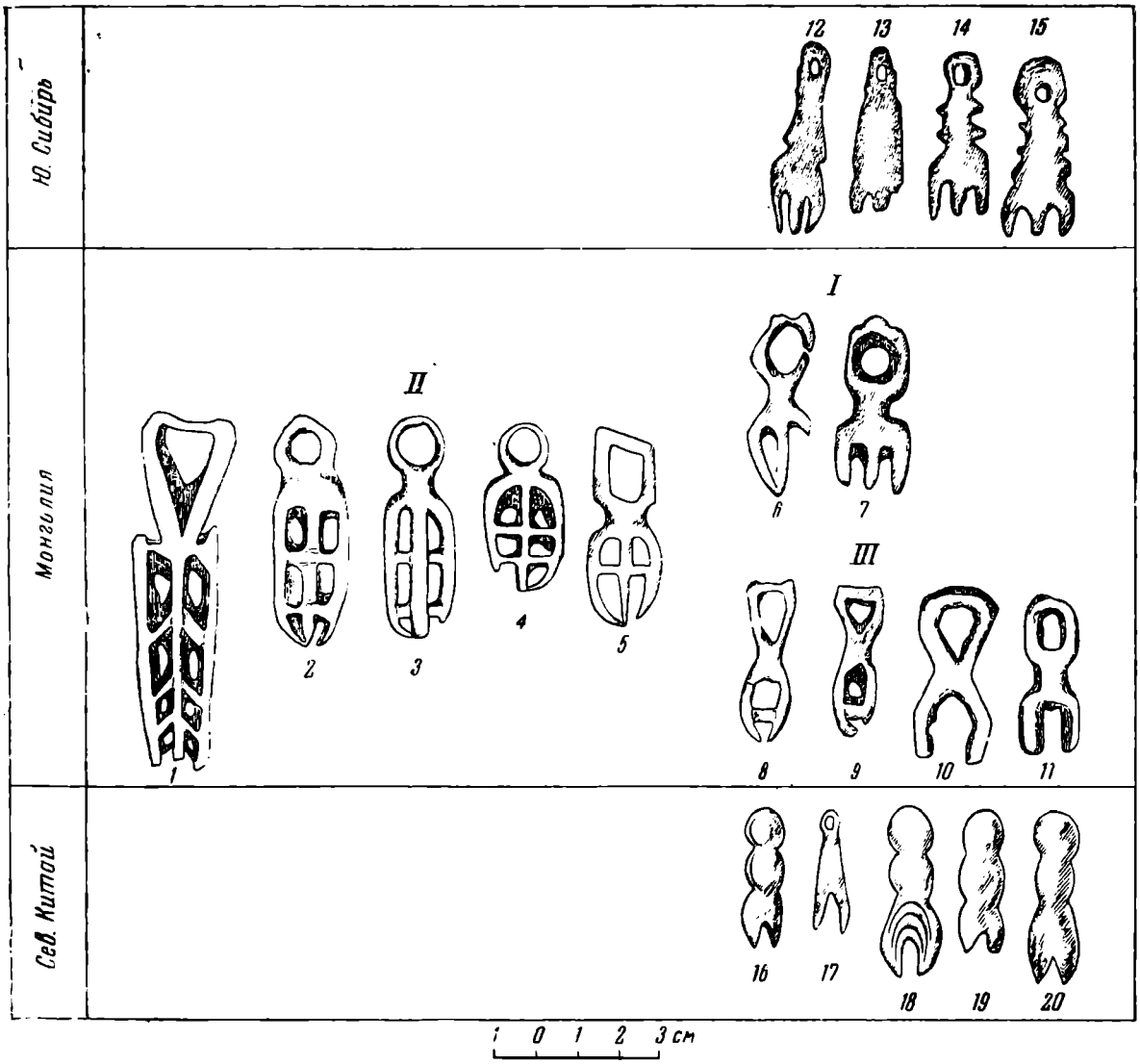


Рис. 1. Карасукские бронзовые привески из Монголии и аналогии к ним

1 — место находки в МНР неизвестно (хранится в Центр. гос. музее в г. Улан-Баторе); *2*—Ср. Гоби, Сайнцаган-сомон, 4-й баг (хранится в Среднегобийском краеведческом музее); *3*— Среднегобийский аймак, Ундершиль-сомон, 2-й баг (хранится там же); *4* — Ср. Гоби Баянтобо-сомон, 4-й баг (хранится там же); *5*— Увс-аймак (хранится в Центр. гос. музее в Улан-Баторе); *6* — Ср. Гоби, Ульзит-сомон (хранится в Среднегобийском музее); *7*— Ср. Гоби.Дельгерцогт-сомон (хранится там же); *8*— Ср. Гоби, Цогтчандомон-сомон, 5-й баг (хранится там же); *9* — Ср. Гоби, Цотгчандомон-сомон, 5-й баг (хранится там же); *10* — Ср. Гоби, Ундершиль-сомон (хранится там же); *11*— Ср. Гоби, Баянжангарал-сомон (хранится там же); *12*—с. Беллык, Минусинская котловина (хранится в Минусинском музее, № 8650); *13* — с. Уты, Минусинская котловина (хранится там же, № 5643); *14* — с. Казанцево, Минусинская котловина; *15*— с. Малая Ничка, Минусинская котловина (хранится там же, № 8644); *16* — Ордос (BMFEA, № 4, табл. 18, *16*); *17* — «Inner Mongolia...», табл. 9, *17*; *18* — там же, табл. 9, *16*; *19* — там же, табл. 9, *10*; *20* — там же, табл. 9, *4*

из Национального музея в Улан-Баторе и охарактеризовал ее как «несомненную параллель карасукских лапчатых привесок»[7].

Сейчас в нашем распоряжении имеется 11 бронзовых привесок карасукского времени с территории МНР. Некоторые из них еще более похожи на южносибирские, чем опубликованная С. В. Киселевым из Увс-аймака. Таким образом, круг восточных аналогий лапчатым привескам значительно расширяется.

Все новые монгольские привески, включая сюда и привеску из Увс-аймака, связаны между собой типологически и могут быть разделены на три группы.

Наиболее близки к южносибирским привески первой группы (рис. 1, *6, 7*). Они так же, как южносибирские, имеют три конца и кольцеобраз-

[7] С. В. Киселев. Ук. соч., стр. 359.

ную петельку наверху. Известны пока только две привески подобного типа из Монголии. Обе они случайно найдены в Среднегобийском аймаке. Бронзовая привеска с одной обломанной лапкой происходит из Ульзит-сомона, Среднегобийского аймака. Длина ее — 4,5 *см*. Две лапки сомкнуты, а третья, по-видимому, свисала свободно. Вторая привеска найдена в Дельгерцогт-сомоне. Длина ее — 4 *см*. Три «лапки» этой привески расположены параллельно друг другу, что особенно подчеркивает ее сходство с карасукскими.

Весьма близкие аналогии этим украшениям известны из погребений карасукского времени Минусинского района; например, привески, найденные С. В. Киселевым при раскопках карасукских могил на р. Бее [8], из погребения № 9 у дер. Кривой [9] и из погребения у с. Сыды [10]. Подобные же привески приводит С. А. Теплоухов из раскопок А. В. Адрианова на р. Тубе [11]. Близки к монгольским привески, найденные А. Н. Липским в погребении на Ахтыгее [12]. Очень много близких аналогий публикуемым украшениям имеется и среди случайных находок в Южной Сибири: у дер. Беллык (рис. 1, *12*), у с. Казанцево (рис. 1, *14*), у с. Малая Ничка (рис. 1, *15*), у с. Бейское.

Монгольские привески первой группы отличаются от минусинских лишь массивностью, некоторой грубоватостью выполнения и отсутствием волнистого рельефа, который часто встречается на боковых сторонах южносибирских.

В районах к югу от МНР близкие аналогии привескам данного типа нам неизвестны. Лишь один экземпляр из Внутренней Монголии отдаленно напоминает трехлапчатые монгольские и южносибирские привески. Это трехлапчатая привеска с петелькой на тыльной стороне [13]. По своим общим очертаниям она ближе к полушарным многоярусным нашивкам, широко распространенным в Северном Китае в иньское время [14]. Интересно отметить, что подобные полушарные многоярусные нашивки встречаются и среди карасукских бронзовых изделий Южной Сибири [15], а теперь известны также в Монголии.

Исходной формой для трехлапчатых привесок первой группы послужили, по-видимому, привески второй группы (рис. 1, *1—5*). Вторая группа, самая многочисленная и своеобразная, отличается от первой наличием горизонтальных перегородок между «лапками», что придает некоторую ажурность этим украшениям.

Самая большая привеска (длина ее — 8,5 *см*) разделена тремя рядами перегородок (рис. 1, *1*). Перегородки находятся под углом друг к другу. Сквозные отверстия между ними невелики, ибо большая часть пространства заполнена металлом. Это усиливает сходство рисунка с орнаментацией некоторых карасукских ножей. Нижняя часть привески оканчивается тремя слабо выраженными «лапками». Эта привеска выделяется во второй группе не только размерами, но и тем, что она односторонняя (тыльная сторона ее совершенно гладкая) и имеет прямолинейные боко-

---

[8] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 гг. СА, III, 1937.

[9] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский район в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова, т. VI, вып. 2, 1929, табл. 3, *3—7*.

[10] Хранится в Минусинском музее, инв. № 11438.

[11] Опыт классификации металлических культур Минусинского края. МЭ, т. 4, вып. 2, 1929.

[12] Хранятся в Абаканском краеведческом музее, №№ 216-11, 216-8.

[13] Inner-Mongolia and the Region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis, серия B, т. VI, Tokyo — Kyoto, 1935, табл. 9, *9*.

[14] Inner-Mongolia..., табл. 2, *115*; табл. 15, *21—23, 33—35;* J. Anderson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, 1932, № 4, табл. 19.

[15] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский район в 1928 г., табл. 3, *12, 13;* С. А. Теплоухов. Ук. соч., табл. 3, *11, 33*.

вые стороны. Подобная прямолинейность очертаний характерна для карасукских привесок (см. рис. 1, *13*) [16].

Все остальные привески этой группы овальные и значительно меньших размеров. Они, как и первая, имеют перегородки между «лапками», а внизу, по-видимому, оканчивались тремя концами. У привесок из Сайнцаган-сомона (рис. 1, *2*), из Баян-сомона (рис. 1, *4*) и из Увс-аймака (рис. 1, *5*) два конца сомкнуты, а третий свисает свободно. У привески из Ундершиль-сомона (рис. 1, *3*) два конца сомкнулись в результате погнутости внешней «лапки». Отсутствие третьего конца у привесок из Ундершиль-сомона и Баянтобо-сомона, впрочем, как и соединение двух «лапок» у вышеперечисленных украшений, по-видимому, объясняется неудачной отливкой.

Привески второй группы не имеют прямых аналогий ни в Южной Сибири, ни в Северном Китае. Наиболее близка к южносибирским опубликованая С. В. Киселевым привеска из Увс-аймака, имеющая лишь одну перегородку между «лапками». Но все они представляют собой своеобразную местную параллель трехлапчатым привескам Южной Сибири.

От привесок с перегородками, очевидно, ведут свое начало более простые двухлапчатые привески, выделенные нами в третью группу. Две из них (рис. 1, *8, 9*) сохранили еще по одной горизонтальной перегородке. Это особенно роднит их с привесками второй группы. Две остальные, из Ундершиль-сомона (рис. 1, *10*) и Баянжангарал-сомона (рис. 1, *11*), уже не имеют горизонтальных перегородок.

Аналогии этой группе привесок уводят нас в районы Северного Китая, где двухлапчатые привески широко распространены (см. рис. 1, *16—20*) [17]. Правда, большая часть двухлапчатых северокитайских привесок отличается от монгольских тем, что они имеют петельку не наверху, а с тыльной стороны, а также тем, что северокитайские привески часто с лицевой стороны орнаментированы. Однако среди большой серии северокитайских двухлапчатых привесок есть и другие, более близкие к публикуемым, например двухлапчатая привеска из Внутренней Монголии с кольцеобразной петелькой наверху (рис. 1, *17*) [18].

Итак, первая группа монгольских привесок, как отмечалось выше, ближайшими аналогиями связана с основными районами распространения карасукской культуры, а третья — с районами Северного Китая. Таким образом, монгольские привески, являясь надежным связующим звеном, соединяют в единую типологическую цепь карасукские трехлапчатые и северокитайские двухлапчатые привески иньского времени. Родство двух последних форм привесок становится очевидным.

Широкое распространение лапчатых привесок в Монголии и Северном Китае, а также полное отсутствие их в предкарасукское время в Южной Сибири бесспорно свидетельствуют о восточном их происхождении. Бóльшая часть их найдена в юго-восточном углу Минусинской котловины. Это не случайно, а отчасти связано с проникновением украшений данного типа в Южную Сибирь с юго-востока.

Несколько привесок известно к югу от Минусинского района, из Тувы [19]. Последнее обстоятельство сближает карасукские и монгольские привески территориально.

Преобладание карасукских привесок в юго-восточной части Минусинской котловины и находки привесок вплоть до границ Монголии намечают один из путей проникновения этих украшений в Минусинский край с юго-востока из Монголии через Туву. По-видимому, территорию МНР, а не Северный Китай и следует считать родиной лапчатых привесок. На это

[16] См. также в коллекции Минусинского музея, №№ 8674—8676, 12618.
[17] См. J. Anderson. Ук. соч., табл. 18; Inner Mongolia..., табл. 9 и 15.
[18] См. Inner-Mongolia..., табл. 9, *17*.
[19] С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. МЭ, т. 3, вып. 2, 1927, стр. 106.

указывает эволюция монгольских привесок и разнообразие их форм. Прототипом для карасукских трехлапчатых и для северокитайских двухлапчатых привесок послужили, вероятно, ажурные монгольские привески с перегородками. Категорически настаивать на этом, может быть, и преждевременно, поскольку нет точно датированных материалов из погребений или поселений, но все же можно предположить, что северокитайские племена, вытесненные на север и положившие начало карасукской культуре Сибири, принесли с собой форму привесок, возникшую именно в Монголии.

Правда, вплоть до последнего времени восточное происхождение карасукской культуры оспаривается некоторыми археологами [20]. Особый интерес публикуемых привесок как раз и заключается в том, что они еще раз напоминают о юго-восточных связях карасукской культуры и могут служить одним из аргументов в пользу ее юго-восточного происхождения.

[20] См. М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА, № 48, 1956.

О. Ш. ИСМИЗАДЕ

НАЛЕПНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ГОЛОВЫ ЧЕЛОВЕКА ИЗ МИЛЬСКОЙ СТЕПИ

В Ждановском районе Азербайджанской ССР находится холм Кара-Тепе, расположенный примерно в 4 *км* к северо-западу от развалин средневекового городища Орен-Кала. Высота Кара-Тепе над окружающей местностью — около 4,5 *м*, диаметр — 140 *м*.

Предварительное обследование холма началось в 1954 г. Тогда на поверхности его было собрано небольшое количество фрагментов керамики черного, серого и красно-бурого цвета, а также несколько обломков светлоглиняных сосудов. Эти фрагменты по своим формам и технике выделки отчасти напоминают керамику из Джафархана, Узун-Тепе и Ялойлу-Тепе. Встречались иногда обломки сосудов, тяготеющих к сосудам более древней ходжалы-кедабекской культуры.

Для изучения холма Кара-Тепе в 1954 г. на его вершине был заложен разведочный раскоп, которым руководил А. А. Иессен. С 1955 г. здесь велись раскопки под руководством автора настоящей заметки.

Раскопками установлено, что на Кара-Тепе ниже средневекового слоя залегают остатки значительных построек из сырцового кирпича. Находки в этих слоях относятся к V—I вв. до н. э. Надматериковый слой, залегающий на глубине около 3,8—4 *м* ниже дневной поверхности, относится к еще более раннему времени, когда и были сооружены основные стены раскапываемого комплекса.

Среди находок основного слоя Кара-Тепе имеется оригинальный предмет, ранее не встречавшийся на данной территории. На западной стороне раскопа, на глубине около 0,8 *м* от дневной поверхности, недалеко от остатков очага с большим навалом золы и угля, лежал фрагмент дугообразной круглой в сечении ручки глиняного чернолощеного сосуда. У верхнего прилепа ручки помещено налепное изображение головы человека (рис. 1).

Судя по изображению, голова человека брахикефальная. Особенно выделяется на его ортогнатном лице сильно выступающий нос с высоким переносьем и незначительной горбинкой посередине. Лоб сравнительно

покатый. Надбровные дуги намечены очень слабо. Глаза показаны врезными кружочками, несколько вытянутыми. Рот слегка раскрыт. По сравнению с головой, уши довольно большие. Они вырезаны еще до обжига. Непосредственно над глазами проведена полукруглая врезная линия, при помощи которой гончар хотел, видимо, показать головной убор. Эта линия четко отграничивает лицо. Налепная голова незначительно возвышается над краем сосуда. Головной убор напоминает невысокий войлочный чепчик, употреблявшийся, вероятно, у местного населения в этот период.

Ниже налепной головы на поверхности ручки расположены глубокие врезные линии и наклонные насечки, образующие елочку, обращенную вершиной вниз. Не исключено, что эти линии воспроизводят ребра и позвоночник человека.

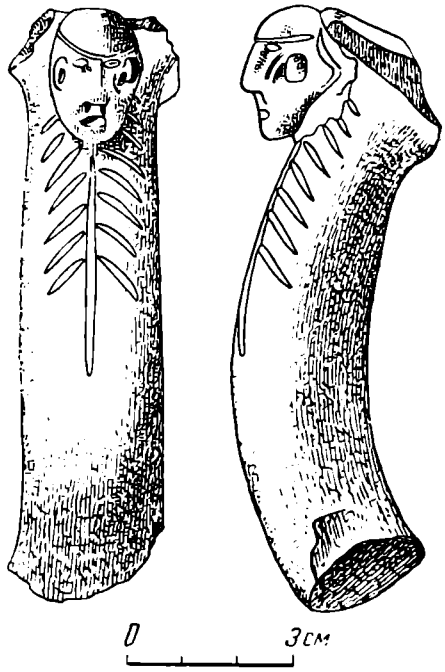


Рис. 1. Изображение человека на ручке сосуда из Кара-Тепе (Азербайджан)

Нам кажется, что гончар показал характерный образ своего современника, обитателя данной территории. По форме черепа и лица изучаемое изображение напоминает переднеазиатский (ассироидный) антропологический тип. В Мильской степи подобное изображение, относящееся примерно к середине I тысячелетия до н. э., встречается впервые.

Небольшая скульптурная голова человека хранится сейчас в Нахичеванском краеведческом музее. По имеющимся в Нахичеванском музее сведениям, это изображение найдено в 1930 г. в местности Нухдабан (так называемая «могила Ноя»), недалеко от развалин городища Кохне-Кала. Голова налеплена не на ручку, а на колпачковую крышку сосуда в качестве ее держателя (рис. 2). Сама крышка красноглиняная, окрашена сверху в красный цвет. Эта голова также относится к брахикефальному типу. Лицо довольно широкое, ортогнатное, с узким, сильно выступающим носом и высоким переносьем. Глаза и рот отмечены точечными углублениями, которые выдавлены в сыром тесте до обжига.

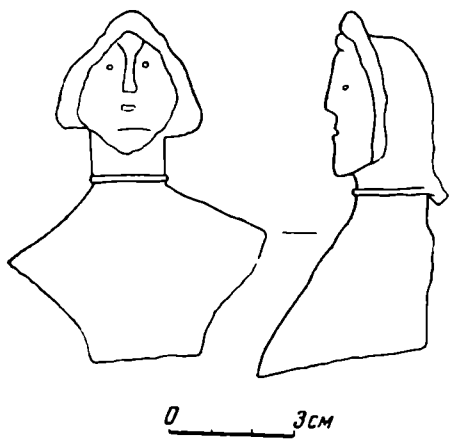


Рис. 2. Изображение человека на крышке сосуда из местности Нухдабан (Нахичеванская АССР)

На голове изображен головной убор, напоминающий остроконечную шапку-ушанку. Он совершенно отличен от плоского (войлочного?) чепчика кара-тепинской головки. Если войлочный чепчик несколько придвинут ко лбу и закрывает только макушку головы, то шапка-ушанка нахичеванской скульптурной головы закрывает сплошь всю голову и затылок. Уши также остаются под головным убором. Передний край шапки в виде валика возвышается над головой примерно на 1 *см*. Задняя часть головы отломана. На шее изображена гривна, отмеченная накладным валиком. Форма головы и лица позволяет говорить о возможности отнесения и этого изображения к ассироидному антропологическому типу.

На территории Нахичеванской АССР еще одна скульптурная глиняная статуэтка человека была найдена в 1895—1896 гг. Н. В. Федоровым около монастыря Кызыл-Ванк. Она изготовлена из глины розового цвета и расписана сверху белой, красной и черной красками.

Указанная статуэтка изображает мужчину в высокой папахе и длинном одеянии с поясом. Эта фигурка связывается с керамикой кызылванкской культуры и датируется примерно концом II тысячелетия до н. э. [1].

Несколько маленьких скульптурных глиняных фигурок человека обнаружено и в Мингечауре, но они относятся к другой группе и в основном представляют собой изображения обнаженных женщин. Они изготовлены из глины красного цвета и розовато-желтого цвета. Головы и другие конечности у большинства фигур отломаны. Исполнение мингечаурских статуэток настолько схематично и грубо, что не дает возможности сопоставлять их с известными антропологическими типами.

По мнению ученых, мингечаурские глиняные статуэтки служили для культовых целей [2]. Они датируются примерно II—I вв. до н. э. и первыми веками нашей эры.

На территории Азербайджана глиняные статуэтки были обнаружены и в других районах. Нам думается, что по своим формам и малым размерам эти фигурки также могли выполнять культовые функции. Кара-тепинская налепная голова культовой цели не служила. Она расположена на ручке кувшина, употреблявшегося в быту местного населения.

Ручки аналогичной формы (но без изображения головы человека) и их фрагменты обнаружены на Кара-Тепе в большом числе. Известны и кувшины, которым принадлежали эти ручки. Это небольшие чернолощеные сосуды с шаровидным корпусом, плоским дном и коротким трубчатым носиком, расположенным напротив ручки. На плечиках этих кувшинов и на трубочке имеются врезное и налепное украшения. Емкость их около 3 *л*. Эти формы кувшинов очень распространены среди керамических изделий изучаемого памятника.

Практическое назначение этих сосудов не вызывает сомнения. Кара-тепинская находка представляет значительный интерес, как одно из первых изображений, позволяющих хотя бы приближенно судить об антропологическом типе древнего населения Мильской степи.

---

[1] А. Спицын. Некоторые закавказские могильники. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 12, рис. 37.

[2] С. Б. Ашурбейли. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. Тр. Музея истории Азербайджана, т. I, Баку, 1956, стр. 73—82.

Й. Г. НАРИМАНОВ

НАХОДКИ БАЗ КОЛОНН V—IV вв. до н. э. В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

При раскопках холма Сары-Тепе (Казахский район, Азербайджанская ССР), проводившихся нами с 1956 г., в 1958 г. выявлены остатки стен и фундамента двух архитектурно связанных между собой больших зданий (рис. 1), в которых найдены две каменные базы колонн (рис. 2).

От первого из этих зданий сохранились остатки семи помещений, одно из которых по величине и расположению напоминает зал. Другие помещения охватывают его с трех сторон и сообщаются между собой проходами, шириной около 1 *м*. Общая ширина этого здания достигает 20,5 *м*, толщина стен — 1,3 *м*.

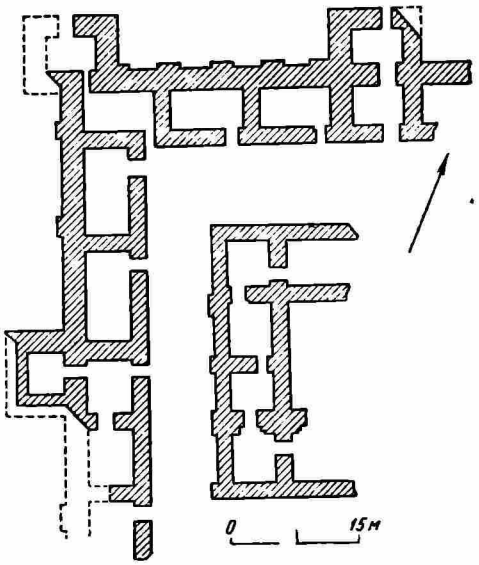


Рис. 1. План зданий, открытых на холме Сары-Тепе

Каменные базы были обнаружены на полу зала. Они находились на расстоянии около 2,5 *м* друг от друга.

От второго, наружного здания, окружающего первое, сохранилось 13 помещений. Длина сохранившейся части здания достигает 70 *м*, ширина — 3,2 *м*, максимальная высота остатков стен — 1,7 *м*. Толщина наружных стен этого здания достигает 1,6 *м*. Эти стены имеют пилястры шириной 1,6—1,7 *м*, выступающие от линии стен на 0,2 *м*. Такие же пилястры были и на западной стене внутреннего здания.

Стены этих сооружений воздвигнуты из сырцового кирпича (размером 0,36×0,36×0,12 *м*; 0,36×0,18×0,12—0,14 *м*) на полуметровом булыжном фундаменте, скрепленном глиняным раствором. На стенах отчетливо сохранились обмазка глиной, смешанной с саманом, и остатки побелки гипсом.

Инвентарь, добытый из этих зданий, сравнительно невелик. В числе находок — красноглиняные кюпы; в одном из них был обуглившийся ячмень. Среди мелких сосудов преобладают обломки чаш бурого, серого

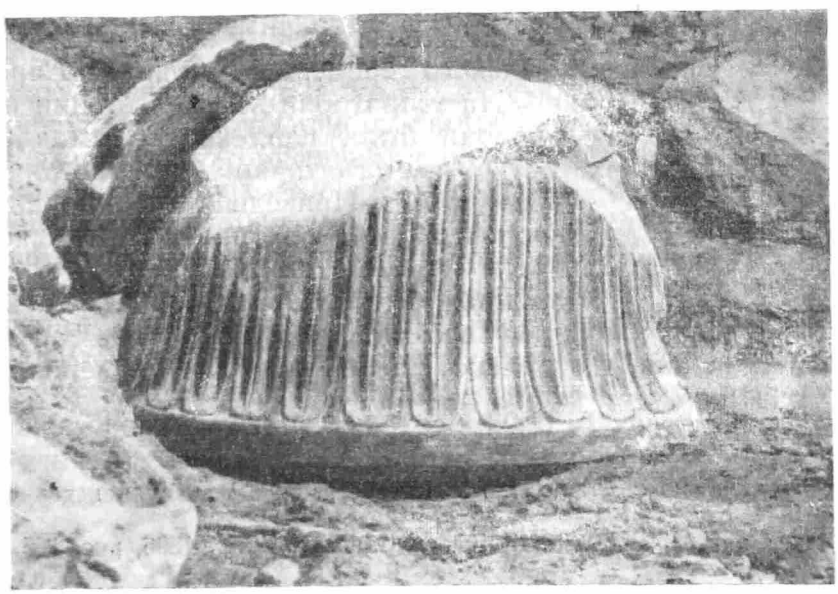


Рис. 2. Базы колонн из Сары-Тепе

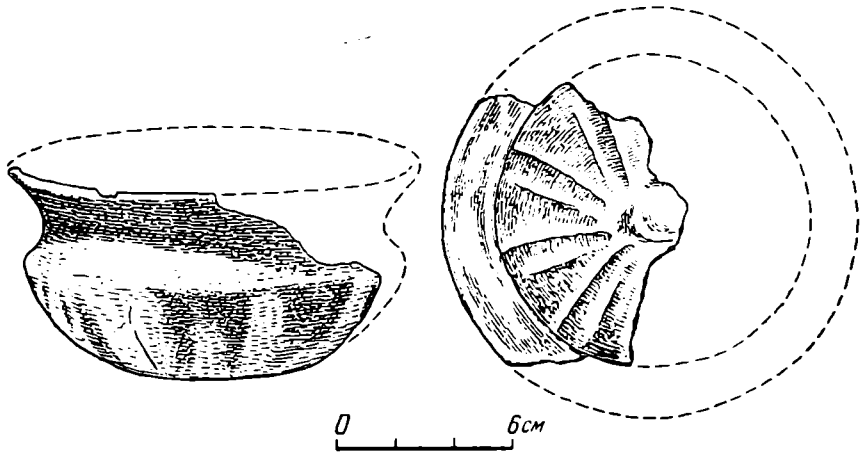


Рис. 3. Глиняная чаша из Сары-Тепе

и красного цвета, напоминающие по форме так называемые ахеменидские металлические чаши (рис. 3). Большой интерес представляет цилиндрическая печать из серого камня с изображением животного и знаков (рис. 4).

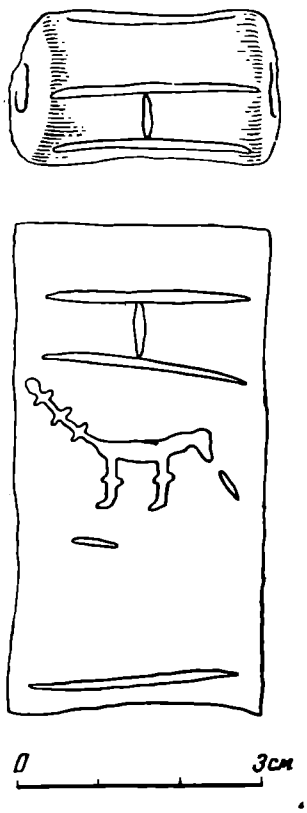


Рис. 4. Каменная цилиндрическая печать из Сары-Тепе

Во всех помещениях этого комплекса зданий на обожженном полу сохранились остатки обуглившихся толстых бревен.

Обе упомянутые выше базы колонн по размеру и по архитектурному стилю идентичны. Они высечены из белого плотного известняка, залежи которого богато представлены на горе Авейдаг в том же районе. Базы эти имеют круглую подушку и колоколообразный корпус, украшенный рельефами в виде свисающих вниз пальмовых листьев. Между расходящимися нижними концами пальметт имеются рельефные украшения в виде ромбов.

Высота баз — 0,53 *м*, диаметр основания — 0,84 *м*, диаметр верхней части — 0,53 *м*.

Каменные базы колонн, обнаруженные на холме Сары-Тепе, являются уникальными для Азербайджана и всего Кавказа. Они, вне всякого сомнения, сходны с базами колонн из сооружений ахеменидского времени в Сузах и Персеполе в Иране [1]. На территории древней Мидии подобные базы колонн были найдены в Хамадане [2]. Эти архитектурные памятники были воздвигнуты в V—IV вв. до н. э. Приведенные материалы позволяют ориентировочно датировать базы колонн из Сары-Тепе V—IV вв. до н. э.

Каменные базы с холма Сары-Тепе свидетельствуют о весьма высоком уровне архитектуры древнего Азербайджана и отражают культурные связи Азербайджана с ахеменидским Ираном.

---

[1] Всеобщая история искусств, т. I, М., 1956, стр. 386; Всеобщая история архитектуры, т. I, М., 1944, стр. 146—156.

[2] J. de Morgan. Mission scientifique au Caucase. Paris, 1896, рис. 155.

Л. Н. КАЗАМАНОВА

ПЕРСИДСКИЙ СИКЛ С АФИНСКОЙ НАДЧЕКАНКОЙ

В собрании ГИМ долгое время хранился редкий экземпляр персидского сикла V—IV вв. до н. э. (вес 4,98 *г*) с двумя афинскими надчеканками, помещенными на лицевой стороне монеты (рис. 1). На одной надчеканке имеется отчетливо различимое изображение головы Афины в аттическом шлеме, на другой — изображение совы, повернутое вправо. Надчеканки очень близки штемпелю лицевой и оборотной сторон афинского гемиобола.

Рис. 1. Персидский сикл с афинской надчеканкой

Самый факт надчеканки в Афинах персидских сиклов, имевших широкое хождение на внутреннем рынке города, не вызывает особого удивления. Известно, что персидские дарики и сиклы уже в V в. и особенно — в IV в. до н. э. становятся международной монетой, широко обращавшейся не только в Малоазийской, но и в материковой Греции. Распространение этих монет в Греции было прервано лишь гибелью Персидской державы в результате походов Александра Македонского.

Самый выпуск золотых и крупных номиналов серебряных монет (сикл составлял $^1/_{20}$ дарика) в Персии, стране с малоразвитым товарным производством и денежным хозяйством, преследовал больше цели внешнего порядка, чем внутреннего обращения. Вспомним рассказ Геродота о реформе Дария I и превращении золота в слитки. Особенно явным становится назначение выпуска дариков и сиклов в конце V в. и в начале IV в. до н. э., когда право их чекана получили персидские сатрапы, оплачивавшие участие греческих наемников в своих военных авантюрах. «Греческая история» и «Анабасис» Ксенофонта изобилуют упоминаниями о σίγλοι μηδικοί и δαρεικοί, служивших средством оплаты (μισθός) за службу греческих наемников в персидском войске [1].

Особый интерес представляет возможность установить более или менее точное время нанесения на персидскую монету афинской надчеканки, утверждающей ее обращение на внутреннем афинском рынке.

Учитывая характер внешней политики Персии в период последних лет Пелопоннесской войны, ее постоянное вмешательство во внутренние дела греческих полисов, умение использовать политические противоречия, особенно вековую борьбу Афин и Спарты за гегемонию над греческим миром, систематическое применение подкупа политических соперников, следует сделать выбор из сложных событий конца V и начала IV в. до н. э. и установить тот момент, к которому с наибольшей вероятностью можно приурочить появление афинской надчеканки на персидском сикле. Первое возможное предположение — поход 13 000 греков в 404 г. до н. э.— отпадает. Золото и серебро Кира Младшего, в большом количестве поступавшее к греческим наемникам [2], меньше всего могло попасть в Афины, так

[1] Ксен., Anab., I, 7, 18; I, 3, 21 и др.
[2] Там же.

как в наемное войско персидского царевича входил лишь небольшой отряд афинян, возглавляемый Ксенофонтом. Кир, покровительствовавший Лисандру в его борьбе с Афинами, потребовал от Спарты участия в походе против Артаксерса, и 13 000 греческих наемников в основном были укомплектованы из членов Пелопоннесского союза — аркадян, элейцев, ахейцев, — а также из фессалийцев.

Событиями, к которым можно отнести надчеканки на публикуемой монете, могли оказаться только бурные и сложные перипетии Коринфской войны.

Пелопоннесская война ослабила греческие города не только в военном, но и, особенно, в экономическом отношении. Казна такого богатого города, как Афины, постоянно пустовала; нечем было даже оплачивать участие граждан в народном собрании. Афинские Длинные стены и укрепления Пирея были срыты и требовали восстановления.

Между тем, в результате деятельности Конона, блестящего полководца и дипломата, мы наблюдаем новый подъем внешней активности Афин, некоторое возрождение могущества и славы города. Кроме таланта наварха, Конон обладал дипломатической ловкостью афинянина, прекрасно сумевшего извлечь из внешней политики персидского царя и сатрапов пользу для своего города.

Победа при Книде в 395 г. до н. э., кончившаяся уничтожением спартанской эскадры (захвачено 50 из 85 триер, остальные рассеяны), подала Конону, стоявшему во главе персидского флота, надежду на полное восстановление былого могущества Афин. Однако добиться частичного осуществления своих планов Конон смог, только приняв финансовую помощь со стороны Персии, 50 лет назад наголову разгромленной его соотечественниками. Теперь же победы афинского наварха над спартанцами субсидировал персидский сатрап Фригии Фарнабаз, находившийся при Конове и везший большие запасы персидского золота для оплаты греческих моряков, а также и для более важных целей.

Дело в том, что к этому времени окрепла антиспартанская коалиция, включавшая в свой состав Фивы, Аргос, Коринф и Афины. Есть прямые свидетельства источников о том, что золото злейшего врага Спарты Фарнабаза пошло на непосредственный подкуп политических деятелей городов, входивших в антиспартанскую коалицию. Так, Полиен пишет: «В то время, когда Агесилай грабил Азию, Конон, будучи союзником Фарнабаза, убедил перса послать золото для подкупа демагогов в греческих городах» [3]. Еще более определенно говорит об этом факте Ксенофонт, касаясь миссии Тифравста, преемника Тиссаферна, в 395 г.: «Он шлет в Грецию родосца Тимократа, дает ему с собой деньги золотой монетой, равноценной приблизительно 50 талантам серебра, и поручает ему попытаться вручить эти деньги виднейшим политическим деятелям в греческих государствах, взяв с них клятвенное заверение, что они возбудят войну против Лакедемона. Тимократ отправился в Грецию и подкупил: в Фивах — Андроклида, Исмения и Галаксидора, в Коринфе — Тимолая и Полианфа, в Аргосе — Килона и их единомышленников». Тут же Ксенофонт добавляет относительно афинян, которые «и без подкупа жаждали этой войны, считая несправедливым, что над ними властвуют другие» [4]. Последние слова, очевидно, относятся к Конону, не нуждавшемуся в подкупе также и потому, что он был после Пасиона одним из крупнейших афинских богачей. Однако Конон получил и сумел с пользой для Афин истратить персидские деньги. Автор Оксиринхской «Греческой истории» сообщает о подготовке военных выступлений против Спарты [5]. Хитрый дипломат Конон использовал персидские субсидии на восстановление разрушенных

[3] Polyaen., I, 48, 3.
[4] Xen., Hell., III, 5, 1—2.
[5] Oxyr., Hell., 2, 2—5.

Длинных стен и пирейских укреплений. Строительные рабочие, воздвигавшие афинские укрепления, получали оплату из денег Фарнабаза. По сообщению Диодора, «Конон приплыл с флотом из 80 триер в Пирей, нанял за плату большое число мастеров и, дав им в помощь весь свой экипаж, в короткое время выстроил большую часть стен» [6].

Конец 90-х годов IV в. до н. э. в Афинах ознаменован и некоторым восстановлением финансовых сил города. Казна, наконец, находит средства выплатить деньги за участие в народном собрании и, очевидно, оплачивает наемные войска, сражавшиеся со спартанцами [7]. Таким образом, персидские субсидии были обращены на внутренний рынок Афин, где, естественно, бо́льшую роль могло играть персидское серебро, а не золото.

Ксенофонт в «Анабасисе» сообщает: «...Сикл же равняется $7^1/_2$ аттическим оболам» [8].

Планы Конона шли слишком далеко, он мечтал о возобновлении морской силы, о возрождении флота, что частично ему удалось сделать. С Афинами сближаются острова Родос, Кос, Хиос, Лесбос, Имброс и Скирос, а также такие центры Малой Азии, как Эфес, Кизик, т. е. закладываются основы, на которых возродился 2-й Афинский морской союз.

Однако эти события были отрицательно восприняты в Персии, при помощи денег которой Афины сумели возвыситься настолько, что стали представлять реальную угрозу не только Спарте, но и самой Персидской монархии. Подъем Афин при Кононе оказался слишком кратковременным (395—392 гг. до н. э.).Персидское золото перекочевало в Спарту. После тяжелого для Афин Анталкидова мира Персия финансирует спартанцев, которые приступают к строительству флота, чтобы противопоставить его растущей мощи Афин. Конон, как изменник персидского царя, попадает в тюрьму. В свете изложенных событий надо считать, что персидский сикл был надчеканен в Афинах, возможно, именно в период событий 395—392 гг. до н. э. и попал туда вместе с субсидией, полученной Кононом в 395 г. до н. э. на восстановление Длинных стен и Пирея.

---

[6] Diod., XIV, 85, 2—5.
[7] Xen., Hell., IV, 4, 14.
[8] Xen., Anab., I, 5—6.

А. М. ГИЛЕВИЧ

КЛАД МОНЕТ ИЗ ОКРУГИ СТРАБОНОВА ХЕРСОНЕСА

В 1895 г. на западном берегу Казачьей бухты, в 18 *км* от Севастополя, на даче Савельевой, был обнаружен клад бронзовых монет [1]. В архиве Херсонесского государственного музея в рукописном отчете К. К. Косцюшко-Валюжинича имеется список монет из случайных находок, в который внесено 29 монет (Б. XIV, 31—4 монеты; Б. XV, 68—25 монет) с указанием, что они найдены все в одном месте, на даче Савельевой [2]. В примечании к списку К. К. Косцюшко-Валюжинич сообщает, что всего монет было найдено 47, но остальные 18 похищены сторожем усадьбы.

В настоящее время в Херсонесском музее хранятся 26 монет из этого клада, которые вписаны в инвентарную книгу под тремя разными номерами с пометкой «дар Савельевой», без указания, что это клад [3].

---

[1] ОАК за 1895 г., стр. 77.
[2] Архив ГХМ, д. № 4, л. 29.
[3] Фонды ГХМ, инв. № 4508/2 — 2 экз. (Б. XIV, 31); 4509/4 — 4 экз. (Б. XV, 68); 4510/20 — 20 экз. (Б. XV, 68). Местонахождение еще трех монет установить не удалось.

Возможно, что при поступлении в музей монеты не были очищены, и к настоящему времени они оказались покрытыми густым налетом дикой патины. После очистки монет реставратором музея В. М. Маликовым выяснилось, что окись сильно разъела металл, в результате чего сохранность большинства монет очень плохая.

Однако, судя по сохранившимся лучше экземплярам, изношенности от обращения монеты почти не имеют. Гурт у многих монет острый.

Основную часть клада составляют монеты типа Б. XV, 68, которых насчитывается 24, а всего поступило к К. К. Косцюшко-Валюжиничу 25 экземпляров. Приводим описание монет (табл. 1, №№ 1—24).

Л. с. Колесница, запряженная четверкой лошадей, скачущих вправо. В колеснице, нагнувшись вперед, стоит возница с вожжами в левой и бичом в правой руке.

О. с. Обнаженный воин, с бородой и длинными волосами, в остроконечной шапке, присевший на правое колено. В левой руке круглый щит, в правой — копье. Внизу надпись ХЕР; на некоторых экземплярах она читается не полностью, а на других стерта.

Вес монет колеблется от 7,27 до 4,65 *г* (табл. 1) [4]. За средний вес для этих монет надо принять 6,1 *г*, так как вес ниже 6 *г* падает на монеты, сильно попорченные окисью. На ряде экземпляров (рис. 1, *3, 5, 7*) хорошо заметна вогнутость оборотной и выпуклость лицевой стороны. Наплывы металла на оборотной стороне свидетельствуют о неполном захвате штемпелем монетного кружка. На отдельных монетах видны следы обруба литников. Количество монет с дифферентами невелико.

На лицевой стороне: ΣА — 2 экз. (рис. 1, *2, 8*), А — 1 экз. (рис. 1, *7*), В — 1 экз. (рис. 1, *6*). На оборотной стороне: Θ — 1 экз. (рис. 1, *1*).

На некоторых монетах сравнительно хорошей сохранности (рис. 1, *3, 4*) дифференты, несомненно, отсутствуют, остальные же настолько испорчены окисью, что установить наличие дифферентов на них не представляется возможным. Из-за этого же невозможно провести сравнение штемпелей и установить количество одинаковых из них. Все же о монетах с дифферентом ΣА можно с достоверностью утверждать, что оба экземпляра (рис. 1, *2, 8*) чеканены разными штемпелями лицевой стороны.

Вторую группу монет публикуемого клада составляют монеты типа Б. XIV, 31 (рис. 1, *9, 10*; табл. 1, №№ 25, 26).

Л. с. Грифон, бегущий влево.

О. с. Коленопреклоненная Дева с луком в левой руке и стрелой в правой. Внизу надпись ХЕР.

Монет этого типа поступило к К. К. Косцюшко-Валюжиничу четыре экземпляра, но в настоящее время их в музее хранится только два экземпляра. На обеих монетах хорошо заметны симметричные выступы на концах одного и того же диаметра, характерные для этого типа и связанные с особенностью техники изготовления этих монет не из кружков, а из шариков.[5]

Обе монеты сильно испорчены окисью, из-за чего рассмотреть наличие дифферентов на них не представляется возможным.

Однако К. К. Косцюшко-Валюжинич в описи этой группы монет отмечает наличие дифферента ПА, не указывая, на скольких экземплярах он имеется [6]. Выпуск обоих типов монет, представленных в нашем кладе, был очень обильным, что отмечалось уже в работах А. Л. Бертье-Делагарда и А. Н. Зографа [7].

[4] Вес монет №№ 22—24 в расчет не принимается, так как они обломаны.

[5] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 148.

[6] Архив ГХМ, д. № 56, стр. 74.

[7] А. Л. Бертье-Делагард. Монетные новости древних городов Тавриды. ЗООИД, т. XXX, 1912, стр. 40; А. Н. Зограф. Две группы херсонесских монет с заимствованными типами. ИРАИМК, т. V, 1927, стр. 379; его же. Античные монеты, стр. 148.

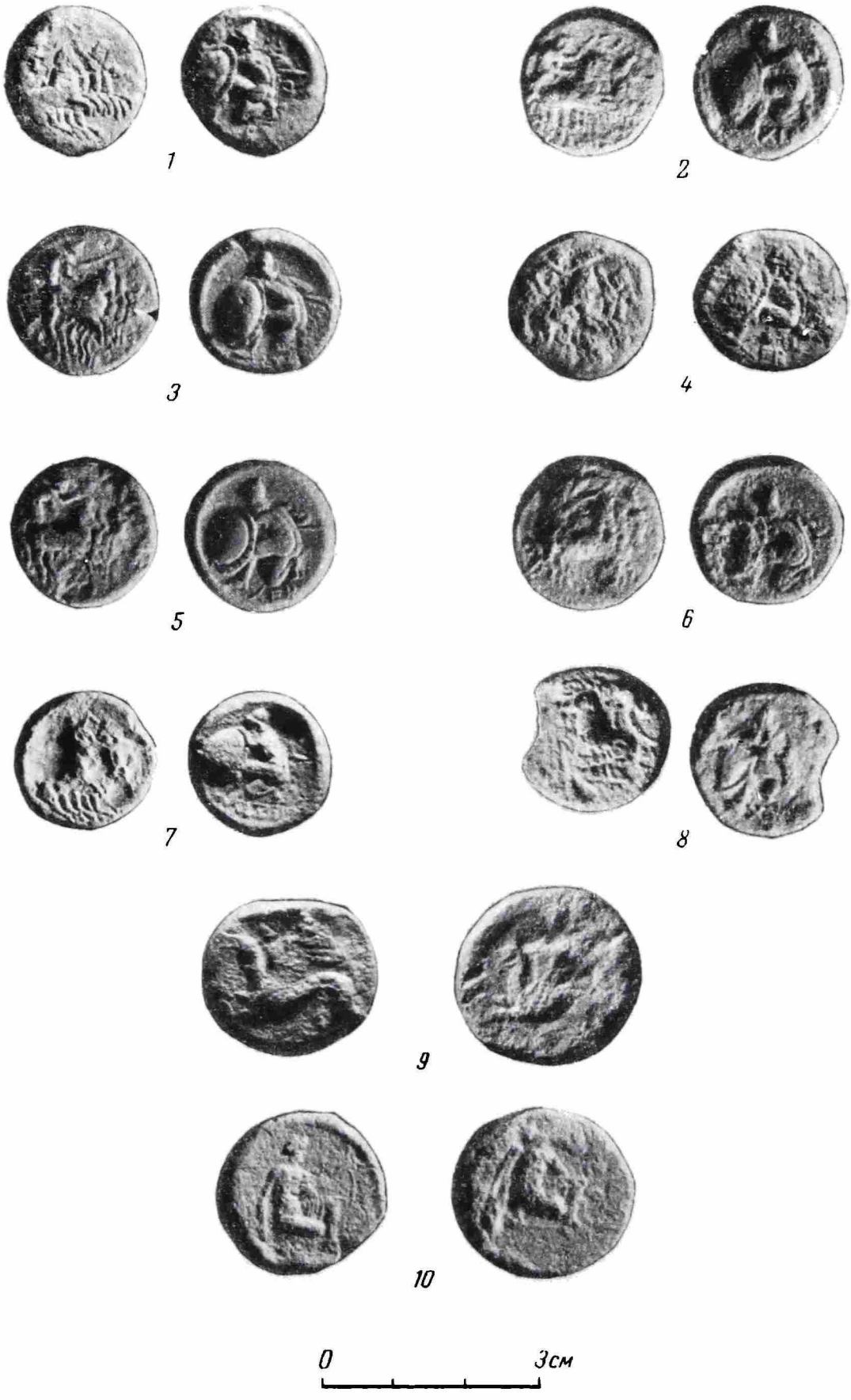


Рис. 1. Монеты клада из округи Страбонова Херсонеса. Монеты, изображенные на рис. 1, соответствуют следующим номерам в таблице 1:

1 — № 2; *2* — № 3; *3* — № 5; *4* — № 7; *5* — № 8; *6* — № 15; *7* — № 16; *8* — № 19; *9* — № 25; *10* — № 26

Таблица 1

Основные данные клада монет из округи Страбонова Херсонеса

№№ п/п	Инв. №	Лицевая сторона			Оборотная сторона			Размеры (в *мм*)	Вес (в *г*)	Соотношение осей	Время	Литература	Примеч.
		диффе-рент	сдвиг штемп.	сохр.	диффе-рент	сдвиг штемп.	сохр.						
1	4510/20		↑	О. пл.		←	п.	20	7,27	↑ ↗	350—330	Б. XV, *68* = З. XXXV, *10*	Гурт острый
2	4509/4		←	с.	Θ	←	с.	17	6,76	↑ ↑	»	»	Гурт острый
3	4509/4	ΣA		х.		↙	х.	18	6,62	↑ ↗	»	»	
4	4510/20			о. пл.		↙	с.	18	6,37	↑ ↑	»	»	
5	4510/20		→	х.		↓	х.	19	6,18	↑ ↖	»	»	Трещина
6	4510/20		←	п.		↓	п.	20	6,16	↑ ↓	»	»	Гурт острый
7	4509/4		↙	с.			х.	18	6,04	↑ ↗	»	»	Гурт острый
8	4509/4		←	с.		←	о.	19	6,02	↑ →	»	»	
9	4510/20		↑	п.		↗	п.	20	6,01	↑ ↓	»	»	
10	4510/20			п.		↓	п.	18	5,95	↑ ↓	»	»	Гурт острый
11	4510/20		↓	с.		↙	с.	20—18	5,8	↑ ↗	»	»	
12	4510/20		↓	п.		↓	о. пл.	19	5,46	↑ ↘	»	»	
13	4510/20		↓	с.		↗	с.	19	5,46	↑ ↓	»	»	
14	4510/20		←	п.			о. пл.	18	5,32	↑ ↙	»	»	
15	4510/20	B	↙	о. пл.		↙	с.	19	5,21	↑ ↙	»	»	
16	4510/20	Λ	←	п.		←	п.	18	5,11	↑ ↖	»	»	
17	4510/20		↑	о. пл.			п.	19	4,97	↑ →	»	»	Гурт острый
18	4510/20		←	п.			о. пл.	19	4,84		»	»	
19	4510/20	ΣA	↑	х.			п.	19	4,82	↑ →	»	»	Обломана
20	4510/20		↙	п.			о. пл.	19	4,67	↑ ↘	»	»	
21	4510/20			о. пл.			п.	18	4,65	↑ ↑	»	»	
22	4510/20			о. пл.		↑	п.	20	4,57	↑ ↗	»	»	Обломана
23	4510/20			о. пл.		←	х.	20	3,82	↓ →	»	»	Обломана
24	4510/20		↓	с.		↓	п.	19	3,56	↑ ↑	»	Б. XIV, *31* = З. XXXV, *16*	Обломана
25	4508/2		↑	с.		↓	с.	21	9,91	↓ ↙	340—330	»	
26	4508/2		→	п.		↗	п.	24	9,54	↑ ↗	»	»	

Интенсивность выпуска монет обеих групп подтверждается материалами раскопок Херсонеса и его ближайшей округи, где монеты этого типа встречаются в большом количестве. А. Н. Зограф датирует группу монет с квадригой 350—330 гг. до н. э., а монеты с грифоном на лицевой стороне и коленопреклоненной Девой на оборотной — 340—330 гг. до н. э.[8] Находка обеих групп монет в составе одного клада подтверждает их совместное обращение и дает примерную дату зарытия клада — последняя треть IV в. до н. э.

Наличие в кладе монет с грифоном и коленопреклоненной Девой, имеющих дифферент ПА, дает возможность уточнить дату выпуска этих монет, которые были, вероятно, самыми ранними в серии монет этого типа, имеющих еще дифференты КРА и АРІ. Монеты этой группы имели очень длительное обращение в Херсонесе, вплоть до конца II в. до н. э., что подтверждается содержанием их в большом количестве в составе Стрелецкого и Камышевского кладов, зарытых во II в. до н. э.[9].

Публикуемый клад является самым ранним из известных кладов херсонесских монет автономного периода. Дача Савельевой, где был обнаружен клад, находилась на территории одного из клеров Маячного полуострова.

Клеры эти возникли еще в IV в. до н. э.[10]. Как показали исследования, усадьбы этих клеров не были укреплены[11]. Отсутствие укреплений, характерных для усадеб остальной части Гераклейского полуострова, объясняется тем, что весь Маячный полуостров был прикрыт с суши оборонительными стенами, пересекавшими перешеек между верховьем Казачьей бухты и открытым морем[12]. На участке между этими стенами А. Л. Бертье-Делагард локализует местонахождение Старого Херсонеса, о котором упоминает Страбон[13]. Исследованиями С. Ф. Стржелецкого установлено, что в IV в. до н. э. усадьбы были только на Маячном полуострове. В других местах Гераклейского полуострова они возникают только на рубеже IV—III в. до н. э.[14]. Таким образом, клеры Маячного полуострова, находившиеся под прикрытием стен Страбонова Херсонеса, принадлежали гражданам этого города. Одним из них и был зарыт публикуемый клад. Несомненно, что к концу IV в. до н. э. Страбонов Херсонес имел развитое денежное обращение. Возможно, что там же было положено начало херсонесской монетной чеканке.

---

[8] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 243.

[9] А. К. Тахтай. Два клада херсонесских античных монет 1944 года. Херсонесский сборник, т. IV, Симферополь, 1948, стр. 120. Стрелецкий клад — 30 экз. (без дифферентов — 12, ПА — 2, КРА — 15, АРІ — 1), Камышевский клад — 118 экз. (без дифферентов — 76, ПА — 3, КРА — 28, АРІ — 11).

[10] С. Ф. Стржелецкий. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э. СА, 1957, № 3, стр. 31.

[11] Н. М. Печенкин. Археологические разведки в местности Страбоновского Старого Херсонеса. ИАК, вып. 42, 1911, стр. 101 сл., стр. 116 сл., стр. 118 сл.; К. Э. Гриневич. Исследования подводного города. М., 1931, стр. 14.

[12] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 116; С. Ф. Стржелецкий. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э. СА, 1958, № 4, стр. 168.

[13] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, 1907, стр. 190; Strabo, VII, 4, 7.

[14] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. Автореф. канд. дисс. М., 1959, стр. 6; его же. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э., стр. 155, примеч. 8; стр. 166. Датировка К. Э. Гриневичем одного из зданий усадьбы в балке Бермана V в. до н. э. (см. К. Э. Гриневич. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 года. Журн. «Крым», № 2 (8), стр. 43—45; его же. Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова. Севастополь, 1929, стр. 7, 23 сл.) весьма сомнительна ввиду того, что недостаточно прослежена стратиграфия слоев раскопанного памятника.

А. Г. САЛЬНИКОВ

ЗОЛОТЫЕ МОНЕТЫ ЛИСИМАХА ИЗ СОБРАНИЯ ОДЕССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В Одесском археологическом музее в настоящее время хранятся восемь золотых статеров с именем фракийского царя Лисимаха [1]. Общеизвестно, что эти монеты получили в древнем мире очень широкое распространение; уже после смерти Лисимаха, погибшего в 281 г. до н. э., ряд городов продолжал их выпускать, и в Северо-Западном Причерноморье они находились в обращении вплоть до первой половины I в. до н. э. [2]. Несмотря на такое широкое распространение, точные сведения о находках золотых монет Лисимаха на территории Северо-Западного Причерноморья очень не многочисленны: в литературе имеются общие указания на то, что они встречаются в Ольвии и в Тире [3], а также в составе кладов [4], но подробно описаны лишь поступившие в Эрмитаж статеры из знаменитого Анадольского клада [5]. Между тем монеты Лисимаха из Одесского музея являются паспортными и поэтому публикация их представляется целесообразной.

Монета № 1 (рис 1, *1*).

Л. с. Идеализированная голова Александра Македонского, украшенная диадемой и рогом Аммона, вправо.

О. с. Сидящая на троне Афина, с копьем в руке и со щитом, прислоненным к трону; на вытянутой правой руке крылатая Ника, влево. Справа ΒΑΣΙΛΕΩΣ, слева ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ. В поле факел, на троне монограмма (рис. 2, *1*).

19,5 *мм*. Вес 8,47 *г*. Проба 930. Инвентарный № 52 301.

Согласно данным рукописного каталога, составленного в 1926 г. К. М. Милисавлевичем, монета происходит из Анадольского клада [6]; в составе последнего имеется один экземпляр, в точности соответствующий данному выше описанию, но чеканенный другими штемпелями [7].

Монета № 2 (рис. 1, *2*).

Всё так же, в поле на оборотной стороне монограмма (рис. 2, *2*).

19 *мм*. Вес 8,37 *г*. Проба 916. Инвентарный № 52 267.

Монета поступила осенью 1893 г. (подарена А. Л. Бертье-Делагардом) [8]. Согласно К. М. Милисавлевичу, она найдена в Ольвии [9].

Монеты №№ 1 и 2 принадлежат к прижизненным выпускам Лисимаха; первая из них чеканена, по Л. Мюллеру, в г. Хрисаорисе [10].

Монета № 3 (рис. 1, *3*).

Всё так же, в поле на оборотной стороне монограмма (рис. 2, *3*), под троном — сокращение имени монетного сановника ΚΟΙ.

19 *мм*. Вес 8,57 *г*. Проба 958. Инвентарный № 52 295.

---

[1] Шесть из них кратко охарактеризованы А. Н. Зографом. См. А. Н. Зограф. Монеты Тиры. М., 1957, стр. 27, примеч. 28.

[2] А. Н. Зограф. Статеры Александра Македонского и Лисимаха в керченских и таманских находках. Бюллетень Керченской археологической конференции, № 3, 1926, стр. 3; его же. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, стр. 100.

[3] П. О. Бурачков. Общий каталог монет, ч. I, Одесса, 1884, стр. 17; А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 26—27; его же. Античные монеты, стр. 114 и 129.

[4] В. И. Гошкевич. Клады и древности Херсонской губернии, кн. I, Херсон, 1903, стр. 60 и 74; П. О. Бурачков. Ук. соч., стр. 6 и 17; А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 114 и 129.

[5] Е. М. Придик. Анадольский клад золотых статеров 1895 года. ИАК, вып. 3, 1902, стр. 58—61, 79—87, табл. XI—XII.

[6] Рукописный каталог в архиве Одесского музея, ч. 20, стр. 69, № 1—35.

[7] Е. М. Придик. Анадольский клад, стр. 83, № 60, табл. XII, *60*.

[8] Протокол 271 заседания ООИД от 29 сентября 1893 г., стр. 13.

[9] Рукописный каталог, ч. 20, стр. 79, № 6а—40—215.

[10] L. Müller. Die Münzen des thrakischen Königs Lysimachos. Copenhagen, 1858, № 441, стр. 82.

Монета поступила в музей весной 1895 г. (подарена А. Л. Бертье-Делагардом) [11]; она издана без рисунка Б. Пиком и К. Реглингом [12]. Происхождение ее неизвестно.

Монета № 4 (рис. 1, *4*).

Всё так же, в поле на оборотной стороне монограмма (рис. 2, *4*), под троном — сокращение имени монетного сановника ΚΛΕΑΝ.

19 *мм*. Вес 8,36 *г*. Проба 958. Инвентарный № 52 197.

Монета поступила в музей осенью 1895 г. (подарена А. Л. Бертье-Делагардом) [13]; издана без рисунка вместе с предыдущей [14]. По данным К. М. Милисавлевича, происходит из Ольвии [15].

Монеты №№ 3 и 4 чеканены в Одессе во II в. до н. э.

Монета № 5.

Всё так же, в поле на оборотной стороне монограмма (рис. 2, *5*), на троне BY, под троном трезубец, обращенный влево и украшенный по бокам дельфинами.

18—20 *мм*. Вес 8,40 *г*. Проба 958. Инвентарный № 52 189.

Монета поступила в Одесский музей в начале 1915 г. из Эрмитажа; она происходит из известного Туапсинского клада [16].

Монета № 6 (рис. 1, *6*).

Всё так же, в поле на оборотной стороне монограмма (рис. 2, *6*); буквы BY и трезубец, как на предыдущем экземпляре.

Монета поступила в музей осенью 1890 г. (подарена членом Одесского общества Л. П. Долинским); она найдена «в каменоломне в Аккермане», т. е. происходит из древней Тиры [17]. Плохой рисунок этой монеты помещен на титульном листе Отчета ООИД за 51 год его деятельности [18].

Монеты №№ 5 и 6 чеканены в Византии во II в. до н. э.

Монета № 7 (рис. 1, *7*).

Всё так же, в поле на обороте сокращение имени: монограмма (рис. 2, *7*) и буква Ф; на троне ТО, под троном трезубец, украшенный дельфинами.

19 *мм*. Вес 8,25 *г*. Проба 916. Инвентарный № 52 154.

Монета поступила в музей вместе с экземпляром, описанным выше под № 2 (подарены А. Л. Бертье-Делагардом) [19]. По данным К. М. Милисавлевича, она найдена в Ольвии [20].

Монета чеканена в Томи в конце II или даже в I в. н. э. Этот экземпляр издан без рисунка Б. Пиком и К. Реглингом [21].

Монета № 8 (рис. 1, *8*).

Всё так же, в поле на обороте монограмма (рис. 2, *7*), но без буквы Ф. На троне КАЛ, под троном трезубец.

18,5—19 *мм*. Вес. 8,28 *г*. Проба 916. Инвентарный № 52 284.

Время поступления монеты в Одесский музей неизвестно; по данным К. М. Милисавлевича, она была приобретена у парутинских крестьян [22], т. е. происходит из Ольвии или из погребений ольвийского некрополя.

---

[11] Протокол 286 заседания ООИД от 23 марта 1895 г., стр. 12.

[12] B. Pick, K. Regling. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien, т. I, кн. 2, Berlin, 1910, стр. 531, № 2122 (1).

[13] Протокол 290 заседания ООИД от 16 октября 1895 г. ЗООИД, т. XIX, 1896, Приложение, стр. 18 (стр. 11 отдельного оттиска).

[14] B. Pick, K. Regling. Ук. соч., стр. 532, № 2134 (2).

[15] Рукописный каталог, ч. 20, стр. 78, № 6—40.

[16] Протокол 436 заседания ООИД от 12 января 1915 г. ЗООИД, т. XXXII, 1915, Приложение, стр. 109; ср. А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 27, примеч. 28; A. Zograph. The Tooapse Hoard. NC, т. V, 1925, стр. 29—52.

[17] Протокол 254 заседания ООИД от 8 октября 1890 г., стр. 2; ср. Рукописный каталог, ч. 20, стр. 74, № 4—38.

[18] Отчет ООИД с 14 ноября 1889 г. по 14 ноября 1890 г. Одесса, 1891.

[19] Протокол 271 заседания ООИД от 29 сентября 1893 г., стр. 13.

[20] Рукописный каталог, ч 20, стр. 70, № 2—36.

[21] B. Pick, K. Regling. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 651, № 2478 (2).

[22] Рукописный каталог, ч. 20, стр. 77, № 5—39.

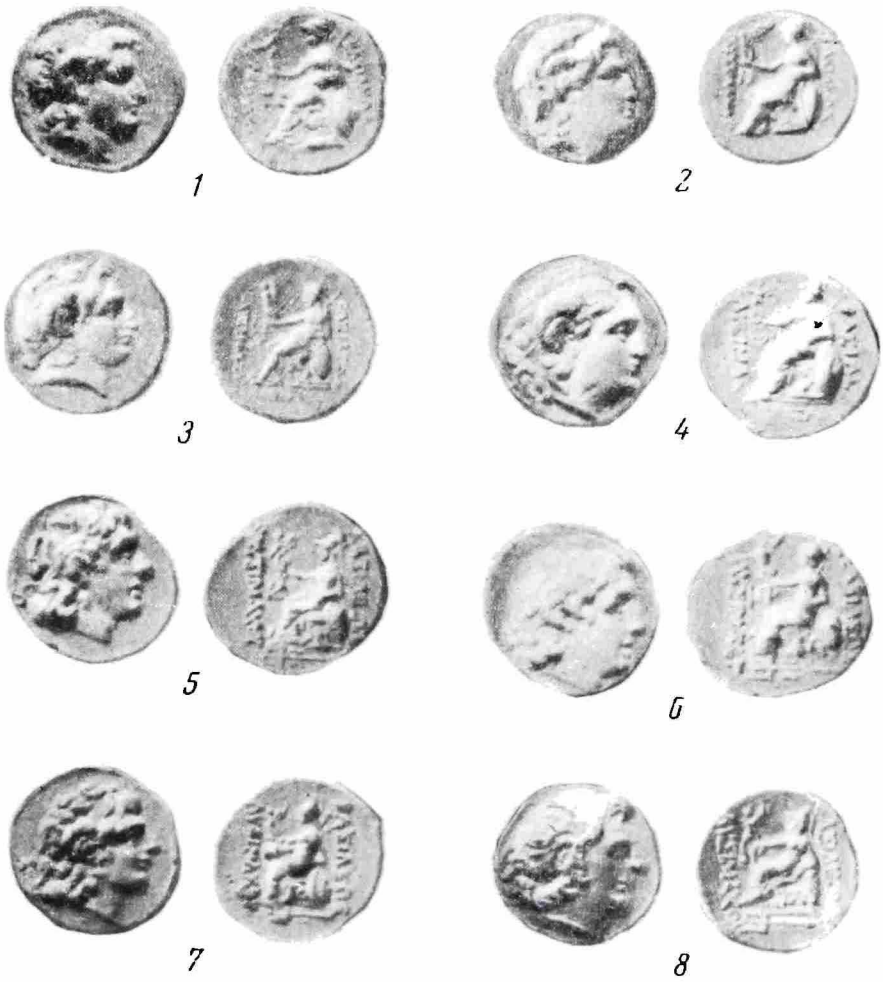


Рис. 1. Монеты Лисимаха из Одесского музея

Монета чеканена в Каллатисе в конце II или I в. до н. э. Точно такой экземпляр опубликован Б. Пиком и К. Реглингом, но одесская монета не включена в их сводку, из чего следует, что она была получена музеем после 1898 г.[23].

В Одесском музее имелся еще один золотой статер Лисимаха, найденный в Аккерманской гавани[24], т. е. происходящий также из античной Тиры. Место его чекана неизвестно, а сама монета была похищена из Одесского музея в феврале 1879 г.[25]. Она учтена, однако, в сводке монет, найденных в Тире[26].

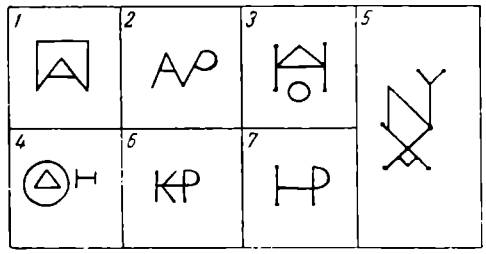


Рис. 2. Монограммы на монетах Лисимаха из Одесского музея

Таким образом, из восьми золотых монет Лисимаха, хранящихся в настоящее время в Одесском музее, четыре происходят из Ольвии, одна из Тиры, одна из Анадольского клада и одна из Туапсинского клада; происхождение одного экземпляра неизвестно. Несмотря на то, что количество этих монет относительно невелико, указание на их происхождение превращает их в немаловажный исторический документ, чем и оправдывается настоящая публикация. В частности, мнение А. Н. Зографа о значительной роли монет Лисимаха в Ольвии[27] получает несомненное подтверждение, так как А. Н. Зограф не мог указать ни одного точно установленного случая находок лисимаховских статеров на территории Ольвии.

[23] B. Pick, K. Regling. Ук. соч., т. I, кн. 1, Berlin, 1898, стр. 107, № 266.

[24] Ф. А. Струве. Археологические заметки по поводу посещения Аккермана и его окрестностей. ЗООИД, т. VI. 1867. стр. 607.

[25] Протокол 188 заседания ООИД от 21 февраля 1879 г., стр. 1—2 (ср. протоколы 189 заседания от 21 марта 1879 г., стр. 2, и 190 заседания от 20 сентября 1879 г., стр. 3).

[26] А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 26—27. Хотя монета, изданная выше под № 6, опубликована в печатном протоколе ООИД, где указано место ее находки, она не учтена А. Н. Зографом в указанном труде.

[27] А. Н. Зограф. Античные монеты, стр. 129.

А. И. ФУРМАНСКАЯ

НОВЫЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ИЗ ТИРЫ

В 1959 г. в Тире при исследовании подвального помещения эллинистического здания[1] был обнаружен обломок мраморной плиты с надписью и изображениями венков (рис. 1)[2]. Мрамор плотный, мелкозернистый, белого цвета. Сохранилась нижняя, бо́льшая часть плиты, слегка расширяющаяся книзу. Размеры сохранившейся части плиты: высота — 45 *см*, ширина внизу — 32 *см*, вверху — 29 *см*. Толщина плиты вверху — 8,2 *см*, внизу — 8,8 *см*.Надпись и рельефные изображения венков заключены в плоскую рамку, ширина ее боковых сторон — 1,5 и 1,8 *см*, основания — 8—8,5 *см*. Лицевая сторона плиты обработана довольно тщательно, основание и задняя сторона — небрежно. Поле с надписью отшлифовано. На боковых сторонах и нижнем основани рамки — следы сглаживания рашпилем.

[1] Подвальное помещение открыто на раскопе «А», расположенном на прикрепостной площади.

[2] Надпись хранится в фондах Института археологии АН УССР, инв. БД-1959, № 1156.

На плите сохранились рельефные изображения пяти венков, расположенных рядами, по два венка в каждом ряду (часть плющевого венка, два лавровых венка и два плющевых). Лавровые венки перевязаны лентами, плющевые состоят из листьев плюща, ягод и многолепестковых

Рис. 1. Обломок мраморной плиты с надписью и изображениями венков

цветков. Размеры сохранившейся части плиты позволяют считать, что венков было не более шести, что плита, вероятно, завершалась фронтоном, под которым была расположена надпись в две-три строки, и высота плиты в целом достигала примерно 65 *см*. Размеры лавровых венков — 9,5 × 10,5 *см*, плющевых — 11,5 × 10 *см*. Расстояние между плющевыми венками — 3,5 *см*, между лавровыми — 2,5 *см*, а между плющевыми и лавровыми — 4 *см*. Венки расположены не на одинаковом расстоянии от самой рамки. Над каждым венком имеется надпись. Средняя высота букв — 1 *см*.

Над левым лавровым венком полностью сохранилась надпись ὑπὸ Ὀλβιοπολιτῶν, над правым — нижняя часть Υ[3]. Над плющевыми венками: над левым — ὑπὸ Κυζικηνῶν, над правым — ὑπὸ Ῥοδίων.

[3] Расстояние от начала Υ до края рамки равно 10 *см*; таким образом, наименование неизвестного нам народа могло состоять не более как из шести или, в крайнем случае, из семи букв.

Изображения венков и надписи над ними сделаны четко и более или менее аккуратно. Найденный памятник по содержанию относится к разряду государственных постановлений. Это почетная надпись, которая была, вероятно, сделана в честь гражданина Тиры. По классификации В. В. Латышева, она относится к группе «tituli honorarii». В сохранившейся части надписи указывается, что неизвестный нам по имени выдающийся гражданин города был награжден ольвиополитами, кизикенцами, родосцами лавровыми и плющевыми венками.

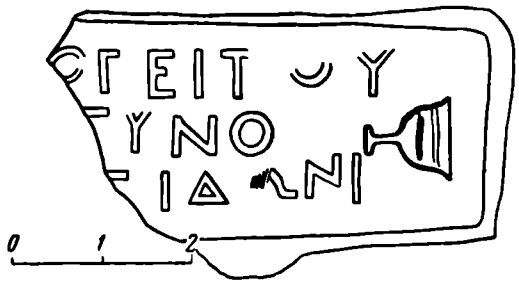


Рис. 2. Клеймо на синопской черепице

Размеры и начертания одних и тех же букв разные. Раннее начертание П — с укороченной правой вертикалью и не выходящей за вертикали горизонтальной чертой — встречается наряду с начертанием П уже с выходящей за вертикали горизонтальной чертой. Р и В — вытянутой формы. Мельче других букв вырезано О. Обращает на себя внимание характерная, редко встречающаяся форма омеги [4], а также наличие апексов. Все указанные признаки позволяют датировать памятник второй половиной III или не позднее начала II в. до н. э.

Плита найдена в нижней части подвального помещения. В засыпи этой части помещения найден материал эпохи позднего эллинизма, преимущественно II в. до н. э., среди которого были встречены единичные находки и более раннего времени. Отметим, например, фрагмент синопской черепицы с клеймом (рис. 2) [5].

[Θε]ογείτου
[ἀστ]υνό(μου)
[Ποσε]ι:δωνί(ου) Канфар

Ряд признаков (сокращение имени астинома и окончание родительного падежа имени владельца мастерской) позволяет отнести это клеймо ко второй хронологической группе по Б. Н. Гракову [6].

Найденный материал указывает на время засыпки подвального помещения и подтверждает датировку памятника.

По содержанию памятник напоминает знаменитый ольвийский декрет в честь ольвиополита Феокла, сына Сатира [7] (II—III вв. н. э.), в начале которого перечисляются города, увенчавшие Феокла золотыми венками.

Особенно близка нашей надписи по характеру, изображениям венков и размерам надпись из Одесса [8]; по содержанию и, что особенно важно, по грамматической конструкции ближайшую аналогию представляет собой надпись из Месембрии [9]. Следует лишь отметить, что формулировка последней надписи более развернута.

---

[4] Начертание омеги такое, как в Протогеновском декрете конца III в. до н. э. (IOSPE, I², № 32), в херсонесских надписях III в. до н. э. (там же, №№ 414 и 469) и II в. до н. э. (там же, № 466), в пантикапейских надписях III в. до н. э. (IOSPE, II, №№ 68 и 286), в агонистическом списке из Горгиппии III в. до н. э. (IOSPE, IV, № 432).

[5] Хранится в фондах ИА АН УССР, инв. Б-Д-59 г., № 1062

[6] Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 125, 189.

[7] IOSPE, I², № 40.

[8] G. Mihailov. Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae. Sophia, 1956, стр. 70, № 65.

[9] Там же, стр. 162, № 320.

На основании аналогий представляется возможным дать примерное восстановление надписи:

[ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος]
[τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος]
[τιμηθέντα χρυσοῖς στεφάνοις]
Над венками:

[ὑπὸ Τυρανῶν?]	[ὑπὸ.....]
ὑπὸ Ὀλβιοπολιτῶν	ὑ[πὸ.....]
ὑπὸ Κυζικηνῶν	ὑπὸ Ῥοδίων

Перевод: [Совет и народ (почтили) такого-то, сына такого-то, награжденного золотыми венками]

[Тиранцами?]	[. . . . .]
Ольвиополитами	[. . . . .]
Кизикенцами	Родосцами

Из надписи, найденной П. Никореску в Тире [10] и датированной им IV—III вв. до н. э., известно, что почетные декреты издавались городом. Содержание надписи свидетельствует о том, что один из благодетелей города был награжден золотым венком за «доблесть и благожелательность к народу» [11].

Венки, обычные почетные награды в античном мире, выдавались государством за мирные и военные заслуги, за победы, одержанные в гимнастических состязаниях и музыкальных играх. Внутри венков на плитах иногда вырезали наименование совета и народа или наименование должностей, занимавшихся лицом, в честь которого издавался почетный декрет.

Рельефные изображения лавровых и плющевых венков с надписями внутри венков и без надписей часто встречаются на эпиграфических памятниках Греции эллинистического времени [12]. Изображение двух венков имеется в тимпане фронтона ольвийской надписи III в. до н. э. — почетного декрета ольвиополитов в честь сыновей херсонесца Аполлония [13]. Изображения рельефных лавровых и плющевых венков с надписями внутри венков есть на базе статуи, воздвигнутой херсонесцами в честь Агасикла, сына Ктесия, III в. до н. э. [14] Изображение рельефных венков с надписями внутри встречаются и на лапидарных памятниках римского времени, найденных в Северном Причерноморье [15].

Вновь найденная надпись представляет исключительный интерес, являясь весьма важным источником для изучения истории Тиры в эпоху эллинизма. Из 40 известных эпиграфических памятников, касающихся

---

[10] P. Nicorescu. Fouilles de Tyras. Dacia, т. III—IV, Bucarest, 1933, стр. 566.

[11] Ольвиополиты, кизикенцы и родосцы могли наградить неизвестного нам по имени тирита за благорасположение к ним, в первую очередь — за оказанные им, вероятно, торговые услуги. В связи с этим представляет интерес декрет делосцев начала II в. до н. э., раскрывающий содержание подобных надписей, об увенчании херсонесца лавровым венком за «доблести, благочестие к святилищу и благорасположение к народу...» (Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3, стр. 256, № 22).

[12] SIG, 3 изд., №№ 228, 259, 304, 317, 319 и др. Плющевый венок см. B. D. Meritt. Greek Inscriptions. Hesperia, т, XV, № 3, 1946, стр. 203, № 41, фрагмент FF (IV в. до н. э. или, возможно, позднее; стр. 212); лавровый венок см. там же, стр. 215, №№ 42, 44, стр. 216; № 51, фрагмент a — d, e, стр. 223. Часто встречаются венки из листьев олив (I в. до н. э.).

[13] Е. И. Леви. Новая ольвийская надпись из раскопок 1951 г. ВДИ, 1953, № 1, стр. 177; ее же. Ольвийская агора. МИА, № 50, 1956, стр. 94 сл.

[14] IOSPE, I². № 418. Хранится в Одесском археологическом музее.

[15] Ольвийский декрет (IOSPE, I², № 279), херсонесский (там же, № 420) и др.

истории города, 34 относятся к первым векам нашей эры. Исключение составляет уже упомянутая надпись IV—III вв. до н. э., найденная П. Никореску [16] во втором дворе крепости, и надпись II—I вв. до н. э., происходящая из Томи [17]. На основании первой надписи восстанавливается государственный строй Тиры в эллинистическое время. В Тире существовали совет, народное собрание, коллегия архонтов. Вторая надпись из Томи, изданная в честь тиранца Нила, свидетельствует об экономических связях Тира с Томи и Ольвией и о том, что Тира была промежуточной станцией на пути, связывавшем Ольвию с городами Западного Причерноморья.

Надпись, найденная П. Никореску [18], являлась до последнего времени единственным декретом граждан Тиры эллинистического времени [19]. Если принять наше восстановление, то надпись 1959 г. представляет собой второй памятник для этого времени, подтверждающий обычное для греческого полиса самоуправление.

Большое значение имеет публикуемая надпись для характеристики международных экономических связей Тиры в эпоху эллинизма. В надписи засвидетельствованы связи Тиры с Ольвией, Кизиком и Родосом.

Это первый памятник, найденный в самой Тире, указывающий на непосредственные связи с Ольвией, засвидетельствованные как другими эпиграфическими, так и нумизматическими данными. Связи Тиры с Ольвией наблюдаются на протяжении всего существования этих городов. Монеты Тиры встречаются в Ольвии: монета второй половины IV в. до н. э. найдена в Ольвии при раскопках 1907 г., в 1927 г. была найдена монета II—I вв. до н.э., а во время раскопок 1935 и 1936 гг.— две монеты с изображением Каракаллы на лицевой стороне [20]. О монетах Тиры, найденных в Ольвии, сообщил в свое время И. П. Бларамберг [21].

И в Тире достоверно зафиксированы находки ольвийских монет. Одна ольвийская монета была найдена Э. Р. Штерном при раскопках Тиры в 1912 г. [22]. В приводимом А. Н. Зографом списке монет бывшей коллекции Суручана [23], происходящих из Белгорода-Днестровского, числятся также две медные ольвийские монеты догетского периода. Интересно отметить, что в кладе монет, найденном в Тире в 1958 г., оказались две ольвийские монеты: одна, по определению Д. Б. Шелова, вероятно, эпохи Флавиев, другая — начала III в. н. э. с изображением Септимия Севера на лицевой стороне и Фортуной с рулем и рогом изобилия и надписью ОΛВІОПОΛ на оборотной [24]. Две ольвийские монеты были найдены при расчистке раскопа в том же 1958 г. На одной, начала III в. н. э., четко читается лишь наименование города, другая датируется 183—184 гг. [25] Ольвийская медная монета конца II в. до н. э. была найдена в 1959 г. [26].

---

[16] P. Nicorescu. Ук. соч., стр. 566; П. О. Карышковский. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды. ВДИ, 1959, № 4, стр. 113 сл.

[17] Б. Н. Граков. Материалы..., стр. 310—311; П. О. Карышковский. Ук. соч., стр. 113.

[18] P. Nicorescu. Ук. соч., стр. 566.

[19] Декрет в честь Коккея (IOSPE, I², № 2) характеризует государственное устройство Тиры в римское время.

[20] А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935 и 1936 гг. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 215; его же. Монеты Тиры. М., 1957, стр. 56.

[21] А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 56.

[22] Э. Штерн. Раскопки в Аккермане летом 1912 г. ЗООИД, т. XXXI, 1913, стр. 100. Принадлежность Ольвии литых монет с надписью ΙΣΤ оспаривается: см. П. О. Карышковский. Заметки по нумизматике античного Причерноморья. ВДИ, 1957, № 2, стр. 138 сл.

[23] А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 58.

[24] П. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям. Одесса, 1884, табл. VII, *166* и табл. VIII, *186*.

[25] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА. № 16, 1951, стр. 113, табл. XXXIV, *18*.

[26] Там же, стр. 135, табл. XXXIII, *11*.

Надпись 1959 г. и надпись, найденная в Томи, в честь тиранца Нила подтверждают наличие тесных экономических связей Тиры и Ольвии в эллинистическое время, а ольвийский декрет в честь ольвиополита Феокла, в котором среди ряда городов Северного, Северо-Западного и Южного Причерноморья упоминается и Тира, свидетельствует о существовании таких же взаимоотношений в первые века нашей эры.

Упоминание Кизика в издаваемой надписи, насколько нам известно, является первым упоминанием этого города в надписях Северного Причерноморья III—II вв. до н. э. Этим самым подчеркивается значение надписи не только для истории Тиры, но и для истории Северного Причерноморья в целом.

На более ранние связи Причерноморья с Кизиком указывают находки кизикенов.

А. Н. Зограф в своей монографии «Монеты Тиры» приводит в связи с вопросом о начале чеканки монет в городе типологический анализ серебряных драхм Тиры второй половины IV в. до н. э. При этом он подчеркивает, что В. Гринвелл и Е. Бабелон давно заметили, что изображенная на лицевой стороне этих монет голова Деметры в $^3/_4$ влево в венке из колосьев и в покрывале скопирована с электрового статера Кизика, относящегося к последнему периоду электровой чеканки города [27]. Ольвийский денежный закон [28] первой половины IV в. до н. э., как и типы ранних монет Тиры, подчеркивают в первую очередь международный характер кизикенов и их распространение в Причерноморье. Непосредственные взаимоотношения Тиры с Кизиком в III в. до н. э. подтверждаются последней надписью.

Надписи, свидетельствующие о связях с Кизиком, относятся преимущественно к первым векам нашей эры. Следует указать только на надпись I в. до н. э., найденную на о. Родосе и представляющую собой список взносов, сделанных купцами Родоса, Боспора, Кизика, Амастрии на общее торговое предприятие [29]. О связях Кизика с Боспором говорят декреты кизикенцев в честь Антонии Трифены (дочь боспорского царя Полемона I, мать Полемона II, жена Котиса, 38 г. н. э.) и ее сыновей [30].

Связи Ольвии с Кизиком в первые века нашей эры подтверждены уже упомянутым выше почетным декретом в честь Феокла [31].

Более обильным материалом мы располагаем для характеристики экономических связей Северного Причерноморья с Родосом. Родос — крупнейший торговый центр эллинистического мира — вел оживленную торговлю с городами Северного Причерноморья. Об этом убедительно свидетельствуют надписи, найденные в Ольвии, Неаполе [32], а также и большое количество амфорных ручек с клеймами, встречающихся в городах Северного Причерноморья. Интересные данные об интенсивности этой торговли с различными центрами Северного Причерноморья приведены в статье Ю. С. Крушкол [33]. Согласно этим данным, первое место по количеству родосского импорта занимает Ольвия, затем идет Тира. Несмотря на эпизодичность раскопок Тиры в прошлом, приведенные данные

[27] А. Н. Зограф. Монеты Тиры, стр. 21.

[28] IOSPE, I², № 24.

[29] Б. Н. Граков. Материалы..., стр. 287—288.

[30] Там же, стр. 269—275. Косвенным свидетельством о связях Херсонеса с Кизиком может служить сообщение Полибия о мирном договоре, заключенном Фарнаком I Понтийским с Эвменом II Пергамским, Прусием II Вифинским и Ариаратом V Каппадокийским в 179 г. до н. э. В числе сторон, заключивших этот договор, упоминаются и следующие города: Гераклея Понтийская, Месембрия, Херсонес и Кизик. См. В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, № 3, стр. 302.

[31] IOSPE, I², № 40.

[32] О. Д. Дашевская. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского. СА, 1960, № 1, стр. 261 сл.

[33] Ю. С. Крушкол. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху. ВДИ, 1957, № 4, стр. 110—115

достаточно показательны: до 1950 г. было найдено 311 клейм. Эти сведения можно дополнить. В 1950 г. было найдено 7 родосских клейм и 4 клейма из других центров, в 1953 г. — 7 родосских и 13 других, в 1958 г. — 11 родосских и 13 других, и в 1959 г. — 11 родосских и 2 других клейма. Количество родосских клейм еще невелико, но по отношению к другим клейменым амфорам, поступавшим в Тиру в конце III — середине II в. до н. э., родосский ввоз преобладал. На основании всех этих данных исследователи Северного Причерноморья единодушно заключают, что наиболее интенсивную торговлю с Родосом в III — начале II в. до н. э. вели города западной части Северного Причерноморья — Ольвия [34] и Тира. Эта торговля в течение II в. до н. э. здесь ослабевает за счет усиления торговых отношений Родоса с городами Северо-Восточного Причерноморья [35].

Надпись из Тиры расширяет этот круг памятников. Кроме того, она подтверждает мысль, высказанную рядом исследователей, о том, что торговый путь из Ольвии и в Ольвию лежал вдоль западного берега Черного моря, через Боспор Фракийский к островам Эгейского и Средиземного морей (Родос, Тенедос, Кос) [36]. Тира на этом пути являлась промежуточной станцией.

Рельефные изображения лавровых и плющевых венков памятника, неплохо исполненные, предполагают наличие в Тире в эллинистическую эпоху местных мастеров по художественной обработке камня.

Новый эпиграфический памятник из раскопок Тиры 1959 г. вносит весьма существенные черты в историю этого города, в частности — по вопросу о его международных связях в III — начале II в. до н. э.

---

[34] Тесные связи Ольвии с Родосом подтверждаются не только археологическими и эпиграфическими материалами, но и нумизматическими. См. П. И. Каришковський. З історії зовнішньополітичних зв'язків Ольвії. Ольвія та Родос. МАПП, вып. 2, Одесса, 1959, стр. 78.

[35] Д. Б. Шелов. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом. СА, XXVIII, 1958, стр. 335.

[36] А. Коцевалов. Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на Північному узбережжі Чорного моря. Збірник заходознавства. ВУАН, I, 1929, стр. 43; его же. Эпиграфические памятники из ольвийских раскопок в 1935 и 1936 гг. Ольвия, т. I, Киев, 1940, стр. 268; А. Н. Зограф. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье. СА, VII, 1941, стр. 154.

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

ПОЧЕПСКОЕ СЕЛИЩЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

В 1947 г. М. В. Воеводским, проводившим археологические работы в Брянской и Черниговской областях, был сделан опыт хронологической классификации памятников железного века в бассейне среднего и верхнего течения Десны [1].

При этом было установлено, что ранней группой памятников, относящейся ко второй половине I тысячелетия до н. э., являются многочисленные городища юхновской культуры. Более поздняя группа городищ, как указал М. В. Воеводский, представлена памятниками роменской культуры, на смену которым приходят археологические памятники русского средневековья. Более чем 500-летний интервал, отделяющий роменские горо-

---

[1] М. В. Воеводский. Городища Верхней Десны. КСИИМК, вып. XXIV, 1949, стр. 67—77.

дища от юхновских, оставался ничем не заполненным. Указывая на эт обстоятельство, М. В. Воеводский смог назвать лишь два памятника, ра личных по характеру, относящихся к первой половине или середине I ты сячелетия н. э.,— позднечерняховское Авдеевское селище на Сейме и с лище Майдан у с. Пушкари на р. Десне, вблизи Новгород-Северска, в котором была найдена грубая лепная и лощеная керамика, напоминак щая, по его мнению, позднедьяковскую [2].

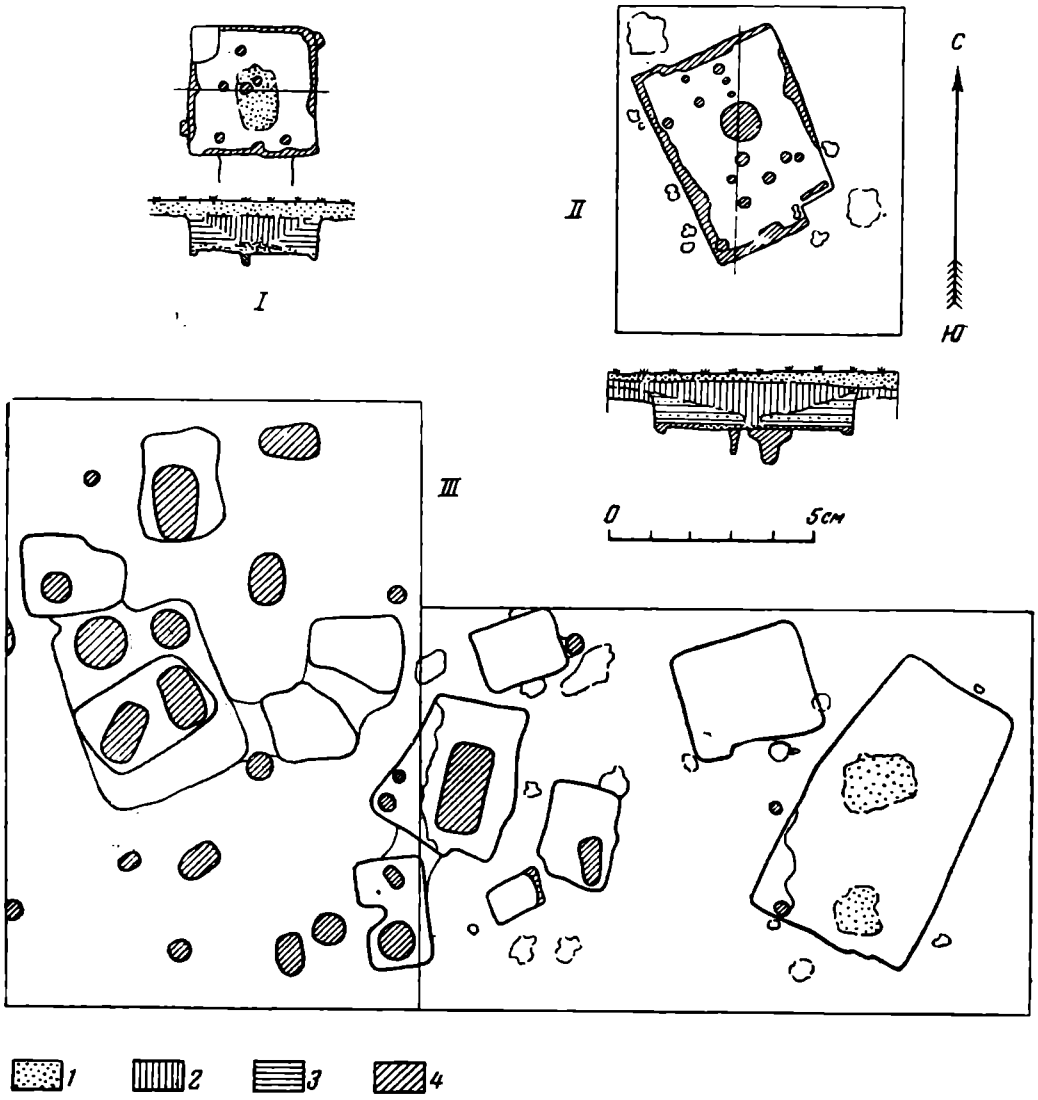


Рис. 1. Схематические планы оснований жилищ и других сооружений на Почепском селище

I — основание одной из квадратных полуземлянок из раскопа 5; *II* — основание прямоугольной полуземлянки из раскопа 2; *III* — схема расположения остатков полуземлянок и погребов, открытых в раскопе 3—4; *1* — почвенный слой; *2*— заполнение землянки; *3*—культурный слой; *4* — материк

В результате археологических исследований последнего десятилетия интервал в археологических памятниках, разделяющий юхновские и роменские городища, начал мало-помалу заполняться. В ряде пунктов на Десне обнаружены бескурганные могильники, курганы и места поселений, относящиеся к предроменскому времени — ко второй половине I тысячелетия н. э. Другой группой открытых за последние годы деснинских памятников являются места поселений первых веков нашей эры, по характеру культурных остатков близкие поселениям зарубинецкой культуры Поднепровья.

[2] М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 77.

Находки керамики зарубинецкого характера, в том числе — покрытой лощением, были сделаны в верхних слоях ряда деснинских городищ, относящихся к юхновской культуре (городище у с. Красное, городище на Десне ниже Брянска). Но более характерными для первых веков нашей эры являются не городища, а открытые поселения, расположенные на краю надпойменной террасы, обычно на песчаных всхолмлениях и занимающие нередко очень значительные площади. Несколько таких поселений обнаружено на берегах правого притока Десны — р. Судости — во время работ, произведенных Брянским краеведческим музеем. На одном из них — селище у г. Почепа — были произведены значительные раскопки.

Селище находится на северной окраине г. Почепа, близ «Валов»— земляного укрепления петровских времен. Оно занимает центральную и восточную части песчаного всхолмления, расположенного в пойме на правом берегу р. Судости и известного у местного населения под наименованием «Грудок». Площадь, занятая культурным слоем, достигает 2 *га*. Мощность культурного слоя неравномерна: она колеблется от 0,15 до 0,60 *м*. За три года раскопок на селище было сделано семь раскопов общей площадью 870 $м^2$.

Во всех раскопах встречены остатки жилых и хозяйственных сооружений, в большинстве случаев углубленных в землю. Среди них особенно интересны полуземлянки, напоминающие жилища роменской культуры. Сохранность остатков сооружений, лежащих в песчаном грунте, оказалась различной. В отдельных случаях они нарушают одно другое, что говорит об их некоторой разновременности.

Какой-либо определенной системы в расположении сооружений наметить пока не удалось. Она выявится, возможно, в ходе дальнейших раскопок.

Большая прямоугольная землянка, обнаруженная в раскопе 3, имела длину 7 *м*, ширину 3,5— 4,2 *м* и глубину в грунте до 0,85 *м*. Интересно отметить, что одна из длинных ее стен была не прямой, а несколько изогнутой, что характерно и для некоторых других прямоугольных землянок Почепского селища (рис. 1, *III*, крайняя справа). Следы деревянных стен здесь не сохранились. До половины своей глубины землянка была заполнена черным углистым песком, содержащим скопления фрагментов керамики. Ближе ко дну песок приобретал коричневатый оттенок. На уровне дна было много мелко раздробленных костей животных, птиц и рыб. В южной части сооружения на полу встречено бесформенное скопление глинистого коричневатого песка с мелкими камнями, кусками обожженной глины и вкраплениями золы; по-видимому, это остатки печи или очага. Подобное же скопление находилось в центральной части сооружения. Под ним имелась прослойка черной сажистой массы, ниже которой лежала линза сильно прокаленного розового песка, толщиной 0,10—0,15 *м*. Кроме обломков керамики, в том числе фрагментов остроребериых лощеных мисок, в заполнении землянки найдено: 11 металлических предметов, 4 костяных изделия и 3 глиняных пряслица. На полу обнаружены серповидный нож и несколько изделий из кости.

Одна из прямоугольных полуземлянок, открытая в пределах раскопа 1, представляла собой металлургическую мастерскую. Здесь было обнаружено корытообразное овально-прямоугольное углубление в материке, длиной 7,5 *м*, шириной 3,5 *м* и глубиной в средней части 0,7 *м*. В верхних слоях заполнения собрано большое число обломков керамики. Среди них встречено несколько фрагментов остроребериых мисок, одна из которых имела на дне процарапанное «клеймо».

Помимо керамики, в заполнении землянки встречались железные шлаки, небольшие блинообразные крицы, куски железа, куски оплавленной глины, цельные и деформированные конические тигли для плавки бронзы. Число этих находок по мере приближения ко дну все возрастало.

Особенный интерес представляют куски оплавленной глиняной обмазки, сохраняющие чашеобразную форму и имеющие круглое отверстие. Это бесспорно остатки нижних частей маленьких плавильных печей. Такие куски оплавленной глины размещались главным образом в южной части сооружения. На дне сооружения залегал слой черного углистого песка, содержащий сравнительно мало находок.

Небольшие прямоугольные и квадратные землянки, бывшие, несомненно, жилыми помещениями, строились по единому образцу. Их размеры в плане от 3 × 3 до 4 × 4 *м* или несколько большие, глубина в материке — 0,8 — 1 *м*. По стенам обнаруживаются следы деревянной облицовки. Постоянной конструктивной особенностью землянок является яма от вертикально стоявшего столба в центральной части, около которой располагаются следы печи или очага.

Особенно хорошо сохранилась несколько удлиненная полуземлянка, открытая в раскопе 2 (рис. 1, *II*). Ее длина составляла 5 *м*, ширина — 3,2 — 3,5 *м*, глубина в материке — 1 *м*. Яма имела отвесные стены и горизонтальное дно. На дне землянки вдоль стен — следы горизонтально расположенных деревянных плах. Вход, обозначенный выступом и ступенькой, находился с южной стороны. На дне землянки лежал углистый слой толщиной 0,07 — 0,1 *м*.

На полу землянки, главным образом вдоль ее длинной оси, встречено несколько столбовых ям. В средней части пола имелась округлая яма диаметром в верхней части 0,8 и глубиной 0,8 *м*; до половины глубины она имела чашеобразную форму, ниже сокращалась и превращалась в столбовую. Яма была заполнена углем и золой. Над ней находилось скопление мелких камней, кусков обожженной глины, золы и угольков. Возможно, что здесь находилась печь или очаг. На дне землянки в западном углу найдено скопление обломков грубых лепных сосудов.

Заполнение землянки состояло из двух горизонтов: нижнего и верхнего. Верхний представлял собой черный культурный слой. Нижний — выклинивающийся в центре и мощный у стен землянки — состоял из серо-желтого песка, почти без находок. По-видимому, это остатки рухнувшей земляной кровли и «завалинок». Подобная картина наблюдалась и в некоторых других землянках. Интересно, что поверх рухнувшей кровли встречалось обычно большое количество находок, особенно — обломков керамики, которые, возможно, сбрасывались на крышу обитателями жилища.

В пределах описанной выше землянки было найдено, помимо керамики, девять металлических предметов и костяная проколка. Рядом с землянкой найдены бронзовая фибула и черная каменная бусина.

Почти столь же хорошо сохранившимися являются две землянки, открытые в раскопе 5. Размеры их — 3,1 × 3,5 и 3,4 × 4 *м*, глубина в грунте — 0,7 *м*. Вдоль стен обнаружены следы горизонтальной деревянной облицовки. В середине каждой землянки, вокруг ямы от столба, находились остатки печи или очага (рис. 1, *I*).

В пределах раскопов, кроме землянок, встречены основания нескольких небольших построек, иногда сочетающиеся с округлыми или овальными плоскодонными ямами с поперечником около 1 *м* и такой же глубиной, которые можно определить как погреба. Некоторые из них несколько расширялись ко дну, приближаясь по форме к колоколовидным погребам, хорошо известным на юге Европейской части СССР на поселениях самых различных эпох, в том числе и на поселениях зарубинецкой культуры. На дне некоторых таких ям лежали раздавленные сосуды или их крупные фрагменты.

В результате раскопок, произведенных на Почепском селище, собран огромный вещественный материал: обломки керамики и целые сосуды, изделия из железа, бронзы, камня, кости и стекла. Среди металлических изделий имеются орудия труда, предметы убранства и вооружения. Все

это вместе взятое позволяет с достаточной точностью определить время поселения, охарактеризовать хозяйственную жизнь его обитателей и обрисовать их культуру, близко приближающуюся к зарубинецкой культуре Поднепровья, точнее — к одному из ее поздних этапов, I—II вв. н. э.

Значительный интерес представляют найденные здесь земледельческие орудия — серпы, которые по форме можно разделить на две группы.

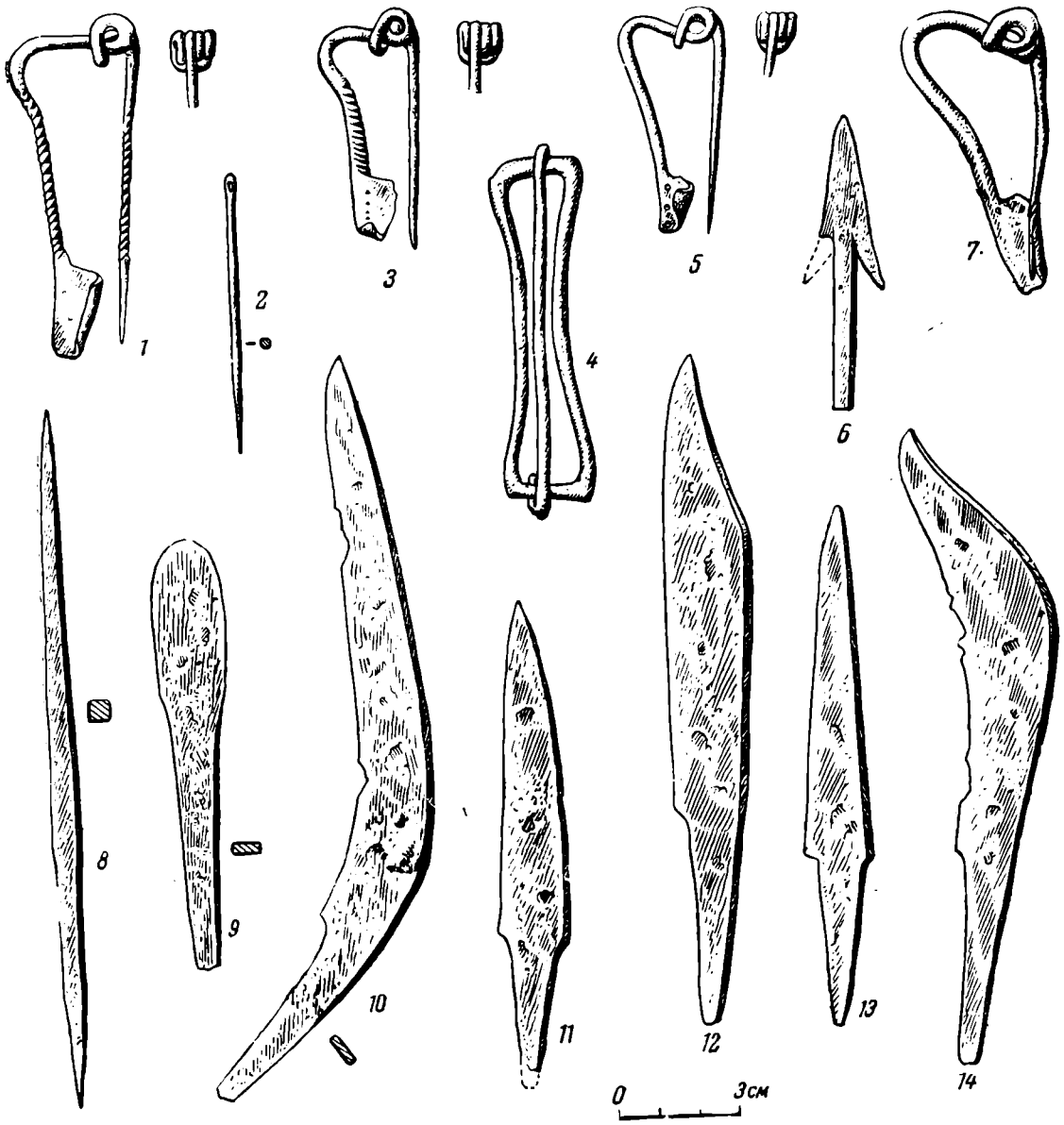


Рис. 2. Предметы из металла, найденные во время раскопок на Почепском селище

К первой группе относятся один целый экземпляр и несколько фрагментов. Эти серпы имеют вытянутое лезвие, изогнутое около основания. Длина лезвия — 14 *см*, черенка — 5 *см* (рис. 2, *10*). Серпы второй группы найдены в количестве трех целых и нескольких фрагментированных экземпляров. Лезвие этих серпов изогнуто в средней части, вследствие чего они приближаются по форме к ножам с «горбатой спинкой» (рис. 2, *14*).

Ножи также представлены двумя типами. Большинство из них имеет слабо изогнутую «горбатую спинку» (рис. 2, *11*, *12*). Реже встречаются ножи с прямой спинкой, приближающиеся по форме к древнерусским «курганным» (рис. 2, *13*). Очень много найдено железных шильев —

круглых и четырехгранных (рис. 2, *8*). Найдены две железные иглы (рис. 2, *2*), зубильце, разные острия. Обращают на себя внимание миниатюрные овальные лопаточки с острыми краями и прямым черешком, относящиеся, по-видимому, к числу деревообделочных инструментов (рис. 2, *9*). Наконечники стрел с шипами несколько напоминают дьяковские (рис. 2, *6*).

Кроме металла, материалом для орудий служили кость и рог. На поселении найдены костяные острия, игла для вязания сетей и др.

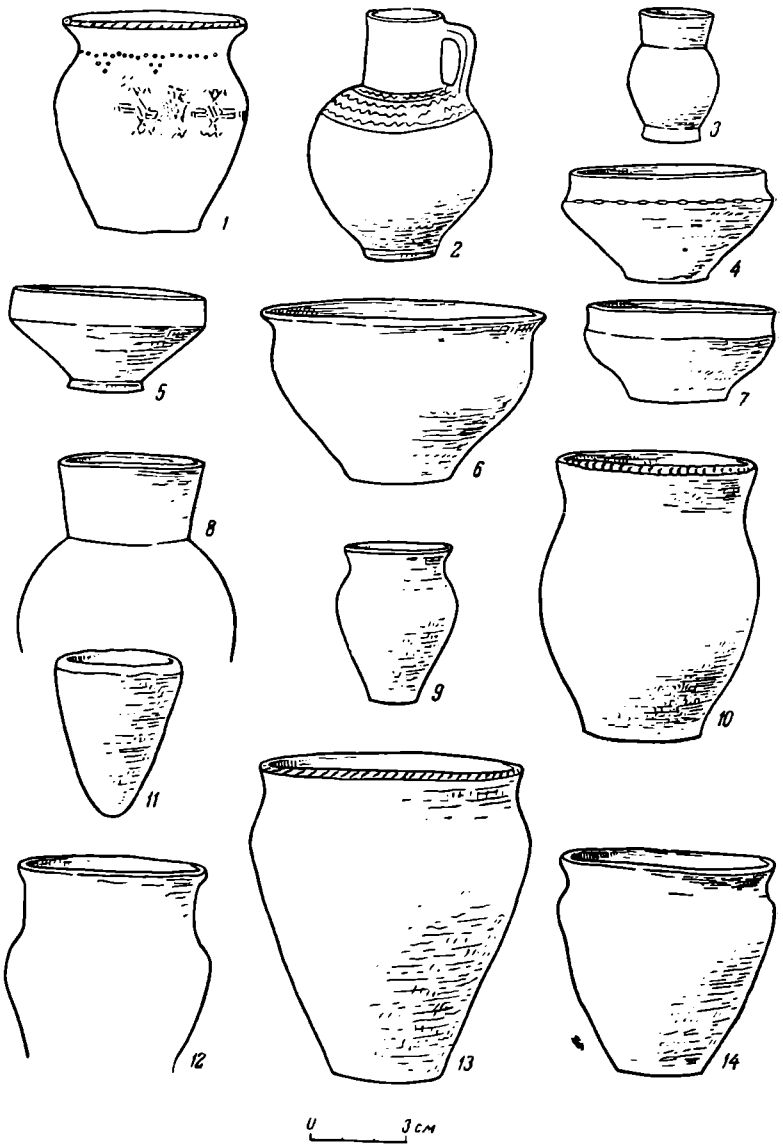


Рис. 3. Керамика Почепского селища

Украшения, найденные при раскопках, изготовлены из железа и бронзы. Среди них выделяются позднелатенские фибулы, однообразной формы, с гладкой или скрученной дужкой, пружиной из четырех витков и сплошным пластинчатым приемником. Таких фибул — целых и фрагментированных — найдено несколько (рис. 2, *1, 3, 5, 7*). Они являлись наиболее излюбленным украшением, вероятно, связанным с определенной традицией в области одежды. Фибулы такого типа известны в СССР среди материалов зарубинецких могильников Южной Белоруссии. Они датируются I—II вв. н. э.

Другой распространенной формой украшения являются кольцевые застежки со спиральными головками, опять-таки находящие себе анало-

гии в белорусских зарубинецких могильниках. Кроме того, найдены разнообразные пряжки (рис. 2, *4*), колечки, пронизки, бляшки и подвески, а также несколько пастовых и стеклянных бусин.

Керамический материал, добытый на Почепском селище, разделяется на две группы: первую составляет грубая кухонная посуда, вторую — хорошо изготовленная столовая посуда с лощеной поверхностью. Та и другая изготовлены без гончарного круга. Исключение составляет лишь изготовленный на круге серо-желтый кувшин, найденный в раскопе 6 в пределах остатков какого-то сооружения. Возможно, что на круге была изготовлена также и одна остроребериая миска, снабженная знаком на днище.

Грубая лепная посуда представлена в основном высокими горшками с отогнутым наружу венчиком, расширенными плечиками и плоским дном. По форме и фактуре она очень близка к грубой посуде, происходящей с зарубинецких поселений Южной Белоруссии (рис. 3, *10, 12—14*). В глиняном тесте имеется примесь гранитных зерен или, реже, шамота. Сосуды лишены орнамента, за исключением насечек или вдавлений по обрезу венчика. Лишь на некоторых из них на боках имеются немногочисленные ямочные вдавления или, реже, защипы. Один из сосудов, по форме приближающийся к сосуду, изображенному на рис. 3, *13*, был покрыт вертикальной штриховкой, напоминающей орнаментацию керамики северобелорусских городищ. На стенках другого небольшого сосуда, украшенного рядом ямочных вдавлений, по сырой глине были нанесены три сложных геометрических знака (рис. 3, *1*).

Большинство сосудов второй группы принадлежит к реберчатым мискам позднезарубинецкого типа (рис. 3, *4—7*). Они вылощены снаружи и внутри и имеют черную, коричневатую и серую окраску. В значительно меньшем числе имелись лощеные горшки и небольшие кувшины (кубки) без ручек (рис. 3, *3, 9*). Знак на реберчатой миске, возможно изготовленной на гончарном круге, имеет такую же схему, как и знаки на сосуде, изображенном на рис. 3, *1*[3].

Из других керамических изделий следует отметить глиняные биконические пряслица, нередко лощеные, а также упомянутые выше тигли и маленькие сосудики, возможно игрушечные (рис. 3, *11*).

Кувшин из серо-желтой глины, найденный в раскопе 6, принадлежит к вещам несомненно импортного, южного происхождения (рис. 3, *2*). Такое же происхождение имеют небольшой обломок краснолакового сосуда и часть стеклянного сосудика.

Наконец, укажем на остеологический материал, еще не подвергавшийся специальному изучению. В основном это кости домашних животных — лошади, коровы, свиньи, мелкого рогатого скота. Найдены кости рыб и раковины речных моллюсков.

Раскопки на Почепском селище явились одним из первых шагов в деле изучения археологических памятников начала нашей эры на Средней и Верхней Десне. Изучение этих памятников свидетельствует о том, что культура жившего здесь в этот период населения являлась одним из вариантов позднезарубинецкой культуры Поднепровья, не имевшей ничего общего с культурой местного населения предыдущих столетий, известного по юхновским городищам. Это позволяет поставить вопрос о проникновении на Десну в I—II вв. н. э. из области Поднепровья нового этнического элемента, вероятно, славянского. Наши исследования, таким образом, имеют ближайшее отношение к одной из самых важных проблем древней истории Европейской части СССР — проблеме происхождения восточных славян.

[3] Ф. М. Заверняев. Археологические находки возле г. Почепа. КСИИМК, вып. 53. 1954, стр. 143—144.

Н. И. ЛЕОНОВ

МАВЗОЛЕЙ X в. В ЗЕРАВШАНСКОЙ ДОЛИНЕ

Осенью 1958 г. экспедиция кафедры физической географии Узбекского государственного университета (в Самарканде) при обследовании долины Зеравшана к западу от Самарканда, двигаясь вдоль южного склона Зирабулакских гор, посетила кишлак Тим.

И сразу же в глаза участникам экспедиции бросились два больших мавзолея, сооружение которых относится к явно различным эпохам: один из них — очевидно, тимуридский, а другой, который привлек наше особое внимание, вызвал в памяти и знаменитый бухарский мавзолей Исмаила

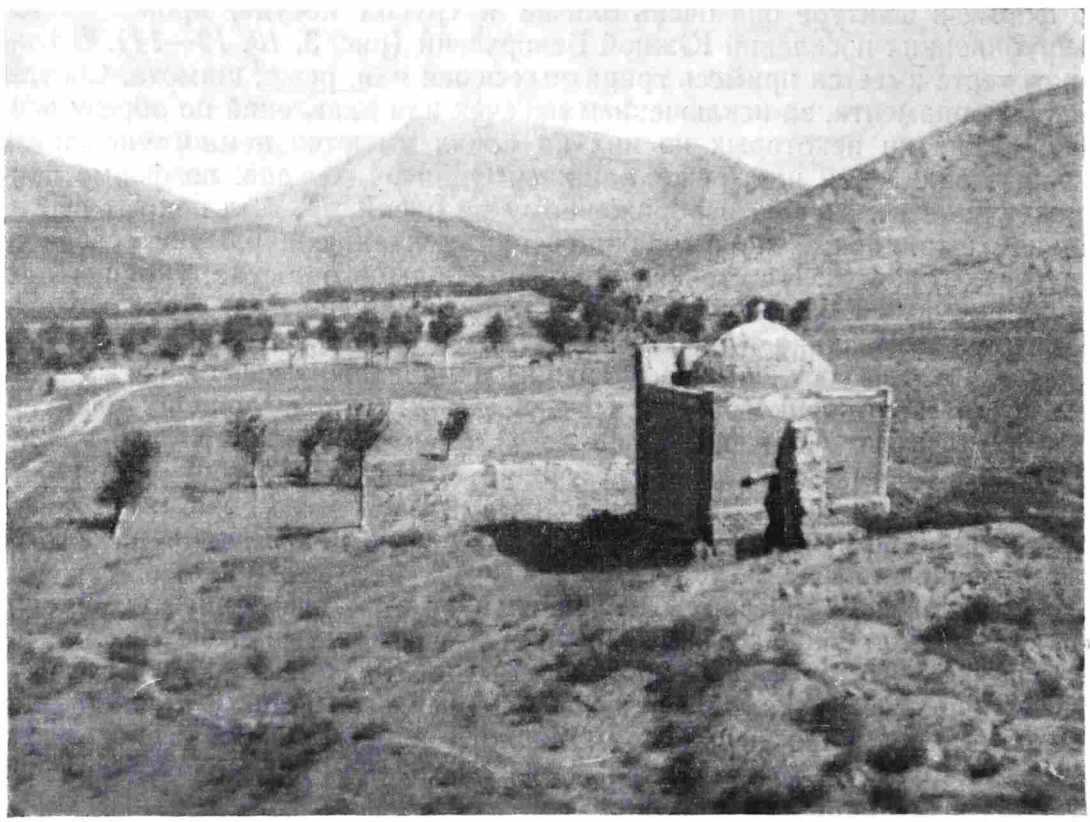


Рис. 1. Мавзолей в Тиме. Вид с холма

Саманида, и портальные мавзолеи Узгена (XII в.). Невольно подумалось мне, неспециалисту, что мавзолей в Тиме ближе по времени к бухарскому мавзолею Исмаила, нежели к мавзолеям узгенских караханидов. Но смущало наличие портала, к тому же превосходно декорированного. Ведь установленным считалось, что портал появляется позднее. Будучи уверенным, что Тим и его интереснейшие мавзолеи не могут быть неизвестными искусствоведам и археологам (хотя мне и не встречалось упоминания о них в литературе), я сделал серию фотоснимков (рис. 1—6), которые и помогли мне обратить внимание специалистов на неизвестные им, как оказалось, памятники архитектуры.

По дну небольшой долины, в которой расположилось селение Тим, протекает небольшая речка, питаемая родниками. На севере вздымается гряда Зирабулакских гор, сложенная плотными известняками. В этих известняках немало пещер, которые остаются до сих пор не исследованными, но изучение которых может оказаться весьма перспективным: долина, хорошо укрытая с севера горной грядой, обильная водой, а в далекие от

Рис. 2. Мавзолей в Тиме. Фасад

Рис. 3. Мавзолей в Тиме. Надпись

нас времена покрытая арчевниками, могла быть весьма благоприятной для обитания первобытного человека.

Среди кишлака высится и тепе — остатки позднекушанского замка.

А самое название кишлака — Тим — красноречиво говорит о том, что некогда здесь, очевидно, высилось большое каменное торговое помещение, подобное бухарскому тиму Абдуллы-хана, а возможно, и не одно. Недаром жители кишлака говорят, что их селение было когда-то крупным торговым и культурным центром. Уже само наличие здесь средневековых мавзолеев говорит об этом.

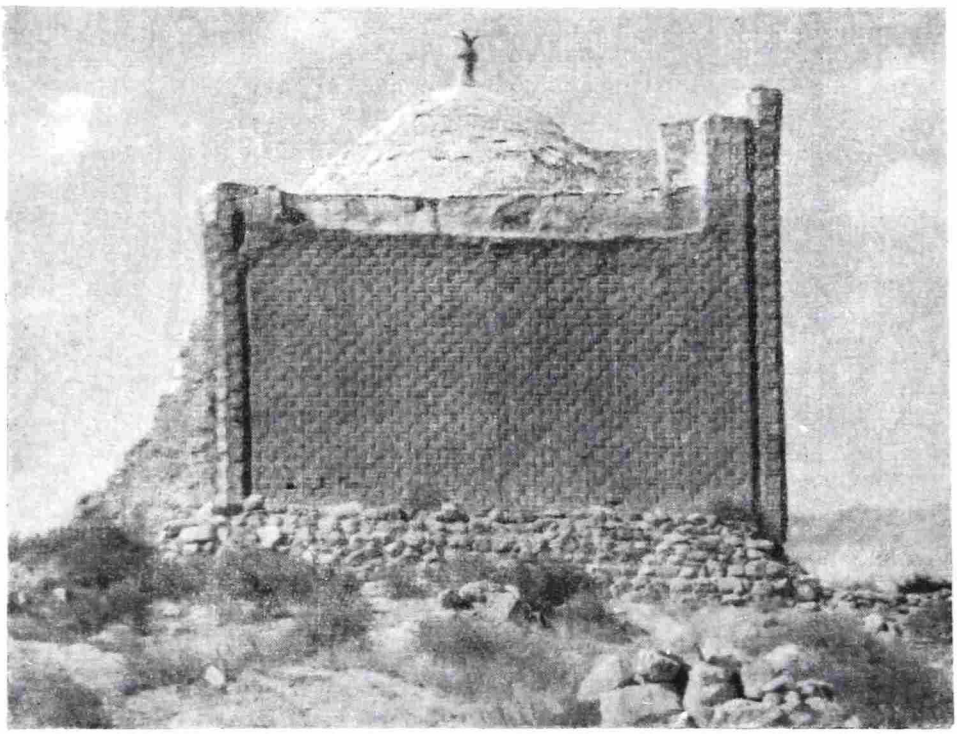


Рис. 4. Мавзолей в Тиме. Вид сбоку

Не только изящные формы мавзолея и превосходно декорированный портал тимского мавзолея привлекают внимание. На портале сохранилась арабская надпись, сделанная куфическим письмом. И едва ли не самым ценным является то, что в надписи содержится точная дата, прочитанная проф. М. Е. Массоном: на левом пилоне портала тимского мавзолея начертано: «год триста шестьдесят седьмой» (т. е. мавзолей сооружен в период с 19 августа 977 по 8 августа 978 г.).

По заключению М. Е. Массона, на территории Узбекистана открыт первый во всей Средней Азии и сопредельных с нею странах архитектурный памятник, несущий дату X в. Даже широко известный мавзолей Исмаила Саманида в Бухаре не имеет точного определения времени сооружения. Оно указывается в пределах нескольких десятилетий.

Открытие тимского мавзолея имеет немалое значение для пересмотра некоторых представлений о развитии архитектуры в Средней Азии. Мавзолей в Тиме — портальный мавзолей, сооруженный в X в.

Но, как нам думается, Тим и ближайшие его окрестности таят еще немало интересных памятников былых времен.

Известный интерес представляет и крупный мавзолей времени Тимуридов.

Селение, именуемое ныне Тим, было, видимо, значительным торговым пунктом на дороге, которая вела с юга в долину Зеравшана, но не к Буха-

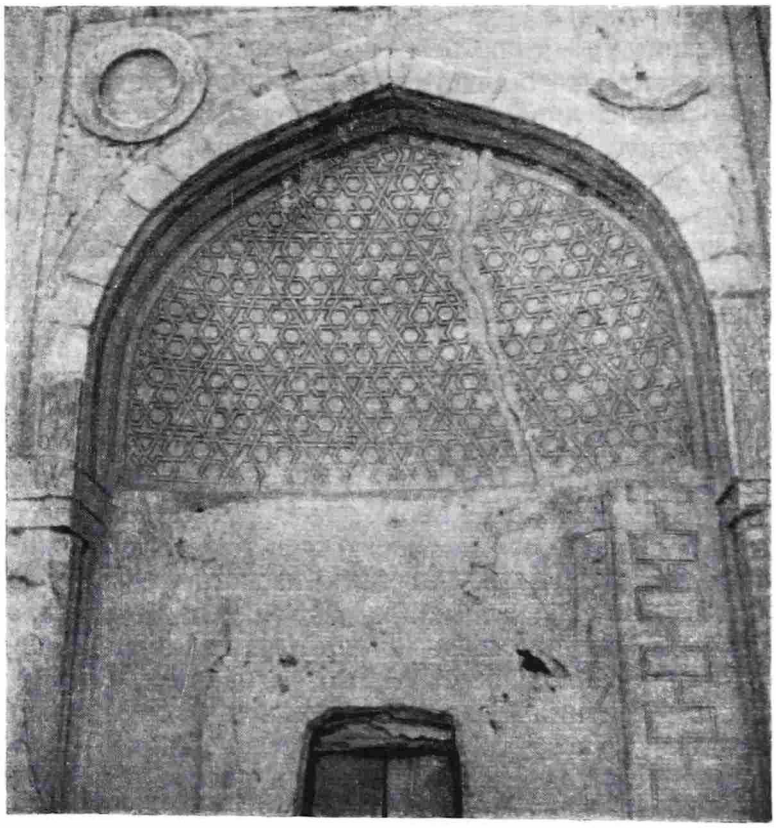


Рис. 5. Мавзолей в Тиме. Портал

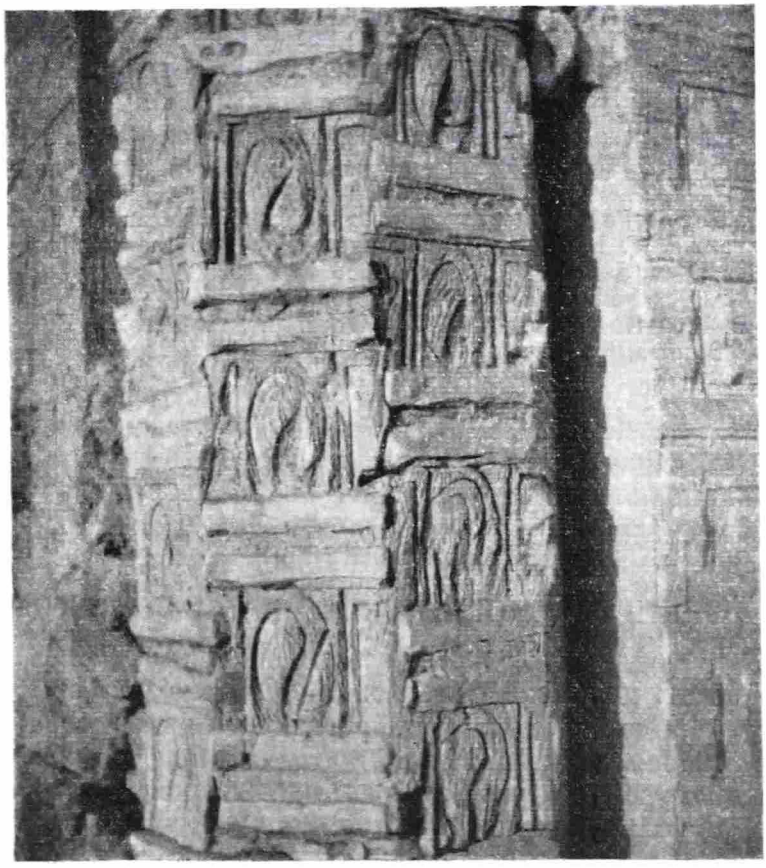


Рис. 6. Мавзолей в Тиме. Пилястр

ре и не к Самарканду, а к третьему крупному торговому городу — Кушании, местонахождение которого указывается в районе современного Катта-Кургана. Не послужит ли Тим и дорога, ведущая от Тима на север, в Зеравшанскую долину, путеводною нитью к открытию Кушании?

ОТ РЕДАКЦИИ

Открытый экспедицией кафедры физической географии Узбекского государственного университета (Самарканд) под руководством проф. Н. И. Леонова мавзолей в сел. Тим представляет собой выдающийся памятник средневекового зодчества, которому предстоит занять почетное место в истории архитектуры не только Средней Азии, но и зарубежных мусульманских стран. Безусловно необходимы скорейшее научное его обследование и публикация. Предварительные соображения относительно этого памятника, высказанные проф. Н. И. Леоновым, бесспорно, справедливы. Можно, в частности, согласиться с тем, что селение Тим лежало на оживленном торговом пути. Оно было известно, во всяком случае, уже автору X в., географу Ибн ал-Факиху. Так, ссылаясь на последнего, знаменитый географ-путешественник начала XIII в. Якут в своем словаре пишет об этом селении следующее: «Тим,— говорит Ибн ал-Факих: Тим, Кесеф и Несеф — селения Согда Самаркандского» [1]. Название селения Кесеф ближе неизвестно. Что касается Несеф, то это — арабская форма названия древнего города Нехшеба, вблизи которого позже появился город Карим. Перечисление этих трех названий вместе, возможно, вызвано тем, что они были связаны торговой дорогой.

Якут дает и пояснение слова «Тим»: оно, как он пишет, «на языке жителей Хорасана означает гостиницу (хан — караван-сарай), в которой проживают купцы». К сказанному он добавляет, что от уменьшительной формы его «Тимак» образовано прозвище («Нисба») ученого-традиционалиста X в. ал-Тимаки и что оно относится к гостинице (хан), которая находилась в торговом ряду торговцев тканями в Самарканде [2]. Собственно, термин «тим» китайского происхождения (от слова т'ien — гостиница). Через согдийский он перешел в персидский и таджикский языки [3].

[1] H. F. Wüstenfeld. Jacut's geographisches Wörterbuch, т. I, Leipzig, 1924, стр. 908; см. также W. Barthold. Turkestan down to the Mongol Invasion. Gibb Memorial Series (New Series) V. London, 1958, стр. 132.

[2] H. F. Wüstenfeld. Ук. соч., т. I, стр. 909.

[3] См. W. B. Henning. Sogdian Loan Words in New Persian. Bulletin of the School of the Oriental Studies, London, т. X, стр. 94, № 5.

Е. К. МАКСИМОВ

НАХОДКА ДРЕВНЕРУССКОГО ШЛЕМА В САРАТОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

Летом 1959 г. южнее г. Энгельса, за Опытно-мелиоративной станцией, при размыве оврага слева от дороги на с. Квасниковку, Терновского района, было обнаружено местными жителями погребение. В Энгельсский краеведческий музей поступили череп погребенного и отдельные вещи: шлем, обрывки кольчужной сетки, стремена, подпружная пряжка и обломки железных удил и костяных обкладок седла.

Проведенное обследование показало, что на глубине 1,3 *м* от современной поверхности находилась широкая прямоугольная могильная яма, ориентированная по линии восток — запад. В могиле находился костяк взрослого мужчины и части коня: череп и отрубленные передние и задние

конечности, о чем свидетельствуют разбросанные около ямы и по склону оврага кости. Вследствие полного разрушения ни устройства и размеров могильной ямы, ни положения и ориентировки костяка установить не удалось.

Из сохранившихся вещей наибольший интерес представляет шлем (рис. 1,*1*). Его высота 18 *см*, диаметр по нижнему краю — 20,5 *см*, окружность — 64,5 *см*. Шлем изготовлен из железа и сверху покрыт свернутым в виде конуса бронзовым листом, края которого внизу и вверху загнуты внутрь. По нижнему краю венца имеются дырки с железными гвоздиками,

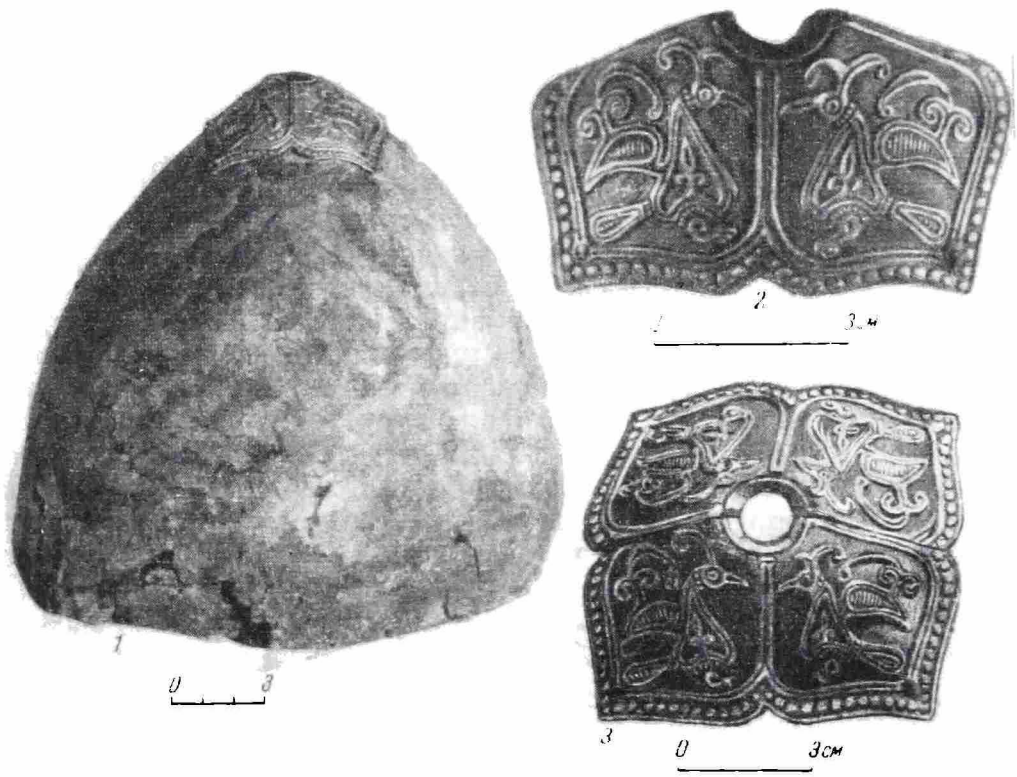


Рис. 1.

1 — шлем; *2* — пластинка с изображением птиц; *3* — вид розетки шлема

которыми бронзовый лист скреплен с железным корпусом. Внутри шлема — следы подкладки из грубой ткани и тонкой кожи. Кусок кожи от подкладки припекся к правой глазнице и надбровной части черепа погребенного.

Подвершие шлема украшено двумя бронзовыми позолоченными пластинками, составляющими розетку (рис. 1, *3*). Высота розетки — 3,2 *см*. Пластинки розетки приклепаны к корпусу двумя железными штифтиками каждая. В центре розетки имеется маленькое отверстие от некогда бывшего здесь навершия в виде небольшого стерженька, прикрепленного к пластинкам четырьмя маленькими заклепками.

Каждая пластинка на подвершии разделена на два поля с рельефным чеканным изображением птиц, отличающимся дробностью и расчлененностью своего рисунка на отдельные схематизированные детали. Туловище птиц оформлено в виде сердцевидной рамки с французской лилией в центре. Края пластинок с трех сторон оформлены линиями и выпуклыми точками.

Начельное украшение, ромбовидной формы, не сохранилось, но его следы четко прослеживаются на поверхности шлема.

На территории Восточной Европы известны находки шлемов подобного типа. Один такой шлем был обнаружен в 1939 г. при раскопках древнего Киева в тайнике под Десятинной церковью [1]. Особенно близкую аналогию представляет шлем из коллекции Н. Е. Бранденбурга, найденный в кургане у с. Бабичи, бывш. Черкасского уезда Киевской губернии. Шлем датируется XII — первой половиной XIII в. и имеет явно русское происхождение [2]. Форма и техника изготовления его одинаковы со шлемом из окрестностей г. Энгельса. Различие имеется лишь в украшении растительным орнаментом шлема из с. Бабичи (венца и розетки подвершия).

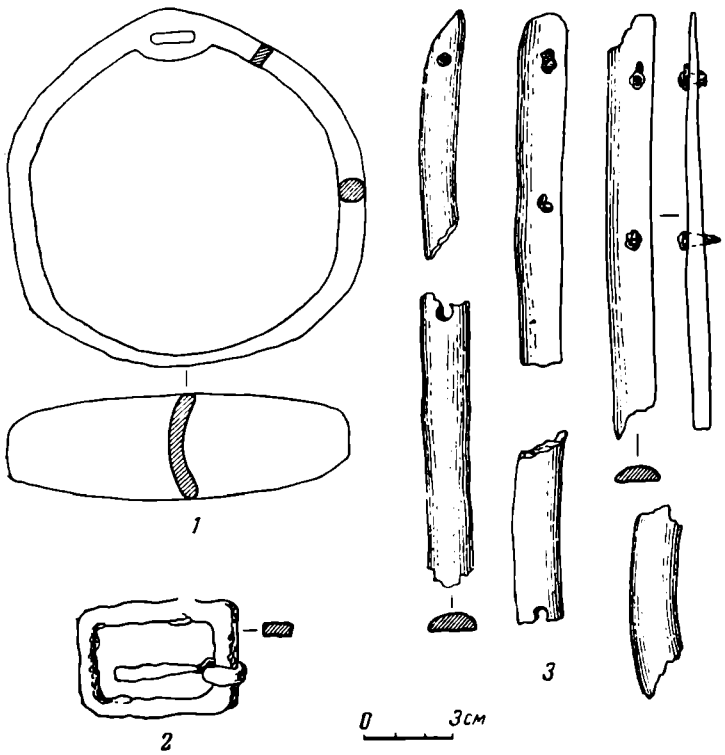


Рис. 2.

1 — железное стремя; *2* — железная пряжка; *3* — обломки костяных обкладок

Изображения птиц, отчеканенные на пластинках шлема (рис. 1, *2*), широко распространены на предметах древнерусского ремесла XII—XIII вв. На золотых и серебряных колтах, наручах, подвесках-лунницах, найденных в разные годы в киевских кладах или раскопках, встречаются гравированные, чеканные или литые изображения двух птиц [3]. Птицы, выполненные перегородчатой эмалью, имеются на полых бляшках золотой цепи из клада близ Сретенской церкви в Киеве [4]. Известны на древнерусских украшениях (колтах, наручах) изображения лилий [5], которые помещаются в кругу, арочках, около птиц или где-то рядом и много сложнее

[1] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.— Л., 1958, стр. 500, табл. XCVIII; его же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 123, рис. 86.

[2] А. Н. Кирпичников. Русские шлемы X—XIII вв. СА, 1958, № 4, стр. 63, 64, рис. 8, *1*, *1а*, *1б*.

[3] Н. П. Кондаков. Русские клады, т. I, СПб., 1896, табл. III, *10*; ОАК за 1906 г., рис. 169; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 266, рис. 59б; Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.— Л., 1954, стр. 109, 116, 119, табл. XXX, *2;* табл. XXXV, *1;* табл. XL, *1, 2;* М. К. Каргер. Землянка — мастерская киевского художника XIII века. КСИИМК, вып. XI, 1945, стр. 11, рис. 9.

[4] Н. П. Кондаков. Ук. соч., табл. X, *2*.

[5] ОАК за 1906 г., рис. 170; Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., табл. XXXV, *2, 10;* табл. XXXVI, *8*, стр. 116, клад 95.

по рисунку. В кладах на Княжей горе и в Киеве встречены лилиевидные подвески [6]. Следовательно, на изделиях древнерусского ремесла и прикладного искусства можно найти все элементы рисунка украшений шлема, но в несколько более сложной, развитой и совершенной форме.

Приведенные аналогии позволяют отнести шлем к XII—XIII вв. Такую датировку подкрепляют известные по находкам в Новгороде рисунки шлемов. На обломке деревянного блюда конца XII — начала XIII в. изображены два воина в типичных для древней Руси шлемах [7], по форме близких к нижневолжскому шлему. Такие же шлемы имеются на рисунке новгородского школьника рубежа XII—XIII вв. [8]. Местом изготовления шлема из нижневолжского погребения является или один из ремесленных центров Волжской Болгарии, где его могли сделать по древнерусским образцам, или, вероятнее всего, древняя Русь, о чем свидетельствуют указанные выше аналогии и сравнения.

Найденные вместе со шлемом обрывки кольчужной сетки, изготовленной из круглых в сечении колец диаметром 7—8 *мм,* очень близки к древнерусским изделиям подобного рода.

Остальные предметы из нижневолжского погребения (стремена, удила, пряжка, обкладки седла) типичны для могильного инвентаря позднекочевнических погребений Нижнего Поволжья и степей Юго-Востока. Железные стремена (рис. 2, *1*) имеют высокую дужку с прорезью для ремня и неширокую подножку, вогнутую внутрь. Такие стремена имеют широкое распространение в Восточной Европе и наиболее часто встречаются в погребениях XII (особенно второй половины) и XIII вв. Подпружная железная пряжка (рис. 2, *2*) представляет собой плоскую прямоугольную рамку с подвижным круглым в сечении язычком. Обкладки седла сделаны из костяных пластинок, плоских с одной стороны и овальных с другой (рис. 2, *3*). Концы пластинок закруглены или срезаны под углом. На обкладках сохранились небольшие железные гвоздики для прикрепления к седлу. Подобные костяные обкладки известны в кургане № 40 Первого Бережновского могильника [9] и в других позднекочевнических памятниках Нижнего Поволжья.

Находки древнерусских вещей в нижневолжских погребениях поздних кочевников не единичны. Наиболее яркой является пластинчатый безрукавный панцирь из кочевнического погребения, исследованного в 1948 г. И. В. Синицыным в местности Бек-Бике, у с. Новая Казанка, в Заволжье [10]. Панцирь изготовлен из железных пластинок, продолговатой формы, с полушарной выпуклостью в центре, скрепленных между собой ремешком. Такие же пластинки от доспеха были найдены на Донецком городище в Харьковской области, раскопанном Б. А. Шрамко в 1956—1957 гг. [11]. Оба пластинчатых панциря относятся к X—XII вв. и имеют русское происхождение.

Трудно сказать, попали ли эти предметы вооружения к кочевникам в результате торговли с древней Русью или военных столкновений с ней, но они, наряду с находками в причерноморских районах, позволяют говорить о влиянии древнерусских оружейников на своих восточных соседей — кочевников южнорусских степей.

---

[6] Археологическая летопись Южной России за 1899 г., т. I, Киев, 1899, стр. 12; І. М. Самойловський. Новий скарб часів Київської Русі. Археологія, т. VI, 1952, рис. 3 и 4.

[7] А. Ф. Медведев. Оружие Великого Новгорода, МИА, № 65, 1959, стр. 123, 124, рис. 2, *1*.

[8] Там же, стр. 124, 173, рис. 2, *2*.

[9] И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 202, рис. 30б, *1*.

[10] И. В. Синицын. Археологические памятники по реке Малый Узень. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 109—112, рис. 32.

[11] А. Ф. Медведев. К истории пластинчатого доспеха на Руси. СА, 1959, № 2, стр. 126—127.

М. А. БЕЗБОРОДОВ, А. Л. ЯКОБСОН

ХИМИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕКОЛ ИЗ БАЙЛАКАНА

Производя систематические химико-технологические исследования стекол из различных древних и средневековых поселений, мы имели возможность ознакомиться с несколькими фрагментами стеклянных изделий, происходящих из городища Орен-Кала, являющегося остатком большого средневекового города Байлакана. Арабские географы X—XIII вв. характеризуют Байлакан как богатый и цветущий город с развитым ремеслом и как важнейший торговый центр. Он находился в древней области Арран, на одном из оживленных караванных путей из Закавказья на юг — в Персию. Дорога начиналась в Бардаа, где сходились пути из Причерноморья, из городов Грузии и Армении и из северных стран, шедшие через Дербент и Шемаху.

По сообщениям арабских географов, крупнейшие города Азербайджана — Ганджа, Байлакан, Шемаха, Нахичеван — славились тогда изготовлением тканей и ковров, керамической (в том числе фаянсовой) и стеклянной посудой [1]. К IX в. Байлакан вырос в большой город, состоявший из двух неравных частей: так называемого Большого города, квадратного в плане, площадью 36 *га* и квадратного же Малого города. Тот и другой были обведены мощными крепостными стенами. С юго-западной стороны к Большому городу примыкал район, где, как выяснено археологическими исследованиями, были сосредоточены гончарные мастерские, существовавшие здесь уже в IX в. Систематические раскопки городища в 1953—1957 гг. показали, что город возник еще в раннее средневековье. В IX—X вв. экономика города достигла высокого уровня, о чем свидетельствуют не только сообщения арабских писателей, но и археологические материалы, добытые раскопками.

Сельджукское нашествие XI в. нанесло заметный ущерб городу, но вскоре Байлакан не только восстановил свою экономику, но и вступил в полосу расцвета, продолжавшуюся в XII и начале XIII в., вплоть до 1221 г., когда город был разгромлен полчищами татаро-монголов.

Образцы стеклянных изделий для химического анализа были предоставлены нам руководителем Азербайджанской экспедиции ИИМК АН СССР А. А. Иессеном. Изучение их велось в научно-исследовательской лаборатории стекла и силикатов Белорусского политехнического института, где анализы образцов записаны под указанными ниже номерами. Образцы представляли собой пять фрагментов стеклянных изделий — браслетов и посуды — из слоев XI—XIII вв. Результаты химических анализов даны в табл. 1. Анализы №№ 217—219 относятся к браслетам, №№ 220 и 221 — к обломкам посуды.

В табл. 1 под №№ 217*а* и 217*б* приводятся анализы двух кусков одного и того же браслета.

Анализы №№ 217*а*, 217*б* и 218 обращают на себя особенное внимание весьма высоким содержанием в них глинозема (7,24, 7,28 и 11,22%) и соответственно пониженным количеством кремнезема (52,45 52,48 и 56,18%); необычно также в одном из этих стекол большое содержание окиси магния (6,50 и 6,98%). Среди 117 древнерусских и 218 иноземных стекол, описанных уже ранее [2], не было встречено ни одного образца известково-натриевого стекла, имеющего столь высокое содержание гли-

[1] Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. М., 1953, стр. 645; Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке. Уч. зап. ИВАН, IX, 1954, стр. 201—202.

[2] М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956, стр. 85—87 и табл. 8.

нозема при соответственно низком количестве кремнезема и повышенном количестве окиси магния. Изготовлявшиеся по «античному рецепту» стекла содержали 2—3% глинозема и 65—66% кремнезема. В отличие от них, специфической особенностью стекол из Байлакана является высокое содержание в них глинозема и пониженное — кремнезема при повышенных количествах щелочей (22,42 и 23,78%) и окиси магния.

Таблица 1

Химические анализы древних стекол из Байлакана и Саркела

Описание и шифр образцов	Байлакан						Саркел
	Браслет гладкий, прозрачный, темно-синий, треугольногосечения (5759/53-I)		Браслет гладкий, непрозрачный, черный, круглого сечения (4760/53-I)	Браслет витой, прозрачный светло-зеленый (5455/53-I)	Посудное стекло, желтовато-зеленое, мелко пузыристое, толщина стенки 1—2 *мм* (3203/54-I)	Посудное стекло, синее, прозрачное (4649/53-I)	Браслет гладкий, прозрачный, темно-коричневый, треугольного сечения (III. СК. 537)
№№ анализов	217*а*	217*б*	218	219	220	221	204
Кремнезем	52,45	52,48	56,18	64,57	65,32	61,38	54,26
Глинозем	7,28	7,24	11,22	1,92	2,28	2,57	8,36
Окись железа	1,27	1,28	2,20	1,55	1,51	2,10	1,04
Окись кальция	7,75	7,68	4,48	4,67	7,70	6,77	7,10
Окись магния	6,50	6,92	2,82	1,92	2,35	4,37	3,17
Окись марганца	—	—	—	—	1,96	0,22	—
Окись меди	0,42	0,44	—	—	—	0,39	—
Серный ангидрид	0,47	0,46	0,65	0,82	0,67	0,50	0,21
Окись калия	2,69	2,63	3,50	5,27	2,68	2,78	3,93
Окись натрия	21,00	21,15	18,92	19,00	15,03	18,78	21,80
Сумма	99,83	100,28	99,97	99,82	100,08	99,86	99,87

Возникает вопрос о происхождении стекла такого своеобразного химического состава. Можно допустить с известной долей вероятности, что эти стекла изготовлялись в эпоху средневековья в самом Азербайджане. Они не были предметом ввоза из какой-либо другой страны, где пока не встречены стекла с подобным количественным и качественным сочетанием компонентов. Последнее может расцениваться как локальная особенность средневековых азербайджанских стекол.

Самым надежным доказательством существования в прошлом стеклоделия в той или иной стране служат находки при раскопках самих стеклоделательных мастерских с остатками печей, огнеупорных тиглей и стеклянных полуфабрикатов. Находки таких остатков производства сравнительно редки, но существует немало других косвенных доказательств местного стекольного производства в прошлом. К числу их относятся специфические особенности химического состава стекол.

Кроме упомянутых ранее анализов азербайджанских стекол (№№ 217*а*, 217 б и 218), нам известно еще одно стекло, имеющее подобный химический состав. Речь идет о фрагменте трехгранного браслета, найденном в Саркеле — Белой Веже (на Нижнем Дону, близ ст. Цимлянской) при раскопках под руководством М. И. Артамонова. Этот фрагмент был предоставлен нам для изучения; анализ его дан в табл. 1 под № 204 [3]. Так как в Саркеле местного производства стекла, насколько нам известно,

[3] М. А. Безбородов. Ук. соч., стр. 205.

не существовало, то остается предположить, что саркельский браслет был изготовлен в Азербайджане и по торговым путям доставлен в Саркел. Такое предположение тем более вероятно, что в Саркеле вообще сильно ощущалось влияние культуры Закавказья. Это сказалось и в самом типе и технике постройки его прямоугольной кирпичной крепости, находящей себе наиболее близкую аналогию в крепости Орен-Кала, и в формах массовой керамики, и в некоторых чертах жилого комплекса (обычай устройства и формы хозяйственных ям, устройство кирпичных домашних очагов и т. д.).

Анализы других стекол из Байлакана не имеют таких же специфических особенностей, как упомянутые ранее, и о происхождении их трудно сказать что-либо вполне определенное; они могли быть предметом ввоза в такой же степени, как и продуктом местного производства.

Наши предположения о существовании местного стеклоделия в раннесредневековом Азербайджане согласуются, таким образом, с мнениями историков, которые мы упоминали ранее. Однако в нашем распоряжении было еще мало образцов стекол для химического изучения. Необходимо дальнейшее изучение средневековых азербайджанских стекол и накопление экспериментальных данных.

А. Ф. ДУБЫНИН, Д. А. СОБОЛЕВА

НАДГРОБИЕ НИКИТЫ ШИРЯЕВА ИЗ ЗАРЯДЬЯ (XVII в.).

Московские надгробия XVI—XVII вв. являются интересным историческим источником для изучения социальных отношений эпохи.

Как правило, плиты поставлены на могилы представителей знати, дворянства, духовенства, купечества и, реже, мелких царских чиновников. Именно поэтому определенный интерес представляет могильная плита, обнаруженная в 1954 г. при реставрационных работах в церкви Зачатия св. Анны что в Углу, в Зарядье г. Москвы. Наблюдения за земляными работами здесь осуществлялись Московской археологической экспедицией ИИМК АН СССР.

Девятистрочная надпись этого надгробия вырезана на плите из известняка. Длина плиты — 76 *см*, ширина — 41 *см*, толщина — 18 *см*, высота строки — 4 *см* (рис. 1).

На лицевой поверхности плиты по краю идет орнамент из треугольников, расположенных вершинами друг к другу. У верхнего края имеется полукруглое клеймо, орнамент которого составляют также треугольники. Клеймо делит первую строку надписи на две части.

Анализ техники обработки плиты (отсутствие нижнего клейма, толщина плиты, прямоугольная форма ее, орнамент из треугольников) позволяет датировать плиту в пределах первой половины XVII в.

Надпись гласит:

лѣта ≠ з҃р
...г... марта в і҃ дн
престависѧ рабо
жи кравъчего
кнѧ Василиѧ Ень
шѣевича Сулешо
ва члвкъ Ники
та Семеновъ
сын Ширѧева

Дату плиты по надписи до конца прочесть нельзя, так как первая буква второй строки разрушена. Сохранившаяся часть буквы позволяет предположить, что на этом месте в надписи стояло или «Н» (50) или «М» (40). В первом случае дата плиты определялась бы как 1642 г., во втором — как 1632 г.

Упоминание в надписи имени Василия Еншеевича Сулешова дает возможность установить, какая из двух дат является более возможным вариантом.

Сулешовы — крымские князья. В конце XVI — начале XVII в. двое Сулешовых состояли на службе у московского царя. Юрий Еншеевич Сулешов, старший брат, в 1615 г. пожалован в бояре, был воеводой в Тобольске и Новгороде, водил рать на борьбу с Гонсевским и с Иванов Зарцким. О высоком положении Сулешовых говорят сохранившиеся документы местнических тяжб Юрия Сулешова с боярами Шереметьевыми, Салтыковыми, Григорием Ромодановским, с князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. Поддержка государя и патриарха обеспечивает Сулешовым победу в этих тяжбах [1].

Рис. 1. Надгробие Никиты Ширяева

Сведений о Василии Еншеевиче Сулешове сохранилось меньше. С 1625 г. Василий Сулешов впервые упоминается в Дворцовых разрядах как кравчий. Умер он в 1641 г.

Судя по этим фактам, плита датируется временем после 1625 г.

Какое же отношение имели Сулешовы к Зарядью?

Ответ на этот вопрос может дать «Роспись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе», произведенная в 1626 г. [2]. По этому документу, сопоставляя запись о строениях, расположенных по Ильинской улице и по Введенскому переулку (переулок, ведущий с Ильинки на Варварку), можно сделать вывод, что двор старшего Сулешова, Юрия Еншеевича, находился на одном из углов при пересечении Ильинской улицы и Введенского переулка. На стр. 9 находим уточнение: двор расположен против Троицких палат Сергеева монастыря. Если все эти данные сопоставить с планом Ильинки 1670-х годов [3], то станет ясно, что двор Юрия Сулешова занимал тот угол Ильинки и Введенского переулка, который впоследствии, в середине XVII в., был застроен расширяющимся Гостиным двором. Об этом же говорит жалованная грамота патриарху Никону (от 1654 г.) «на князь Дмитриев двор Еншеевича Сулешова, что ныне Гостин двор» [4].

Относительно расположения двора Василия Еншеевича Сулешова роспись 1626 г. отмечает: «Церковь деревянная Николая Чудотворца

---

[1] Дворцовые разряды, т. I, стр. 111—113.

[2] Переписные книги г. Москвы, составлены в 1738—1742 гг., т. I. Изд. Московской городской думы. М., 1881. Приложение: «Роспись улиц, переулков и тупиков в Кремле и Китай-городе в 1626 г.».

[3] С. А. Белокуров. Планы Москвы XVII века. М., 1898, стр. 24—25.

[4] Описание книг и бумаг старинных дворцовых приказов, вып. II (составлено А. Викторовым). М., 1883, стр. 629.

Мокрова от церкви через улицу до Иванова двора Кулпина пол-четверти сажени, а по другую сторону от двора до церкви пол-третьи сажени, а позади алтаря той церкви до князь Иванова двора Кашина пол-семы сажени, а по четвертую сторону того же храму от церкви по угол князь Васильева двора Яншеевича Сулешова (разрядка наша.— *А. Д.* и *Д. С.*) двенадцать сажень и той церковной земли быть попрежнему» [5].

Судя по этой выдержке из документа, двор Василия Сулешова находился в непосредственной близости к земле церкви Николы Мокрого по Зачатской улице, очевидно, на запад от самого храма. Перечисление двора от Водяных ворот по городовой стене и по небольшому переулку, соединявшему в то время Зачатскую улицу с Ершовым переулком [6], уточняет местонахождение двора Василия Сулешова, добавляя к уже отмеченному, что он находился на углу при пересечении Зачатской улицы указанным небольшим переулком. Подобное расположение двора Василия Сулешова (т. е. на углу Зачатской улицы и переулка) отмечено и в книге Мартынова «Выписки из архивов» [7].

Возможно, именно этот московский дом отошел в 1643 г. к Симонову монастырю как вклад от Юрия Сулешова после смерти Василия и его жены [8].

В 1950 г. на одном из раскопов Московской археологической экспедиции в Зарядье был вскрыт фундамент белокаменных боярских палат. Палаты были обнаружены на запад от церкви Николы Мокрого, в непосредственной близости от храма. Сопоставление некоторых архивных документов с остатками палат дало возможность М. Г. Рабиновичу определить указанные палаты как палаты князя Василия Сулешова.

Кем же мог быть сам Никита Семенович Ширяев, «человек кравчего Василия Еншеевича Сулешова»?

Прежде всего, термин «человек» Сулешова говорит о том, что перед нами надгробие над могилой боярского холопа. Степень зависимости холопа от господина в конце XVI— начале XVII в. была определена целым рядом указов и закреплена статьями Соборного уложения 1649 г. следующим образом: «обязательное ограничение холопства пожизненностью для господина» [9].

Таким образом, перед нами надгробие человека, всецело зависящего от воли князя Сулешова. Подобное надгробие — редкое явление. Среди опубликованных могильных плит с кладбищ Москвы и Московской области можно привести только два аналогичных примера: первое надгробие — 1546 г., «Еуфимея Аннина человека Иванова жены Юрьевича Шигонины», найденное в с. Юрьевском бывш. Старицкого уезда, Тверской губернии [10], второе — Романа Иванова, человека князя Ивана Алексеевича Воротынского, обнаруженное в Москве у церкви Троицы на полях [11].

Чем же мог выделяться из общей массы холопства Никита Ширяев?

Уже в XVI в. дворовая челядь разбивалась на несколько разрядов в зависимости от занятий. Из общей массы холопов резко выделялась группа так называемых «деловых людей», «больших холопов». Судя по Соборному уложению 1649 г., именно такие холопы выступали в самых различных ролях: вели хозяйственные операции, тяжбы от имени своих

---

[5] Переписные книги г. Москвы, составлены в 1738—1742 гг., т. I, приложение.

[6] Там же, стр. 10—12.

[7] Экстракт А. Мартынова. ГИМ, ф. 1, № 85, л. 8—9 (книга выписок из архивов, подаренная А. Мартыновым С. В. Бахрушину).

[8] ЦГАДА, Бежецкий уезд, № 1375/271.

[9] А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII века. М., 1943, стр. 55.

[10] Н. Е. Макаренко. Поездка по верхнему течению реки Волги. ИАК, вып. 6, 1904, стр. 90.

[11] А. В. Арциховский. Надписи, найденные на Метрострое. Сб. «По трассе I очереди Метрополитена». М., 1936, стр. 163.

господ и от своего имени. Нередко они же несли за своих господ и юридическую ответственность. Имущественное положение подобных холопов существенно отличалось от положения всей остальной массы зависимого населения. Документы XVII в., в частности Уложение 1649 г., говорят о том, что холопы могли иметь недвижимое имущество (двор, лавку, амбар), подаренное им господами или приобретенное на свои собственные средства. Более того, множество тяжб XVII в. подчеркивает наличие собственных холопов у «деловых людей».

Вот одна из подобных тяжб: «Человек боярина Ф. И. Шереметьева Петр Брянцев тягается в сентябре 1644 г. о холопе Томилке, сбежавшем от него сначала к Аргамаковым, а потом — к К. Беклемишеву» [12].

Можно ли предположить, что Никита Ширяев принадлежал к разряду «деловых людей»? Ознакомление со следующим фактом дает утвердительный ответ.

Василий Сулешов, крещеный татарский князь [13], был, очевидно, прихожанином церкви Николы Мокрого, имел двор рядом с этой церковью (так же как Юрий Сулешов был прихожанином ближайшей к его дому церкви Дмитрия Солунского) [14]. Если Никита Ширяев, будучи холопом Василия Сулешова, жил на дворе у церкви Николы Мокрого, то почему он похоронен у церкви Зачатия св. Анны что в Углу? Тут возможны два варианта: во-первых, возможно, Никита Ширяев жил на каком-то втором дворе Василия Сулешова, где-то около церкви Зачатия св. Анны. Наличие нескольких дворов Василия Сулешова в Зарядье отмечается в Переписной книге г. Москвы 1638 г.: «И всего в Китай-городе с Ильинского кресца по Москворецки Водяные ворота два двора боярских, 16 дворов постельничево и стольничьих и дворянских и с пустыми князь Васильевыми дворами Яншеевича Сулешова (разрядка наша.— *А. Д.* и *Д. С.*)...» [15].

Второй вариант: где-то у церкви Анны находился двор самого Никиты Ширяева, «делового человека», холопа князя Василия Сулешова. Отметим, что двор Ширяева мог юридически принадлежать его господину, так как уже в статьях Уложения 1649 г. указано: холопам принимать под залог недвижимое имущество не запрещено, но запрещено осваивать его [16].

Таким образом, Никита Семенович Ширяев был, очевидно, доверенным лицом Василия Сулешова, вел какие-то дела господина, возможно, имел свой двор рядом с церковью Зачатия св. Анны.

Указанные факты могут помочь точнее датировать найденную плиту. Из двух возможных дат (1632 и 1642 гг.) нам представляется более достоверным 1632 г. Основанием для этого вывода служит следующее: в самом конце XVI и в первой половине XVII в. наблюдается стремление правительства придать холопской массе текучесть, что нашло свое выражение в указах о выходе холопов «на волю» сразу же после смерти господина. Холоповладельцы, сопротивляясь этому стремлению, боролись за превращение холопской кабалы в наследственную. Зная, что Василий Сулешов умер в 1641 г., можно предположить, что к 1642 г. Ширяев был либо свободным человеком, либо принадлежал кому-то из родственников Василия Сулешова. Но подобное предположение противоречит надписи, где Ширяев назван «человеком кравчего Василия Сулешова». Остается принять за самую реальную дату 1632 г.

Надгробная плита Никиты Ширяева обогащает представления о социальных отношениях населения Зарядья XVII в.

---

[12] А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском гос-ве XVII в. М., 1943, стр. 132.
[13] ЦГАДА, Бежецкий уезд, № 1375/271.
[14] Н. Скворцов. Уничтоженные в Китай-городе церкви. М., 1895, стр. 24.
[15] Переписная книга г. Москвы, 1638 г. М., 1881, стр. 10.
[16] Уложение 1649 г., гл. XIX, §§ 15 и 16.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ И КРАЕВЕДУ

А. Л. МОНГАЙТ

АРХЕОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Археология и современность... Кажется, нет понятий более противоположных.

О самом понятии «современность» в последнее время много спорили. Если современным можно назвать лишь то, что непосредственно связано с текущим днем и его задачами, то какова может быть роль историков, в том числе и археологов, составляющих один из отрядов исторической науки, в решении этих задач? Ведь вся их наука как будто бы обращена в прошлое. Найдут ли свое место историки в решении огромных задач по переходу нашего общества к коммунизму, поставленных XXI съездом КПСС, в особенности историки древнего мира, первобытного общества, археологи? Все эти разделы науки так бесконечно далеки от современности, что кое-кому кажется наивной и неуместной сама по себе постановка такого вопроса. Ну, еще, скажем, историки нового времени, те могут принести некоторую пользу, а историки древности и археологи... Так ли это в самом деле? Неужели в то время, как советские люди заняты строительством коммунизма, историкам отведена роль наблюдателей со стороны?

Основоположники научного коммунизма, уделяли специальное внимание первобытной истории человечества. 75 лет назад Ф. Энгельс выпустил в свет книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которую В. И. Ленин оценил как «одно из основных сочинений современного социализма» [1]. Все это было не случайно. Историк в понимании марксистов не просто регистратор фактов прошлого, он изучает закономерности развития общества, а знание этих законов помогает решать проблемы современности. История принадлежит к важнейшим наукам современности и играет огромную роль в формировании мировоззрения людей. Это элементарные истины, и читатель вправе спросить: зачем автор статьи доказывает, что история — полезная наука, есть ли люди, которые в этом сомневаются, не выдумана ли сама проблема участия историков в важнейших процессах современности?. К сожалению, обывательская недооценка истории отдаленных эпох некоторыми нашими работниками отразилась даже в программах работы научных учреждений, в построении музейных экспозиций и т. д.

Достаточно сказать, что в семилетнем проблемном плане Академии наук СССР не нашлось места для древней истории и археологии. Вряд ли те, кто отодвигает эти проблемы на задний план, подумали о том, что недооценка исторической науки чужда нашему мировоззрению и характерна для некоторых буржуазных ученых, сомневающихся в пользе истории как науки, позволяющей делать выводы и обобщения. К чему занятия историей, говорят эти ученые, если в ней не действуют никакие законы,

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436.

если это всего лишь хаос разрозненных фактов, где торжествует слепая случайность. Сама постановка вопроса о случайности и закономерности выводит историка на передовой фронт идеологической борьбы. А сколько еще спорных вопросов и не только историко-философских, а и конкретно-исторических. Среди важных задач, поставленных XXI съездом КПСС, находится задача — «разоблачать буржуазную идеологию, бороться за чистоту марксистско-ленинской теории»[2]. И здесь видная роль принадлежит отряду советских историков. А как же дело обстоит с археологией?

Конечно, человек, обладающий современной техникой, может проявлять любопытство к каменным орудиям своих предков. Но острые полемики, столкновения и борьба различных теорий, страсти, которые возбуждают отдельные открытия и, в особенности, их интерпретация, свидетельствуют о том, что «наука о древностях» — это больше, чем простое любопытство, что ее достижения отнюдь не безразличны для современников. Еще недавно на археологию многие смотрели как на милое развлечение — собирание допотопных камешков и костей коллекционерами, такими же симпатичными, как коллекционеры почтовых марок и спичечных этикеток. Еще сравнительно недавно один иностранный ученый утверждал, что археологи копаются в мусорных ящиках древности и не обращают внимания на то, нужно ли это для современности. Но даже тогда, когда еще существовали такие мнения, уже шла острая идеологическая борьба по вопросам археологии, в которых сталкивались ученые-антиклерикалы с реакционерами и рутинерами.

В современном мире одно и то же научное открытие может служить прогрессу человечества, а может быть использовано ему во вред. Величайшее открытие внутриатомной энергии раньше всего было реализовано в виде бомб, уничтоживших тысячи жизней в Хиросиме и Нагасаки. Ученые все чаще вынуждены задумываться над тем, в чьи руки попадает их открытие. Духовный и моральный кризис, который переживают люди в капиталистическом мире, в сфере науки выражается в подобных раздумьях. Наука призвана служить счастью человечества, но общественное устройство не дает гарантии правильного использования научных достижений. Для истинного ученого нет выбора — он служит прогрессу науки, но чувство ответственности заставляет многих решать вопрос о том, как сделать, чтобы наука служила народу. То же, что в области естественных наук, происходит в области исторической науки.

Археология — это раздел исторической науки; каждый археолог в то же время историк. Изучение истории укрепляет веру в силу и прогресс разума человека. Но о той же истории Поль Валери сказал, что это «самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Свойства ее хорошо известны. Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает в них ложные воспоминания, усугубляет их рефлексы, растравляет их старые язвы, смущает их покой, ведет их к мании величия или преследования и делает нации горькими, спесивыми, невыносимыми и суетными»[3]. И в самом деле, в арсенале гитлеровской пропаганды, внушавшей немцам мысль об их особой исторической роли, немалое место занимала история и археология. Ее использовали для утверждения «нордического мифа»; здесь фигурировали и завоевательные походы индогерманцев, якобы еще три тысячи лет назад несшие культуру отсталому населению Европы и Азии, и поиски «исконных» германских земель, заселенных еще в каменном веке далеко на Востоке, что якобы могло служить оправданием агрессии, попытки представить ее как «законный» акт возвращения старому владельцу территорий, которых он лишился, и тому подобные вымыслы, а иногда и не вымыслы, а особо препарированные и поданные факты.

---

[2] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1959, т. 1, стр. 61.

[3] Поль Валери. Избранное, М., 1936, стр. 289.

А сколько исторических трудов было написано не только в Германии, но и в других странах для оправдания колониального гнета, для доказательства расового или национального превосходства, и какое место в них занимали археологические данные! Ведь чем дальше от нас историческая эпоха, тем туманнее события и тем легче тенденциозному ученому представить их в нужном свете. Как видно, «наука о древностях» может быть и очень современной, и даже политически актуальной. Это хорошо понимают и советские ученые, и их противники.

В 1954 г. в Мюнхене была издана книжка М. А. Миллера «Археология в СССР», в 1956 г. она была переиздана на английском языке в Нью-Йорке и в том же году издана в Лондоне. Для того чтобы представить себе, почему эта книжка, не имеющая никакого научного значения, так широко распространяется за рубежом и с какой это делается целью, нужно знать, кто ее автор и кто ее издатели. Автор книжки — краевед, живший в Ростове-на-Дону и перешедший во время войны на сторону гитлеровцев, в 1954 г. занимает должность профессора так называемого Украинского «свободного» университета в Мюнхене и ученого секретаря «Института по изучению Советского Союза». Что собой представляют эти учреждения, кажется, говорить не нужно, так же как в особой рекомендации не нуждается издавшая книгу в Нью-Йорке организация «Восточноевропейский фонд». Мы знаем задачи этого фонда, направленного на борьбу против Советского Союза и социалистических стран. Не удивительно, что слово для оценки нашей науки было предоставлено этим «фондом» человеку, предавшему свою страну во время войны, и что книга написана с единственной целью дезинформации западного читателя о положении науки в СССР. О книжке Миллера не стоит много говорить, утверждения ее автора настолько вздорны, что не заслуживают даже возражения, и вспомнили мы о ней с единственной целью — показать, что наши враги понимают роль советской археологии на идеологическом фронте и ведут с нею борьбу.

Название науки «археология» (буквальный перевод с греческого — «наука о древностях»), как и в большинстве случаев в отношении других современных наук, не раскрывает ее существа. Археология — это раздел исторической науки, для которого используются специфические источники — вещественные, в отличие от письменных источников, которые используются остальными историками. Своеобразие вещественных источников вызвало необходимость их изучения особыми специалистами — археологами. Разделение науки на историю и археологию только условное, исторически сложившееся. Археология — наука сравнительно молодая. Хотя истоки ее теряются в глубокой древности, но как наука, обладающая собственными методами исследования, она сложилась не более ста лет назад.

До начала развития археологии история, опиравшаяся исключительно на письменные источники, охватывала приблизительно 3000 лет. С конца XVIII в. археологи открыли новые письменные источники; в результате этого расшифровка египетских иероглифов (1819 г.) и вавилонской клинописи (1837 г.) прибавила еще 2000 лет письменной истории. Письменность изобретена всего пять тысяч лет назад, а человечество существует, по приблизительным подсчетам, около 800 тысяч лет. Да и когда письменность появилась, человечество жило на обширных пространствах земли, а письменность существовала в очень немногих странах. Первоначально это были Египет и Месопотамия, потом Малая Азия и Китай, и, наконец, Европа — сначала только Италия и Греция, а потом и другие страны. Таким образом, история человечества на огромном отрезке времени и на огромных территориях могла быть изучена только в результате появления археологии. Человеческая деятельность на всем протяжении истории человечества оставляла очевидные вещественные следы, которые и являются предметом изучения археолога.

«Археология произвела переворот в исторической науке — писал видный английский ученый Г. Чайлд.— Она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое, точно так же, как микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она внесла такие же изменения в объем и содержание исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию. Прежде всего, археология имеет дело преимущественно с повседневными предметами практического применения, приспособлениями и изобретениями, такими, как дома, осушительные канавы, топоры и т. д., которые сами по себе оказали значительно более глубокое влияние и на жизнь гораздо большего числа людей, чем любое сражение или заговор, но заниматься которыми ученые-историки прежде считали ниже собственного достоинства» [4].

Мы хотим показать на некоторых примерах, взятых преимущественно из области работы советских археологов, те методы, которыми пользуется современная археология в своих исследованиях, и те проблемы, которые она решает и которые сближают «науку о древностях» с делами и думами современников.

Земля представляет собой огромный, поистине неисчерпаемый архив истории; она хранит вещественные остатки деятельности человека на протяжении тысячелетий. Но добыть их не так просто. Прежде всего их нужно обнаружить.

Сравнительно легко обнаружить археологические памятники, имеющие наземные сооружения — древние поселения, окруженные валами и рвами, или могильные насыпи (курганы). Но очень трудно найти археологические памятники, целиком скрытые под землей, а таких большинство. Археологи выработали множество приемов обнаружения таких объектов. Если еще в начале XX в. приходилось больше всего полагаться на случай или интуицию ученого, то сейчас опытный археолог знает, где и что он может найти. Он знает, в какую историческую эпоху люди селились в поймах рек, а в какую — на высоких береговых мысах; он знает, где предпочитали хоронить своих покойников те или иные древние племена; как геолог по выходам на поверхность земли отдельных пород судит о залегающих глубоко в земле залежах нефти или копях алмазов, так и археолог по находкам костей ископаемых животных судит о поселениях людей, охотившихся на этих животных.

И все же проблема «видения под землей», вернее «сквозь землю», является важной проблемой для археологов. Чего только ни перепробовали они для этой цели: и обыкновенный миноискатель, и радар, и заимствованный у геофизиков способ электроразведки, и многие другие приемы, приносящие частичный, но неполный успех. Оказалось, что лучше всего можно видеть «сквозь землю» не непосредственно с поверхности земли, и на некотором от нее удалении. Многие невидимые с земли объекты становятся зримыми с воздуха, и в последнее время все более важное место в археологических исследованиях занимает аэрофоторазведка.

По цвету почвы или цвету растительности, отраженному на фотоснимке земной поверхности, можно определить местонахождение могил, полуземлянок, рвов, каналов, каменных стен, даже границы древних пахотных земель и древние дороги. Это происходит вследствие ряда причин, среди которых немаловажной является та, что на древних рвах и канавах, заполненных перегноем, лучше развивается растительность; посевы и трава ярче и выше на этих местах, желтее и ниже на тех местах, где под слоем пахотной почвы скрываются стены или каменная кладка. Определяются скрытые памятники и по теням, которые образуются углом между насыпью и направленными на нее солнечными лучами. Так открыты были древние

[4] Гордон Чайлд. Прогресс и археология. М., 1949, стр. 18—19.

города и крепости в пустынях, засыпанные песком и почти невидимые с земли.

Из советских археологических экспедиций особенно успешно и в больших масштабах применяет аэрофотосъемку Хорезмская экспедиция Академии наук СССР. В пустынях на огромных территориях были открыты десятки и сотни памятников разных эпох — от стоянок каменного века до дорог и караван-сараев позднего средневековья. Иногда на обнаруженный аэрофотосъемкой в труднодоступном районе объект высаживался археологический «авиадесант» и вел исследования. Аэрофотосъемка позволила не только обнаружить важные для истории древнего Хорезма памятники, но и изучить историю ирригации и изучить ту географическую среду, в которой жил здесь человек в древности. В соединении с системой почвенных шурфов аэрофото позволило установить, какими были почвы и растительность в тех местах, где прежде были ирригационные сооружения, где была вода и, следовательно, жизнь и где теперь только заросшая такырной коркой пустыня.

Аэрофоторазведка имеет особенно большое значение потому, что неизмеримо увеличивает масштабы археологических открытий, дает возможность в сравнительно короткое время обследовать большие пространства. Археологов сейчас не могут удовлетворить открытия отдельных памятников. Для решения больших исторических проблем должна быть создана археологическая карта СССР, на которую будут нанесены памятники разных эпох.

Множество археологических памятников в России было открыто еще в дореволюционное время, но это было ничтожно мало по сравнению с огромной территорией страны.

Целые области, равные отдельным европейским странам, были совершенно не обследованы даже в Европейской части России. Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия в археологическом отношении были неизвестны. Советские ученые проделали громадную работу. Маршруты специальных экспедиций, протяженностью в несколько десятков тысяч километров, только в Средней Азии покрыли сетью почти всю ее территорию — от Каспийских песков до ледников Тяньшаня, Алтая и Памира. Работы ведутся в горах и пустынях, в южных степях и на берегу Ледовитого океана, в Центральной России и на Дальнем Востоке. В сотни раз увеличилось количество открытых археологических памятников. Но все же полной археологической карты страны у нас еще нет. Нужно оговориться, что следует понимать под «полной» археологической картой. Это карта, на которую будут нанесены максимально обследованные в данный момент памятники. Ибо карта, на которую будут нанесены все скрытые в земле археологические объекты, вряд ли когда-нибудь может быть создана. Ежедневно открываются все новые и новые памятники. Возможности археологических открытий по существу неисчерпаемы. «Археологических памятников нет только там, где их не ищут»,— говорил крупнейший русский археолог А. А. Спицын [5].

Над созданием археологической карты СССР работают все советские археологи. Отдельные ее части уже завершены. На помощь археологам приходят краеведы. Без них, без участия широких слоев народа, любителей и знатоков старины родного края, многое не удалось бы сделать. Простые люди — охотник-змеелов из Узбекистана, таджикский пастух, русский учитель — открыли и передали в руки ученых памятники древности, вскоре ставшие всемирно знаменитыми. Краеведам принадлежит большая роль не только в открытии, но и в охране от разрушения памятников старины, в том числе и археологических. В СССР действует специальный закон об охране памятников старины и существуют специальные контрольные государственные органы. Но из опыта многих стран мира, в том числе и нашей страны, хорошо известно, что лучше всего охраняются памят-

[5] А. А. Спицын. Археологические разведки. СПб. 1908, стр. 5.

ники старины там, где это делает само население. Широкая пропаганда, разъяснение значения тех или иных памятников, обращение к национальному самосознанию и к чувству патриотизма населения могут сделать больше, чем самое строгое законодательство, если оно существует само по себе и не поддерживается участием народной массы.

После того как памятник найден, следующим этапом работы археолога являются раскопки. И здесь вступает в действие новый элемент современного подхода к археологии — планирование исследований. Раскопки — дело очень трудоемкое и дорогостоящее, и археологи не могут раскопать все известные им памятники. Раскопки не самоцель, а средство решения научных проблем. Если часто сейчас за рубежом, как и раньше в России, раскопки ведутся случайно, иногда в зависимости от вкусов и интересов отдельных ученых, иногда в зависимости от средств, пожертвованных меценатами, то советские археологи строго планируют раскопки в соответствии с решением наиболее важных научных проблем, откладывая исследования отдельных, даже очень интересных, объектов иногда на очень отдаленное будущее.

Планирование науки... Некоторым нашим зарубежным коллегам, часто не верящим даже в возможность планового ведения народного хозяйства, кажется совершенной нелепостью плановость научного творчества. Как можно предвидеть, что завтра будет найдено под землей и к каким это приведет научным выводам? Но такой вопрос возникает либо в результате незнания того, как выглядят наши планы, либо из сознательного желания окарикатурить самую идею плана в науке. Наши планы вовсе не имеют в виду мелочное регламентирование предстоящих открытий, они намечают лишь основные линии исследований, выделяют важнейшие проблемы, до решения которых не могут быть выяснены другие проблемы, и в соответствии с этим определяют выбор объектов исследования. Например, до революции на юге России были раскопаны богатейшие скифские курганы. Собранные в них коллекции золотых художественных изделий, оружия, предметов быта имеют огромную ценность и представляют собой лучшие украшения наших музеев. Осталось еще множество неисследованных подобных курганов, но как ни соблазнительна надежда увеличить количество таких открытий, советские археологи решительно отказались от дальнейших раскопок больших царских курганов и обратили средства и силы на раскопки городищ (остатков укрепленных поселений) и небольших курганов, дающих материалы для истории не скифских царей, а их бедных соплеменников. Для решения научных проблем в данное время серые черепки из городищ были важнее золотых ювелирных изделий.

Планы советских археологов частично увязываются с планами народно-хозяйственными. Согласно действующему в СССР законодательству, если в связи со строительством может быть уничтожен археологический памятник, должно быть проведено полное его исследование, и строительство обязано предоставить средства для раскопок.

Интересными и в научном, и в методическом отношении были раскопки Хазарской крепости Саркел, построенной в IX в. при помощи посланных из Византии инженеров; в XI в. здесь был русский город Белая Вежа. Саркел находился на Дону, возле станицы Цимлянской. Еще в 30-х годах здесь велись археологические раскопки небольшого масштаба. Но в связи со строительством Волго-Донского канала и Цимлянского водохранилища остатки древнего Саркела должны были уйти под воду.

В 1949—1951 гг. были проведены грандиозные раскопки Саркела. Археологи справились со сложной задачей и в короткий срок исследовали памятники. Многочисленные добытые материалы ныне научно обработаны и публикуются Академией наук СССР. Саркел находится на дне Цимлянского моря, но для науки он уцелел. Большие археологические работы были проведены в связи со строительством Куйбышевской и Сталинградской ГЭС и ныне ведутся на Ангаре. Археологические исследования в свя-

зи с новостройками — важная задача советских археологов в семилетке.

Ежегодно происходят заседания Бюро Отделения исторических наук АН СССР и пленум Института археологии АН СССР, на которых подводятся итоги археологических исследований за прошлый год и планируются дальнейшие работы. Эти ставшие традиционными заседания по существу представляют собой съезды советских археологов, в которых в последнее время принимают участие и зарубежные ученые. Взаимное ознакомление с результатами проведенных работ, координация дальнейших усилий обеспечивают наиболее успешное решение важнейших проблем.

Процесс раскопок сейчас выглядит совсем по-иному, чем сравнительно недавно, когда лопата и корзина для удаления земли или ручные носилки были единственными орудиями труда. Правда, простая лопата по-прежнему осталась важнейшим орудием археолога, так как важно не нарушить положения вещей и сооружений в земле и поэтому нельзя применять механические копатели. Но наиболее трудоемкая часть работы — удаление земли с места раскопок — все более механизируется, и советские археологи применяют для этой цели бульдозеры, экскаваторы, электролебедки.

В последнее время распространяются методы подводной археологии. Части древних прибрежных городов, ушедшие под воду вследствие изменения береговой линии, затонувшие корабли и т. п. служат объектом внимания археологов-подводников. Первые попытки заниматься археологией под водой были совершены около 30 лет назад, но они требовали тяжелого и дорогостоящего оборудования и работы специалистов-водолазов. С развитием легких плавательных приборов — аквалангов подводная археология начала развиваться на новом техническом уровне, сулящем ей большие успехи. Подводные археологические работы велись в прошлом году по обследованию античных памятников в Керченском проливе, а также на Чудском оз., где отыскивались следы знаменитого Ледового побоища — битвы русских войск под командованием Александра Невского с немецкими рыцарями.

Проблема датировок добытых в раскопках вещей является очень сложной. Очень редко на вещах, даже относящихся к эпохе, когда существовала письменность, стоит дата их изготовления, как, например, на монетах. Археология имеет большей частью дело с немыми объектами. Для того чтобы определить, когда возникло поселение или когда произведено погребение, или когда сделана та или иная вещь, археологи пользуются многими выработанными наукой методами, среди которых важнейшими являются стратиграфический — датировка по слоям земли, в которых найдены вместе датированные и недатированные вещи, и типологический, который основан на убеждении в том, что одинаковые или сходные типы вещей были созданы одновременно. В наше время крупнейшие научные открытия происходят на стыке разных наук, там, где они тесно соприкаются и обогащают друг друга.

Археология, гуманитарная наука, с самого начала своего существования пользовалась некоторыми методами естественных наук. Геология, антропология, палеоботаника, палеозоология, климатология, даже астрономия связаны со многими археологическими исследованиями.

В вопросе о датировках археологических объектов поистине революционизирующую роль играет современная физика. В 1949 г. в Институте ядерных исследований Чикагского университета В. Ф. Либби предложил метод датировки по радиоактивному углероду. С тех пор в нескольких странах были поставлены опыты, и уже установлено около 1500 дат для важнейших археологических памятников мира.

Академия наук СССР создала для советских археологов специальную лабораторию для датировок по радиоактивному углероду, существующую при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Метод датировки основан на том, что радиоактивный углерод C^{14} (изотоп углерода

с атомным весом 14), образующийся в атмосфере в результате действия космических лучей, затем окисляется и усваивается растениями, а через растения животными. Количество изотопа C^{14} на каждый килограмм органического и живого вещества постоянно и неизменно в течение последних 50 тысяч лет. Но как только растение или животное умирает, содержание C^{14} в мертвых тканях начинает убывать, причем скорость распада закономерна, т. е. в определенный срок распадается определенное количество C^{14}. Продолжительность существования изотопа в мертвых тканях достаточно велика: период полураспада равен пяти-шести тысячам лет. Таким образом, по количеству C^{14} в органических остатках можно определить их возраст. Достигнутая сейчас точность датировки равняется ± 50—100 лет.

Конечно, для эпох, когда уже существуют письменные источники, такая точность недостаточна. Но ведь археологи имеют дело большей частью с материалами дописьменных эпох, и здесь ошибки иногда равнялись тысячелетиям. Например, эпоха неолита (нового каменного века) в Европе датировалась сравнительно по Египту, историческая хронология которого в эту эпоху приблизительно известна. Но не говоря уже о том, что длительность существования сходных явлений культуры могла быть разной в разных областях и, следовательно, в Европе могла не совпадать с Египтом, даже для самого Египта историки колебались в установлении даты существования первой династии, относя ее то к 4186 г. до н. э., то к 3315 или 3197, то к 2900 или 2820.

У многих европейских ученых создалось впечатление, что развитие культуры в Европе сильно запаздывало и шло под влиянием достижений Востока. Советские ученые всегда возражали против этой точки зрения. И только датировки с помощью C^{14} позволили подтвердить взгляды советских ученых. Оказалось, что европейский неолит относится к гораздо более ранней эпохе, чем это предполагали прежде. Это только один из примеров, уже решенных с помощью C^{14}, больших исторических проблем.

Сейчас французскими, английскими и советскими учеными разрабатывается новый метод датировки керамики по данным палеомагнетизма. Обожженная глина очень мало подвергается изменениям вследствие нахождения в земле. Обломки глиняных сосудов или целые сосуды составляют наиболее массовый материал, находимый археологами в раскопках. Тысячи тонн керамики разных эпох хранятся во всех музеях мира. Археологи научились использовать этот материал в своих исследованиях и множество фактов устанавливают по черепкам, непосвященному кажущимся совершенно однообразными и ничего не говорящими. Но какой прогресс был бы достигнут в археологии, если бы удалось точно датировать этот самый массовый материал раскопок!

Довольно молодая физическая дисциплина палеомагнитология открыла большие научные перспективы в геофизике и, по-видимому, открывает их и в археологической хронологии. Изделия из глины, подвергающиеся обжигу, в момент их остывания приобретают намагниченность и запечатлевают то магнитное поле, которое существовало в момент их обжига в данной точке земного шара. Эта намагниченность остается без изменения до настоящего времени, а элементы земного магнетизма в каждой точке земного шара с течением времени медленно изменяются. Если мы определим магнитное поле изучаемой керамики и сопоставим его с известным нам магнитным полем земли в то или иное время, мы сможем определить абсолютную дату обжига изучаемого предмета. Изложенное выше представляет метод очень схематично. По существу все это значительно сложней, и разработка метода встречает много практических трудностей. Но они преодолимы, и археологи возлагают большие надежды на датировку с помощью палеомагнетизма.

Датировка по C^{14} и палеомагнитной остаточности — это только отдельные примеры того, как естественные науки приходят на помощь археологии. Возьмем другую область археологического исследования. Кроме во-

проса о том, когда сделана та или иная вещь, археологу еще нужно выяснить, где она сделана и как она сделана, каковы были методы производства в отдаленные исторические эпохи. Здесь на помощь среди других методов приходит спектральный и структурный анализы, получившие широкое распространение в советской археологии и дающие большой научный эффект. Археологи уже не удовлетворяются анализами, сделанными специалистами на стороне, и создают собственные лаборатории спектрального и структурного анализов. Такие лаборатории уже существуют в Москве, Ленинграде, Баку и Тбилиси.

Химические анализы археологических вещей, преимущественно металлических, делались уже давно. Так, в конце XIX в. знаменитый французский химик Пьер Бертело, основываясь на химическом анализе, доказал, что древнейшие металлические орудия сделаны не из бронзы, как полагали в то время, а из меди. Химик, а не археолог открыл новую, неизвестную в истории человечества эпоху — медный век, предшествовавший бронзовому. И в дальнейшем химические анализы помогли решить некоторые вопросы по истории и технологии производства. Спектральный анализ не только более прост, дешев и дает возможность определить сразу все элементы данного вещества, но — и это для археологов особенно важно — позволяет улавливать следы элементов в примесях, составляющих лишь 0,001%. Почему это важно, ясно будет из следующего примера. В каждой руде присутствуют в небольшом количестве примеси элементов, обычно малораспространенных в земной коре. В условиях примитивного металлургического процесса в древности большинство таких примесей переходило в металл, отражая, таким образом, состав руды, из которой получен данный металл. Геохимики и геологи знают, из каких месторождений руда содержит некоторые редкие металлы (титан, вольфрам, кобальт и т. д.) или их комбинации. Таким образом, перед археологами открывается возможность решить, где были изготовлены найденные вещи или где была добыта руда для металла. Вопросы торговли и обмена в глубокой древности благодаря спектральному анализу могут решаться на более широкой научной основе. Именно массовость анализов, дающая возможность статистической обработки их результатов, позволяет сделать важные выводы.

Так, в лаборатории спектрального анализа исторического факультета МГУ в результате исследования сотен стеклянных изделий из раскопок в г. Новгороде была нарисована очень интересная картина истории русского стеклоделия XI—XVI вв. Было выявлено шесть технологических рецептов стекла, применявшихся в разное время, и оказалось, что, начав с заимствованного у византийцев рецепта, русские мастера упорно искали наиболее выгодную свою технологическую схему и нашли ее, сменив несколько раз рецептуру.

Структурный анализ археологических находок из черных металлов позволил, кроме установления технологической схемы изделий, выявить все элементы механической и термической обработки предмета — кузнечную ковку, сварку, паяние, цементацию, обточку, опиловку, полировку, закалку, отпуск, отжиг. Пока археологи судили о вещах только по их внешнему облику, никому и в голову не могло прийти, что такой простой предмет, как нож, внешний облик которого почти не менялся в течение веков, может помочь раскрыть этапы развития металлообрабатывающего ремесла. Оказалось, что изготовление древнерусскими ремесленниками ножа пережило три исторических периода, в течение каждого из которых имелась строго определенная конструкция и технология изделия. В X—XI вв. ножи делались многослойными: между двумя полосами железа вваривалась стальная полоса. Технология была сложной, трудоемкой. В самом начале XII в. она меняется, стальное острие наваривается на железную основу лезвия. Упрощение технологии позволяет сделать продукцию более массовой. Наконец, на рубеже XIII и XIV вв. торцовая сварка стального лезвия еще раз рационализируется и заменяется косой. Простой нож пока-

зал биение живой мысли мастеров, искавших в течение веков и, наконец, нашедших наиболее дешевую и удобную конструкцию и технологию изделия.

Советские ученые предложили свой, оригинальный метод определения функций и назначения орудий труда по следам на них от работы. Есть орудия и вещи, которые человечество давно уже не употребляет. Даже самые отсталые современные народы, которых застали и успели описать этнографы, не употребляли уже орудий, служивших людям в древнем каменном веке. Как определить их производственные функции? Рассматривая в микроскоп зазубрины, царапины и другие следы на рабочей части орудия, можно решить, было оно режущим, колющим, пилющим и т. д., т. е. для чего его использовал создавший его древний человек.

Изучение истории труда — это не только изучение орудий труда. Перед археологами стоит задача изучения хозяйства древнего человечества, а для этого нужно знать, какие природные условия окружали древнего человека, какие растения произрастали в данной местности тогда, когда здесь существовало раскапываемое поселение, какой тогда здесь был климат. Ведь климат меняется в течение веков, а вместе с тем меняется и состав растительности.

Археологи широко используют в своей работе данные палеоклиматологии, и сами добывают новые материалы для этой дисциплины. Например, известно, что пыльца растений обладает редкостной устойчивостью и сохраняется в течение тысячелетий, особенно хорошо в болотах. Раскапывая древние поселения, существовавшие на болотах, археолог собирает и привозит в лабораторию и слои торфа, содержащие пыльцу. Пыльцовый анализ дает возможность решить, какие природные условия окружали древнего человека. Изучение палеозоологами найденных в раскопках костей животных позволяет решить вопросы о развитии охоты и скотоводства, о соотношении этих отраслей хозяйства, о времени приручения домашних животных и т. д. Археология не только пользуется данными других наук, но и поставляет им новые источники. Очень тесно связаны археология и палеоантропология. История развития физического типа человека главным образом основана на археологических данных.

Рассказанное выше о методах работы советских археологов, конечно, ни в какой мере не охватывает темы в целом. Мною выбраны лишь некоторые примеры, чтобы показать, какой сложной наукой стала современная археология, как тесно она связана с другими науками и как проникают в нее новейшие методы исследования.

Вслед за раскопками и лабораторными исследованиями перед археологом возникает следующая важнейшая проблема — интерпретация полученных материалов. Основные принципы советской археологии базируются на теории исторического материализма. На этом фундаменте основана широкая система взглядов и методов, обеспечивающая максимальное приближение к истинному познанию прошлого человечества. Археологи-марксисты считают, что между материальной культурой и социально-экономической жизнью общества на любой ступени его развития существует определенная закономерная связь. Отсюда вытекает возможность исторических реконструкций по археологическим данным. Археологи позволяют себе судить не только об орудиях труда, быте или хозяйстве древности, но и формах общественной жизни. Буржуазные ученые, не признающие закономерности исторических явлений, отрицают возможность таких реконструкций и тем самым ограничивают область компетенции археологии только познанием культуры и быта древних обществ.

Одним из ярких примеров, подтверждающих правильность взглядов советских ученых и возможность исторических построений, основанных на данных археологии, является пример с определением общественного строя на о. Крите в эпоху расцвета крито-микенской культуры, существовавшей между 3400 и 1100 гг. до н. э. После замечательных археологических рас-

копок на Крите, давших богатейший материал для познания древней и забытой культуры, в среде археологов, историков почти всех стран начался спор о социальных отношениях в Кносском царстве (Кносс — столица древнего Крита). Некоторые ученые сравнивали в социальном отношении Кносское царство с французской монархией Бурбонов XVIII в., основываясь главным образом на том, что стиль критского искусства напоминал им стиль рококо. Другие относили критский строй к доклассовому обществу. Включились в спор и советские историки, которые на основании анализа всего комплекса материальной культуры утверждали, что на о. Крите в это время существовали рабовладельческие отношения. Правда, у советских ученых не было никаких прямых доказательств в пользу этого утверждения; доказательства были косвенными. Наличие социального неравенства было налицо. Коллективные, родовые погребения предшествующей эпохи сменились индивидуальными, причем с резким имущественным различием — богатыми и бедными. Большие родовые дома сменились индивидуальными жилищами, с резкими различиями — от хижины до дворца. Осуществить постройку таких колоссальных по тому времени дворцов едва ли было возможно только руками свободных общинников. В равной мере трудно было предположить, чтобы у критского царя хватило могущества удержать в своих многочисленных мастерских такое количество свободных ремесленников, о каком свидетельствуют археологические данные. Кроме того, о наличии рабовладения говорят, правда немногочисленные, находки следов убийства рабов при погребении их господ.

Утверждение советских историков получило недавно новое весьма веское доказательство. На Крите были найдены глиняные таблички с письменами на неизвестном языке. Свыше пятидесяти лет ученые всех стран безуспешно пытались дешифровать критский алфавит. Это удалось сделать только в 1953 г. английским ученым М. Вентрису и Д. Чэдвику, прочитавшим таблички с надписями на позднем критском алфавите (так называемое «линейное письмо „В“»). На многих табличках оказался термин «раб». Так, вывод, построенный на основании анализа всего комплекса явлений и постулате закономерности, получил весьма убедительное подтверждение.

Признание закономерности исторических явлений, их обусловленности экономическими факторами, признание того, что человеческое общество развивается по особым законам и что эти законы могут быть выведены из исторического опыта, делает историю и археологию подлинной наукой, способной разрешать сложные и, казалось бы, неразрешимые научные проблемы. Наши критики сознательно или несознательно, но, во всяком случае, ошибочно приписывают советским ученым упрощенный метод реконструкции прошлого, механическое восхождение от орудий труда и производства к экономике и от экономики к общественному устройству. Это неверно. Признание закономерности исторических явлений и их обусловленности экономическими факторами вовсе не приводит советских ученых к отрицанию многообразия причин, воздействия на развитие общества других факторов — географических, биологических, психологических, ни даже элементов случайности, но они отличают главное от второстепенного, основное от производного и не подменяют причину следствием. Только основываясь на всем комплексе данных, а не на отдельных фактах, советские археологи строят реконструкции общественных отношений.

В очерке о современной археологии особую тему могут составить взаимоотношения археологии и религии. Уже первые открытия в области первобытной археологии в середине XIX в. вызвали острую реакцию церковников. Открытие примитивных каменных орудий эпохи палеолита показало, что человек, создавший эти орудия, стоял на такой низкой ступени развития, что нельзя было допустить никакого образа и подобия божьего; происхождение человека отодвигалось в такую глубь тысячелетий, что совершенно опрокидывалась вся библейская хронология. Клери-

кальные ученые встретили эти открытия в штыки. Археологи вступили в борьбу, вооруженные научными фактами. Так, крупнейший французский археолог Г. де Мортилье конечной целью своих исследований ставил разрушение религиозного мировоззрения.

В наши дни, когда человек все глубже проникает в тайны природы, все труднее отстаивать библейскую легенду, и современная церковь не в силах отрицать, как это было в средние века, науку, а вынуждена пытаться согласовывать выводы науки с догматикой религии. Поэтому среди видных зарубежных археологов мы встретим имена церковных деятелей. Не случайно католическая церковь благословила французских аббатов и австрийских патеров на занятие археологией. Католическая церковь — воинствующая церковь; если она поручает или хотя бы позволяет своим слугам заниматься археологией, значит эта наука находится где-то на передовом участке идеологического фронта, там, где, с точки зрения церкви, происходит борьба за души человеческие.

Идеологическая борьба вокруг проблем ранней истории человечества приняла новые формы: не отрицание очевидных фактов, а попытка найти новые факты, якобы разрушающие выводы ученых, направленные против религиозных догматов. Так, например, если удастся удревнить некоторые явления в истории человеческой культуры, если удастся доказать, что первобытный человек был похож на современного, то легче будет утверждать, что он создан по образу и подобию божьему. Если удастся доказать, что искусство, обряд погребения и т. п. возникли из религиозных побуждений в глубокой древности, значит религия извечна, религиозное чувство является врожденным у человека, такой же чертой человеческого облика, как, скажем, прямохождение; человек на протяжении всей своей истории был религиозным и атеизм — это аномалия в человеческом характере. Вот почему отвлеченный и, казалось бы, малоинтересный вопрос о первых человеческих погребениях стал предметом ожесточенных споров. Вот почему находка в Пилтдауне (в Англии) в 1911 г. черепной крышки человека современного типа вместе с обезьяньей челюстью вызвала к жизни свыше 400 научных работ, пока, наконец, в 1953 г. с помощью новейших методов исследования не было доказано, что это подделка и что существо с челюстью обезьяны не обладало мозгом современного человека. Вот почему вопросы о том, как развивалось мышление первобытного человека, было ли оно только конкретным или также и абстрактным, для чего он рисовал, вызвано это было практическими потребностями или возникшим эстетическим чувством или религиозными убеждениями, и тому подобные вызывали и вызывают поныне полемику не только между археологами, но и учеными других специальностей, в том числе и философами.

Советские археологи не только открыли множество памятников первобытного человечества, но и добились больших успехов в их интерпретации с материалистических позиций. Приходится, однако, сожалеть, что достижения археологии занимают очень мало места в антирелигиозной пропаганде.

Если мы коснемся таких явлений буржуазной идеологии, как колониализм или расизм, то увидим, что в борьбе с ними современная археология также играет значительную роль. Расисты и националисты разных толков стремятся доказать, что человечество делится на творческие и нетворческие народы, на народы, создающие, двигающие культуру, и народы, заимствующие уже готовые достижения. Они утверждают, что якобы современные отсталые народы отстали в своем развитии не вследствие социальных, а вследствие биологических причин, они не способны к самостоятельному развитию и обречены на вымирание, если их не облагодетельствуют достижениями культуры «просвещенные» нации. За подобными «теориями» пытаются скрыть истинные мотивы империалистической политики.

Очень острую идеологическую борьбу в период между первой и второй мировыми войнами вели советские археологи с германскими учеными —

националистами. Эти ученые, идейные предтечи фашизма, основываясь на археологических данных, пытались доказать, что еще в бронзовом веке германские племена были носителями высшей культуры, которую распространяли путем завоевательных походов.

Вот один из фактов, которые пытались использовать для доказательства своей теории сторонники идеи народа-завоевателя, носителя высшей культуры. В бронзовом веке в Восточной Европе в верхнем течении Волги среди рыболовческо-охотничьих племен с довольно примитивной культурой появляются какие-то племена, стоящие на гораздо более высоком уровне развития. Они резко отличаются от остального населения, у них иные элементы высокой скотоводческой культуры и их внешним отличительным признаком являются определенной формы каменные полированные боевые топоры. Как легко было в носителях этой культуры, названной фатьяновской по одной из первых находок в селе Фатьяново Ярославской области, увидеть германский завоевательный поход на Восток, тем более что на территории Германии встречаются такие же боевые топоры. И как хотелось этот факт, относящийся ко II тысячелетию до н. э., сделать поводом для исторической параллели, демонстрирующей, как в наши дни немецкие походы на Восток должны цивилизовать его «дикое» население. Против немецкой националистической археологии выступали не только советские ученые, их союзниками были передовые ученые разных стран — Польши, Англии и др. Объективное изучение фактов показало, что концепция немецких националистов ничего общего не имеет с истиной. Прежде всего выяснилось, что внешнего сходства, наличия «боевых топоров» недостаточно, чтобы все племена, у которых они встречаются, были объединены в один народ. «Фатьяновцы» ничего общего не имеют с средне-и североевропейскими современными им племенами. Затем выяснилось, что и путь их движения был обратным тому, который предполагали немецкие ученые — не с севера на восток, а с юга на северо-восток. Уже после второй мировой войны советские археологи открыли на Среднем Днепре памятники культуры, предшествующей фатьяновской, и доказали, что именно оттуда эти племена продвинулись на Волгу. От идеи завоевательных походов прагерманцев на Восток ничего не осталось.

Советские археологи законно гордятся тем, что совместно с антропологами, этнографами и другими учеными, совместно с прогрессивными учеными зарубежных стран они постоянно выступали против расизма и всяческих проявлений шовинизма, против попыток превратить археологию в орудие пропаганды реакционных идей. Крах гитлеризма не положил, однако, конца существованию расистских теорий. От «нордического мифа» ничего не осталось, но в трансформированном виде реакционные шовинистические идеи продолжают существовать в буржуазной науке, и борьба с ними остается важнейшей задачей советских ученых.

Почти полвека тому назад возник большой теоретический спор по вопросу о так называемых миграциях и диффузиях. Часть ученых считает, что великие открытия в области культуры, такие, как земледелие или металлургия, и даже отдельные изобретения, такие, как крашеная керамика или форма орнамента, были сделаны на протяжении истории лишь однажды и затем путем заимствований, миграций (переселения народов) или просто распространением (диффузий) передались другим народам. Хотя создатели и сторонники этой теории в большинстве случаев объективные и серьезные ученые, их ошибочные взгляды были использованы расистами и националистами для того, чтобы утверждать, что переселения, завоевания и влияния были единственными средствами распространения культуры, для того чтобы разделять человечество на «высшие» и «низшие» нации. Внутреннее культурное и социальное развитие отдельных народов в свете этой теории выглядит как фактор второстепенный, на первое место выдвигаются влияния и заимствования, которые рассматриваются как двигатель исторического прогресса.

Ученые-материалисты выступили против теории миграций и диффузий. Не отрицая этих явлений, они не считают их главными, ведущими в историческом развитии. Совершенно очевидно, что процесс развития изолированных групп человеческого общества протекает более медленно, чем процесс развития групп неизолированных, способных воспринимать культурные достижения других обществ. Миграции и диффузии, не являясь главной или единственной причиной развития, служат его могучим катализатором.

Каждый самый маленький народ самостоятельно мог развиваться и двигаться по пути культурного прогресса, каждый самый маленький народ мог внести свой вклад в развитие мировой культуры. В ряде случаев только археология может помочь выяснить сущность подобных явлений. Это прежде всего относится к народам, долго не имевшим, а иногда и поныне не имеющим своей письменности, а следовательно, и своей письменной истории. С точки зрения некоторых буржуазных ученых, бесписьменные народы — неисторические, у них не может быть своей истории. Советские ученые придерживаются иной точки зрения. Археологические материалы довольно ярко рисуют культурный и социальный процесс. Картина, правда, получается обобщенной, мы не знаем имен действующих лиц и отдельных фактов, но общие закономерности развития каждого, даже самого маленького народа, его посильный вклад в развитие человеческой культуры выступают ярко и значимо.

Многие из народов нашего Севера и Сибири получили свою письменность только в годы Советской власти. Археологи помогли им узнать свою историю.

Почти целиком на археологических данных построено изучение истории Якутии за период до русской колонизации, а каким это является убедительным документом творчества этого народа, его прогрессивного развития, хотя и несколько замедленного прежде по сравнению с европейскими народами, но непрерывного и упорного. Одна из важных задач советских археологов в семилетке — это более активное изучение Дальнего Востока и Сибири. Большинство коренных народов этих территорий долго не имело своей письменности, и археология играет особенно большую роль в выяснении их истории.

Археологические данные имеют значение и для эпох, когда уже имеются письменные источники, так как последние не отражают всех сторон жизни общества. Письменность долгое время была привилегией господствующих классов, жизнь трудовых масс оставалась за пределами внимания писателей и историков. Кроме того, историки древности не придавали значения ряду явлений, представляющих интерес с точки зрения современного исследователя; их больше всего интересовала политическая история, меньше экономика.

Вопрос о возникновении у славян феодализма и государства решается в первую очередь на основании письменных источников. Но и здесь археологи внесли свой вклад. Почти на протяжении двухсот лет длится спор между «норманнистами» и их противниками. Норманнисты, опираясь на летописную легенду о том, что основателями Русского государства были призванные из-за моря варяги, и исходя из ошибочной концепции отсталости культуры и общественного строя восточных славян, якобы неспособных самостоятельно создать государство, считали, что русская государственность была принесена норманнами извне. Советские археологи вмешались в спор и были на стороне антинорманнистов. Они доказали, что путь развития восточных славян был самостоятельным, что норманны не внесли ничего нового в их культуру и что вообще следы пребывания варягов на Руси не настолько значительны, чтобы говорить о преобразующей роли их влияния на славян.

Научная постановка проблемы влияний и заимствований в русской культуре в значительной мере опирается на археологические данные.

Ведь было время, когда вся история русской культуры изображалась в виде непрерывной смены влияний: норманнского, франкского, византийского и т. д. Советские ученые показали, что даже в тех случаях, когда заимствования из других культур действительно были, не они были решающими факторами в развитии ремесла или искусства, литературы или архитектуры. Исследование древнерусского ремесла показало высокий уровень его технического развития и социальной организации. Открытие архитектурных памятников и предметов прикладного искусства помогло понять пути развития русского искусства и архитектуры. Создание археологами таких капитальных трудов, как «Ремесло древней Руси», «История культуры древней Руси», и участие их в написании многотомной «Истории русского искусства» подводят первые итоги открытий и исследований в этой области. Спор по норманнскому вопросу и вопросу о культурных влияниях и заимствованиях периодически переставал быть только научным спором: некоторые тенденциозные ученые откровенно придавали ему политический смысл, стремясь на исторических примерах доказать невозможность для России самостоятельного развития без иностранного вмешательства. Сейчас, когда авторитет и международное влияние нашей страны неизмеримо возросли, эти попытки кажутся смешными, но еще недавно советским ученым пришлось потратить немало сил для установления объективной истины.

Мы привели лишь отдельные примеры, показывающие, в какой мере археология близка к современности. Но в заключение еще раз нужно повторить главное: археология — это часть исторической науки, а история принадлежит к важнейшим наукам современности. Обобщение исторического опыта позволяет людям надеяться, что им удастся избежать ошибок прошлого и они могут с верой в счастье и прогресс смотреть в будущее.

А. Н. МОСКАЛЕНКО

О РАБОТЕ СТУДЕНЧЕСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КРУЖКОВ

(Из опыта кружка в Воронежском университете)

В учебном плане исторических факультетов университетов курсу Археологии отводится всего 36 лекционных часов. Ни практических занятий, ни полевых работ план не предусматривал. Это лишало студентов возможности познакомиться с основными типами археологических памятников и методикой их исследования. Между тем активное владение археологическим материалом крайне необходимо для будущих учителей истории, которых преимущественно выпускают университеты.

Как известно, урок истории значительно выигрывает, если в рассказе учителя используются конкретные факты из истории местного края, в том числе и археологические данные. Таким образом, сам учебный процесс требует от учителя конкретных знаний в области археологии. Кроме того, с археологическими памятниками учителю приходится сталкиваться и во внеурочное время. Школьники часто приносят в школу древние предметы. Учитель обязан объяснить им, что представляет собой данный предмет, к какому времени он относится, какое значение имел для человека. Используя любознательность учеников и их интерес к древности, учитель может организовать экскурсии на известные уже ранее археологические памятники (городища, могильники и т. п.), мобилизовать учеников на обследование окружающей местности с целью открытия новых неизвестных следов жизни далеких предков. В процессе всей этой работы накапливается интересный материал для живых, творческих внеклассных занятий, для работы кружка, для создания школьного краеведческого музея.

В археологической подготовке выпускников исторического факультета большую роль может сыграть вовлечение студентов в археологические кружки. Такие кружки существуют во многих университетах и педагогических институтах, но опыт их работы, насколько нам известно, пока еще нигде не обобщался. Ниже нам хотелось бы поделиться некоторыми соображениями о работе таких кружков, основываясь на опыте работы археологического кружка Воронежского государственного университета.

Первый вопрос, который возникает в связи с постановкой работы археологического кружка — это вопрос об его задачах.

Археологический кружок, на наш взгляд, с одной стороны, призван углублять конкретные знания студентов по общему курсу археологии, прививать им первичные навыки исследовательской работы в этой области, знакомить с методикой археологических разведок и раскопок и с приемами обработки археологических материалов. С другой стороны, студенты, занимающиеся в кружке, должны научиться тому, как использовать данные археологии в работе учителя. Вторая сторона деятельности кружка связывает студентов со школой.

В соответствии с задачами, которые мы ставим перед кружком, находятся и формы его работы.

В период летних каникул студенты-кружковцы принимают участие в экспедициях, ежегодно проводящихся на территории нашей области. Большая группа кружковцев работает в университетской экспедиции, занимающейся изучением славянских памятников, многие студенты включаются в экспедицию ИА АН СССР, изучающую позднепалеолитические памятники в с. Костенки, участвуют в исследованиях памятников раннего железного века. Отдельные студенты работали и в более отдаленных экспедициях — на Волге, в Крыму. Кружковцы ежегодно совершают экскурсии на археологические памятники в окрестностях Воронежа, проводят разведки. Участие в экспедициях и экскурсиях не только знакомит студентов с типами памятников, методикой полевых исследований, но и дает им материал для докладов в кружке.

В период учебного года кружковцы проводят обработку собранных за лето материалов и готовят доклады. Тематика большинства докладов связана с историей края и вытекает из экспедиционных работ. На кружке заслушивались доклады о позднепалеолитических стоянках и погребениях в с. Костенки, о курганах эпохи бронзы, о курганах и городищах скифского времени, о славянских памятниках Подонья, о работе палеолитической экспедиции под Сталинградом и т. д. Кроме того, студенты выступают с сообщениями о результатах раскопок наиболее интересных памятников на территории страны (древнего Новгорода, Неаполя скифского, Пазырыкских курганов). Большой интерес у кружковцев вызывает регулярно проводящаяся информация о новых книгах и отдельных статьях.

Значительное оживление в работу кружка вносит связь нашего кружка с археологическими кружками других высших учебных заведений страны. Уже несколько лет кружок ведет переписку с Харьковским университетом и Новгородским педагогическим институтом, поддерживает связь с Саратовским, Ленинградским и Московским университетами. Члены кружка ежегодно участвуют во всесоюзных студенческих археологических конференциях, организуемых по инициативе Московского университета.

Традицией в работе кружка стала связь со школами города и области. Особенно тесный контакт кружок установил с 30-й школой г. Воронежа. В этой школе учителем истории работает наша выпускница Т. С. Сегал, которая была одним из инициаторов создания археологического кружка в университете. В 30-й школе хорошо поставлена внеклассная работа по истории. Здесь функционирует несколько исторических кружков, охватывающих учащихся разных классов. В кружках, наряду с темами, посвященными современности, учащиеся изучают и древнейшее прошлое своего края, основываясь на данных археологии. Некоторые кружковцы университета взяли на себя инициативу по руководству школьными кружками. Остальные члены археологического кружка также бывают в школе, выступают перед учащимися с докладами и беседами, посвященными археологическим памятникам края, методике проведения археологических разведок, итогам экспедиционных работ. Школьники, в свою очередь, присутствуют на заседаниях археологического кружка университета, выступают с сообщениями о своей работе. Члены школьного кружка принимают участие в археологических экспедициях университета и ИА АН СССР.

Во время проведения педагогической практики студенты-кружковцы широко привлекают археологический материал на уроках и проводят внеклассные мероприятия, также связанные с археологией. Так, например, очень интересно прошло заседание школьного исторического кружка в 37-й школе Воронежа, посвященное древнейшему прошлому Воронежского края. Школьники под руководством студентки подготовили иллюстративный материал (карту распространения славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона, рисунки вещей и т. д.) и доклады, чтение которых сопровождалось демонстрацией фотографий и иллюстраций из книг через эпидиоскоп. Положительную оценку заслужила и организация экскурсий учащихся на места древних поселений.

Таким образом, археологический кружок помогает студентам в подготовке к их будущей педагогической деятельности. Кружковцы, еще будучи в университете, получают некоторые навыки использования археологических материалов в процессе урока и во внеклассной работе.

Кружок поддерживает постоянную связь с бывшими членами кружка, окончившими университет. Многие из них продолжают посещать кружок и теперь и нередко приходят на его заседания со своими учениками. С большой благодарностью вспоминают они о тех практических навыках, которые получили в кружке. Вот что пишет, например, из Башкирии бывший член кружка, ныне учительница истории Л. Н. Шарова: «Если бы мне не пришлось заниматься в археологическом кружке, то было бы много труднее работать с ребятами. Я в кружке не только получила навыки практической работы, но и узнала много интересных фактов, далеко выходящих за рамки обычного университетского курса. Знакомство с археологией — большое наше преимущество». Другая бывшая участница нашего кружка, З. М. Мочалина, пишет из Кемеровской области: «Если бы вы знали, с каким интересом слушают ребята о наших раскопках на Титчихинском городище!»

Опыт работы кружка показывает, что такую подготовку, какую получают энтузиасты-кружковцы, желательно иметь всем студентам. Поэтому мы приветствуем включение в новый учебный план полевой археологической практики. Однако уже первый опыт ее проведения, показывает, что практике необходимо предпослать хотя бы минимальное количество часов практических занятий по археологии.

Наконец, нам представляется, что было бы целесообразным на пленуме ИА АН СССР, куда съезжаются и преподаватели, читающие курс археологии в высших учебных заведениях, провести специальное заседание, посвященное подготовке специалистов-археологов и постановке археологической работы в вузах страны, готовящих учителей.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НОРВЕГИИ В I тысячелетии н. э. В СВЕТЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И ТОПОНИМИКИ

В основе общественного строя средневековой Норвегии лежит крестьянский двор, хозяйственные признаки которого мало изменялись на протяжении многих столетий[1]. Задаваясь вопросом об истоках аграрного строя в этой стране, мы вынуждены обратиться к глубокой древности.

Зачатки земледелия на Скандинавском полуострове относятся еще к неолиту. В пещерах Норвегии обнаружены стоянки конца каменного века, в которых сохранились кости домашних животных и керамика с отпечатками ячменя[2]. Предполагают, что охотники на время экспедиций забирали с собой прирученный скот; ведение домашнего хозяйства, связанного со скотоводством и земледелием, систематически прерывалось на время охоты. Найдены группы землянок, представлявшие собой, по-видимому, поселения целых родовых коллективов, например, в Карлеботне (Варангерфьорд, на Баренцовом море) на небольшой площади было расположено не менее 72 жилищ[3].

В бронзовом веке, отличавшемся в Норвегии большим своеобразием[4], земледелие сделало некоторые новые успехи: к известным ранее ячменю и пшенице присоединились овес, просо и лён. Кое-где наряду с мотыгой стали применять деревянную соху. В противоположность натуралистическим наскальным рисункам каменного века, в бронзовом веке получают распространение символические картины, на которых, наряду с условными изображениями кораблей, вооруженных или сражающихся людей, процессий, оружия и круга, обозначавшего солнце — источник плодородия, встречаются фигуры пахарей, повозки с впряженными лошадьми и быками[5].

В середине I тысячелетия до н. э. в Скандинавии начался железный век. Переход к нему происходил в обстановке ухудшения климатических условий: понизилась среднегодовая температура, лето сделалось более влажным, холодным и коротким, вершины гор вновь покрылись вечным льдом и снегом; исчезли или стали редкими некоторые животные, изменилась флора Скандинавского полуострова. Большинство ученых полагает, что изменение климата послужило основной причиной сдвигов, происшедших

---

[1] Мы не касаемся пока изменений в средних размерах сельскохозяйственных дворов, в составе их населения и в отношениях собственности на принадлежавшую двору землю.

[2] Южнее Бергена, в местности Рускенес, среди костей оленей и тюленей найдены кости домашнего скота (быков, овец и свиней). См. A. Brinkman, H. Shetelig. Ruskenesset. Norske Oldfunn, III. Kristiania, 1920.

[3] См. A. Holmsen. Norges historie, I. Oslo, 1949, стр. 50—52 (раскопки Нумедаля).

[4] Культура бронзы получила распространение в основном лишь в южных частях Скандинавии — в Дании и части Швеции. В Норвегии изделий из бронзы было чрезвычайно мало, они преимущественно приобретались на юге, и орудия труда по-прежнему изготовлялись из камня. Некоторые ученые (L. Weibull. Det arkeologiska treperiodsystemet. Nordisk historia. Forskningar och undersökningar, I, Stockholm, 1948) вообще сомневаются в применимости к северным областям Скандинавии понятия «бронзовый век». А. Бреггер называет его «каменно-бронзовым веком» («Steinbronzezeit») (A. W. Brøgger. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums. Oslo, 1926. стр. 134). Во всяком случае, культура энеолита неравномерно охватила разные части Норвегии; на севере и в лесных и высокогорных районах продолжала удерживаться культура неолита.

[5] H. Shetelig, H. Falk. Scandinavian Archaeology. Oxford, 1937, стр. 158—159.

в этот период в земледелии и скотоводстве и заключавшихся в первую очередь в переходе к прочной оседлости, в сооружении постоянных жилищ — первых сельскохозяйственных дворов в Норвегии в настоящем смысле этого слова [6]. В то время как прежде домашних животных можно было в течение круглого года оставлять на подножном корму, в «субатлантический период» возникла необходимость в стойловом содержании скота в зимние месяцы и в заготовке кормов. Другую причину изменений в материальной жизни скандинавов усматривают в том, что переселения кельтских племен в Центральной Европе отрезали жителей Севера от источников снабжения их бронзой и вынудили перейти к добыче и обработке железа. Однако А. Бреггер решительно отказывается видеть связь между переменами в климате и нововведениями в хозяйстве в этот период и считает, что последние были обусловлены лишь «культурно-историческими отношениями», а именно соприкосновением с римской культурой, заимствованием у римлян железа [7]. Так или иначе, лишь при переходе к культуре железа, доступного в несравненно более широких масштабах, чем исчезнувшая теперь бронза, в Норвегии начался подлинный век металла и создались новые возможности для развития земледелия, игравшего до того подчиненную роль [8].

Положение изменилось в так называемый римский период, когда объединение ряда народов Европы под властью Рима открыло новые возможности для установления связей между ними и северными племенами. Скандинавские воины, подобно другим германцам, служили на границах Римской империи. От первой половины I тысячелетия н. э. на Севере сохранились многочисленные находки римских изделий из бронзы и железа, клады римских монет (серебряные денарии конца II — начала III в. и золотые солиды середины IV в.) [9], не применявшихся в Скандинавии в качестве средств обмена. В Остланне (Восточная Норвегия) открыты погребения с полным набором римского оружия.

В этот период норвежцы начали изготавливать из железа орудия труда. Раскопки дают железные топоры, кирки, серпы, мотыги.

Показателем культурного развития скандинавских племен служит руническая письменность, древнейшие памятники которой относятся к началу III в. Надписи рунами на камнях, скалах, оружии, утвари делались и другими германцами, но бо́льшая их часть обнаружена в Норвегии, где они были в употреблении на протяжении всего I тысячелетия н. э. С точки зрения изучения хозяйственной жизни скандинавов в этот период представляют несомненный интерес значения отдельных знаков рунического алфавита («старшие руны»): faihu — скот, имущество; winja — пастбище; egeis — лошадь; opal — наследство, земля.

Таким образом, с распространением культуры железа в Норвегии началось подлинное земледелие, являющееся отныне не побочным занятием при охоте и скотоводстве, а отраслью хозяйства, определяющей весь образ жизни населения. Как уже отмечалось, центром экономического развития стал сельский двор. В связи с этим изучение социально-экономической истории Норвегии в железный век должно опираться в первую очередь на анализ данных археологии и топонимики о сельскохозяйственных дворах, ибо письменные памятники появляются в Норвегии чрезвычайно поздно. В раннее средневековье скандинавы знали лишь руническое письмо. Собственно письменность получает распространение с XI в., а имеющиеся памятники (записи обычного права, саги и др.) дошли до нас в редакциях XII и XIII вв. Естественно, восстановить по ним развитие общества в предшествующий период крайне трудно. Хотя исследование юридических источников до некоторой степени позволяет вскрыть в них более ранние редакции, в свою очередь опирающиеся на старинную устную традицию, время, к которому следует приурочить последнюю, сплошь и рядом невозможно с уверенностью определить. Саги, повествующие о событиях IX—XI вв., переносят в это время многие черты, присущие обществу, в котором они были записаны, т. е. Исландии и Норвегии конца XII и XIII в.

---

[6] См. S. Hasund. Eit klimaskifte for 2000 år sidan. Meldinger fra Norges Landbrukshøiskole. Oslo, 1926.

[7] A. W. Brøgger. Kulturgeschichte des norwegischen Altertums, стр. 29—31, 141. Первое документальное свидетельство о жителях Скандинавии — рассказ греческого путешественника Пифея из Массилии (около 330 г. до н. э.) — гласит, что северные народы занимались земледелием и, в отличие от южан, молотили зерно не на открытом воздухе, а в помещениях. Ultima Thule, о которой говорит Пифей, по-видимому, была Норвегией. Однако В. Стефанссон утверждает, что Пифей посетил Исландию. См. V. Stefansson. Ultima Thule: Further Mysteries of the Arctic. London, 1942.

[8] Железный век наступил на Севере позднее, чем в южных странах Европы, и первоначально из железа изготовлялись только оружие и мелкие предметы обихода (ножи, булавки). Орудия труда оставались преимущественно еще каменными, костяными и деревянными. См. O. Rygh. Om den aeldre Jernalder i Norge. Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København, 1869.

[9] P. Hauberg. Skandinaviens Fund af romerisk Guld- og Sølvmynt før Aar 550. Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie. København, 1894; A. W. Brøgger. Ertog og Øre. Videnskapsselskapets skrifter, II, Oslo, 1921.

* * *

В течение последних двух-трех десятилетий в Норвегии ведется интенсивная работа по изучению истории крестьянских дворов и общинных распорядков. Институт сравнительного изучения культур в Осло организовал целую серию исследований в этой области. Они осуществляются как путем изучения этнографического материала, так и путем археологических раскопок и анализа наименований дворов и разных категорий угодий. К настоящему времени накоплено много данных, которые отчасти уже обобщены и опубликованы, отчасти же нуждаются в дальнейшем обсуждении [10].

Из числа проблем, возникающих при изучении собранного материала, особенный интерес для понимания социально-экономической структуры древней Норвегии, на наш взгляд, представляют две, тесно связанные между собой: проблема сельскохозяйственного двора как общественной ячейки и проблема общины. Существо этих проблем вкратце сводится к следующему. Наиболее распространенной формой аграрного поселения в средневековой и современной Норвегии является обособленный двор, хутор. Однако среди историков второй половины XIX — начала XX в. (А. Мейцен, А. Гансен, А. Тарангер и др.) было распространено мнение, что древнейшая стадия аграрного развития Норвегии характеризовалась, как и у других германских народов, наличием сельской общины. Изучение письменных источников, как и этнографического материала, не подтвердило этой точки зрения, и возобладала теория об исконности хуторской системы.

Соглашаясь в этом пункте, современные историки расходятся в понимании производственных и общественных отношений в рамках хуторской системы. Одни признают наличие тесных общинных связей между отдельными дворами, обусловленных совместным пользованием пастбищами, лесами и прочими угодьями (О. Олафсен, О. А. Йонсен, К. Эстберг, К. Хафф, Эдв. Булль и др.). Кроме того, историки этого направления подчеркивают, что в древности и в раннее средневековье отдельный двор обычно занимала не индивидуальная семья, а более широкий коллектив — большая семья. В связи с этим они отрицают существование в указанный период частной собственности на землю. Напротив, историки другого направления утверждают, что хуторская система поселения сочеталась с индивидуальной собственностью на землю, и делают вывод об исконности последней. Известным представителем второго направления среди современных скандинавистов является датский археолог Г. Хатт [11], нашедший сторонников своих взглядов и в Норвегии [12]. Г. Хатт полагает, что частная и общинная собственность не были двумя формами, эволюционирующими одна из другой, а всегда сосуществовали, что, по его мнению, доказывается данными раскопок на территории Дании. На самом деле утверждения Г. Хатта вытекают не из анализа археологического материала, а из определенных идеологических позиций, на которых стоит в настоящее время значительная часть зарубежных историков [13].

Для дальнейшего изучения вопроса о наиболее ранних формах аграрных поселений в Норвегии немалый интерес представляют исследования, проведенные за последние годы в районе Ерен (Юго-Западная Норвегия) Институтом сравнительного изучения культур в Осло и Ставангерским музеем. Здесь была изучена группа доисторических дворов в местностях Naerbø и Varhaug. Отчет о произведенных раскопках опубликован О. Меллеропом [14].

Изучение остатков домов, других частей раскопанных усадеб, а также захоронений свидетельствует о том, что двор Bø, расположенный в средней части местности Naerbø, был древнейшим из обнаруженных здесь. На основании находок его возникновение можно датировать бронзовым веком. Вокруг этого двора на территории приблизительно 7×4 *км* располагался целый ряд других дворов. Бо́льшая их часть возникла позднее, чем Bø. Заслуживают внимания названия этих дворов. Bø, By, Boer означает «жилище», «поселение», «усадьба». Очевидно, этот двор был в свое время единственным на значительной территории, и поэтому его древнее население не нуждалось в том, чтобы дать ему более конкретное наименование. В Норвегии насчитывается более ста

---

[10] H. Vogt. Report on the Activities of the Institute for Comparative Research in Human Culture in the Years 1939—1945. Oslo, 1946; его же. Report on the Activities of the Institute for Comparative Research in Human Culture in the Years 1945—1955. Oslo, 1956; A. Holmsen, H. Bjõrkvik, R. Frimannslund. The Old Norwegian Peasant Community. The Scandinavian Economic History Review, т. IV, № 1, 1956. Библиографию см. А. Я. Гуревич. Норвежская община в раннее средневековье. Сб. «Средние века», вып. XI, 1958, стр. 6—7.

[11] G. Hatt. Das Eigentumsrecht an bebautem Grund und Boden. Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. Jahrg. 3, тетр. 2, 1955.

[12] A. W. Brøgger. Den nye bondestand på Jaeren for 2000 år siden. SMÅ, 1946, стр. 29—30.

[13] Для понимания идейных взглядов Г. Хатта и их связи с его научными построениями определенный интерес представляет его доклад «Der Norden und Europa» (Essen, 1944), в котором он выступал как ревностный сторонник гитлеровского «нового порядка» в Европе.

[14] O. J. Møllerop. Gård of gårdssmfunn i eldre jernalder. SMÅ, 1957.

дворов, называвшихся By или Bø. Известным специалистом в области норвежской топонимики Магнусом Ольсеном установлено, что когда вокруг «первоначальных» дворов возникли другие, более позднего происхождения, то древнейшие дворы сделались центрами округов, в них сплошь и рядом находились местные языческие святилища [15]. По мнению М. Ольсена, разделяемому другими норвежскими учеными, усадьбы, в названия которых входят в качестве компонентов такие слова, как -land («поле», «участок»), -stad, -stadir («место») и некоторые другие, принадлежали к более позднему времени и обычно являлись результатом выселок, отпочкований от «материнского двора» [16].

Показательно, что дворы, окружавшие усадьбу Bø в Naerbø, имели именно такие названия: Bjåd l a n d, Tor l a n d, Njøl s t a d, Gaus l a n d, Gudme s t a d и т. п. [17]. Некоторые из этих названий — Bjådland и Bjårhaug — были производимыми от Bø («поле двора Bø», «курган двора Bø»), что указывает на определенную зависимость соответствующих усадеб от старого двора. Эти «дочерние» дворы, судя по обнаруженным в них погребениям, возникли преимущественно уже в железный век, а часть их — в период «великого переселения народов». Пахотные участки у каждого двора были отдельные, но угодья, прежде всего пастбища, использовались совместно группами хозяйств, составлявших в этом смысле общину [18].

Более детальное изучение отдельных поселений в местности Naerbø позволило археологам сделать другое важное открытие. В юго-западной части этой территории раскопан двор Klauhauane. В нем обнаружены остатки 17 домов, расположенных кольцом, внутрь которого были обращены их выходы [19]. Дома были небольшие, с одним помещением внутри, длиной 10—12 *м*. Культурный слой достигает 1 *м*. Двор был заселен в течение весьма длительного времени; изучение обнаруженных вещей позволяет утверждать, что это поселение было обитаемо с конца I до конца IV в. н. э. Мнения археологов относительно характера подобных поселений разделились. Х. Лунд, изучивший аналогичные дворы в Северной Норвегии, утверждает, что они представляли собой резиденции предводителей (хавдингов) в позднеримский период и в эпоху викингов [20]. Однако применительно к двору Klauhauane эта гипотеза не подходит. Ей противоречит характер погребений. Раскрытые захоронения отнюдь не свидетельствуют о больших богатствах жителей этого двора, хотя, по мнению О. Меллеропа, указывают на их «благосостояние» [21]. Другую точку зрения на этот вопрос выдвинул С. Григ. Он полагает, что двор Klauhauane представлял собой «примитивное укрепление» [22]. О. Меллероп справедливо отмечает, что местоположение этого двора не дает оснований согласиться и с этим мнением. Отметим, со своей стороны, что независимо от того, был двор укреплен или нет, его структуру необходимо объяснить исходя из взаимоотношений между его жителями. Иное объяснение предлагают Я. Петерсен и О. Меллероп. Они считают, что такого рода селения представляли собой деревни (landsby) [23], в которых жили большие семьи. В этой связи проводится параллель с трипольскими поселениями [24].

Мнение об общинном характере поселения в Klauhauane и других подобных дворах (в Рогаланне раскопаны четыре или пять таких поселений) представляется наиболее обоснованным. Изучение остатков дворов, расположенных в непосредственном окружении Klauhauane, привело О. Меллеропа к выводу, что эти дворы были расположены на территории, первоначально входившей в сферу хозяйственной деятельности жителей Klauhauane, и что некоторые из «периферийных» дворов возникли в то время, когда двор Klauhauane был оставлен, т. е. на рубеже IV и V вв.

Мы не можем, однако, согласиться с другим заключением О. Меллеропа. Он полагает, что распад большой семьи, жившей в Klauhauane, привел к созданию индивидуальных дворов (enkeltgårder) [25]. Между тем, приводимый им же материал, как нам кажется, этому противоречит. Новые дворы состояли из больших домов, в которых вряд ли жили «малые» семьи. Так, во дворе Hanabergshagen раскопаны два дома (один длиной 28 *м*, другой — 10,5 *м*), расположенных один подле другого. Во дворе Sudabergsbrode обнаружены остатки двух домов, также стоящих вместе, длиною 25—30 *м* каждый [26]. Подобные дворы, по аналогии со многими другими, обнаруженными в

---

[15] M. O l s e n. Farms and Fanes of Ancient Norway. Oslo, 1928, стр. 57, 65—67, 123, 230, 247—251; е г о ж е. Norge. NK, V (Stedsnavn), Stockholm. 1939, стр. 21.

[16] M. O l s e n. Farms and Fanes, стр. 124—157. См. ниже, стр. 229 слл.

[17] O. J. M ø l l e r o p. Ук. соч., стр. 28—29.

[18] Там же, стр. 26.

[19] См. фотографию Klauhauane в SMÅ, 1957, стр. 43.

[20] H. E. L u n d. Håløygske høvdingeseter fra jernalderen. SMÅ, 1955.

[21] O. J. M ø l l e r o p. Ук. соч., стр. 47.

[22] S. G r i e g. The House in Norwegian Archaeology. Acta Archaeologica, 1942, стр. 169.

[23] O. J. M ø l l e r o p. Ук. соч., стр. 45, 47; J. P e t e r s e n. Leksaren. Viking, т. II, Oslo, 1938, стр. 151, сл.

[24] O. J. M ø l l e r o p. Ук. соч., стр. 45, 52; A. H a g e n. Studier i jernalderens gårdssamfunn. Universitetets oldsaksamlings skrifter, т. IV, Oslo, 1953, стр. 324—325.

[25] O. J. M ø l l e r o p. Ук. соч., стр. 47.

[26] Там же, стр. 42, 43.

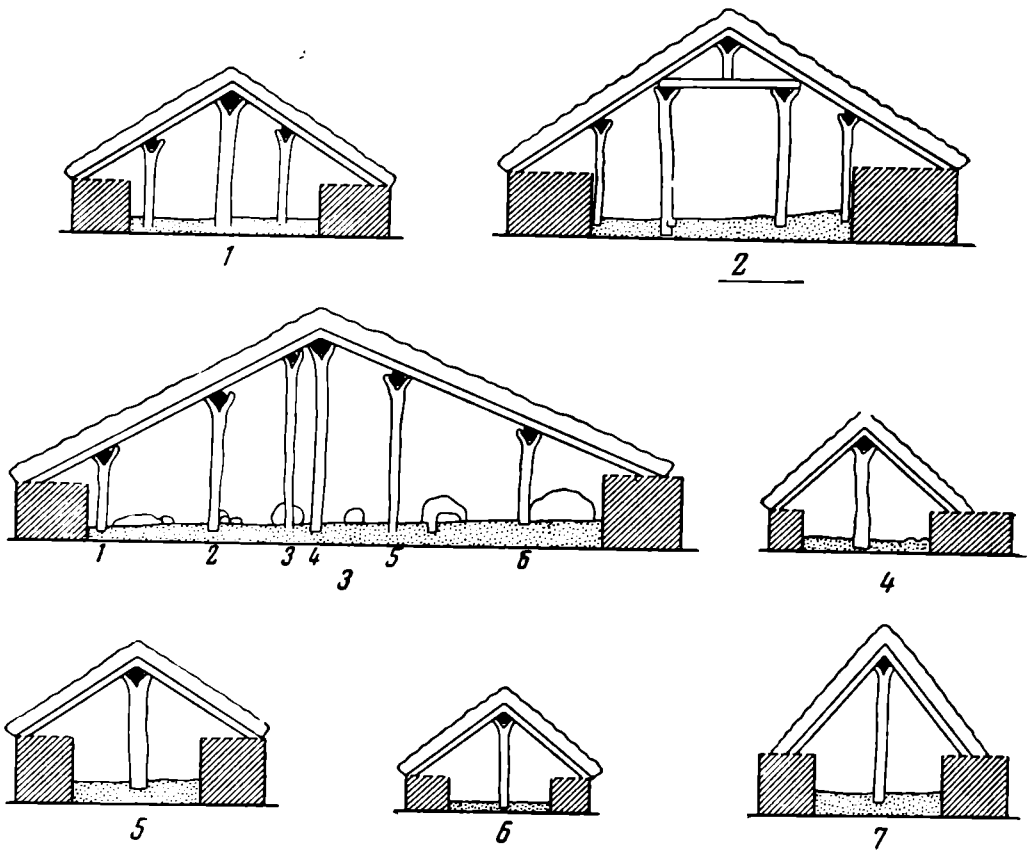


Рис. 1. Поперечный разрез домов (реконструкция)

этом же районе, по-видимому, следует считать поселениями больших семей (ниже мы рассмотрим их подробнее). На это же указывает и другое обстоятельство. На территориях этих дворов найдены немногочисленные насыпи-погребения, как уже отмечалось, отнюдь не типа «захоронений хавдингов», но, по словам О. Меллеропа, свидетельствующие о богатстве и, прибавим, о значительном социальном весе тех, над чьим прахом они воздвигались. Предполагается, что это были погребения глав больших семей, патриархов, которых, естественно, хоронили на территории двора и память о которых бережно хранили. Погребения других жителей этих дворов не обнаружены. Таким образом, распад коллектива, жившего в Klauhauane, привел на рубеже IV и V вв. не к ликвидации домовой общины большой семьи, а к возникновению нескольких подобных же коллективов. Форма поселения изменилась: на смену куче малых домов индивидуальных семей, составлявших большесемейную общину, возникли крупные продолговатые дома, в которых большие семьи, образовавшиеся в результате раздела старого коллектива, продолжали вести свое хозяйство. Возможно, что состав этих «вторичных» больших семей был несколько более узким, чем «первоначальной», но как социальное явление патриархальная семья сохранила свою роль.

Этот вывод подтверждается изучением структуры дворов в Юго-Западной Норвегии в последующий период — IV—VI вв. Время «великого переселения народов» рассматривается современными норвежскими археологами как непосредственное продолжение позднеримского периода [27]. Особенно интересны раскопки дворов в областях Рогаланн и Агдер. Усилиями Я. Петерсена, С. Грига, А. Хагена и других археологов здесь открыты и изучены остатки многочисленных домов, относящихся к железному веку [28]. Большинство раскопанных усадеб датируется IV—VI вв. (период «великого переселения народов»), некоторые восходят к еще более раннему времени, а наряду с этим обнаружены дворы VII и следующих веков [29]. Вблизи домов открыты погребения людей, живших в них, и собраны различные предметы их обихода [30].

[27] W. Sloman. Folkevandringstiden i Norge. SMÅ, 1955, стр. 64.

[28] S. Grieg. Jernaldershus på Lista. Oslo, 1934; J. Petersen. Gamle gårdsanlegg i Rogaland, т. I—II, Oslo, 1933, 1936; A. Hagen. Ук. соч., 1953.

[29] Я. Петерсеном раскопано в Рогаланне и Ерене около 50 домов. С. Григ изучил остатки 11 домов. Раскопки А. Хагена обнаружили целиком усадьбу Sostelid с тремя домами и некоторыми другими сооружениями. Всего на этой территории раскопано примерно 75 остатков домов в более чем сорока разных местах. См. J. Petersen. Forhistoriske gårdsanlegg i Rogaland. Undersøkelser gjennom 25 år. SMÅ, 1951, стр. 16.

[30] О погребениях этого периода В. Сломан пишет: «Роскошно обставленных княжеских захоронений нет. Даже самые богатые могилы содержат вещей не более, чем

Дома, имеющие различные размеры, относятся к одному типу. Они представляли собой длинные прямоугольные строения с низкими каменными стенами и крышей, поддерживаемой столбами (в земляном полу домов обнаружены ямки от этих столбов). В зависимости от размеров дома столбы шли в один, два или в несколько рядов. По мнению С. Грига, двускатная крыша опиралась не на каменную кладку стен, а на деревянные подпорки. Снаружи она, по-видимому, была покрыта торфом (рис. 1) [31]. Толщина стен 1—2 *м*, высота от 0,8—1 *м* (Lista) до 1,5 *м* (Sostelid). Дома иногда имели одно помещение, зачастую же несколько комнат, разделенных каменной кладкой (см. ниже). Окон не было, свет попадал в помещение лишь через вход и отверстие для дыма в крыше. В некоторых домах наряду с жилыми помещениями находились и стойла для скота [32]. В средней части жилых помещений обнаружены очаги, иногда — по нескольку. В селении Lista С. Григ нашел примитивные очаги, представлявшие собой простые углубления в земле, иногда обмазанные глиной.

Изучение всей совокупности собранных данных приводит к выводу, что население этих дворов занималось земледелием и скотоводством. В ряде случаев следов полей обнаружить не удалось. Там же, где они найдены, они оказываются очень небольших размеров. Так, в Sostelid общая площадь двух клочков земли, находившихся под обработкой, составляла всего $2^1/_5$ акра. В усадьбе Lyngaland, в которой, как будет показано далее, жило много народа, возделываемая площадь равнялась примерно 12 акрам. Нужно, однако, отметить, что для Норвегии небольшая площадь пахотной земли при крестьянском дворе представляет собой обычное явление и в гораздо более позднее время, чем железный век. Исследования почвы обнаружили большую примесь древесного угля: поля были расчищены от леса путем его выжигания. Очевидно, вспашка производилась при посредстве норвежской разновидности сохи (ard), отваливавшей землю в обе стороны [33]. Один и тот же участок пахали из года в год [34]. Большую роль в хозяйстве играло скотоводство. В раскопанных дворах обнаружены обширные помещения для домашнего скота. По расчетам А. Хагена, в больших усадьбах этого периода содержали от 40 до 70 коров, в меньших дворах — по 30. Главным занятием населения была заготовка фуража для крупного рогатого скота. Разводили и мелкий скот, в частности овец, находивших себе зимой пищу на пастбищах, входивших в состав усадьбы. Пастбища отделялись от полей изгородью, в основание которой были положены камни. Наряду с земледелием и скотоводством рыбная ловля и охота являлись важными источниками питания людей раннего железного века.

Значительная часть дворов раннего железного века, раскопанных в Рогаланне, была заброшена в конце VI — начале VII в. А. Хаген высказывает мысль, что поскольку для удобрения почвы здесь применялся древесный уголь, окружающие леса подверглись с течением времени значительному истреблению, после чего участки были оставлены населением [35]. Другие ученые полагают, что причиной опустения дворов явилась эпидемия [36]. Однако далеко не все дворы были заброшены; часть их продолжала существовать в эпоху раннего средневековья.

Наряду с небольшими строениями найдены остатки очень крупных домов, подчас площадью в 100, 150, 200 $м^2$ и более. Рассмотрим некоторые из этих сооружений.

1. Sostelid (в Агдере). Это единственная усадьба в Норвегии, раскопанная целиком. А. Хаген нашел здесь остатки узкого продолговатого дома, длиною 35 *м*. На расстоянии 60 *м* от этого дома находился другой, еще более крупный. Его длина достигала 45 *м*, при ширине 6 *м*. Часть дома, в которой отсутствуют остатки очагов, использовалась, по-видимому, для содержания домашних животных. В нескольких метрах от этого дома находился третий дом, к одной из стен которого примыкало огороженное камнями пространство неправильной формы, вероятно, загон для скота, длиной 35 *м*. В пределах усадьбы обнаружено восемь или девять погребений под курганами. Поскольку двор, по расчетам А. Хагена, был населен примерно в течение 200 лет (с IV по VI в.), а размеры домов указывают на многочисленное население, то число погребений оказывается крайне незначительным. Однако такая же картина наблюдается и при раскопках других усадеб Рогаланна. А. Хаген высказывает предположение, что могильные холмы насыпались только над захоронением главы семьи в память о нем, прах же рядовых членов коллектива не обнаружен.

Помимо перечисленных выше сооружений, в поселении Sostelid неподалеку от

можно было бы ожидать от состоятельного крестьянина и торговца. Наряду с этим мы имеем массу одинаковых находок погребений представителей обеспеченных крестьянских семей». W. Sloman. Ук. соч., стр. 69. Ср. J. Petersen. Bosetningen i Rogaland i folkevandringstiden. Viking, т. XVIII, Oslo, 1954, стр. 18.

[31] S. Grieg. Ук. соч., табл. XLI, *1—7*.

[32] Следов деревянных хозяйственных построек не сохранилось.

[33] См. H. Stigum. Plogen. Bidrag til bondesamfundets historie, т. I, Oslo, 1933; P. V. Glob. Ard og plov i Nordens oldtid. Aarhus, 1951. См. А. Я. Брюсов. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953). СА, 1957, № 2, стр. 265—267.

[34] И в средние века в Норвегии под пар землю оставляли нерегулярно, лишь на четвертый-шестой год. Зато благодаря значительному развитию скотоводства землю очень тщательно удобряли.

[35] A. Hagen. Ук. соч., стр. 231 сл.

[36] O. J. Møllerop. Ук. соч., стр. 22, 24.

усадьбы обнаружено прямоугольное в плане сооружение (30 × 10 *м*), сложенное из камней неодинакового размера и с трех сторон обнесенное каменной стеной. Сверху оно покрыто слоем земли. А. Хаген считает, что это сооружение являлось местом для отправления религиозных обрядов. Среди камней обнаружен красивый топор типа, характерного для неолита; такие орудия в ранний железный век использовались при языческих церемониях.

О полях, принадлежавших этому поселению, упоминалось выше. По выкладкам А. Хагена, в стойлах в Sostelid могло содержаться примерно 40 коров.

А. Хаген полагает, что в Sostelid проживала большая семья, члены которой вели общее хозяйство, хотя каждая из входивших в ее состав групп (индивидуальных семей), занимавшая отдельный дом или его часть, пользовалась известной независимостью в рамках коллектива [37]. Установить численность последнего, разумеется, невоз-

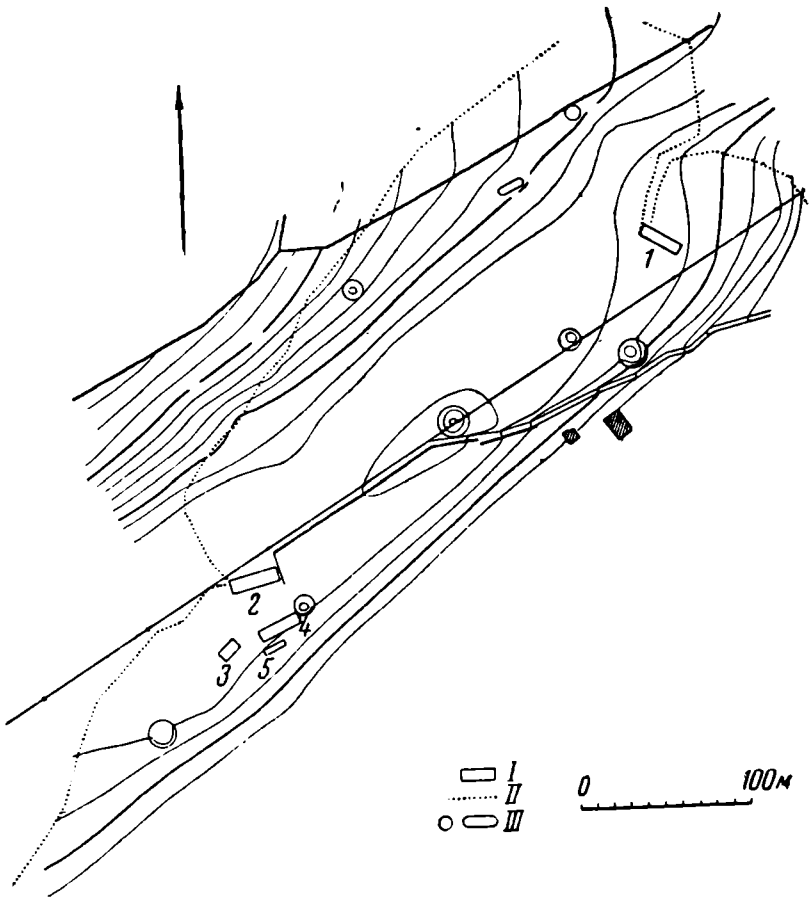


Рис. 2. План двора Birkeland

I—дома; *II* — каменная ограда; *III* — курганы; *1* — *5* — нумерация домов

можно. Исходя из предполагаемого количества крупного рогатого скота, А. Хаген высказывает мысль, что для обеспечения 40 голов фуражом требовалось от 7 до 12 работников. Кроме них, в усадьбе жили дети, женщины и старики, не принимавшие участия в этих работах. Если эти расчеты правдоподобны, то население Sostelid должно было состоять из нескольких десятков человек.

2. Lyngaland (в Ерене, округ Рогаланн). Здесь обнаружены остатки двух больших домов, расположенных рядом и окруженных каменной стеной. В пределах сграды находились пахотные участки. Размеры усадьбы 400 × 410 *м*. К большому дому примыкает ограда, от которой идет проход для скота длиною 50 *м*; по этому огороженному проходу скот выгоняли на пастбище. На территории усадьбы находится более 90 куч камней, частично сложенных при расчистке почвы под пашню, частично же представлявших собою могильные насыпи (рис. 4)[38]. Раскопаны две насыпи, но никаких находок в них не обнаружено.

Больший из домов имел длину 62,5 *м*, ширину 7—8 *м*. Он состоял из пяти помещений, идущих одно за другим. Во всех них имелось по нескольку очагов и следы столбов, поддерживавших крышу. Каждая из комнат имела отдельный вход. Толщина каменных перемычек 1—2 *м*. Рядом с домом находился неглубокий выложенный камнями колодец. В этом доме вместе с людьми жили, по-видимому, и домашние животные.

[37] A. Hagen. Ук. соч., стр. 157.

[38] Там же, стр. 121 (план).

Второй дом имел длину 30 *м*, ширину 6,5 *м* и состоял из одного помещения. В нем в разных местах находилось много очагов. Толщина стен 1—1,5 *м*. Выход был на той стороне, где находился соседний дом [39].

Уже отмечалось, что пахотная площадь в Lyngaland равнялась примерно 12 акрам. Датировка поселения Я. Петерсеном — конец IV — начало VI в.

А. Хаген предполагает, что помещения в Lyngaland могли вмещать до 60—70 крупных домашних животных. Для заготовки фуража на такое количество скота нужны были 10—20 работников. Соответственно можно представить себе общую численность населения этой усадьбы. По-видимому, и в данном случае перед нами двор большой семьи (домовая община).

3. Storrsheien (в Рогаланне) — один из крупнейших и лучше всего сохранившихся дворов. Состоял из шести строений. Усадьба обнесена низким каменным валом,

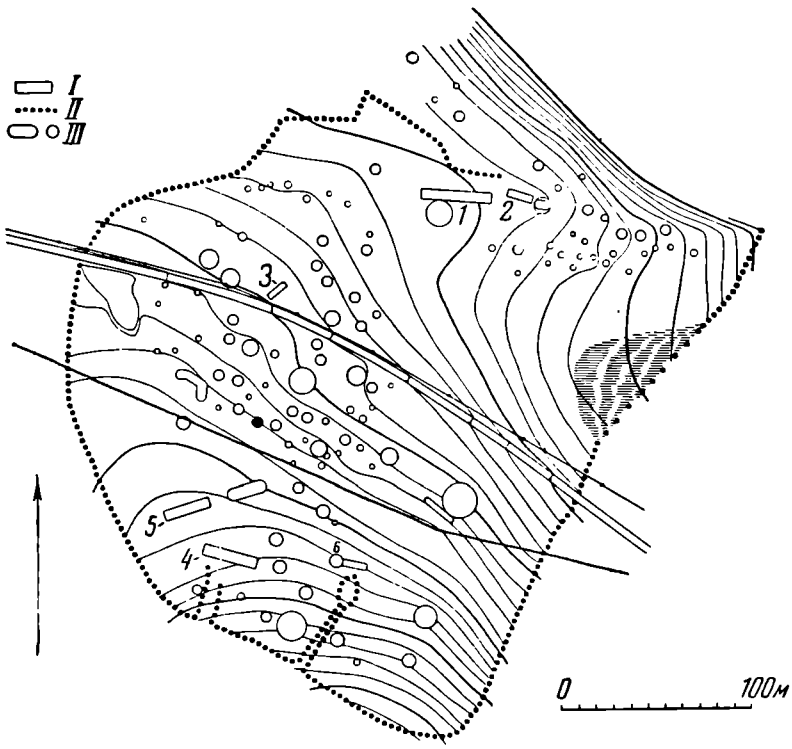


Рис. 3. План усадьбы Storrsheien

I — дома; *II* — каменная ограда; *III* — кучи камней; *1—6* нумерация домов

площадь — 400 × 400 *м*. В пределах ограды находятся около 100 насыпей — могил или куч камней, собранных при расчистке под пашню. Три дома Я. Петерсен относит к концу IV в., другие — к более позднему периоду. Поселение было заброшено лишь в первой половине IX в.

Рассмотрим сначала дома, построенные в IV—V вв. [40] (рис. 3).

Первый дом [41] имеет размеры 39,5 × 7,75 *м*. В нем два помещения, большое и малое. Остатки очагов обнаружены в обоих помещениях. В стене дома найдено погребение с небольшим количеством предметов домашнего обихода, относящееся к первой половине IX в., тогда как дом датируется эпохой «переселения народов».

Второй дом небольшой, 15 × 5,75 *м*, с одним помещением и одним очагом. Судя по обнаруженным предметам, здесь производилась выделка бронзовых и серебряных изделий.

Третий дом находился в 50 *м* от первого и имел наружные размеры 20 × 7,2 *м*. В нем было одно помещение. Найдены остатки трех очагов. Здесь, по-видимому, было стойло. От дома к пастбищу идет огороженный проход.

Двор Storrsheien разросся в «эпоху викингов». Новые дома [42] датируются началом IX в.

Первый дом имел размеры 18,5 × 6,75 *м* и состоял из одного помещения. В его стене при входе найдено погребение. Очаг расположен посередине; другой очаг, меньших размеров, в стороне.

Второй дом имеет размеры 35,5 × 9 *м*. В нем одно помещение с тремя входами. Несколько очагов, один из них главный,— в центре. Находки (черепки и другие предметы) сосредоточены преимущественно в средней части дома. От этого дома также

[39] См. реконструкцию домов: J. Petersen. Forhistoriske gårdsanlegg i Rogaland..., стр. 23, рис. 3.

[40] J. Petersen. Gamle gårdsanlegg i Rogaland, т. I, табл. LX, *1, 3, 6*.

[41] Там же, табл. XXIX, *1*.

[42] Там же, табл. LX, *2, 4, 5*.

шел огороженный проход для скота на пастбище. Это дает основание предположить, что в одном из концов дома содержали домашних животных.

Третий дом имеет в длину 29 *м* и наибольшую ширину 7,6 *м*. В нем также одно помещение с четырьми входами. Один очаг. Часть пола занята каменной кладкой. Подобная кладка встречается и в некоторых других раскопанных Я. Петерсеном домах.

Скотоводство в Storrsheien, как, очевидно, и в других описанных выше дворах, было главным занятием населения. Тем не менее земледелие здесь играло отнюдь не малую роль: пахотные участки занимали площадь до 18 акров.

И в Storrsheien население, несомненно, было относительно многочисленным в течение всего периода, когда двор находился под обработкой. По мнению норвежских археологов, здесь тоже жила большая семья.

4. Birkeland (в Рогаланне). Двор с трех сторон окружен каменной оградой, с четвертой к нему примыкает болото. Пахотная площадь равняется примерно 16 акрам. В пределах усадьбы было расположено пять домов, три из них относятся к IV—V вв. Здесь же восемь могильных холмов (рис. 2) [43].

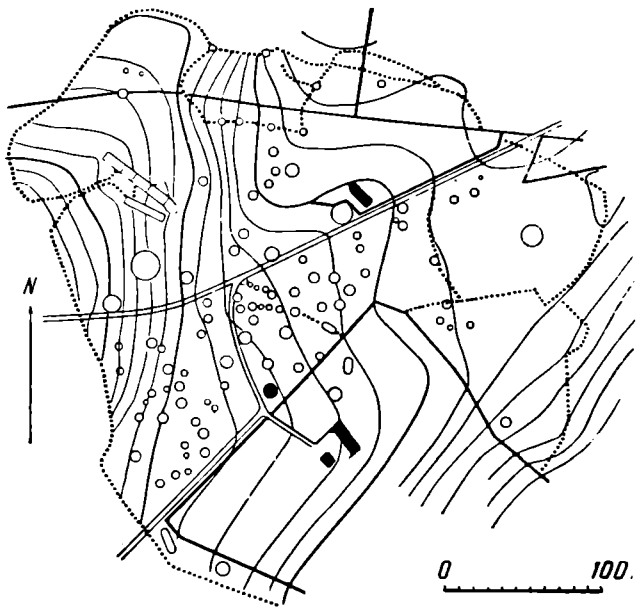


Рис. 4. План усадьбы Lyngaland

Первый дом состоит из одного помещения площадью 25 × × 5 *м*. В одной стороне пола — каменная кладка размерами 9,5 × 2,5 *м*. Два очага. От дома идет огороженный проход для скота к выгону.

В 300 *м* от первого дома находятся два других. Один из них имеет помещение площадью 27 × 6 *см*. Вещи найдены преимущественно в одной стороне помещения, служившей для жилья, тогда как противоположная его часть использовалась под стойло.

Третий дом отстоит от второго лишь на несколько метров. Он невелик: в нем одно помещение 16 × 4,5 *м* (также с каменной кладкой вдоль стены, длиной 7 *м*).

В нескольких метрах от него расположены два других дома, датируемых VII, VIII вв. Один занимает площадь 26 × 6,75 *м* и имеет два помещения с отдельными входами. Имеются очаги. Другой дом, 18,5 × 5,25 *м*, состоит из четырех небольших помещений. Следовательно, общая площадь домов в Birkeland, относящихся к более позднему времени, была меньше, чем площадь домов эпохи «великого переселения народов».

Я. Петерсен полагает, что в Birkeland в IV—V вв. существовало два отдельных хозяйства, имевших, однако, общие поля в пределах ограды [44]. Отметим, со своей стороны, что и в разобранном выше случае со Storrsheien также можно предположить наличие двух хозяйств, опять-таки совместно пользовавшихся пашней и угодьями.

Тип поселения, характер домов были в основном одинаковы во всей Юго-Западной Норвегии в указанный период [45]. Более того, обобщенный в книге А. Хагена материал свидетельствует о распространении аналогичных поселений в Дании, Швеции и других странах [46]. Рассмотрение данных о размерах домов приводит к выводу, что большие дома (площадью в 100 $м^2$ и более) были характерны для поселений раннего железного века в этом районе. Другие области Норвегии дали пока сравнительно немного подобных материалов. За дворами такого типа закрепилось название «дворов времени великого переселения народов» [47]. Для относительно более позднего времени мы распо-

[43] A. Hagen. Ук. соч., стр. 129 (план).

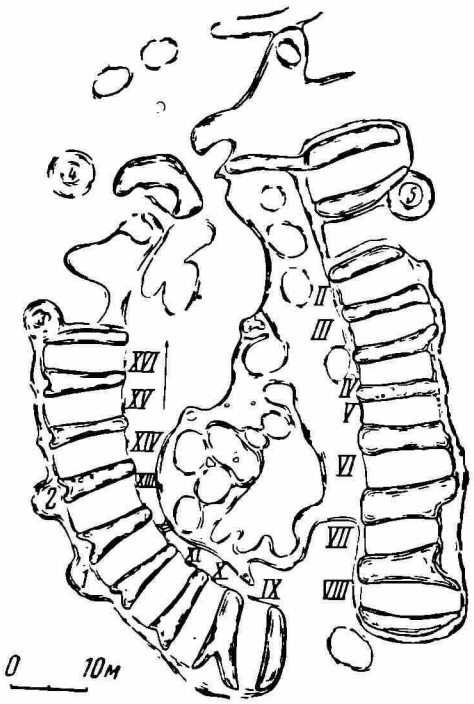
[44] Впоследствии Я. Петерсен высказал мнение, что в этот период в Birkeland было три отдельных двора. См. J. Petersen. Bosetningen i Rogaland i folkevandringstiden, стр. 11.

[45] За последние годы в этом районе раскопаны еще более крупные дворы, чем описанный выше Lyngaland. Обнаружено жилое строение длиной 90 *м*. В ряде пунктов по нескольку домов было расположено рядом, обычно параллельно. См. O. Rønneseth. Nokre problem frå gardssamfunnet på Jaeren. Heimen, т. X, 1955. (Нам эта работа известна по литературе).

[46] A. Hagen. Ук. соч., стр. 163—180.

[47] O. J. Møllerop. Ук. соч., стр. 22. Археологи, изучавшие дворы этого типа, высказывали мысль, что распространение культуры каменных домов и сопровождавших их погребений с установившимся набором вещей (глиняные сосуды определенной

лагаем ограниченным количеством данных. Имеющиеся все же публикации, касающиеся раскопок дворов VII—VIII вв., позволяют высказать предположение, что и в этот период отчасти продолжали строить крупные дома, либо использовали старые большие постройки [48]. Наряду с ними, однако, распространяется тип более скромного по своей площади дома, и обнаруженные остатки дворов в Рогаланне, датируемых IX в. и позднее, свидетельствуют об усилении именно этой тенденции. Есть все основания для вывода о переходе от современного поселения большой семьи к поселению дворами, находившимися во владении индивидуальных семей [49].



Охарактеризованные выше черты поселения, хозяйства и общественной организации не были исключительной принадлежностью в Юго-Западной Норвегии. Подобные же формы существовали и в других областях страны [50]. Даже в наиболее северной части Норвегии, где следует предполагать особенное развитие охоты и рыболовства, основой жизни в эту эпоху были скотоводство и земледелие, связанное с прочным поселением больших семей дворами. Более того, А. Бреггер пришел к выводу, что граница распространения земледелия в VI—X вв. проходила севернее, чем в XII—XIII вв. [51].

Этот вывод, основывающийся на значительном археологическом материале, очень важен для оценки некоторых письменных известий о Северной Норвегии. Древнейшим достоверным сообщением о ней (не говоря о полулегендарных рассказах античных авторов о Thule) является запись, произведенная в конце IX в. англо-саксонским ко-

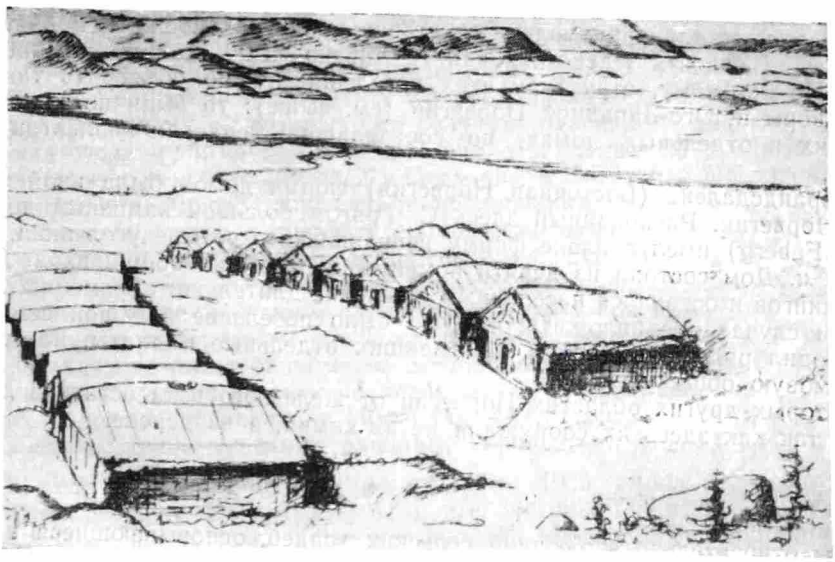


Рис. 5. Схема и реконструкция двора Steigen

I — XVI — нумерация домов; *1* — *6* — нумерация курганов

формы, подвески, золотые вещи, бронзовые и стеклянные сосуды) связано с иммиграцией в Юго-Западную Норвегию нового населения. В последние годы эта гипотеза оспаривается. См. A. Herteig. Er folkevandringstidens ekspansjon i Rogaland båret av innvandrere eller er den et indre anliggende? Viking, т. XIX, 1955.

[48] См. выше. Ср. J. Petersen. Gamle gårdsanlegg i Rogaland..., т. I, стр. 66—67.

[49] A. Hagen. Ук. соч., стр. 185, сл.; его же. The Norwegian Iron Age Farm. Universitetet i Bergen. Årbok 1955. Historisk — antikvarisk rekke. Bergen, 1956, стр. 56—58.

[50] См. например, S. Marstrander. Hovedlinier i Trøndelags forhistorie. Viking, т. XX, 1956, стр. 41—42; K. Lindøe. En hustuft fra eldre jernalder på Sunnmøre. Bergens Museums Årbok, 1930. Historisk-antikvarisk rekke, № 7, Bergen, 1931.

[51] A. W. Brøgger. Nord-Norges bosetningshistorie. Oslo, 1931, стр. 25, 26, 28, 33.

ролем Альфредом со слов норвежца Оттара и включенная в сделанный им же перевод на английский язык истории римского писателя Орозия.

Оттар, являвшийся, по собственным его словам, наиболее знатным человеком в северной части Хологаланна (Северная Норвегия), посетил Англию во время торговой поездки и оставил любопытные сведения о жизни в Северной Норвегии, а также в Бьярмеланне (район Северной Двины или Кольский полуостров — ?). В частности, Оттар рассказывал, что он обладает большим богатством, заключавшимся в собираемой им дани с финнов, живших под его властью. О собственном же хозяйстве Оттар сообщил только, что у него много оленей и, кроме того, имеются коровы, овцы и свиньи, а «то немногое, что он вспахивает, он пашет на лошадях».

На основании этого рассказа некоторые историки были склонны заключить, что в Хологаланне земледелие играло совершенно второстепенную роль в жизни населения, занимавшегося преимущественно скотоводством, охотой и рыбной ловлей (которую, кстати, Оттар забыл упомянуть). Археологические данные заставляют пересмотреть эту точку зрения. Обнаруженные в этом районе поселения позднего железного века носят ярко выраженный земледельческий характер [52]. Последние раскопки в Хологаланне, произведенные в районе Andøy-Senja (1954 г.), обнаружили группу дворов того же типа, что и в Рогаланне. Здесь найдены остатки каменных домов длиной 13—19 *м*, шириной 5—6 *м*. В усадьбах открыты погребения, вещи из которых позволяют отнести поселения к ранней эпохе викингов, т. е. ко времени Оттара. Усадьбу Greipstad, в которой наряду с группой других строений найдены остатки более крупного дома, длиною около 30 *м*, некоторые предположительно считают «усадьбой Оттара» [53].

В Хологаланне обнаружено несколько групп домов. Дворы IV—V вв. отличаются от дворов «эпохи викингов» тем, что первые состояли из 12 небольших домов, расположенных двумя полукругами вокруг огороженного места в центре двора, тогда как вторые характеризовались наличием уже 16 более крупных домов (до 10 *м* длиной), также расположенных в два ряда (рис. 5) [54]. Как уже упоминалось, Х. Лунд высказывает мысль, что эти дворы были владениями хавдингов [55]. Однако он не приводит никаких убедительных доказательств. Между тем его точка зрения встречает серьезные возражения. Принимая во внимание, что эти дворы были заселены в течение длительного времени, нужно предположить (если согласиться с гипотезой Х. Лунда) существование целых «династий» правителей, иными словами, наличие в Северной Норвегии с незапамятных времен устойчивой власти хавдингов, что вряд ли правдоподобно.

Один из таких дворов был расположен на о. Тьотта (южный Хологаланн). Но относительно этого острова от конца «эпохи викингов» мы имеем прямое указание в сагах, что здесь жили одни мелкие крестьяне; лишь на рубеже X и XI вв. их земли перешли в собственность знатного хавдинга Харека, сына скальда Эйвинда Скальдаснииллера [56]. По-видимому, структуру этих поселений нужно объяснять так же, как и подобные дворы в Юго-Западной Норвегии (см. выше): то были поселки родственников, живших в отдельных домах, но составлявших единый коллектив — семейную общину.

В Гудбрандсдалене (Восточная Норвегия) форма домов была иной, чем в Юго-Западной Норвегии. Раскопанный здесь С. Григом большой каменный дом в Gilberg (местность Fåberg) имел в плане форму неправильного четырехугольника, со сторонами 24 и 19 *м*. Дом состоял из девяти помещений, имевших общий вход. Двор возник в эпоху викингов и оставался населенным в течение длительного времени [57]. Приходится и в данном случае предположить, что это было поселение большой семьи, в состав которой входил ряд малых семей, занимавших отдельные комнаты, но составлявших единую домовую общину.

В некоторых других областях Норвегии от железного века остатков домов не сохранилось, так как здесь их сооружали не из камня, а из дерева.

* * *

Выводы относительно эволюции сельских усадеб, основывающиеся на материале раскопок, находят подтверждение и дальнейшее развитие при привлечении данных топонимики. Работа по сбору и обработке географических названий началась в Норвегии давно и получила большой размах. Названия дворов, общей численностью примерно в 50 тысяч, сведены в обширный каталог, изданный Олуфом Рюгом [58]. Крупнейшим исследователем этих названий является Магнус Ольсен, основывающий свои работы по топонимике на изучении общего развития страны. Наблюдения, сделанные

---

[52] A. W. Brøgger. Nord-Norges bosetningshistorie, стр. 35—37.

[53] P. Simonsen. Ottar fra Hålogaland. Tromsø, 1957, стр. 8.

[54] H. E. Lund. Ук. соч., рис. 1 и 2.

[55] Там же, стр. 101—107.

[56] См. Snorri Sturluson. Heimskringla. Oláfs saga helga, 104. kap. Íslenzk fornrit, т. XXVII, Reykjavík, 1945, стр. 175.

[57] M. Stenberger. Byggnadsskicket under förhistorisk tid i Sverige, Norge och Finland. NK, XVII (Byggnadskultur), Stockholm, 1952, стр. 60.

[58] O. Rygh. Norske Gaardnavne, т. 1—18. Christiania, 1897—1924.

М. Ольсеном [59] и некоторыми другими учеными [60] при анализе названий дворов, приняты в норвежской исторической науке и обладают большой убедительностью.

В силу особенностей исторических судеб Норвегии (отсутствие завоеваний и вторжений других народов,медленность экономического развития, изолированность поселений) поселения, возникшие в глубокой древности, не уничтожались и не приходили в забвение, как это имело место в истории других народов. Исключительная преемственность поселений [61] открывает необычайные возможности для изучения их названий. Наименования многих дворов, зафиксированные в наиболее ранних письменных источниках (саги, дипломы и др.) и подчас насчитывавшие уже ко времени записи этих памятников не один век своего существования, оказываются почти совершенно неизменившимися вплоть до новейшего времени [62]. Это и позволяет рассматривать названия поселений как важные исторические памятники.

Специалисты по топонимике прежде всего выделяют ряд классов названий дворов с различными корнями. Наиболее крупными классами считаются названия, в которых встречаются слова -ruð, -vin, -heim(heimr), -staðir, -land, -setr, -boer, а также названия дворов без словосочетания. Эти классы довольно обширные, в каждый из них входит большое количество названий. Так, имеются данные не менее чем о 1000 дворах с названием на -vin, приблизительно о таком же числе дворов, в названиях которых встречается -heim, о 2500 дворах с названием на -staðir; дворов, в названиях которых встречается слово -land, около 2000, слово -setr в топонимике повторяется 900 раз и т. д.

Дворы, входящие (в связи со своими названиями) в тот или иной класс, обычно характеризуются некоторыми сходными признаками, позволяющими предположить, что они возникли в определенную эпоху и в одинаковых исторических условиях. Руководствуясь рядом критериев (характер и структура самих названий, данные археологии, показания наиболее древних исторических источников, распространенность характерных названий дворов в определенных районах и т. д.) и двигаясь в ретроспективном направлении, историкам удается установить, к какому времени относится появление дворов со специфическими названиями и какова была социальная роль этих дворов.

Не представляет особой трудности сделать вывод, что чрезвычайно многочисленные (почти 3000) дворы с названиями на -ruð (от rydning, «расчистка») возникли позднее, чем дворы, названия которых принадлежат к другим упомянутым классам. Именно для этой категории названий более всего характерно наличие в их составе имени владельца — основателя двора. Бросается в глаза наличие в названиях дворов на -ruð большого числа христианских имен, появившихся в Норвегии в результате распространения католицизма, что дает основание относить эти дворы ко времени не ранее начала XI в. [63]. Во многих других случаях названия дворов на -ruð содержат указания на ремесленную профессию их основателей. Koppargarð (двор токаря), Skinnargarð(двор кожевника), Sutargarð(двор сапожника), Kambargarð(двор гребенщика) и т. п., а иногда и на несвободное их происхождение — Naudgengsruð (двор раба) или приниженное положение (Kotarð, Kotkarlsruð, двор бедного поселенца). Обращает на себя внимание и тот факт, что приходские церкви, основанные обычно в довольно крупных дворах, от которых они получали название [64], никогда не имеют в составе названия слова -ruð, но очень часто слова -vin, -heim, -staðr, -land. Большинство дворов с названиями на -ruð находится в Остланне, в Восточной Норвегии, где в XII — XIII вв. происходила широкая внутренняя колонизация [65]. Распространенность дворов указанной категории является показателем масштабов колонизации [66]. Напрашивается вывод, что эти дворы представляли собой выселки, занимаемые сыновьями бондов, принужденными покинуть усадьбы своих отцов, либо дворы, жители которых принадлежали преимущественно к низшим слоям норвежского общества [67].

Для понимания истории дворов с названиями, отнесенными к другим классам, существенное значение имеет знакомство с топонимикой сельских поселений в колониях, заселенных норвежцами в эпоху викингов (в Исландии, Гренландии, на Фарерских, Шетландских и других островах, в Ирландии и Северной Англии) [68]. Таким путем можно установить, какие названия давались норвежцами у себя на родине дворам,

---

[59] M. Olsen. AEttegard og helligdom. Oslo. 1926 (Англ. перевод: Farms and Fanes of Ancient Norway. Oslo, 1928); его же. Norge. Stedsnavn, NK, V, 1939.

[60] A. Bugge. Om hvorledes Norge var bygget i vikingetid og middelalder. Historisk tidsskrift, 5 Raekke, т. 4, Oslo, 1920.

[61] См. A. Holmsen. Problemer i norsk jordeiendomshistorie. Historisk tidsskrift, т. 34, Oslo, 1947, стр. 221—222.

[62] M. Olsen. Farms and Fanes, стр. 13, 16, 69—74.

[63] Kristínarruð, Pétrsruð, Jónsruð.

[64] Из 950 приходских церквей в Норвегии около 850 названы по двору, в котором они расположены.

[65] A. Bugge. Ук. соч., стр. 367—435.

[66] О внутренней колонизации свидетельствуют и многие другие названия дворов, говорящие о расчистке и выжигании лесов под пашню (Brenna, Svea, Rönning, Bråten). Напротив, сокращение площади возделываемой земли после «Черной смерти» (середина XIV в.) нашло свое отражение в появлении названий дворов, говорящих о том, что они были надолго заброшены (Aune, Aunan, от auðr — пустошь; Öigården — пустующий двор и др.)

[67] M. Olsen. Farms and Fanes, стр. 119—122; его же. Norge. NK, V, стр. 16.

основывавшимся в IX—X вв., когда происходила колонизация островов «Западного моря», ибо естественно, что названия того же типа они стали давать своим усадьбам и в новых местах поселения. Оказывается, в Исландии не появилось названий дворов на -vin, -setr и появилось очень немного на -heim, так как подобная номенклатура уже вышла из употребления в Норвегии к эпохе викингов. Зато в Исландии, с одной стороны, широкое распространение получили названия мелких дворов на -staðir, а с другой — названия крупных владений первых поселенцев типа Hof («храм»), Boer («поселение») и т. п. и дворы с составным названием на -boer, -byr (опять-таки от Boer); в дворах последнего типа было основано сравнительно много церквей, что указывает на высокое общественное положение их владельцев [69]. Норвежские названия дворов на -boer, -byr принадлежат, по мнению М. Ольсена, к эпохе викингов, хотя возникли они, по-видимому, несколько ранее, с чем и связано их распространение в норвежских колониях. В самой Норвегии насчитывается много дворов с названием Boer (Byr). Это были крупные дворы, являвшиеся центрами сельских округов. Вследствие такого их центрального положения у их обладателей не возникало потребности дать своим усадьбам более конкретное наименование, нежели просто «двор», «жилище». Интересно, далее, что в Южной Норвегии встречается немало дворов, которые первоначально носили названия на -boer, а впоследствии изменили их на -grend [70]. Grend означает «соседское поселение». Подобное изменение названий говорит о превращении отдельных дворов в общины с рядом хозяев. М. Ольсен приходит к выводу, что крупные усадьбы стали делиться еще до начала походов викингов; недаром стали появляться соседские дворы с названиями Austbyr и Vestbyr (т. е. «Восточный двор» и «Западный двор»).

Другая широко распространенная в эпоху викингов как в Исландии, так и в Норвегии категория дворов — с окончаниями на -staðir — характеризуется сочетанием слова staðir («место») с личным именем или кличкой. Но, в отличие от названий дворов на rud, в названиях этого класса христианские имена почти не встречаются. С помощью археологии удается установить, что класс дворов с названиями на -staðir относится преимущественно к VII—VIII вв. Однако и эти дворы не являлись «первоначальными» усадьбами; их появление связано с разделами более древних усадеб, с расчистками нови. Присутствие личного имени в названии двора свидетельствует о том, что двор был поселением индивидуальной семьи. Таким образом, разделы дворов больших семей, действительно, начались еще до эпохи викингов [71].

Дворы с названиями на -land («земля») и -setr («огороженный участок», «пастбище») также восходят к языческому времени, ибо в их названиях часто встречаются имена древнескандинавских богов [72]. Эти названия применялись обычно к огороженным полям и пастбищам-сетерам, связанным с «материнскими» усадьбами. Но со временем названия на -setr и -land стали обозначать самостоятельные дворы, что указывает на обособление отдельных частей старых усадеб и превращение их в дворы индивидуальных хозяйств. Подчас такие дворы выделялись для зависимых людей; об этом говорят названия, подобные Traelasta ir («двор раба»), Kotland («участок с хижиной») и др. С помощью археологии (см. выше) дворы с названиями на -land можно отнести (по крайней мере, в Юго-Западной Норвегии) к IV—VI вв. [73]. Дворы на -setr в Тренделаге восходят к VII—X вв. [74].

Топонимика вскрывает и более ранний класс дворов, для которых типичны названия на -heimr и -vin, не связанные с личными именами. Зато в них часто встречаются имена языческих богов. В сагах дворы на -heimr упоминаются в качестве владений конунгов и других знатных лиц — хавдингов [75]. Иногда слово heimr входило в название не двора, а более обширной территории; таков Þrandheimr (название области Тронхейм). Дворы на -heimr, на основании археологических данных, следует относить к первой половине I тысячелетия н. э. Отсутствие личного элемента в подобных названиях доказывает, по мнению М. Ольсена, что названия на -heimr («дом», «родина») принадлежали «родовым дворам высокого социального положения» [76].

Что касается дворов с названиями на -vin, то следует иметь в виду древнее значение этого слова: winja означало «пастбище», и такое значение оно сохраняло и в

[68] Особый интерес в этом отношении представляет изучение «Книги о заселении Исландии» (Landnámabok Islands), в которой изложена история основания каждого крупного двора в период, когда на остров переселялись первые колонисты, т. е. в конце IX и начале X в. См. O. Larusson. Island. NK, V, стр. 60 сл.

[69] Среди дворов этого класса встречаются дворы с названиями Karlabyr, Þegnabyr (Karl, Þegn — обозначения представителей свободного населения) и Holdaboer (hauldar, хольды — привилегированная верхушка крестьянства в Норвегии).

[70] Hallalandsboer — Haddelandsgrend. См. Olsen. Norge. NK, V, стр. 23.

[71] M. Olsen. Norge. NK V, стр. 24—26; его же. Farms and Fanes, стр. 97—123.

[72] Þørsland, Fløysland, Frøyssetr (от имен богов Тора и Фрея). Ср. многократно повторяющиеся названия Hofland, Helgaland, Hofsetr, Helgasetr; hof — языческое капище, helga — священный.

[73] J. Petersen. Bosetningen i Rogaland i folkevandringstiden, стр. 23—25.

[74] M. Olsen. Farms and Fanes, стр. 124—157.

[75] O. Rygh. Topografiske Oplysninger til Kongesagaerne, Historisk tidsskrift. 3. R, т. IV стр. 240, сл.

[76] M. Olsen. Norge, стр. 29.

«старших» рунах, исчезнув затем из древненорвежского языка. Однако оно встречается в названиях многих дворов (до тысячи). Очевидно, названия пастбищ перешли на дворы в период возникновения последних. В этом превращении отразился переход от преимущественно скотоводческого хозяйства бронзового века к оседлому земледельчески-скотоводческому хозяйству раннего железного века. Имеющиеся данные позволяют констатировать, что дворы этого класса являлись крупными поселениями больших семей, занимавшими подчас центральное положение в местностях, где они были расположены, также в первой половине I тысячелетия н. э.[77]. Это предположение подтверждается раскопками дворов с названиями на -vin: в них обнаружены предметы II—IV вв.[78].

Некоторые же простые названия дворов, без словосочетания, восходят, по мнению норвежских топонимистов, к бронзовому веку, ибо эти названия не могут быть объяснены из истории древнескандинавского языка[79].

Обзор различных классов наименований дворов в Норвегии был дан нами в ретроспективном плане; вслед за исследователями этих названий мы двигались от позднего материала к раннему. Что́ дал этот по необходимости краткий обзор для уяснения вопроса о судьбах семейной общины? Нам представляется, он прежде всего подтвердил выводы, основывающиеся на археологическом материале, и позволил распространить их на всю Норвегию, ибо раскопки производились лишь в отдельных ее районах, а данные топонимики, несравненно более многочисленные, относятся ко всем частям страны. Изучение названий дворов обнаруживает с большой определенностью хронологический рубеж, на котором семейная община перестает быть доминирующей социально-экономической ячейкой и, отнюдь не исчезая и далеко не сразу утрачивая свое значение, начинает вместе с тем постепенно уступать место хозяйственной организации нового типа — индивидуальной семье. Этот рубеж следует отнести к VIII—IX вв., хотя, разумеется, в разных частях Норвегии развитие шло неравномерно. Установление этого факта имеет большое значение для понимания всей совокупности процессов, протекавших в норвежском обществе в эпоху викингов, ибо распад больших семей означал важный, может быть, даже решающий момент в истории формирования индивидуальной собственности на землю со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Изучение номенклатуры сельских дворов обнаруживает не только расселение норвежцев на все большей территории, но указывает и на связь этой колонизации с важными сдвигами в обществе. Норвежские исследователи справедливо подчеркивают различия в социальной значимости дворов разных категорий и выделяют наряду с крупными усадьбами богатых одальбондов (собственников) мелкие поселения людей, представлявших низшие слои общества. Наличие, с одной стороны, усадеб с названиями вроде Gladvin («Дом радости»), Fagrvin («Прекрасная обитель»), Gullvin («Золотой двор»), Rikheim («Богатый дом»)[80] и т. п. и, с другой, дворов, именуемых, подобно упомянутым выше, Traelastaðir или Kotland, имеет прямое отношение к социальной структуре и о многом говорит историку.

* * *

Открытия, сделанные норвежскими археологами за последнее время, дают основание несколько пересмотреть вопрос о наиболее ранней форме аграрного поселения в Норвегии. Новые данные не опровергли, на наш взгляд, распространенного мнения, что такой формой был обособленный двор. Природные условия, прежде всего — крайняя ограниченность земельной площади, пригодной под обработку (особенно при примитивной земледельческой технике раннего железного века), не позволяли создавать большие деревни и вынуждали бондов селиться разбросанно. Но раскопки дворов в Рогаланне (Kaupangane), и в Хологаланне («усадьбы хавдингов») свидетельствуют о том, что в отдельных местностях, где благоприятствовали условия, поселения деревенского типа все же возникали, и их можно проследить до очень отдаленной эпохи, вплоть до I в. н. э. Степень распространения этих первобытных деревень остается невыясненной, но их наличие в ряде случаев, по-видимому, прочно установлено. После нескольких веков существования эти групповые поселки по неизвестным для нас причинам пришли в запустение; их сменили обособленные большие дворы.

Однако (и это необходимо подчеркнуть), независимо от формы поселения, первобытный аграрный двор не представлял собой индивидуального хозяйства с частной собственностью на землю, как это пытаются доказать Г. Хатт и некоторые другие современные буржуазные историки и социологи. Приведенный выше материал о сельскохозяйственных дворах в Норвегии в позднеримский период, в период «великого переселения народов» и в эпоху викингов дает солидную основу для утверждения,

---

[77] M. Olsen. Farms and Fanes, стр. 199—200.

[78] H. Shetelig. Préhistoire de la Norvège. Oslo, 1926, стр. 163; S. Grieg. Hadelands eldste bosetningshistorie. Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo, II, 1925. Oslo, 1926, стр. 94 сл.; B. Hougen. Fra seter til gård. Oslo, 1947, стр. 99—105.

[79] H. Olsen. Norge, стр. 30; его же. Farms and Fanes, стр. 213, сл.

[80] A. Holmsen. Norges historie, т. I, стр. 84.

что общественной ячейкой вплоть до VIII—IX вв. в этой стране была большая семья, составлявшая в хозяйственном отношении домовую общину [81]. Члены этого коллектива совместно использовали земли, входившие в усадьбу или примыкавшие к ней. Хозяйства больших семей, расположенные в одной местности, сообща использовали пастбища, леса и воды. Таким образом, эти угодья представляли собой обширные марки, принадлежавшие ряду дворов и называвшиеся альменнингом — «общей землею» [82].

Рассмотренные выше данные со всей убедительностью опровергают мнение некоторых историков, склонных считать большую семью вторичным образованием по отношению к индивидуальной малой семье. Так, К. Вюрер пишет, что большая семья — это «разросшаяся малая семья» [83]. На самом деле поселения больших семей сменили существовавшие до них поселки родового типа. Если попытаться представить себе численность населения деревень типа Klauhauane или в Хологаланне, то придется признать, что она значительно превышала число жителей самых больших домов типа Lyngaland. В этой связи можно высказать предположение, что большая семья в своем развитии прошла две стадии: на первой она была особенно крупной, охватывая значительное число сородичей вплоть до довольно отдаленных степеней, на второй стадии ее состав сузился до родственников трех поколений по мужской линии. Большую семью такого состава можно проследить по норвежским судебникам. Но и в них этот коллектив предстает перед нами еще не вполне обособившимся из более широкого круга сородичей.

Изучение структуры дворов вместе с тем показывает, что входившие в большую семью парные («малые») семьи занимали обычно отдельные помещения в общем большом доме или обособленные дома в групповом поселке. Какие-то элементы индивидуального хозяйствования в рамках коллектива имели место. Таким образом, к домовой общине указанного периода, по-видимому, можно применить мысль К. Маркса о дуализме первобытной общины, которой общая собственность и обусловленные ею общественные отношения придавали прочность, в то время как индивидуальный характер жилья, производства и присвоения служил источником ее разложения [84].

В свете данных археологии и топонимики становятся яснее постановления обычного права Западной Норвегии («областные законы» Фростатинга и Гулатинга). Не вызывает сомнения, что многие положения «областных законов» применялись задолго до их первой записи, произведенной в XI в. В «областных законах» можно почерпнуть много сведений о большой семье, которая в период их составления еще кое-где сохранялась, но переживала процесс интенсивного разрушения.

В этих судебниках, в частности, говорится о происходивших время от времени разделах пахотной земли в рамках семейной общины между входившими в нее индивидуальными семьями. В судебниках детально определяются правила раздела земли сородичами. В них проводится разграничение между двумя формами раздела. Первая форма — раздел пахотной земли под индивидуальную обработку. Исходя, очевидно, из практических соображений, члены семейной общины выделяли в пользование отдельных «малых» семей, входивших в ее состав, части пашни. Хозяйственная общность большой семьи при этом, однако, окончательно не нарушалась, так как разделы носили временный характер и сопровождались переделами участков. «Законы Гулатинга» — судебник, действовавший в Юго-Западной Норвегии — содержат предписания, на основании которых можно заключить, что выделенные во временное пользование пахотные участки огораживались, однако на их границах еще не ставились межевые камни — знаки собственности. Не производилось при временных разделах и обмера участков, по-видимому, потому, что возможные споры легко могли быть разрешены путем передела. Изменение хозяйственных условий могло привести даже к восстановлению совместного хозяйства. При разделе земли в пользование право собственности по-прежнему оставалось за большой семьей. Описанная форма раздела не приводила сама по себе к распаду семейной общины, но, несомненно, его подготавливала.

Указания судебников на временные разделы земли между членами семейной общины представляют особый интерес. Как известно, существование у европейских народов общины с систематическими переделами земельных участков почти не нашло своего отражения в источниках, так как эти переделы прекратились еще до «варварских завоеваний». В Норвегии, где социально-экономическое развитие шло медленнее, в судебниках можно обнаружить некоторые указания на пережитки общинных переделов, не имевших, тем не менее, уравнительного характера. Эта специфика ранней истории Норвегии делает знакомство с нею поучительным в общеисторическом смысле, ибо на ее материале можно познакомиться с ранними стадиями социального раз-

---

[81] В. И. Равдоникас, изучивший структуру больших домов Старой Ладоги VII—VIII вв., пришел к выводу, что они представляли собой «тип патриархально-семейного жилища». См. В. И. Равдоникас. Старая Ладога. Часть II. СА, XII, 1950, стр. 32, 34.

[82] Подробнее см. А. Я. Гуревич. Ук. соч., стр. 13, 18, сл., 26—27.

[83] K. Wührer. Beiträge zur ältesten Agrargeschichte des germanischen Nordens, Jena, 1931. Критику подобных взглядов см. М. О. Косвен. Семейная община. СЭ, 1948, № 3, стр. 5—6.

[84] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 681, 691, 694—695.

вития, которые были пройдены и другими народами, но подчас ускользают из поля зрения историков.

В сохранившихся редакциях судебников упор сделан, естественно, на другую форму раздела земли — окончательный раздел собственности между выделявшимися из домовой общины индивидуальными семьями. Но эти разделы получили распространение в более поздний период, чем тот, который мы сейчас рассматриваем, и на разборе соответствующих постановлений мы не будем задерживаться [85]. Археологический материал показывает, с одной стороны, более раннюю стадию развития большой семьи, когда она, в силу общинного характера собственности и производства, отличалась значительной устойчивостью, а с другой — внутреннюю ее структуру, содержавшую в себе потенцию того раздела коллектива и его владения, которая осуществилась гораздо позднее. Как мы видели, дома больших семей характерны для периода, завершающегося примерно в VIII—IX вв. В последующее время типичной формой жилой постройки становится сравнительно небольшой дом, жилище «малой» семьи. Это наблюдение, находящееся в полном соответствии с заключениями, сделанными на основе названий дворов, помогает определить, к какому времени относятся наиболее ранние части «областных законов»: постановления, регулирующие родовые связи и рисующие отношения собственности в рамках домовой общины, отражают обычаи, сложившиеся задолго до эпохи викингов.

Изложенным выше ни в коей мере не исчерпывается круг вопросов социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э., возникающих в связи с изучением археологического материала. Мы оставляем в стороне проблему общественной дифференциации, встающую при анализе погребений, относящихся к эпохе викингов. Не касались мы и сложного вопроса о предпосылках политического объединения в рамках всей страны или в отдельных ее крупных областях, на который отчасти проливают свет опять-таки данные раскопок [86]. Можно упомянуть и вопрос об экономических связях между разными частями Норвегии и между норвежцами и другими народами. Перечень таких проблем можно было бы увеличить. Мы не останавливаемся на этих проблемах по нескольким причинам. Прежде всего, поставленный в данной статье вопрос о характере поселений является решающим по своему значению. Выводы, которые можно сделать при изучении древних форм поселения в Норвегии, представляются нам более обоснованными, чем заключения, делаемые историками при анализе погребений. Последние, вне сомнения, дают известный материал, на основе которого можно говорить об имущественном расслоении и о социальном неравенстве в Норвегии в эпоху викингов. Достаточно просто назвать погребения хавдингов [87] или знаменитые находки викингских кораблей конца IX в. [88]. Но, по нашему глубокому убеждению, даже наличие богатого археологического материала вряд ли может послужить основой для заключений о степени дифференциации старого общества и зрелости новых форм социальных отношений и не позволит сделать оправданные выводы относительно тех качественных изменений, которые совершались в норвежском обществе в эпоху викингов. Констатация богатых хавдингов и бедных и зависимых людей, сколь сама по себе ни интересна она, не может приблизить нас к уяснению общественной структуры в целом, ибо имущественные и социальные различия существовали уже и при общинно-родовом строе, где, как известно, были и вожди, и патриархальные рабы. Но такая констатация мало о чем говорит, а большего на основе погребений, по-видимому, сказать нельзя. Решающим для понимания характера общественного строя должен быть анализ письменных источников, в свете которых можно более правильно понять данные археологии [89].

А. Я. Гуревич

---

[85] См. А. Я. Гуревич. Большая семья в Северо-Западной Норвегии в раннее средневековье (по судебнику Фростатинга). Сб. «Средние века», вып. VIII, 1956, стр. 85—87, 95.

[86] См. H. Koht. Norsk politisk historie i forhistorisk tid. Innhogg og utsyn i norsk historie. Kristiania, 1921.

[87] См., например A. W. Brøgger. Borrefundet og Vestfoldkongernes graver Skrifter utgit av Videnskapsselskapet i Kristiania. 1916 II, Hist.-filos. Kl., Kristiania, 1917; S. Grieg. Gjermundbu funnet. En høvdingegrav fra 900 — årene fra Ringerike. Oslo. 1947; A. E. Herteig. Gilefunnene på Østre Toten. Viking, т. XIX. 1955.

[88] A. W. Brøgger, H. Falk. H. Shetelig. Osebergfundet, I—II. Kristiania, 1917; G. Gjessing. The Viking Ship Finds. Oslo, 1957.

[89] Сказанное относится и к руническим надписям, дошедшим от изучаемой эпохи в большом числе. Некоторые из них в какой-то мере проливают свет на общественный строй Норвегии, но и на их основе вряд ли можно решиться на обобщения. Осторожность в данном случае нужна тем более, что подчас возникают серьезные разногласия в расшифровке надписей. Так, одна из известнейших надписей (камень в Tune VI в.) была прочтена С. Бугге (Norges Indskrifter med de aeldre Runer. Udg. ved S. Bugge. I, Christiania, 1891, № 1) и К. Марстрандером (C. J. S. Marstrander. Tunestenen Nordisk Tidsskrift for Sprogvidenskap, т. IV. Oslo, 1939) совершенно по-разному По С. Бугге, в надписи речь идет о ближайших наследницах — дочерях, которые поставили камень над могилой своего отца, по К. Марстрандеру же — о дочерях рабынь и о мужчинах, являющихся наследниками покойного.

ЕЩЕ ОБ АМУЛЕТЕ ИЗ ГОРГИППИИ

В вышедшем недавно в Болгарии сборнике в честь акад. Д. Дечева [1] Т. В. Блаватская опубликовала (стр. 231—239) интересный памятник, названный ею «Амулет из окрестностей Горгиппии». На одной из сторон этого памятника (текст «А») читается заговор об изгнании яда, на другой (текст «В»)—заклинание о даровании исцеления; формулировка — довольно обычная, но по форме памятник очень оригинален: это — шарик из агата. Это первый такого рода памятник, найденный на территории Советского Союза, и поэтому он заслуживает серьезного и тщательного изучения.

К сожалению, приложенная к статье фотография выполнена так, что наиболее интересной начальной части текста «В» на ней совершенно не видно. Но и если издательница надписи прочла все буквы правильно, с даваемой ею транскрипцией и интерпретацией нельзя согласиться.

Т. В. Блаватская читает на камне κύρεια и пишет по этому поводу: «Обычное растяжение ι в ει в первых веках н. э.». Но, как известно, в начале нашей эры произошло не растяжение», а с у ж е н и е гласных звуков — αι в ε, ει в ι[2], но так как ει уже стало читаться как ι, то недостаточно грамотные писцы, не ощущая уже разницы между ι и ει, пишут ει вместо ι. Написание ει вместо ι наиболее типично как раз для надписей Горгиппии [3], и на этом не стоило бы останавливаться. Следовало бы отметить другое: что здесь (κυρεία, ὑγει:ῆ) пишется как ει не ι долгое, а ι краткое. Такое написание засвидетельствовано для Горгиппии [4]. Но это, конечно, не столь существенно — важнее то, что под предлогом «перехода» ι в ει Т. В. Блаватская заодно уже допускает и переход ε в α (κύρεια = κυρειε),а такой переход изредка засвидетельствован т о л ь к о перед ρ и λ: в других случаях он н и к о г д а не имел места.

В строке В 2 издательница читает μαθην и объясняет: «ματὴν вместо ἐμαυτὴν» (стр. 233). Ματὴν, действительно, в памятниках Египта (и только Египта) заменяет ἐμαυτὴν, но ведь на разбираемом памятнике читается μαθην (через θ, стр. 232), а μαθην уже никак не могло означать ἐμαυτὴν, так как аспират переходил в это время в с п и р а н т, а не в смычный без придыхания. К тому же «мое лечение» было бы по-гречески τὴν ἐμαυτῆς ἀκήν, а не τὴν ἐμαυτὴν ἀκήν; ἐμαυτήν означает не «мою», а только «меня» (acc.), и при этом слове невозможны ни артикль τήν, ни ἀκήν.

Вызывает удивление следующее утверждение: «κορυφησεν — данное причастие представляет, по-видимому, одно из поздних словообразований». Греческий язык II—III вв. н. э. нам известен достаточно хорошо, в частности язык надписей Северного Причерноморья. Да и вообще ни в одном индоевропейском языке причастия на = ēsen нет, к тому же еще несклоняемого. Т. В. Блаватская дает перевод: «Сделай мое лечение полезным для здоровья возглавляющей голове». Не говоря уже о нелепости этой фразы, ὑγιής означает «здоровый» о живом существе, «целый» о вещи, «здравый» о разуме, но не может означать «полезный для здоровья» (= ὑγιεινός).

И, наконец, в заклятиях всегда точно указывается (обыкновенно даже с прибавлением имени матери) имя человека, которому могущественные духи должны помочь или повредить: слово «меня» без дальнейших указаний в таком контексте неуместно.

Надпись надо читать так:

Κυρεία, δέομαί σου, πόησον
τὴμ Μαθηνάκην ὑγειῆ
περὶ τοῦ κορυφῆς ἐνκεφάλ[ου [5],
ὥτων κτλ.

«Владычица! Прошу тебя, сделай Матенаку здоровой в отношении головного мозга, ушей и т. д.»

При чтении κυρια (вместо κύριε Блаватской) отпадает необходимость считать надпись христианской: Κυρία — обычный эпитет, заменяющий имя Исиды (см., например, OGIS, №№ 180—196, с комм. Диттенбергера). Имя Μαθηνάκη, правда, не засвидетельствовано, но ввиду существования, с одной стороны, имени Μάθανος (Ольвия)[6], с другой — очень большого числа севернопричерноморских имен с суффиксом -ακ- (-ακος, ж. р. -άκη), чтение это не должно вызывать сомнений.

С. Я. Лурье

---

[1] Изследвания в чест на акад. Димитр Дечев по случай 80-годишната му. София, 1958.

[2] См., например, U. M e i s t e r h a n s, E. S c h w y z e r. Grammatik der attischen Inschriften. 3-е изд., Berlin, 1900, стр. 48.

[3] IOSPE, II, № 401—403, 405, 407, 408, 420; IV, № 433, 435, 438, 441, 443.

[4] IOSPE, II, № 401 (ἀφείομεν), № 420 (Γαδικείου); ср.в Фанагории: IOSPE, II, № 367 (Φειλουμένη), № 352 (καθειερωσεν).

[5] Написание ἐνκέφαλος вместо ἐγκέφαλος характерно для надписей Северного Причерноморья. См. -νχ- и -νκ-: в Фанагории —IOSPE, II, №№ 343, 348; в Танаисе — IOSPE, II, № 443; в Ольвии — IOSPE, I [2], №№ 21, 29, 34, 39, 184, 433, 691. См. в том же опубликованном Т. В. Блаватской заклинании ниже: μγνινγος.

[6] IOSPE, I[2], №№ 82, 100, 182.

ОБ АНАПСКОМ АМУЛЕТЕ

Отклик С. Я. Лурье на публикацию агатового шарика с магическим текстом [1] побуждает коснуться некоторых затронутых им вопросов.

Соглашаясь с тем, что растяженное написание ι в виде ει явилось уже конечным результатом монофтонгизирования ει в ι (причем процесс этот происходил во всем Восточном Средиземноморье и не может считаться «особенно типичным как раз для Горгиппии», как полагает С. Я. Лурье), позволим себе не согласиться со следующим возражением. С. Я. Лурье, исходя из убеждения, что переход ε в α «никогда не имел места», кроме как перед ρ и λ, предлагает читать в первой строке текста «В» начертанные там буквы κυρεια как Κυρεία («Владычица»), полагая, что это—обращение к богине Исиде. Однако это чтение, кажущееся столь легким, не находит подтверждения при внимательном анализе памятника. Рассмотрим сначала утверждение нашего оппонента о переходе ε в α. Уже давно хорошо известно, что составители и резчики магических текстов часто писали с орфографическими неточностями, непреднамеренными или даже намеренными [2]; к тому же в их орфографии всегда сильно сказывалось влияние живой речи. Для нас особенно интересен пример искажения хорошо известного слова с заменой ε на α при написании имени Дамнаменея в форме «Дамнаманай», которая читается на серебряном филактерии Луврского музея [3]. Этот случай показывает, что для писцов магических текстов замена ε посредством α даже с нарушением грамматических правил была вполне допустима, тем более, что в повседневной письменности первых веков н. э. случаи написания α вместо ε отмечены неоднократно [4]. Поскольку анапский шарик принадлежит к кругу греко-египетских амулетов, постольку необходимо также учитывать в греческом языке обитателей Египта такой случай взаимозамены ε и α, какой являют параллельные формы ἀρτάβη и ἀρτέβη[5].

Однако орфографический вариант κυρεια может получить иное объяснение: в греческом языке Египта довольно рано замечено смешение краткого дифтонга αι и ε, причем эта тенденция получила в дальнейшем большое распространение [6]. Э. Швицер указывает, что в византийском греческом αι звучало как ε [7]. Ослабление дифтонга αι в ε в позднем греческом языке засвидетельствовано особенно частым написанием κὲ вместо καὶ [8]. Постоянная замена αι посредством ε в некоторых случаях приводила к обратному — замене ε посредством αι. Такая орфография встречена не только в магических папирусах (например,PGM,XII, 236), но и в надписях на резных камнях [9] и даже в надгробиях [10]. На возможность написания α взамен αι = ε кратко указывает и Швицер [11], однако в изучаемом тексте отсутствие ι могло быть результатом невнимательности [12].

Изложенное выше показывает, что возражение С. Я. Лурье против κυρεια = κυρειε = κύριε основано на недооценке особенностей развития греческого языка в позднеантичное время.

Вместе с тем, предлагаемое С. Я. Лурье чтение κυρια = Κυρία, т. е. Исида, находится в полном противоречии с назначением текста «В». Это медицинская формула, заключающая перечень болезней, лечение которых не входило в компетенцию Исиды, ведавшей женскими недугами [13]. К исцелению от других болезней Исида не имела отношения, особенно в религии грекоязычных кругов, откуда происходит изучаемый памятник. В греческой среде Исида отождествлялась на амулетах с Герой, Деметрой, в особенности с Афродитой и Тихой[14], но отнюдь не с Гигиейей [15]. Поэтому составитель изучаемого текста «В» не мог обращаться

---

[1] Т. Благатская. Амулет из окрестностей Горгиппии. Сб. «Изследвания в чест на акад. Д. Дечев», София, 1958, стр. 231—239.

[2] Ср. тексты формул в PGM, где К. Прейзенданц приводит различные орфографические варианты, или надписи на амулетах, как, например, на амулете Бруклинского музея (C. Bonner. Studies in Magical Amulets Chiefly Graeco-Egyptian. Ann. Arbor, 1950, стр. 183).

[3] C. Bonner. Ук. соч., стр. 100.

[4] A. Audollent. Defixionum Tabellae quotquot innotuerunt..., Parisiorum, 1904, стр. 75, № 41 a 12, 15; стр. 226,№ 162, 19; стр. 232,№ 168 a 10; стр. 323, № 241, 23.

[5] Ed. Schwyzer. Griechische Grammatik, t. I., München, 1939, стр. 364.

[6] Там же, стр. 195 и 233.

[7] Там же, стр. 196.

[8] Ed. Schwyzer. Ук. соч., т. II, München, 1950, стр. 567. Написание κὲ вместо καὶ известно и на амулетах: см., например, C. Bonner. Ук. соч., стр. 183.

[9] Le Blant. 750 inscriptions de pierres gravées inédits ou peu connues. Mémoires de l'Acad. des Inscriptions et Belles - Lettres, т. 36, Paris, 1898,стр. 22,№ 14; стр. 55,№ 150.

[10] IOSPE, II,№ 71. В. В. Латышев объясняет эту орфографию неправильностями произношения.

[11] Ed. Schwyzer. Ук. соч., т. I, стр. 835.

[12] Небрежность была свойственна резчику текста В — в этой же строке он не дописал конечное ν в слове ποηισο[ν].

[13] Даже в этой области Исида не была непосредственным врачевателем, в большинстве случаев обращались к специальному демону Ороориуфу (C. Bonner. Ук. соч., стр. 79 сл.).

[14] C. Bonner. Ук. соч., стр. 40—41.

[15] Примечательно, что пока известен только один амулет с обращением к Гигиейе (см. C. Bonner. Ук. соч., стр. 181). Видимо, эта богиня не пользовалась большой популярностью в магической медицине.

к бессильной, по его представлениям, богине Исиде. Он мог взывать к языческим богам Аполлону и Асклепию, позднее, с распространением монотеистических и особенно христианских воззрений — к верховному богу, именовавшемуся обычно Владыкой — κύριος [16].

Понимание слова μαθην как орфографический вариант ματην = ἐμαυτήν вытекает из известного в греко-египетских магических текстах смешения согласных τ и ϑ — например, на двух амулетах [17] написано στάληϑι вместо στάληϑι. Явление это, возможно, должно быть связано с нечетким произношением греческого ϑ египтянами — в демотических магических папирусах ϑ служила для передачи звуков th и t, как отмечает Швицер [18]. Конечно, употребление μαθην = ἐμαυτήν вместо ἐμαυτῆς является большим отклонением от правильной греческой речи, но в магических текстах на амулетах встречаются еще бо́льшие неправильности [19]. Отсутствие же имени [20] Μαθηνάκη, что признает и С. Я. Лурье, вместе с тем обстоятельством, что прилагательное ὑγιής имеет одним из значений «полезный», позволяет нам настаивать на чтении 2-й строки как τὴμ μαθὴν ἀκὴν ὑγειὴ.

Предлагаемое С. Я. Лурье чтение в 3-й строке κορυ̣ησενκεφαλ).как κορυφῆς ἐνκεφάλ[ου] представляется нам более удачным, чем ранее предложенное нами. В связи с этим строки 1—3 текста «В» — Κύριε, δέομαί σου ποηισο[ν]|τὴμ μαθὴν ἀκὴν ὑγειὴ περὶ τοῦ κορυφῆς ἐνκεφάλ[ου] —мы предлагаем перевести так: Господи, прошу Тебя, сделай (мое) лечение полезным для (= в отношении) головного мозга и т. д.

Большие сомнения вызывает стремление С. Я. Лурье отнести агатовый шарик к предметам, изготовленным в Горгиппии,— вещь эта по своему характеру чрезвычайно близка амулетам Юго-Восточного Средиземноморья и, по-видимому,происходит из тех же мастерских, откуда вышли и другие греко-египетские обереги.

Т. В. Блаватская

---

[16] Эпитет κύριος применялся и к языческим богам, однако по большей части в магических текстах упоминалось и имя самого бога.О термине κύριος на амулетах см. C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 172.

[17] C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 84.

[18] E. S c h w y z e r. Ук. соч., т. I, стр. 155.

[19] C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 71.

[20] Уверенность С. Я. Лурье, что «в заклятиях всегда точно указывается... имя человека», не вполне отвечает действительности. Имена на амулетах писались не всегда, в надписях оберегов больше внимания уделялось объяснению того, что именно нужно сделать. Наряду с надписями типа φύλαξον ὑγιῆ στομάχον Πρόκλον (C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 59) гораздо чаще встречаются простые воззвания типа πέσσε, πέσσε, πέσσε или только εὐπέπτει (C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 52—55) или обращения к богам с указанием, что им следует сделать (Νέμεσι, βοήϑει; см. C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 262, D56) или с одним только именем бога или демона. Характер надписей на амулетах, отличающийся от формул заклятий, на которые опирается С. Я. Лурье, позволял даже начертание формулы в безличном виде (C. B o n n e r. Ук. соч., стр. 180).

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ

В рецензии С. И. Руденко на изданный Гос. Эрмитажем альбом «Древнее искусство Алтая» (см. СА, 1960, № 1) дан довольно подробный разбор сопроводительного текста к альбому, что, конечно, следовало бы приветствовать. Но, к сожалению, почти все критические замечания рецензента неверны, а в ряде случаев безответственны и вызывают крайнее удивление. В самом деле, как может рецензент упрекать автора в том, что текст альбома начинается с сообщения о «коллекции Петра I, не имеющей непосредственного отношения к Алтаю», если сам он в начале своих книг, посвященных Алтаю, обязательно сообщает об этой коллекции. Трудно решить — серьезно ли говорит он, требуя называть создателей древнего алтайского искусства «крайними северо-восточными племенами, саков», «относящимися к группе североиранских племен», а не «какими-то ранними кочевниками». Ему хорошо известно, что термин «ранние кочевники» в применении к Алтаю употребляется мною и рядом других археологов неизменно более 20 лет. А вот сам рецензент до сих пор еще не решил, как их называть. Еще недавно он называл их алтайскими скифами [1], потом именовал скифо-саками [2], затем считал их «стерегущими золото грифами», но называл для удобства, древними горноалтайцами [3], называл их горноалтайскими племенами [4], а в 1959 г. доказывал, что они не кто иные, как юечжи китайских летописей [5]. Как может он

---

[1] См. С. И. Руденко. Искусство скифов Алтая, М., 1949.

[2] Сб. «По следам древних культур». М., 1951.

[3] С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л., 1952.

[4] С. И. Руденко. Башадарские курганы. КСИИМК, вып. XLV, 1952.

[5] Доклад С. И. Руденко в декабре 1959 г. на секторе Средней Азии и Кавказа, ЛОИА АН СССР.

возражать против того, что «изображения на табл. 7, 14 и 41 названы тиграми, хотя они не имеют никаких признаков, характерных для этого вида животных», если сам он называет их в своих работах львами и кошками, хотя никаких признаков именно льва или кошки, а не других зверей, в этих изображениях нет? Как он мог заявить о якобы неверно указанном масштабе изображения на табл. 60, не потрудившись заглянуть для проверки хотя бы в свою книгу «Культура населения Горного Алтая в скифское время» (М.— Л., 1953, стр. 351)? Как он мог обвинить в небрежности за то, что предмет на табл. 1 назван поясной бляхой, а не застежкой кафтана, если сам не потрудился внимательно посмотреть на эту бляху? На бляхе, как и на ряде других подобных, нет приспособлений для застегивания. Ширина ее в той части, которая прикреплялась к ремню, не 12 *см*, а только 7, что вполне соответствует ширине пазырыкских поясов, вес же одинаково велик как для бляхи, так и для застежки. Такие замечания вводят читателя в заблуждение. Или вопрос об образовании мерзлоты в курганах. С. И. Руденко говорит, что образование мерзлоты Грязнов объясняет «плохой теплопроводностью и хорошей воздухопроницаемостью массы камня, слагающей курганы. В действительности процесс промерзания курганов явился результатом особенностей климата и конструкции погребальных сооружений». Итак, читателю объявлено, что Грязнов совершенно неверно представляет процесс образования мерзлоты, что главное здесь заключается не в свойствах каменной насыпи, а в особенностях климата и конструкции кургана. Но какова же роль этих особенностей климата и конструкции в замерзании курганов? Наиболее подробно С. И. Руденко рассматривает это в книге «Культура населения Горного Алтая в скифское время» на стр. 18—20. «Климат Улаганского нагорья — основной фактор образования курганной мерзлоты»,— заявляет он, а несколькими строками ниже говорит, что «курганная мерзлота объясняется прежде всего наличием каменной наброски». Однако в дальнейших своих рассуждениях особенности климата Улаганского нагорья он не учитывает по той простой причине, что это ничего ему не дает (ведь с таким же успехом можно было бы сказать, что кислород воздуха — основной фактор развития общества на земле, так как без кислорода не было бы людей, не было бы и общества). Особенности же конструкции действительно создавали условия для образования мерзлоты: каменная насыпь, говорит он, «действовала как теплоизолирующий покров», «являясь слаботеплопроводным покровом», а «свободная конвекция» в насыпи способствовала быстрому охлаждению ее зимой. Но о том же писал и я, только «слаботеплопроводность» насыпи предпочел назвать «плохой теплопроводностью», а «свободную конвекцию» — «хорошей воздухопроницаемостью». Высказанные мною еще 30 лет тому назад соображения о происхождении мерзлоты в алтайских курганах вошли в учебник для вузов[6]. Зачем же понадобилось С. И. Руденко создавать видимость коренных разногласий, выступая с непродуманным заявлением, вводящим читателя в заблуждение?

Из 28 сделанных С. И. Руденко замечаний только три могут быть приняты. Действительно масштаб на табл. 59 указан неправильно. Действительно, лучше было бы дать пояснение к изображению на суперобложке и назвать предметы, изображенные на табл. 24, роговыми не только в тексте, но и в подписи к таблицам. Все же остальные замечания основаны либо на недоразумении, либо на небрежности и невнимательности рецензента. Критический разбор всех его замечаний занял бы слишком много места, да в этом и нет надобности. Считаю нужным остановиться только на некоторых замечаниях и возражениях по существу затронутых в книге вопросов.

С. И. Руденко возражает против ряда определений изображенных животных и против утверждения о мифологическом содержании искусства древних алтайцев. Моя позиция по этим вопросам подробно изложена в рецензии на книгу С. И. и Н. М. Руденко «Искусство скифов Алтая» (см. Вестник ЛГУ, 1950, № 1). Основные положения этой рецензии С. И. Руденко в свое время публично признал, в том числе признал, очевидно, правильным и требование определять сюжет изображения путем анализа изобразительных приемов и иконографии сложившихся художественных образов, а не по кажущемуся сходству каждого взятого по отдельности изображения с тем или иным видом животного. Судя по рецензии, С. И. Руденко и сейчас продолжает пользоваться вторым путем, не понимая той простой истины, что при ограниченных изобразительных средствах обобщенные стилизованные изображения зверей, помимо воли художника, могут оказаться более похожими не на тех зверей, каких он хотел изобразить. Ведь были же случаи, когда, идя таким путем, С. И. Руденко принимал изображение головы грифона за «дельфинчика», а голову птицы — за соболя[7]. Неудивительно, что и сейчас он находит в древнем искусстве Алтая изображения всевозможных животных, вплоть до леопарда, барса, котят, бабула, косули и кулана, до глухаря, тетерева, удода, утки и даже баклана (последняя птица, видимо, в спешке ошибочно попала в список вместо пеликана, но это не имеет значения, так как оба определения одинаково далеки от истины).

Как «досадную небрежность» (зная, что это не небрежность) С. И. Руденко отмечает, что большой войлочный ковер назван полотнищем шатра, а войлочные фигуры лебедей — его украшением, указав при этом неправильно размеры ковра и заявив,

[6] См. М. И. Сумгин, С. П. Качурин, Н. И. Толстихин, В. Ф. Тумель. Общее мерзлотоведение. М.— Л., 1940, стр. 216.

[7] См. Вестник ЛГУ, 1950, № 1, стр. 118.

что «ни о каких шатрах древних алтайцев мы не имеем представления». Однако, разбирая вопрос о жилищах древних алтайцев, он сам прежде всего рассматривает шатры, «крытые лиственничной корой, берестяными матами или войлоком»[8]. Войлочное полотнище он считает настенным ковром[9] и использует его в качестве одного из основных доводов в пользу предполагаемого им оседлого образа жизни древних алтайцев, строивших деревянные дома, судя по размерам ковра,— огромные хоромы чуть ли не с двухсветными залами. Но, прежде чем определять назначение войлока, следовало бы обратить внимание на несвойственную настенным коврам трапециевидную форму нижней половины войлока и скошенный по углам его верхний край и обязательно учесть условия его нахождения в могиле. Ведь в могилу он был положен с завернутыми в него шестами, равными ему по высоте. Шесты эти (по С. И. Руденко — «древки от повозки») привязаны наверху к поперечной круглой планке, обшитой тем самым черным войлоком, которым обрамлен верхний край полотнища, примыкавший к этой планке. К планке поверх войлока привязаны войлочные фигуры лебедей, а в отверстия на ней вставлены прутья, образующие какую-то решетку (по Руденко, «кузов повозки»). Отсюда можно заключить, что в могиле найдена в собранном виде часть войлочного шатра со своеобразно устроенным верхом, быть может, наподобие сарматских юрт, а С. И. Руденко усмотрел здесь «настенный ковер» не свойственной для этого формы, «древки повозки» по 4,5 *м* длиной и «кузов повозки».

Весьма неудачны и возражения по поводу феникса, изображенного на другом войлочном полотнище шатра, сохранившегося в нескольких фрагментах. Будь С. И. Руденко более внимателен, он бы увидел, что свои заключения я строю на изучении полного изображения ряда сцен борьбы антропоморфного чудовища с фениксом, а не «изображения... задней части птицы». С. И. Руденко утверждает, что «часть птицы» на войлоке не похожа на феникса, а птица в картине на ткани из Чанша «скорее — журавль, чем феникс». Все китайские археологи и западноевропейские искусствоведы, рассматривавшие изображения из Чанша, определяют птицу как феникса, однако С. И. Руденко без всяких для этого оснований заявляет, что это «скорее — журавль». Но ведь шпоры на ногах и длинный хвост, с какими изображены сравниваемые птицы в Чанша и в Пазырыке, журавлю не свойственны. Это отличительная черта многих куриных, в том числе и фазана, который послужил прообразом для феникса. С такой же легкостью он заявляет, что «никаких следов влияния китайского искусства на искусство алтайцев не обнаруживается». Но образ феникса на войлоке бесспорно заимствован из Китая. Заимствован не только сюжет, но и некоторые стилистические приемы. Так, например, ноги у пазырыкского феникса изображены тем же приемом, что и у феникса из Чанша, а на Алтае нет ни одного подобного изображения птичьих ног.

Последнее, о чем следует сказать,— это вопрос о дальнейшей исторической судьбе искусства ранних кочевников Алтая. Возражая против моих слов о забытых традициях и об утраченном мастерстве древних художников Алтая, С. И. Руденко по второму пункту (утраченное мастерство) не привел никаких аргументов. Традиции же реалистического по форме и мифологического по содержанию искусства ранних кочевников Алтая он хочет видеть в орнаментальном искусстве современных казахов и киргизов. Но «девять... элементов орнамента... как на бытовых предметах, так и в архитектурном орнаменте» современных казахов не имеют никакого отношения к вопросу о традициях древнеалтайского изобразительного искусства, основной темой произведений которого были звери и зооморфные чудовища и борьба их. Не связаны генетически с древнеалтайскими и, следовательно, не являются традициями древнеалтайского искусства и встречающиеся в орнаментальных композициях у киргизов фигуры оленей, козлов, верблюдов и других животных. Стилистически не сходные с древнеалтайскими, они не могут рассматриваться как продукт дальнейшего развития художественных образов ни древнеалтайского, ни сако-усуньского искусства. По крайней мере, то, что мы знаем об изобразительном искусстве степных народов последних двух тысячелетий, этого не подтверждает.

Автор рецензии признает, что «альбом... является очень хорошим изданием» части собрания памятников искусства древних алтайцев, что «текст к альбому... краток, но достаточно содержателен», что «в нем подробно изложена техника древнего изобразительного искусства племен Алтая и дана правильная оценка этого искусства, его значения для современности». Однако эти слова теряются в массе возражений и указаний на ошибки и небрежность, якобы встречающиеся в книге (несостоятельность, а в некоторых случаях и порочность этих замечаний на ряде примеров мною показаны). У читателя создается впечатление о небрежно и неправильно написанном тексте, о плохом издании вообще, тем более что рецензент и прямо обвиняет меня и Эрмитаж в «пренебрежительном отношении к читателю». Однако бесспорно, что непродуманная, изобилующая сообщаемыми по памяти, непроверенными данными рецензия не помогает читателю разобраться в сложных вопросах истории древнего искусства, а только дезориентирует его.

М. П. Грязнов

---

[8] С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, стр. 78.

[9] Там же, стр. 80.

ПО ПОВОДУ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ОТКРЫТИЙ» Н. В. ЭНГОВАТОВА

В апреле — июне 1960 г. в ряде газет и журналов, а также в радиопередачах одно за другим появились сообщения о так называемых «открытиях» Н. В. Энговатова[1]. В этих статьях было все, что составляет не свойственный советской журналистике дух сенсации и нескромной рекламы — от умилений по поводу замечательных не по возрасту талантов автора «открытий» до броских заголовков, составленных по канонам футбольного репортажа. Суть «открытий» заключалась в том, что Н. В. Энговатов, исследовав надписи на русских монетах X—XI вв., якобы обнаружил в них присутствие неизвестного ранее алфавита, который предшествовал глаголице и кириллице и был назван им «русским письмом». В статьях сообщалось, что при помощи этого алфавита Н. В. Энговатов прочел ряд надписей, бывших до сих пор нечитаемыми.

Несомненно, что такое открытие в случае его достоверности было бы крупнейшим шагом вперед в развитии языкознания и заслуживало бы самого широкого освещения в массовой печати. Между тем газетная сенсация с самого начала развивалась в полном отрыве от научной критики, хотя необходимость тщательной проверки выводов молодого исследователя объединенными усилиями нумизматов, археологов, палеографов и языковедов ни у кого не могла вызвать сомнений. Она не вызывала сомнений и у самого Н. В. Энговатова, сделавшего доклады в Отделе нумизматики ГИМ, на заседании Славяно-русского сектора ИА АН СССР и в Институте русского языка АН СССР. Уже первые два доклада вызвали серьезную критику построений молодого исследователя, которому были указаны методические пороки в нумизматической и археологической частях его работы, предложены возражения по существу его концепции, и в частности отвергнуты предложенные им чтения текстов, выполнявшие в схеме его построений важную роль контрольного средства. На обсуждении в Институте языка тщательному анализу было подвергнуто существо палеографической и лингвистической частей его работы и главных выводов, которые были признаны не имеющими научного значения.

Казалось бы, что квалифицированная проверка «открытий» Н. В. Энговатова должна была привести к прекращению неумеренной шумихи вокруг раздутой сенсации, тем более, что большинство газетных и журнальных статей было опубликовано до появления окончательной оценки работ Н. В. Энговатова. Однако если печатная пропаганда этих работ началась с объявления об «одном из крупнейших открытий нашего времени в области гуманитарных наук», то даже через месяц после того, как была закончена научная экспертиза рекламированного исследования, газета «Советская Россия» продолжала писать об «открытии мирового значения».

Меньше всего нам хотелось бы упрекать в инициативе по организации шумной рекламы скороспелых выводов самого молодого исследователя, который еще не научился трезво оценивать критические замечания в свой адрес. В известном отношении невелика и вина журналистики, которая сделала дурное для молодого исследователя и советской общественности дело из благих побуждений, памятуя о благородной роли печати и радио в деле распространения научных знаний и пропаганды научных достижений[2]. Журналистика опиралась на ученые рекомендации, и газетные отсылки открывают источник таких рекомендаций, основываясь на интервью, которые были получены от кандидата исторических наук, заведующей Отделом нумизматики ГИМ Н. Д. Мец.

Да, именно Н. Д. Мец принадлежат те неумеренные оценки, которые легли в основу дутой сенсации. Именно она, напрасно сославшись на «ученых, присутствовавших на докладе», назвала это исследование «одним из крупнейших открытий нашего времени», хотя эта фраза во время обсуждения была произнесена в сослагательном наклонении. Н. Д. Мец приравняла сомнительные выводы к открытию мирового значения. Предложив журналистам подобные рекомендации, Н. Д. Мец заменила целый коллектив ученых, совместив в своем лице специалиста в области нумизматики, археологии, палеографии и языкознания, поскольку ее рекомендации были даны до обсуждения работ Н. В. Энговатова компетентными знатоками этих предметов. Спор с Н. Д. Мец в этих областях должны вести лингвисты и палеографы. Нам же хотелось остановиться на тех вопросах, в которых мы чувствуем себя достаточно уверенно ориентированными.

Право, знакомясь с рекомендациями Н. Д. Мец, начинаешь пессимистически задумываться над вопросами, казалось бы ясными и бесспорными. Существует ли мето-

---

[1] «Русское письмо». Литературная газета, № 51 (4176), 28 апреля 1960 г.; А. Бакинский. Открытие молодого ученого. Неделя, воскресное приложение к газете «Известия» от 31 апреля 1960 г.; О. Чиликин. Утерянная азбука. «Огонек», № 19, 8 мая 1960 г., стр. 26; Г. Горячев. Русское письмо. «Юность», № 5, май 1960 г., стр. 112; Помощь коллекционера. «Советская Россия», № 137 (1206), 11 июня 1960 г.; Г. Горячев. Причудливая надпись. «Молодая гвардия», № 9, сентябрь 1960, стр. 211—214.

[2] Этот упрек остается в силе для статьи Г. Горячева (журнал «Молодая гвардия»), взявшего на себя неблагодарную задачу защиты методически безграмотных упражнений от научной критики, которой в указанной статье дается совершенно извращенное толкование.

дика нумизматического исследования и знакома ли с нею Н. Д. Мец? Может ли и должна ли нумизматика решать задачи источниковедческого характера? Нужно ли вообще заниматься нумизматикой, если решение столь существенного вопроса, как проблема возникновения русской письменности, может быть, по мнению Н. Д. Мец, базировано на таком состоянии исходного материала, которое до сегодняшнего дня признается дискуссионным?

Самый характер работы Н. В. Энговатова предусматривает тщательное сравнение всех существующих экземпляров тех монет, которые положены в основу его наблюдений. Это сравнение может быть проведено по оригиналам или слепкам монет, в известной степени по их фотографиям или фототипиям. В распоряжении исследователя находились немногочисленные экземпляры ГИМ и столь же немногочисленные фототипические воспроизведения, тогда как с основной их массой он знакомился по графическим воспроизведениям, далеко не безупречным и ни в коей степени не заменяющим оригинал.

Однако дело не сводится к этому методическому пороку, хотя он и определяет сомнительность исследовательской базы. Н. Д. Мец хорошо известно, что среди тех 200—250 древнерусских сребреников, которые сохранились до настоящего времени, очень редко удается обнаружить вполне идентичные экземпляры, хотя к определенным монетным типам относится большое число экземпляров, чрезвычайно близких по своему оформлению. Поскольку Н. М. Мец придерживается хронологической схемы И. И. Толстого, то ей также известно, что сребреники чеканились на протяжении четверти века. Многообразие вариантов каждого типа и редкость тождественных экземпляров свидетельствуют о том, что матрицы, при помощи которых чеканились монеты, были мягкими или хрупкими, что они нуждались в очень быстрой замене в процессе работы. А удивительная близость в деталях оформления монет внутри каждого типа говорит о том, что вновь возникавшие матрицы были результатами копирования матриц, выходивших из строя. Можно ли допускать, что такое копирование способно сохранить неизменной первоначальную грамотность исходного экземпляра, бывшего образцовым? Мы думаем, что Н. В. Энговатов ответил бы на этот вопрос положительно, так как все его построения основаны на представлении о безусловной грамотности всех надписей. Но Н. Д. Мец, как специалист-нумизмат, на этот вопрос не может ответить ничего, пока все сребреники не будут подвергнуты штемпельному анализу.

Н. Д. Мец должна хорошо знать — ведь это одно из важнейших достижений советской нумизматики и метод, которым она сама пользуется в своих работах,— что решение любого вопроса, связанного с хронологическим анализом нумизматических памятников, немыслимо сейчас без кропотливого исследования и сравнения штемпелей для установления их хронологической последовательности. Если в нумизматике X—XI вв. почти нет тождественных штемпелей, то есть штемпели сходные, скопированные, и главной нумизматической задачей, которая должна быть выполнена для того, чтобы сребреник стал объектом дальнейшего научного изучения, является задача хронологической классификации вариантов, установления последовательности штемпелей, анализ эволюции тех искажений первоначального типа, которые возникали на протяжении 25 лет. Только такой анализ может отделить достоверное от случайного и выяснить образцовые варианты, стоящие в начале русского чекана и изготовленные в таких условиях, при которых не может возникнуть сомнений в грамотности резчиков матриц.

Объявив исследование Н. В. Энговатова крупнейшим открытием нашего времени, Н. Д. Мец не заметила, что методика этого «открытия» находится в противоречии с современными методами исследования, с существующим состоянием материала, с самым принципом последовательного историзма, лежащим в основе советской исторической науки, и возвращает нумизматическую мысль к тому состоянию, в котором она находилась в XIX — начале XX в.

Задумалась ли Н. Д. Мец над тем, что Н. В. Энговатов вовсе не напал на какую-то забытую палеографами и лингвистами жилу? Древнерусские монеты, содержащие в себе бесценный клад древнейшей русской палеографии, только потому не стали еще объектом специального палеографического исследования, что их нумизматическая характеристика остается пока нечеткой. Шумный успех сомнительных «открытий» Н. В. Энговатова свидетельствует не только об огромном интересе к проблемам русского языкознания древнейшей поры письменности, но и об актуальности и неотложности научного издания древнерусских монет.

В. Л. Янин, Б. А. Рыбаков

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Ознакомившись с письмом Редакционной коллегии «Корпуса боспорских надписей» по поводу моей статьи «К вопросу о награждении пантикапейца золотым кольцом», опубликованным в журнале «Советская археология», 1960, № 1, я считаю своим долгом ответить на критические замечания, изложенные в этом письме.

С первым критическим замечанием по поводу допущенной мною ошибки в определении фактуры плиты (со ссылкой на Г. Кизерицкого и К. Ватцингера) я согласна.

Однако мои выводы о том, что сохранившиеся строки декрета и надгробная надпись принадлежат, по-видимому, руке одного резчика, основаны не на фактуре плиты, а на анализе текстов памятника.

Анализ терминологии сохранившихся строк декрета позволил предположить близость по времени написания декрета с превращением его в надгробие, которое Г. Кизерицкий и К. Ватцингер датируют началом I в. н. э. Поэтому мне непонятно, почему авторы письма, оставляя в стороне мои основные доводы, считают, что из допущенной мною ошибки в определении фактуры плиты сделаны и основные выводы.

Второе критическое замечание о неправильной ссылке на Г. Кизерицкого и К. Ватцингера вызвано, по-видимому, недоразумением. Вышеназванные авторы систематизируют памятники не по надписям, а по типам надгробных рельефов. Мне было важно установить происхождение плиты, переделанной в надгробие, из пантикапейской мастерской. Это установлено авторами, и по типу надгробий они сопоставили интересующий меня памятник с другими памятниками той же мастерской.

Строки сохранившегося декрета и позже написанного надгробия поражают не только сходством «почерка» резчика в написании букв, но и сходством по расстоянию между буквами и между строками, которые, несмотря на различие в величине букв и ширине междустрочий, везде выдержаны в том же пропорциональном соотношении.

Совпадение манеры письма в свое время привлекло и внимание В. В. Латышева, первоначально предположившего (IOSPE, II, № 5), что сохранившиеся строки декрета могли относиться к самому Теофилу и были начертаны по желанию его родственников.

На сходство «почерка» декрета и надгробия обратили внимание также Г. Кизерицкий и К. Ватцингер, отмечавшие, что буквы декрета вырезаны тщательнее, но существенно не отличаются от формы букв надгробия (ср. стр. 70).

Эти наблюдения В. В. Латышева, Г. Кизерицкого и К. Ватцингера для меня очень важны, так как близость во времени и сходство манеры письма позволяют предполагать, что и написание декрета и (позднее) надгробия могли быть сделаны рукой одного и того же резчика.

Почему же о всех этих вопросах и гипотезах нельзя писать в сборнике, посвященном памяти крупнейшего нашего ученого и эпиграфиста В. В. Латышева?

Касаясь моего примечания (стр. 195, прим. 7), авторы письма возражают против моего понимания слова ὁ δηλούμενος в декрете и приводят два места из OGIS В. Диттенбергера, № 244 (II в. до н. э.) и № 262 (III в. н. э.). Однако в первой надписи встречается форма, аналогичная форме, приведенной мною из Евсевия (τῶν δεδηλωμένων ἱερῶν), а во второй (письмо Антиоха) речь идет об уступке земель храму Зевса с точным и пространным их определением, а также о предоставлении этому храму права асилии. В заключение дается указание: ἵνα γένηται ἀκολούθως τοῖς δηλουμένοις. Здесь выражение τοῖς δηλουμένοις авторы письма переводят как «упоминавшиеся выше». Вряд ли можно согласиться с тем, что точное определение количества и расположения дарственных земель и предоставление асилии, составляющие все содержание письма, могут быть поняты как «вышеупоминавшиеся». Выражение τοῖς δηλουμένοις, перекликающееся с δεδεδόχθαι в начале письма, здесь можно понять только как «разъясненное» или «указанное»: «Чтобы все произошло согласно разъясненному (указанному)». Ведь и В. В. Латышев, на которого неправильно ссылаются авторы, не переводил термин ὁ δηλούμενος как «вышеупомнутый» или «упоминавшийся выше». В. В. Латышев понимал ὁ δηλούμενος как «(выше) показанный», прибавляя слово «выше» от себя в качестве пояснения. Прямой параллели к ὁ δηλούμενος в применении к человеку, кроме указанного места у Евсевия, пока нет. Следовательно, этот вопрос продолжает оставаться дискуссионным.

Казалось бы, так естественно было пригласить меня, как автора статьи и работника Ленинградского университета, находящегося буквально рядом с Ленинградским отделением Института истории АН СССР, на заседание редколлегии, вместе, по-товарищески, обсудить статью, поспорить, прийти к определенным выводам, а затем уже критически выступить в печати.

Тогда это письмо не носило бы такой тенденцизоный характер, а критика, мне кажется, была бы убедительной.

К. М. Колобова

ХРОНИКА

О НАХОДКЕ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ СКУЛЬПТУР В ПИРЕЕ В 1959 г.

В июле 1959 г. древнегреческий статуарий обогатился новыми замечательными находками: в афинской гавани Пирее во время ремонта канализации было найдено восемь скульптур — пять бронзовых и три мраморных, представляющих собой подлинники древнегреческого искусства, относящиеся ко времени от VI до IV в. до н. э., из коих каждый в отдельности может претендовать на внимание в качестве выдающегося памятника.

Предшествующие раскопки Пирея заставляют отождествить место, где были найдены статуи, с древним Кантаросом (торговой частью пирейской гавани). По предположению руководившего раскопками статуй И. Г. Пападимитриу, сосредоточение их в месте находки следует отнести к эпохе первой Митридатовой войны, когда, во-первых, Суллой было произведено широкое ограбление афинских художественных ценностей с целью умножения средств для ведения войны, а во-вторых, произошел большой пожар в Пирее в 86 г. до н. э., во время его осады[1]. Статуи, вероятно, предназначавшиеся для вывоза, лежали в каком-либо складском помещении, которое сгорело и погребло их под своими развалинами. Подобную дату подтверждает афинская монета 87 г. до н. э., относящаяся ко времени пребывания Митридата в Греции, имеющая его эмблему и найденная при раскопке статуй, а также заметные на них следы действия огня.

Несмотря на то, что с момента открытия статуй прошло уже более года, в печати о них имеются лишь самые предварительные сообщения. Это и неудивительно. Некоторые из статуй нуждаются в значительной реставрации и все требуют тщательного изучения, являя собой в достаточной степени новую страницу в истории древнегреческой пластики. Поэтому и мы вынуждены пока ограничиться самым суммарным их описанием, основанным на данных, появившихся преимущественно в английской печати[2].

Из найденных скульптур старше других бронзовый «курос» высотой 1,92 *м*, относящийся к концу VI в. до н. э. и приписываемый И. Г. Пападимитриу знаменитому аттическому скульптору Антенору, автору бронзовой группы тираноубийц, воздвигнутой в Афинах после свержения Писистратидов. В левой руке статуи сохранились остатки лука; правая, вероятно, держала фиалу. В частности, эти детали позволили М. Гуду сопоставить «курос» со статуей Аполлона Филезия в милетском Дидимейоне, работы скульптора Канаха из Сикиона (VI в. до н. э.).

Весьма интересная бронзовая статуя Афины Полиады (рис. 1), самая крупная из числа найденных скульптур (2,35 *м* высоты), в шлеме с грифонами и совами, с эгидой на груди, с протянутой вперед правой рукой и слегка приподнятой левой, вероятно державшей бронзовый щит, обломки которого также обнаружены при раскопках. Статуя эта, получившая в прессе имя «задумчивой Афины», относится к середине IV в. до н. э. и может быть сопоставлена с так называемой Афиной из Веллетри, находящейся в Лувре.

К несколько более позднему времени, чем эта статуя, относится бронзовая «кора», по размерам приближающаяся к натуральному человеческому росту (1,94 *м*), весьма художественной работы конца IV в. до н. э. Общий облик ее позволяет предполагать в ней изображение какой-либо из девяти муз или нимфы.

Далее должна быть упомянута бронзовая Артемида конца IV в. до н. э., в человеческий рост (1,6 *м*), в длинной тунике и коротком перепоясанном плаще; правая ее

---

[1] Plut., Sylla, 14.

[2] M. S. F. Hood. Archaeology in Greece. Addendum. Archaeological Report for 1959. London, 1959, стр. 23; E. Vanderpool. News Letter from Greece. AJA, № 64, 3, 1960, стр. 265 сл., табл. 65—74; ВДИ, 1960, № 3, стр. 228 сл. Illustrated London News. № 6265 от 29 августа 1959 г.,стр. 130 сл.; ср. Life, № 13 от 21 декабря 1959 г., стр. 22 сл.

Рис. 1.

рука вытянута вперед (она, вероятно, держала лук), за спиною — колчан. Статую эту следует сопоставить со знаменитой Артемидой Версальской из Лувра или Артемидой из Берлинского музея.

В числе мраморных скульптур имеется женская фигура в пеплосе IV в. до н. э., быть может, тоже Артемида, и две мраморные гермы с бородатыми головами, представляющие собой изображения Гермеса или Диониса и, по мнению Гуда, обнаруживающие стилистические черты, свойственные скульптурам Алкамена.

В заключение должна быть упомянута массивная бронзовая трагическая маска IV в. до н. э. (0,45 *м* высоты), служившая, вероятно, украшением какой-либо стены или кровли общественного здания.

Все скульптуры вместе взятые представляют собой замечательный музей греческих оригиналов, число которых вообще не так велико в музейных коллекциях. Есть предположение, что новые пирейские находки будут экспонированы для обозрения все вместе в специально построенном для этого здании.

НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК КИТАЯ

(По материалам научной командировки в КНР)

В конце 1959 г. Академия наук СССР командировала меня в Китайскую Народную Республику для занятий в области археологии. В задачу входило и изучение неолита и бронзового века Китая.

Археологические центры существуют сейчас не только в Пекине, где находится Институт археологии Академии наук Китая. Институт археологии Сианьского отделения АН Китая занимает, например, специально отстроенное трехэтажное здание в 90 комнат, а рядом расположены общежития, квартиры и столовая. В Лояне в 10 домиках разместила свои лаборатории, хранилища, музей и общежитие Лоянская станция Института археологии АН Китая. Обширны и основательны специальные помещения «Экспедиции по изучению памятников культуры провинции Хэнань», в которой я работал во время пребывания в Чжэнчжоу. Подобные центры есть и в других городах, например, в Шанхае, Кунмыне.

Несколько слов о музейном строительстве. Здесь, конечно, на первом месте должен быть поставлен Исторический музей на площади Тяньанмын в Пекине (рис. 1). Он открыт к 10-летию Китайской Народной Республики и представляет собой вполне современное музейное учреждение, освещающее историю Китая от синантропа до 40-х годов прошлого века. Его продолжением является размещенный в том же здании Музей революции. Вместе оба музея занимают 75 000 $м^2$. Из них одной экспозиционной площади Исторический музей имеет 10 000 $м^2$, а его хранилища, лаборатории, научные кабинеты и вместительный лекторий занимают 25 000 $м^2$.

Музей б. Императорский Дворец «Гугун» стал совершенно новым организмом. Его систематическая экспозиция истории китайского искусства от неолита до современности наглядно показывает огромные достижения истории, археологии и искусствоведения, а также музейного строительства. Исключительный интерес представляют также систематические экспозиции бронзы, фарфора, шитья, картин и т. п., в которых специалист находит неисчерпаемые сокровища для изучения.

В Харбине и Чанчуне существуют музеи, отображающие все стороны современной жизни, истории и природных условий провинции. Они ближе всего к нашим лучшим областным краеведческим музеям. В Шэньяне музей экспонирует главным образом памятники искусства и народного творчества. Музеи Чжэнчжоу, Лояна и Сиани являются историческими, с дополнительными экспозициями памятников древнего искусства — бронз, нефрита и скульптуры.

Богатейшие археологические коллекции размещены в специальных залах «Экспедиции по изучению культурных памятников» в Чжэнчжоу и Археологической станции в Лояне, в Институте археологии в Сиани и в Институте археологии АН Китая в Пекине.

Особо следует отметить музей «Стоянка Бань-по» около Сиани. Там, на высоком холме, под двумя ангарообразными зданиями навечно укрыты 2400 $м^2$ раскопок этой стоянки культуры Яньшао. Видны основания хижин, рвы, разделяющие семейные кварталы, погребения в кувшинах, керамические печи. А у подножия холма расположены жилища персонала, лаборатории и экспозиционные залы, в которых выставлены находки с этого замечательного поселения III тысячелетия до н. э.

Во всех этих музеях и институтах мне была предоставлена самая широкая возможность для занятий и обеспечена консультация специалистов. Таким образом, я мог

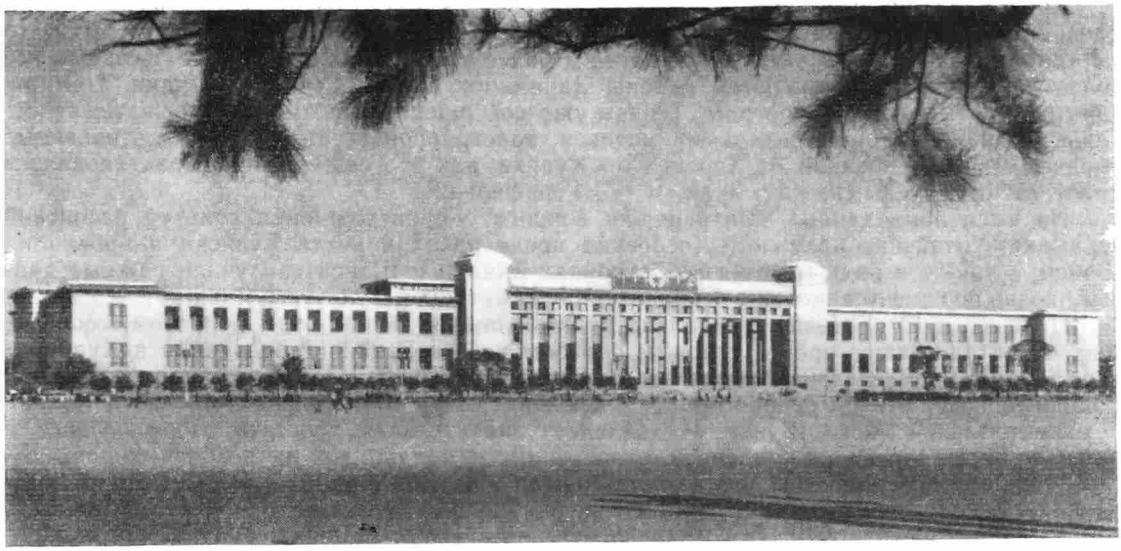


Рис. 1. Исторический музей на площади Тяньанмын в Пекине

ознакомиться с самыми последними достижениями китайской археологической науки. Они так велики по размаху и так серьезны, что, конечно, в одной журнальной статье даже часть их, касающаяся неолита и бронзы, может быть освещена лишь в самых основных направлениях. Однако это сделать необходимо, тем более что Китайский археологический район так близок к нашим среднеазиатским и сибирским, и поэтому его изучение глазами советских археологов может иметь значение и для нас, и для наших китайских коллег.

* * *

Наибольшие результаты в области изучения неолита достигнуты китайской археологией прежде всего по памятникам культур с расписной керамикой. Лишь один и очень важный вопрос не решен в этой области ими — вопрос о том, что предшествовало этим замечательным культурам в долине Хуанхэ.

До сих пор здесь находятся, как более древние, только стоянки с микролитической индустрией, в которой видят характерный для бассейна Хуанхэ вариант[1] той свиты архаических культур докерамического неолита, которые были изучены в Гоби и Синцзяне, а также в степях Казахстана и Средней Азии[2]. Однако связь этого варианта докерамической культуры с последующим развитием культур расписной керамики ни в Ганьсу-Нинся, ни в Шэнси-Хэнань пока достоверно проследить не удалось.

Что же касается третьего района, южной части Внутренней Монголии (б. провинции Суйюань и Жэхэ), то кажущаяся некоторым исследователям связь безусловно древней здесь культуры расписной керамики с еще более древним Гобийским неолитом требует тщательного изучения, так как пока базируется на весьма шатких основаниях. Большинство стоянок, на которые ссылаются, расположены на дюнах и отличаются весьма недостоверной стратиграфией[3].

---

[1] Ср. Ан Зы-мин и У Жи-цзо. Неолитическое местоположение в районе Ша-юань, Чао-и, Дали в провинции Шэнси. КС, 1957, № 3, стр. 1—12.

[2] N. C. Nelson. Archaeology of Mongolia. Compte rendue du Congrès International des Sciences. Anthropologiques et Ethnologiques. II-me Session. Copenhagen, 1939, стр. 259—262; J. Maringer. Contribution to the Prehistory of Mongolia. Stockholm. The Exploration around Lob Nor. Peiping, 1948; P. Téilhard de Chardin et Pei Wen-chung. Le néolithique de la Cline Pékin, 1944, стр. 23—53; F. Bergmann. Archaeological Researches in Sinkiang. The Sino-Swedish Expedition. Publication 7. Stockholm, 1939; Хуан Вон-би. Археологические исследования в Турфане. Пекин, 1954 (на кит. яз.); А. А. Формозов. Изучение микролитических культур в СССР. КС, № 10; его же. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951; его же. Из истории передвижений групп первобытного человека в эпоху мезолита. СЭ, 1953, № 1; его же. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.

[3] N. Egami and S. Mizyno. Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Archaeologia Orientalis, серия B, т. I, Tokyo — Kyota, 1935; K. Hamada and S. Mizuno. Hung-Shan-Hou. Ch'in-Têng. Archaeologia Orientalis, серия A, т. VI, Tokyo — Kyoto, 1938.

Как бы там ни было, но местные корни древних культур расписной керамики Китая пока остаются невыясненными. Попытки же видеть в них простой результат каких-то западных инвазий оказываются все более и более примитивными по мере того, как все более изученными оказываются районы Западного Китая, Северной Индии, Памира, Киргизии, Семиречья и Ферганы. Теперь уже совершенно невозможно, выхватывая отдельные элементы орнаментальных мотивов, конструировать ни на чем не основанные тысячемильные движения от Херонеи до Хуанхэ, как это еще недавно практиковалось даже такими учеными, как, скажем, Г. Герцфельд [4].

Не имея пока данных для решения вопроса о происхождении культур расписной керамики, китайские археологи (особенно после работ в уезде Хуайсян в провинции Шэнси, а также в ряде мест на новостройках Хэнани и Шэнси) получили важные данные, позволяющие установить периодизацию памятников культуры Яньшао [5].

Профессор Су Бин-чи, специально занимающийся сейчас этим вопросом, сообщил мне, что в настоящее время, главным образом на основании исследований в Хуайсяне пров. Шэнси [6], определены три ступени культуры Яньшао. Наиболее ранние поселения с расписной керамикой распространены в южной части Шэнси, западной части Хэнани и в центральной части Шэнси. Их отличает значительная простота узора росписи и большое число нерасписных сосудов, отличающихся, однако, той же розовой, хорошо отполированной поверхностью, что и украшенные росписью. Мне удалось рассмотреть лишь одну такую находку ранней ступени культуры Яньшао из нижнего слоя поселения Тунлоцай, хранящуюся в собрании Археологической станции в Лояне. Значительную часть керамики этой стоянки представляет довольно грубая толстостенная серая посуда в виде плошек и горшков с сильно и средне отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *3*). Иногда она украшена горизонтальными параллельными линиями и налепными рассеченными валиками. Вместе с нею в большом числе встречены обломки, главным образом верхних частей больших «амфор», столь характерных для культуры Яньшао в целом (рис. 2, *1, 2*). Кроме того, имеется довольно грубая посуда розовой глины. И наряду с нею найдены сосуды, сделанные из иной, розово-коричневой, глины, тонкостенные, очень хорошо лощеные (рис. 2, *6*). Эти сосуды уже очень близки к тем немногочисленным хорошо лощеным сосудам из серовато-розовой и почти красной глины, которые украшены росписью. Она состоит из линий и расположенных в верхней части сосуда поясов орнамента, очень несложного и лишь у одного сосуда приближающегося к тем композициям, которые станут характерными для росписи средней ступени культуры Яньшао (рис. 2, *4, 5, 7, 8*). Вместе с посудой в Тунлоцай I найдены столь характерные для Яньшао глиняные браслеты, сделанные с таким мастерством, что их можно принять за каменные, глиняные же линзовидные пряслица и костяная листовидная стрела со слегка выделенным черенком.

Поселения средней ступени культуры Яньшао занимают уже более обширные пространства Хэнани, Шэнси и Шанси. Из них особенно богатым является изученный при постройке гидроузла Сянмынся на р. Хуанхэ нижний слой поселения Мяодигоу. Поскольку этот памятник в настоящее время подробно издан с обстоятельным резюме [7], а керамика его достаточно подробно представлена на приводимой таблице (рис. 2, *9—23*), я могу не давать детальных описаний. Упомяну только, что и здесь наряду с расписной темно-розовой и светло-красной посудой много серых сосудов, украшенных линейным орнаментом, и грубой кухонной посуды, покрытой штриховым узором и налепными рассеченными валиками. Как новое нужно отметить украшение нерасписных сосудов налепными скульптурными изображениями ящериц, весьма сходными по выполнению с нарисованными на расписных сосудах черепахами (рис. 2, *14*).

Следует отметить, что уже в этом слое Мяодигоу найдена тонкостенная черная керамика и встречены обломки сосудов из белой глины. Таким образом, элементы, характерные для развития позднейших культур Луншан-Инь, в какой-то мере наличествуют уже в Среднем Яньшао.

Замечательно, что уже в этом слое Мяодигоу, относящемся к средней ступени культуры Яньшао, найдена модель печи с поставленным на нее реповидным сосудом

---

[4] H. Herzfeld. Iran and the Ancient East. London — New York, 1941.

[5] Под культурой Яньшао здесь понимается та группа памятников, которая характерна для района Хэнани, Шэнси и Шанси. Их первая характеристика была дана Андерсоном и Арне. J. G. Andersson. An Early Chinese Culture. Peking, 1923; его же. Prehistoric Sites in Honan. BMFEA, № 19, 1947, стр. 1—124; T. J. Arne, Painted Stone Age Pottery from the Province of Honan, China. Paleontologia Sinica, серия D, т. I, вып. 2, Peking, 1925. Для Шанси из первых исследований см. S. Y. Liang, New Stone Age Pottery from the Prehistoric Sites at Hsi-Yin Ts'un, Shansi China, Memoires of American Anthropological Society, № 37, Washington, 1930. Об остальных группах, и прежде всего о наиболее близких к яньшаоским памятникам Ганьсу, Нинся и Цинхая, см. ниже.

[6] Отряд уезда Хуайсян Археологической экспедиции в районе водоема р. Хуанхэ: Раскопка у с. Люцзичжэнь у. Хуайсян провинции Шэнси. Каогу, 1959, № 2, стр. 71—76; Основные результаты второй раскопки Люцзичжэнь у. Хуайсян провинции Шэнси. Каогу, 1959, № 11, стр. 585—587.

[7] Мяодигоу и Саньлицяо. Доклад об археологическом исследовании в районе гидрохранилища Хуанхэ (с резюме на русском языке). Под редакцией Института археологии АНК, Пекин, 1959; см. также КТ, 1957, № 4 и Каогу 1960, № 1, стр. 1—4.

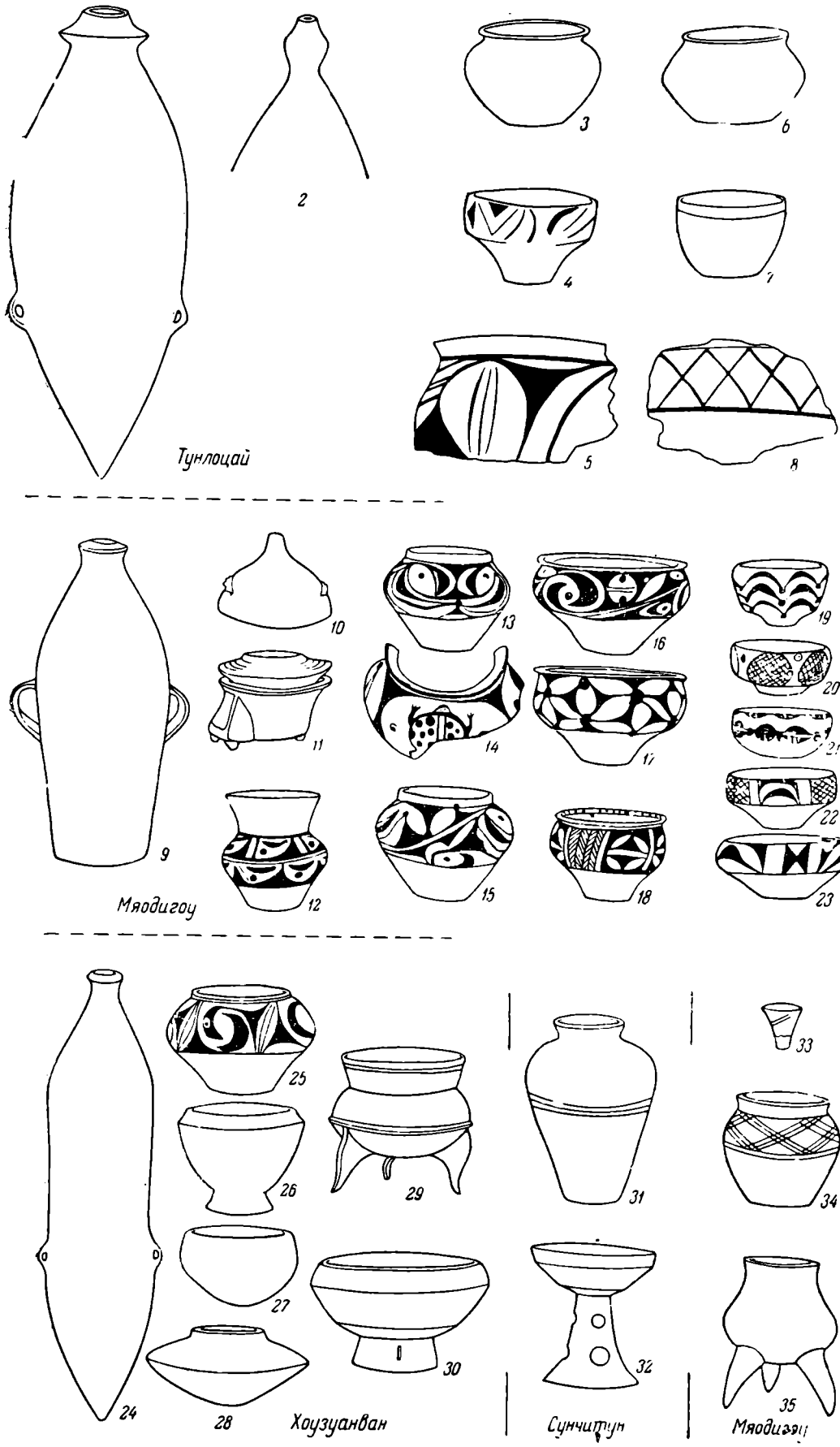


Рис. 2. Три ступени культуры Яньшао

Раннее Яньшао: 1—8 — стоянка Тунлоцай (из собрания Лоянской станции Ин-та археологии АН Китая); Среднее Яньшао: 9—23 — стоянка Мяодигоу (из собрания Исторического музея в Пекине; см. Мяодигоу и Саньлицяо. Пекин, 1959); Позднее Яньшао: 24—30 — стоянка Хоузуанван (из собрания Экспедиции по изучению памятников культуры провинции Хэнань в г. Чжэнчжоу); 31, 32 — стоянка Сунчитун, слой позднего Яньшао с элементами культуры Луншан (из собрания Музея Гуан лин в г. Лояне); 33—35 — стоянка Мяодигоу, слой позднего Яньшао (из собрания Исторического музея в Пекине)

(1—8, 20, 22—1/8 нат. вел.; 14 и 34—1/6; 33 и 35 — 1/9; 10, 12, 13, 15—19, 21, 23, 25—32 — 1/12; 24 — 1/15; 9 и 11 — 1/16)

(рис. 2, *11*). Эта традиция затем не прерывается на многие сотни лет, достигая особого развития в эпоху Хань, в могилах которой найдены модели обширных кухонь с большими плитами, уставленными всевозможной посудой.

Но самым замечательным в Мяодигоу является, конечно, роспись посуды. В ней можно узнать чуть ли не все мотивы росписей трипольских сосудов, особенно стадии C_1. Вместе с тем орнаменты открытых чаш (рис. 2, *19—23*) живо напоминают росписи Анау и даже Убайда. Эта разнотипность элементов росписи является, по-моему, самым существенным препятствием к тому, чтобы на основании сходства строить уже теперь выводы генетического характера. Как мы увидим ниже, сейчас имеется возможность полагать, что влияние культуры Анау проникало далеко на восток и могло, таким образом, послужить известной основой для распространения в культуре Яньшао, как и в Анау, сходных орнаментов. Однако совершенно необъяснимыми остаются те поразительные совпадения с трипольем, которые одновременно и с особой силой проявляются в той же росписи среднего Яньшао.

Для того чтобы решить эту важнейшую проблему, необходимо изучение посредствующих звеньев и выяснение хронологических соотношений, остающихся пока совершенно не определенными.

Из остального инвентаря Мяодигоу следует отметить прежде всего гораздо более разнообразную серию глиняных браслетов — манжетообразных, выпуклых, вогнутых, многоугольных, покрытых налепами, шипами, ложнокрученых, украшенных штриховкой, нарезами и линейным узором. Замечу, что такие же браслеты есть и в культурах типа Анау.

Среди каменных орудий преобладают клиновидные шлифованые топорики, четырехгранные и овальные в сечении, иногда имеющие сверлину в средней части плоскости. В значительном количестве найдены четырехугольные сланцевые ножи — серпы (?) с одним или двумя отверстиями. Найдено также несколько обломков каменных колец еще весьма несовершенной отделки. В большом числе встречены костяные иглы, проколки, плоские и веретенообразные наконечники стрел и подвески в виде четырехугольных пластинок и просверленных зубов животных. Имеются поделки из рога оленя. Среди них выделяется роговой суппорт с четырехугольным отверстием для насада на рукоятку.

Из других памятников средней ступени Яньшао я мог ознакомиться в Чжэнчжоу и Лояне с нижними слоями поселений Сиганьго, Сунчи-тун и Хоузуанван. Материал с них очень сходен с Мяодигоу, но их особая ценность заключается в том, что они дают и вышележащий слой поселений позднего Яньшао. Этого нет в Мяодигоу, где поселение средней ступени Яньшао перекрывается слоем с остатками уже последующей культуры Луншан, хотя и содержащим как пережиток скромно расписанные сосуды (рис. 2, *33—35*) [8].

Судя по материалам раскопок, на средней ступени культуры Яньшао население бассейна среднего течения Хуанхэ занималось по преимуществу земледелием; из домашних животных, кроме собаки, разводились овцы и свиньи. Рыболовство и охота также играли заметную роль в хозяйстве. Жилищем служили округлые и четырехугольные полуземлянки с наклонным входом. Их стены были образованы столбами, заплетенными плетнем. Перекрытия были двухскатные или конические. Крыши крылись камышом или соломой.

Отличительной особенностью яньшаоских поселений является наличие на их территории большого количества мусорных ям и ям-кладовок, а также ям, использованных под погребения.

Поздняя ступень культуры Яньшао представлена большим числом поселений, среди которых прежде всего следует назвать само Яньшаоцзун в уезде Миньчи, исследованное в 1921—1922 гг. Андерсоном [9]. Однако в настоящее время мы имеем уже очень большую серию поселений, раскопанных с гораздо большей тщательностью и гораздо большими площадями. Все их можно разделить на две подгруппы.

В первую входят поселения, еще во многом близкие к средней ступени Яньшао. Это само Яньшаоцзун, Бао-ди [10] и некоторые другие, а главное, знаменитое Бань-по около Сиани [11]. Так как при посещении этого поселения пояснения мне любезно давал проф. Сы Син-бань, раскапывавший этот памятник, я приведу здесь некоторые детали, безусловно интересные для археологов.

Как уже сказано выше, 2400 $м^2$ раскопок Бань-по заключены под колпак и сохраняются навечно. По сути дела, это два почти равных четырехугольных раскопа,

---

[8] Мяодигоу и Саньлицяо, табл. III, LVI—LXXI, XCII.

[9] J. G. Andersson. Researches into the Prehistory of the Chinese. BMFEA, № 15, 1943. (Определение этого поселения как позднего для культуры Яньшао принадлежит Институту археологии АН КНР).

[10] Археологический отряд района Бао-ди Института археологии: Раскопка неолитической стоянки Бао-ди, провинции Шэнси. Каогу, 1959, № 5, 229—230; Археологический отряд по изучению р. Вэй: Важнейшие результаты раскопок стоянок неолита в Бао-ди. Каогу, 1960, № 2, стр. 4—6. Материалы из новых раскопок, выяснивших площадь Бао-ди (30 000 $м^2$) и исследовавших 400 погребений, хранятся в Институте археологии Сианьского отделения АНК.

[11] КТ, 1959, № 2 и 1958, № 6; Неолитическое поселение. «Китай», № 5, 5 марта 1959 г.

соединенных переходными участками. В них открыто несколько надземных округлых и прямоугольных жилищ с очагом в центре, реконструируемых в виде плетневых, обмазанных глиной хижин с двускатным и коническим покрытием (реконструкции в натуральную величину выставлены тут же в ангарах Бань-по, а также в Историческом музее в Пекине). Между хижинами прокопаны глубокие, до 2,5 *м*, канавы. Сы Син-бань видит в них границы участков, на которых стояли хижины, принадлежавшие одной большой семье. Все же поселение окружал глубокий, до 6—7 *м* ров. Частично он прослежен в раскопках, прикрытых дальним ангаром; особенно хорошо его удалось раскрыть на участке, пока не вошедшем под крышу. Прослежен он и в тех местах холма, которые еще не исследованы. Судя по этим данным, поселение Бань-по было очень обширным — вероятно, занимало площадь до 45 000 *м*^{2}. За валом были обнаружены керамические печи с решетчатыми подами. Над одной из них теперь построен изящный павильон с надписью «Обжигательная печь Бань-по». На соседних участках за рвом был открыт и некрополь. Однако обычай погребения на территории поселения сохранялся и в позднем Яньшао. В Бань-по как раз на участках, соединяющих два основных раскопа, сохраняются детские погребения, заключенные в большие сосуды, или парные, составленные горизонтально или покрытые выпуклой крышкой с отверстием. Всего в Бань-по найдено пока 200 погребений взрослых и детей. Большинство погребений — вытянутых на спине, 15 погребений — спиной кверху, скорченных всего 3. Найдены они в засыпке ямы и поэтому относятся к самым поздним из яньшаоских. Большинство погребений индивидуальные. Парное одно, и это оба мужчины. Обращает на себя внимание погребение четырех женщин от 25 до 15 лет и при них 10 сосудов — горшки, плошки и амфоры [12]. Из вещей, найденных в поселении и в могильнике Бань-по, прежде всего остановлюсь на керамике. Здесь много горшков и особенно амфор из коричнево-розовой глины. Поэтому вполне правы были строители музейного городка, украсившие фонтан Бань-по фигурой девушки с амфорой, из которой льются струи воды. Они падают в бассейн, а в нем изваяны рыбы, совершенно такие же, какие украшают расписные сосуды из Бань-по и Бао-ди. Они, как сказал Сы Син-бан, до сих пор водятся в местной речке, огибающей плато стоянки.

Орнаменты расписной посуды двух видов. Прежде всего это изображения рыб, коз и личин [13] (весьма напоминающих афанасьевские граффити [14] и личины карасукских стел [15] из Минусинской котловины Среднего Енисея). Другую группу составляют пояса метопного орнамента, состоящего из вертикальных линий, между которыми расположены ромбы, обращенные вершинами друг к другу треугольники, косые кресты, вертикальные полосы с пилообразными городками. Имеется также зигзаг, шашечный узор и узор из расположенных в шахматном порядке треугольников. Нерасписная и нелощеная красная и красно-коричневая посуда украшена треугольными и овальными вдавлениями, налепными рассечными валиками, шишечками с углублением в центре и штриховым узором. Серой лощеной посуды немного. Особо следует отметить наличие на расписных сосудах Бань-по и Бао-ди вырезанных до обжига знаков, иногда образующих целые строки. Это палочки, стрелы, палочки с ответвлением или перечеркнутые несколькими горизонтальными штрихами знаки, напоминающие A, E, K и T, а также палочки сверху или снизу, а то и с обеих сторон, имеющие наклонные штрихи и этим близко напоминающие средневековые орхоно-енисейские «руны» a, i, l. Что означают эти надписи, пока не выяснено, но важно отметить, что совершенно аналогичные им встречены и на керамике последующей культуры Луншан [16].

Из других находок в Бань-по следует отметить шлифованные топоры (округлые и четырехугольные в сечении), сланцевые топоры со сверлиной, зернотерки, сланцевые ножи и серпы, костяные стрелы, гарпуны, удильные крючки, иглы и проколки, керамические (из черепков) ножи для обрезания чумизы, глиняные «напильники» для нанесения штриховых узоров на сосудах. По отпечаткам на сосудах установлено наличие тканей, может быть, конопляных, с прямым переплетением нитей и изготовление узорчатых циновок и простых рогож. Глиняных браслетов так же много, как и в Мяодигоу. Есть каменные кольца и браслеты. Интересно отметить наличие глиняных гвоздевидных булавок для причесок. Ожерелья составляют сверленые раковины и мелкие цилиндрические рубленые бусы из белого камня. В детских погребениях найдены глиняные и каменные шарики, служившие для игры.

Основой хозяйства в Бань-по было земледелие; сеяли чумизу и, по-видимому, рис. Из домашних животных определены собака и свинья, но есть основание полагать, что уже разводились козы, коровы и даже лошади и куры. Кроме того, охотились, ловили рыбу и собирали речных моллюсков.

---

[12] В Бао-ди также из 400 могил 85% вытянутых, 5% спиной кверху и лишь одно скорченное. Парных погребений — 5%, и во всех случаях это мужчины. У скорченных нет вещей. Мало их и у положенных ниц. Дети погребены, как и в Бань-по, в сосудах.

[13] См. журнал «Китай», 1959, № 5.

[14] Из раскопок А. Н. Липского. Хранится в Хакасском обл. музее в г. Абакане.

[15] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XLV, XV.

[16] Ch'ê n g - T h'u-Y a i. Archaeologia Sinica, № 1, Nanking, 1934, стр. 70—71.

Вторую группу памятников поздней ступени культуры Яньшао составляют поселения, на которых вместе с керамикой, расписываемой все более простыми узорами, чаще всего линейными, встречаются все в большем числе сосуды из серой глины, хорошо лощеные, приобретающие формы, характерные для культуры Луншан. Прежде всего это различных видов триподы, чаши на низких прорезных поддонах и вазы на высоких полых ножках с округлыми отверстиями.

Из этих памятников мне удалось познакомиться с поселением верхнего слоя Хоузуанван[17] и верхнего слоя Сунчитун[18] (рис. 2, *24—32*), с поселениями Королевский парк и Сиганьго[19] в Лояне и поселением нижнего слоя Саньлицяо около Сянмынся[20]. Эти позднейшие поселения культуры Яньшао очень ярко показывают постепенное формирование на ее поздней ступени очень многих элементов, характерных для последующей культуры Луншан, складывающейся здесь, на Средней Хуанхэ, на основе культуры Яньшао. Этот переход от одной культуры к другой здесь отличается большой постепенностью, что ярко демонстрируют и находки на древнейших поселениях луншанской культуры. Одним из них является поселок, остатки которого перекрывают описанное выше поселение средней ступени культуры Яньшао в Мяодигоу — Мяодигоу II. По типу керамики и ее формам это уже вполне луншанское поселение. Однако в нем сохраняется еще в небольшом числе расписная посуда с линейным узором, характерным для позднейшего Яньшао[21].

Все эти наблюдения, приумноженные последними раскопками, позволяют Ся Наю и другим археологам из Археологического института в Пекине утверждать, что процесс сложения культуры Луншан и ранняя ступень ее развития локализуются в Шэнси-Хэнаньском районе и имеют своей основой предшествующее развитие культуры Яньшао. Лишь на второй ступени развития культура Луншан распространяется на восток и предстает перед нами в том виде, который так хорошо известен по исследованиям «классических» луншанских памятников в Шандуне, Северо-Восточной Хэнани, Сев. Аньхое, Цзянсу и Сев. Чжэцзяне.

Это означает второй крупнейший переворот в китайской археологии после периодизации культуры Яньшао. Культура Луншан оказывается продолжением Яньшао, и ее происхождение связывается с материковыми районами Китая, а не с приморским Востоком, как это считалось ранее.

Но не только эти достижения последних лет поражают археолога при ознакомлении с памятниками развитого неолита Китая. Огромное впечатление производит широта распространения расписной керамики по различным районам КНР.

Мне не пришлось посетить районы Ганьсу (Ганьсу — Нинся) и Сев. Цинхая, где Андерсоном, а затем Пэй Вын-цзуном и другими китайскими археологами добыты основные материалы местной культуры расписной керамики[22]. Однако я имел возможность познакомиться с исключительно богатой коллекцией из этих мест, хранящейся в музее Гугун в Пекине, а также консультироваться с археологами, занимающимися памятниками расписной керамики из Ганьсу. Суммируя свои впечатления, я не могу не присоединиться к мнению, высказанному еще в 1943 г. Андерсоном и вскоре поддержанному Пэй Вын-цзуном и Тейардом де Шарден, о большом отличии этой группы памятников с расписной керамикой от шанси-шэнси-хэнаньской (т. е. собственно культуры Яньшао)[23]. Правда, после открытия на среднем Хуанхэ древнейших памятников Яньшао и необыкновенного накопления находок по среднему

---

[17] Хранятся в Экспедиции по изучению памятников культуры в Чжэнчжоу.

[18] Хранятся в музее Гуан-лин в Лояне.

[19] Хранятся в собрании Археологической станции в Лояне.

[20] Мяодигоу и Сяньлицяо. Пекин, 1959, табл. XXVI—XXIX.

[21] Там же, табл. III, VI—XXI, XCII.

[22] J. G. Andersson. Preliminary Report on the Archaeological Research in Kansu. Memoires of the Geological Survey of China, серия A, № 5, Peking, 1925; его же. Researches into the Prehistory of the Chinese. BMFEA, № 15, 1943; его же. The Site of Chu-chra-chiai. Там же, № 17, 1945, стр. 1—64; Pei W. C. Archaeological Research in Kansu. Peking National History Bulletin 1947—1948, т. 16, ч. 4—5, стр. 231—238; его же. Archaeological Reconnaissance in Kansu Corridor and in Kokonor Region in Northwest China. (Contribution from the Institute of Geology. Peiping, 1948, № 8, стр. 89—117; Pierre Téilhard de Chardinet Pei Weng-chung. Le néolithique de la Chine. Pekin, 1944; Wu Gin-ding. Prehistoric Pottery in China. London, 1938; Chêng Tê-kun, Archaeology in China. London, т. I, Prehistoric China. Cambridge, 1959; Ся Най. О раскопках в Сывашань у города Линтао. Чжунго КС, 1949, № 4, Шанхай, стр. 71—137; Ан Зы-мин. Орнаменты расписной керамики культуры Яншао. Пекин, 1959, (на кит. яз.); Вень у цанькао зцыляо, 1954, № 10; КТ, 1956, № 6 и 1957, № 6; Каогу, 1959, № 7; Неолитические стоянки в Ланьчжоу провинции Ганьсу. КС, 1957, № 1, стр. 1—8; Ан Зы-мин. О керамике Танванчуань в автономном уезде Дун-Сян провинции Ганьсу. КС, 1957, № 2, стр. 23—32; Провинциальный Музей Ганьсу: Древние культурные памятники на терр. Ганьсу. КС, 1960, № 2, стр. 11—52. Так как эта группа памятников широко известна, я воздерживаюсь от описаний, отсылая читателя к указанной литературе.

[23] J. G. Andersson. Research into the Prehistory of the Chinese, стр. 99; Pierre Téilhard de Chardin et Pei Wen-chung. Ук. соч., стр. 62—63.

и позднему Яньшао эти различия выступают в несколько ином виде, но по-прежнему весьма резко. Цвет фона в Ганьсу гораздо более светлый, кремовый и никогда не розовый и не красно-коричневый, как на Востоке. Среди форм расписных сосудов в Ганьсу господствуют всевозможные виды закрытых урн с ручками у середины тулова или кринки с высоким горлом. Иногда они превращаются в кувшин или амфору при наличии одной или двух ручек у шейки. На Востоке, наоборот, довольно открытый горшок и, особенно, открытая плошка являются наиболее распространенными [24]. Сосуды с ручками среди расписных (да и не расписных также) встречаются крайне редко, а находимые изредка кринки гораздо более открыты и представляют собой по форме скорее высокогорлые горшки (ср. рис. 2). Мотивы росписи также крайне различны. Для наиболее ранних расписных сосудов Ганьсу, так называемой ступени Паншан, уже характерны спиральные узоры, образуемые лентами, часто обрамленными пильчатыми зубцами. Столь же распространены перекрещивающиеся гирлянды и всевозможные клейма в виде кружков с крестом внутри, с изображением семян, зооморфных и меандро-свастических мотивов. Очень часты круги, овалы и овальные щиты с сужением посередине, заполненные решеткой [25]. Позднее на ступени Машань в значительном количестве распространяются антропоморфные фигуры [26], геометризованные изображения животных и все чаще встречаются линейные геометрические и меандро-свастические мотивы. Частыми становятся низкие, высокошейные чаши с двумя ручками, украшенные росписью и внутри. На востоке в области культуры собственно Яньшао, как мы видели, господствуют совершенно иные мотивы росписи. Линейно-геометрические вначале, они затем развиваются в своеобразный богатейший растительный узор с элементами «лепестковой» спирали, елочки и решетки. При этом уже на средней ступени Яньшао развивается метопное членение орнаментальных поясов, становящееся господствующим на этапе «А» поздней ступени. Только тогда появляются реалистические изображения животных и человеческих личин (Бань-по, Бао-ди). И все заканчивается возвращением к скупым линейным росписям самого конца Яньшао и начала культуры Луншан.

Мне кажется, что уже этих сопоставлений совершенно достаточно для возражения против распространенного пока мнения о единстве культуры расписной керамики в Ганьсу-Нинся и на средней Хуанхэ. Сторонники этого взгляда считают, что еще, может быть, для ступени Машань можно говорить об обособлении западной группы, но Паншан и Яньшао фактически объединяются [27]. Однако едва ли это возможно. Против такого объединения говорят не только приведенные сопоставления, но и те глубокие различия в направлении и характере развития обоих районов, которые особенно очевидны теперь, когда наши китайские товарищи достигли таких успехов в периодизации культуры Яньшао в бассейне Средней Хуанхэ [28].

Однако каким бы ни был окончательный вывод о соотношении этих двух крупнейших областей развития древней расписной керамики, следует отметить очень важный факт широчайшего распространения памятников Ганьсуйского типа. Они прослежены на запад, далеко за Кукунор, аналогичные стоянки обнаружены в Цинхае, а за последнее время близкие к ним местонахождения открываются даже в Сычуани (рис. 3, *19*). Таким образом, огромная часть Северо-Западного и Западного Китая оказывается объединенной древней культурой [29].

Третий район распространения памятников расписной керамики изучен пока, к сожалению, крайне недостаточно. Это Синцзян. Однако то, что известно оттуда (главным образом благодаря трудам старейшего археолога КНР проф. Хуан Вон-би), вызывает особый интерес.

Еще в 30-х годах, работая вокруг оз. Лобнор, Хуан Вон-би обнаружил поселения со светло-розовой и кремового цвета посудой, темные росписи которой весьма напоминают орнаментику керамики анауского типа (рис. 3, *2* и *5*) [30]. Новые находки сделанные около Кучи и Дихуа, также имеют сравнительно архаический вид, особенно черепки, покрытые росписью струйчатыми линиями, напоминающими древнейшую расписную

---

[24] Открытые плошки встречаются в Ганьсу, главным образом на юго-востоке, в бассейне Вэй хэ, являющемся соединительной артерией с областью культуры Яньшао. См. об этом P e i W. C. Arch. Res., стр. 233—234.

[25] Круги и овалы, заполненные решеткой, встречаются и в Шэнси и в Хэнани (рис. 2, *20*). Конечно, это свидетельствует о связях обоих районов.

[26] Особый интерес представляют фигуры с несколькими «ярусами» воздетых рук, столь сходные с сузианскими и средиземноморскими (ср. А н З ы - м и н. Орнаменты..., стр. 19).

[27] C h ê n g T ê - k ' u n. Ук. соч., стр. 74—75.

[28] Если высказанные здесь предположения подтвердятся, может быть, встанет вопрос и о наименовании этой культуры особо от Яньшао, что, конечно, является компетенцией китайских археологов. Предложенные уже давно обозначения ступеней ее развития Паншан и Машань прочно вошли в науку.

[29] Археологические исследования водохранилища «Три ущелья» на р. Янцзы в провинции Сычуань. Каогу, 1958, № 8, стр. 398 сл., рис. 3 и 4.

[30] H u a n g W e n - p i. The Exploration around Lob Nor. Peiping, 1948, табл. VII, 2; ср. В. М. М а с с о н. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, табл. II—XX.

Рис. 3. Распространение расписной керамики в Китае

1, 3, 4 — Синцзян, окр. Куча, стоянка Карадун, нижний слой (собрание Ин-та археологии АН Китая); *2—7* — окр. Дихуа (см. Хуан Вон-би. Коллекция посуды (на кит. яз). Атлас, табл. I и 2); *5* — окр. Лобнора (см. Huang Wen-pi. The Exploration around Lob Nor, т. VII, 2); *6* —окр. Дихуа (собрание Ин-та археологии АН Китая); *8—10* — стоянка Хуань-шан в м. Улан-хатак на юго-востоке Внутренней Монголии (см. Hung-Shan-Hou, Chih-Feng. Archaeologia Orientalis, сер. A, т. VI, рис. 40—42); *11—18* — стоянка Чуцзямин, у. Тинсан, пров. Хубэй (собрание Исторического музея в Пекине — время культуры Луншан); *19* — стоянка Хубаоси, провинция Сычуань (собрание Исторического музея); *20* — окр. г. Яннань (собрание Исторического музея); *21* — Таншисон, пров. Фуцзян (собрание Исторического музея); *22—26* — стоянки у сс. Баотоу и Даханькоу, у. Нинян, провинции Шандун (см. журнал «Вэнь у», № 2, 1960)
(*5, 6, 11—18, 20, 21*—1/4 нат. вел.; 19 —1/5; *1, 3, 4, 22—25* — 1/8; *2, 7*, 26 — 1/8; *8—10*, 1/12)

керамику Туркмении (рис. 3, *1, 3, 4, 6*) [31]. Но там же, например, в Дихуа встречены расписные сосуды другого типа. Они темно-красные и покрыты черной росписью, главным образом в виде заштрихованных треугольников (рис. 3, 7) [32]. В беседе со мною

[31] Хуан Вон-би. Коллекция посуды. Атлас, табл. 2 (на кит. яз.); ср. В. М. Массон. Ук. соч., табл. I.

[32] В. М. Массон. Ук. соч., табл. I; Хуан Вон-би. Археологические открытия в провинции Синцзян. Каогу, 1959, № 2, стр. 76—81.

проф. Хуан Вон-би, исходя из стратиграфических соображений и некоторых совместных находок, счел возможным датировать местонахождения в Синьцзяне красной расписной керамики началом I тысячелетия до н. э. Это чрезвычайно важно, так как позволяет поставить эту посуду в прямую связь с аналогичной ей посудой, найденной на поселениях Чуст, Дальверзин и др., изученных за последние годы в Фергане и также относящихся к концу II и к I тысячелетию до н. э.[33] Мы получаем здесь первое достоверное свидетельство связи культуры расписной керамики юга Средней Азии с Синцзяном, пусть пока сравнительно позднего времени. Все же это весьма существенное само по себе открытие укрепляет уверенность в том, что и отрывочные факты сходства более древних находок расписной керамики в Синцзяне с неолитическими памятниками Южной Туркмении не случайны, а являются ценнейшими указателями направления дальнейших плодотворных поисков. Они обязательны хотя бы уже потому, что смогут объяснить реальной действительностью то сходство элементов орнаментации Анау и Яньшао, которые были отмечены выше при разборе росписей Мяодигоу (рис. 2, *21*). Недаром черепок с берегов Лобнора (рис. 3, *5*) уже сейчас является в этом отношении как бы связующим звеном!

Четвертый район, тесно связанный с древними памятниками с расписной керамикой Ганьсу — Нинся и Шаньси — Шэнси — Хэнани, составляют памятники, находимые к северу от Великой Стены — на юге Внутренней Монголии (в б. провинциях Суйюань и Жэхэ) и в южной части провинции Ляонин.

Здесь, на крайнем востоке района, еще в 1921 г. Андерсон раскопал в гроте Шакотун слой с расписной посудой[34], которую специалисты определили временем Яньшао, указывая, однако, на наличие вместе с нею посуды гобийского неолита и луншанских типов[35].

С тех пор в различных местах вдоль Великой Стены были найдены стоянки с расписной керамикой, в своих формах и росписи сочетающей элементы Яньшао и Ганьсуйской группы[36]. Наиболее ярким примером этих памятников являются местонахождения с расписной керамикой в местности Хунь-Шан в центральной части провинции Жэхэ (рис. 3, *8—10*)[37]. Наряду с приведенными на рисунке формами, из которых чаши особенно близки поздним яньшаоским, здесь найдены и закрытые урны с узким горлом и ручками на тулове, совершенно совпадающие по форме с ганьсуйскими[38]. Вместе с тем всю эту группу отличает широкое применение наряду с черной росписью красной, что, по-видимому, и является ее особенностью. Наличие во всех этих местонахождениях (от Тайшекоу на севере Шанси[39] и до Шакотуна на востоке) серой керамики, форм уже живо напоминающих луншанскую со средней Хуанхэ, может быть, позволит относить сложные культуры расписной керамики этого района ко второй половине периода Яньшао и видеть в ней несколько более позднее формирование, однако генетически, несомненно, связанное и с Яньшао и с Ганьсуйской группой.

Выдвинутая далеко на север за горный предел Ляоси, эта культура включила в себя и ряд северных элементов — гобийского неолита, неолитической культуры Линси, а на Востоке и особенности культур северо-востока — Северного Гирина и Кореи.

Но самое важное, конечно, заключается в том, что всеми приведенными материалами очерчивается огромная территория Китая, занятая еще во время развитого неолита близкими друг другу культурно-историческими группами, отражающими оседло-земледельческую жизнь племен, вероятно родственных друг другу и этнически. Только учитывая этот массив неолитических культур расписной керамики можно понять и необычайную широту распространения по Китаю расписной посуды в последующее луншанское время.

* * *

При рассмотрении периодизации культуры Яньшао уже было отмечено, что в настоящее время китайские археологи возникновение культуры Луншан локализуют не в приморских восточных районах Китая, а в бассейне среднего течения Хуанхэ (на основе Яньшао). Этот вывод имеет исключительно важное значение, показывая, как создавалось культурно-историческое единство в бассейне Желтой реки в последующий за

---

[33] Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957; В. И. Спришевский. Чустское поселение эпохи бронзы. КСИИМК, вып. 69, 1957; его же. Раскопки Чустского поселения в 1955 г. ИАН УзССР, серия общественных наук, 1957, № 1.

[34] J. G. Anderson. The Cave Deposit at Sha-kuo-t'un in Fengtien. Palaeontologia Sinica, серия D, т. I, вып. 1, Peking, 1923.

[35] Wu Gin-ding. Prehistoric Pottery in China, стр. 109—115.

[36] Лян Сы-юн. Неолитические каменные изделия и фрагменты сосудов, собранные в Чабуганьмяо, Линси, Шуанцзин, Чифын и других в Жэхэ. Тянье Каогу баогао, 1936, № 1, стр. 1—67.

[37] Archaeologia Orientalis, серия A, т. VI, Tokyo — Kyoto, 1938.

[38] Там же, рис. 52, *3*.

[39] E. Licent. Onze années de séjour et d'exploration dans le bassin de Fleuve Jaune. Publication de Musée Hoang Ho Pai Ho de Tientsin, № 38, Tientsin, 1936.

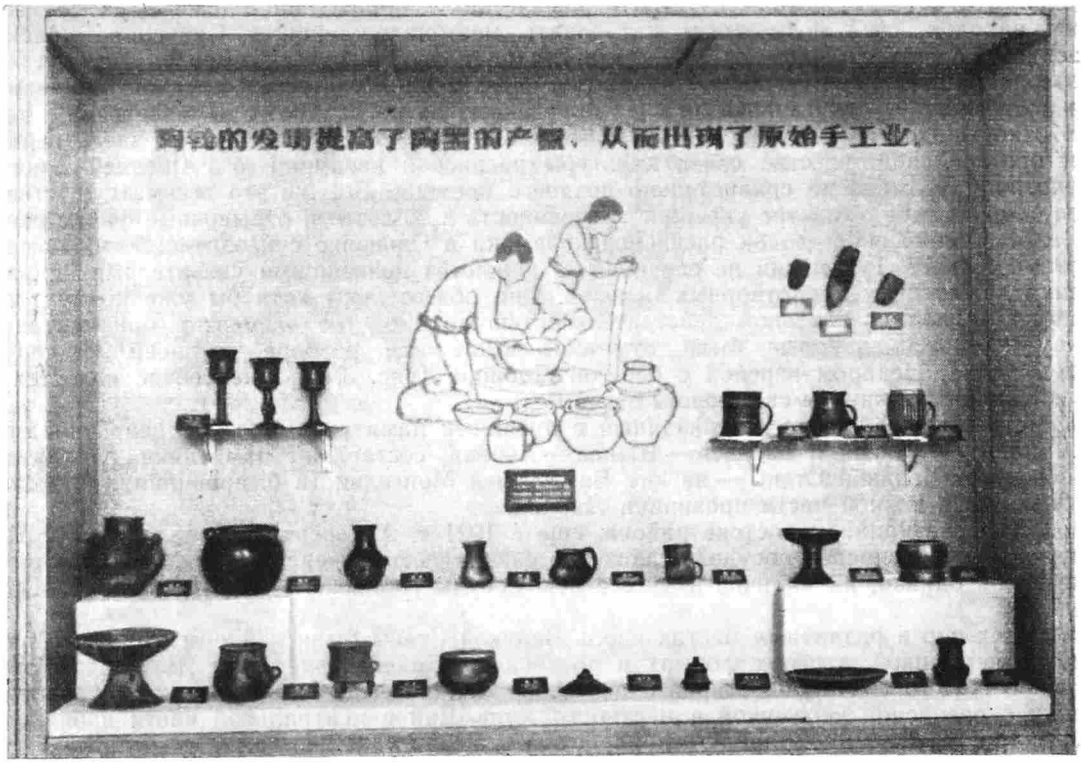


Рис. 4. Витрина керамики культуры Луншан в Историческом музее в Пекине

Яньшао период и в каком направлении шел процесс дифференциации отдельных групп. Вместе с тем это открытие заставляет вновь вернуться к некоторым вопросам культурно-исторических соотношений с Западом, с районом Ганьсу — Цинхая. Еще в 1948 г. проф. Ся Най, основываясь на своих раскопках 1944—1945 гг. в местности Янвавань провинции Ганьсу, пришел к выводу, что культура Цзицзя, которую Андерсон считал древнейшей, дояньшаоской, на самом деле относится к более позднему времени и, во всяком случае, соприкасается с Луншан [40].

В настоящее время, как сообщил мне Ся Най, все больше накапливается фактов в пользу того, что Цзицзя — современник Луншан [41]. Очевидно, исходя из этого в музеях Китая сосуды Цзицзя везде уже стоят после машанских.

Возвращаясь к культуре Луншан, следует отметить еще два весьма существенных момента. Прежде всего, это деление Луншан на два этапа. Первый, древнейший, пока обнаружен только в Шэнси-Хэнаньском районе уже во многих местах и всеми своими особенностями показывает происхождение культуры Луншан из Яньшао [42]. Второй этап особенно ярко представлен источниками восточного Китая и прежде всего Шандуна, где развивается изготовление очень тонкой черной лощеной до блеска посуды (рис. 4). Это так называемый классический Луншан [43]. Однако на средней Хуанхэ луншанская культура продолжает развиваться и на втором этапе. По словам Ся Ная, Хэнань-Шэнсийский Луншан на поздней ступени все еще сохранял местные элементы, наследованные от ранней ступени (в том числе и роспись), а с другой стороны, приобрел и некоторые особенности, характерные для шандунского варианта (например, тонкую посуду).

Другим новым моментом в изучении культуры Луншан является выявление почти во всех областях ее распространения наряду с серой, черной и светлой лощеной посудой своеобразных, иногда очень богатых росписей. Эти росписи, однако, не везде одинаковы. Они очень просты на сосудах из луншанских поселений на средней Хуанхэ, а также на стоянках, современных луншанской культуре, обнаруживаемых к северу от Великой Стены. При этом последние распространены гораздо дальше к северу, чем их предшественники — поселки времени Яньшао. Так, стоянка Ши-Пей-Линь с ее рос-

---

[40] Ся Най. Открытие новых захоронений периода Цзицзя и исправление его хронологии. Чжунго Каогу сюэбао, Шанхай, 1948, № 3, стр. 110—117.

[41] Ганьсуйский отряд Экспедиции района водоемов Хуанхэ: Раскопки стоянок Цзицзя в уезде Линься провинции Ганьсу. Каогу, 1960, № 3, стр. 9—12.

[42] К тому, что было сказано по этому поводу выше, следует прибавить, что в раннем Луншане наряду с позднеяньшаоской росписью сохранялись находившиеся в большом числе сосуды для воды — прямые потомки яньшаоских «амфор».

[43] Лян Сы-юн. Культура Луншан. КС, 1954, № 7, стр. 5—14.

писью, представляющей позднейший пережиток расписной орнаментации типа Хунь-Шан, образцы которой сочетаются с обломками сосудов, близких к луншанским, расположены в окрестностях современного Чанчуня, т. е. более чем в 500 *км* к северу от Стены [44].

Сохранилась в Луншанское время расписная керамика и на Ляодунском полуострове. Она отличается здесь многоцветной росписью, например расположенными в шахматном порядке желтыми треугольниками с коричнево-красной обводкой.

Эта часть Китая представляет интерес и в том отношении, что здесь расписная посуда, как и на западе, в Ганьсу и Синцзяне, сохраняется и в более позднее время. Известны, например, находки полихромных сосудов в бухте Бицзыво, относящиеся уже к началу железного века, т. е. к середине I тысячелетия до н. э. [45].

До недавнего времени считалось, что Шандун является областью распространения того классического варианта культуры Луншан, который не знал расписных сосудов.

Однако в 1959 г. и здесь произошли изменения. У сс. Баотоу и Даханькоу, в уезде Нинян, в провинции Шандун, обнаружены стоянки, в которых найдена тонкая луншанская посуда, черные лощеные кружки, вазы и бутылеобразные сосуды, триподы Kuei и Li, амфоры и вазообразные высокие прорезные поддоны из светлой глины и вместе с ними расписанные линейным узором, образующим ромбы и решетку, волнистыми и ломаными линиями бутыли, криночки, «чайники», кружки и триподы Ting. Эта роспись живо напоминает позднеяньшаоскую и особенно луншанскую из Шэнси и Хэнани. Но там же оказались сосуды совершенно иной раскраски с ромбами, треугольниками и спиралями, нанесенными темной краской, но обрамленными белой [46]. Совершенно прав издатель журнала «Вэнь у» Ван Е-тю, который назвал эту находку «самой неожиданной и требующей внимательнейшего изучения». Уже сейчас можно признать, что она совершенно изменяет наши представления о культуре Шандуна и заставляет признать распространение и сюда яньшаоских элементов. Что же касается керамики с белой росписью, то она исключительно интересна и важна. Она своей техникой оконтуривания весьма близка к ляодунской и тем самым подтверждает высказанное ранее предположение о связи этой последней с культурой Луншан.

Но, как показало мое знакомство с коллекциями, белая роспись отнюдь не являлась особенностью восточных приморских районов в луншанское время. В Историческом музее в Пекине хранится замечательная коллекция со стоянки Чуцзямин, исследованной в уезде Тинсан, в провинции Хубэй. Ее отличительной особенностью является наличие большого количества небольших конических стаканчиков, совершенно аналогичных найденным в поселении луншанского времени в Мяодигоу (рис. 3, *14, 15* и рис. 2, *33*). Луншанский возраст стоянки определяется также большим количеством темно-серой полированной посуды, особенно треножниками и вазами на высоком поддоне с отверстиями (рис. 3, *17, 18*). Вместе с этими сосудами, типичными для Шэнси-Хэнаньского Луншана, найдена и светлая розовая посуда, покрытая росписью в виде сетки, также характерной для начала луншанской культуры (рис. 3, *11, 13, 16*). Но этим не исчерпывается керамическое богатство Чуцзямина. Там найдена чаша, украшенная росписью с белым точечным узором и обводкой (рис. 3, *12*).

Этим доказывается, что роспись белым была распространена не только в восточных районах, но и в материковой части страны. При этом весь комплекс Чуцзямина не оставляет сомнения в том, что он принадлежит луншанскому времени.

Таким образом, облегчается задача определения времени шандунских находок, а вместе с ними и близких к ним с Ляодуна и других мест китайского поморья. Не говорю уже о том, что наличие луншанских памятников и расписной керамики в Хубэе, к югу от Хуайяньшаня, в бассейне Янцзы, само по себе представляет факт крупнейшего историко-культурного значения, так как опровергает старую точку зрения на бассейн Хуанхэ как на область многовековой изоляции от Юга [47]. И в этой связи несомненный интерес представляют те пока еще немногие обломки расписной керамики из местности Таншисон в провинции Фуцзянь (рис. 3, *21*), которые принадлежат, по-видимому, к тому же кругу поздней расписной посуды и свидетельствуют о возможном проникновении культуры Луншан не только в Чжэцзян, где в окрестностях Ханьчжоу найдены ее бесспорные образцы [48], но и много дальше на юг, в пределы Фуцзяни. Эпоха Луншан становится, таким образом, не временем какого-то обособления отдельных

[44] S. Mazuno. Neolithic Sites at Shin-pei-ling and Tieh-ling. Journal of the Anthropological Society of Tokyo, т. 51, ч. 3, 1936, стр. 11—27.

[45] K. P. Hamada, Pi-tzu-wo. Prehistoric Sites by the River Pi-liu-ho, South Manchuria. Archatologia Orientalis, серия A, т. I, Tokyo — Kyoto, 1929.

[46] Расписная черная, белая керамика и изделия из кости, найденные на древних поселениях в д. Баотоу и Даханькоу уезда Нинян, провинции Шандун. Вень у, 1960, № 2, стр. 1—4 и обложка.

[47] Ср. также «Нанкинский музей. Первая и вторая раскопка в Бэйнь-яньъинь». КС, 1958, № 1, стр. 7—24; Краткое сообщение о раскопках неолитической стоянки в м. Ицзяшаньу у. Цичунь провинции Хэбей, Каогу, 1960, № 5, стр. 1—6. До недавнего времени провинция Хэбей считалась лишь испытывавшей влияние луншанской культуры. Однако Комитет по охране памятников культуры провинции Хэбей благодаря раскопкам стоянки у г. Таншань доказал наличие там ярко выраженной культуры Луншан (см. КС, 1959, № 3, стр. 17—35).

[48] Труды Музея Западного озера провинции Чжэцзян. Ханьчжоу (на кит. яз.).

районов Китая, как это представлялось, когда знали только шандунские укрепленные поселения этой культуры. Эта эпоха, наоборот, становится новым периодом более широкого культурно-исторического объединения, хотя, конечно, при таком широком распространении локальные различия должны быть изучены так же, как и общие черты.

* * *

Вопрос о происхождении культуры шанского общества решается сейчас иначе, чем в недавнее время, когда предполагалось, что встреча позднеяньшаоской культуры с луншанской, распространявшейся из Шандуна, где-то в районе Аньяна — Кайфына послужила толчком к развитию там культуры Шан. Теперь твердо установлено, что культура Шан возникла на основе луншанской культуры, и, следовательно, задача заключается не в примитивно-этнографическом объяснении сложения этой качественно новой культуры, а в раскрытии более глубоких причин социально-экономического характера.

Но не только это является новым в археологии шанского периода. Ниже будут представлены материалы, свидетельствующие о том, что культура шанского типа вовсе не была ограничена только районом сложения шанского общества в Хэнани. Таким образом, в свете археологических фактов мнение о том, например, что чжоусцы только в борьбе с шанцами и, особенно, после победы 1022 г. восприняли достижения культуры Шан-Инь, теряет под собой почву. Все выглядит гораздо сложнее.

Однако прежде всего необходимо отметить основное достижение археологов КНР в изучении культуры Шан. Им удалось, наконец, начать изучение памятников древнейшего периода — XVII—XV вв., которые до сих пор не были известны, и освещение шанской истории реальными фактами ограничивалось только вторым периодом — XIV—XI вв. до н. э.

Благодаря любезному содействию начальника Экспедиции по изучению памятников культуры провинции Хэнань проф. Си Сун-чан я имел возможность ознакомиться с последними открытиями в Чжэнчжоу. Мне была показана крепостная стена шанского города, сохранившаяся на протяжении 250 и 1100 *м*. Судя по тому, что из нее выпадают шанские черепки, она относится не к начальному периоду жизни шанского поселения. Остатки этого последнего прослежены на северной окраине современного города. Здесь под кирпичным футляром сохранен контрольный разрез, в котором ясно видны исследованные наслоения: эпохи Чжоу, лежащее под ним позднего Шан и еще ниже лежащее раннего Шан [49].

При раскопках этого места найдено очень много посуды, главным образом серой хорошо лощеной, а также большое число триподов, покрытых «веревочно-штриховым» узором. Вся эта посуда совершенно аналогична найденной на другом древнешанском поселении в Чжэнчжоу, в местности Эриган [50]. Она, безусловно, связана с более древней местной керамикой луншанской культуры.

На обоих этих поселениях найдена и древнейшая шанская бронза. Прежде всего обращают на себя внимание кельты особого типа, очень массивные, с украшением в виде «носа» и даже «глаз» на лицевой стороне (рис. 5, *1* и рис. 6, *1—4*).

Как увидим ниже, эта форма явилась исходной для кельтов второго шанского периода и для позднейших кельтов с периферии, например, из Внутренней Монголии и Гирина. Но прежде всего надо подчеркнуть, что эти кельты, по-видимому, древнейшие в Старом свете. Из других бронзовых орудий древнего шанского времени следует отметить плоские топоры из тонкой пластики с округлым отверстием в центре и двумя отверстиями с края для привязывания к рукоятке (рис. 5, *2*). Они, безусловно, стоят в начале развития всевозможных плоских топоров и клевцов второго шанского периода (рис. 5, *18*; рис. 8, *11*). Ножи также весьма своеобразны (рис. 5, *3*, *4*). Они массивны и своей формой как бы открывают ряд позднейших ножей — резаков и «алебард» аньянского периода Шан (рис. 8, *1—4*) [51]. Гораздо более совершенными оказались бронзовые наконечники стрел из Эригана. Нужно думать, что это объясняется длительным временем выработки формы двухпёрой черешковой стрелы в предшествующее время, когда уже научились выделывать прекрасные наконечники из кости и особенно из сланца.

Открытие древнейших шанских памятников, в которых в большом числе оказались глиняные сосуды форм, известных по случайным находкам и в бронзе, позволило вновь

---

[49] Только что стало известно еще одно двухслойное поселение шанской эпохи в у. Синьсянь провинции Хэнань. См. КС, 1960, № 1.

[50] Экспедиция по изучению памятников культуры при отделе культуры провинции Хэнань. Эриган в г. Чжэнчжоу, Пекин, 1959; см. также «Раскопки стоянок династии Инь в Чжэнчжоу». КС, 1957, № 1, стр. 53—74; Раскопка стоянки Колованцзунь ок. Чжэнчжоу. КС, 1958, № 3, стр. 41—62.

[51] Может быть, следует отметить, что эти массивные ножи из Чжэнчжоу (особенно рис. 5, *3*) находят себе почти полную аналогию в ранних формах металлических изделий в Анау и в известной находке около Иссык-Куля.

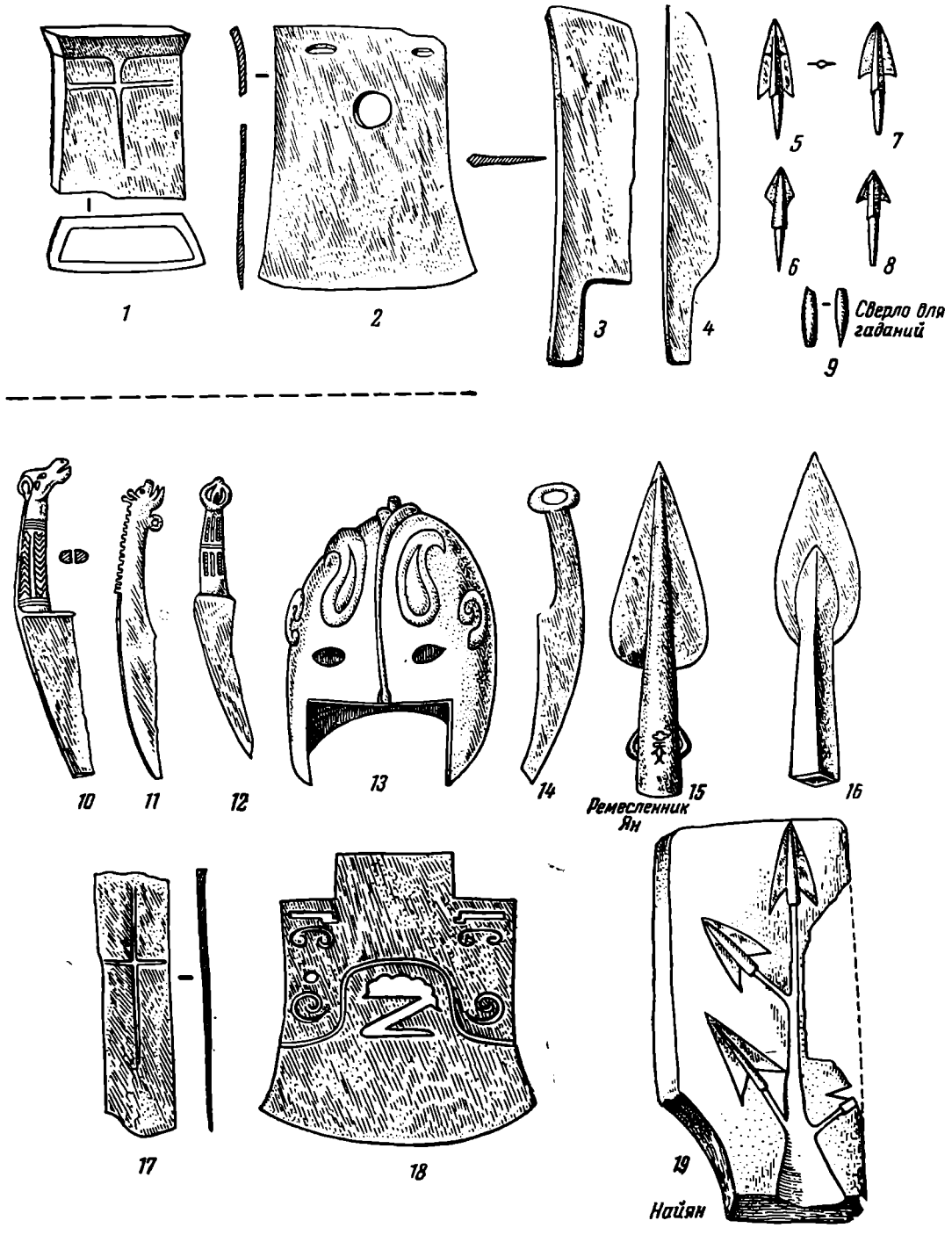


Рис. 5. Два этапа бронзы Шан-Инь

Р а н н и й э т а п: *1—4, 7, 9*—сев. окраина г. Чжэнчжоу (из собрания Экспедиции по изучению памятников культуры провинции Хэнань в г. Чжэнчжоу); *5, 6, 8* — Эриган в г. Чжэнчжоу (то же собрание, ср. Эриган в г. Чжэнчжоу. Пекин, 1959, табл. XVII, *5—7*; (на кит. языке); П о з д н и й э т а п: *10* — Аньян (то же собрание); *11—13* (*13* — глаза на шлеме не прорезные, см. M. Loehr, Chinese Bronze age Weapons. 1956, табл. I); *15* Аньян (собрание Гугуна); *14* — Аньян (собрание Народного парка Писансан в Чжэнчжоу); *16—18* Чжэнчжоу. Народный парк (собрание Экспедиции по изуч. памятников культуры пров. Хэнань)
(*1—10, 15, 19*—1/4 нат. вел.; *11, 12, 14*—1/6; *13*—1/9)

сосредоточить усилия по классификации шан-иньских бронзовых сосудов с целью выявления их ранних («чжэнчжоуских») и поздних («аньянских») форм.

Сейчас над этим работает ряд специалистов, и их труд уже нашел свое отражение в экспозициях Исторического музея в Пекине. Там создана специальная витрина, в которой на верхней полке показаны древнейшие формы шанских бронзовых сосудов, а на нижней — более поздние (рис. 7).

Исключительно важна находка в Эригане бронзового наконечника сверла для гаданий (рис. 5) и целой серии лопаток барана и других животных, на которых высверливались гадальные ямки. Раскопками доказано, что этот прием гаданий, превратившийся в аньянское время Шан-Инь (XIV—XI вв.) в гадание на костях с помощью

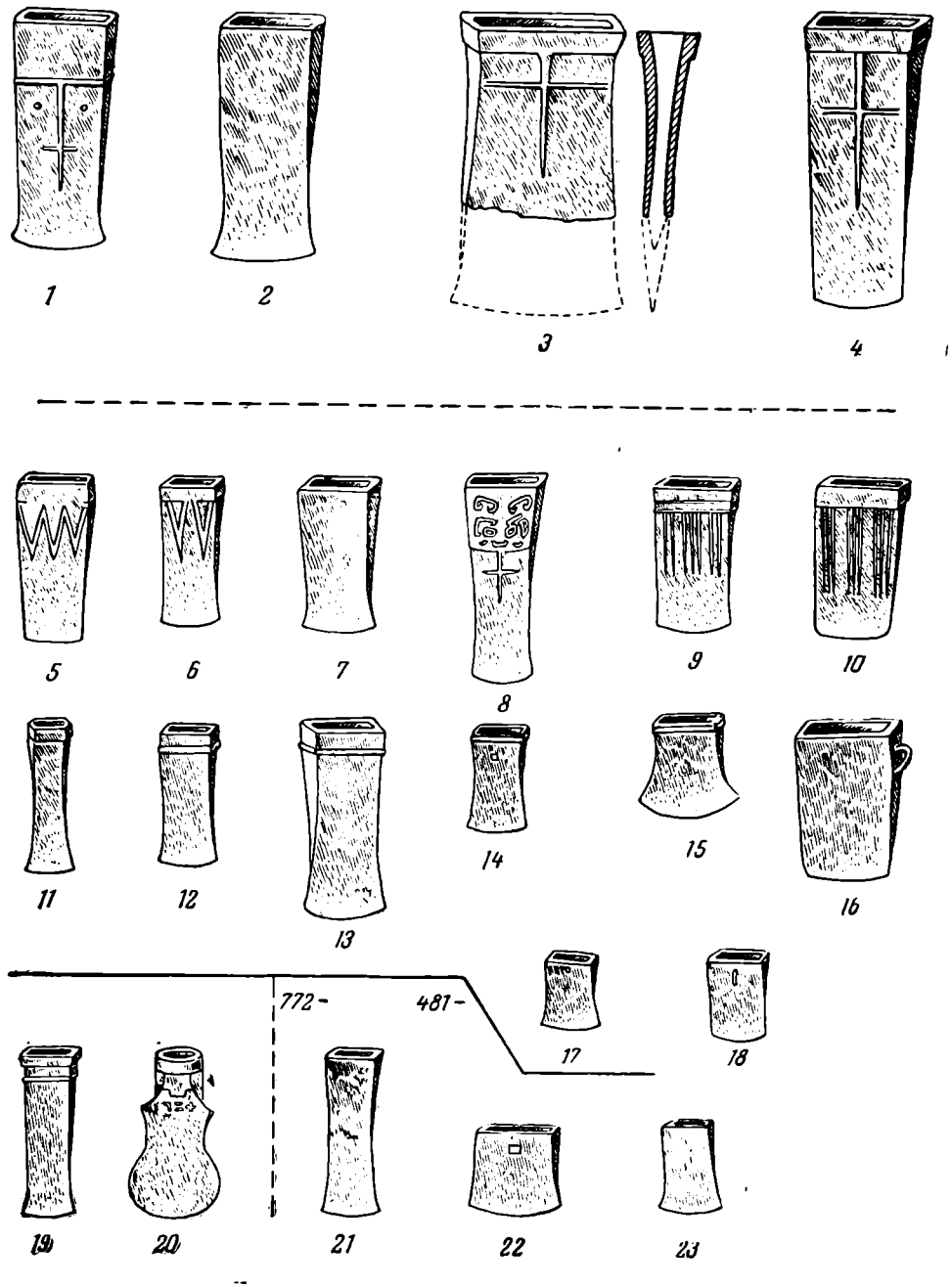


Рис. 6. Кельты древнего Китая

XVII—XV вв. до н. э.: *1, 2* — из Кайфынского музея (собрание Народного парка Писансан в г. Чжэнчжоу); *3* — северная окраина г. Чжэнчжоу (собрание Экспедиции по изучению памятников культуры провинции Хэнань в г. Чжэнчжоу); *4* — Эриган в г. Чжэнчжоу (собрание Исторического музея в Пекине); XIV—XI вв. до н. э.: *5* — Аньян (выставка «Искусство Китая» в Москве в 1959 г.; *6, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18* — Сиань (собрание Шенсийского музея); *8* — Сев. Китай (Archaeologia Orientalis, серия B, т. I, ч. II, рис. 4); *10, 16* — из собрания Исторического музея в Пекине; *13* — стоянка бронзолитейщиков в Найяне на юго-западе пров. Хэнань (собрание Экспедиции в Чжэнчжоу); XI — VIII вв. до н. э.: *19, 20* — провинция Сычуань (собрание Исторического музея в Пекине); VIII—V вв. до н. э.: *21, 22* — из того же собрания; *23* — пров. Сычуань (то же собрание) (*1—4, 13* — 1/4 нат. вел.; *5—12, 14—23* — 1/6)

надписей, зародился задолго до Шан еще в луншанское время [52]. Это служит еще одним доказательством тесной связи обеих культур. Здесь же следует отметить, что способ гадания на лопатках при помощи сверла получил широкое распространение в конце неолита и в начале бронзового века. Об этом я мог судить по карте, выставленной в Историческом музее в Пекине, на которой отмечены следующие находки гадальных лопаток по Китаю: 1) Ямняньский (корейский) азт. окр., у. Ванчин; 2) Ляодун, окр. г. Дальнего; 3) Ляонин, окр. г. Цзинчжоу, 4) Хэбей, у. Линюань и окр. г. Тенсан, 5) Шанси, у. Чанъан, 6) Шандун, у. Личан [53], 7) Аньхуэй, у. Юнчен, 8) Цзянсу, окр. г. Нандин и 9) Хэнань, окр. г. Чжэнчжоу.

[52] См. выше о находке в Ченцзыяй.

[53] Ченцзыяй.

Вместе с тем определенно выясняется, что в ранний шанский период, очевидно, письменность еще не существовала, так как ни на одной гадальной лопатке и ни на одном предмете этого времени не найдено никаких ее следов. Это, конечно, необходимо учесть при выяснении особенностей социально-экономического состояния в раннешанское время. Пока, во всяком случае, экспозиции в музеях КНР все общество Шан-Инь (XVII—XI вв. до н. э.) характеризуют как рабовладельческое.

Ознакомление с коллекциями из старых и новых раскопок и находок, относящихся к аньянскому периоду Шан-Инь, было особенно трудоемким. Музеи Пекина, Чжэнчжоу, Лояна и Сиани имеют богатейшие собрания керамики, бронз, нефрита и других материалов этого времени. Естественно, что я не имею никакой возможности описать здесь все эти богатства, занимающие, например, в «Гугуне» несколько обширных зал (в том числе половину огромного павильона Баохэдянь). Поэтому, отсылая к рисункам, на которых воспроизведены главным образом орудия и оружие «аньянского» периода, я остановлюсь лишь на некоторых новых фактах и отдельных вопросах этого времени.

Первое, на что приходится обратить внимание при изучении второго периода культуры Шан-Инь,— это развитие втульчатых орудий и оружия. Если на первом этапе в Чжэнчжоу мы встречаем втульчатое скрепление только у кельтов, то теперь, помимо этих орудий, мы видим большое число втульчатых копий, проушных клевцов и топоров (рис. 8, *19—21*).

Правда, наряду с ними применяются и плоские топоры «Юэ» (рис. 5, *17, 18*), а также плоские, зажимавшиеся в рукоятку клевцы «Ко» (рис. 8, *10, 11*) [54]. Даже «алебарды» — тао (рис. 8, *3, 4*) в конце периода Шан-Инь становятся втульчатыми, так же как и массивные секиры, украшенные антропоморфными изображениями на втулке [55].

Второе — это появление в аньянском периоде культуры Шан-Инь реалистических скульптурных изображений зверей. Головками лошадей, баранов, антилоп и других животных украшаются теперь рукоятки ножей и другие изделия (рис. 5, *10, 11;* рис. 8, *5*). Даже на бронзовых вазах, стенки которых обычно покрываются меандрическим узором и схематическими масками Тао-тэ, отливаются в это время прекрасно выполненные изображения животных, например, голов горных баранов [56]. Изучение этих изображений обнаруживает прежде всего их поразительное сходство с украшениями бронзовых ножей, кинжалов и других предметов, находимых к северу вдоль Великой Стены [57], в Монгольской Народной Республике [58], в Забайкалье [59] и особенно в карасукских могилах Минусинской котловины на Среднем Енисее [60].

Это вновь поднимает вопрос о соотношении степных культур Востока, Центральной Азии, Сибири и древнего Китая.

В результате последних находок как в Китае периода Шан-Инь, так и в степной зоне одно за другим отпали те немногие возражения, которые все еще выставлялись против китайской основы особенностей бронзы этих степных культур.

Против бесспорных сопоставлений аньянских ножей со степными и карасукскими возражали, что эта общность, объясняемая эпохой, может быть «модой». Однако приводимый мною на рис. 5 нож с головкой барана не только этой скульптурой сходен с карасукскими и центральноазиатскими (из Ордоса и Суйюани), но и отделкой ручки, прорезью в ней, елочным узором, заключенным сверху и снизу в горизонтальные пояски. То же следует сказать и о ноже с бубенчиковидным навершием (рис. 5, *12*). Он всей своей отделкой необыкновенно сходен с карасукскими и монгольскими (района Великой Стены). Однако в находках в Аньяне и в Чжэнчжоу (аньянского периода) за последние годы найдены ножи, настолько близкие к степным, что я не взялся бы их отличить. Их смело можно принять за карасукские с Енисея [61]. Но, может быть, самое замечательное совпадение мы получили в находках так называемых «предметов неизвестного назначения» — пластин с двумя дугами по концам, украшенными или бубенчиком, или головкой животного (рис. 8, *5, 6*). Их происхождение несомненно. В собраниях китайских музеев и даже в частных коллекциях их десятки. Много вывезено их и за границу [62]. Найдены они в комплексе только в могилах Шан-Иньского времени в районе Аньяна.

---

[54] В собраниях музеев я зарегистрировал 30 плоских клевцов и 8 плоских топоров, а втульчатых 20 клевцов и 5 топоров.

[55] Сужу об этом по Альбому древних бронз, любезно показанному мне заведующим отделом Исторического музея тов. Шин Шоу-вын.

[56] Путеводитель по Историческому музею, Пекин, 1960, стр. 9 (на кит. яз.); ср. Ph. A. Herman. Ritual bronzes of ancient China. N. Y., 1945, табл. I.

[57] A. Salmony. Sino-Siberian Art. Paris, 1936; Archaeologia Orientalis, серия B, т. I, Tokyo — Kyoto, 1935, Corpus II and III.

[58] С. В. Киселев. Монголия в древности. ИОИФ АН СССР, 1947, т. IV, № 4

[59] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XXIII, *1, 4* и *5*.

[60] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. XI, XII; K. Jettmar. The Karasuk Culture and Its South Eastern Affinities. BMFEA, № 22, 1950, стр. 83—126.

[61] Го Бо-цзюн. Отчет о раскопках в 1950 г. в Аньяне, табл. XXIII, *2* и XXVIII, *2*. Ср. также Loehr M., Chinese bronze age weapons. Baltimore Press 1956. табл. XVII, 32—34.

[62] International Exhibition of Chinese Art. Illustrated Supplement to the Catalogue. London, 1935—1936.

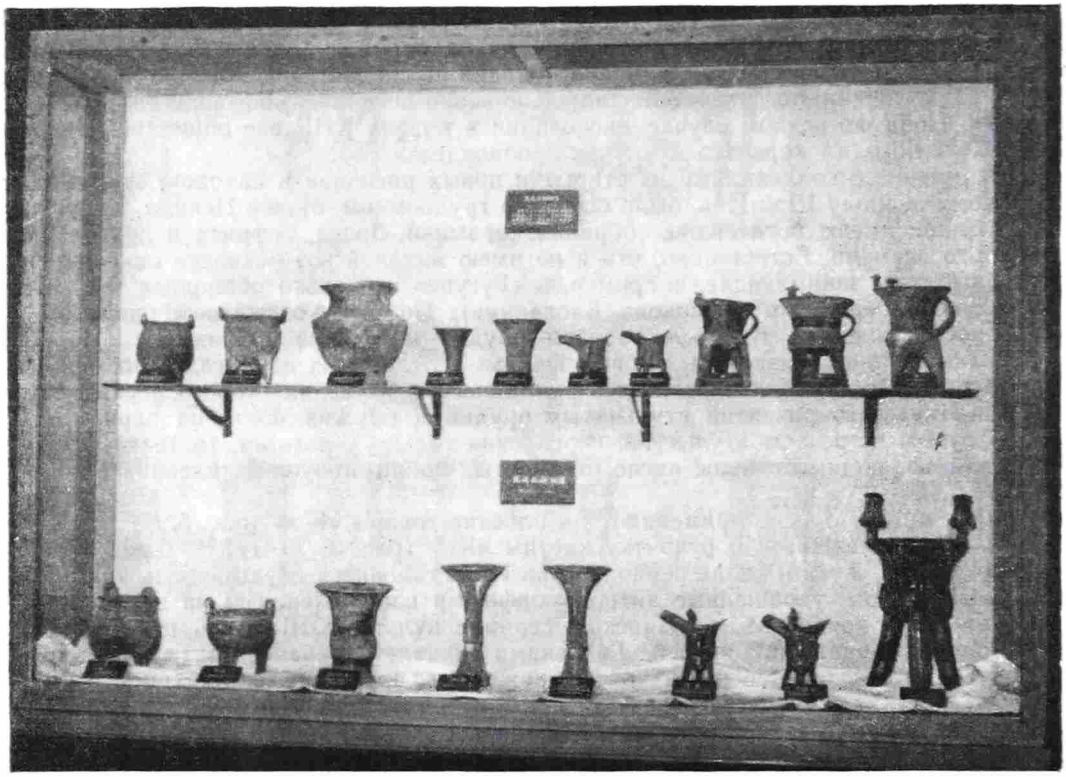


Рис. 7. Витрина бронзовых сосудов эпохи Шан-Инь в Историческом музее в Пекине. Верхний ряд—древние формы («чжэнчжоуские»), нижний ряд—поздние формы («аньянские»)

В 1950 г. проф. Го Бо-цзюн, исследуя большую иньскую гробницу около Аньяна между другими погребениями «сопровождающих», раскопал плохое по сохранности скелета, но богатое по инвентарю погребение Е 9. В нем в груде лежали четыре роскошно орнаментированных бронзовых сосуда с клеймами, в дно могилы были воткнуты два плоских и один проушной клевец «ко». Но самое замечательное было найдено в центре могилы (где, вероятнее всего, был пояс погребенного). Здесь вместе лежали бронзовый нож и так интересующий нас «предмет неизвестного назначения» [63]. Так был сделан важный шаг к определению этого загадочного изделия.

Но спустя семь лет этот факт приобрел совершенно исключительное значение в другом плане Известный исследователь древних памятников Хакассии А. Н. Липский при раскопках одного карасукского могильника раскопал целое погребение, в котором открыл совершенно аналогичную картину той, которую мы только что описали по раскопкам Го Бао-цзюна в Аньяне. В области таза скелета человека карасукской культуры лежали вместе массивный бронзовый нож, весьма близкий аньянским, и «предмет неизвестного назначения», также почти идентичный шан-иньским [64]. Здесь впервые мы имеем дело не только с находкой этого «таинственного» предмета в карасукском погребении, что кладет конец сомнениям скептиков в его культурной принадлежности (доходили и до этого!). Но — и это самое главное — мы присутствуем при факте тождества бытового применения этого предмета в сочетании с ножом и при тождественном положении их на Енисее и на Хуанхэ в погребальном ритуале. Мне представляется, что это обстоятельство имеет очень важное значение для решения вопроса о происхождении карасукской культуры на Енисее и столь сходной с ней культуры гробниц в Забайкалье [65].

В связи с обсуждаемым нельзя не отметить еще одну находку, прекрасно восстановленную теперь в Историческом музее Пекина. Я разумею шан-иньское погребение колесничего с колесницей, запряженной парой коней, раскопанное в 1953 г. в Ташкунцзун, около Аньяна. В кузове колесницы в переднем правом юго-западном углу и в заднем левом северо-восточном углу было обнаружено по одному интересующему нас здесь предмету. Их дуги заканчиваются бубенчиками, а пластины в центре украшены рельефной восьмиконечной звездой (рис. 8, *б*) [66]. Эти предметы явно принадлежали к

[63] Го Бо-цзюн. Ук. соч., табл. IV, *3* и табл. XXIII, *1 и 2*.

[64] Сообщение А. Н. Липского на Пленуме ИИМК АН СССР в 1958 г.

[65] Здесь уместно отметить, что в то время, когда писалась эта статья, мои ученики Ю. С. Гришин (нач. отряда), Г. И. Андреев, А. Е. Конюхова и Н. Н. Терехова открыли близ Верхнего Цасучея, на левом берегу р. Онон, в Читинской области, гробничное погребение с обломками триподов явно древнекитайской формы.

[66] Учебник «Основы археологии». Пекин, 1958, стр. 72 (на кит. яз.).

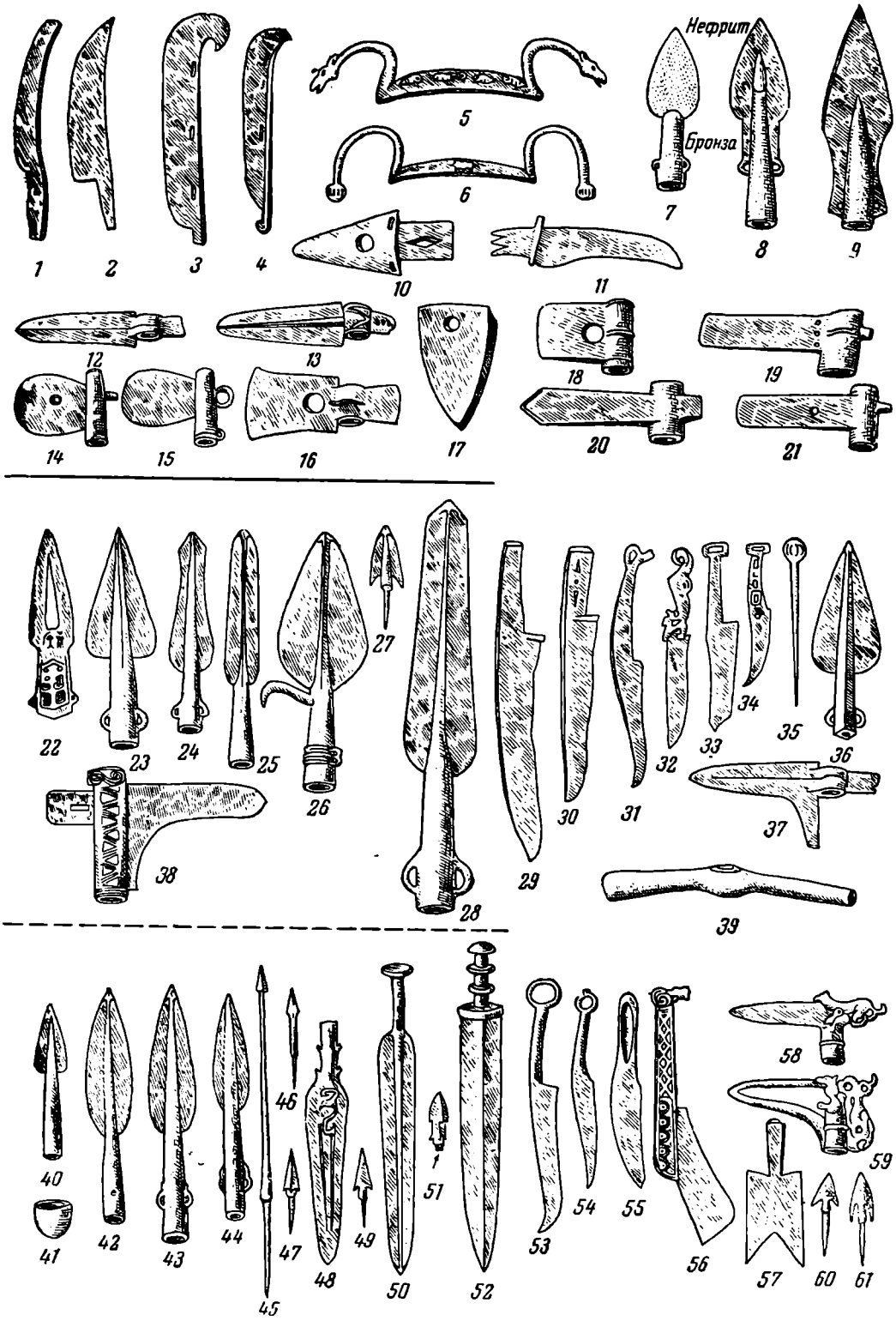


Рис. 8. Древние бронзы Китая

Эпоха Инь: *1* — Эриган в г. Чжэнчжоу (собрание Исторического музея в Пекине); *2* — Люлиге, у. Хуайсян (то же собрание); *3* — Аньян (Собрание Гугуна); *4, 5* — Сиань (собрание Шенсийского музея); *6* — погребение с колесницей в Ташкунцзуне ок. Аньяна, 1953 г. (собрание Исторического музея); *7, 8* — Аньян (собрание Гугуна); *9—19, 21* — Сиань (собрание Шенсийского музея); *20* — Аньян (собрание Ин-та археологии АН КНР в Пекине).

Эпоха Чжоу: *22* — из собрания Гугуна (надпись: «Кан-ху» — мл. брат У-вана); *23—26* — Сиань (собрание Шенсийского музея); *27—29* — Лоян (собрание Экспедиции по изучению памятников культуры провинции Хэнань в Чжэнчжоу); *30, 31* — Сиань (собрание Ин-та археологии АН КНР и Шенсийского музея); *32—34* — стоянка Цаньзяпо ок. Сиани (собрание Исторического музея, см. Каогу, 1959, № 10, табл. V); *35—37, 39* — Сиань (собрание Шенсийского музея); *38* — из собрания Гугуна.

Период Чуньцю: *40, 42* — из собрания Исторического музея в Пекине; *41, 43* — Сычуань; *44, 45, 51* — государство Е (то же собрание); *48* — Сычуань (собрание Гугуна; см. Каогу сюэбао 1956, № 1); *46, 47, 49* — пров. Чжэцзян (собрание Исторического музея в Пекине); *50, 52, 53* — из собрания Исторического музея в Пекине; *54—56* — Синцзян, у. Конайс, с. Чун на канале Чанухэ (то же собрание); *58, 59* — из собрания Гугуна; *57, 60, 61* — из собрания Исторического музея в Пекине

(*27, 29, 38, 39, 41, 53—56, 57, 60, 61*—1/4 нат. вел.; *30—37* — 1/6; *9—22, 40—49, 51, 58, 59* — 1/8; *1—8, 23—26, 50, 52*—1/10)

снаряжению колесницы, которая была боевой. Весьма возможно, что они служили держателями для копий, дротиков, клевцов, боевых топоров или другого оружия, которым снабжался колесничий в бою. Эта замечательная находка значительно прояснила вопрос о роли шан-иньских «предметов неизвестного назначения». Они являются принадлежностью колесницы. Но тогда можно допускать, что и в тех погребениях, где эти предметы найдены без колесницы, также были похоронены колесничие, с которыми клали наиболее заметную часть убранства колесницы. В этой связи встает вопрос о том, можем ли мы и в карасукских погребениях, подобных открытому А. Н. Липским, видеть погребения колесничих. Могу только напомнить, что в Красноярском музее хранится плита, на которой никак не позднее карасукского времени высечено изображение повозки, запряженной конем[67]. Конечно, это не колесница, но это изображение и ритуал погребения, открытого А. Н. Липским, делают весьма возможным ее наличие на Среднем Енисее в карасукской культуре, столь тесно связанной с близкими к ней культурами Центральной Азии и района Великой Стены. Эти же последние сформировались под сильнейшим воздействием шан-иньской культуры.

Третий вопрос, который я хотел бы осветить, относится к распространению шан-иньской культуры в аньянский период. Выше уже отмечалось, что за последнее время сделано немало находок шан-иньских вещей, особенно бронз около Сиани. Сианьский музей располагает сейчас немалой коллекцией местных находок изделий шан-иньского типа. Это очень важно, ибо начинает подрывать теорию исключительности шанцев и первоначального варварства Чжоу. Однако типично шан-иньские плоские клевцы «ко» найдены и в более отдаленных от Аньяна районах, например, в Сычуани. Плоский клевец и типично шанский нож-резак найдены и в Хубэе. Находки шанских вещей зарегистрированы сейчас и около Пекина. Сотрудники музея в Шеньяне говорили мне, что только на самом юге провинции Ляонин можно проследить наличие позднешанских и раннечжоуских находок бронзы.

Далее, к северу, лежит уже зона культуры Южной Монголии и Ордоса, отражающей связи с шан-иньской культурой, но представляющей их в существенно переработанном виде. Но, во всяком случае, просмотренные мною материалы говорят о гораздо более широкой территории бытования элементов шан-иньской культуры, чем это представлялось раньше. Но эта относительно большая широта распространения элементов шан-иньской культуры только подчеркивает исключительную концентрацию этих элементов в районе собственно шан-иньского расселения в провинции Хэнань и особенно в окрестностях Аньяна. Причем один важнейший элемент — письменность — концентрируется исключительно там. Пока только в позднешанских слоях Чжэнчжоу найден всего один обломок кости с шанскими иероглифами. Эта особенность ярко выделяет культуру самих шанских племен аньянского периода (XIV—XI вв.) от всего окружающего и от их собственного культурно-исторического состояния на первом (Чэнчжоуском) этапе в XVII—XV вв. до н. э.

Выше при описании бронз раннего периода Шан по находкам в Чэнчжоу уже отмечалось, что найденные там кельты являются самыми древними в Евразии. Только кельты так называемого сейминo-турбинского типа, находимые на широком пространстве на Нижней Оке (Сейминский могильник[68]), на Средней Каме (Турбинский могильник[69]), на Урале (Горбуновский торфяник[70]), в Западной Сибири и Казахстане[71], на Нижней Томи (поселение Самусь IV[72]) и на Среднем Енисее[73] могут быть сравнены с шанскими, но и они, во всяком случае на западе области своего распространения, датируются временем не ранее XV в. до н. э.[74], а их производные, находившиеся в тех же районах, относятся и к более позднему времени. Между тем шанские кельты в аньянский период, как показывает рис. 6, получают дальнейшее развитие и дифференцируются как по форме, так и по украшению. При этом они, безусловно, оказывают большое воздействие и на соседние области. В этом нас убеждает прежде всего рис. 9, где показаны все характерные формы кельтов, найденных во Внутренней Монголии и Гирине. Кельты двух верхних рядов этой таблицы (рис. 9, *1—10*) исключительно близки к шанским, как древнейшим, так и, особенно, аньянского периода. Те же формы, та же орнаментика. Кельты — рис. 9, *11—24* — относятся к более позднему времени, особенно изображенные на рис. 9, *17—22*. Эти последние найдены в погребениях эпохи Чуньцю

---

[67] М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2, стр. 82—83.

[68] В. А. Городцов. Культура бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 год. М., 1916, стр. 186 сл.

[69] O. Bader. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, т. 59, № 1, Helsinki, 1957.

[70] Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, рис. 10, *2*.

[71] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Тр. ТОАМ, Гос. Эрмитаж, т. I, Л., 1941.

[72] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, № 4, стр. 154—165.

[73] М. П. Грязнов. Ук. соч., табл. II.

[74] M. Gimbutas. Borodino, Seima and their Contemporaries Proceedings of the Prehistoric Society for 1956, т. XXII, № 9, стр. 143—172.

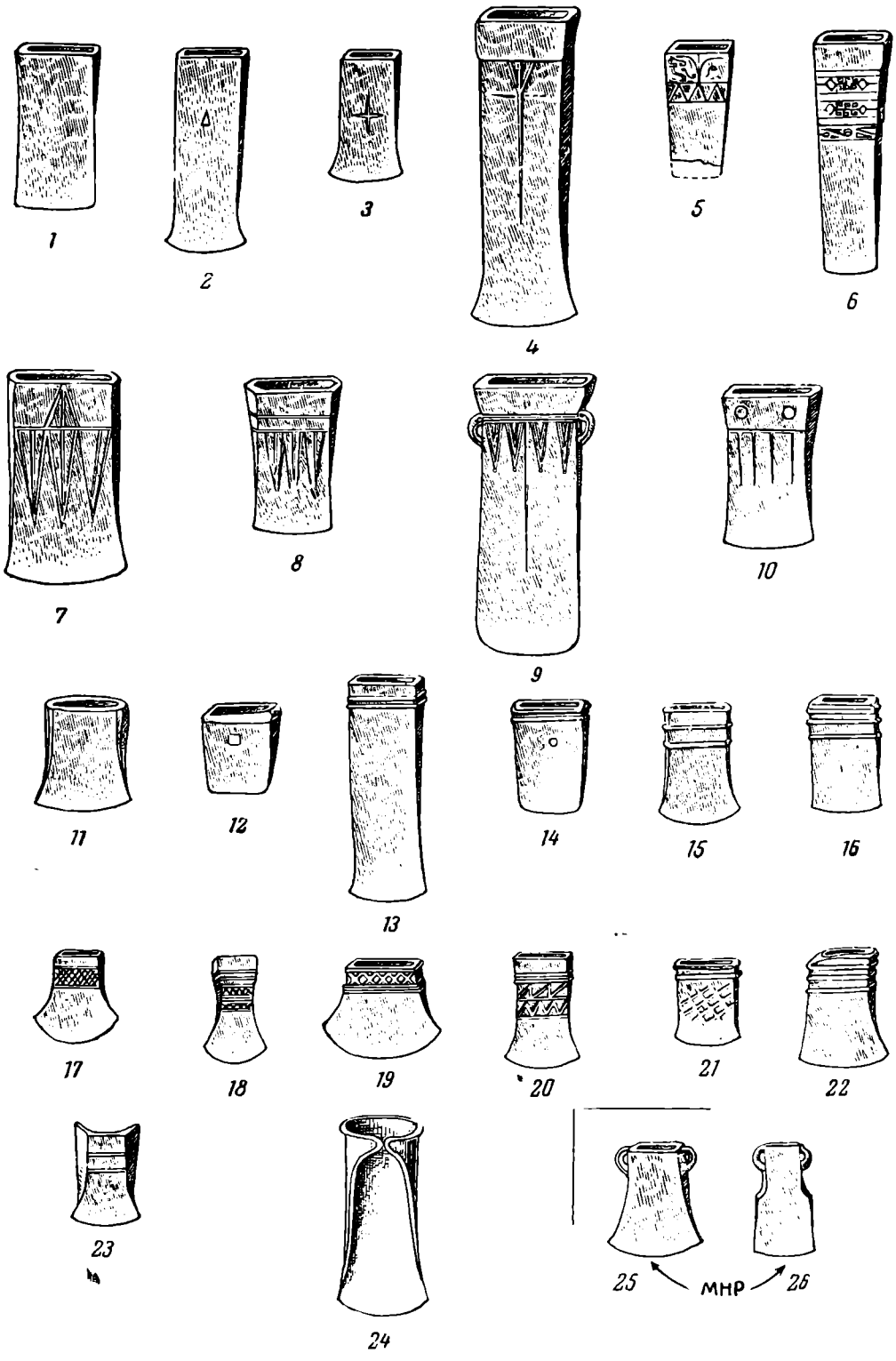


Рис. 9. Кельты Внутренней Монголии и провинции Гирин

1—15, 20, 21, 23, 24—южная часть Внутренней Монголии (б. пров. Жэхэ и Суйюань; см. Archaeologia Orientalis, серия B, т. I, Corpus I); *16* — Внутренняя Монголия (собрание Харбинского музея); *17* — Гирин (собрание Исторического музея в Пекине); *18*—г. Цаян в Дунбэе (то же собрание); *19* — из каменного ящика в Садагоу пров. Гирин (собрание Музея в Чаньчуне); *22* — Внутренняя Монголия (собрание Харбинского музея); *25, 26* — Кельты из МНР (собрание Музея в Улан-Баторе) (*1—15, 17, 18, 20, 21, 23, 24*—1/6 нат. вел.; *16, 19, 22, 25, 26*—1/4)

и Чжан-го[75]. Но если мы продолжим изучение кельтов дальше на север и обратимся к Сибири, то обнаружится чрезвычайно интересная картина. Уже в Забайкалье и в Прибайкалье мы найдем кельты, украшенные прямоугольниками, «носами», кружками в виде «глаз» и линиями, спускающимися вниз по плоскостям кельта. Это сходство еще

[75] В. Е. Ларичев. Древние культуры Северного Китая. Тр. Дальневосточного филиала АН СССР, серия исторических наук, т. I, Саранск, 1959, стр. 75—95.

более усилится, если мы перейдем к ангаро-енисейским кельтам, подвергшимся специальным исследованиям, выяснившим их бытование в пределах конца II — и почти всего I тыс. до н. э.[76]. В этот же период бытовали и близкие к ним кельты Западной Сибири, Урала и Камы, где самые поздние формы, так называемые ананьинские, доживают до второй половины I тыс. до н. э.[77]. И при всех локальных различиях этих кельтов они представляют собой тесно связанную группу, распространившуюся на огромной территории в определенное время. В. А. Городцов, которому доступна была лишь, может быть, $^1/_{10}$ того количества кельтов, которыми мы располагаем теперь, еще в 1913 г. высказывал мнение о том, что кельты, и в частности рассматриваемая группа,— восточного происхождения[78]. В этом отношении вывод выдающегося русского археолога в то время был далеко впереди тех положений, которые формулировались крупнейшими учеными Запада, считавшими, что кельт произошел от палльштаба и совершилось это будто бы в Центральной Европе. Хотя от теории происхождения кельта от палльштаба скоро пришлось отказаться, еще долго удерживался взгляд на кельт как на орудие, возникшее в Средней Европе. Сейчас можно определенно сказать, что восточное происхождение кельтов становится очевидным, а это ведь факт крупнейшего историко-культурного значения. Он показывает, что развитие китайской культуры эпохи бронзы в определенный период оказало широкое воздействие не только на сопредельные с древним Китаем области Центральной Азии и Южной Сибири, но послужило импульсом для совершенствования бронзовой индустрии на гораздо более широких территориях не только Сибири и даже, в конечном итоге, не только Восточной Европы.

Однако, выясняя крупную роль китайской бронзовой индустрии в развитии бронзолитейного дела Евразии, особенно ярко выступающей при демонстрации приведенных фактов из истории втульчатого топора-кельта, мы должны считаться с двумя важными обстоятельствами.

Это прежде всего относительно позднее распространение древней металлургии в Китае. До сих пор ни в культурах типа Яньшао, ни в культурах, современных луншанской, несмотря на исключительно широкий объем работ, не найдено никаких признаков медной индустрии. Первый металл Китая — это бронза. Она появилась там в XVIII—XVII вв. до н. э., т. е. в эпоху, когда уже не медь, а бронза завершала свое распространение в Средиземноморье, Европе и в большинстве стран Азии, за исключением Переднего Востока, где это произошло несколькими столетиями раньше.

Уже это обстоятельство, а также появление бронзолитейного мастерства в Китае сразу развитым довольно высоко (о чем свидетельствуют последние находки в Чжэнчжоу), заставляет ставить вопрос о происхождении китайской металлургии бронзы извне. При этом остаются весьма сомнительными возможности южных и юго-западных связей через Индокитай и Индию. Гораздо более правдоподобен западный путь сношений через Синцзян со Средней Азией. Там уже в эпоху Анау III (Намазга IV) распространяется бронзовая индустрия. Этот процесс, таким образом, датируется для Туркмении концом III — началом II тысячелетия до н. э.[79]. Сходные с анаускими по форме орудия из бронзы найдены и на востоке Средней Азии около Иссык-Куля. Среди них особенно выделяется резак, весьма близкий к резакам из Чжэнчжоу (рис. 5, *3* и *4*)[80]. Конечно, пока это единичные факты, и они могут только подсказывать направление поисков решения вопроса о том, откуда занесена была в Китай индустрия бронзы.

Второй вопрос связан с тем крупным изменением всего облика шанской бронзы, которое наступило в аньянский период (XIV—XI вв.)[81]. Как уже было отмечено выше, в это время появились в бронзе Шань-Инь совершенно новые формы. Это, во-первых, крупные ножи-резаки вроде изображенного на рис. 5, *10*. Во-вторых, это копья с ромбическим стержнем и ушками в нижней части втулки. В-третьих, это кельты со спускающимися по плоскостям треугольниками, иногда шестигранные, иногда с небольшими ушками. В-четвертых, это распространенное в Шан украшение бронзовых изделий реалистическими изображениями зверей. Все эти элементы находятся в сейминотурбинском комплексе бронз, который в наиболее восточных районах своего распространения, в Казахстане и Южной Сибири, связывается с андроновскими памятниками и датируется серединой II тыс. до н. э.[82]. Законно встает вопрос, не могли ли южно-

---

[76] Н. Н. Диков. Бронзовый век Забайкалья, табл. XXXII, 10; Г. А. Максименков. Кельты красноярско-ангарских типов. СА, 1960, № 1, стр. 148—162.

[77] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 67—74.

[78] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России. Отчет Российского Исторического музея за 1914 год. М., 1916, стр. 193.

[79] В. М. Массон. Первобытно-общинный строй на территории Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 233 сл.

[80] Хранится в Гос. историческом музее в Москве.

[81] Preliminary Reports of Excavations at Anyang, ч. I—II, Peiping, 1929; ч. III, Peiping, 1931; ч. IV, Shanghai, 1933; G. Greel. La naissance de la Chine. Paris, 1937; The Exhibition of Early Chinese Bronzes. BMFEA, 1934, стр. 81—136. табл. I—XVI.

[82] К. В. Сальников. О датировке культур эпохи бронзы в Юго-Западной Башкирии. Научные исследования исторического факультета Уральского государственного университета за 1958 г. Тезисы научной конференции. Свердловск, 1959, стр. 31—33.

сибирские и восточноказахстанские очаги бронзовой индустрии андроновской культуры оказать в свою очередь воздействие на бронзолитейное дело и искусство литейщиков древнего Китая аньянского периода. Во всяком случае, именно в это время перечисленные особенности оказываются одинаково присущими обоим районам. И лишь во вторую очередь, после создания аньянского «стиля» бронзолитейного искусства Китая, началось обратное движение, отмеченное распространением в Забайкалье и на Саяно-Алтае культур карасукского типа. Мы датировали этот процесс XIII—X вв. до н. э. Однако теперь в связи с изменением даты конца Шан-Инь и на основе изучения процесса перехода от карасукской культуры к тагарской время развития карасукской культуры может быть расширено до IX—VIII вв. до н. э. И это замечательно совпадает с рядом особенностей в составе бронз времени Си Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.). Как показывает рис. 8, на котором во втором ярусе изображены западночжоуские бронзовые орудия и оружие, среди них встречаются карасукские формы, например, ножи, украшенные головкой барана, и ножи с сильно отогнутым острым концом клинка, а также плоские втульчатые клевцы с петлей на обушке (рис. 8, *31*, *34* и *38*). Все это, по-видимому, говорит о том, что карасукская культура и ей подобные в Забайкалье, в МНР, во Внутренней Монголии, в Гирине и Ляонине продолжали существовать и в си-чжоуское время. И вместе с тем не прекращался тот контакт между Севером и Китаем, который существовал издревле и был обоюдным.

В этой статье нет возможности рассматривать памятники бронзы первой половины I тысячелетия до н. э. и прежде всего древности периода Си Чжоу. Но некоторые замечания в связи с материалами, приведенными на рис. 8, сделать необходимо, поскольку это касается рассматриваемых вопросов связи Древнего Китая с Севером и Средней Азией. Рассмотрение западночжоуских форм прежде всего показывает, насколько сильным было в свое время сеймино-турбинское воздействие. Среди чжоуских копий продолжают постоянно существовать перешедшие из Шан-Инь копья с ромбическим стержнем и ушками в основании втулки, а также кельты сибирско-сеймин-ской формы (рис. 8, *23*, *26* и *35*; рис. 9, *9* [83]).

Вместе с тем следует отметить появление в западночжоуское время в Китае форм, которые стали характерными в Сибири уже в VII—V вв. до н. э. Это особые ножи с полой сверху рукояткой, в которую вкладывалось шило, украшенное кольцом или фигуркой, образовывавшей навершие ножа (так называемый «вкладышевый» нож Южной Сибири; рис. 8, *30*) [84].

В этот период появляются в Китае даже булавки, увенчанные прорезным шариком, столь частые в находках раннетагарского времени в Минусинской котловине.

Но вместе с тем главной особенностью комплекса бронзовых изделий периода Си Чжоу является его преемственность от Шан-Инь. Большинство вещей, изображенных на рис. 8, имеют своих предшественников среди шанских форм аньянского периода. К этому надо прибавить и сильнейшие связи между аньянской и чжоуской бронзовой посудой.

Время Чуньцю («Весна и Осень» — VIII—V вв. до н. э.) дает уже ряд совершенно новых форм (рис. 7). Однако и здесь связь с Севером и Западом прослеживается достаточно ясно. Традиционные втульчатые клевцы украшаются фигурками животных и даже сценами борьбы зверей, трактованными в типичном сибирском зверином стиле раннего тагарского времени (рис. 8, *58*, *59*). Бронзовые кольчатые ножи времени «Весны и Осени» также типично сибирские. Совершенно аналогичны сибирским и особенно монгольским бронзовые стрелы с железным черешком [85] (рис. 8, *51*, *53*, *54*).

Наконец, нельзя не отметить две находки этого времени из Синцзяна. Это прежде всего нож с рукояткой, украшенной рельефными перекрещивающимися линиями и кружками, увенчанной головкой барана (рис. 8, *56*). Особенностью его является необычное положение клинка, как бы вставленного под углом в рукоятку. Это заставляет вспомнить целую серию карасукских «коленчатых» ножей, у которых также клинок, хотя и отлит вместе с рукояткой, но еще сохраняет вид вставленной в нее отдельной бронзовой пластины [86]. Другой нож из Синцзяна, плоский, с углублением вдоль рукоятки (рис. 8, *55*), совершенно аналогичен ножам, характерным для так называемого Казахстанского очага бронзовой культуры карасукского времени (конец II и нач. I тыс. до н. э.) [87]. К этому нужно прибавить находки в каменных ящиках Гирина и Ляонина, а также Внутренней Монголии, где в их инвентаре находятся вещи и карасукские, и ти-

---

[83] Этот кельт почти полностью совпадает по форме и орнаментации с кельтом минусинско-сеймин-ского типа, найденным у с. Калы, б. Минусинского у. Хранится в музее Томского университета, № 3150. См. G. Merchart. Bronsezeit am Jenissei. Wien, 1926, стр. 59, рис. 31.

[84] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 228, табл. XXXIII, 1.

[85] С. В. Киселев. Монголия в древности, стр. 365.

[86] Этот вид карасукских ножей сейчас исследует моя ученица, сотрудник Комитета наук МНР Новгородова. Она же обратила внимание на то, что подобное крепление медного клинка в костяной рукоятке имело место еще в глазковской культуре Прибайкалья. (Ср. А. П. Окладников. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1958, № 1, стр. 255, рис. 7).

[87] Оба ножа только что опубликованы; см. Вэнь у, 1960, № 6, стр. 7, рис. 1 и 2.

пичные для так называемых плиточных могил Забайкалья VII—V вв. до н. э. (рис. 9, *17—22, 24*).

Но, конечно, наряду с этими формами, свидетельствующими о постоянстве связей древнего Китая с Сибирью и Средней Азией, на первом месте стоят изделия литейщиков «Весны и Осени», показывающие оригинальнейшее развитие собственно китайских форм. В нижнем ряду рис. 8 дан ряд таких образцов. Я обращу внимание лишь на некоторые. Копья и стрелы, безусловно, являются в большинстве своем продолжением развития шанских прототипов (рис. 8, *40, 42—44, 49, 60, 61*). Совершенно оригинальны мечи «Весны и Осени». Ранние из них очень просты (рис. 8, *50*), а более поздние приобретают характерный древнекитайский вид (рис. 8, *52*). Столь же оригинальны и различные виды древнейших китайских монет этого времени, из которых я демонстрирую только один, в виде мотыги (рис. 8, *57*).

Единство и преемственность древнекитайской культуры и ее неуклонное расширение по территории современного Китая особенно ярко можно проследить по керамике времени Чжоу. Однако это особая тема, требующая специального изучения по тем огромным материалам, которые хранятся в музеях и других древлехранилищах Китайской Народной Республики. Но и приведенные здесь материалы, собранные мною благодаря неизменному содействию китайских ученых, убедительно показывают это единство и преемственность культуры, спаявшей огромную территорию, а также те связи, которые издревле развивались между Китаем и соседними странами. Эти связи взаимно обогащали их высшими достижениями техники и культуры и содействовали тому подъему, который был достигнут в раннем железном веке в Китае, Средней Азии, в Южной Сибири и в Центральной Азии.

С. В. Киселев

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1960 г.

Статьи

	№№	стр.
К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина	2	3
З. А. Абрамова. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы	3	6
М. Х. Алешковский. Курганы русских дружинников XI—XII вв.	1	70
С. С. Березанская. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине	4	26
Г. К. Вагнер. К изучению рельефов Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском	1	120
Б. Л. Воронина. Доисламские культовые сооружения Средней Азии	2	42
И. В. Дайга. К вопросу о литейных формах и литейном деле на территории Латвии	3	78
В. П. Даркевич Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси	4	56
Л. А. Ельницкий. Из истории древнескифских культов	4	46
Л. П. Ефименко. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья	4	14
Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан (К вопросу о датировке памятника)	3	29
П. П. Кипарисова О культурах лесного Зауралья	2	7
Д. А. Крайнов. К столетию со дня рождения В. А. Городцова	1	190
Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности	3	93
М. И. Максимова. О дате Артюховского кургана	3	46
А. Ф. Медведев. Древнерусские писала X—XV вв.	2	63
Н. Я. Мерперт. О семилетнем плане ИА АН СССР	1	3
Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов. Археология и некоторые вопросы почвоведения	4	3
Н. Д. Мец. Ярославские князья по нумизматическим данным	3	121
А. М. Негруль. Археологические находки семян винограда	1	111
Н. А. Онайко. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья	2	25
Т. Б. Попова. К вопросу о многоваликовой керамике	4	42
П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества	2	50
И. П. Русанова. Территория древлян по археологическим данным	1	63
С. П. Толстов, М. А. Итина. Проблемы суярганской культуры	1	14
П. Н. Третьяков. Локальные группы верхнеднепровских городищ и зарубинецкая культура	1	36
В. В. Седов. Кривичи	1	47
И. Р. Селимханов. К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа	2	89
Я. А. Федоров. Некоторые вопросы этногенеза народов Дагестана в свете данных археологии	3	17
В. И. Цехмистренко. Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров	3	59
Ю. Л. Щапова. О применении качественного спектрального анализа стекла при изучении истории стеклоделия древней Руси	1	91
К 75-летию А. Я. Брюсова	3	3

Публикации

А. В. Арциховский. Новые новгородские грамоты	1	230
В. Д. Блаватский. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.	2	168
Л. В. Ванкина. Новейшие находки эпохи бронзы на территории Латвийской ССР	3	153
А. Д. Варганов. Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора XI—XIII вв.	4	143
Н. Н. Гурина. Новые мезолитические памятники лесной полосы Европейской части СССР	1	125
А. М. Ефимова. Клад ювелирных изделий волжских болгар	3	195
Ф. М. Заверняев. Селища бассейна р. Судость	3	180
А. Э. Зариня. Виллайне латгалов VII—XIII вв.	3	203
П. О. Карышковский. О монетах с надписью EMINAKO	1	179
В. В. Косточкин. Новые данные о крепости Копорье	3	262
К. Х. Кушнарева. Тазакендский могильник в Армении	1	137
И. И. Кушнир. О культурном слое Новгорода	3	217
В. П. Левенок. Надгробия князей Трубецких	1	245
П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы и Волошинские городища	3	162
Н. П. Лихачев. Печати Пскова	3	225
Г. А. Максименков. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов	1	148
Н. Д. Мец. Сребреники из с. Митьковки	1	205
Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол	2	193

А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан 2 139
Н. Н. Погребова. Пересадовское поселение на Ингуле 4 76
Р. К. Римантене. Стоянка каменного и бронзового веков Самантонис . . . 2 115
В. И. Сарианиди. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау 3 141
В. М. Скуднова. Родосская керамика с о. Березани 2 153
Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулор-Тепе в 1956—1957 гг. 4 113
Н. М. Суслов. Московская эмаль XVII в. 2 208
Б. В. Техов. Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли 1 163
М. А. Тиханова. Ласковский клад 1 196
Г. А. Федоров-Давыдов. Болгарское городище-святилище X—XI вв. 4 122
А. А. Формозов, А. Д. Столяр. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае 2 103
Д. А. Халилов. Поселение на холме Сары-Тепе 4 68
О. Х. Халпахчьян. Средневековые бани Армении 1 215
Р. В. Чубарова. Неолитические стоянки на о. Итурупе 2 128
Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Себастополиса . 3 171
В. Л. Янин. Вислые печати Пскова 3 236
И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском 4 91

Заметки

Д. А. Авдусин. Многоцветные поливные ручки ножей из Смоленска 1 281
Е. П. Алексеева. Находки эпохи поздней бронзы в Карачаево-Черкесской Автономной области 2 236
М. А. Безбородов, А. Л. Якобсон. Химическое исследование средневековых стекол из Байлакана 4 194
Г. Д. Белов. Шиферная икона из Херсонеса 2 257
А. В. Бодянский. Археологические находки в Днепровском Надпорожье . 1 274
В. В. Борисова. Камея с изображением сатира и менады 1 272
А. Я. Брюсов. Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской области . . 3 277
Г. К. Вагнер. О первоначальной форме композиции «Семь спящих отроков» на фасаде Георгиевского собора г. Юрьева-Польского 2 263
А. А. Величко, В. А. Падин, Р. В. Федорова. О комплексном изучении Арельского поселения на р. Десне 2 241
В. Б. Вилинбахов. К истории огневого оружия в древней Руси 1 284
В. Б. Виноградов. Египетские предметы из сарматского погребения близ г. Грозного 3 309
В. В. Волков Э. А. Новгородова. Карасукские привески из Монголии . . 4 155
А. М. Гилевич. Клад монет из округи Страбонова Херсонеса . . . 4 167
Л. А. Голубева. Надпись на корчаге из Белоозера 3 321
Е. А. Давидович. Саманидские монеты Кубы 2 254
О. Д. Дашевская. Четвертая надпись Посидея из Неаполя скифского . 1 261
Н. Н. Дроченина, Б. А. Рыбаков. Берестяная грамота из Витебска 1 282
А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева. Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) 4 196
Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков нашей эры 4 179
Ю. Н. Захарук. Глиняный амулет из с. Кошиловцы 2 229
А. Н. Зелинский. Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа 3 296
Ю. М. Золотов. Каменный крест XVII в. со станции Жилево 3 333
Ф. И. Иванов. Ранненеолитическая стоянка близ г. Калинина 2 220
О. Ш. Исмизаде. Налепное изображение головы человека из Мильской степи 4 160
Л. Н. Казаманова. Персидский сикл с афинской надчеканкой 4 165
П. О. Карышковский. Заметки о монетах Ольвии 3 301
С. В. Киселев. О древней черепице в музеях Китайской Народной Республики 3 311
Н. И. Леонов. Мавзолей X в. в Зеравшанской долине 4 186
Е. К. Максимов. Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье . 4 190
М. А. Наливкина. Мраморный светильник из Тиритаки 1 268
И. Г. Нариманов. Находка баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане . . 4 162
Р. В. Николаев. Археологические находки на севере Красноярского края . . 1 254
К. Л. Оганесян. Раскопки урартского города Эребуни 3 289
А. П. Окладников, Э. В. Шавкунов. Погребение эпохи бронзы на р. Майхэ в Приморье 3 282
С. Н. Орлов. О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжением в Старой Ладоге 2 251
В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска . 3 317
Б. П. Полевой. О местонахождении Ачанского городка 3 328
Г. А. Пугаченкова. Ак-Астана-Баба 3 323
Р. Л. Розенфельдт. О конструкции и назначении некоторых железных изделий . 2 276
А. Г. Сальников. Золотые монеты Лисимаха из собрания Одесского археологического музея 4 171

Б. Я. Ставиский. Самаркандские чернильные приборы IX—X вв. в собрании Эрмитажа 1 278
Э. А. Сымонович, К. В. Голенко. Монеты из некрополя Неаполя скифского . 1 265
В. А. Филипченко, Ю. В. Курочкин. Кремневые орудия с острова Кулалы . . 3 272
А. И. Фурманская. Новый эпиграфический памятник из Тиры 4 173
П. П. Хороших. Зооморфные изображения на неолитической керамике из Прибайкалья 2 228
Г. А. Чернов. Уньинская пещерная стоянка в бассейне р. Печоры 2 224
Н. М. Шмаглий. Находки раннескифского времени у с. Трояново под Житомиром 4 152
Б. А. Шрамко. Новые детали устройства раннеславянских жилищ 3 319
А. Н. Щеглов. Терракотовая статуэтка комического актера из Глубокой Пристани 1 257
З. И. Ямпольский. Памятники Кавказской Албании на горе Бешидаг 2 246
В. Л. Янин. О печатях Ратибора 2 270

Дискуссии и обсуждения

Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры 1 289

В помощь учителю и краеведу

О. Н. Бадер. Археологические музейные собрания г. Перми и городов Пермской области 1 301
А. Л. Монгайт. Археология и современность. 4 200
А. Н. Москаленко. О работе студенческих археологических кружков . . . 4 215

Критика и библиография

И. Д. Амусин. Раскопки Хирбет-Кумрана и Айн-Фешхи 2 289
С. Н. Бибиков. Замечания к «Заметкам о трипольской пластике» К. Маевского . 1 316
Т. В. Блаватская. Об анапском амулете 4 235
М. П. Грязнов. По поводу одной рецензии 4 236
А. Я. Гуревич. Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики . . . 4 218
Л. А. Ельницкий. Из литературы по археологии Малой Азии 3 336
Р. В. Кинжалов. H. J. Spinden. Maya Art and Civilisation 3 353
Б. А. Литвинский. Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане 3 345
С. Я. Лурье. Еще об амулете из Горгиппии 4 234
В. И. Марковин. Изучение культуры племен Северного Кавказа эпохи бронзы . 2 280
В. М. Массон. W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley, West Pakistan .3 348
С. И. Руденко. Древнее искусство Алтая 1 312
Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин. По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энговатова 4 239
А. И. Тереножкин. І. Г. Шовкопляс. Археологічні дослідження на Україні (1917—1957) 1 307
Д. Б. Шелов. Боспорские города, II, МИА, № 85 . . . . . 2 285

Хроника

С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая 4 244
Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования Института археологии АН СССР в 1959 г. 2 301
Л. Е. О находке древнегреческих скульптур в Пирее в 1959 г. 4 242

Некрологи

М. Ф. Болтенко 1 323
И. Н. Бороздин 2 313
В. Н. Дьяков 1 324
Н. Ф. Калинин 2 315
И. М. Лосева 1 321
А. Л. Лукин 1 322
Л. А. Мацулевич 3 354
Б. А. Огнев 2 316
Н. Н. Погребова 3 357
Я. В. Станкевич 2 317
А. Д. Чиварзин 3 356

Письмо в редакцию 1 320
Письмо в редакцию 4 241

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ — М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб. 1913—1914
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АП — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВРОИДР — Вестник Русского общества истории и древностей российских
ВУАН — Вестник Украинской Академии наук
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ДАН Аз. ССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ДБК — Древности Боспора Киммерийского
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИОАИЭ — Известия Общества археологии истории и этнографии
ИОИФ — Известия Отделения истории и философии АН СССР
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КС — Каогу сюэбао (Археологический бюллетень Академии наук Китая)
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Украинской ССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КТ — Каогу тунсинь (Краткие сообщения Ин-та археологии Академии наук Китая)
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАПП — Матеріали з археології Північного Причорномор'я
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНР — Монгольская Народная Республика
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ООИД — Одесское общество истории и древностей
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТОАМ — Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира Государственного Эрмитажа
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. ОЛЕАЭ — Труды Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
Тр. СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научных институтов общественных наук
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ИВАН — Ученые записки Института востоковедения АН СССР
Уч. зап. ЧНИИЯЛИЭ — Ученые записки Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, этнографии
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЭВ — Эпиграфика Востока
AM — Archäologische Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquties
IG — Inscriptiones Graecae
IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
NK — Nordisk kultur
PEQ — Palestine Exploration Quarterly
RA — Révue archéologique
PE — Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft
SCIV — Studii şi Cercetări de Istorie Veche
SMA — Stavanger Museum Árbok
SMIA — Suomen Muinausmuisto — Indistyksen Aikakauskirja

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов (Москва). Археология и некоторые вопросы почвоведения 3
П. П. Ефименко (Ленинград). Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья 14
С. С. Березанская (Киев). Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине 26
Т. Б. Попова (Москва). К вопросу о многоваликовой керамике 42
Л. А. Ельницкий (Москва). Из истории древнескифских культов 46
В. П. Даркевич (Москва). Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси 56

Публикации

Д. А. Халилов (Баку). Поселение на холме Сары-Тепе . . . 68
И. Н. Погребова (Москва). Пересадовское поселение на Ингуле 76
И. В. Яценко (Москва). Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском 91
Б. Я. Ставиский (Ленинград). Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956—1957 гг. 113
Г. А. Федоров-Давыдов (Москва). Болгарское городище-святилище X—XI вв. 122
А. Д. Варганов (Владимир). Новые данные по архитектурной истории Суздальского собора XI—XIII вв. 143

Заметки

Н. М. Шмаглий (Киев). Находки раннескифского времени у с. Трояново под Житомиром 152
В. В. Волков, Э. А. Новгородова (Улан-Батор). Карасукские привески из Монголии 155
О. Ш. Исмизаде (Баку). Налепное изображение головы человека из Мильской степи 160
И. Г. Нариманов (Баку). Находка баз колонн V—IV вв. до н. э. в Азербайджане 162
Л. Н. Казаманова (Москва). Персидский сикл с афинской надчеканкой . . . 165
А. М. Гилевич (Севастополь). Клад монет из округи Страбонова Херсонеса 167
А. Г. Сальников (Одесса). Золотые монеты Лисимаха из собрания Одесского археологического музея 171
А. И. Фурманская (Киев). Новый эпиграфический памятник из Тиры . 173
Ф. М. Заверняев (Почеп). Почепское селище первых веков нашей эры 179
Н. И. Леонов (Самарканд). Мавзолей X в. в Зеравшанской долине . . . 186
Е. К. Максимов (Саратов). Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье 190
М. А. Безбородов (Минск), **А. Л. Якобсон** (Ленинград). Химическое исследование средневековых стекол из Байлакана 194
А. Ф. Дубынин, Д. А. Соболева (Москва). Надгробие Никиты Ширяева из Зарядья (XVII в.) 196

В помощь учителю и краеведу

А. Л. Монгайт (Москва). Археология и современность 200
А. Н. Москаленко (Воронеж). О работе студенческих археологических кружков 215

Критика и библиография

А. Я. Гуревич (Москва). Некоторые вопросы социально-экономического развития Норвегии в I тысячелетии н. э. в свете данных археологии и топонимики 218
С. Я. Лурье (Львов). Еще об амулете из Горгиппии 234
Т. В. Блаватская (Москва). Об анапском амулете 235
М. П. Грязнов (Ленинград). По поводу одной рецензии 236
Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин (Москва). По поводу так называемых «открытий» Н. В. Энговатова 239
Письмо в редакцию 241

Хроника

Л. Е. О находке древнегреческих скульптур в Пирее в 1959 г. 242
С. В. Киселев (Москва). Неолит и бронзовый век Китая 244
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1960 г. 267

SOMMAIRE

Articles

N. J. Merpert, A. P. Smirnov (Moscou): L'archéologie et certaines questions de pédologie. 3
P. P. Efimenko (Léningrad): Eléments asiatiques antérieurs dans les monuments du paléolithyque postérieur sur la côte nord de Mer Noire 14
S. S. Bérézanskaya (Kiev): Sur une variante de la civilisation de catacombes 26
T. B. Popova (Moscou): Réponse à S. S. Bérézanskaya 42
L. A. Elnitsky (Moscou): De l'histoire des cultes des premiers Scythes. . . . 46
V. P. Darkevitch (Moscou): Symboles d'astres célestes dans l'ornement de la Russie ancienne. 56

Publications

D. A. Khalilov (Bakou): Etablissement sur la colline Sary-tépé . . 58
N. N. Pogrebova (Moscou): Campement de Pérésadovo sur l'Ingoul. 76
I. V. Yatsenko (Moscou): Peinture murale décorative sur un édifice de Neapole des Scythes. 91
B. J. Stavisky (Léningrad): Fouilles de Kouldor-tépé en 1956—1957 113
G. A. Fédorov-Davydov (Moscou): Vestiges d'un sanctuaire bolgare des X-e—XI-e siècles. 122
A. D. Varganov (Vladimir): Nouvelles données sur l'histoire architecturale de la cathédrale de Souzdal, XI-e—XIII-e siècles. 143

Notices

N. M. Chmagly (Kiev): Trouvailles du temps des premiers Scythes au village de Troyanovo près Jitomir. 152
V. V. Volkov, E. A. Novgorodova (Oulan-Bator): Pendentifs de Karasouk de Mongolie. 155
O. Ch. Ismizadé (Bakou): Modelages de tête d'homme de la steppe de Milsk. . 160
I. G. Narimanov (Bakou): Trouvaille de fûts de colonnes des V-e—VI-e siècles av. n. ère en Azerbaidjan. 162
L. N. Kazamanova (Moscou). Un sicle persan avec une marque athénienne . . 165
A. M. Guilevitch (Sébastopol): Trésor de monnaies du district de Chersonèse de Strabon. 167
A. G. Salnikov (Odessa): Les statères d'or de Lysimachos 171
A. I. Fourmanskaya (Kiev): Nouveau monument épigraphique de Tyras . . . 173
F. M. Zaverniaev (Potchep): Etablissement des premiers siècles de notre ère dans la région de Briansk. 179
N. I. Léonov (Samarkand): Nouveau monument architectural en Asie centrale 186
E. K. Maximov (Saratov): Trouvaille d'un casque de la Russie ancienne dans la région d'outre Volga de Saratov. 190
M. A. Bezborodov (Minsk), **A. L. Jacobson** (Léningrad): Recherches chimiques sur la verrerie moyenâgeuse de Baïlakhan. 194
A. F. Doubynine, D. A. Soboleva (Moscou): Pierre tombale de Nikita Chiriaev de Zariadie (XVII-e siècle). 196

Pour aider les enseignants et les archéologues régionaux

A. L. Mongait (Moscou): L'archéologie et l'époque actuelle 200
A. N. Moskalenko (Voronège): Sur le travail des cercles archéologiques d'étudiants. 215

Critique et Bibliographie

A. J. Gourévitch (Moscou): Quelques questions du développement social et économique de la Norvège au cours du premier millénaire de notre ère à la lumière de données archéologiques et toponymiques. 218
S. J. Lourié (Lvov): Encore sur l'amulette de Gorgyppie. 234
T. V. Blavatskaya (Moscou): Sur la lecture de l'inscription sur l'amulette de Gorgyppie. 235
M. P. Griaznov (Léningrad): A propos d'une critique. 236
B. A. Rybakov, V. L. Yanine (Moscou): A propos des soidisantes «découvertes» de N. V. Engovatov. 239
Lettre à la rédaction 241

Chronique

L. E.: Sur la trouvaille de sculptures grecques anciennes au Pirée en 1959 . . . 242
S. V. Kiselev: Néolithe et bronze de Chine (musées de la République Populaire de Chine). 244
Index des articles publiés dans la revue «Sovetskaïa archéologuia» au cours de l'année 1960 267

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Вышла из печати книга Е. И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» — 38 печ. л. Монография (из 10 глав) является первым обобщающим трудом, подытоживающим более чем вековой опыт изучения древних культур Северного Кавказа I тысячелетия до н. э. Уточнены вопросы происхождения и размежевания на Кавказе древних культурных и этнических общностей; при этом выделены локальные варианты, отражающие этнографические черты племенных групп населения.

Широко показаны межплеменные и международные связи населения Кавказа с племенами и народами Юго-Восточной Европы (особенно со скифами и савроматами), с Закавказьем, с Передней Азией и даже со странами Ближнего Востока. Древняя история Северного Кавказа представлена в органической связи с основными событиями нашей отечественной истории. Дано освещение духовной культуры и первобытной идеологии местного населения. Охарактеризован высокий уровень развития прикладного искусства и прослежено зарождение основ знаменитого нартского эпоса. Показана роль кобанской и других культур в культуре и этногенезе современных этнических массивов Северного Кавказа.

Книга рассчитана на историков, искусствоведов, лингвистов, работников вузов и музеев, студентов и на широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой народов юга СССР и Кавказа.